

SLAVICA REVALENSIA

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И. З. Белобровцева (Таллинн)

Н. А. Богомолов (Москва)

Майкл Вахтель (Принстон)

С. И. Гиндин (Москва)

А. А. Гиппиус (Москва)

Петер Гржибек (Грац)

Димитр Кенанов (Велико-Тырново)

И. П. Кюльмоя (Тарту)

Г. А. Левинтон (С.-Петербург)

М. Ю. Лотман (Таллинн / Тарту)

Н. Г. Охотин (С.-Петербург)

Е. А. Погосян (Эдмонтон)

Ф. Б. Поляков (Вена)

Эндрю Рейнольдс (Мэдисон)

Е. Н. Ремчукова (Москва)

Т. В. Скулачева (Москва)

Л. С. Флейшман (Стэнфорд)

Т. В. Цивьян (Москва)

Таллиннский университет

SLAVICA REVALENSIA

X

Издательство Таллиннского университета
Таллинн 2023

PERIODICA Universitatis Tallinnensis

Slavica Revalensia. Vol. X

Редактор: Григорий Утгоф

Составители второй части раздела «Исследования и материалы»
(«К восьмидесятилетию Габриэля Гавриловича Суперфина»):
Александр Осповат, Никита Охотин, Роман Тименчик

Технический редактор: Анна Симагина
Корректоры: Дарья Дорвинг, Ольга Мёд

В оформлении обложки использована картина
Конрада Мяги „Сагri“ (1922–1923). Таллинн.
Художественный музей Эстонии (KUMU)

Авторское право © Авторы статей, 2023
Авторское право © Издательство Таллиннского университета, 2023

ISSN 2346-5824 (print)
ISSN 2504-7531 (online)

TLÜ Kirjastus
Narva mnt 25
10120 Tallinn
www.tlupress.ee

Отпечатано в типографии Grano Digital

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

I

О. А. Ларионов (Оксфорд). А. М. Кутузов в 1790 году: Чтение, авторство, публичность	11
Г. В. Обатнин (Хельсинки). Спин-офф одного комментария: Речь Н. В. Недоброво	37
А. Б. Блюмбаум (С.-Петербург). Контуры одной традиции: «Ариец», «семит» и природа (Вокруг полемики Александра Блока и Акима Волынского об иудаизме Гейне)	48
А. Б. Устинов (Сан-Франциско). Стихотворение с загадочным посвящением, или Даниил Хармс смотрит Чарли Чаплина	116
М. Г. Сальман (С.-Петербург). О времени выхода в свет отдельного издания «Охранной грамоты» Бориса Пастернака	153
В. В. Зельченко (Ереван). В сторону Тулы: Заметки и дополнения к новому изданию романа Андрея Николева	176
Г. А. Морев (Берлин / Париж). Об одном гетевском подтексте у Егунова и Кузмина (Примечание к статье В. В. Зельченко)	190
Т. А. Пахарева (Киев). Неоконченное стихотворение Анны Ахматовой «Из завещания Васильки»: Претекст и контекст	194

II

К ВОСЬМИДЕСЯТИЛЕТИЮ ГАБРИЭЛЯ ГАВРИЛОВИЧА СУПЕРФИНА

От составителей	207
А. Л. Осповат (Москва / Лос-Анджелес). Из материалов для комментария к «Капитанской дочке» (26–42)	209
А. Л. Соболев (Москва / Иерусалим). Русская литературная собака (Материалы к биографическому словарю)	237
Р. Д. Тименчик (Иерусалим). Об академическом комментарии к поэзии модернизма (Случай Ахматовой)	275
А. В. Лавров (С.-Петербург). «Интеллигент» – одна из волошинских «личин»	347
А. А. Долинин (Мэдисон / С.-Петербург). «Мачеха российских городов»: Берлин 1920-х годов глазами русских писателей	359
И. З. Белобровцева (Таллинн). Булгаковский след в Балтии 1920–1930-х годов	405
Ф. Б. Поляков (Вена). Фрагмент из рыцарского романа «Парциваль» Вольфрама фон Эшенбаха в переводе Эллиса (Льва Кобылинского)	419
Г. А. Левинтон (С.-Петербург). Маргиналии к Маршаку	446
Г. В. Лапина (Мэдисон / С.-Петербург). Заславский vs Аткинсон: Из истории холодной войны	472
Б. А. Равдин (Рига). Справка (К вопросу об источниковедении и некоторых других вопросах)	499

КРИТИКА

Е. А. Лямина (Москва). Дело страстей. Рец. на кн.:
Велижев М. Чаадаевское дело: Идеология, риторика
и государственная власть в николаевской России.
М.: Новое литературное обозрение, 2022..... 511

В. В. Гущин (Нью-Йорк), **С. Д. Халтурин** (Тарту).
Graduate Student Conference in Russian Language
and Literatures (Helsinki–Tallinn–Tartu)..... 519

IN MEMORIAM

«Ничто-ничто не пропадает...»:
Михаил Владимирович Безродный
(16 февраля 1957 – 18 ноября 2023)
Юрий Левинг (Принстон)..... 533

Abstracts..... 545
Kokkuvõtted 555

Авторы этого выпуска..... 564
Авторам будущих выпусков..... 572

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

I

А. М. КУТУЗОВ В 1790 ГОДУ: ЧТЕНИЕ, АВТОРСТВО, ПУБЛИЧНОСТЬ¹

О. А. Ларионов

(Оксфорд)

Алексей Михайлович очень скучает в Берлине.

М. А. Кузмин. Подземные ручьи

Алексей Михайлович Кутузов (1746 или 1747–1797), масон, переводчик, ближайший друг А. Н. Радищева и наставник юного Н. М. Карамзина, – видная фигура в культурной истории России последней трети XVIII в. (см.: Кочеткова 1999: 174–177). Едва ли не важнейшее место в его наследии занимает обширная переписка с братьями-масонами и друзьями, которую он вел из Берлина, посланный туда в 1787 г. по делам ордена розенкрейцеров (см.: Барсков 1915). Этот эпистолярный корпус по большей части относится к 1790–1792 гг., периоду, когда московское масонство с его претензиями на интеллектуальную независимость, налетом политической оппозиционности и изоощренными практиками чтения и письма вызывало все большие подозрения со стороны властей, перлюстрировавших масонские письма, и лично Екатерины II, в конечном счете перешедшей от публичной литературной полемики со своими подданными к репрессивным мерам, утверждавшим ее абсолютный суверенитет над их умами и душами (см.: Зорин 2016: 102–138). Атмосфера вокруг масонов сгущалась на фоне событий Французской революции и процесса Радищева, остро поставивших вопрос о возможностях и пределах публичной политической речи. Осуждая какую-либо печатную критику верховной власти, московские масоны постоянно демонстрировали в своих письмах лояльность императрице, однако это не спасло их

¹ Пользуясь возможностью, хочу поблагодарить А. А. Костина за уроки истории чтения и Меланию Калинину – за разговоры с отсутствующим.

от гонений, положивших конец дружеским связям и обязательствам этого сообщества (см.: Фреде 2016: 323–339).

Кутузов находился в самом средоточии этих пересекающихся обстоятельств и контекстов: именно ему Радищев посвятил «Путешествие из Петербурга в Москву» в 1790 г., и именно он после разгрома масонства в 1792 г. лишился поддержки друзей, средств к существованию и возможности вернуться на родину. Его трагическая судьба оказалась тесно переплетена с не менее драматичной историей формирования российской публичной сферы. В конце 1790 г., когда жизнь Кутузова уже существенно осложнилась из-за негативного отношения Екатерины к масонской деятельности, в том числе издательской, и гневной реакции на книгу Радищева, он узнает, что еще один человек из его ближайшего окружения, вернувшийся из европейского путешествия Карамзин, собирается выйти на свет публичности и издавать журнал. Серия относящихся к этому времени эпистолярных свидетельств позволяет реконструировать эмоциональный и читательский опыт Кутузова, а также его представления об авторстве и печатной культуре, выявившиеся и кристаллизовавшиеся в переживании и обсуждении этих новостей. Отправной точкой для нас послужит написанный 17/28 декабря 1790 г. ответ Кутузова на неясную для него записку Карамзина.

1.

Любезный мой друг! Благодарю тебя за твое приписание, показывающее мне, что ты не забыл еще человека, искренно и без всяких интересов любящего тебя. Признаюсь, что восемь начертанных тобою строк суть для меня истинная загадка.

Сколько ни ломаю мою голову, не могу добраться до истинного смысла. Или ты почти ничего не сказал, или сказал очень много для чувствительного моего сердца. Ты открыл мне пространное поле для изощрения силы моего воображения, но к чему сие послужит? Я буду разсуждать о неизвестном и, следовательно, говорить, не знаю, с кем. To say more to a man, than one thinks with a prospect of interest, is dishonest; and without it – foolish. Так говорит

англинской писатель и я, соглашаясь с ним, умолкаю. Впрочем, опасно связываться с вашею братиею, авторами, тотчас попадешь в лабет. Я и сам знаю многие мои пороки и недостатки; что-ж будет, ежели они предложатся публике, изображенные искусною кистью? Нет, нет, не хочу с тобою ссориться. Оставя шутки, я тебя не понимаю, говори со мною яснее, ты знаешь, что я несколько туп. Однако-ж, как ты о мне ни думаешь, но знай, что я любил и люблю тебя искренно и желаю тебе истинных благ. При издании твоего журнала, щадя твоего друга, помни изречение аглинскаго же писателя: *There are four good Mothers, of whom are often born four unhappy Daughters, Truth begets hatred, Happiness pride, Security Danger, and Familiarity contempt*. Прости, любезный друг, ожидаю с нетерпением, что ты мне скажешь (Барсков 1915: 55).

Узнав о планах Карамзина по изданию «Московского журнала», Кутузов беспокоится, что его имя и какие-то сведения о его жизни в очередной раз «предложатся публике», попадут в печать, привлекая нежелательное внимание к его и так находящейся под подозрением личности (ср.: Лотман 1987: 73–74). Свои опасения он оформляет при помощи двух цитат, восходящих, как можно установить, к одному и тому же источнику – знаменитому английскому журналу *Guardian* («Опекун», 1713). Наряду с *Tatler* («Болтун», 1709–1711) и *Spectator* («Зритель», 1711–1712), другими периодическими изданиями Дж. Аддисона и Р. Стиля, *Guardian* являлся одним из важнейших образцов английской моральной журналистики, которая была ключевым медиа ранней публичной сферы (см.: Nabernas 1989: 42–43) и переиздавалась, читалась, переводилась и имитировалась на протяжении всего XVIII в., в том числе и в России (см.: Левин 1967: 3–109).

Первая из цитируемых Кутузовым сентенций была взята из № 4 от 16 марта. Составившее этот номер эссе, которое написал А. Поуп (см.: *Guardian* 1982: 575, 608), обращалось к проблеме литературных посвящений. Критикуя обыкновенную неискренность ластивых похвал адресатам посвящений, Поуп заключал: «Говорить человеку больше, чем думаешь, с расчетом на выгоду – бесчестно;

без расчета – глупо» (Там же: 51). Используя эту фразу в своем письме, Кутузов вырвал ее из контекста и приложил к совсем иной ситуации эпистолярной коммуникации между ним и Карамзиным. Тем не менее можно предположить, что внимание Кутузова было привлечено именно общим содержанием этого номера *Guardian*, резонировавшим с его собственными мыслями и опытом. Еще в 1782 г., посвящая один из своих переводов Е. И. Голенищевой-Кутузовой, он, как и Поуп, порицал «в прахе ползающих льстецов, почитающих не человека, но знатное состояние его» и писал: «не имею нужды превозносить похвалами особу мне незнаемую. Для собственного удовольствия переводил я книгу сию, для него же и подношу оную вам» (цит. по: Кочеткова 2002: 272).

С тех пор Кутузов сам стал адресатом двух посвящений – «Жития Федора Васильевича Ушакова» (1789) и, как уже говорилось, «Путешествия из Петербурга в Москву» (1790) Радищева. За одиннадцать дней до письма Карамзину, 6/17 декабря, Кутузов написал письмо Голенищевой-Кутузовой, в котором рассказывал о своей дружбе с Радищевым, о том, как «вздумалось ему сделаться автором» (Барсков 1915: 65), и о последовавших за этим несчастьях. В частности, он сообщил о своей прошлогодней эпистолярной реакции на посвящение ему «Жития...»: в письме Радищеву он процитировал фрагмент об опасности говорения истины царю из «Илиады» в переводе Поупа и, сколько можно судить, высказал мнение, что книгу следовало посвящать не ему, а влиятельному патрону, способному защитить дерзкого автора (см.: Костин 2015: 25–26). В этом контексте номер *Guardian* с рассуждениями Поупа о том, что, описывая «самую священную его составляющую, его характер (the most Sacred Part of him, his Character)», следует «заранее» получить на это «разрешение патрона (the Patron's Permission before-hand)» (*Guardian* 1982: 50), должен был читаться Кутузовым с повышенным эмоциональным вовлечением, которым и отмечено письмо Карамзину. В литературных планах младшего друга он опознает для себя общую опасность, исходящую «вашею братиею, авторами» и знакомую ему по радищевским текстам, в «Житие...» которого, рассказывавшем об их общей юности, он

вполне мог увидеть «многие мои пороки и недостатки», «изображенные искусною кистью». Текст английского журнала предоставил Кутузову символические ресурсы для переживания и концептуализации, в актах чтения и цитирования, реального и потенциального опыта непрощеной объективации собственного существования в публичном печатном слове с непредсказуемыми последствиями.

Вторым афоризмом, приводимым Кутузовым, заканчивается № 6 от 18 марта, в котором рассказывалось о мужских представителях вымышленного семейства Лизардов, введенного в качестве рамки для организации материалов журнала (см.: Там же: 5–8). В исходном контексте это высказывание (в переводе перлюстратора: «Четыре хороших матери производят на свет часто четырех несчастных дочерей; истина нарождает ненависть, счастье – спесь, беспечность – опасность и вольное обхождение – презрение». – Товарищи 1896: 333; ср.: Барсков 1915: 298; Лотман 1987: 73) цитировалось как руководящий принцип основателя рода (см.: *Guardian* 1982: 59), так что Кутузову оставалось только применить уже готовое абстрактное моральное суждение о дурных следствиях благих намерений к конкретному случаю карамзинского начинания. Тот факт, что в одном письме Кутузов цитирует два номера *Guardian*, позволяет предположить, что в это время он занимался сквозным чтением журнала (возможно, используя недавно вышедшее значимое переиздание 1789 г.; см.: Там же: 16–17). Эта догадка подтверждается письмом, написанным на следующий день, 18/29 декабря 1790 г.², И. В. Лопухину.

2.

Мы будем покойны, уверены будучи в нашей совести, что мы гораздо лучшие граждане, нежели те, которые над нами смеются; в противном случае не было бы им времени заниматься сими шутками и изображениями новомодного баснословия. Говоря

² Возможно, письмо было написано чуть раньше, 12/23 декабря, как датирована другая его копия (см.: Барсков 1915: 298).

о сих людях, не могу воздержаться, чтобы не сообщить тебе читанного мною на сих днях и весьма меня поразившего, ибо ясно изображает свойства и состояние так называемых вольнодумцев. Для лучшего уразумения надобно знать, что автор изобрел прием, посредством которого проник он в умы других людей и видел там происходящее.

Первого на десять октября, заперши мое тело в моем кабинете, перенесся я в кофейный дом, где, нашед одного знатного вольнодумца, вступил в его [п]инеальную glandулу и шел в самую высочайшую часть оная, где бывает обыкновенно жилище «разума», ожидая найти тут обширное познание о всех вещах, как человеческих, так и божественных; но, к немалому моему удивлению, нашел сие место гораздо теснейшим, нежели они бывают обыкновенно, так что не могли в нем поместиться ни чудеса, ни пророчества, ниже вдохновение духа (Барсков 1915: 60–61).

Следующий далее текст представляет собой развернутую аллегорию, изображающую душу вольнодумца как пространство, в котором взаимодействуют персонифицированные идеи и страсти (см.: Там же: 61–62). Источником этого «читанного» Кутузовым «на сих днях» описания вновь выступил *Guardian*, на этот раз – письмо из № 39 от 25 апреля (см.: *Guardian* 1982: 156–158). Это сочинение атрибутируется Дж. Беркли (см.: Там же: 639), другое из журнальных эссе которого, № 126 от 5 августа, появилось в русском переводе еще в 1762 г. (см.: Левин 1967: 32, 88). Поясняя для Лопухина фикциональную конструкцию сообщаемого текста, Кутузов перифразирует вводные слова номера (“the Faculty of entering into other Mens Thoughts”, “by the help of that Invention”. – *Guardian* 1982: 156), после чего следует сам перевод, в целом очень близкий к оригиналу³.

Придавая тексту Беркли более универсальный и пригодный для приспособления под собственные нужды смысл, Кутузов исключает из первого предложения упоминание года (1712) и название «кофейного дома» (*Grecian*), а также вообще не переводит

³ Ср. современный перевод, в котором едва ли не больше ошибок и неточностей: Беркли 2000: 287–288.

заключительный пассаж с выпадом против конкретной «вольнотумной» книжной новинки. Явными ошибками выглядят передача *Separate Spirit* ‘отделенный (от тела) дух’ как «вдохновение духа», а также выполненный, видимо, наугад перевод *Comfortless* (о воображении) – «слабым». С другой стороны, в некоторых случаях Кутузову удалось подобрать если и не точные эквиваленты, то смысловые аналоги к вызвавшим затруднение словам: *Racks* ‘дыбы’ стали «застенками», а *Talopoints* ‘талопоины’ превратились в «шаманы». Кроме того, сличение с оригиналом позволяет прояснить некоторые темные места, возникшие, вероятно, в дошедшем до нас тексте Кутузова при копировании письма перлюстратором. Так, вместо бессмысленного словосочетания «Горничные замки» можно предположительно реконструировать *Гарнизонные замка (в оригинале употребляется *garrisoned*). Труднее объяснить появление слов «по многим не нежным признакам» на месте *by sure Signs and Tokens* – может быть, у Кутузова было *надежным признакам. Еще в одном случае (с. 62, строка 12 сверху) неправильно проведена граница предложений: после «народов» должна стоять точка, а со слов «по повелению» – начинаться следующее предложение. Наконец, стоит вспомнить особенность языка Кутузова, описанную Х. Кайпертом на материале его переводов с немецкого: регулярное усиление сравнительной степени прилагательных и наречий за счет введения таких слов, как «весьма» и «гораздо» (см.: Keipert 1981: 237, 239–240). Аналогичная тенденция обнаруживается и в этом переводе с английского: *the highest* – «самую высочайшую», *narrower* – «гораздо теснейшим», *I had not been long here* – «По весьма кратком моем здесь пребывании».

Фигура вольнодумца оказалась общей для социального воображения Беркли и Кутузова, который на этот раз воспользовался словами английского журнала для развенчания отечественных критиков московских масонов. Между тем продолжали его беспокоить и издательские планы Карамзина, о чем свидетельствует письмо кн. Н. Н. Трубецкому от 31 декабря / 11 января 1790/91 г.

3.

Я слышу, что любезный мой Карамзин произвел себя в авторы и издает журнал для просвещения нашего отечества. <...> Я написал-было письмо от неизвестного человека к журналисту, но боюсь, не едко-ли оно, и для того сообщаю вам оное. Поступите с ним, как вам угодно. Вот оно:

Forgive me this my virtue
For in the fatness of these pursy times
Virtue itself of vice must pardon beg,
Yea, curb and woo for leave to do him good.
Shakespeare.

Мне минет скоро двадцать пять лет. В древния времена сей возраст почитали едва-ли не ребячьим (Барсков 1915: 70).

Цитируя показавшееся ему неясным письмо Карамзина от 11 ноября 1790 г. («О себе могу сказать только то, что мне скоро минет уже двадцать пять лет». – Там же: 30) и перифразируя далее карамзинский анонс «Московского журнала» и «Писем русского путешественника», появившийся в «Московских ведомостях» и вызвавший всю анализируемую серию его эмоциональных реакций (поучая Карамзина цитатами из *Guardian*, он писал в тот же день их общей подруге А. И. Плещеевой: «скоропостижное его авторство, равно как план, так его “объявление” поразили меня горестью». – Там же: 58), Кутузов сочиняет сатирическое письмо от имени такого же, как Карамзин, самонадеянного молодого человека, который презирает свое отчество, старину, всякие авторитеты и религию, путешествует по Европе и намеревается просвещать Россию своими многочисленными сочинениями (см.: Там же: 71–73). Обращает на себя внимание форма, выбранная для критики карамзинского намерения, «сняв узду», «рыскать на поле пустяк славы» (Там же: 70). Кутузов мог опираться на русскоязычную традицию изображения щеголей, в том числе в сатирической журналистике (см.: Лотман 1987: 23–24), однако сама жанровая модель письма издателю, которое выставляет в комическом свете его автора,

восходила к английским периодическим изданиям начала XVIII в. В *Guardian*, где эпистолярная форма в целом часто выступала конструктивным принципом построения номеров, Кутузов мог читать, например, явно призванное дискредитировать своего автора письмо в № 38 (см.: *Guardian* 1982: 155), вслед за которым шел переведенный им текст Беркли.

Характерным признаком периодических изданий Аддисона и Стиля были предварявшие номера эпиграфы из античных и, реже, современных авторов (так, эссе Поупа о посвящениях открывалось цитатой из С. Батлера; см.: Там же: 50, 608). Следуя этим образцам, Кутузов предпосылает своей сатире эпиграф из 4-й сцены III-го акта «Гамлета» (см.: *Kotchetkova* 2009: 40). Слова Шекспира используются в качестве поясняющего комментария к следующему далее письму: авторская позиция Кутузова (трудная задача обличения порока во имя добродетели несмотря ни на что), лишь имплицитно, в виде сатирической подсветки, присутствующая в основном тексте, находит прямое выражение в другом модусе чужой речи – эпиграфе. Дополнительно усложняя структуру высказывания и продолжая артикулировать собственные мысли через заимствованные готовые слова, Кутузов вслед за подписью своего сатирического персонажа «Попугай Обезьянин» приводит перекликающийся с ней афоризм, которым и заканчивается весь текст:

Si nous étions des perroquets et des singes, nous serions excusables de parler et d'agir par l'imitation de ce que nous voyons dire et faire aux autres (Барсков 1915: 73).

Перевод:

Если бы мы были попугаями и обезьянами, нам было бы простиительно говорить и действовать в подражание речам и поступкам, которые мы видим у других.

Эта сентенция (только с союзом *ou* 'или' перед *des singes*) обнаруживается в «Апологетическом предисловии» («*Préface Apologétique*») к сочинениям мистической писательницы Антуанетты Буриньон (1616–1680) (см.: *Bourignon* 1717: 6). Автором его был мистик Пьер Пуаре (1646–1719), напечатавший этот текст в 1683 г., а затем

включивший его в первый том полного собрания сочинений Буриньон, вышедшего в 1686 г. и переизданного в 1717 г. (см.: Ваар 2021: 30–31; во всех трех изданиях сохранялся один и тот же набор и пагинация текста). Книги Буриньон и Пуаре входили в круг чтения московского масонства (см.: Барсков 1915: 13, 122, 233, 291, 303), поэтому не удивительно, что Кутузов, намеренно или нет, обличал бездумную подражательность писательских устремлений и взглядов Карамзина при помощи одного из тех «теологических, мистических» (Там же: 73) сочинений, которые отвергались в анонсе «Московского журнала».

Итак, можно утверждать, что в декабре 1790 г. Кутузов читает журнал *Guardian*; следы этого чтения, вычленяемые в письмах, свидетельствуют, что интенсивное взаимодействие с английским текстом осуществляется в тесной связи с острым переживанием важнейших обстоятельств его жизни в этот момент – процесса над ближайшим другом и последствий его авторской активности для положения самого Кутузова, возрастающей угрозы гонений на сообщество, которому им были отданы все силы и средства, резкого расхождения с прежде близким человеком, занявшимся пагубной для себя и других литературной деятельностью. Вопросы литературы, печати, публичности оказываются общим знаменателем чуть ли не всех стоящих перед Кутузовым проблем; при этом критическое отношение к публичному авторству парадоксальным образом сочетается со все большей активизацией собственного письма: от чтения журнала он переходит к цитированию – переводу – созданию оригинального сочинения; мысли раз за разом возвращаются к глубоко задевшим его планам по изданию «Московского журнала». В марте 1791 г. Карамзин наконец-то решает ответить своему старшему другу.

4.

В журнале, который выдаю с января месяца, суть мои пиесы, есть и чужия, но вообще мало такого, что бы для вас могло быть интересно. Все безделки, мелочи и проч., проч. По сие время имею 210 пренумерантов, из которых иные, читая сие собрание безделок,

смеются или улыбаются, иные (NB. на некоторых страницах) *pass the back of their hands across their eyes*, иные зевают, иные равнодушно говорят: что за дрянь! Иные с сердцем кричат: как можно так писать! Иные... но пусть их говорят и делают, что хотят!

Впрочем, любезнейший брат, не бойтесь, чтоб я осмеян был; а если бы и вздумалось кому посмеяться надо мною, то я сказал бы: пусть смеются! Есть-ли за глаза и бить меня станут, то я ни слова не скажу. Вы, конечно, помните, кто это сказал за две тысячи лет перед сим (Барсков 1915: 111).

Ответ Карамзина зеркален по отношению к письму Кутузова: откликаясь на поучение, опиравшееся на авторитет двух моральных сентенций не названного по имени «английского писателя», он самоуверенно пренебрегает любой критикой в свой адрес и тоже использует две анонимные цитаты, словно загадывая своему другу загадку. Первое вкрапление чужой речи, английская фраза ‘проводят задней стороной своих рук по своим глазам’, представляет собой парафраз пассажа из «Сентиментального путешествия» Л. Стерна: “*pass the back of his hand twice across his eyes*” (Sterne 1968: 114). В оригинале эти слова описывали реакцию слуги Йорика Ла Флера на историю Марии из Мулена и были лаконично переданы Карамзиным в его переводе этого популярнейшего эпизода как «утирал глаза рукою» (Мария 1791: 181). Переводы посвященных Марии фрагментов из сочинений Стерна появились в апрельском и майском номерах «Московского журнала» за 1791 г., как раз готовившихся к печати в марте, когда было написано письмо Карамзина. Описывая реакцию части публики на некоторые страницы журнала через отсылку к парадигматическому примеру сентименталистского письма, Карамзин имплицитно указывал на литературную ориентацию своего издания и вшитую в нее модель читательского отклика, рассчитывая, очевидно, что Кутузов (предполагавший, что радищевское «Путешествие...» написано «в виде Иориковом», и напоминавший, «что каждый из нас, по словам Стерна, имеет своего конька, на котором он охотно ездит». – Барсков 1915: 66, 96) узнает источник цитаты и составит более полное представление о характере «Московского журнала».

Второе цитируемое Карамзиным речение восходит к Диогену Лаэртскому и приписывается у него Аристотелю: «Когда ему сказали, что кто-то бранит его заочно, он сказал: “Заочно пусть он хоть бьет меня!”» (Diog. Laert. V, 18; пер. М. Л. Гаспарова); оно также приводится в «Опытах» Монтеня (кн. II, гл. 27: «Трусость – мать жестокости»). Первый русский перевод Диогена Лаэртского печатался в 1778–1779 гг. в журнале «Утренний свет» параллельно с «Ночными размышлениями» Э. Юнга в переводе Кутузова, и в любом случае Карамзин так или иначе имел представление об этом сочинении (см.: Keipert 1984: 281–282). Едва ли можно реконструировать те личные коннотации афоризма Аристотеля, на которые, видимо, намекал Карамзин (совместное чтение, обсуждение или какая-то шутка?); гораздо важнее указать на стоящий за этой отсылкой общий принцип. Два послания, которыми обменялись Кутузов и Карамзин, емко воплощают в себе два фундаментально разных типа письма: укорененное в масонских практиках самодисциплинирования и наставительном чтении, строящееся на цитировании моральных сентенций поучение, дружеское, отчасти шутливое, несколько тяжеловесное, но ясное по намерениям и искреннее – и ироничная, двусмысленная, полная дружеских интимных намеков и летучих полуцитат беглая речь сентиментальной изящной словесности, совершенно ускользающая, непроницаемая и скрывающая свои интенции.

В этом обмене письмами обращает на себя внимание, особенно благодаря рефлексивному обыгрыванию в ответе Карамзина, специфичный способ взаимодействия с прочитанными текстами: вычленение из них цитат, затем включающихся в состав новых высказываний. Эти принципы лежали в основе важнейшей читательской практики раннего Нового времени, оформившейся в среде ренессансных гуманистов, – методе «общих мест»: при чтении в тексте искали выразительные формулировки, броские сентенции, любопытные факты, сильные аргументы, которые выписывались в специальные записные книжки (*commonplace books*), тем или иным способом упорядочивались и затем при надобности извлекались и использовались как каркас или

украшения для построения своего сочинения – подобно тому, как в академическом письме цитаты из источников и работ предшественников связываются в единое целое собственными словами исследователя (см.: Blair 1992: 541–551; Moss 1998: 421–436). Эта стратегия чтения продолжила свое существование и в XVIII в., используя для работы над собой, организации памяти и систематизации своих «понятий», «идей», знаний (см.: Dasome 2004: 603–625). Можно предположить, что Кутузов, человек глубоко книжный и постоянно практиковавший интроспекцию и моральное самодисциплинирование, был так или иначе причастен этому способу чтения. В частности, он мог следовать совету из переведенного им «Наставления отца сыну, которого отправляет он в Академию» Х. Ф. Геллерта: «При чтении твоём веди ежедневную записку лучшим местам, и память твою изоощрай над оными» (Геллерт 1781: 281; атрибуция источника – Brang 1962: 52). Занимаясь нравоучительным чтением моралистических журналов или духовных сочинений, Кутузов, видимо, отмечал и выписывал из них приглянувшиеся ему афоризмы, которые удачно сочетали наставительное содержание с отточенностью его выражения. Занесенные в ту или иную тематическую рубрику цитаты отрывались от своего исходного контекста и уже существовали отдельно от книг, из которых они были взяты, – если, судя по совокупности свидетельств, Кутузов в конце 1790 г. держал в руках издание *Guardian*, то вовсе не обязательно, что у него перед глазами находилось собрание сочинений Буриньон с предисловием Пуаре, – он мог уже давно его проштудировать и сделать выписки, одна из которых дождалась своего часа, когда понадобилось емко охарактеризовать подражательность писательских амбиций Карамзина. Подобным же образом в свои эпистолярные рассуждения Кутузов встраивает, в качестве отправных точек и опор, цитаты из Эпиктета, Библии, Якоба Бёме и некоего анонимного автора (см.: Письма 1963: 300, 318–320, 322).

Отдельно стоит остановиться на функционировании поэтических цитат. В раннее Новое время большие поэтические формы, такие как, например, пьесы Шекспира, также раскладывались

на общие места, на отдельные пассажи, моральная польза и художественная приятность которых ценились независимо от того, каким из героев они произносились и какую роль играли в сюжете произведения (см.: Roberts 2003: 125–130). В качестве деконтекстуализированного афоризма Кутузов и цитирует слова Гамлета в начале своего антикарамзинского памфлета. Поэтическая речь, авторитетное чужое слово усиливало и углубляло аргументацию в ключевых местах рассуждения, оказываясь мощным средством риторического убеждения. Именно так, судя по упомянутому выше пересказу в письме Голенищевой-Кутузовой, работала цитата из «Илиады» в переводе Поупа в письме Радищеву: примером из классического автора обосновывалась опасность акта парресии, говорения истины монарху (см.: Барсков 1915: 66). Наконец, этой же логикой регулировалось использование цитат из высоко ценимых и переведенных Кутузовым «Ночных размышлений» Юнга. В письмах к И. П. Тургеневу 1782 и 1788 гг. он дважды цитировал Юнга в русском прозаическом переводе: для характеристики своего душевного состояния и для пояснения своих мыслей о показной и истинной простоте (см.: Письма 1963: 309, 321). В 1791 и 1792 гг. Кутузов цитирует Юнга (на этот раз в оригинале, очевидно, убежденный в знании английского языка адресатами) в письмах к двум, вероятно, самым близким для него людям – Голенищевой-Кутузовой и Радищеву, которых он стремится утешить в случившихся с ними горестях. Первой он напоминает слова Юнга о идущих чередой несчастьях и о небесном блаженстве дружбы (принципиально смешивая в этом понятии собственно дружеские и супружеские связи), а второму – о вечной обреченности человека на борьбу с бедами (см.: Барсков 1915: 81, 195). В двух едва ли не самых искренних, личных, почти что надрывных своих письмах Кутузов опирается именно на выписки из прочитанного, на общие места для того, чтобы придать своей речи требуемую страстность и убедительность.

Порой эта базовая практика цитирования нравоучительных сентенций разрасталась в письмах Кутузова до выписывания обширного фрагмента сочинения, который был уже не

только аргументом в общем рассуждении, но и сообщаемым корреспонденту ради самого себя отдельным текстом. В 1788 г. в письме к Тургеневу он сравнил мимолетность своих душевных состояний с мыльным пузырем, сопроводив это уподобление варьирующими ту же топику десятью начальными строками стихотворения Маттиаса Клаудиуса (1740–1815) „Ein Fragment, das nach der Stoa schmeckt“ (см.: Письма 1963: 313; Claudius 1784, I: 127–128). Любопытно, что годом ранее, в августе 1787 г., творчество Клаудиуса обсуждал в письме к Карамзину его друг А. А. Петров, прохладно отзывавшийся о сочинениях писателя и не одобрявший, что тот «не очень понятно» пошутил по поводу III. Баттё (Карамзин 1984: 504; Клаудиус писал, что нет разницы, тереть ли сочинения Баттё или хрен: Claudius 1784, III: 23). Особенно богатым на обширные выписки было уже обсуждавшееся письмо Лопухину от 18/29 декабря 1790 г.: помимо перевода целого сновидения из *Guardian* Кутузов поместил в нем содержащую «предсказания на будущий год» длинную немецкую цитату из метеорологического сочинения Х. Г. Ф. Штёве (Барсков 1915: 63, 298).

Все эти примеры демонстрируют полную погруженность Кутузова в культуру печатной текстуальности, – и тем более поразительной и парадоксальной представляется на этом фоне его радикальная критика авторства, литературы и публичности, достигшая кульминации в письме А. А. Плещееву от 7/18 мая 1791 г., из которого мы делаем последнюю из наших выписок.

5.

Мой друг, я достиг уже возраста превыше юношеского, жар мечтающего воображения подобрал уже ослабевшие свои крылья и начинает уже, оставя воздушное, касаться земли, нынешнего нашего пребывания; в течение моей жизни приобрел я некоторые опыты, а наипаче всего, вступя и прошед уже некоторое пространство за средо пути, ведущего от колыбели к гробнице, глас совести начинает вещать громогласнее; сей глас раздается часто в ушах моих; с ужасом и трепетом слышу слова сии: *за всякое праздное слово дашь ответ*. Все сие вкупе разгоняет облака

безстыдства, ослепляющего величайшую часть бумагомарателей, и делает меня неспособным быть сочинителем. <...> Чем кто более и прилежнее читал, тем яснее видит, что господа писатели суть по большей части попугаи отличная памяти; один повторяет сказанное другим, и по большей части не соображался с местом и со временами. <...> По моему мнению, предлагать что либо всенародно, не быв точно, твердо и непременно удостоверену в истинне и пользе предлагаемого, есть безумная и наказания достойная дерзость. <...> В которое столетие жатва книжная была плодороднее нашего XVIII века? И в которое же время нравы людей были развращеннее времен наших? Да и как сему быть иначе? Все хотят быть учителями, не учася; все хотят править, не быв сами управляемы (Барсков 1917: 132–133).

Эта развернутая инвектива была вызвана наивным предположением Плещеева, что по возвращении домой Кутузов, возможно, будет «выдавать журнал» (Барсков 1915: 110). Ближе к концу своей многослойной консервативной критики современности и прежде, чем перейти к прямым выпадам против «Писем русского путешественника», Кутузов твердо заявляет: «Нет, мой друг, ежели Богу угодно, и я возвращусь здоров в мое отечество, то, конечно, всего менее буду помышлять о издании журнала» (Барсков 1917: 134). Фокус не только на словесности, но и на ее конкретной медиальной форме представляется здесь принципиальным. Еще 17/28 декабря 1790 г., одновременно с первым письмом Карамзину, Кутузов писал Плещеевой, обсуждая планы их друга по изданию «Московского журнала»:

Ежели в нашем отечестве будут издаваться тысячи журналов, подобных Берлинскому и Виландову, то ни один россиянин не сделается от них лучшим, напротив того – боюсь, чтобы тысяча таковых журналов не положила миллионов новых препятствий к достижению добродетели и к познанию самих себя и Бога (Барсков 1915: 58).

Итак, Кутузов отрицал не только не по годам дерзкое намерение начинающего российского автора, но и ведущие немецкие журналы

своего времени – ключевые институты окружавшей его публичной сферы. Тем не менее у его позиции было и положительное измерение. В очередной раз говоря о карамзинском журнале, он пояснял свое мнение в письме к Плещееву 4/15 марта 1791 г.:

Признаюсь, я читал множество журналов и весьма остроумных, но не сделали они меня лучшим; были у англичан журналы другого рода, но ныне они не в моде (Там же: 100).

Английские журналы – несомненно, моральные периодические издания типа *Guardian*, который Кутузов читал, цитировал и переводил несколькими месяцами ранее, – оказываются здесь противопоставленным современности образцом нравоучительной литературы. Первое – опосредованное – творческое взаимодействие Кутузова со знаменитыми журналами Аддисона и Стиля произошло не позднее 1785 г., когда в двух томах вышел его перевод «Ночных размышлений» Юнга (см.: Юнг 1785). В этой публикации переводы отдельных «Ночей», печатавшиеся ранее в журнале «Утренний свет», были не только собраны вместе и исправлены, но и дополнены примечаниями, источником которых – как и кутузовского перевода вообще – послужил немецкий перевод И. А. Эберта. Составляя примечания, Кутузов опирался на второе дополненное комментированное издание Эберта, по большей части редуцируя ученое разнообразие приводимых немецким профессором параллелей и пояснений до одномерного христианского морализма, а иногда и дополняя их собственными рассуждениями (см.: Keipert 2016: 293–301). В этом контексте и осуществилась первая известная нам рецепция Кутузовым журнала *Guardian*.

В одном из примечаний Эберт сообщает, что «51-й лист английского *Guardian*, или Опекуна, содержит небольшое сочинение о священной поэзии (Das 51. Blatt des englischen Guardians oder Aufsehers enthält eine kleine Abhandlung von der heiligen Poesie)», безусловно атрибутирует его Юнгу и приводит из него цитату (Young 1769: 54–55; ср.: *Guardian* 1982: 201). По малообъяснимым причинам Кутузов заменяет эту точную ссылку указанием на другой, более известный журнал Аддисона и Стиля: «В Англинском Зрителе есть

краткое разсуждение о священном стихотворении» (Юнг 1785, I: 260). Опустив все сведения об атрибуции Юнгу, он переводит только саму цитату, в которой из всех видов поэзии лишь религиозная объявляется единственной достойной продолжать существование после смерти и конца света, и прибавляет к этому свой комментарий: «Таковое и сему подобныя размышления советовал бы я читать нашим стихотворцам» (Там же: 261). Далее разворачивается следующая цитированному выше посвящению Голенищевой-Кутузовой и созвучная мыслям Поупа из эссе в № 4 *Guardian* инвектива против авторов, которые «из корыстолюбия» пишут «то, чего они не чувствуют», «распростра[н]я[ют]ся в пустых похвалах» и своим «подл[ым] ласкательство[м]» мешают «многим людям видеть свои пороки» (Там же). Итак, уже в 1785 г. Кутузов использовал цитату из *Guardian* как отправную точку для артикуляции моральной критики современного литературного поля⁴.

Учитывая этот контекст, в особенности недвусмысленное предпочтение, отданное Кутузовым английским «журналам другого рода», за поучительными сентенциями из *Guardian* в первом письме Карамзину можно увидеть имплицитное противопоставление двух медиальных форм и соответствующих им типов словесности. Опасения по поводу «Московского журнала» вскоре подтвердились: М. И. Багрянский рассказал Кутузову о своих отрицательных впечатлениях от первых страниц «Писем русского путешественника», а Трубецкой поделился возмущением по поводу того, что Карамзин «вздумал, что он уже автор и что он в числе великих писателей в нашем отечестве, и даже осмелился рецензию делать на “Кадма”» (Барсков 1915: 86, 95). Наличие рецензий было принципиальным для той медиальной формы литературного журнала, трансфер которой в Россию стремился осуществить Карамзин. Дерзость критического рассмотрения начинающим писателем нового романа авторитетного М. М. Хераскова особенно

⁴ Еще один, менее значимый, пример взаимодействия Кутузова с *Guardian* – перевод пассажа из № 55: в отличие от примечания Эберта, в сноске Кутузова он приводится без ссылки на журнал, а следующая затем цитата из № 210 *Spectator* и вовсе опускается (см.: Young 1774: 129–130; Юнг 1785, II: 63; ср.: *Guardian* 1982: 216).

поразила Кутузова: «Смешно и больно безумное его предприятие ценить книги, которых без всякого сомнения он ни мало не разумеет» (Там же: 106).

Несмотря на свою тотальную критику современной литературной культуры, Кутузов, конечно же, сам был ее продуктом и не мог занять по отношению к ней подлинную метапозицию; переводчик, сотрудник нескольких журналов, один из учредителей Типографической компании, важнейшего издательского предприятия эпохи, он был одним из ключевых агентов конструируемой масонами модели литературного поля, включавшей в себя наборы переводческих, издательских и читательских стратегий и правил циркуляции печатных книг и рукописей, сложно варьировавших меру доступа к ним со стороны широкой публики (см.: Курилкин 2002: 30–50). Как неоднократно описывалось исследователями и осознавалось самими участниками событий, амбициозная литературная стратегия молодого Карамзина открыто отстраивалась от и бросала вызов угасавшей по совокупности внешних и внутренних причин культуре масонской текстуальности: вместо нравоучительной литературы, одним из проявлений которой были для Кутузова английские моральные журналы типа *Guardian*, ставка делалась на отказывающуюся от прямого дидактизма сентименталистскую изящную словесность и соответствующие ей жанры и медиа – литературно-критический журнал и, позже, альманах (см.: Зорин 2016: 139–154). В теоретическом плане эта историческая коллизия, кристаллизовавшаяся в письмах Кутузова, может быть схвачена как конфликт двух диалектически соотнесенных моментов становления публичной сферы – парадоксальной масонской секретной публичности и снимающей ее открытой литературной публичности (ср.: Habermas 1989: 35).

Иначе говоря, Кутузов и Карамзин оба были вовлечены в практики, ассоциирующиеся с культурой публичности: читали книги и журналы, переводили, сочиняли и печатались, цитировали и обсуждали литературу в письмах, следили за новостями и актуальными дискуссиями, высказывали суждения по литературным и политическим поводам, спорили и рассуждали,

наконец, просто оперировали понятиями «автор», «авторство», «публика». Более того, оба в начале 1790-х гг., на фоне Французской революции, правительственных преследований масонов и особенно дела Радищева, явно не допускали возможности публичной политической речи, сочетание которой с сентименталистской фикциональностью было так ярко представлено в «Путешествии из Петербурга в Москву». Для первого, однако, абсолютным горизонтом всей деятельности было розенкрейцерство и связанные с ним внутренняя работа над собой, замыкание в тайных, узких, закрытых масонских и дружеских сообществах и все более возраставшее подозрение к любым формам присутствия человека в публичном пространстве, в печати. Второй же, напротив, последовательно выстраивал пространство принципиально политически лояльной, но не менее принципиально публичной, открытой, адресованной широкому кругу читателей коммуникации и репрезентации себя. Как писал про Карамзина Кутузов, «он автор и, как кажется, имеющий главною своею целию прославиться в сем звании и заслужить имя хорошего писателя» (Барсков 1917: 136). Эта социальная стратегия имела очень мало общего с приобретением новых эзотерических знаний и получением следующих степеней в ордене розенкрейцеров, чем занимался в это время в Берлине сам Кутузов.

Послужившие нам отправной точкой опасения Кутузова, что он попадет на страницы карамзинского журнала, были небеспочвенны. В первой части «Писем русского путешественника», печатавшейся в «Московском журнале», Карамзин не только неоднократно упоминает Кутузова, называя его «А***», но и цитирует большой пассаж из его письма, используя искреннюю личную речь своего друга как материал для построения литературной конструкции (см.: Карамзин 1984: 36). У этой непрошенной публичности была, однако, и оборотная сторона. Оставшись после разгрома московских розенкрейцеров без средств к существованию и связей с Россией, распродав или заложив все свои вещи, кроме книг, «до которых, ибо суть собственность всего нашего общества, не коснулся и в самой моей крайности» (Письма 1963: 323), попав в долговую тюрьму, Кутузов умер в Берлине в 1797 г. Казалось бы, его имя было обречено

на полное забвение, – однако уже в александровское царствование, в 1803 г., готовя новое издание «Писем», Карамзин сделал к первому упоминанию «А*» особое примечание про «Алексея Михайловича Кутузова, добродушного и любезного человека, который через несколько лет после того умер в Берлине, быв жертвою несчастных обстоятельств» (Карамзин 1984: 32, 404).

Всего лишь через несколько лет после его смерти именно сфера словесности, печати, публичности, в которую Кутузов был так глубоко погружен, которой отдал столько сил, которой столь опасался и которую так критиковал, стала носительницей его памяти – и продолжает хранить, передавать и возобновлять ее вплоть до сегодняшнего дня.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Барсков Я. Л. 1915. Переписка московских масонов XVIII-го века: 1780–1792 гг. Пг.: Издание Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук.
- Барсков Я. Л. 1917. Письма А. М. Кутузова. – Русский исторический журнал. Кн. 1–2. С. 131–140.
- Беркли Дж. 2000. Алкифрон, или Мелкий философ. Работы разных лет / Пер. с англ. А. А. Васильева. СПб.: Алетейя.
- Геллерт Х. Ф. 1781. Наставление отца сыну, котораго отправляет он в Академию. – Московское ежемесячное издание. Ч. 2. Август. С. 259–294.
- Зорин А. Л. 2016. Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. М.: Новое литературное обозрение.
- Карамзин Н. М. 1984. Письма русского путешественника / Изд. подготовили Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л.: Наука. Ленинградское отделение.
- Костин А. А. 2015. «Житие Федора Васильевича Ушакова» А. Н. Радищева в восприятии первых читателей. – “A Century Mad and Wise”: Russia in the Age of the Enlightenment / Ed. by Emmanuel Waegemans and others. Groningen: Netherlands Russia Centre. P. 21–36.
- Кочеткова Н. Д. 1999. Кутузов Алексей Михайлович. – Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2: К–П / Отв. ред. А. М. Панченко. СПб.: Наука. С. 174–177.

- Кочеткова Н. Д. 2002. К истории одного литературного посвящения А. М. Кутузова. – *Russian Literature*. Vol. 52. No. 1–3. P. 271–281.
- Курилкин А. Р. 2002. Эзотерическая книга в России второй половины XVIII – начала XIX века (Предварительные замечания). – *Тыняновский сборник*. Вып. 11: Девяты́е Тыняновские чтения: Исследования. Материалы / Под ред. Е. А. Тоддеса. М.: ОГИ. С. 30–50.
- Левин Ю. Д. 1967. Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII века. – *Эпоха Просвещения: Из истории международных связей русской литературы* / Отв. ред. М. П. Алексеев. Л.: Наука. Ленинградское отделение. С. 3–109.
- Лотман Ю. М. 1987. Сотворение Карамзина. М.: Книга.
- Мария 1791. Мария (Отрывок из Стернова Путешествия. Перевод с Английского). – *Московский журнал*. Ч. 2. Кн. 2. С. 179–189.
- Письма 1963. Письма Алексея Михайловича Кутузова Ивану Петровичу Тургеневу / Подготовка текста и комментарии В. В. Фурсенко. Публикация Ю. М. Лотмана. – *Труды по русской и славянской филологии*. [Вып.] VI / Отв. ред. Б. Ф. Егоров. Тарту: [Tartu Ülikooli Kirjastus]. С. 298–334.
- Товарищи 1896. Товарищи и птенцы Н. И. Новикова (Их взаимная переписка). – *Русская старина*. [Кн.] 11. С. 321–365.
- Фреде В. 2016. Верность, измена и предательство в дружеской среде: 1790-е гг. – *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*. Вып. 9 / Отв. ред. А. А. Пичхадзе и Ю. В. Кагарлицкий. М.: Нестор-История. С. 323–339.
- Юнг Э. 1785. Плачь, или Нощные размышления о жизни, смерти и безсмертии. Ч. I–II. М.: В вольной Типографии у И. Лопухина.
- Baar, M. de. 2021. Pierre Poiret: le plus fidèle disciple d'Antoinette Bourignon. – *Revue de Théologie et de Philosophie*. Vol. 153. No. 1. P. 19–35.
- Blair, A. 1992. Humanist Methods in Natural Philosophy: The Commonplace Book. – *Journal of the History of Ideas*. Vol. 53. No. 4. P. 541–551.
- Bourignon, A. 1717. Toutes les œuvres de Mlle. Antoinette Bourignon. Vol. I. Amsterdam: Chez R. & G. Wetstein.
- Brang, P. 1962. A. M. Kutuzov als Vermittler des westeuropäischen Sentimentalismus in Rußland (Zum Problem der Attribuierung anonymer Werke des 18. Jahrhunderts). – *Zeitschrift für Slavische Philologie*. Bd. 30. Hft. 1. S. 44–57.

- Claudius, M. 1784. *Asmus omnia sua secum portans, oder Sämtliche Werke des Wandsbecker Bothen*. Th. I–II; III. Karlsruhe: Christian Gottlieb Schmieder.
- Dacome, L. 2004. Noting the Mind: Commonplace Books and the Pursuit of the Self in Eighteenth-Century Britain. – *Journal of the History of Ideas*. Vol. 65. No. 4. P. 603–625.
- Guardian 1982. *The Guardian* / Ed. with an introduction and notes by John Calhoun Stephens. Lexington: The University Press of Kentucky.
- Habermas, J. 1989. *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society* / Translated by Thomas Burger with the assistance of Frederick Lawrence. Cambridge, Mass.: The MIT Press.
- Keipert, H. 1981. Eine verkannte Wieland-Übersetzung in Novikovs „Utrennij svet“. – *Zeitschrift für Slavische Philologie*. Bd. 42. Hft. 2. S. 227–241.
- Keipert, H. 1984. Neue Quellen zu Novikovs „Utrennij svet“. – *Zeitschrift für Slavische Philologie*. Bd. 44. Hft. 2. S. 269–302.
- Keipert, H. 2016. Johann Arnold Ebert in Russland: die Young-Übersetzungen von Aleksej Michajlovič Kutuzov. – *Johann Arnold Ebert: Dichtung, Übersetzung und Kulturtransfer im Zeitalter der Aufklärung* / Hrsg. von Cord-Friedrich Berghahn, Gerd Biegel, Till Kinzel. Heidelberg: Winter. S. 287–313.
- Kotchetskova, N. 2009. La correspondance des francs-maçons russes au XVIIIe siècle. – *La Revue russe*. No. 32. P. 35–47.
- Moss, A. 1998. The *Politica* of Justus Lipsius and the Commonplace-Book. – *Journal of the History of Ideas*. Vol. 59. No. 3. P. 421–436.
- Roberts, S. 2003. Reading Shakespeare's Tragedies of Love: *Romeo and Juliet*, *Othello*, and *Antony and Cleopatra* in Early Modern England. – *A Companion to Shakespeare's Works*. Vol. I: The Tragedies / Ed. by Richard Dutton and Jean E. Howard. Oxford: Blackwell Publishing. P. 108–133.
- Sterne, L. 1968. *A Sentimental Journey. The Journal to Eliza. A Political Romance* / Ed. with introduction by Ian Jack. London: Oxford University Press.
- Young, E. 1769. *Klagen, oder Nachtgedanken über Leben, Tod, und Unsterblichkeit*. Bd. 2. Braunschweig: bey sel. Ludolph Schröders Erben.
- Young, E. 1774. *Klagen, oder Nachtgedanken über Leben, Tod, und Unsterblichkeit*. Bd. 3. Braunschweig: bey sel. Ludolph Schröders Erben.

REFERENCES

- Baar, M. de. "Pierre Poiret: le plus fidèle disciple d'Antoinette Bourignon." *Revue de Théologie et de Philosophie* 153, no. 1 (2021): 19–35.
- Barskov, Ia. L. *Perepiska moskovskikh masonov XVIII-go veka: 1780–1792 gg.* Petrograd: Izdanie Otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii Nauk, 1915.
- . "Pis'ma A. M. Kutuzova." *Russkii istoricheskii zhurnal* 1–2 (1917): 131–40.
- Berkeley, G. *Alkifron, ili Melkii filosof. Raboty raznykh let.* Translated from the English by A. A. Vasil'ev. Saint Petersburg: Aletheia, 2000.
- Blair, A. "Humanist Methods in Natural Philosophy: The Commonplace Book." *Journal of the History of Ideas* 53, no. 4 (1992): 541–51.
- Bourignon, A. *Toutes les œuvres de Mlle. Antoinette Bourignon.* Vol. 1. Amsterdam: Chez R. & G. Wetstein, 1717.
- Brang, P. "A. M. Kutuzov als Vermittler des westeuropäischen Sentimentalismus in Rußland (Zum Problem der Attribuierung anonymer Werke des 18. Jahrhunderts)." *Zeitschrift für Slavische Philologie* 30, no. 1 (1962): 44–57.
- Claudius, M. *Asmus omnia sua secum portans, oder Sämtliche Werke des Wandsbecker Bothen.* Vols. 1–3. Carlsruhe: Christian Gottlieb Schmieder, 1784.
- Dacome, L. "Noting the Mind: Commonplace Books and the Pursuit of the Self in Eighteenth-Century Britain." *Journal of the History of Ideas* 65, no. 4 (2004): 603–25.
- Frede, V. "Vernost', izmena i predatel'stvo v družheskoi srede: 1790-e gg." In *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova.* Vol. 9. Edited by A. A. Pichkhadze and Iu. V. Kagarlitskii, 323–39. Moscow: Nestor-Istoriia, 2016.
- Gellert, Ch. F. "Nastavlenie ottsa synu, kotorago otpravliaet on v Akademiiu." *Moskovskoe ezhemesiachnoe izdanie* 2 (August 1781): 259–94.
- Habermas, J. *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society.* Translated by Thomas Burger with the assistance of Frederick Lawrence. Cambridge, MA: The MIT Press, 1989.
- Karamzin, N. M. *Pis'ma russkogo putesthestvennika.* Edited by Iu. M. Lotman, N. A. Marchenko, B. A. Uspenskii. Leningrad: "Nauka." Leningradskoe otdelenie, 1984.
- Keipert, H. "Eine verkannte Wieland-Übersetzung in Novikovs *Utrennij svet*." *Zeitschrift für Slavische Philologie* 42, no. 2 (1981): 227–41.

- . “Neue Quellen zu Novikovs *Utrennij svet*.” *Zeitschrift für Slavische Philologie* 44, no. 2 (1984): 269–302.
- . “Johann Arnold Ebert in Russland: die Young-Übersetzungen von Aleksej Michajlovič Kutuzov.” In *Johann Arnold Ebert. Dichtung, Übersetzung und Kulturtransfer im Zeitalter der Aufklärung*. Edited by Cord-Friedrich Berghahn, Gerd Biegel, Till Kinzel, 287–313. Heidelberg: Winter, 2016.
- Kochetkova, N. D. “Kutuzov Aleksei Mikhailovich.” In *Slovar’ russkikh pisatelei XVIII veka*. Vol. 2. Edited by A. M. Panchenko, 174–77. Saint Petersburg: Nauka, 1999.
- . “K istorii odnogo literaturnogo posviashcheniia A. M. Kutuzova.” *Russian Literature* 52, no. 1–3 (2002): 271–81.
- . “La correspondance des francs-maçons russes au XVIIIe siècle.” *La Revue russe* 32 (2009): 35–47.
- Kostin, A. A. “Zhitie Fedora Vasil’evicha Ushakova A. N. Radishcheva v vospriatii pervykh chitatelei.” In “A Century Mad and Wise”: *Russia in the Age of the Enlightenment*. Edited by Emmanuel Waegemans and others, 21–36. Groningen: Netherlands Russia Centre, 2015.
- Kurilkin, A. R. “Ezotericheskaja kniga v Rossii vtoroi poloviny 18 – nachala 19 veka (Predvaritel’nye zamechaniia).” In *Tynianovskii sbornik*. Vol. 11, *Deviatye Tynianovskie chteniia: Issledovaniia. Materialy*. Edited by E. A. Toddes, 30–50. Moscow: OGI, 2002.
- Levin, Iu. D. “Angliiskaia prosvetitel’skaia zhurnalistika v russkoi literature 18 veka.” In *Epokha Prosveshcheniia: Iz istorii mezhdunarodnykh sviazei russkoi literatury*. Edited by M. P. Alekseev, 3–109. Leningrad: Izdatel’stvo “Nauka.” Leningradskoe otdelenie, 1967.
- Lotman, Iu. M. *Sotvorenie Karamzina*. Moscow: Kniga, 1987.
- “Mariia (Otryvok iz Sternova Puteshestviia. Perevod s Angliiskago).” *Moskovskii zhurnal* 2, no. 2 (1791): 179–89.
- Moss, A. “The *Politica* of Justus Lipsius and the Commonplace-Book.” *Journal of the History of Ideas* 59, no. 3 (1998): 421–36.
- “Pis’mo Alekseia Mikhailovicha Kutuzova Ivanu Petrovichu Turgenevu.” Edited and annotated by V. V. Fursenko. Published by Iu. M. Lotman. In *Trudy po russkoi i slavianskoi filologii*. Vol. 6. Edited by B. F. Egorov, 298–334. Tartu: [Tartu Ülikooli Kirjastus], 1963.
- Roberts, S. “Reading Shakespeare’s Tragedies of Love: *Romeo and Juliet*, *Othello*, and *Antony and Cleopatra* in Early Modern England.” In *A Companion to*

- Shakespeare's Works*. Vol. 1, *The Tragedies*. Edited by Richard Dutton and Jean E. Howard, 108–33. Oxford: Blackwell Publishing, 2003.
- Sterne, L. *A Sentimental Journey. The Journal to Eliza. A Political Romance*. Edited with introductions by Ian Jack. London: Oxford University Press, 1968.
- The Guardian*. Edited with an introduction and notes by John Calhoun Stephens. Lexington: The University Press of Kentucky, 1982.
- “Tovarishchi i ptentsy N. I. Novikova. (Ikh vzaimnaia perepiska).” *Russkaia starina* 11 (1896): 321–65.
- Young, E. *Klagen, oder Nachtgedanken über Leben, Tod, und Unsterblichkeit*. Vol. 2. Braunschweig: bey sel. Ludolph Schröders Erben, 1769.
- . *Klagen, oder Nachtgedanken über Leben, Tod, und Unsterblichkeit*. Vol. 3. Braunschweig: bey sel. Ludolph Schröders Erben, 1774.
- . *Plach, ili Noshchnyia razmyshleniia o zhizni, smerti i bezsmertii*. 2 vols. Moscow: V vol’noi Tipografii u I. Lopukhina, 1785.
- Zorin, A. L. *Poiavlenie geroia: Iz istorii russkoi emotsional’noi kul’tury kontsa 18 – nachala 19 veka*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016.

СПИН-ОФФ ОДНОГО КОММЕНТАРИЯ: РЕЧЬ Н. В. НЕДОБРОВО

Г. В. Обатнин

(Хельсинки)

Литературную жизнь невозможно представить без юбилеев писателей. За свою относительно недолгую российскую историю эта традиция успела обогатиться как образцовыми юбилейными речами, так и обширным корпусом текстов, высмеивающих «барельефные обманы» в прозе, стихах, пьесах и статьях. Но особый раздел образуют юбилеи литературной деятельности еще здравствующих писателей. В 1854 г. праздновали пятидесятилетний юбилей Н. И. Греча (сборник, составленный К. Полевым, вышел на следующий год), в 1861 году – такой же П. А. Вяземского, а в 1872 – М. И. Максимовича и А. Н. Островского. Празднования четвертьвекового рубежа в русской литературе тоже были нередкими, например, для А. Ф. Писемского таковой отмечался в 1875 году, А. К. Шеллера – в 1888, в 1905 – В. А. Гиляровского, в 1912 – И. А. Бунина и А. Н. Будищева, а на следующий год – С. Д. Дрожжина. Юбилеи устраивались писательскими организациями: Обществом любителей русской словесности, Литературным фондом, Литературно-художественным кружком, но с ними соседствовали еще две хорошо институционализированные сферы, где юбилеи также были частыми и важными событиями: академическая (профессорская) и театральная¹. Обе они имели отношение к чествованию 25-летнего юбилея литературной деятельности находившегося за границей К. Д. Бальмонта.

Сама идея возникла в кругу «Интимного театра» и только что открывшейся «Бродячей собаки». Простой подсчет заставляет

¹ Театральная актриса и жена Луначарского вспоминала: «Я лично знала одного актера, который четырежды справлял свой двадцатипятилетний юбилей <...>» (Луначарская-Розенель 1962: 232).

предположить, что организаторы полагали, что литературный дебют писателя состоялся в 1887 или 1886 году, хотя его первая публикация в «Живописном обозрении» появилась в 1885, перевод статьи г. Брандеса о Шелли – в 1888, а первый сборник стихов – через два года после того. Однако сам поэт, видимо, был с этим согласен, написав в 1912 году стихотворение «Четверть века» («Неужели четверть века / Что-нибудь, / Для такого человека, / Пред которым дальний путь!» и т. д.), которое, по его собственным воспоминаниям, прочел в январе того же года на вечере в честь его юбилея, устроенном польскими и французскими писателями в Париже: «Последний год невозможно было более оставаться в Париже. Я уехал в кругосветное плавание. Помню нечаянную радость. Точно в грезе. Русские, польские и французские мои друзья устроили в честь двадцатипятилетия моей литературной деятельности банкет. В большом зале одного кафе собралось человек полтора-два. Среди участвовавших были французские поэты: Ренэ Гиль, Поль Фор, Гюстав Кан, польский поэт Болеслав Лесьмян и другие. Отвечая на одно из приветствий, я произнес стихотворение <...>» (далее следовал его текст)².

«Странное дело, – большинство юбилеев справляется почему-то около декабря», – замечала ехидная Тэффи в рассказе «Юбилей», и чествованию поэта на родине в самом деле был посвящен второй вечер «Бродячей собаки», состоявшийся 13 января 1912 г., где выступали Городецкий, Гумилев, Ахматова, Мандельштам, Вас. Гишпиус, М. А. Долинов (вероятно, именно он написал отчет об этом событии) и М. Л. Моравская (см. подробнее комментарий: Парнис, Тименчик 1985: 180–181). В третий раз празднование той же даты было организовано Ан. Н. Чеботаревской 5 марта в петербургском

² См.: Бальмонт К. Д. Привет Москве. – Русское слово. 1913. 12 мая. № 109. С. 3. Информация была использована в комментарии к этому тексту (см: Бальмонт 1969: 641). Стихотворение вошло в сборник Бальмонта «Белый зодчий» (см.: Бальмонт 1914: 22). Судя по письму М. Волошина к Л. Савицкой, чествование планировалось провести 25 января в *Taverne du Nègre* (см.: Ливак 2020: 31). Подробное описание вечера, состоявшегося 11/24 января, см. в письме Е. Н. Поленовой к Л. Н. Веберу от 26 января, которое приводится в комментарии к письму Волошина к А. В. Гольштейн (см.: Волошин 2010: 694–695).

театре Комедии и драмы, в программе которого было обещано чтение своих стихов Сологубом, Городецким и Рукавишниковым, а также выступления Аничкова, Арабажина и Кречетова (см.: Павлова 2010: 56–67; см. также: Павлова 2019: 105–106).

И все же гораздо более заметным событием стало четвертое празднование. «Чествование Бальмонта, по случаю исполнившегося на рубеже 1911 и 1912 гг. двадцатипятилетия его литературной деятельности, в Петербурге осуществилось 11 марта, как торжественное заседание Неофилологического Общества при С.-Петербургском Университете. Еще при возникновении первых к тому намерений, в среде лиц и литературных групп (Вяч. И. Иванов, гр. Ал. Н. Толстой, редакция “Аполлона”), которым принадлежал почин, чествование это наметилось не как боевое выступление определенного литературного стана, но, наоборот, как общелитературный праздник. В основу было положено утверждение, что в лице таких поэтов, как Бальмонт, уже может быть признана общекультурная ценность модернизма даже представителями обратных направлений. <...> Под руководством председателя этого общества, проф. Ф. А. Брауна, образовалось совещание, в котором, кроме комитета Общества, приняли ближайшее участие: Вяч. Иванов, Фед. Сологуб, гр. Ал. Н. Толстой, Е. В. Аничков, С. М. Ростовцева, Ф. Д. Батюшков, Сергей Маковский, В. А. Чудовский», – писал позже В. А. Чудовский под своим обычным псевдонимом (см.: Litotes 1912: 104). Интересно, что инициатива объединить литераторов на основе юбилея поэта – родоначальника символизма и к тому же политического изгнанника – исходила из Петербурга, где партийные разногласия всегда ощущались сильнее, чем в Москве, и нашла отклик в научном обществе, членом которого Бальмонт состоял с 1899 года. Секрет состоял в том, что сама идея принадлежала находившемуся на пике своей общественно-литературной деятельности Вяч. Иванову, мнения которого относительно современного состояния символизма как школы находили живой отклик в среде только что организованного журнала «Труды и дни». С. К. Маковский сообщал Брюсову обо всем замысле в письме от 18 февраля: «Характер же предполагается – самый широкий, с представителями, по

возможности, от всех лагерей, даже от... “Русского богатства”. Идея этой всеобщности принадлежит Вячеславу Иванову, но в конце концов все участники (Зелинский, Батюшков, Аничков, Блок, гр. Толстой, редакция “Аполлона”) согласились с тем, что “Бальмонту” прошла достаточная давность для объединения всех на его имени... Только сегодня выяснился день: 11 марта, днем, в зале земского собрания, на Кабинетской» (Блок в переписке современников 1982: 395). Иванов не только вникал в детали планирования вечера, но и опубликовал написанный в приподнятом тоне газетный «подвал» в день чествования³, а позже – дважды предал гласности свою речь «О лиризме Бальмонта»⁴. Собственно, из подготовки и комментирования этих текстов для очередного тома Малого академического собрания поэта, выходящего в Пушкинском Доме, и выросла настоящая публикация.

Порядок происходившего в зале С.-Петербургской губернской земской управы можно узнать из многочисленных отчетов⁵, но наиболее полным является сделанный с научной скрупулезностью обзор, позже опубликованный в «Записках Неофилологического Общества». Открывала заседание речь Брауна, потом выступал Ф. Батюшков с речью «О поэзии Бальмонта», затем Е. В. Аничков прочел доклад «Бальмонт и английская поэзия», Д. К. Петров

³ Ср.: «Двадцатипятилетие? Это кажется невероятным, потому что речь идет о нестареющем, о вечно юном певце...» и т. д. В заключительной части статьи была высказана мысль, которую можно связать с задачей юбилея: «Эта четверть века занята разнообразными попытками русской поэзии осознать себя, как истинный символизм, не извне занесенный, но вытекающий из глубин нашей старой поэзии и народной нашей стихии» (Иванов Вяч. К. Бальмонт. – Речь. 1912. № 69. 11 марта. С. 3).

⁴ См.: Иванов 1912: 36–42; перепечатана в: Иванов 1914: 45–55. Из участников заседания то же самое сделал Батюшков. См. также письмо Р. Ивнева к Иванову от 10 октября 1912 г., свидетельствующее, что тот имел отношение к организации публикации материалов чествования: Обатнин 2019: 112–114.

⁵ Кроме процитированной выше заметки Чудовского, укажем также на следующие издания: Исторический вестник. 1912. № 4. С. 337–338; Против течения. 1912. № 25. 17 марта. С. 3–4; Биржевые ведомости. 1912. № 12832. 12 марта. Утр. вып. С. 4; Речь. 1912. № 70. 12 марта. С. 3 (а 5 марта в этой газете было помещено объявление о будущем вечере); Новая жизнь. 1912. № 3. Март. Стлб. 139–146; Современное слово. 1912. № 1503. 12 (25) марта. С. 2; Нива. 1912. № 7. С. 143–144. См. также: Куприяновский, Молчанова 2001: 271–273.

говорил о «Бальмонте и его переводах с испанского», и завершала первую часть упомянутая речь Иванова. После этого стихи Бальмонта читали Н. К. Тхоржевская и Н. Н. Ходотов, а вот Брюсов и Блок принять участия не могли, о чем упомянули практически все хроникеры. Зато они прислали приветствия, которые были зачитаны в числе 68-ми, озвученных на собрании. За номером 26 в их списке значится и Общество ревнителей художественного слова, от лица которого, как мы можем теперь уверенно предположить, выступал Н. В. Недоброво. Правда, достоверных свидетельств, что именно она была прочтена на заседании 11 марта, у нас нет, несмотря на обилие газетных и журнальных откликов и подробное освещение всего мероприятия в мемуарах А. Дейча и дневнике Ф. Фидлера. Отметим, что краткое приветствие Недоброво, помимо, как всегда, пронизательного обозначения стержня бальмонтовской поэтики как единства смысла и звука⁶, содержало и сближение поисков поэта с вечными именами русской поэзии, Пушкиным и Тютчевым⁷. Это заставляет предположить, что он был в курсе основного замысла всего события, что не удивительно, учитывая его тесное общение с Ивановым зимой-весной 1912 года, а также то внимание, которое

⁶ Разумеется, это развивало восходящую к ряду поэтических самоописаний Бальмонта ассоциацию его с певцом или птицей. Хронологически ближайшим контекстом для формирования мнения Недоброво могло стать заседание Общества ревнителей художественного слова 18 января 1912 г., где приехавший из Тифлиса Ю. Верховский делал сообщение о трех типах лирического творчества: пластическом, музыкальном и синтетическом, относя ко второму Языкова и Бальмонта. Классификация Верховского вызвала критические реплики Аничкова, Иванова, Пяста и Недоброво, но в основном относительно сомнительности последнего типа (см. обзор: Недоброво 1912: 23–24). На чествовании Бальмонта 11 марта Верховский уже присутствовать не смог, но прислал поздравительную телеграмму, о которой вопрошал в послании к В. К. Шварсалон и которую на чествовании, видимо, огласил Иванов: «<...> Меня / Он вспомнил ли на празднике Бальмонта? / Мне очень грустно было не слышать / Речей его и Блока. Телеграмму / Тенденциозную мою читали ль?» (см.: [Соболев А. Л.] К истории дружеских посланий Вяч. Иванова и Ю. Верховского: +1 (окончание). – <https://lucas-v-leyden.livejournal.com/97994.html>, дата просмотра 27.06.2023).

⁷ В неопубликованной при жизни Недоброво статье «О Тютчеве» (1912) имени Бальмонта не упоминается, однако его творчество не раз сравнивается с творчеством Бодлера (см.: Недоброво 2004: 248, 264).

поэт уделял созданному по его инициативе Обществу, от лица которого выступал Недоброво.

В 1913 году Бальмонт смог вернуться в Россию по амнистии в честь другого юбилея, 300-летия дома Романовых. В московском Литературно-художественном кружке, во главе которого стоял не выступивший годом ранее Брюсов, 7 мая было опять устроено чествование, на этот раз в присутствии юбиляра, которое запомнилось скандальным появлением на нем Маяковского⁸. В качестве ответного шага поэт опубликовал процитированную выше заметку «Привет Москве». Но своего рода финалом всех юбилеев, а заодно и недолгого пребывания Бальмонта в России стала драка в «Бродячей собаке» после импровизированного чествования поэта вечером 8 ноября⁹. Через десять дней поэт вернулся в Москву, а на следующий день в «Русском слове» появилось коллективное письмо по поводу его нового, на этот раз не вынужденного отъезда в Париж, помещенное сразу после его заметки под названием «Уезжая» (здесь он упоминал и майское московское, и недавнее петербургское мероприятия, просил не помнить обид и сообщал, что его никто не обидел): «Дорогой Константин Дмитриевич! Группа лиц, ценящих непреходящую красоту вашего творчества, глубоко любящих вас, как человека, испытывает в эти дни сердечную потребность еще и еще раз засвидетельствовать перед вами свои чувства отменного к вам уважения»¹⁰. В группу подписантов входили писатели разных направлений из обеих столиц, хотя представителей нового искусства было больше: Брюсов, Балтрушайтис, Вяч. Иванов, Чулков, Сергей Кречетов, Александр Булдеев, Николай Бернер, Арсений Альвинг, Ходасевич, С. Кара-Мурза и Н. Мешков, но также и Н. Телешов, Ю. Айхенвальд

⁸ Свод газетных и мемуарных свидетельств см. в хронике: Соболев 2020: 108–110. Повторная встреча Бальмонта с Маяковским осенью того же года, чуть не закончившаяся пьяной дракой, описана в мемуарах Н. Серпинской (см.: Серпинская 2003: 98).

⁹ Происшествие с исчерпывающей полнотой исследовано в работе: Соболев 2013: 217–240.

¹⁰ Брюсов В., Балтрушайтис Ю., Иванов Вяч. et al. Письмо к Бальмонту. – Русское слово. 1913. № 267. 19 ноября. С. 4.

и Сергей Глаголь, из художников Н. П. Ульянов и М. Юон, деятели театра Ф. Коммиссаржевский, Н. Эфрос, Л. Рындина, В. Пашенная, Скрябин и хозяйка известного московского салона Е. А. Лосева, всего 49 человек и в дополнительном списке еще 11¹¹. Можно сказать, что задача объединить русское искусство была выполнена.

Автограф выступления Недоброво чернилами хранится в его фонде в Пушкинском Доме (ИРЛИ. Ф. 201. № 23), занимает один лист и покрыт густой стилистической правкой (представленной здесь выборочно), которая частично вынесена на специально отведенное для этого расширенное левое поле страницы.

*

Черновик речи на чествов<ании> Бальмонта 11 марта 1912 г.

Общество ревнителей художественного слова, занимаясь вопросами стиха и стиля, приветствует ныне старшего представителя того круга певцов, которые широко раздвинули пределы русской стихотворной речи и богато умножили ее приемы¹². Это дело было возобновлением священной пушкино-тютчевской поры – желание, которое ко времени его – Бальмонта, почти иссякло в русле нашей словесности. С Бальмонта начинается новый подъем воды.

Бальмонт возлюбил полные и яркие звуки; сочетая их, он раскрыл в нашем языке такое изобилие звончатых переливов, о каком до него не подозревали¹³; успеть так много, как успел он в прояснении звука стихотворной речи, мало кому удавалось. И несутся у него ясные звуки в струях самозабвенной напевности, так как Бальмонту удалось единство звука и смысла речи, этот поток, проливаясь через душу, увлекает ее в море хмельной свободы,

¹¹ См.: К письму Бальмонту. – Русское слово. 1913. № 268. 20 ноября. С. 6.

¹² *Далее было:* , связав себя через это непрерывным преданием со

¹³ Очевидный парафраз строк из стихотворения Бальмонта «Я – изысканность русской медлительной речи» (1903): «Я впервые открыл в этой речи уклоны; / Перепевные, гневные, нежные звоны».

до глубины пронизанное лучами солнца¹⁴. В Бальмонте мы приветствуем поэта, осуществившего свое призвание.

10 марта 1912 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

Бальмонт К. Д. 1914. Белый зодчий. СПб.: Сирин.

Бальмонт К. Д. 1969. Стихотворения / Вступительная ст., сост., подготовка текста и примечания Вл. Орлова. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение.

Блок в переписке современников 1982. Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898–1921) / Вступительная ст. Н. В. Котрелева и З. Г. Минц. Публикация Н. В. Котрелева и Р. Д. Тименчика. Подготовка текстов Ю. П. Благовоиной, Ю. Е. Галаниной С. С. Гречишкина и др. Комментарии Н. В. Котрелева, А. В. Лаврова, Н. В. Лощинской, Р. Д. Тименчика и др. – Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3. М.: Издательство «Наука». С. 153–539.

Волошин М. А. 2010. Собр. соч. Т. 9: Письма 1903–1912 / Сост. А. В. Лаврова. Подготовка текста и комментарии К. М. Азадовского, Н. Ю. Грыкаловой и др. М.: Эллис Лак.

Иванов Вяч. 1912. О лиризме Бальмонта. – Аполлон. № 3/4. С. 36–42

Иванов Вяч. 1914. О лиризме Бальмонта. – Записки Неофилологического Общества при Императорском С.-Петербургском университете. Вып. VII. СПб.: Склад издания у А. Э. Винеке. С. 45–55.

Куприяновский П. В., Молчанова Н. А. 2001. Поэт Константин Бальмонт: Биография. Творчество. Судьба. Иваново: Издательство «Иваново».

Ливак Л. 2020. Людмила Савицкая в модернистской культуре. – Жила-была переводчица: Людмила Савицкая и Константин Бальмонт / Сост., подготовка текста, вступительная ст., примечания Л. Ливака. М.: Новое литературное обозрение. С. 6–81.

Луначарская-Розенель Н. А. 1962. Память сердца: Воспоминания. М.: Искусство.

Недоброво Н. В. 1912. Общество ревнителей художественного слова в Петербурге. – Труды и дни. № 2. С. 23–24.

¹⁴ Далее было: И Бальмонт осуществил призвание. На обороте листа записан другой вариант той же фразы: Единство звука и смысла речи, без чего нет поэзии, [было] дано ему.

- Недоброво Н. В. 2004. О Тютчеве. – Орлова Е. И. Литературная судьба Н. В. Недоброво. Томск; М.: Водолей Publishers. С. 242–274.
- Обатнин Г. В. 2019. «Тайна Вячеслава» (Из истории писательского интереса к В. Иванову). – *Emigrantica et cetera*: К 60-летию Олега Коростелева / Ред.-сост. Е. Р. Пономарев, М. Шруба. М.: Издательство <«>Дмитрий Сечин<»>. С. 100–134.
- Павлова М. М. 2010. К вопросу о датировке цикла Ф. Сологуба «К. Д. Бальмонт» (1912): Мистификация, инерция, закономерность? – Судьбы литературы Серебряного века и русского зарубежья: Сборник статей и материалов (Памяти Л. А. Иезуитовой: К 80-летию со дня рождения). СПб.: Петрополис. С. 56–67.
- Павлова М. М. 2019. Новонайденный цикл К. Бальмонта «Триолеты – Ф. К. Сологубу». – *Скращения судеб: Literarische und kulturelle Beziehungen zwischen Russland und dem Westen. A Festschrift for Fedor B. Poljakov* / Ed. by Lazar Fleishman, Stefan Michael Newerkla and Michael Wachtel. Berlin et al.: Peter Lang. P. 103–116.
- Парнис А. Е., Тименчик Р. Д. 1985. Программы «Бродячей собаки». – Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1983. Л.: Издательство «Наука». Ленинградское отделение. С. 160–257.
- Серпинская Н. 2003. Флирт с жизнью. М.: Молодая гвардия.
- Соболев А. Л. 2013. Хроника одного скандала. – Соболев А. Л. Страннолюбский перебарщивает. Сконапель истоар. М.: Издательство «Трутень». С. 217–240.
- Соболев А. Л. 2020. Общество свободной эстетики (1906–1917): Материалы к хронике. Часть вторая: 1912–1917. – Литературный факт. № 3 (17). С. 88–157.
- Litotes [В. А. Чудовский]. 1912. Чествование Бальмонта. – Русская художественная летопись. № 7. С. 104.

REFERENCES

- Bal'mont, K. D. *Belyi zodchii*. Saint Petersburg: Sirin, 1914.
- . *Stikhotvoreniia*. Prefaced, edited and annotated by Vl. Orlov. Leningrad: Sovetskiy pisatel'. Leningradskoe otделение, 1969.
- Ivanov, Vyach. "O lirizme Bal'monta." *Apollon* 3–4 (1912): 36–42

- . “O lirizme Bal’monta.” In *Zapiski Neofilologicheskogo Obshchestva pri Imperatorskom S.-Peterburgskom universitete*. Vol. 7, 45–55. Saint Petersburg: Sklad izdaniia u A. E. Vineke, 1914.
- Kotrelev, N. V. and Z. G. Mints, R. D. Timenchik et al. “Blok v neizdannoi perepiske i dnevnikakh sovremennikov (1898–1921).” In *Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 92. Pt. 3, 153–539. Moscow: Nauka, 1982.
- Kupriianovskiy, P. V. and N. A. Molchanova. *Poet Konstantin Bal’mont: Biografiia. Tvorchestvo. Sud’ba*. Ivanovo: Ivanovo, 2001.
- Litotes [V. A. Chudovskii, pseud.]. “Chestvovanie Bal’monta.” *Russkaya khudozhestvennaya letopis’* 7 (1912): 104.
- Livak, L. “Liudmila Savitskaia v modernistskoi kul’ture.” In *Zhila-byla perevodchitsa: Liudmila Savitskaia i Konstantin Bal’mont*. Prefaced, edited and annotated by Leonid Livak, 6–81. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020.
- Lunacharskaya-Rozenel’, N. A. *Pamiat’ serdtsa: Vospominaniia*. Moscow: Iskusstvo, 1962.
- Nedobrovo, N. V. “Obshchestvo revnitelei khudozhestvennogo slova v Peterburge.” *Trudy i dni* 2 (1912): 23–24.
- . “O Tyutcheve.” In *Literaturnaia sud’ba N. V. Nedobrovo* by E. I. Orlova, 242–74. Tomsk and Moscow: Vodoley Publishers, 2004.
- Obatnin, G. V. “Taina Viacheslava’ (Iz istorii pisatel’skogo interesa k V. Ivanovu).” In *Emigrantica et cetera: K 60-letiiu Olega Korosteleva*. Edited by E. R. Ponomarev and Manfred Schrub, 100–34. Moscow: “Dmitriy Sechin,” 2019.
- Parnis, A. E. and R. D. Timenchik. “Programmy ‘Brodiachei sobaki’.” In *Pamiatniki kul’tury: Novye otkrytiia. Pis’mennost’. Iskusstvo. Arkheologiiia. Ezhegodnik* 1983, 160–257. Leningrad: “Nauka.” Leningradskoe otdelenie, 1985.
- Pavlova, M. M. “K voprosu o datirovke tsykla F. Sologuba ‘K. D. Bal’montu’ (1912): Mistifikatsiia, inertiia, zakonomernost’?” In *Sud’by literatury Serebrianogo veka i russkogo zarubezh’ia: Sbornik statei i materialov* (Pamiat L. A. Iezuitovoi: K 80-letiiu so dnia rozhdeniia), 56–67. Saint Petersburg: Petropolis, 2010.
- . “Novonaidennyi tsikl K. Bal’monta ‘Triolety – F. K. Sologubu’.” In *Skreshcheniia sudeb: Literarische und kulturelle Beziehungen zwischen Russland und dem Westen. A Festschrift for Fedor B. Poljakov*. Edited by Lazar

- Fleishman, Stefan Michael Newerkla and Michael Wachtel, 103–16. Berlin: Peter Lang, 2019.
- Serpinskaia, N. *Flirt s zhizn'iu*. Moscow: Molodaia gvardiia, 2003.
- Sobolev, A. L. “Khronika odnogo skandala.” In *Strannoliubskii perebarshchivaet. Ce qu'on appelle histoire*, 217–40. Moscow: Truten', 2013.
- . “Obshchestvo svobodnoi estetiki (1906–1917): Materialy k khronike. Chast' vtoraia: 1912–1917.” *Literaturnyi fakt* 3 (2020): 88–157.
- Voloshin, M. A. *Sobranie sochinenii*. Vol. 9, *Pis'ma 1903–1912*. Edited and annotated by A. V. Lavrov, K. M. Azadovskii, N. Iu. Griakalova et al. Moscow: Ellis Lak, 2010.

КОНТУРЫ ОДНОЙ ТРАДИЦИИ: «АРИЕЦ», «СЕМИТ» И ПРИРОДА (ВОКРУГ ПОЛЕМИКИ АЛЕКСАНДРА БЛОКА И АКИМА ВОЛЫНСКОГО ОБ ИУДАИЗМЕ ГЕЙНЕ)¹

А. Б. Блюмбаум
(С.-Петербург)

Светлой памяти Миши Безродного

Конец декабря 1919 года отмечен в биографии Блока полемикой с Акимом Волынским об иудаизме Гейне, развернувшейся на заседаниях редакционной коллегии «Всемирной литературы». Первичными импульсами полемики стали, как известно, исследования Виктора Жирмунского, посвященные немецкому романтизму в целом и Генриху Гейне в частности², а также «фраза одного из участников коллегии», «основанная на книге профессора Жирмунского, о том, что Гейне изменил иудаизму» (Диспут 1923: 5), причем сам Волынский не помнил, кто именно произнес эту фразу, в то время как Блок указывает на свое собственное авторство этой реплики (см.: Блок 1962: 144). Некоторые свидетельства того, что обсуждение текстов Жирмунского на заседаниях «Всемирной литературы» оказалось весьма оживленным, находим в записных книжках Блока, где 12 декабря, то есть еще за две недели до полемики с Волынским, он фиксирует «стычку с Браудо» по поводу статьи «Гейне и романтизм» (см.: Блок 1965: 483; Иванова 2012: 522).

¹ Первым наброском данной работы стал один из экскурсов напечатанной ранее статьи: Блюмбаум 2022: 107–108. Мне хотелось бы поблагодарить Елену Глуховскую, Марию Гурьеву, Дмитрия Калугина, Бориса Маслова, Илону Светликову, Ирину Шевеленко и Анну Шибарову за неоценимую помощь.

² Речь шла о книге Жирмунского «Немецкий романтизм и современная мистика» (см.: Жирмунский 1914b), а также о статье «Гейне и романтизм» (см.: Жирмунский 1914a: 90–117).

Как бы то ни было, 26 декабря 1919 года Волынский прочел доклад³, на который Блок написал свои возражения на следующий день, а 30 декабря выступил со своей репликой на заседании «Всемирной литературы» (см.: Блок 1965: 484; Иванова 2012: 524–525). В 1923 году в «Жизни искусства» Волынский опубликовал доклад Блока «О иудаизме Гейне» вместе с *реконструкцией* своего выступления и возражениями на блоковский текст. Таким образом, у нас есть подлинный текст блоковского доклада, а также «Разрыв с христианством», более поздний текст Волынского, в котором, по его собственным словам, он воспроизвел основные положения, проартикулированные им в ходе полемики в декабре 1919 года⁴; к этой публикации критик приложил краткие возражения на реплику поэта. Несмотря на то, что текст доклада Волынского, произнесенного на заседании «Всемирной литературы», неизвестен, попробуем, опираясь на блоковские возражения, воспользоваться его более поздней авторской реконструкцией, опубликованной в 1923 году, и попытаемся проинтерпретировать некоторые линии этого спора. Не претендуя на то, чтобы дать исчерпывающий анализ полемики и сложной позиции Акима Волынского, который в 1923 году был поглощен своим большим «гиперборейским» проектом⁵, я сосредоточусь только на одном из идеологических моментов дискуссии декабря 1919 года и попробую описать общие контуры интеллектуальной традиции, которая является актуальной для его понимания. Религиозно-расовая проблематика особого чувства природы, свойственного, по мысли Волынского и вполне солидарного с ним Блока, семиту и так резко отличающего семита от арийца с его *Naturgefühl*, и станет предметом данной работы.

³ Об интеллектуальных столкновениях Волынского с Блоком в 1919 году см.: Толстая 2013: 432–446.

⁴ В своей книге о Волынском Елена Толстая так характеризует текст 1923 года: «... Волынский по отрывочным записям восстановил свое собственное выступление, в чем-то сократив, а в чем-то обогатив его» (Толстая 2013: 439).

⁵ См. об этом: Толстая 2013: 543–553.

I

Опираясь напрямую, по всей вероятности, на книгу Жирмунского, Вольтинский определяет романтизм как «мышление духа в терминах природы», то есть как видение «ноуменального мира» «через природу», как отсутствие отчуждения, разрыва, зазора между спиритуально-потусторонним и природным. Тем не менее, давая общее определение романтизму, Вольтинский дифференцирует немецкое романтическое движение (материал доклада исключительно немецкий) исторически. Вслед за первым этапом романтизма, который проходит под знаком Шлейермахера с его индивидуалистической «религией сердца», весьма позитивно оцениваемой Вольтинским, начинается «измена» Шлейермахеру и обращение романтиков к католицизму. Католическая фаза истории романтизма заключается в обращении к «мифологическому кресту Голгофы», «тяжести народных суеверий», предпочтении «старинной мифологии» метафизике, интеллектуализму и Гете. «Путь католической реакции и национального шовинизма», на который вступил немецкий романтизм, является возвращением к «верованиям народных масс», а политически характеризуется отрицанием «поступательного движения вперед». Именно здесь возникает пара «ариец – семит», концептуализация которой окажется решающей для понимания Вольтинским сути романтизма и позиции Гейне по отношению к нему. Причем термины «иудей» и «семит» используются Вольтинским как синонимы.

Для Вольтинского Гейне, автор «Романтической школы», – абсолютный противник романтизма прежде всего потому, что он рационалист, что напрямую соотнесено с его иудаизмом. Характеризуя иудаизм, Вольтинский вспоминает немецкое Просвещение, «знаменитую встречу арийца с семитом, Лессинга с Мендельсоном»:

Из этой встречи, созданной историческим ходом вещей, элементами нараставшей и назревавшей новой культуры, родилась вся будущая критическая школа в мире теологии. Сюда впервые вошел и иудейский глазомер: наука простейшего изучения религиозных тем, без примеси мифологического и

литургического аппарата, без слепой и ослепляющей догматики, без все утемняющей эмоциональной мистики (Диспут 1923: 6).

С одной стороны, Лессинг меняет представления Мендельсона о христианстве, с другой, «под влиянием семитического гения» Лессинг, по мысли Волынского, становится рационалистом («весь ударился в чистейший рационализм»). Предпринятая Лессингом публикация текста Самуила Реймаруса, «Вольфенбюттельских фрагментов», этого «манифеста рационализма в ярчайшем выражении», открыла новую эпоху немецкой интеллектуальной жизни и явилась истоком целого направления, прежде всего в теологии, ставшего в конечном итоге «победоносным в борьбе с реакционной мистикой новейшей литературы». «Рационалистическая страна – страна Канта» заключила «союз с семитическим духом»; специфически «иудейский глазомер» явился частью *Aufklärung*'а, исконно рационалистический иудаизм оказался созвучным Просвещению и в известном смысле даже выступил в роли важного импульса в истории прогресса человеческого разума.

«Мышление духа в терминах природы» резко отличает романтизм с его обращенностью к мистике и народной мифологии от рационалистического иудаизма. Волынский соглашается с мыслью Жирмунского, указавшего на то, что «Гейне природы совсем не чувствовал», что опять-таки связано, с точки зрения автора «Разрыва с христианством», с иудейством поэта. По мысли Волынского, «в иудаизме естество не имеет самостоятельного значения. Оно не обожествляется, не культивируется, не возносится на романтический пьедестал, как нечто самодовлеющее, насыщенное автономной красотой. Как-бы ни было грандиозно явление природы, какими бы ослепительными зигзагами молнии ни бороздили небо, какими-бы ураганами ни вздымались волны морей, чистый ортодоксальный иудей ни на минуту не остановится перед всем этим грозно величественным порядком природы с чувством всеохватывающего восхищения. Глаза его все время подняты к небу невидимому. Все происходящее на земле, все случающееся на каждом шагу он сопровождает своею бенедикцией, которая и обращает предметы жизни, предметы реального уклада, в симво-

лические знаки все санкционирующего величия. Нет автономного описания природы в Танахе – в Законе, Пророках и Ксувим» (Диспут 1923: 7). Для иудея Бог и природа оказываются разделенными, отчужденными друг от друга. В иудаизме Бог радикально трансцендентен миру, в отличие от христианства, где Бог «имманентен миру, оживляет и одухотворяет его». В христианстве Бог «говорит языком самого естества, одеваясь в его плоть». Именно это позволяет «арийской поэзии» быть насыщенной визуальной, достигать «совершеннейших подобий изобразительного творчества», которые отсутствуют в мире иудаизма, где Бог и природа не имманентны друг другу, благодаря чему «естество» не может быть религиозной или эстетической ценностью *an sich* («...на всем пространстве Библии нет никакой живописной эстетики»). Именно поэтому «еврейскому духу чужд всякий романтизм, всякое мышление духа в терминах природы». Для Волынского христианство с его имманентностью Бога миру и романтизм с его обожествлением природы оказываются неразличимы, тождественны – именно с христианским *resp.* романтическим отношением к «естеству» он соотносит *Naturgefühl* арийца.

Трансцендентность Бога по отношению к природе в иудаизме оказывается изначальной: само сотворение мира подается на основе образности божественной мысли, порождающей мироздание из себя, из чисто духовного источника. С этим Волынский соотносит и представления о творчестве, свойственные иудаизму, – в данном случае творчество понимается, по образцу божественного акта создания мира, максимально интеллектуализированным и рационалистическим. Отчужденность иудея / семита от природы становится в данной перспективе воплощением, почти эмблемой рационализма.

Волынский стремится радикально десемитизировать замешанное на мистике, магии и народных суевериях хамитское христианство, жестко дистанцировав его от рационалистического, элитистского и интеллектуалистского иудаизма. С его точки зрения, христианство – это «...сплав разнородных стихий, в котором все бурлит, в котором нет ничего устойчивого в идейном смысле слова. Амальгама хамитской мистики и месопотамской магии с примесью

густых яфетидских наслоений, завернутая в эллинский плащ филоновской вышивки – вот что такое христианская идеология в ее популярнейших церковных редакциях. Хамитская мистика на первом плане. Магическая культура, с ее простонародным знахарством, воскрешением мертвых, чудесным исцелением прокаженных, с ее непорочным зачатием в центре всей легенды о Христе, все это в исторической перспективе является ничем иным, как грубейшим барабаном народного суеверия» (Диспут 1923: 9). Хамитский народный мистицизм, по мысли Волынского, стремился «подмыть основные устои семитического духа»; евангельские тексты, апеллировавшие к хамитским суевериям социальных низов, представляли собой угрозу высокой «культуре». Семитический элитарный рациональный иудаизм противопоставляется мистике и магии хамитской толпы, которые и являются основой христианства.

Характеризуя хамитский фундамент христианства с его «магической культурой, с ее простонародным знахарством, воскрешением мертвых, чудесным исцелением прокаженных», Волынский пишет:

Христианство держится на хамитстве. Это его плоть и кровь. Это религия народных масс, женщин и детей, религия прокаженных и юродивых, кликуш и кровоточивых. Эти массы заполняют собою страницы евангельских повествований, образуя какой-то вид трагического хора вокруг героического корифея, угрожающего своими полчищами бронзовым твердыням старо-давней культуры, книжной начитанности и образованности страны. Среди верных сынов синайского солнца христианство никогда не имело и никогда не будет иметь многочисленных адептов, потому что дух иудаизма, рожденный в чистейшем источнике единого света, не влечется ни к каким бенгальским огням мировых пиротехников и фейерверкеров (Диспут 1923: 9).

Несколько загадочное упоминание «пиротехников и фейерверкеров» в религиозном контексте становится, как кажется, несколько понятнее, если вспомнить «Три разговора» Владимира Соловьева⁶,

⁶ Чье имя, точнее говоря, чья предсмертная молитва за еврейский народ упоминается Волынским в негативном контексте в финале статьи.

в предисловии к которым автор так характеризует деяния лжепророка:

Данный в Откровении характер лжепророка и прямо указанное там назначение его – морочить людей в пользу антихриста – требуют приписать ему всякие проделки колдовского и фокуснического свойства. Достоверно известно, dass sein Hauptwerk ein Feuerwerk sein wird: «И творит знамения великие, так что и *огонь* заставляет нисходить с неба на землю перед лицом людей» (Апокал. XIII, 13). Магическая и механическая техника этого дела не может быть нам заранее известна, и можно только быть уверенным, что через два или три века она уйдет очень далеко от теперешней (Соловьев 1904: XVIII).

Если для Соловьева *ein Feuerwerk* – это ложные чудеса, творимые лжепророками «в пользу антихриста», неслучайно представшего в «Краткой повести» «ученым-артиллеристом» (Там же: 167), то для полемически настроенного Волынского «фейерверкеры и пиротехники» оказываются мистификаторами, использующими иррациональность малокультурных христиан, творящими «чудеса» на потребу доверчивой и невежественной, жаждущей «чуда» христианской толпе, причем эта «пиротехника» и *есть*, с точки зрения Волынского, та машинерия, которая поддерживает хамитскую основу христианской религии в рабочем состоянии. В данном контексте интенции Соловьева, выступившего в своей последней книге против толстовства, против рационального, рационализированного христианства, отвергнувшего евангельские чудеса как «миф», исключившего наиболее важное мистическое событие – воскресение Христа, – могли казаться Волынскому с его представлениями о рационализме и интеллектуализме иудаизма чистейшей апологией «хамитизма», хотя это предположение требует дальнейших исследований⁷.

С точки зрения автора «Разрыва с христианством» Гейне оказывается абсолютным противником романтизма. Уже тексты пер-

⁷ О весьма недружественных, полемических взаимоотношениях Волынского и Соловьева см.: Межуев 2007: 194–213.

вой, весьма позитивно оцененной Волынским фазы немецкого романтизма с его «мышлением духа в терминах природы» предстают чуждыми иудейскому сознанию Гейне, для которого, как уже отмечалось, Дух и природа радикально отчуждены друг от друга. Обращение же немецких романтиков к католицизму с присущими «хамитическому» христианству народными суевериями, мифологией и мистикой, а также связанной с католическими симпатиями политической реакционностью провоцирует сарказм рационалиста, прогрессиста⁸ и семита Гейне:

К католическому же варианту романтизма он мог отнестись только враждебно. Самое христианство, этот чистый вид романтизма в религиозном мышлении народных масс, всегда отлично уживавшееся с романтическими течениями в литературе, раздражало в нем его семитическую натуру (Диспут 1923: 9).

Для Волынского романтизм и иудаизм исключают друг друга. Для автора статьи «иудей-романтик вещь совершенно невозможная», что становится определяющим для его понимания позиции Гейне по отношению к романтизму – его тотального неприятия романтизма и неотличимого от него католицизма с его «хамитской» основой. Антиромантические выпады Гейне в «Романтической школе»⁹ с его апелляциями к «носителям немецкого рационализма» оказываются в данной перспективе своего рода радикальной манифестацией семитизма и иудаизма, которому поэт, с точки зрения Волынского, даже несмотря на факт крещения, никогда не изменял.

⁸ «Романтики пошли вместе с реакционерами политическими и богословскими. Но в сердце остроумного гения не было ни одного мотива, который мог бы звучать реакционно для какой-либо эпохи. Даже книга его "Le grand", посвященная Наполеону, которая при узком истолковании может возбудить сомнения относительно своей прогрессивности, пронизана насквозь любовью к декларации человеческих прав и к победоносной французской революции, детищем и завершением которой является Наполеон. Не забудем, что цепи гетто пали под бой барабанов!» (Диспут 1923: 6).

⁹ См. к примеру: «...разрыв между романтикой и рационализмом стал оттого еще больше, и уже на другое утро после свадебной ночи рационализм сбежал к себе домой и не хотел больше иметь ничего общего с романтикой» (Гейне 1958а: 199).

Свое выступление Блок начал с резюме основных тезисов Во-лынского, отметив, в частности, тот факт, что «Волынский говорил об иудейской сущности христианства и о несродности его арийским племенам». Блок указал, что докладчик «увлекся иудейско-рационалистическим элементом христианства и во имя его проклял все остальное» (Блок 1962: 144, 146), вопреки тому, что говорил Волынский, который радикально деюдаизировал христианство, попытавшись продемонстрировать чуждость ему рационалистического иудаизма¹⁰.

На самом деле, соблюдая известную осторожность, Блок движется в том же направлении, что и Волынский, аккуратно дистанцируя иудаизм и христианство, арийцев и семитов друг от друга. Не отрицая «иудейского элемента христианства», Блок, тем не менее, ариизирует христианство (см.: Блюмбаум 2017: 180–181, 231); он указывает и на его «чисто арийскую основу», на «платонический или гностический» «элемент», помня, по всей вероятности, о том, что Владимир Соловьев рассматривал гностицизм как полемику с иудейской составляющей христианства (см.: Там же: 231). С точки зрения Блока, в противоположность «иудейско-рационалистическому элементу», с арийской основой христианства соотнесены «Веданта, Платон, гностики, платоновская традиция в итальянском Возрождении (правда, очень незначительный этап), иенский романтизм 1787–1801 годов и (может быть, еще менее заметный этап) русский символизм на рубеже XX столетия» (Блок 1962: 146). Далее «христианский» и «арийский» уже не будут различаться Блоком, построившим свой доклад (в отличие от Волынского, который радикально юдаизировал Гейне) на представлении о гейневских «изменах» религии предков, о двойственности немецкого поэта, причастного не только иудаизму resp. семитизму, но и христианству resp. арийству.

¹⁰ В своих возражениях Волынский особо остановился на этом месте блоковского доклада: «... в докладе моем нигде не указывал ни разу на “иудейскую сущность христианства”. Напротив, моею основною задачею было всегда выделение иудейского элемента из состава христианства. Характерным для этой новой системы мысли являлся вовсе не иудейский, а хамитский элемент, внедрившийся в тело еврейства» (Диспут 1923: 13).

В этом контексте возникает полемика Блока с Волыньским о чувстве природы, которое отличает арийца от семита:

Во-первых: Гейне действительно чувствует природу не так, как чувствовали ее иенские романтики: стоит сравнить для этого впечатления от восхода солнца на Гарце в описании Тика и в описании Гейне. Однако в «Путевых картинах» есть намеки, указывающие на то, что Гейне был почти способен переселяться и в романтическое чувство природы (Ильза).

Во-вторых: Гейне действительно чувствует природу как *natura naturans*; он чувствует, как пламенный иудей, это навиновское солнце, горящее в его собственном мозгу.

В-третьих: по глубочайшему замечанию Волыньского, евреи не чувствуют природы как *natura naturata*; да, это так. Но Гейне есть величайшее исключение, подтверждающее это правило. Он чувствовал иногда *natura naturata* как дай бог арийцу, он способен дать в одной лирической строке откровение о *natura naturata*, не уступающее нашему Фету или Тютчеву. И это гениальное арийское чувство *natura naturata* есть новая измена иудейскому гениальному чувству *natura naturans* (Блок 1962: 149).

Оставляя в стороне спинозианскую терминологию, которая исчезла из реконструкции 1923 года, сохранившись только в ответном докладе Блока, уместно вспомнить о том, чему посвящены исследования Виктора Жирмунского, ставшие важным импульсом и фоном полемики 1919 года. В своих работах, опубликованных в 1914 году, Жирмунский описывает «мистическое чувство» иенских романтиков (которых Блок соотносит с «арийской основой христианства»), понимая под этим ощущение имманентности божественного природному, иномирному посюстороннему, или, говоря словами Волыньского, «мышление духа в терминах природы»: «Мистическое чувство романтиков видит во всем конечном бесконечное: это – положительное чувство присутствия Бога в мире» (Жирмунский 1914b: 24). С точки зрения исследователя, основная задача романтизма – «примирение мира и Божества, индивидуального и бесконечного, культуры и религии» (Жирмунский

1914a: 91). Природа для романтика «одушевлена; она – результат действия духовных сил» (Там же: 92). Для второго этапа романтизма, согласно Жирмунскому, характерна «спиритуализация» «романтического чувства» – теперь «бесконечный мир» «противопоставляется» «миру конечному, как миру низкой действительности», природа оказывается расколдованной, единство Бога и мира, культуры и религии распадается, а «романтизм из предмета веры превращается в литературу» (Там же: 94–95; курсив автора). В данной перспективе Гейне оказывается «характерным представителем позднего романтизма» с его «оскудением подлинного мистического переживания». Для поздних романтиков одушевление природы в литературном тексте является лишь приемом, «художественной формой», поэтическим «средством» – именно поэтому поздний романтик Гейне «природы совсем не чувствует» (Там же: 99).

Подхватывая мысль Жирмунского, Волынский предлагает другую мотивировку нечувствительности немецкого поэта к природе; он переводит разговор из историко-литературной плоскости, из истории немецкого романтизма в религиозно-расовую сферу, дистанцируя рационалиста / иудея Гейне от мистического христианского / арийского романтизма вообще¹¹. Иными словами, трансцендентность божественного, спиритуального, идеального и, соответственно, равнодушие к «обезбоженной», по слову Шиллера, расколдованной природе в позднем романтизме становится в «Разрыве с христианством» иудейским рационалистическим отчуждением от «естества». Родной для иудея пейзаж, в котором рождается его рационализм, – пустыня, нулевая степень природы, в

¹¹ В более ранних текстах Волынского можно найти и другие истолкования Гейне, который демонстрирует в данном случае отнюдь не цельность «Разрыва с христианством», а идеологическую и психологическую антитетичность. Так, например, в 1902 году Волынский характеризует Гейне как «великого декадента»; немецкий поэт для Волынского в данном случае «человек великого таланта и великого разлада, человек, любивший то, чего в нем не было, – цельную, здоровую, так сказать, честную красоту эллинского мира» (Волынский 1922b: 40). Под симпатиями Гейне к эллинскому миру Волынский, по всей вероятности, имеет в виду некоторые пассажи «Людвига Берне».

которой ничто не в состоянии отвлечь его от умственной, интеллектуальной устремленности к трансцендентному божеству:

На всем своем пути через пустыню, от Цоана Таниса до Кадеша Варни, народ еврейский ни разу не встретился с явлением, которое заслужило-бы само по себе, в своем индивидуальном очертании, особого внимания с его стороны (Диспут 1923: 7).

В мемуаре о Чехове 1925 года Волынский снова подчеркивает соотнесенность своего рационализма, то есть иудаизма с пустыней: «Мой рационализм не российского происхождения, с других *пустынных высот*» (Волынский 2011: 70; курсив мой).

В свою очередь, Блок, соглашаясь с Волынским в том, что Гейне чувствовал природу как «пламенный иудей», одновременно с этим ариизирует Гейне, сближая поэта с романтизмом и его мистическим чувствованием природы («Он чувствовал иногда *natura naturata* как дай бог арийцу»), то есть именно с тем переживанием природы, которое Жирмунский приписывает йенскому романтизму (Тик), соотнесенному Блоком, как уже отмечалось, с «арийской основой христианства»¹². Иначе говоря, едва ли не основными референтами полемики становятся противопоставленные друг другу рационалистическое отчуждение от природы иудея-семита и мистическая близость к ней христианина-арийца.

Для Волынского с его апелляцией к Лессингу и Мендельсону иудаизм предстает своего рода основанием идеи прогресса человеческого разума, рационализации религиозной сферы, радикальной критики мифологии, мистики и суеверий традиционной религии. Иными словами, иудаизм оказывается соотнесенным с полюсом, который Блок должен был идентифицировать как Просвещение. Христианство подается при этом Волынским как интеллектуальный регресс, как своего рода «хамитская» «реакция», угрожающая просветительно, рационалистически понятой «культуре»-иудаизму.

¹² В данном контексте Блоку, по всей видимости, было важно процитировать в своем докладе признание Гейне 1854 года о «безграничной тоске по голубому цветку» (Блок 1962: 147), то есть о значимости для немецкого поэта идеалов и установок мистического йенского романтизма.

Так, например, в маленькой книжке «Четыре Евангелия», которая мыслилась автором как еще один фрагмент «Гиперборейского гимна» и была опубликована почти синхронно с «Разрывом с христианством», он недвусмысленно указывает на то, что

Своим рационализмом, своею оппозицией всем проявлениям хамитизма, своим постоянным противоборством мистике народных настроений еврейство служило, в сущности говоря, только интересам культуры, побуждаемое вечным страхом поджога защищаемых им благ. <...> Знамя иудаизма призывает к отвержению мистики низов. Око рационализма глядит в упор солнечному богу (Волинский 1922а: 33–34).

Солнечный бог – это, разумеется, Аполлон¹³, который, по всей вероятности, противопоставлен Волинским экстатически иррациональному Дионису хамитского христианства¹⁴, с которым в докладе о Гейне он идентифицирует «реакционный» романтизм.

Блок подхватывает мотивы конфликта рационального иудейского Просвещения и мистического арийского романтизма,

¹³ Обращения к рационалистическому Аполлону появляются в текстах Волинского намного раньше; ср., например, в 1910 году: «Тогда, при общей талантливости русской природы, при ее тончайшей способности осязать бесплотное, при ее чуткой тактильности по отношению к нежнейшим движениям человеческого сердца – то, что сделало русскую литературу одним из великих явлений мира, – Россия может явиться настоящим Вифлеемом для религии нового человека, ибо новая религия не может быть нечем иным, как духовным опознанием, в идейном энтузиазме, всех чувственных явлений мира. Тогда Россия делается родиной *нового Аполлона, этого высшего символа человеческой интеллектуальности*» (Волинский 1910: 31–32; курсив мой). Интерес Волинского к солнечному богу спровоцировал приглашение критика в «Аполлон» с предложением, поступившим от главного редактора Сергея Маковского, написать программную статью для новой журнальной антрепризы, однако трудный характер предполагаемого автора помешал этому сотрудничеству (см.: Лавров 2007: 393–406). См. также придуманный Волинским проект балета «Рождение Аполлона»: Волинский 1923: 2–5.

¹⁴ Следует также отметить, что в «Четырех Евангелиях» вслед за приведенным фрагментом следует занятный пассаж о христианской церкви, которая, в отличие от иудаизма, отвергающего мистику низов, занята спиритуальной переработкой аффектов невежественной толпы, чтобы извлечь «свет для будущего» (Волинский 1922а: 34), а не использованием народных суеверий, как можно было бы предположить, читая «Разрыв с христианством».

которые достаточно четко проартикулировал Волынский. Следует напомнить, что осенью 1919 года поэт сочиняет обращенную к артистам БДТ апологетическую речь «О романтизме», построенную на многочисленных реминисценциях книги Жирмунского о йенцах (см.: Блюмбаум 2017: 198–231). В этой речи и некоторых других текстах Блок проговаривает важный идеологический момент, а именно необходимость отказа от рационалистического отчуждения от природы ради орфизма литературы, единства мистически понятой «культуры» и «стихии», религиозного искупления, «спасения природы» «культурой» – топика, напрямую позаимствованная им из текстов Жирмунского, согласно которому йенский романтизм, как уже отмечалось, ставил своей основной задачей снятие взаимоотношения Бога и природы, а также культуры и религии (см.: Блюмбаум 2022: 92–113). С такой мистической семантикой понятия культуры легко соотносилось истолкование Блоком революции, поданной в 1918 году в «Катилине» как религиозное экстатическое неистовство, готовое сокрушить рациональный либеральный мир XIX столетия (см.: Блюмбаум 2018: 117–133), а в 1919-м, в «Крушении гуманизма», – как «возвращение к природе», как снятие, стирание интеллектуалистского отчуждения от «естества» (см.: Блюмбаум 2022: 92–113). В данном контексте более чем понятно стремление Блока указать на «измены» Гейне иудаизму и попытаться увидеть в «пламенном иудее» с его рациональным отчуждением от природы романтического мистика, видевшего *natura naturata*, природу сотворенную¹⁵ «как дай бог арийцу», для которого природа одушевлена присутствием иномирной инстанции, Души мира и т. п., – сблизив тем самым *Weltanschauung* таким образом понятого Гейне со своей собственной позицией и по возможности дистанцировав его от ненавистного еврейского Просвещения¹⁶.

¹⁵ В своем ответе поэту сам Волынский так комментирует свое использование терминов Спинозы, подхваченных Блоком в «Иудаизме Гейне»: «...я несомненно указывал на то, что еврейскому духу *natura naturans*, природа творческая, природа зиждительная, библийский Элогим, бесконечно ближе феноменального мира естества, называемого *natura naturata*» (Диспут 1923: 14).

¹⁶ В контексте описываемой полемики не удивительна интерпретация Волынским Христа «Двенадцати» как Христа народной мистики и суеверий. По мемуарному

2

Для того чтобы кратко описать историю представления об отчужденности евреев от природы, столь длительное время регулярно воспроизводившегося в разного рода текстах¹⁷, включая полемику Блока и Волынского 1919 года, необходимо начать с текстов раннего Гегеля¹⁸.

На ранних этапах мышление Гегеля отмечено проблематикой позитивной и непозитивной религий. С точки зрения молодого Гегеля, позитивная религия – это религия, императивы и предписания которой являются внешними по отношению к субъекту, отчужденными от него – например, в случае субъекта-человека, внешними по отношению к человеческому разуму, а в случае народа-субъекта – к обычаям народной жизни. В данной перспективе непозитивными религиями представляли рациональная религия Христа (в противоположность христианству) и народная религия древних греков, а наиболее законченным воплощением позитивной религии оказывался иудаизм с его внешним по отношению к разуму и народной жизни Законом.

Во франкфуртский период своей карьеры (1797–1800) Гегель сосредотачивается на проблематике соотношения религии и народной жизни – и здесь он выстраивает гораздо более детализированную картину противопоставления иудея и эллина, иудаизма как рабского отношения к Закону и греческой религии как религии свободы и красоты.

свидетельству А. А. Гизетти, «...Волынский в речи о “Двенадцати” Блока (в первую годовщину его смерти, в Доме Литераторов) сопоставил Христа своих “Четырех Евангелий”, Христа, как демагога-вождя “хамитско-кушитских масс”, с Христом, являющимся в финале поэмы Блока» (Гизетти 1928: 80).

¹⁷ В предисловии к написанной во время Второй мировой войны во Франции любопытной книге о Кафке венгерский писатель Андор Немет рассказывает о разговоре с одним юдофобски настроенным знакомым, который, помимо всего прочего, отметил, что законники-евреи концентрируют все свое внимание на словах и «не знают природу, живую книгу Господа» («ignorent la nature, vivant livre du bon Dieu» [Nemeth 1947: 8]).

¹⁸ Характеризуя позицию Гегеля, я буду опираться в значительной степени на работы историков философии, посвященные мышлению философа об иудаизме и еврействе, и прежде всего на: Rotenstreich 1953: 33–52; Rose 1990: 109–116; Legros 1997: 11–45.

С точки зрения Гегеля, иудаизм отмечен несколькими фундаментальными отчуждениями, из которых для нас важны отчуждение от природы и от Бога. Изначально отношения человека с природой являлись отношениями единства – любви, почитания, дружбы и т. п. Роковым для истории еврейства стал Всемирный потоп, когда природа предстала еврею силой могущественной и враждебной. В отличие от греков, сохранивших изначальное единство с природой, после исторической травмы потопа евреи пошли по другому пути – отныне природа представлялась им лишь как стихия опасная и недружественная, которую необходимо подчинить. Ужас перед природой приводит евреев к тому, чтобы искать защиты от нее у Бога, радикально отчужденного от мира и более могущественного, чем природа.

По Гегелю, изначальное единство человека с природой предполагало единство с природой обожествленной. Отношения с обожествленной природой означали веру в природных богов, а сама природа мыслилась при этом как единство земного и небесного, чувственного и духовного, конечного и бесконечного и т. п. Вместе с отчуждением от «природы, лишенной, с точки зрения иудеев, бога и святости» (Гегель 1975: 104), возникает и отчуждение от божества, которое отныне становится трансцендентным миру. Именно с десакрализацией природы связан запрет на сотворение идолов, на идолопоклонничество – отчужденное от природного, чувственного, божество теперь предстает в «невидимой форме абстракции», по выражению Робера Легро, а лишенный спиритуальной составляющей мир оказывается чистой материальностью. По контрасту с иудаизмом греческая религия для Гегеля – это религия, в которой нет разделений и отчуждений; эллин, с точки зрения философа, видел вечное в преходящем, бесконечное в конечном – иначе говоря, божественное в природном.

Для молодого, теологически ориентированного Гегеля религиозным идеалом является единство небесного и земного, которое воплощает греческая религия. На этом фоне иудаизм предстает чистой негативностью, миром, оставленным богами, – как в „Die Götter Griechenlands“, «Богам Греции», исключительно важном для

немецкого мыслителя тексте Шиллера. Впоследствии, когда Гегель станет философом истории, эллин и иудей, греческий политеизм и монотеизм иудаизма перестанут быть двумя крайними полюсами гегелевского понимания религиозного вообще и окажутся лишь этапами воплощения Абсолютного Духа, вехами диалектической истории, финалом которой он мыслил абсолютное единство спиритуального и природного.

В лекциях, посвященных философии истории, читавшихся в 1820-х гг., Гегель описывает иудаизм как одновременно вписанный в восточный мир и демонстрирующий разрыв с ним. Этот разрыв, религиозную основу и специфику иудаизма, Гегель подает как отчуждение Духа от природы, концептуализируя иудаизм как «религию возвышенного» (по формулировке Натана Ротенстрейха), построенную на отчуждении Бога от мира. Сознание иудея «направлено на чистый продукт мышления, на мышление о себе, и духовное начало развивается в своей крайней определенности в противоположность природе и единству с нею» (Гегель 1993: 228). В этой перспективе природа воплощает для еврея чистую тварность; в иудаизме она «унижается и считается сотворенной, а первым принципом является дух» (Там же). Распад единства божественного и природного, духовного и чувственного резко меняет статус природы, которая теперь «низводится на степень чего-то внешнего и небожественного» (Там же). Трансцендентный миру Бог «возвеличивается, так как вся природа является украшением Бога и вместе с тем служит ему» (Там же: 229). Причем, подчеркивая «небожественный» характер природы в иудаизме, Гегель прибегает к топике «обезбоженной природы», прозрачно отсылая к *die entgötterte Natur* «Богов Греции»¹⁹. Он отмечает, что для евреев „...die Natur ist entgöttert“ (Hegel 1848: 241)²⁰, истолковывая, по всей вероятности, стихотворение Шиллера в рамках своей философии истории как текст об отчуждении Духа от природы.

¹⁹ „Dient sie knechtisch dem Gesetz der Schwere, / Die entgötterte Natur“ («Рабски служит она закону тяготения, обезбоженная природа»).

²⁰ «...у природы отнята божественность (entgöttert)» (Гегель 1993: 230). О Гегеле и стихотворении Шиллера см.: Josephson-Storm 2017: 85–86.

Концептуализация Гегелем эллина и иудея в «Лекциях по философии истории» нашла широкий отклик. Так, например, важную роль эта дихотомия, противопоставление «чахлой почвы Иудеи» и «цветущей Греции», играет в текстах Гейне, где иудей соотнесен с полюсом религии, «спиритуальности», «жизни в духе», а «жизнерадостный» эллин – с «духом жизни», искусством и прогрессом (Гейне 1958b: 15, 42, 311). Причем в очерке о Людвиге Берне Гейне проговаривает мысли Гегеля об отчуждении духовного, спиритуального от природы в иудаизме, напрямую упоминая их автора:

Если пророк Востока назвал их «народом книги», то пророк Запада определил их в своей философии <истории> как «народ духа»²¹. Уже в самые первые дни своей истории евреи, как мы замечаем в Пятикнижии, обнаруживают свою склонность к отвлеченному, и вся их религия есть не что иное, как только акт диалектики, в силу которого материя и дух разделяются и абсолютное признается только в исключительной форме духа. Какое ужасающе одинокое положение им пришлось занять среди других народов древности, которые, отдаваясь радостному культу природы, понимали дух скорее в явлениях материи, в образах и символах! Какой ужасный контраст они поэтому являли с пестро расцвеченным иероглифическим Египтом, с Финикией, великим храмом утех, где чтили Астарту, или с прекрасной грешницей, с милой, благоуханной блудницей вавилонской, и, наконец, с Грецией, цветущей родиной искусств!

Постепенно этот народ духа целиком освобождается от материи, постепенно происходит его полная спиритуализация, и это представляет поразительное зрелище. Моисей окружил дух, так сказать, материальными твердынями для защиты от реального

²¹ В этом переводе, находящемся в читательском обиходе, по непонятной причине пропущено слово «история», ср. в оригинале: „Wie der Prophet des Morgenlandes sie ‘das Volk des Buches’ nannte, so hat sie der Prophet des Abendlandes in seiner Philosophie der Geschichte als ‘das Volk des Geistes’ bezeichnet“ (Heine 1959: 204). В переводе Петра Вейнберга все слова на месте: «Как пророк Востока назвал их “народом книги”, так пророк Запада обозначил их в своей философии истории “народом духа”» (Гейне 1904: 544).

натиска соседних племен: вокруг поля, где он сеял дух, он насадил терновую изгородь – строгий церемониал закона и эгоистическое национальное чувство (Гейне 1958b: 36–37).

Отсутствие культа природы, свойственного другим народам, дистанцирует иудеев от них, постепенное «освобождение от материи», «спиритуализация» отчуждает евреев от окружающего их мира (и в частности от Греции, «родины искусств») и порождает национальную замкнутость и «эгоизм» – топка, в разных концептуальных воплощениях широко представленная в текстах девятнадцатого века об иудаизме и еврействе, например у младогегельянцев, и, возможно, подхваченная ими у Спинозы (см.: Arkush 1991: 211–223).

Так, например, Людвиг Фейербах в «Сущности христианства» описывает иудаизм исключительно в терминах «эгоизма», понятого не в духе национальной отчужденности (часто встречающийся мотив), а как эгоистическое пользование природой исключительно для удовлетворения повседневных потребностей и нужд, причем наиболее существенным в данной перспективе оказывается специфически иудейское представление о сотворенности мира Богом, о радикальном дуализме мира и Бога, «изделия» и творца. С точки зрения Фейербаха, иудейский монотеизм предполагает «взгляд на природу как на объект произвола, эгоизма, низводящего природу только на степень средства к достижению произвольных целей» (Фейербах 1995: 114). Для иудея природа не обладает самостоятельной ценностью и значимостью, являясь «вещью, ничтожной самой по себе» (Там же: 115); даже «прославляя мощь и величие природы», иудей «только прославлял мощь и величие Иеговы» (Там же: 118).

Эгоистическому иудейскому монотеизму Фейербах противопоставляет политеизм греков, живших в гармонических отношениях с природой, которую они ценили ради нее самой. Эта неотчужденность от природы, это неэгоистическое отношение к миру, специфическое для политеизма, оказывается истоком эстетического взгляда на мир, а также теоретического познания природы:

Для кого природа – прекрасное существо, тот видит *цель* и основание ее существования *в ней самой* и не может задаться вопросом, почему она существует. В его сознании и мирозерцании понятие *природы отождествляется* с понятием *божества*. Он убежден, что природа, действующая на его чувства, возникла, произошла, но не была сотворена в собственном смысле, в религиозном смысле, т. е. она не есть произвольный продукт, изделие. Сам факт возникновения не включает в себе, по его мнению, ничего дурного, нечистого, небожественного; он и богов своих считает существами возникшими. Производительная сила является в его глазах первой силой, и поэтому он считает основанием природы действительную, в его чувственном созерцании проявляющуюся силу природы. Так мыслит человек, относящийся к миру эстетически или теоретически, ибо теоретическое созерцание первоначально есть эстетическое, эстетика есть *prima philosophia*, так он мыслит, отождествляя понятие мира с понятием космоса, красоты, божественности (Там же: 113; курсив автора).

В противоположность не отчужденным от природы политеистам-грекам, видящим в мире гармонию и красоту, создающим науку, философию и прекрасные произведения искусства, утилитаристски пользующийся творением монотеист-иудей видит в языческом культе природы лишь идолопоклонство, заслоняющее божественного творца мироздания.

Топика присущего иудаизму отчуждения от природы попадает и в чрезвычайно важные французские тексты. Так, мы находим эти представления в книге «О гении религий» (1842) ориентированного на немецкую интеллектуальную традицию историка и философа Эдгара Кине. С точки зрения Кине, между развоплощенным Богом иудаизма и природой существует зазор, дистанция; природа не является «одеянием» Бога, его «словом», «эхом» и «образом», пребывая в рабской зависимости от прихоти властного Иеговы. Перед лицом Божиим природа представляет собой «ничто»:

...la nature n'est pas même un vêtement pour Jéhovah ; il peut la refaire, la briser, s'il lui plaît. Les vents ne sont pas son souffle ; ils sont ses

envoyés. Les étoiles ne sont pas ses regards, elles sont ses esclaves. Le monde n'est pas son image ; il n'est pas son écho ; il n'est pas sa parure ; il n'est pas sa lumière ; il n'est pas sa parole. Qu'est-il donc ? Il n'est rien devant lui (Quinet 1842: 362).

Кине полагал, что, в отличие от других восточных божеств (Индры, Ормузда), Бог иудеев не открывается верующему в явлениях природы. Пространство богоявления в данном случае – это пустыня, несколько парадоксальный ландшафт, лишенный природы, место, «где природа отсутствует», где «многообразие природных форм» не может вступить в «соперничество» с божеством. Именно пустынный пейзаж, среда обитания евреев, этих людей пустыни, и является местом пребывания их дистанцированного от мира Бога:

N'oubliez pas qu'il ne se révèle pas comme Indra au milieu de la nature des tropiques, où tout provoque à l'idolâtrie, à la pluralité des formes ; ni comme Ormuzd sur les monts de la Bactriane, près des sources enflammées d'où jaillit le culte du foyer ; ni sur les bords du Nil, de l'Euphrate, où chaque vague peut cacher une divinité murmurante. Où donc a-t-il voulu paraître ? Où prend-il en quelque sorte sa forme ? Dans le désert, c'est-à-dire dans un lieu d'où la nature est absente, où le monde s'arrête, où il n'est rien qui puisse entrer en rivalité avec lui, où personne n'habite que lui-même, où son ombre est son unique compagnon. Il se révèle dans la nudité de l'Horeb, comme le Christ dans la nudité de Bethlehem. C'est la patrie naturelle du dieu jaloux. Partout au loin, la nature déchirée, sacrifiée, l'univers disparu, ni fleuve, ni source à adorer, ni bois, ni métal pour en faire un simulacre ; pas même une voix, hormis celle de la foudre ; mais partout la face de Jéhovah, seule brillante dans le vide de l'immensité, l'Esprit seul debout au milieu de son temple invisible. Et la race d'hommes qui doit nourrir cette révélation dans son coeur, où est-elle née ? Dans le désert. Les patriarches qui l'ont reçue, quels sont-ils ? Des Arabes du désert. Moïse qui l'a renouvelée, qui est-il ? Un berger du désert. Où les tribus font-elles leur éducation de quarante années ? Au milieu des pierres d'Arabie, ce peuple grave en son coeur de pierre l'enseignement du désert. Toujours le désert se montre à l'horizon, quand vous prononcez le nom de Jéhovah. Il en est le génie, l'éternel habitant (Там же: 365–366).

Определяющий для иудаизма характер пустынного пейзажа, представленный у Кине, подхватывает другой французский германофил, прославленный филолог и профессиональный гебраист Эрнст Ренан в своем весьма влиятельном исследовании 1855 года «Общая история и сравнительная система семитских языков»²². Продолжая линию противопоставления арийства и семитизма, намеченную либеральной, антикатолической традицией Эдгара Кине и Жюль Мишле, у которых семитизм ассоциировался с консерватизмом церкви (см.: Arvidsson 2006: 92), Ренан целиком опирается на расовую модель, ставшую частью научного дискурса, пытаясь, тем не менее, определять расу не биологически, а лингвистически²³. Язык и религия оказываются для Ренана выражениями определенной ментальной реальности. Эта экспрессионистская модель приводит его к основным параметрам, на основе которых он выстраивает противопоставление арийца и семита. Религией арийца или индоевропейца является политеизм, под которым понимается обожествление природы. Монотеизм семита, напротив, соотношен с отчуждением от природы. Именно здесь в системе аргументации Ренана возникает топика пейзажа, того специфического пустынного ландшафта, который, как и в книге Кине, становится своего рода антиприродой и, соответственно, местом монотеистической религиозной революции. Сама пустыня в тексте Ренана приобретает монотеистический характер:

²² Говоря о влиянии этих идей Кине на книгу Ренана, Морис Олендер отсылает к курсу лекций Кине о мусульманстве, прочитанному в Коллеж де Франс в 1845 году (см.: Олендер 2008: 46), тогда как Лодис Рета прямо указывает в этой связи на «Гений религий», отмечая, что « pour Renan comme pour Quinet les paysages se font porteurs d'une révélation » (Rétat 2013: 71); прямо соотносит мысль Кине о влиянии пустыни на семитов с концепцией не упоминающего Кине Ренана и Гай Струмза (см.: Stroumsa 2021: 109). На книгу Струмзы мое внимание любезно обратила Илона Светликова.

²³ О филологической позиции Ренана см.: Козлов 2020: 158–261; о ренановской расовой концепции см.: Olender 2002: 103–156; Олендер 2008: 36–61; Arvidsson 2006: 92–96; о разных истолкованиях позиции Ренана относительно понятия «раса» см.: Arvidsson 2006: 106–107. В своей статье я опираюсь на понимание противопоставления арийцев и семитов у Ренана, представленное в работах Мориса Олендера и Стефана Арвидссона.

La nature, d'un autre côté, tient peu de place dans les religions sémitiques : le désert est monothéiste ; sublime dans son immense uniformité, il révéla tout d'abord à l'homme l'idée de l'infini, mais non le sentiment de cette vie incessamment créatrice qu'une nature plus féconde a inspiré à d'autres races (Renan 1863: 6).

У отчуждения семита и его божества от природы есть одно важное следствие. Поскольку со времен Юма едва ли не доминирующим пониманием генезиса мифологии является реакция на природу (см.: Arvidsson 2006: 74), творчество мифологии оказывается прерогативой обожествлявшего природу арийца – именно поэтому семиты предстают в книге Ренана расой, лишенной мифологии²⁴:

...les Sémites n'ont jamais eu de mythologie. La façon nette et simple dont ils conçoivent Dieu séparé du monde, n'engendrant point, n'étant point engendré, n'ayant point de semblable, excluait ces grands poèmes divins, où l'Inde, la Perse, la Grèce ont développé leur fantaisie, et qui n'étaient possibles que dans l'imagination d'une race laissant flotter indéfinies les limites de Dieu, de l'humanité et de l'univers. La mythologie, c'est le panthéisme en religion ; or l'esprit le plus éloigné du panthéisme, c'est assurément l'esprit sémitique. Qu'il y a loin de cette étroite et simple conception d'un Dieu isolé du monde, et d'un monde façonné comme un vase entre les mains du potier, à la théogonie indo-européenne, animant et divinisant la nature, comprenant la vie comme une lutte, l'univers comme un perpétuel changement, et transportant, en quelque sorte, dans les dynasties divines la révolution et le progrès ! (Renan 1863: 7)

Для отделенного от мира иудейского Бога природа оказывается лишь сосудом в руках гончара, лишь сгустком материальности, лишенной какой бы то ни было одухотворенности. Безразличный к природе и потому не знающий мифологического начала монотеизм подается Ренаном как препятствие для развития фантазии, творческого начала – мысль о творческом арийце и нетворческом

²⁴ Отсутствие у семитов мифологии отмечал и Макс Мюллер (см.: Arvidsson 2006: 82). Гай Струмза пишет, что мысль об отсутствии у иудеев мифологии высказывал еще Дж. Б. Вико; о влиянии Вико на Ренана см.: Stroumsa 2021: 118–119.

семите, которая получит широкое распространение в XIX веке в разных артикуляциях, обосновывается Ренаном прежде всего благодаря представлению об отчужденном от природы монотеизме. Мощным стимулом фантазии, присущей индоевропейцу, является внимание к природе во всем ее многообразии; именно интерес к природе понимается Ренаном как своего рода генезис творчества культуры, того богатства философии, науки и искусства, которым прославил себя ариец²⁵. В противоположность арийскому сознанию, политеизм которого заставляет его быть внимательным к многообразию, сложности, нюансам, различиям мира, мышление культурно нищего монотеиста-семита концентрируется на единстве и целостности:

²⁵ В замечательной книге об идеологических аспектах деятельности Московского математического общества Илона Светликова поместила экскурс, ставший важным интеллектуальным стимулом настоящей статьи и посвященный истории концептуализации *Naturgefühl*, в частности представления об отчужденности семитов от природы. Проследивая истоки данной идеи, исследовательница указывает на второй том «Космоса» Александра фон Гумбольдта (1847), где дается краткий исторический очерк многообразия «чувства природы» у разных народов, а также упоминает книгу Альфреда Бизе «Историческое развитие чувства природы» (1888) (см.: Svetlikova 2013: 172–173). Гумбольдт, а вслед за ним и прямо ссылающийся на второй том «Космоса» Бизе, отмечают отсутствие обожествления природы у евреев, в частности на фоне пантеистов-арийцев: «Еврейская поэзия природы отличается тем, что она, как отражение единобожия, всегда обнимает целое мироздание в его единстве, всю жизнь земную и сияющие небесные пространства. Редко останавливается она над отдельными явлениями; ее радует только созерцание великих масс. Природа не изображается как нечто само по себе существующее, прославленное собственной красотой; еврейскому певцу она является всегда в зависимости от более высшей, управляющей духовной силы» (Гумбольдт 1862: 41); «Хотя и для индуса единичное существо перед единым Брамой не представляет ничего прочного, но божественное начало проникает у них весь мир, освещает его и придает ему известную ценность; между тем перед Иеговой все прочее – ничто, только прах» (Бизе 1890: 12). Тем не менее представление о тварном характере природы у семитов не мешает ни Гумбольдту, ни Бизе находить отражение природных явлений в еврейских текстах и даже отмечать «роскошное чувство природы, которое дышит в одной отрасли семитического (арамейского) племени» (Гумбольдт 1862: 46). Иными словами, эта линия концептуализации «чувства природы» в европейской мысли представляется гораздо менее радикальной, чем позиция Ренана (знакового с текстами Гумбольдта). Справедливости ради следует отметить, что с ренановской концепцией Гумбольдта и Бизе объединяет мысль об устремленности еврейского мышления к единому и целому в противовес частностям, единичностям, сингулярностям, которыми захвачен ариец.

Ainsi la race sémitique se reconnaît presque uniquement à des caractères négatifs : elle n'a ni mythologie, ni épopée, ni science, ni philosophie, ni fiction, ni arts plastiques, ni vie civile ; en tout, absence de complexité, de nuances, sentiment exclusif de l'unité. Il n'y a pas de variété dans le monothéisme (Там же: 16).

Резюмируя, можно сказать, что в известном смысле Ренан, повторяя не новую для европейской культуры мысль об отчуждении еврея от природы, кодифицировал, если не сказать канонизировал связку монотеизма и понятого как антиприрода пустынного пейзажа²⁶, подхваченную у Эдгара Кине.

3

Концепция Ренана отнюдь не осталась лишь достоянием профессиональных ориенталистов. Отчетливые следы его построений мы находим в самых разных текстах, в том числе русских, в частности в «Эллинской религии страдающего бога» Вячеслава Иванова.

Иванов описывает современную ситуацию как религиозный кризис, спасением от которого он, опираясь на «Рождение трагедии из духа музыки», полагает обращение к экстатическим, мистическим практикам культа Диониса. Важным аспектом генезиса современного кризиса Иванов считал привнесение в арийский мир чужой религии. В статье «Религия Диониса», написанной в качестве финала «Эллинской религии страдающего бога», он отмечает:

Европейское человечество понизилось до современности вследствие кризиса, пережитого им в его религиозном воспитании.

Его древняя вера была поругана; древняя обожествленная им

²⁶ В знаменитой «Молитве на Акрополе» 1865 года, экстатической клятве верности «греческому чуду», совершенным Красоте и Разуму, воплощенным в мире древних эллинов, Ренан упоминает и «безобразного еврейчика» (« un laid petit Juif »), превратившего прекрасный цветущий афинский мир в «тысячелетнюю» «пустыню», где «не проросло ни одного цветка» (« ...pendant mille ans, le monde a été un désert où ne germait aucune fleur » [Renan 1893: 66]). О «греческом чуде» Ренана см.: Vidal-Naquet 1996: 245–264. Представление о пустыне как «исток монотеизма» сохранится у Ренана и много позже, в «Истории народа Израиля» (см.: Conrad 1999: 159).

природа была обезбожена: страдательно восприняло оно новую насильственную веру, как чуждую извне сообщенную теплоту, чтобы мало-помалу, в течение долгих веков, медленно охладевать, будучи бессильным к самобытной теургии и творчеству религиозному на почве веры новой (Иванов 1905: 141).

Религиозный мир древнего европейца – это несомненно обожествленная природа политеизма. В результате возникновения «новой веры» обожествленный мир европейца превратился в «обезбоженную природу» шиллеровских «Богов Греции»²⁷. При этом, даже восприняв чужую веру, «арийский дух» продолжал сопротивляться новой религии «за свободу религиозного творчества в мифе, символике и художестве» (Там же).

С точки зрения Иванова, причиной обезбоживания природы, расколдовывания мира древнего европейца стало влияние семитических религиозных доктрин. Причем в данном фрагменте «Эллинской религии», кажется, нетрудно увидеть прямую реминисценцию книги Ренана:

Приравнение природы к сосуду скудельному в руках горшечника, которое ариец прочел уже в первых словах библии, обезбоживших его природу и убивших ее душу, – это приравнение нелегко далось и семиту (Там же: 141–142).

Именно как глиняный сосуд в руках гончара описывает Ренан понимание природы в иудаизме, «*d'un monde façonné comme un vase entre les mains du potier*» (Renan 1863: 7), причем если Иванов имплицитно соотносит текст Ренана со Вторым посланием апостола Павла к Коринфянам (4, 7, «сосуд скудельный» в церковнославянском переводе), то Лодис Рета видит в нем отсылку к Посланию к Римлянам (9, 21) (см.: Rétat 2013: 73).

²⁷ Отсылка к стихотворению Шиллера встречается в текстах Иванова неоднократно (см.: Larro-Danilevskij 2000: 327, 331–333, 336; Блюмбаум 2022: 107). Об использовании «Богов Греции» как своего рода общем месте в контексте топики «расколдованного мира» см.: Josephson-Storm 2017: 77–93.

Далее Иванов, также, по-видимому, следуя Ренану, исходит из противопоставления монотеистической пустыни и прекрасной политеистической природы, описывая борьбу «сына пустыни» с языческими искушениями, которые подаются как многобожие resp. красота природы:

Долго бился он в сетях языческой прелести, раскинутых мстящею природой, по мере того как ослепительный мир развертывался пред взорами сына пустыни, вышедшего на Средиземное побережье; ибо запрет многобожия и культового общения с чужими племенами был для древнего человека запретом красоты (Иванов 1905: 142).

Иванов почти по-гегелевски описывает отчуждение духа от природы в иудейском монотеизме, что в конечном итоге приводит к появлению христианства, отверженного узким, национально обособленным иудаизмом:

Тогда дух, насильственно разлученный с внешним миром и как бы лишенный зрения, сосредоточившись в себе самом, познал жажду самообожествления и открыл путь к нему в той мистической филиации, которая в Боге узнает Отца, и в человеке – сына Божия. Но этим познанием было упразднено изначальное основоположение еврейского монотеизма; национальное самосохранение извергло новое вероучение, как чуждое и погибельное, и оно пало семенем в открытые борозды языческой нивы (Там же: 142).

Иванов полагал, что «религия Диониса была тою нивой, ждавшей оплодотворения христианством; она нуждалась в нем, как в крайнем своем выводе, как в последнем своем, еще недоговоренном слове». Тем не менее этого синтеза не произошло, и «религия арийца» не была «спасена», поскольку «христианство, отвергнутое семитизмом, не могло примириться и с арийским пантеизмом»²⁸.

²⁸ Противопоставление Ветхого Завета и «пантеистической мысли» появляется у Иванова уже в 1888 году в заметке «Евреи и русские» (см.: Иванов 1996: 191; Иванов

Ницшеанская критика иудаизма / христианства как враждебных «жизни» (см.: Cancik 2000: 141–142, 145–146), призывы Заратустры «оставаться верными земле»²⁹ и пр. перетолковываются Ивановым в христианском ключе как единение Христа и мира, Сына Человеческого и «земли», Духа и природы, как преодоление ситуации «обезбоженной природы», которая в равной степени характеризует как иудаизм, так, по всей вероятности, и кризисную секуляризованную современность.

Ницшеанскую критику иудаизма / христианства как отчуждения от «жизни», семитизма как враждебности «жизни», «природе», «земле», «добродетели как умерщвления плоти», отвращения к языческой, арийской телесности активно использовал Дмитрий Мережковский в конце 1890-х – начале 1900-х гг.³⁰, как в своих

1999: 31), где он следует Владимиру Соловьеву, в «Истории и будущности теократии» противопоставившему иудаизм «натуралистическим и пантеистическим религиям древнего мира» (Соловьев 1914: 435); о влиянии книги Соловьева на заметку Иванова см. в предисловии к публикации: Лаппо-Данилевский 1996: 182–190. В приложении к публикации 1999 года Н. В. Котрелев напечатал составленный самим Ивановым список замыслов 1888–1889 гг., среди которых есть «Весна (пантеизм) и осень (спиритуализм) – арийцы, евреи» (Иванов 1999: 38). Возможно, именно для реализации этого замысла Иванов обращался к текстам Ренана, затрагивающим расовую проблематику.

²⁹ „Ich beschwöre euch, meine Brüder, bleibt der Erde treu und glaubt Denen nicht, welche euch von überirdischen Hoffnungen reden!“; „Bleibt mir der Erde treu, meine Brüder, mit der Macht eurer Tugend!“ (Nietzsche 1999: 15, 99; разрядка автора). Иванов прямо упоминает об этом: «Он <Ницше> хотел быть верным земле» (Иванов 1905: 140).

³⁰ Мережковский апеллирует к тем же фрагментам «Заратустры», что и Иванов, обращаясь в то же время к культу земли у Достоевского, который определяет в расовых терминах: «В „Бесах“ слабоумная Марья Лебядкина, хромоножка, юродивая, рассказывает бывшему нигилисту Шатову о своей жизни в русском православном монастыре: «Монашек стал говорить мне поучение, да так это ласково и смиренно говорил и с таким, надо быть, умом; сижу и я слушаю. „Поняла ли?“ – спрашивает. „Нет, говорю я, ничего я не поняла, и оставьте, говорю, меня в полном покое“. Вот с тех пор они меня одну в полном покое оставили, Шатушка. А тем временем и шепни мне, из церкви выходя, одна наша старица, на покаянии у нас жила за пророчество: „Богородица что есть, как мнишь?“ – „Великая мать, отвечаю, упование рода человеческого“, – „Так, говорит, Богородица великая мать сыра земля есть, и великая в том для человека заключается радость. Таково, говорит, пророчество“. <...> Богородица – великая мать, не только небесная, но и земная, „Мать сыра земля“, это – незапамятно-древнее, общее всем европейским народам, арийское („Зверь знает все“ – и „Земля знает все“, может быть, прибавил бы дядя Ерощка), как будто языческое, еще дохристианское и

романах, так, например, и в своем знаменитом трактате о Толстом и Достоевском (см.: Розенталь 1999: 124–127). Тем не менее, опираясь на своеобразно понятые тексты Ницше, Мережковский отчетливо подключает к ницшеанской критике иудаизма топику, заданную Ренаном, соотнося семитический монотеизм с антиприродой, пустыней, «мертвой землей»:

Другое крошечное племя, горсть бродячих семитов, пастухов и кочевников, чуждое всем, всеми гонимое, ненавидимое и презираемое, заблудившееся в пустынях, целые тысячелетия видевшее над собою только небо, вокруг себя только голую, мертвую землю и перед собою единую, самую простую и великую во всей природе, черту, соединяющую небо и землю, черту горизонта (Мережковский 2000: 130).

«Жалкое племя» монотеистов-семитов встало на путь обособления, «уединения», отчуждения своего Бога и себя от природы, словно продиктованного мертвым, огненным, иссушающим пустынным пейзажем³¹, увидев «во всей многообразной языческой плоти» «лишь

вместе как будто уже не христианское, противохристианское, идущее от Антихриста, – дерзновеннейший предел, крайняя точка западноевропейской культуры. Мы, только мы, в самые последние дни этой культуры начинающие вспоминать забытый смысл ранних Элевзинских и поздних, соприкоснувшихся с христианством, греко-римских таинств Великой Матери, Доброй Богини, Magna Mater, Bona Dea, Кормилицы и “упования рода человеческого”, многогрудой Кибелы Цереры, подземных таинств, в которых тело Богини превращалось в святой хлеб, только мы, услышавшие завет Заратустры-Антихриста: “*Братья мои, оставайтесь верными земле*” – *bleibt mir treu der Erde* – смутно предчувствуем, какие неизмеримые религиозные возможности заключены в этом действительно пророческом символе»; «Только мы, современники Заратустры – Антихриста, можем понять всю невероятную новизну и дерзновенность этого “правого” исповедания. “*Bleibt mir der Erde treu meine Brüder, mir der Macht eurer Tugend!* Оставайтесь верными земле, братья мои, всю силою вашей добродетели! Ваша все отдающая любовь и ваше познание да послужат *смыслу земли*”. Так говорит Заратустра. Нам казалось донныне, что это и есть самое сильное слово Антихриста против Христа, что этот “смысл земли”, эта “верность земле”, с одной стороны, и смысл неземного, верность небу, с другой, – взаимно отрицаются, как ложь отрицается истиной» (Мережковский 2000: 334, 350; курсив автора).

³¹ «И лик человеческий – свой собственный лик – уединило, отделило, как лик Божий и подобие Божие, от всей животной языческой твари непроступною бездною. В этой идее страшного единства, уединения, в идее Бога ревнующего, как огонь поядющего,

бездущное тело, “мясо”, годное для кровавых жертв и всесождений Богу Израиля» (Там же). Принятие индоевропейскими народами христианства Мережковский, нигде не упоминая Ренана, описывает соответственно в терминах пейзажа, как дыхание иссушающего семитического «духа пустыни» на великолепную, яркую арийскую природу:

Иудейство, в конце своей жизни, именно в то время, когда в борьбе с многобожием и многоязычием «эллинского рассеяния» отточило, обострило идею своего религиозного отъединения, уединения до последней ужасающей изуверской крайности, столкнулось с поздним эллинизмом, в школе александрийских неоплатоников, неопифагорейцев, гностиков, в этом горниле, где образовался, как коринфская медь из множества металлов, тот сплав, который называется христианскою мудростью. Здесь впервые дух семитства, дух пустыни и опустошения дохнул на великолепно и дико разросшийся, многообразный, многолиственный, баснословный лес индоевропейского мира, и хотя отравил своим ядом лишь одну, и без того уже засыхавшую ветвь еще свежего, зеленого Арийского дерева, но яд был так силен, что одной капли было достаточно, чтобы заразить новые, только что хлынувшие из Азии в Европу арийские племена, вследствие крайней юности своей, незащитные перед всеми культурными ядами. Старик заразил ребенка (Там же).

Тем не менее, с точки зрения Мережковского, иссушающий самум, ветер семитического пустынного монотеизма³² не смог до конца

есть как бы дух, дыхание той огненной пустыни, из которой вышло это племя и которой оно никогда не могло забыть, – дыхание мгновенно раскаляющее и потому иногда поразительно творческое, но вместе с тем и смертоносное, иссушающее» (Мережковский 2000: 130). Представление о пустыне как истоке монотеизма мы находим и у членов кружка Мережковских, в частности у А. В. Карташева: «Древний Израиль свое наивысшее в философском и религиозном смысле создание – монотеизм вынес <...> из недр своего кочевничества, из полудикой пустыни» (Карташев 1916: 29).

³² Ср. в эссе Мережковского о Плинии Младшем, где Плиний подан как один из первооткрывателей арийского «чувства природы»: «К сожалению, это *глубоко-арийское* чувство не успело окрепнуть и развиться, застигнутое *семитическим* вторжением,

уничтожить «арийский лес», арийское обожествление природы, которое продолжало существовать даже в рамках европейского христианства, как бы оставшегося «верным земле»³³:

Иссушающий семитский ураган прошел, однако, только по вершинам Арийского леса: в чаще его, ближе к земле, к народу, ближе к подземным родникам и корням, все еще оставалось довольно древней западной арийской влаги и свежести, чтобы противодействовать опустошительному зною восточного самума; там, в баснословной тени, в сказочном сумраке, все еще плодилась, копошилась и кишела многоязычная, многобожная тварь, «звероподобная, бесовская нечисть» – с точки зрения семитской, а с арийской – все еще невинная, хотя и бессловесная, «Божья тварь». В народных арийских, столь родственных индоевропейскому эпосу, средневековых церковных легендах постоянно является эта «Божья тварь», Божий Зверь, святое животное: таинственный олень св. Губерта-охотника с крестом, сияющим между рогами; овечка, зашедшая в церковь и во время возношения Святых Даров, с благоговейным блеянием склоняющая колена – агнец перед Агнцем, как будто и за нее пострадал Искупитель; св. Антоний Падуанский, благословляющий рыб; св. Франциск Ассизский, проповедующий птицам; наш русский отшельник, св. Сергей Радонежский, укрощающий крестным знаменiem свирепых медведей; св. Власий, Флор и Лавр – покровители домашних животных; св. мученик Христофор, которого и донныне чтит русский народ и о котором сказано в одном иконописном «подлиннике» XVII века: «Сей дивный мученик, песью главу имущий, бысть от страны человекоядец», то есть из Эфиопии, из нижнего Египта (Там же: 131).

бесплодным и жгучим ветром с Востока» (Мережковский 2007: 55; курсив автора). С этим фрагментом статьи Мережковского вступил в полемику Павел Флоренский (см.: Флоренский 1914: 741), для которого, в отличие от Ренана и его последователей, наука, в частности естествознание, становится возможной именно благодаря монотеизму (см.: Там же: 279–287).

³³ Попутно отмечу появление в черновом наброске Зинаиды Гиппиус в 1939 году «еврейства, <...> верного земле» (Pachmuss 1972: 120), то есть соединение формулы Ницше именно с еврейством.

В «Толстом и Достоевском» Мережковский говорит об арийском субстрате, который продолжает существовать внутри христианского мира, словно не забывшего об арийском *Naturgefühl*. Это, по-видимому, мыслилось Мережковским, который, в отличие от Ницше, остается в рамках христианства, как возможность “to develop a more vital religion that includes and offers an answer to Nietzsche’s challenge to Christianity” (Grillaert 2008: 149). В начале 1900-х гг. Мережковский стремится разрешить кризисную ситуацию современной секуляризации, соединив с миром отчужденное от него христианство, как бы преодолев семитическое отчуждение Бога от телесности, тварности и пр.³⁴

На ренановскую топику «Толстого и Достоевского» полемически откликнулся Василий Розанов, который был хорошо знаком с расовой типологией, предложенной французским исследователем. В конце 1880-х годов Розанов сочиняет (неоднократно в разных вариантах издававшуюся впоследствии) речь «Место христианства в истории», концептуальная основа которой – идеи Ренана, полученные, по всей вероятности, благодаря как чтению

³⁴ История концептуализации христианства в расовых терминах знает разные варианты выстраивания расового баланса внутри христианской религии. Один из подобных вариантов представлен самим Ренаном, который в рамках климатического детерминизма, соотношения религии с пейзажем, пытается радикально десемитизировать христианство, отмечая в «Жизни Иисуса», что Христос неслучайно родился не в пустынной, каменистой Иудее, а в цветущей Галилее, демонстрирующей, с его точки зрения, «*esprit beaucoup moins âprement monothéiste*», не столь строго и жестко монотеистический характер, как иудейский Иерусалим (Arvidsson 2006: 114–115; Олендер 2008: 48–49). Ренан исходил из того, что «победа христианства была упрочена» благодаря освобождению от «узких пут семитического духа», а «прогресс для индоевропейских народов во всех отношениях будет состоять в удалении дальше и дальше от себя семитического духа». «Наша религия», как отмечал он в своей инаугурационной лекции в Коллеж де Франс 21 февраля 1862 года, «будет все более и более терять черты иудейства» (Ренан 1888: 26, 29). Подробнее об ариизации Христа Ренаном см.: Heschel 2008: 32–38; иная, гораздо более дифференцированная точка зрения представлена в: Мохнес 2012: 121–147. Следует также отметить, что у Ренана была довольно противоречивая общественная репутация; среди прочего его считали в том числе и юдофилом, причем как в еврейских кругах, так и у крайне правых (см.: Bailey 2008: 190–209), среди которых, в частности, циркулировали слухи о том, что за «Жизнь Иисуса» Ренан получил миллион франков от Ротшильдов (см.: Там же: 195).

первоисточников, так и (видимо, в большей степени) знакомству с книгой ученого теолога, профессора Московской Духовной академии А. Д. Беляева (см.: Беляев 1881)³⁵.

Розанов исходит из представлений об «объективизме» арийцев и «субъективизме» семитов. Объективизм арийцев соотнесен самым непосредственным образом с чувством природы: с точки зрения пересказывающего Ренана автора «Места христианства в истории», ариец, наделенный мощным чувством природы, всегда обращен к внешнему миру. Он исследователь сотворенного мира и чуткий к красоте природы «объективный» художник; именно ариец создает опытную науку и философию, именно этот наблюдатель природы владеет подражанием, мимесисом, расовый генезис которого прямо постулирует Розанов.

Субъективизм семитов, напротив, делает их отчужденными от мира природы и мира других людей (топика иудейского эгоизма); «как вследствие субъективного склада своей души» семиты «оставались холодными к красоте природы, не любовались ею и не любили ее, так и по той же причине» «всегда были безучастны и к окружающим людям» (Розанов 2008: 13). Отчуждение от природы мешает семиту заниматься научными, опытными исследованиями;

³⁵ Комментаторы новейшего собрания сочинений Розанова приводят свидетельство розановского сослуживца по Елецкой гимназии П. Д. Первова, который вспоминает, что у Розанова был французский оригинал брошюры Ренана «Место семитских народов в истории цивилизации», по которому Первов сделал русский перевод, опубликованный в Москве в 1888 году. В том же комментарии указано, что, работая над речью, помимо брошюры Ренана, Розанов использовал книгу немецкого теолога Рудольфа Фридриха Грау „Semiten und Indogermanen in ihrer Beziehung zu Religion und Wissenschaft“ (см.: Розанов 2008: 818). Здесь необходимо помнить, что в некоторых изданиях своей речи, а именно в публикациях 1890 и 1904 гг., Розанов прямо ссылается на книгу А. Д. Беляева (см.: Розанов 1890: 18; Розанов 1904: 15), в которой подробно изложены позиции Ренана (см.: Беляев 1881: 38–124) и Грау (см.: Там же: 133–227) (в 1880–1881 гг., до выхода отдельного издания, книга Беляева печаталась в «Прибавлениях к Творениям св. Отцов»). Следует также отметить, что русский читатель, не знакомый с французским языком, мог без особого труда приобщиться к построениям Ренана, касающимся семитизма / арийства, иудейского монотеизма и пр., благодаря некоторому количеству текстов, где весьма пространно излагались идеи автора «Истории семитских языков»; помимо книги А. Д. Беляева, см., например: Хвольсон 1872: 423–475; Яхонтов 1884: 114–203.

лишенные способности к конкретным наблюдениям над конкретной реальностью мира, семиты, пытаясь заниматься интеллектуальной деятельностью, «только придавали европейской науке характер крайней абстрактности, отвлеченности» (Там же: 12). Будучи абстрагированными от природы, они естественно оказываются неспособными к подражанию и художественной объективности; единственные искусства, знакомые семитическому миру, – это лирика и музыка, исток которых в субъективности³⁶. Субъективному, лирическому семиту Розанов противопоставляет наделенного мощным художественным инстинктом арийца, у которого, в отличие от семита, есть и эпос, и мифология³⁷.

³⁶ «В этом абстрактном мышлении, в этом отвращении от наблюдения и опыта сказала та черта субъективности, то направление душевного созерцания внутрь, а не к внешнему, которое обнаруживается у них и во всем другом. Они никогда не знали светлого мира искусства, и им незнакомо было то чувство, с которым художник-грек воспроизводил природу в статуе или в картине и любовался своим созданием. Из всех искусств только два – музыка и лирика – уже с самого раннего времени процветали у них. Но это есть именно те виды искусства, в которых ничего не воспроизводится: они исключительно субъективны» (Розанов 2008: 12). В связи с традицией понимания еврейства как отчужденного от природы Илона Светликова (см.: Svetlikova 2013: 172) указала на фельетон В. Жаботинского «Обмен комплиментами» (1911). Помимо этого, в тексте Жаботинского, построенном как диалог антисемита и еврея, есть и другие топоры данной традиции, в частности отсутствие у евреев изобразительных искусств, что проговаривает собеседник-антисемит, и развитие музыкальной культуры у еврейства (реплика собеседника-еврея) (см.: Жаботинский 1922: 133, 136).

³⁷ «Это совершенное бессилие семитов к образным искусствам можно проследить у них и в том, что есть образного, воспроизводящего и в сфере поэтического слова. Эпоса, в котором, как в море небеса, отражается весь сложный мир человеческой жизни, который мы находим в Магабарате и Рамаяне индусов, в рапсодиях Гомера, в Эдде скандинавов, в наших былинах, – этого эпоса никогда не знали семиты. У них нет никаких преданий, нет мифологии, нет других воспоминаний, кроме священных и исторических, – черта, поражающая нас своей странностью: как будто народы эти никогда не знали ни детства, ни героической юности, но всегда были такими, какими мы их знаем теперь, – вечно возмужалыми, нерастущими и нестареющими» (Розанов 2008: 13). Мысль о том, что семитический мир лишен развития, что семит не подвержен изменениям, становлению и т. п., принадлежит к базовым идеям Ренана, наиболее существенным для понимания его подхода к семитизму (см.: Олендер 2008: 38), с чем связано и представление об отсутствии в мире семитов прогресса; Стефан Арвидссон в этой связи говорит о “paralyzing conservatism within all areas”, «парализующем консерватизме во всех областях» (Arvidsson 2006: 124).

Если артистический и любознательный ариец был вечно обращен к многообразию внешнего мира, то все помыслы семита были направлены на божество³⁸. Именно поэтому с именем семита, отвернувшегося от жизни и природы с ее красотой, связан поворотный момент истории – появление монотеизма:

По самому складу своей души арийцы были вечно обращены к внешнему, к физической природе, и то всё, что мы называем красотой их жизни и истории – наука, искусство, государство, – всё это – красота только для нас: в действительности же, с высшей точки зрения на природу человеческой души, – это есть ее искажение и обезображение. Окружающий мир, как в зеркале своем, отражался в этой обращенной к нему душе, сверкал в нем мириадами чудных созданий, но, если мы припомним, что то, в чем отражался он, есть дыхание и образ самого Божества, мы без труда поймем, что эти отражения были недостойны его, что они затемняли его и оскверняли собой. И здесь лежит разгадка всего. Дух семитов, который всегда был обращен внутрь себя, который не чувствовал природы и отвращался от жизни, один в истории сохранил чистоту свою, никогда не переставал быть дыханием Божества. Никакие мысли и никакие желания не развлекали его – одно Божество было предметом его вечной и неутолимой жажды (Там же: 14).

³⁸ В более поздней статье «Афродита-Диана» (1899) Розанов проговаривает отчуждение ноуменального от феноменального у евреев и неразличение между ними у греков, причем именно с этим религиозным постулатом он связывает генезис искусства в греческом мире: «Религия их <греков> постоянно соскальзывала на искусство, как религия евреев никогда не поднималась до искусства. У последних был чистый ноумен, не покрывшийся феноменальными явлениями; у первых все устремлялось к феноменальному, все пошло в выявление и умерло, когда окончательно под феноменом исчез ноумен» (Розанов 1999: 78–79). С представлением об эстетической сфере как прерогативе арийца может быть связана и полемика Мережковского с Волынским 1892 года о Ницше и новом искусстве, где Мережковский указывал на семитизм своего визави как препятствие для понимания эстетических поисков (см.: Толстая 2013: 177–178). Представляя критика-семита не понимающим «красоту» и «жизнь», Мережковский описывает Волынского в терминах «сухости» и «черствости» (см.: Мережковский 1893: 34), по-видимому следуя Ренану, который определяет «семитический гений» как «*sec et dur*», сухой и жесткий / черствый (Renan 1878: 21); см. также о «сухости» Волынского у Зинаиды Гippiус в дневниковых записях и повести «Златоцвет»: Рыкунина 2017: 131, 133.

Тем не менее уже в начале 1900-х годов ренановские схемы в текстах Розанова оказываются радикально трансформированными. Принципиально иная оценка Розановым построений Ренана отчетливо видна в его полемике с Мережковским, а именно в статье «Маленькая историческая поправка», опубликованной в январе 1901 года и направленной против фрагмента второй части «Толстого и Достоевского», напечатанного в № 17–18 «Мира искусства» за 1900 год (см.: Мережковский 1900: 71–84).

Не упоминая имени Ренана, Розанов обратился именно к тем пассажам текста Мережковского, где представлена топика семитизма как антиприроды и пустыни, а также арийской любви к природе, то есть концептуализация пары «ариец – семит», отчетливо восходящая к идеям французского исследователя:

Один из образованнейших наших писателей, г. Д. Мережковский недавно посвятил этой теме красноречивые страницы («Мир Искусства», № 17–18). Он определяет семитический дух, как противоположение природе и отрицание природы. Пустыня, знойная и однообразная, безводная и сухая, – вот его прообраз и возможный родитель. В то время как ариец любит природу и сам есть воплощенная природа, семит смотрит на природу с высокомерием и гадливостью. «Евреи увидели в ней лишь бездушное тело, мясо, годное для кровавых жертвоприношений Богу». Дух семита – отвлеченен, абстрактен, алгебраичен. Все вещественное им чувствуется как что-то недостаточное, даже как отрицательное, как грех (Розанов 1999: 144).

Отметив общераспространенность этой точки зрения³⁹ и упомянув «Место христианства в истории», Розанов соотнес свои размышления об арийстве и семитизме десятилетней давности с идеями, изложенными Мережковским⁴⁰, – по всей видимости

³⁹ «Так думает автор. Так все думают. Израиль – пустыня, арийский мир – ветвистый баобаб, с плодами, цветами, поющими в ветвях птицами. Однообразие и многообразие, монотеизм и политеизм – вот противоположение, в которое заключаются все наблюдения, все размышления» (Розанов 1999: 145).

⁴⁰ «Лет десять назад, в статье “Место христианства в истории”, приблизительно подобным же образом я характеризовал всемирно-историческую роль двух

отчетливо увидев общий ренановский субстрат обоих текстов, который представлен им, тем не менее, как лишенный конкретного авторства⁴¹.

Розанов обращается к мысли Мережковского о том, что спиритуалистическое дистанцирование от природы выразилось в семитическом отвращении к плоти, к телесности. Причем то, что казалось автору «Места христианства в истории» очевидным десять лет назад, теперь представляется ему решительно неверным. Эмблематическим воплощением иудейской ненависти к плоти для Мережковского являются жертвоприношения; в ритуальном убийстве животных он видит лишь презрение к телесности. Для Розанова, напротив, смысл жертвоприношений у семитов заключается именно в любви к плоти:

Г. Мережковский серьезно думает, что животные из ненависти и презрения к ним, к их огромным мясным тушам – отдавались Богу: «растопчи эту мерзость», «эту не духовную мерзость». Ничего подобного. Животные у евреев заменяли детей; и ведь тут действительно есть родство: дитя – тоже животное, святое животное: «Все, разверзающее ложесна – Мне; как и весь скот твой мужеского пола, разверзающий ложесна, из волов и овец. Первородное из ослов заменяй агнцем, а если не заменишь – то выкупи его; и всех первенцов из сынов твоих – выкупай» (Исход, гл. 34, 19–20). Да: можно заметить устремление Библии, тайную мысль, невысказанное пожелание: что, собственно, вся живая плоть «угодна Богу», должна бы быть «бе к Богу», «воскуриться» к нему, как жертва Авеля! О, не по злобе, а по любви: кто же ненавидит ладан, который он жжет! (Там же: 146)

Теперь семитизм оказывается отнюдь не спиритуалистически отвлеченным, дистанцированным от телесности «божьей твари», от материальности живой плоти. Отбросив представление об

замечательнейших племен и в подтверждение сослался на то, что на всем протяжении Библии нет ни одного описания природы» (Розанов 1999: 145).

⁴¹ «Но... не ошибались ли все, историки, богословы, психологи, филологи, ища в Библии и не находя собственно специального арийского чувства природы?» (Розанов 1999: 145)

иудаизме как «алгебраизме» и «отвлеченности», Розанов отвергает и мысль об арийском происхождении мимесиса, представление о том, что семиты испытывали «отвращение к изображениям», что зазор между ноуменальным и феноменальным превращал иудеев в людей, чуждых искусству:

У евреев вовсе не было отвращения к изображениям: о подоле одежд священнических Бог сказал Моисею: «Изобрази на них (вперемежку) яблоко и позвонок» (царство растительное и животное). У меня есть в коллекции еврейская монета, времени иудейской войны; она нисколько «не отвлеченна»: с одной стороны прекрасно сделанный виноградный лист, со всеми видными в чеканке жилками, даже боковыми, и черенком, на другой стороне – чаша; и надпись на арамейском языке: «Второго года от освобождения Сиона» (67 по Р. Х.). Чаша, амфора с короткою ножкою, – также прекрасно отчеканена, со всеми выгибами и боковыми бороздками – не чета теперешним ублюдкам монетного дела. Конечно, у евреев было искусство, конечно, жизнь их была прекрасна; конечно, у них не было алгебраизма в поклонении (Там же: 151)⁴².

Этот ход размышлений приводит Розанова к своего рода критике арийского отношения к природе и спецификации семитического, которое отныне перестает подаваться в терминах пустыни, антиприроды и пр. В данной перспективе ариец оказывается останавливающимся перед феноменальной поверхностью природы, тогда как семит – нацеленным на то, чтобы увидеть спиритуальное измерение внутри телесного, дойти до ноуменальных оснований феноменального мира, почувствовать имманентность божества каждой клетке живой плоти:

Но у них не шумят деревья; да – они брали мир... в разрезе, отсюда капающая кровь их жертв; «и помажь кровью рога жертвенника»; «и возьми на пальцы кровь – и покапай ее на крышку Ковчега, в

⁴² В этом смысле трудно согласиться с мыслью Михаила Ямпольского о том, что «еврей Розанова» «находится вне эстетического» (Ямпольский 2010: 156).

благоуханье Господу, восемь раз покапай ее, 4 раза – книзу, а 4 раза – подбрось кверху». Мы же и вообще арийцы берем мир в ландшафте, в зрелище, без биения пульса. Мы – описатели, они – анатомы; но цель их устремления – достать кончиком жертвенного ножа то, что за кровью, за плотью, – святую душевную и вместе жизненную – пустоту: «Там Бог». И конечно – там Бог! (Там же: 151)

Для Вячеслава Иванова и Дмитрия Мережковского (различия их позиций мы оставляем в стороне⁴³), использовавших критику христианства / иудаизма в текстах Ницше, а также влиятельную расовую концепцию Ренана, семитизм / иудаизм представлялся тотальным отчуждением от природы и «жизни», дистанцированием от «земли», которое христианство должно преодолеть для того, чтобы вернуть в современный мир религиозное измерение. Для Розанова в его философии жизни, воздвигнутой к началу 1900-х годов на руинах разрушенной им ренановской расовой догматики, семитизм / иудаизм, эта «религия Натуры» (Розанов 1909: 29), воплощает абсолютное единство Бога и мира⁴⁴, имманентность Бога миру, радикальное религиозное освящение природы, тварности, телесности и сексуальности⁴⁵. «Глубочайший физиологизм иудейского теизма» (Розанов 2009: 74) оказывается своего рода

⁴³ В частности, эти различия попытался оговорить Иванов в докладе 1909 года «Евангельский смысл слова “земля”», где он возвращается к призыву Заратустры «быть верными земле», критикует идею Мережковского о том, что «откровение о Земле» будет дано лишь в Третьем Завете, а также вводит разграничение «мира» и «земли» (см.: Иванов 1994: 146–149; Иванов 2008: 73–76). Об идейных отношениях Иванова и Мережковского см.: Rosenthal 1988: 141–150.

⁴⁴ «Суббота – всем! И как это “праздник Господу”, то все исчисленные сослужат Господу! *Это ли не общность с миром, одно с ним дыхание!*» (Розанов 1999: 148; курсив мой).

⁴⁵ Именно поэтому иудей оказывается не воплощенным отчуждением от «жизни», как у Ренана и Ницше, не «абстракцией» и «отвлеченностью», а самой «жизнью»; см. в «Юдаизме»: «Отвлеченность бытия, ему приписываемая нами, есть наша о нем абстракция, есть плод алгебраической выжимки, какую мы производим над телом этого народа, чтобы извлечь из него сухой препарат наших теологических систем. Еврей суверен и наивен, – уже потому, что он жив, живой, живет»; «Главный путь расхождения – непонимание франков и бургундов: “Зачем в Талмуде все телесность? Почему не духовный смысл? <...>” <...> Он <бургунд> не заметил, что первое слово “дух” есть его собственное, а в Завете стоит: “дыхание”, т. е. “движущее”, “жизнь”, а не

альтернативой отчужденному от мира, спиритуальному, бесполому христианству, рациональному современному секулярному миру и пр.

Следует отметить, что у Розанова есть тексты, где он напрямую полемизирует с Ренаном, например в статье «Чувство солнца и растений у древних евреев», опубликованной в 1903 году. На этот раз Розанов называет имя автора «Истории семитских языков», кратко пересказывает его концепцию и цитирует по-французски едва ли не самое ходовое место книги:

Эти брызги чувств, рассеянные на таких огромных расстояниях, в Вильне, у Иова, у Иезекииля, у Исайи, эти подавляемые вздохи – неужели ничего не говорят нашему уху? Но «не было изображений в храме, ни одного, никакого» – трубят в одну трубу богословы и историки. «Le deserte est monothéiste», – формулировал и Ренан, т. е. что будто единообразие пустыни навевает единообразие религиозных чувств, в конце концов складывающихся в поклонение Единому Богу, без подробностей, без аксессуаров, как некоей *отвлеченной Монаде*. Но... как же у евреев не было изображений? Песней пустыне я у них не читаю, но песнь цветку – нахожу. Это – седми́свечник (семь дней недели) в Скинии Моисеевой (Розанов 2008: 540)⁴⁶.

Называя евреев «первыми в истории молитвенниками и страстными любовниками природы», Розанов показывает, что евреи не знают страха изображений, что их религиозные практики демонстрируют отсутствие какого бы то ни было отчуждения от природы⁴⁷,

отвлеченность, не абстракция и возношение “духовных качеств человека”» (Розанов 2009: 36, 61; курсив автора).

⁴⁶ Для того, чтобы привести это место по-французски, Розанову не нужно было заглядывать в текст оригинала, а было достаточно посмотреть свои выписки из уже упоминавшейся и хорошо знакомой ему книги А. Д. Беляева (см.: Беляев 1881: 42).

⁴⁷ Опровергает Розанов и традиционные представления об иудейской отчужденности («иудейском эгоизме» и т. п.) от других народов, отвергая существование фундаментальных различий между семитами и арийцами: «Вот эта-то общность некоторых молитв и показывает, что между иудеем и эллином, иудаизмом и эллинизмом была разница в некоторых характеристиках, в “акценте” религиозном; но разницы, так сказать, в самом языке религии, в ее душе – не было. По крайней мере между ними разницы была не более, чем между католичеством и протестантством или православием» (Розанов 2008: 543).

а также содержат элементы культа света, в частности солнечного⁴⁸, который специалисты XIX века по истории религий, в частности Ренан и Макс Мюллер, считали специфически арийским явлением⁴⁹. Хотя с уверенностью говорить о том, что Розанов имел в виду эту концепцию, очень трудно.

Затрагивает Розанов и другой ренановский постулат, а именно представление об отсутствии у евреев мифологии⁵⁰, также разделявшееся Максом Мюллером и некоторыми другими исследователями. В трактате «Юдаизм», появившемся в «Новом пути» в том же 1903 году, Розанов упомянул этот тезис как общее место, выказав некоторые сомнения относительно его обоснованности⁵¹:

Происхождение ее <каббалы> – неизвестно. И это – важно. Нам представляется везде в Библии твердый факт, отсутствие туманов, и мы так привыкли к этому, что отделяем арийцев от евреев тем, что первые – в мифах, вторые – без мифа. «Там – Бог; а у арийцев только сказания о бесах». Мы точно забыли Саула и тень Самуила, его испугавшую; что есть *факт*. Да, Библия есть факт, потому что Библия есть кровь; но от крови идут еще *кровавые испарения*, и вот это уже не факт, а *призрачное*, куда мы и вступаем (Розанов 2009: 79; курсив автора).

⁴⁸ В дальнейшем солнце, соотнесенное с чистой витальностью, нередко будет связываться Розановым с египтянами и евреями, как, например, в «Апокалипсисе нашего времени» с его солярной топикой и антихристианскими высказываниями, противопоставлением Солнца и Креста (см.: Розанов 2000: 195) и т. п. О солярных мотивах в связи с еврейством, а также витальности / ее отсутствию у евреев см. далее *Экскурс о Михаиле Кузмине*.

⁴⁹ В своей знаменитой и не лишенной скандальности книге о Карле Густаве Юнге Ричард Нолл показывает, что эти представления об арийском генезисе культа солнца, почерпнутые у Ренана и Мюллера, оказали прямое влияние на расовый характер доктрины Юнга (см.: Noll 1997: 98–119).

⁵⁰ Как отмечает Ренан в «Истории народа Израиля», «семитические корни отличаются сухостью, неорганичностью, они совершенно неспособны дать рождение какой-либо мифологии» (цит. по: Олендер 2008: 57).

⁵¹ Здесь же Розанов полемизирует и с мыслью названного прямо Ренана о том, что семиты, будучи творцами в религиозной сфере, оказываются бесплодными в области интеллектуализма, «знания» (см.: Розанов 2009: 86). Мысль о неспособности семитов, например, к занятиям наукой была свойственна и другим исследователям, например Эмилю-Луи Бюрнуфу (см.: Олендер 2008: 57).

Мнимая ясность, прозрачность Библии («отсутствие туманов»), ее «фактичность», немифологичность на фоне арийской мифологии противопоставляются Розановым реальности кабалистического эзотеризма, который оказывается для него едва ли не самой реальностью нерационалистического иудаизма.

Представляется достаточно очевидным, что в «Разрыве с христианством» Волынский воспроизводит основные составляющие пунктирно намеченной выше традиции понимания иудейского единобожия, включая, как кажется, в свой текст и отсылки к концептуализации монотеизма, связанной с именем Эрнста Ренана и его книгой 1855 года, где одним из центральных мотивов является соотнесенность монотеизма и пустыни как отсутствия природы⁵². Как и для Ренана, для Волынского иудеи – народ пустыни, где нет ни одного природного феномена, который мог бы привлечь их

⁵² Ср. также отчетливые отзвуки построений неназванного Ренана в отклике Григория Ландау на «Переписку из двух углов», его статье «Византиец и иудей», где так охарактеризован кочевник-семит на фоне родного для него пустынного пейзажа: «Природа не только бедна и однообразна, ее приходится воспринимать в неизменно напряженном порыве к практическому заданию. Небо над головой *единое*, указующее и неизменное; *небо пустыни – по указанию мыслителей и поэтов – колыбель монотеизма, вечно себе равное и единое, в отличие от богатства и разнообразия иной земной среды*; небо, одновременно уносящее от земной юдоли своим вечным покоем в движении, своей неосязаемой твердыней, своей внежитейской жизнью; одновременно с тем и руководящее в жизни, дающее пути, вызволяющее сбившихся, направляющее ищущих. Небо как Промысел, далекое и близкое, самодовлеющее и руководящее жизненным движением, – только оно вызывает и воспитывает созерцание, *созерцание не красочного многообразия и плотской полноты земной конкретности, а разреженных чертежей и нерукотворных знаков*. От неба ждет кочевник знаменья и указания, к нему устремляется его душа в тревоге и мольбе, – псалом зарождается в душе или исчисление; но не падают в его душу подобия красочных и телесных образов, и нет покоя прислушиваться к ритмам и вздыманиям собственной крови или окружающих веяний. *Зерна изобразительных искусств не западают в его душу*, музыка не переносит его в самодовлеющий мир; душа уносится лишь в молитву или псалом, уходит в расчет и заботу; дух озабочен и напряжен, воля – как тугая тетива, устремленность и преодоление в движении сквозь пустыню к манящему оазису» (Ландау 1923: 191–192; курсив мой). Следует добавить, что русско-еврейские интеллектуалы прекрасно знали концепцию Ренана; так, например, судя по отчету, напечатанному в «Новом Восходе», ее анализировал в 1911 году Б. Г. Столпнер в докладе «Еврейство в историко-психологических характеристиках» (см. републикацию отчета: Кацис 1999: 298–299).

внимание в своей индивидуальной единичности («Нет автономного описания природы в Танахе – в Законе, Пророках и Ксувим. На всем своем пути через пустыню, от Цоана Таниса до Кадеша Варни, народ еврейский ни разу не встретился с явлением, которое заслужило бы само по себе, в своем индивидуальном очертании, особого внимания с его стороны»)⁵³. Вместе с тем на фоне Иванова и Мережковского, нацеленных на преодоление семитического / иудейского отношения к природе в христианстве, или полностью переворачивающего ренановское понимание иудаизма Розанова, видящего в религиозных практиках евреев снятие дуализма Бога и мира, Бога и жизни, Волынский отчетливо смещает построения Ренана в сторону чистой апологии радикального отчуждения от природы, на котором возведено здание иудаизма. Вопреки концепции французского гебраиста, для которого монотеизм блокирует саму возможность интеллектуальных занятий, соотношенность пустыни и монотеизма, дистанцирование семита-монотеиста от природы у автора доклада 1919 года истолковывается как направленность всех его помыслов на исключительно спиритуальный, интеллектуальный исток бытия, порождая представление о рационалистической, интеллектуалистской сущности иудейского единобожия («рационализм... пустынных высот»⁵⁴)⁵⁵.

⁵³ Занятно, что именно в рамках намеченной традиции, как невосприимчивого к природе и визуальному искусству, описывает Волынского Зинаида Гиппиус в своей книге о Мережковском. Так, вспоминая о совместной поездке в Италию в 1890-е годы, она пишет: «Привычка его не видеть ничего вокруг, особенно природы, когда мы ездили по окрестностям Флоренции, например, а сидеть в экипаже, читая книгу, – очень меня раздражала. А также и его рассматриванье картин в музеях (когда уж он начал их “видеть”), его фигура с вечно поднятым воротником пальто, с каталогом в руках» (Гиппиус-Мережковская 1951: 70–71).

⁵⁴ Ср. сочетание «пустыни» и «интеллектуализма» в облике Волынского у Б. М. Эйхенбаума, в его не лишенной недомолвок мемуарной заметке: «Я познакомился с Акимом Львовичем в 1916 г. <...> От него уже тогда веяло сухим жаром пустыни, и мне было жутко смотреть на него и слушать его нервную и странно-торжественную речь» (Эйхенбаум 1928: 44). И далее о чуть более позднем времени: «Он был странен, беспомощен и часто жалок, но речь его ошеломляла своей не совсем понятной, экзотической страстностью ветхозаветного еврея, прошедшего сквозь все века и цивилизации, страстностью “вечного жиды”, сосредоточенной в одном органе – в головном мозгу» (Там же: 45).

⁵⁵ Ср. соотношенность отчужденных от «жизни» пустыни, иудейского монотеизма и рационализма у Мережковского в «Тайне Трех»: «Это, впрочем, мы уже сделали:

В данном контексте находит свое место и другой момент в истолковании иудаизма, который затрагивает Волынский и который также может быть связан с концепцией Ренана, а именно чуждость иудаизму мифологии⁵⁶. Для Волынского рационалистический «иудейский глазомер» характеризуется отсутствием «мифологического и литургического аппарата», в отличие от «мышления духа в терминах природы», не отчужденного от природы мистического романтизма, готового объявить поэзию Гете менее значительным явлением, чем «какой-нибудь отрывок старинной мифологии» (Диспут 1923: 6). Иудейский антимифологизм вписывается Волынским в один ряд с отвержением мистики и народных суеверий, что позволяет соотнести его понимание еврейского монотеизма с традицией Лессинга и Мендельсона и шире – с проектом европейского Просвещения. То, что представлялось Ренану блокирующим прогресс, который он связывал исключительно с арийством и десемитизированным христианством, для Волынского оказывается синхронным *Aufklärung*’у, почти неотличимым от него.

Помимо прямой апелляции к Мендельсону, «Разрыв с христианством», как кажется, требует хотя бы краткого упоминания и других контекстов, гораздо более близких хронологически и, скорее всего, знакомых автору. Оставляя открытым вопрос о «заимствованиях и влияниях», в данном случае следует отметить знаменитую брошюру ученика Ренана, французского востоковеда Джеймса Дармстетера «Взгляд на историю еврейского народа»,

бежали из Египта, от нечистой животности, в пустыню “чистого разума”, где и блуждаем доныне вместе с Израилем. <...> Так, вся живая тварь уничтожена обезумевшим разумом, огнем пополюющим иудео-христианской пустыни, “умным и страшным Духом небытия”» (Мережковский 1925: 117–118).

⁵⁶ Эта идея Ренана стала предметом дебатов в академическом мире. В частности, в 1876 году австро-венгерский востоковед Игнац Гольдциер опубликовал антиренановскую книгу „Der Mythos bei den Hebräern und seine geschichtliche Entwicklung“, в которой попытался деариизировать миф, исходя из представлений об универсальном распространении мифологии (подробнее см.: Olender 2002: 211–242). Исследователи отмечают, что попытки критики этой концепции Ренана предпринимались и ранее (см.: Conrad 1999: 142).

опубликованную в 1880 году и уже в 1883-м напечатанную по-русски в хорошо знакомом Волынскому русско-еврейскому журнале «Восход» (см.: Дармстетер 1883: 119–147)⁵⁷.

Описывая позицию Дармстетера, Антуан Компаньон отмечает резкое несогласие между ним и Ренаном относительно вписанности христианства и иудаизма в модернность (см.: Compagnon 1997: 156). Если для Ренана прогресс связан с «религией Христа», очищенной от чудесного элемента, а также от семитического монотеистического влияния, препятствующего «движению вперед», то для Дармстетера именно иудаизм оказывается созвучен духу интеллектуалистской модерности, рационалистического Нового времени. Если не вдаваться в подробный анализ, можно сказать, что в целом иудаизм описывается Дармстетером как рациональная религия, выработавшая рационалистическую теологию, изгнавшую сверхъестественный компонент, тогда как дефекты христианства подаются им в терминах «мифологии», «мифического духа» и т. п. (Дармстетер 1883: 133). С точки зрения автора, рациональная религия евреев, которая единственная из всех религий никогда не была в конфликте с наукой и социальным прогрессом, оказывается синхронной миру модерности, порожденному Великой Французской революцией, означавшей для европейской культуры смену мифологического взгляда на мир научным, сциентистским мировоззрением (см.: Там же: 145)⁵⁸.

Как рациональный религиозный проект, созвучный миру модерности, очищенный от мистики и какой бы то ни было мифологии, понимает иудаизм и знаменитый марбургский философ-неокантианец Герман Коген, для которого основой иудейского монотеизма является прежде всего система рационализированной этики⁵⁹. В данной связи уместным представляется упомянуть

⁵⁷ О Волынском – сотруднике русско-еврейских изданий и, в частности, «Восхода» см.: Толстая 2002: 28–34.

⁵⁸ Подробнее о позиции Дармстетера и его концепции «франко-иудаизма» см.: Compagnon 2005: 192–198.

⁵⁹ Представление об иудаизме как религии без мифологии, о еврействе как рациональном народе, лишенном мифа, оказывается довольно устойчивым. В 1930-х гг. оно

важный полемический антикогеновский текст, возникший благодаря посещению немецким философом России весной 1914 года (см.: Ермичев 1998: 108–115; Ермичев 2007: 163–165; Вихнович 2014: 199–209; Кацис 2014: 251–272), а именно небольшую книжку, написанную Ароном Гурляндом (см.: Гурлянд 1915). Гурлянд вступает в прямую конфронтацию с просветительской позицией Когена, утверждая, что основой иудаизма является не мораль, не рациональная этика⁶⁰. Признавая отличия мифотворчества семитов от мифотворчества арийцев (см.: Там же: 40)⁶¹, Гурлянд, тем не менее, исходит из того, что иудаизм вообще не рационален, что иудаизм – это миф и мистика, переворачивая тем самым весьма влиятельное на тот момент либеральное представление о рациональном иудейском монотеизме, созвучном рациональному Новому времени с его оптимистическим прогрессом.

Описывая Гейне как иудея-рационалиста, Волынский включает немецкого поэта в просветительскую традицию понимания

возникает у Эрнста Блоха в статье «Разрушение, спасение мифа светом» („Zerstörung, Rettung des Mythos durch Licht“), где автор упоминает демифологизирующий характер Библии и традицию антимифологического библейского рационализма от Маймонида до Германа Когена (см.: Bloch 2015: 51–52). Еще в 1984 году Морис Бланшо в рамках полемики об интеллектуалах воспроизводит противопоставление этики и мифа, говоря об иудаизме как об «отказе от мифов, отвержении идолов, признании этического порядка» (« le rejet des mythes, le renoncement aux idoles, la reconnaissance d'un ordre éthique »). В истолковании Бланшо для Гитлера, враждебного современному, расколдованному, демифологизированному миру, еврей оказывается основным объектом ненависти как «человек, освобожденный от мифов» (« l'homme libéré des mythes ») (Blanchot 1984: 22).

⁶⁰ Следы критики Гурляндом рационалистического, просветительского понимания иудаизма обнаруживаются несколько раньше 1914 года. Уже в 1910 году он публикует в русско-еврейском «Новом Восходе» антирационалистическую реплику в ответ на доклад Б. Г. Столлнера «Судьбы еврейской апологетики» (см. републикацию этой статьи: Кацис 1999: 279–293).

⁶¹ Напрямую назвав Ренана всего один раз, Гурлянд расставляет в тексте некоторые отсылки к его точке зрения. Так, например, упомянув мысль Когена о том, что иудаизм есть «религия антимифологическая», Гурлянд, по всей вероятности имея в виду Ренана и Макса Мюллера, указывает на солидаризацию немецкого философа с точкой зрения, «которая впервые была сделана не-еврейскими исследователями еврейской религии и которая получилась у них в процессе отграничения от нее религиозного творчества арийцев» (Гурлянд 1915: 38).

иудаизма, важнейшим элементом которой являлась чистая трансцендентность Бога миру и природе⁶². Для Блока, понимавшего революцию как романтическое «возвращение к природе», как крушение рационализма и ненавистного ему прогресса, оказывалось чрезвычайно важным увидеть в «пламенном иудее» Гейне взгляд романтика-арийца, мировидение которого, как свидетельствовали многочисленные тексты XIX–XX вв., предполагало имманентность иномирной инстанции «земле», природе, миру.

Экскурс о Михаиле Кузмине: еврейство между жизнью и смертью

В своих комментариях к античной топике у Ницше Хуберт Канцик отмечает, что к середине девятнадцатого века немецкий филэллинизм оказался связанным с антисемитизмом, что в немецком культурном сознании Афины оказались противопоставленными Иерусалиму, а эллины иудеям (см.: Cancik 2000: 147)⁶³. В рамках этого дискурса восходящее к текстам Винкельмана эллинское «пластическое чувство» („der plastische Sinn“) контрастировало с иудейским запретом на изображения (см.: Там же); иудейский монотеизм в этом контексте мог противопоставляться греческому политеизму, то есть обожествлению

⁶² Ср. понимание мистики в докладе Б. Г. Стоппнера 1912 года о Каббале. Судя по изложению в «Новом Восходе», мистика понималась докладчиком как божественная имманентность и, соответственно, рационализм как чистая трансцендентность божества: «В еврейской религии зародыши мистицизма имеются <...>; но развиться она <мистика> все же не могла – по той причине, что тут между человеком и Богом – непроходимая черта: нельзя видеть лика Господня и остаться в живых» (цит. по современной републикации: Кацис 1999: 294). Следует также отметить, что и в докладе о Каббале, прочитанном Стоппнером в Московском Религиозно-философском обществе в 1914 году, одним из тезисов выступления стало отсутствие у евреев мистики («Иудаизм неблагоприятен мистицизму, хотя, разумеется, в нем и имеются зародышевые элементы последнего» [Бурмистров 2023: 66]).

⁶³ Справедливости ради следует отметить, что, хотя магистральным в европейском контексте, по-видимому, было именно противопоставление эллина и иудея, некоторые авторы ставят эти фигуры в отношения дополнительности, как, например, делает это Мэтью Арнольд в своей знаменитой книге «Культура и анархия» (см.: Arnold 1889: 89–103), где исследователи все же отмечают финальную победу «эллинизма» над «гебраизмом» (см.: Freedman 2021: 27).

природы, которое в данной перспективе, как было показано выше, становилось генезисом мимесиса, искусства, красоты и т. д. Важной вехой в истории противопоставления эллина и иудея стали тексты Ницше, для которого немецкая филэллинистическая традиция – несмотря на то, что в «Рождении трагедии» был представлен образ античности, альтернативный Винкельману и Гете, – сохраняла свою актуальность (см.: Там же: 146). В «Антихристе» иудей, будучи создателем религиозных ценностей, враждебных жизни⁶⁴, понятой в ее биологической сути, рассматривался как противник всего того, что воплощал «пластический» «греческий гений», «гипербореец», а именно искусства, прекрасной телесности, природы и пр. Противопоставив «слабые», охваченные ресантиментом иудаизм / христианство и прекрасный, свободный и творческий греческий мир, Ницше соотнес еврея с полюсом отчуждения от природы („Entnatürlichung der Natur-Werthe“), антивitalности, нигилизма как «отрицания жизни» („Verneinung des Lebens“), болезни и декаданса (см.: Там же: 141). Вводя идеологему «эллина» в романе «Крылья» (1906) и следуя сложившейся традиции, Кузмин противопоставляет его «иудею». Специфика филэллинизма Кузмина, в том виде, в котором он подается в романе⁶⁵, осложняется пониманием иудейского монотеизма, возможно подхваченным у Розанова⁶⁶, для

⁶⁴ Эта топка появляется в письме Г. В. Чичерина Кузмину, датированном декабрем 1906 года: «Как состоится наше свидание? Это в значительной степени зависит от обстановки и обстоятельств: если это будет среди океана противных тебе в гейневском смысле “иудеев” (“Эллина и иудея”), т. е. скопцов, бестелесных* etc., в котором я теперь плаваю, это могло бы тебя убийственно оттолкнуть <...>. *(разумеется, не специально евреев, а вообще людей идеи, а не “наслаждения”» (Кузмин 2006: 431). С большой долей вероятности можно предположить, что Чичерин имеет в виду те фрагменты «Людвига Берне», в которых Гейне противопоставляет «спиритуального» иудея и воплощающего любовь к искусству и «дух жизни» эллина (см. выше).

⁶⁵ Исследователи связывают филэллинизм «Крыльев» с эллинистическим идеалом, представленным британской культурой конца XIX века, прежде всего Уолтером Пейтером (см.: Polonsky 1998: 173–179; Bershtein 2011: 75–87). О немецких контекстах раннего Кузмина, в частности влиянии на «Крылья» немецкого филэллинизма (В. Хайнзе), см.: Богомолов, Малмстад 2007: 135–140.

⁶⁶ Кузмин вполне мог читать печатавшиеся в «Новом пути» тексты Розанова, посвященные еврейству, например «Юдаизм». Об интересе Кузмина к журналу свидетельствует письмо Г. В. Чичерина от 10/23 августа 1905 года (см.: Кузмин 2006: 350).

которого важнейшим моментом иудаизма является религиозно освященный культ семейственности и сексуальности, связанной прежде всего с прокреативностью. Кузмин понимает эллинский идеал как культ красоты и искусства; вместе с тем он подчеркивает его гомоэротический характер, предполагающий, с точки зрения автора, автотелическую сексуальность, любовь ради любви, а не ради продолжения рода. Этот идеал Кузмин противопоставляет иудейскому запрету на изображения, а также упорному стремлению к продолжению рода в иудаизме, к земному бессмертию как бессмертию специфически родовому. Причем эллинское жизнеутверждающее начало соотносится автором с соляной топикой:

Мы – эллины: нам чужд нетерпимый монотеизм иудеев, их отвертывание от изобразительных искусств, их, вместе с тем, привязанность к плоти, к потомству, к семени. Во всей Библии нет указаний на верование в загробное блаженство, и единственная награда, упомянутая в заповедях (и именно за почтение к давшим жизнь) – долготелен будешь на земле. Неполезный брак – пятно и проклятье, лишаящее даже права на участие в богослужении, будто забыли, что по еврейской же легенде чадородье и труд – наказание за грех, а не цель жизни. И чем дальше люди будут от греха, тем дальше будут уходить от деторождения и физического труда. У христиан это смутно понято, когда женщина очищается молитвой после родов, но не после брака, и мужчина не подвержен ничему подобному. Любовь не имеет другой цели помимо себя самой; природа также лишена всякой тени идеи финальности. Законы природы совершенно другого разряда, чем законы божеские, так называемые, и человеческие. Закон природы – не то, что данное дерево должно принести свой плод, но что при известных условиях оно принесет плод, а при других – не принесет и даже погибнет само так же справедливо и просто, как принесло бы плод. Что при введении в сердце ножа оно может перестать биться; тут нет ни финальности, ни добра и зла. И нарушить закон природы

Источники представлений Кузмина о еврействе как воплощенной прокреативности требуют особого исследования.

может только тот, кто сможет лобзать свои глаза, не вырванными из орбит, и без зеркала видеть собственный затылок. И когда вам скажут: «противоестественно», – вы только посмотрите на сказавшего слепца и проходите мимо, не уподобляясь тем воробьям, что разлетаются от огородного пугала. Люди ходят, как слепые, как мертвые, когда они могли бы создать пламеннейшую жизнь, где все наслаждение было бы так обострено, будто вы только что родились и сейчас умрете. С такою именно жадностью нужно все воспринимать. Чудеса вокруг нас на каждом шагу: есть мускулы, связки в человеческом теле, которых невозможно без трепета видеть! И связывающие понятие о красоте с красотой женщины для мужчины являют только пошлую похоть, и дальше, дальше всего от истинной идеи красоты. Мы – эллины, любовники прекрасного, вакханты грядущей жизни. Как виденья Тангейзера в гроте Венеры, как ясновиденье Клингера и Тома, есть праотчизна, залитая солнцем и свободой, с прекрасными и смелыми людьми, и туда, через моря, через туман и мрак, мы идем, аргонавты! (Кузмин 1984: 218–220)⁶⁷

Тем не менее, вопреки декларациям «новых эллинов», в «Крыльях» еврейство в лице безнадежно влюбленной в Лариона Штруппа хромой самоубийцы, «образованной музыкантши» Иды Гольберг соотнесено Кузминым не с идеалом семейственной прокреативности, а с некоторой причастностью искусству (хотя и только в роли исполнительской, что признавали за евреями те, кто отвергал за

⁶⁷ Ср. также: «Я очень люблю “Кармен”, и она мне никогда не надоед: в ней есть глубокое и истинное биение жизни и все залито солнцем; я понимаю, что Ницше мог увлекаться этой музыкой»; «И все начинает вращаться двойным вращением, каждое в своей сфере, и все большим кругом, все быстрее и быстрее, пока все очертания не сольются и вся движущаяся масса не оформливается и не замирает в стоящей над сверкающим морем и безлесными, желтыми и под нестерпимым солнцем скалами, огромной лучезарной фигуре Зевса-Диониса-Гелиоса! Он встал, после бессонной ночи, измученный и с головной болью, и, нарочно медленно одевшись и умывшись, не открывая жалюзи, у стола, где стоял стакан с цветами, написал, не торопясь: “уезжайте”; подумав, он с тем же, еще не вполне проснувшимся, лицом приписал: “я еду с вами” и открыл окно на улицу, залитую ярким солнцем» (Кузмин 1984: 207, 321). В первой цитате Кузмин имеет в виду трактат Ницше „Der Fall Wagner“.

ними саму возможность креативности⁶⁸) и со смертью, с отрицанием жизни. Еще более отчетливо эти две антитетические линии понимания еврейства представлены у Кузмина в скандальной повести 1913 года «Покойница в доме», посвященной, как известно, ситуации, сложившейся в доме Вячеслава Иванова вследствие смерти Лидии Зиновьевой-Аннибал (17 октября 1907 года) и той роли, которую стала играть в квартире на Таврической улице Анна Минцлова (см. об этом: Кузмин 1998: 110–112; Богомолов 1999: 211–224). Семантическая матрица повести построена на противопоставлении оккультного гипноза и «сна»⁶⁹ («плена», закрытого пространства и пр.)⁷⁰, соотнесенного с пассивным повиновением воле мертвых, и «жизни», представленной солярными мотивами. Эта топика отчетливо вплетена Кузминым и в линию еврейского семейства Вейсов, где старший Вейс – деловой человек, главной заботой которого является потомство, продолжение рода⁷¹, – образ еврея, связанный с представлением о том, что основной obsession иудаизма является посюстороннее родовое бессмертие, продолжение родовой жизни. Его сын Яков, напротив, далек от делового мира и родового бессмертия. Вопреки влиятельной традиции, он опровергает и мысль об отчужденности еврейства от искусства. Яков Вейс – болезненный, хрупкий музыкант и

⁶⁸ Так, например, полагал Ю. И. Юркун, говоривший о том, что «евр<ейская> нация – исполнительская и актерская – и гениальных художников-творцов у них очень мало» (Гильдебрандт 1998: 159).

⁶⁹ Мотивы, которые в дальнейшем, в начале 1920-х гг., вновь актуализируются в творческой биографии Кузмина благодаря кинематографу немецкого экспрессионизма. Тем не менее следует помнить, что топика гипноза в творчестве Кузмина появляется не в связи с немецким кино, а в его еще «докинематографических» текстах.

⁷⁰ Соотнесенность гипноза и «сонливости», видимо, является общим местом опыта и текстов (см., например, у Андрея Белого о Брюсове, чей «гипноз» провоцирует «сонливость» и пассивность: Белый 2014: 64–65).

⁷¹ «Он желал только одного: чтобы у Якова была семья, главное, дети – продолжение рода Вейсов, которые, подражая деду, будут копить золото и глазами, носом, ртом, голосами будут похожи на него, Самуила Вейса. Так он понимал земное, плотское бессмертие. Но это было желание, которое он никогда не высказывал сыну, а только с сожалением смотрел на тонкого слабогрудого юношу и при виде каждой молодой здоровой девушки думал, не она ли достанется в жены Якову и даст ему родовое бессмертие» (Кузмин 1985: 56).

композитор, творец, чей образ и чье искусство неразрывно связаны с семантикой смерти⁷². Причем различия между витальным отцом и болезненным сыном репрезентируются в повести Кузмина в том числе солярными мотивами: в то время как в кабинете Вейса-отца всегда солнечно, в комнате сына, не любящего солнечный свет, всегда занавешены окна (ср. также распахнутое окно «на улицу, залитую ярким солнцем», в финале «Крыльев»)⁷³. Иными словами, старший Вейс как бы воплощает еврейство, понятое как жизнь, тогда как фигура его сына символизирует представление о еврействе как смерти, как отчуждении от жизненной энергии «солнца». В «Покойнице в доме» Кузмин не следует ходовому представлению

⁷² «– Вы любите Шопена, фрейлейн Катя? – спросил наконец, не оборачивая головы, Яков Вейс.

– Я вообще люблю музыку. Я, конечно, не знаток, но Шопен не из числа моих любимцев. Я люблю музыку ясную, простую и радостную; из немцев я люблю Моцарта и Вебера. Но вы исполняете Шопена прекрасно, и, когда я вас слушаю, я забываю, люблю я это или не люблю, я просто отдаюсь звукам, которые я слушаю.

– Это самый лучший способ слушать, – ответил молодой человек, подходя к Екатерине Павловне. – А я обожаю Шопена. Он мне кажется самым нежным, самым страстным, самым отравленным цветком, который произвела романтическая музыка. Это какой-то обреченный на смерть любовник, он должен был умереть молодым, его нельзя представить восьмидесятилетним.

Катенька посмотрела на говорившего; она почти никогда не думала о том, красив он, или нет, а между тем он был безусловно красив, и теперь, когда он говорил о Шопене, побледнев от долгой игры, с потемневшими зеленоватыми глазами, слегка растрепавшимися рыжими кудрями, большим, очень красным ртом, с длинными белыми пальцами на узких руках, он сам казался обреченным любовником, или одним из тех еврейских божественных юношей, гибель которых оплакивали в древности женщины малоазиатского побережья» (Кузмин 1985: 53–54).

⁷³ «– <...> Чья это дача?! – воскликнула она вдруг, останавливаясь у чугунной решетки, за которой виднелся узкий цветник и большой дом с плотно занавешенными окнами. Из дома доносились заглушенные звуки рояля»; «Нежные звуки не заглушали жужжания большой мухи, залетевшей на занавешенное тюлем окно. В комнате, кроме Екатерины Павловны и молодого Вейса, никого не было, и, когда музыкант умолк, можно было подумать, что бьющаяся муха была единственным живым существом в этой полутемной комнате»; «Яков Вейс жил вдвоем с стариком отцом в большой даче с чугунной решеткой, где окна были почти всегда занавешены, потому что молодой человек не выносил яркого света и солнца, даже петербургского»; «Молодой Вейс почти никогда не заглядывал в кабинет отца, куда целый день светило солнце»; «– Отчего вы не любите солнца, Яков Самуилович? Тогда бы вы были веселей, – сказала Катя. // – Так спокойнее!» (Кузмин 1985: 39, 53, 55, 57, 71).

об отсутствии у евреев креативности в сфере искусства⁷⁴, сохраняя намеченные в «Крыльях» две антитетические линии идеологизации еврейства, соединяя в одном тексте понимание еврейства как воплощения могучей витальности, как бесконечного, упорного продолжения рода, и одновременно истолкование еврейства как декаданса («отравленный цветок»), болезни и безжизненности. При этом следует помнить, что, хотя мотивы, на которых строится образ Вейса-старшего, отчетливо указывают в сторону «солнца» и «жизни», его сюжетная линия заканчивается смертью. В контексте повести это может быть символически соотнесено с тем, что у Самуила Вейса не будет чаемого земного бессмертия, что вся прокреативная витальность еврейства упирается в тупик болезненного вырождения и отчуждения от жизни⁷⁵.

⁷⁴ Не избегая пассажей, напоминающих об «Эстраде» Эмилия Метнера, в частности в реплике Вейса-отца, проговаривающего карьеру сына как исполнителя, а не оригинального творца: «Но для твоего будущего, для твоей артистической карьеры нам необходимо жить шире, – я тебе ни слова не говорил против того, что ты хотел сделаться музыкантом. Но раз ты избрал это поприще, нужно делать бум; не думал же ты, в самом деле, что я удовольствуюсь, чтобы Яков Вейс был скромным преподавателем музыки или сам для себя играл при луне ноктюрны Шопена? Нет, брат, если ты сделался пианистом, то будь у меня европейской известностью, на то ты и Вейс. Если даже ты сам этого не хочешь, то **я** это сделаю, потому что не даром я работаю по двенадцати часов в сутки и потому что не даром меня зовут Самуил Вейс» (Кузмин 1985: 75). Здесь также следует отметить соотнесенность Шопена, связанного в тексте со смертью и противопоставленного «радостному» Моцарту, с луной, а не с солнцем.

⁷⁵ В блестящей статье о Кузмине-кинозрителе Михаил Ратгауз первым бегло наметил линию утонченных безжизненных семитов-декадентов кузминской прозы, в ряд которых он поместил и Зою Лилиенфельд «Плавающих-путешествующих» (см.: Ратгауз 1992: 69). Исследователь, тем не менее, не увидел двойственности в идеологизации еврейства у Кузмина, в частности «розановской» линии, отчетливо намеченной в его текстах. Следует также указать и на возможность прямого влияния трактатов Ницше на Кузмина. Проблематика «вырождения», «декаданса», «болезни» в контексте Ницше обсуждается в переписке Чичерина и Кузмина (см., в частности, одно из писем Чичерина 1905 года: Кузмин 2006: 342). В письме за 16/29 августа 1905 года Кузмин прямо говорит о «свете нового человечества, свободы и солнца», а также «новом человечестве Ницше и Аннунцио» как о том, что ему «по-прежнему и больше прежнего страстно и трепетно желается» (Там же: 355).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Белый А. 2014. Начало века: Берлинская редакция (1923) / Изд. подготовил А. В. Лавров. СПб.: Наука.
- Беляев А. 1881. Современное состояние вопроса о значении расовых особенностей семитов, хамитов и иафетитов для религиозного развития этих групп народов. М.: Тип. М. Н. Лаврова и К°.
- Бизе А. 1890. Историческое развитие чувства природы / Пер. Д. Коробчевского. СПб.: Изд. журнала «Русское богатство».
- Блок А. 1962. Собр. соч.: В 8-ми тт. / Под общей ред. В. Н. Орлова, А. А. Суркова, К. И. Чуковского. Т. 6: Проза (1918–1921). М.; Л.: ГИХЛ.
- Блок А. 1965. Записные книжки: 1901–1920. М.: Художественная литература.
- Блюмбаум А. 2017. *Musica mundana* и русская общественность: Цикл статей о творчестве Александра Блока. М.: Новое литературное обозрение.
- Блюмбаум А. 2018. Политика и мистика: «метаморфозы» в «Катилине» Блока. – *Acta Slavica Estonica*. [Вып.] X. *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*. [Вып.] XVI: Серебряный век в русской литературе и культуре конца XIX – первой половины XX в: К 90-летию со дня рождения З. Г. Минц. Tartu: [Tartu Ülikooli Kirjastus]. С. 117–133.
- Блюмбаум А. 2022. Еще раз о «спасении природы»: Александр Блок, Владимир Соловьев и понятие «культуры». – *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. Bd. 10. С. 92–113.
- Богомолов Н. А. 1999. Вячеслав Иванов и Кузмин: К истории отношений. – Богомолов Н. А. *Русская литература начала XX века и оккультизм: Исследования и материалы*. М.: Новое литературное обозрение. С. 211–224.
- Богомолов Н., Малмстад Дж. 2007. Михаил Кузмин: Искусство, жизнь, эпоха. СПб.: Вита Нова.
- Бурмистров К. Ю. 2023. «Каббала как особый тип религиозного сознания»: Доклад Бориса Стоппнера в Религиозно-философском обществе памяти Вл. Соловьева. – *Отечественная философия*. Т. 1. № 1. С. 64–76.
- Вихнович В. Л. 2014. Петербургский эпизод Германа Когена и не только... – *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. Т. 15. Вып. 1. С. 199–209.
- Волынский А. 1910. Бог или боженька? – Куда мы идем? Настоящее и будущее русской интеллигенции, литературы, театра и искусств: Сборник статей. М.: Заря. С. 25–32.

- Волынский А. Л. 1922a. Четыре Евангелия. Пг.: Полярная звезда.
- Волынский А. Л. 1922b. Что такое идеализм. СПб.: Парфенон.
- Волынский А. 1923. Рождение Аполлона. – Жизнь искусства. № 1. С. 2–5.
- Волынский А. 2011. Антон Павлович Чехов (Воспоминания критика о писателе) / Публикация, предисловие, комментарии А. Л. Евстигнеевой. – Наше наследие. № 98. С. 25–32.
- Гегель Г. В. Ф. 1976. Философия религии: В 2-х тт. Т. 1 / Общая ред. и вступительная ст. А. В. Гулыги. Пер. с нем. М. И. Левиной. М.: Академия наук СССР. Институт философии; Издательство социально-экономической литературы «Мысль».
- Гегель Г. В. Ф. 1993. Лекции по философии истории / Пер. А. М. Водена. СПб.: Наука.
- Гейне Г. 1904. Полн. собр. соч.: В 6-ти тт. / Под ред. и с биографическим очерком П. Вейнберга. Т. 1. СПб.: Издание А. Ф. Маркса.
- Гейне Г. 1958a. Собр. соч.: В 10-ти тт. / Под общей ред. Н. Я. Берковского, В. М. Жирмунского, Я. М. Металлова. Т. 6: К различному пониманию истории. К истории религии и философии в Германии. Романтическая школа. Духи стихий. Флорентинские ночи. Л.: ГИХЛ.
- Гейне Г. 1958b. Собр. соч.: В 10-тт. / Под общей ред. Н. Я. Берковского, В. М. Жирмунского, Я. М. Металлова. Т. 7: Людвиг Берне. Статьи 1836–1844 годов. Бахерахский раввин. О французской сцене. Девушки и женщины Шекспира. Письма о Германии. Л.: ГИХЛ.
- Гизетти А. 1928. От книг к человеку (Две встречи с А. Л. Волынским). – Памяти А. Л. Волынского / Под ред. П. Н. Медведева. Л.: Издание Всероссийского Союза писателей. С. 74–82.
- Гильдебрандт О. Н. 1998. О Юрочке. – Кузмин М. А. Дневник 1934 года / Под ред., со вступительной ст. и примечаниями Г. Морева. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха. С. 157–167.
- Гиппиус-Мережковская З. 1951. Дмитрий Мережковский. Париж: YMCA-Press.
- Гумбольдт А. фон. 1862. Космос: Опыт физического мироописания / Пер. с нем. Николая Фролова. Ч. 2. М.: В Типографии Александра Семена.
- Гурлянд А. 1915. Герман Коген и его философское обоснование еврейства: Критический очерк. Пг.: [Тип. Л. Я. Гинзбурга].
- Дармстетер Дж. 1883. Взгляд на историю еврейского народа. – Восход. № 7–8. С. 119–147.

- Диспут 1923. Диспут (Александр Блок – А. Л. Волынский). – Жизнь искусства. № 31. С. 5–14.
- Ермичев А. А. 1998. О философии в России: Исследования, полемика, заметки. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Ермичев А. А. 2007. Религиозно-философское общество в Петербурге (1907–1917): Хроника заседаний. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Жаботинский В. 1922. Фельетоны. Берлин: Издательство С. Д. Зальцман.
- Жирмунский В. 1914a. Гейне и романтизм. – Русская мысль. № 5. С. 90–117.
- Жирмунский В. 1914b. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб.: Тип. Т-ва А. С. Суворина – „Новое время“.
- Иванов Вяч. 1905. Религия Диониса: Главы IV–V. – Вопросы жизни. № 7. С. 122–148.
- Иванов Вяч. 1994. Доклад «Евангельский смысл слова “земля”». Письма. Автобиография (1926) / Публикация, вступительная ст. и комментарий Г. В. Обатнина. – Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект». С. 142–170.
- Иванов Вяч. 1996. Евреи и русские / Публ. К. Ю. Лаппо-Данилевского. – Новое литературное обозрение. № 21. С. 182–193.
- Иванов Вяч. 1999. <Интеллектуальный дневник. 1888–1889 гг.> / Подготовка текста Н. В. Котрелева и И. Н. Фридмана. Примечания Н. В. Котрелева. – Вячеслав Иванов: Архивные материалы и исследования. М.: Русские словари. С. 10–61.
- Иванов Вяч. 2008. Евангельский смысл слова «земля» / Подготовка текста, вступление, примечания и приложение О. Фетисенко. – Символ. № 53–54. С. 68–84.
- Иванова Е. 2012. Александр Блок: Последние годы жизни. СПб.; М.: Росток.
- Карташев А. В. 1916. Реформа, реформация и исполнение церкви. Пг.: Корабль.
- Кацис Л. 1999. Б. Г. Стоппнер о еврействе. – Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 1999 г. / Под ред. М. А. Колерова. М.: ОГИ. С. 259–330.
- Кацис Л. 2014. Журнал «Новый Восход» – орган русско-еврейского неокантианства (1910–1915). – Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2010–2011 гг. / Под ред. М. А. Колерова, Н. С. Плотникова. М.: Модест Колеров. С. 251–272.

- Козлов С. 2020. Имплантация: Очерки генеалогии историко-филологического знания во Франции. М.: Новое литературное обозрение.
- Кузмин М. А. 1984. Проза: В 9-ти тт. Т. 1: Первая книга рассказов / Ред., примечания, вступительная ст. В. Ф. Маркова. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties.
- Кузмин М. А. 1985. Проза: В 9-ти тт. Т. 4: Покойница в доме. Сказки. Зеленый соловей / Ред. и примечания В. Ф. Маркова и Фр. Шольца. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties.
- Кузмин М. 1998. Дневник 1934 года / Под ред., со вступительной ст. и примечаниями Г. Морева. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха.
- Кузмин М. 2006. Стихотворения. Из переписки / Сост., подготовка текста, примечания Н. А. Богомолова. М.: Прогресс-Плеяда.
- Лавров А. В. 2007. А. Волынский и журнал «Аполлон». – Лавров А. В. Русские символисты: Этюды и разыскания. М.: Прогресс-Плеяда. С. 395–406.
- Ландау Г. 1923. Византиец и иудей. – Русская мысль. Кн. I–II. С. 182–219.
- Лаппо-Данилевский К. 1996. набросок Вяч. Иванова «Евреи и русские». – Новое литературное обозрение. № 21. С. 182–190.
- Межуев Б. В. 2007. Аким Волынский и Вл. Соловьев. – Соловьевские исследования. Вып. 14. С. 194–213.
- Мережковский Д. С. 1893. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. СПб.: Типо-литография Б. М. Вольфа.
- Мережковский Д. 1900. Лев Толстой и Достоевский. – Мир искусства. № 17–18. С. 71–84.
- Мережковский Д. 1925. Тайна Трех: Египет и Вавилон. Прага: Пламя.
- Мережковский Д. С. 2000. Л. Толстой и Достоевский / Изд. подготовила Е. А. Андрущенко. М.: Наука.
- Мережковский Д. С. 2007. Вечные спутники: Портреты из всемирной литературы / Изд. подготовила Е. А. Андрущенко. СПб.: Наука.
- Олендер М. 2008. Между возвышенным и одиозным (Эрнест Ренан) / Пер. с фр. С. Зенкина. – Новое литературное обозрение. № 5 (93). С. 36–61.
- Ратгауз М. Г. 1992. Кузмин-кинозритель. – Киноведческие записки. № 13. С. 52–86.
- Ренан Э. 1888. Место семитских народов в истории цивилизации: Речь при открытии курса языков еврейского, халдейского и сирийского в Collège de France / Пер. П. Первова. М.: Изд. В. Н. Маракуева.

- Розанов В. 1890. Место христианства в истории. М.: Типография Э. Лисснера и Ю. Романа.
- Розанов В. В. 1904. Место христианства в истории. СПб.: Типография П. Ф. Вощинской.
- Розанов В. 1909. Магическая страница Гоголя. – Весы. № 8. С. 25–44.
- Розанов В. В. 1999. Собр. соч.: Во дворе язычников / Под общей ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика.
- Розанов В. В. 2000. Собр. соч.: Апокалипсис нашего времени / Под общей ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика.
- Розанов В. В. 2008. Собр. соч.: Религия и культура. Статьи и очерки 1902–1903 гг. / Под общей ред. А. Н. Николюкина. Сост. А. Н. Николюкина, П. П. Апрышко, О. В. Быстровой. Комментарии О. В. Быстровой. М.; СПб.: Республика; Росток.
- Розанов В. В. 2009. Собр. соч.: Юдаизм. Статьи и очерки 1898–1901 гг. / Под общей ред. А. Н. Николюкина. Сост. А. Н. Николюкина, П. П. Апрышко, О. В. Быстровой. Комментарии О. В. Быстровой. М.; СПб.: Республика; Росток.
- Розенталь Б. Г. 1999. Мережковский и Ницше (К истории заимствований). – Д. С. Мережковский: Мысль и слово. М.: Наследие. С. 119–135.
- Рыкунина Ю. А. 2017. «Златоцвет» Зинаиды Гиппиус: Материалы к комментарию. – Вестник РГГУ. № 2 (23). С. 122–140.
- Соловьев В. 1904. Три разговора: О войне, прогрессе и конце всемирной истории, с включением краткой повести об Антихристе и приложениями. Изд. 4-е. СПб.: Издание С.-Петербургского Т-ва печати и Изд. дела «Труд».
- Соловьев В. С. 1914. Собр. соч.: В 10-ти тт. / Под ред. и с примечаниями С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова. Т. 4. СПб.: Просвещение.
- Толстая Е. Д. 2002. Мирпослелеконца: Работы о русской литературе XX века. М.: РГГУ.
- Толстая Е. Д. 2013. Бедный рыцарь: Интеллектуальное странствие Акима Вольинского. М.: Мосты культуры; Гешарим.
- Фейербах Л. 1995. Сочинения: В 2-х тт. / Пер. с нем. Т. 2. М.: Наука.
- Флоренский П. 1914. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М.: Путь.
- Хвольсон Д. А. 1872. Характеристика семитических народов. – Русский вестник. Т. 97. С. 423–475.

- Эйхенбаум Б. 1928. Из впечатлений об А. Л. Волынском. – Памяти А. Л. Волынского / Под ред. П. Н. Медведева. Л.: Издание Всероссийского Союза писателей. С. 44–46.
- Ямпольский М. 2010. «Сквозь тусклое стекло»: 20 глав о неопределенности. М.: Новое литературное обозрение.
- Яхонтов И. П. 1884. Изложение и историко-критический разбор мнения Ренана о происхождении еврейского единобожия. – Прибавления к Творениям св. Отцов. Ч. 33. Кн. 1. С. 114–203.
- Arkush, A. 1991. Judaism as Egoism: From Spinoza to Feuerbach to Marx. – Modern Judaism. Vol. 11. No. 2. P. 211–223.
- Arnold, M. 1889. Culture and Anarchy: An Essay in Political and Social Criticism. London: Smith, Elder & Co.
- Arvidsson, S. 2006. Aryan Idols: Indo-European Mythology as Ideology and Science / Translated by Sonia Wichmann. Chicago; London: University of Chicago Press.
- Bailey, H. 2008. Orthodoxy, Modernity, and Authenticity: The Reception of Ernest Renan's *Life of Jesus* in Russia. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing.
- Bershtein, E. 2011. An Englishman in the Russian Bathhouse: Kuzmin's *Wings* and the Russian Tradition of Homoerotic Writing. – The Many Facets of Mikhail Kuzmin: A Miscellany = Кузмин многогранный: Сборник статей и материалов / Ed. by Lada Panova and Sarah Pratt. Bloomington: Slavica. P. 75–87.
- Blanchot, M. 1984. Les intellectuels en question : Ébauche d'une réflexion. – Le Debat. No. 29. P. 3–28.
- Bloch, E. 2015. L'Angoisse de l'ingénieur. Paris: Allia.
- Cancik, H. 2000. Nietzsches Antike: Vorlesung. Stuttgart; Weimar: J. B. Metzler.
- Compagnon, A. 1997. Connaissez-vous Brunetière ? Enquête sur un antidreyfusard et ses amis. Paris: Seuil.
- Compagnon, A. 2005. Les Antimodernes : De Joseph de Maistre à Roland Barthes. Paris: Gallimard.
- Conrad, L. I. 1999. Ignaz Goldziher on Ernest Renan: From Orientalist Philology to the Study of Islam. – The Jewish Discovery of Islam: Studies in Honor of Bernard Lewis / Ed. by Martin Kramer. Tel Aviv: The Moshe Dayan Center for Middle Eastern and African Studies, Tel Aviv University. P. 137–180.
- Freedman, J. 2021. The Jewish Decadence: Jews and the Aesthetics of Modernity. Chicago: University of Chicago Press.

- Grillaert, N. 2008. What the *God-seekers* found in Nietzsche: The Reception of Nietzsche's *Übermensch* by the Philosophers of the Russian Religious Renaissance. Amsterdam; New York: Rodopi.
- Hegel 1848. Georg Wilhelm Friedrich Hegel's Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte. Berlin: Verlag von Duncker und Humblot.
- Heine 1959. Heines Werke: In 5 Bänden. Bd. 5. Weimar: Volksverlag.
- Heschel, S. 2008. The Aryan Jesus: Christian Theologians and the Bible in Nazi Germany. Princeton; Oxford: Princeton University Press.
- Josephson-Storm, J. Å. 2017. The Myth of Disenchantment: Magic, Modernity, and the Birth of the Human Sciences. Chicago; London: University of Chicago Press.
- Lappo-Danilevskij, K. 2000. Labyrinthe der Intertextualität (Schiller und Vjac. Ivanov). – Zeitschrift für slavische Philologie. Bd. 59. Heft 2. S. 317–346.
- Legros, R. 1997. Sur l'antijudaïsme et le paganisme du jeune Hegel. – Hegel, G. W. F. Premiers écrits (Francfort 1797–1800). Paris: Librairie philosophique J. Vrin. P. 11–45.
- Moxnes, H. 2012. Jesus and the Rise of Nationalism: A New Quest for the Nineteenth-Century Historical Jesus. London; New York: I. B. Tauris.
- Nemeth, A. 1947. Kafka ou le mystère juif. Paris: Jean Vigneau.
- Nietzsche, Fr. 1999. Sämtliche Werke / Hrsg. von Giorgio Colli und Mazzino Montinari. Bd. 4: Also sprach Zarathustra. München; New York: Deutscher Taschenbuch Verlag; de Gruyter.
- Noll, R. 1997. The Aryan Christ: The Secret Life of Carl Jung. New York: Random House.
- Olender, M. 2002. Les langues du paradis : Aryens et Sémites, un couple providentiel. Paris: Seuil.
- Pachmuss, T. 1972. Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus. München: Wilhelm Fink Verlag.
- Polonsky, R. 1998. English Literature and the Russian Aesthetic Renaissance. Cambridge: Cambridge University Press.
- Quinet, E. 1842. Le Génie des religions. Paris: Charpentier.
- Renan, E. 1863. Histoire générale et système comparé des langues sémitiques. Paris: L'Imprimerie impériale.
- Renan, E. 1878. Mélanges d'histoire et de voyages. Paris: Calmann Lévy.
- Renan, E. 1893. Souvenirs d'enfance et de jeunesse. Paris: Calmann Lévy.
- Rétat, L. 2013. L'Orient dans la construction conceptuelle et symbolique de Renan, Quinet, Michelet. – Études Renaniennes. N° 114. P. 65–93.

- Rose, P. L. 1990. *German Question / Jewish Question: Revolutionary Antisemitism in Germany from Kant to Wagner*. Princeton: Princeton University Press.
- Rotenstreich, N. 1953. Hegel's Image of Judaism. – *Jewish Social Studies*. Vol. 15. No. 1. P. 33–52.
- Rosenthal, B. G. 1988. From Decadence to Religion: Ivanov and Merežkovskij. – *Cultura e Memoria: Atti del terzo Simposio Internazionale dedicato a Vjačeslav Ivanov*. I: Testi in italiano, francese, inglese / A cura di Fausto Malcovati. Firenze: La Nuova Italia Editrice. P. 141–150.
- Stroumsa, Guy G. 2021. *The Idea of Semitic Monotheism: The Rise and Fall of a Scholarly Myth*. Oxford: Oxford University Press.
- Svetlikova, I. 2013. *The Moscow Pythagoreans: Mathematics, Mysticism, and Anti-Semitism in Russian Symbolism*. New York: Palgrave Macmillan.
- Vidal-Naquet, P. 1996. *La démocratie grecque vue d'ailleurs*. Paris: Flammarion.

REFERENCES

- Arkush, A. "Judaism as Egoism: From Spinoza to Feuerbach to Marx." *Modern Judaism* 11, no. 2 (1991): 211–23.
- Arnold, M. *Culture and Anarchy: An Essay in Political and Social Criticism*. London: Smith, Elder, 1889.
- Arvidsson, S. *Aryan Idols: Indo-European Mythology as Ideology and Science*. Translated by Sonia Wichmann. Chicago and London: University of Chicago Press, 2006.
- Bailey, H. *Orthodoxy, Modernity, and Authenticity: The Reception of Ernest Renan's Life of Jesus in Russia*. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2008.
- Beliaev, A. *Sovremennoe sostoianie voprosa o znachenii rasovykh osobennostei semitov, khamitov i iafetitov dlia religioznogo razvitiia etikh grupp narodov*. Moscow: Tip. M. N. Lavrova i K°, 1881.
- Belyi, A. *Nachalo veka: Berlinskaja redaktsiia (1923)*. Edited by A. V. Lavrov. Saint Petersburg: Nauka, 2014.
- Bershtein, E. "An Englishman in the Russian Bathhouse: Kuzmin's *Wings* and the Russian Tradition of Homoerotic Writing." In *The Many Facets of Mikhail Kuzmin: A Miscellany*. Kuzmin mnogogrannii: Sbornik statei i materialov. Edited by Lada Panova and Sarah Pratt, 75–87. Bloomington: Slavica, 2011.

- Biese, A. *Istoricheskoe razvitie chuvstva prirody*. Translated by D. Korobchevskii. Saint Petersburg: Izd. zhurnala "Russkoe bogatstvo," 1890.
- Blanchot, M. "Les intellectuels en question: Ébauche d'une réflexion." *Le Debat* 29 (1984) 3–28.
- Bliumbaum, A. *Musica mundana i russkaia obshchestvennost': Tsikl statei o tvorchestve Aleksandra Bloka*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017.
- . "Politika i mistika: 'Metamorfozy' v 'Katiline' Bloka." In *Acta Slavica Estonica*. Vol. 10. *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*. Vol. 16, *Serebrianyi vek v russkoi literature i kul'ture kontsa 19 – pervoi poloviny 20 v.: K 90-letiiu so dnia rozhdeniia Z. G. Mints*, 117–33. Tartu: [Tartu Ülikooli Kirjastus], 2018.
- . "Eshche raz o 'spasenii prirody': Aleksandr Blok, Vladimir Solov'ev i poniatie 'kul'tury'." *Wiener Slavistisches Jahrbuch* 10 (2022): 92–113.
- Bloch, E. *L'Angoisse de l'ingénieur*. Paris: Allia, 2015.
- Blok, A. *Sobranie sochinenii*. 8 vols. Edited by V. N. Orlov, A. A. Surkov and K. I. Chukovskii. Vol. 6, *Proza (1918–1921)*. Moscow and Leningrad: GIKhL, 1962.
- . *Zapisnye knizhki: 1901–1920*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1965.
- Bogomolov, N. A. "Viacheslav Ivanov i Kuzmin: K istorii otnoshenii." In *Russkaia literatura nachala 20 veka i okkul'tizm: Issledovaniia i materialy*, 211–24. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1999.
- Bogomolov, N. A. and J. Malmstad. *Mikhail Kuzmin: Iskustvo, zhizn', epokha*. Saint Petersburg: Vita Nova, 2007.
- Burmistrov, K. Iu. "'Kabbala kak osobyi tip religioznogo soznaniia': Doklad Borisa Stolpnera v Religiozno-filosofskom obshchestve pamiati Vl. Solov'eva." *Otechestvennaia filosofii* 1, no. 1 (2023): 64–76.
- Cancik, H. *Nietzsches Antike: Vorlesung*. Stuttgart and Weimar: J. B. Metzler, 2000.
- Compagnon, A. *Connaissez-vous Brunetière? Enquête sur un antidreyfusard et ses amis*. Paris: Seuil, 1997.
- . *Les Antimodernes: De Joseph de Maistre à Roland Barthes*. Paris: Gallimard, 2005.
- Conrad, L. I. "Ignaz Goldziher on Ernest Renan: From Orientalist Philology to the Study of Islam." In *The Jewish Discovery of Islam: Studies in Honor of Bernard Lewis*. Edited by Martin Kramer, 137–80. Tel Aviv: Moshe Dayan Center for Middle Eastern and African Studies, Tel Aviv University, 1999.

- Darmsteter, J. "Vzgliad na istoriiu evreiskogo naroda." *Voskhod* 7–8 (1883): 119–47.
- "Disput (Aleksandr Blok – A. L. Volynskii)." *Zhizn' iskusstva* 31 (1923): 5–14.
- Eikhenbaum, B. "Iz vpechatlenii ob A. L. Volynskom." In *Pamiati A. L. Volynskogo*. Edited by P. N. Medvedev, 44–46. Leningrad: Izдание Vserossiiskogo Soiuzu pisatelei, 1928.
- Ermichev, A. A. *O filosofii v Rossii: Issledovaniia, polemika, zametki*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1998.
- . *Religiozno-filosofskoe obshchestvo v Peterburge (1907–1917): Khronika zasedanii*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2007.
- Feuerbach, L. *Sochineniia*. 2 vols. Vol. 2. Moscow: Nauka, 1995.
- Florenskii, P. *Stolp i utverzhdenie istiny: Opyt pravoslavnoi teoditsei v dvenadtsati pis'makh*. Moscow: Put', 1914.
- Freedman, J. *The Jewish Decadence: Jews and the Aesthetics of Modernity*. Chicago: University of Chicago Press, 2008.
- Georg Wilhelm Friedrich Hegel's *Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte*. Berlin: Verlag von Duncker und Humblot, 1848.
- Gil'debrandt, O. N. "O Iurochke." In *Dnevnik 1934 goda* by M. A. Kuzmin. Prefaced, edited and annotated by G. Morev, 157–67. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 1998.
- Gippius-Merezhkovskaia, Z. *Dmitrii Merezhkovskii*. Paris: YMCA-Press, 1951.
- Gizetti, A. "Ot knig k cheloveku (Dve vstrechi s A. L. Volynskim)." In *Pamiati A. L. Volynskogo*. Edited by P. N. Medvedev, 74–82. Leningrad: Izдание Vserossiiskogo Soiuzu pisatelei, 1928.
- Grillaert, N. *What the God-seekers found in Nietzsche: The Reception of Nietzsche's Übermensch by the Philosophers of the Russian Religious Renaissance*. Amsterdam and New York: Rodopi, 2008.
- Gurliand, A. *German Kogen i ego filosofskoe obosnovanie evreistva: Kriticheskii ocherk*. Petrograd: [Tip. L. Ia. Ginzburga], 1915.
- Hegel, G. W. F. *Filosofia religii*. 2 vols. Vol. 1. Prefaced and edited by A. V. Gulyga. Translated from the German by M. I. Levina. Moscow: Akademiia nauk SSSR. Institut filosofii. Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury "Mysl'", 1975.
- . *Lektsii po filosofii istorii*. Translated by A. M. Voden. Saint Petersburg: Nauka, 1993.

- Heine, H. *Polnoe sobranie sochinenii*. 6 vols. Edited and prefaced by P. Veinberg. Vol. 1. Saint Petersburg: Izdanie A. F. Marksa, 1904.
- . *Sobranie sochinenii*. 10 vols. Edited by N. Ia. Berkovskii, V. M. Zhirmunskii and Ia. M. Metallov. Vol. 6, *K razlichnomu ponimaniiu istorii. K istorii religii i filosofii v Germanii. Romanticheskaiia shkola. Dukhi stikhii. Florentinskie nochii*. Leningrad: GIKhL, 1958.
- . *Sobranie sochinenii*. 10 vols. Edited by N. Ia. Berkovskii, V. M. Zhirmunskii and Ia. M. Metallov. Vol. 7, *Ludwig Börne. Stat'i 1836–1844 godov. Bakherak-hskii ravvin. O frantsuzskoi stsene. Devushki i zhenshchiny Shakespeare'a. Pis'ma o Germanii*. Leningrad: GIKhL, 1958.
- Heines Werke*. 5 vols. Vol. 4. Weimar: Volksverlag, 1959.
- Heines Werke*. 5 vols. Vol. 5. Weimar: Volksverlag, 1959.
- Heschel, S. *The Aryan Jesus: Christian Theologians and the Bible in Nazi Germany*. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2008.
- Humboldt, A. von. *Kosmos: Opyt fizicheskogo miroopisaniia*. Translated from the German by Nikolai Frolov. Pt. 2. Moscow: V Tipografii Aleksandra Semena, 1862.
- Iakhontov, I. P. "Izlozhenie i istoriko-kriticheskii razbor mneniia Renana o proiskhozhdenii evreiskogo edinobozhiia." *Pribavleniia k Tvoreniiam sv. Ottsov* 33, no. 1 (1884) 114–203.
- Iampol'skii, M. "Skvoz' tuskloe steklo": 20 glav o neopredelennosti. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010.
- Ivanov, Viach. "Religiia Dionisa: Glavy IV–V." *Voprosy zhizni* 7 (1905): 122–48.
- . "Doklad 'Evangel'skii smysl slova 'zemlia.'" *Pis'ma. Avtobiografiia* (1926)." Prefaced, edited and annotated by G. V. Obatnin. In *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1991 god*, 142–70. Saint Petersburg: Gumanitarnoe agentstvo "Akademicheskii proekt," 1994.
- . "Evrei i russkie." Published by K. Iu. Lappo-Danilevskii. *Novoe literaturnoe obozrenie* 21 (1996): 182–93.
- . "[Intel'ktual'nyi dnevniki. 1888–1889 gg.]" Edited by N. V. Kotrelev and I. N. Fridman. Annotated by N. V. Kotrelev. In *Viacheslav Ivanov: Arkhivnye materialy i issledovaniia*, 10–61. Moscow: Russkie slovari, 1999.
- . "Evangel'skii smysl slova 'zemlia.'" Prefaced, edited and annotated by O. Fetisenko. *Simvol* 53–54 (2008): 68–84.
- Ivanova, E. *Aleksandr Blok: Poslednie gody zhizni*. Saint Petersburg and Moscow: Rostok, 2012.

- Josephson-Storm, J. Å. *The Myth of Disenchantment: Magic, Modernity, and the Birth of the Human Sciences*. Chicago and London: University of Chicago Press, 2017.
- Kartashev, A. V. *Reforma, reformatsiia i ispolnenie tserkvi*. Petrograd: Korabl', 1916.
- Katsis, L. "B. G. Stolpner o evreistve." In *Issledovaniia po istorii russkoi mysli: Ezhegodnik za 1999 g.* Edited by M. A. Kolerov, 259–330. Moscow: OGI, 1999.
- . "Zhurnal 'Novyi Voskhod' – organ russko-evreiskogo neokantianstva (1910–1915)." In *Issledovaniia po istorii russkoi mysli: Ezhegodnik za 2010–2011 gg.* Edited by M. A. Kolerov and N. S. Plotnikov, 251–72. Moscow: Modest Kolerov, 2014.
- Khvol'son, D. A. "Kharakteristika semiticheskikh narodov." *Russkii vestnik* 97 (1872): 423–75.
- Kozlov, S. *Implantatsiia: Ocherki genealogii istoriko-filologicheskogo znaniia vo Frantsii*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020.
- Kuzmin, M. A. *Proza*. 9 vols. Vol. 1, *Pervaia kniga rasskazov*. Prefaced, edited and annotated by V. F. Markov. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1984.
- . *Proza*. 9 vols. Vol. 4, *Pokoinitsa v dome. Skazki. Zelenyi solovei*. Edited and annotated by V. F. Markov and Fr. Shol'ts. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1985.
- . *Dnevnik 1934 goda*. Prefaced, edited and annotated by G. Morev. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 1998.
- . *Stikhotvoreniia. Iz perepiski*. Edited and annotated by N. A. Bogomolov. Moscow: Progress-Pleiada.
- Landau, G. "Vizantiets i iudei." *Russkaia mysl'* 1–2 (1923): 182–219.
- Lappo-Danilevskii, K. "Nabrosok Viach. Ivanova 'Evrei i russkie'." *Novoe literaturnoe obozrenie* 21 (1996): 182–90.
- . "Labyrinthe der Intertextualität (Schiller und Vjac. Ivanov)." *Zeitschrift für slavische Philologie* 59, no. 2 (2000): 317–46.
- Lavrov, A. V. "A. Volynskii i zhurnal 'Apollon'." In *Russkie simvolisty: Etiudy i razyskaniia*, 395–406. Moscow: Progress-Pleiada, 2007.
- Legros, R. "Sur l'antijudaïsme et le paganisme du jeune Hegel." In *Premiers écrits (Francfort 1797–1800)* by G. W. F. Hegel, 11–45. Paris: Librairie philosophique J. Vrin, 1997.
- Mezhuev, B. V. "Akim Volynskii i Vl. Solov'ev." *Solov'evskie issledovaniia* 14 (2007): 194–213.

- Merezhkovskii, D. S. 1893. O prichinakh upadka i o novykh techeniiakh sovremennoi russkoi literatury. Saint Petersburg: Tipo-litografiia B. M. Vol'fa.
- . "Lev Tolstoi i Dostoevskii." *Mir iskusstva* 17–18 (1900): 71–84.
- . *Taina Trekh: Egipet i Vavilon*. Prague: Plamia, 1925.
- . *L. Tolstoi i Dostoevskii*. Edited by E. A. Andrushchenko. Moscow: Nauka, 2000.
- . *Vechnye sputniki: Portrety iz vseмирnoi literatury*. Edited by E. A. Andrushchenko. Saint Petersburg: Nauka, 2007.
- Moxnes, H. *Jesus and the Rise of Nationalism: A New Quest for the Nineteenth-Century Historical Jesus*. London and New York: I. B. Tauris, 2012.
- Nemeth, A. *Kafka ou le mystère juif*. Paris: Jean Vigneau, 1947.
- Nietzsche, Fr. *Sämtliche Werke*. Edited by Giorgio Colli and Mazzino Montinari. Vol. 4, *Also sprach Zarathustra*. München and New York: Deutscher Taschenbuch Verlag; de Gruyter, 1999.
- Noll, R. *The Aryan Christ: The Secret Life of Carl Jung*. New York: Random House, 1997.
- Olender, M. *Les langues du paradis: Aryens et Sémites, un couple providentiel*. Paris: Seuil, 2002.
- . "Mezhd u vozvyshennym i odioznym (Ernest Renan)." Translated from the French by S. Zenkin. *Novoe literaturnoe obozrenie* 93 (2008): 36–61.
- Pachmuss, T. *Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus*. München: Wilhelm Fink Verlag, 1972.
- Polonsky, R. *English Literature and the Russian Aesthetic Renaissance*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
- Quinet, E. *Le Génie des religions*. Paris: Charpentier, 1842.
- Ratgauz, M. G. "Kuzmin-kinozritel'." *Kinovedcheskie zapiski* 13 (1992): 52–86.
- Renan, E. *Histoire générale et système comparé des langues sémitiques*. Paris: L'Imprimerie impériale, 1863.
- . *Mélanges d'histoire et de voyages*. Paris: Calmann Lévy, 1878.
- . *Mesto semitskikh narodov v istorii tsivilizatsii: Rech' pri otkrytii kursa iazykov evreiskogo, khaldeiskogo i siriiskogo v Collège de France*. Translated by P. Pervov. Moscow: Izd. V. N. Marakueva, 1888.
- . *Souvenirs d'enfance et de jeunesse*. Paris: Calmann Lévy, 1893.
- Rétat, L. "L'Orient dans la construction conceptuelle et symbolique de Renan, Quinet, Michelet." *Études Renaniennes* 114 (2013): 65–93.
- Rozerov, V. *Mesto khristianstva v istorii*. Moscow: Tipografiia E. Lissnera i Iu. Romana, 1890.

- . *Mesto khristianstva v istorii*. Saint Petersburg: Tipografiia P. F. Voshchinskoi, 1904.
- . “Magicheskaia stranitsa Gogolia.” *Vesy* 8 (1909): 25–44.
- . *Sobranie sochinenii. Vo dvore iazychnikov*. Edited by A. N. Nikoliukin. Moscow: Respublika, 1999.
- . *Sobranie sochinenii. Apokalipsis nashego vremeni*. Edited by A. N. Nikoliukin. Moscow: Respublika, 2000.
- . *Sobranie sochinenii. Religiiia i kul'tura. Stat'i i ocherki 1902–1903 gg.* Edited by A. N. Nikoliukin, P. P. Apryshko, O. V. Bystrova. Annotated by O. V. Bystrova. Moscow and Saint Petersburg: Respublika; Rostok, 2008.
- . *Sobranie sochinenii. Iudaizm. Stat'i i ocherki 1898–1901 gg.* Edited by A. N. Nikoliukin, P. P. Apryshko, O. V. Bystrova. Annotated by O. V. Bystrova. Moscow and Saint Petersburg: Respublika; Rostok, 2009.
- Rose, P. L. *German Question / Jewish Question: Revolutionary Antisemitism in Germany from Kant to Wagner*. Princeton: Princeton University Press, 1990.
- Rosenthal, B. G. “From Decadence to Religion: Ivanov and Merezhkovskij.” In *Cultura e Memoria: Atti del terzo Simposio Internazionale dedicato a Vjačeslav Ivanov. I: Testi in italiano, francese, inglese*. Edited by Fausto Malcovati, 141–50. Firenze: La Nuova Italia, 1988.
- . “Merezhkovskii i Nietzsche (K istorii zaimstvovanii).” In *Mysl' i slovo* by D. S. Merezhkovskii, 119–35. Moscow: Nasledie, 1999.
- Rotenstreich, N. “Hegel’s Image of Judaism.” *Jewish Social Studies* 15, no. 1 (1953): 33–52.
- Rykunina, Iu. A. “Zlatotsvet’ Zinaidy Gippius: Materialy k kommentariiu.” *Vestnik RGGU* 23, no. 2 (2017): 122–140.
- Solov’ev, V. *Tri razgovora: O voine, progresse i kontse vseмирnoi istorii, s vključeniem kratkoi povesti ob Antikhriste i prilozheniiami*. 4th ed. Saint Petersburg: Izdanie S. Peterburgskogo T-va pečati i Izd. dela “Trud,” 1904.
- . *Sobranie sochinenii*. 10 vols. Vol. 4. Edited and annotated by S. M. Solov’ev and E. L. Radlov. Saint Petersburg: Prosveshchenie, 1914.
- Stroumsa, Guy G. *The Idea of Semitic Monotheism: The Rise and Fall of a Scholarly Myth*. Oxford: Oxford University Press, 2021.
- Svetlikova, I. *The Moscow Pythagoreans: Mathematics, Mysticism, and Anti-Semitism in Russian Symbolism*. New York: Palgrave Macmillan, 2013.
- Tolstaia, E. D. *Mirposlekontsa: Raboty o russkoi literature 20 veka*. Moscow: RGGU, 2002.

- . *Bednyi rytsar': Intellektual'noe stranstvie Akima Volynskogo*. Moscow: Mosty kul'tury; Gescharim, 2013.
- Vidal-Naquet, P. *La démocratie grecque vue d'ailleurs*. Paris: Flammarion, 1996.
- Vikhnovich, V. L. "Peterburgskii epizod Germana Kogena i ne tol'ko..." *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii* 15, no. 1 (2014) 199–209.
- Volynskii A. L. "Bog ili bozhen'ka?" In *Kuda my idem? Nastoiashchee i budushchee russkoi intelligentsii, literatury, teatra i iskusstv: Sbornik statei*, 25–32. Moscow: Zaria, 1910.
- . *Chetyre Evangelii*. Petrograd: Poliarnaia zvezda, 1922.
- . *Chto takoe idealizm*. Saint Petersburg: Parthenon, 1922.
- . "Rozhdenie Apollona." *Zhizn' iskusstva* 1 (1923): 2–5.
- . "Anton Pavlovich Chekhov (Vospominaniia kritika o pisatele)." Prefaced, edited and annotated by A. L. Evstigneeva. *Nashe nasledie* 98 (2011) 25–32.
- Zhabotinskii, V. *Fel'etony*. Berlin: Izdatel'stvo S. D. Zal'tsman, 1922.
- Zhirmunskii, V. "Heine i romantizm." *Russkaia mysl'* 5 (1914): 90–117.
- . *Nemetskii romantizm i sovremennaia mistika*. Saint Petersburg: Tip. T va A. S. Suvorina—"Novoe vremia," 1914.

СТИХОТВОРЕНИЕ С ЗАГАДОЧНЫМ ПОСВЯЩЕНИЕМ, ИЛИ ДАНИИЛ ХАРМС СМОТРИТ ЧАРЛИ ЧАПЛИНА

А. Б. Устинов
(Сан-Франциско)

Посвящается Джулиану и Великому Немому

Ветер дул. Текла вода.
Пели птицы. Шли года.
Стукнул кокер.
Прыгнул фокер.
И пришел я к вам тогда.

Даниил Хармс

А Чаплину на фильме не до смеха.

Виктор Шкловский

Вон скачет Пушкин ветру следом
целит пушку в лисий холмик...

Д. Х.

Раннее стихотворение Даниила Хармса «О том как Иван Иванович попросил и что из этого вышло», написанное им в ноябре 1925 года и содержащее приметы придуманного им «Направления Взирь Зауми»:

лучше шпилька, беренда́
с хи ка ку гой беренда
завертёла беренда, –

или:

иван иваныч поглупел
между протчим поглупел
у усикирку поглупел, –

примечательно тем, что в творческой хронологии поэта это первая *вещь* с посвящением *не* Эстер Русаковой (1909–1943), к которой обращены три других произведения того же времени: «От бабушки до Esther», «Землю, говорят, изобрели конюхи» и «Сек». Начиная с загадочной «дедикации»¹: «Посвящается Тылли и восклицательному Знаку», – оно задерживает взгляд и приглашает в очередной раз задуматься о силе поэзии, способной преобразовать окружающий мир, казалось бы, негодными средствами «Взирь За́уми».

Достаточно интригует и архивографическая подоплека находки рукописи: стихотворение «О том как Иван Иванович попросил и что из этого вышло» сохранилось в бумагах ленинградской ровесницы Хармса, поэтессы, переводчицы и профессионального органиста Лидии Аверьяновой, было неожиданно там мною обнаружено и опубликовано вместе с дюжиной его ранних *вещей* в составе большой работы «Заумник Даниил Хармс: Начало пути» (см.: Jaccard, Устинов 1991: 214–217).

Парадокс находки этого автографа заключается в том, что Аверьянова ни разу не упоминается в записных книжках поэта и отсутствует в примечаниях к изданиям его литературного наследия, представляя едва ли не «минус-персону». Однако исключить ее из литературной биографии Хармса невозможно, поэтому в свое время, при комментировании его дневниковых записей, мне пришлось использовать эдиционный кунштюк: «неоднократно упоминаемая здесь Лидия Ивановна Аверьянова (1905–1942?)», – чтобы назвать ее, после перечисления Юрия Полетики (1896–1965), Надежды Рославлевой (1902–1942?) и других литераторов, как неотъемлемую составляющую поэтического окружения Хармса (Дневниковые записи 1992: 519).

Аверьянова оказалась одним из первых его литературных знакомств. 26 марта 1926 года одновременно с Хармсом она заполнила анкету для вступления и была благополучно зачислена

¹ См. в записной книжке № 8 (л. 6 об.): «Дедикация (от *dedicare*) лат. Посвящение, напр<имер>, сочинения кому-нибудь» (Хармс 2002: 88).

в ленинградский Союз поэтов². Во впечатляющем реестре для женщины-поэта, лишь начинающей в литературе, она указала, где печатались ее стихи: «газ<ета> “Ленинградская Правда”, журн<ал> “Ленинград”, журн<ал> “Красная Молодежь” (Москва), “Красный журнал для всех”, “Записки Передв<ижного> Театра”, газ<ета> “Смена”, журн<ал> “Красный Студент” и др.»³. Кроме того, ко времени вступления в Союз поэтов у Аверьяновой были готовы две рукописные «книги стихов: *Vox Humana* и “Вторая Москва”»⁴.

У «Председателя Взирь Зауми» Даниила Ювачева-Хармса публикаций не было вовсе, поэтому он был принят в Союз после поручительства Константина Вагинова, возразившего другому члену приемной комиссии Николаю Тихонову:

<пост>авить на совещание
НТ

<Не> следует ставить на
<сове>щание лишняя проволочка
<У Ха>рмса есть настойчивость
<поэ>тическая. Если это
<по>ка не стихи, то

² Первое появление Хармса на вечерах Союза поэтов, так называемых «пятницах», зафиксировано 29 мая 1925 г. (см.: РО ПД. Ф. 491), а заявление о вступлении в Союз он подал три месяца спустя – 15 августа – одновременно с Евгением Вигилянским (1903–1942?), его товарищем по созданному Александром Туфановым «Ордену заумников *DSO*» и позже – «Левому флангу» (из коллекции П. Лукницкого: РО ПД. Ф. 754). О Вигилянском см.: Дневниковые записи 1992: 523.

³ Сведения из анкеты Аверьяновой для вступления в Союз поэтов (см.: РО ПД. Ф. 491).

⁴ РО ПД. Ф. 491. Аверьяновой пришлось подавать документы повторно, несмотря на то что она была принята в Союз еще в 1921 г. (см.: Аверьянова 2011: 235), поскольку поэтесса пропустила срок кооптации для прежних членов СП, получивших в начале марта 1926 г. анкету сокращенного типа со строгим указанием: «Просьба заполнить настоящую анкету и в 3-х дневный срок не позже 6<-го> <сего> м<есяца> доставить по вышеуказанному адресу; в противном случае, согл<асно> циркулярам Губисполкома за № 37926, Вы будете исключены из списков членов В. С. П. Секретарь Правления М<ихаил> Фроман» (Jaccard, Устинов 1991: 224). Так был повторно кооптирован Александр Введенский, который был принят в Союз в мае 1924 г. как «футурист» *александрвведенский*; он успел подать анкету 4 марта 1926 г. (см.: Jaccard, Устинов 1991: 222–224).

<вс>е же в них имеются
<э>лементы настоящие. Кроме
<т>ого Хармс около года читает
<на> открытых собраниях Союза.
<П>ринять.

КВ (Jaccard, Устинов 1991: 169)⁵

Вместе Хармс и Аверьянова приняли участие в изданном Союзом поэтов осенью 1926 года «Собрании стихотворений» – сборнике, который открывался известным к тому времени стихотворением последней «Спасские часы», опубликованным годом раньше в журнале «Красная молодежь» (№ 5, с. 38, с опечаткой в 13-й строке) за подписью «Студент<ка> Лен<инградской> Гос<ударственной> Консерватории»:

Не глухое былое и не лобное место под теми,
Что когда-то певали – и божий нам славили страх. –
Слушай, стоило жить, чтоб узнать наше бурное время,
Наше острое время на старых кремлевских часах.

Здесь у царских саней, надрываясь, скрипели полозья
И на башенный голос послушно вставала заря,
Но проходят года – и тяжелые зреют колосья
Сквозь суровые зимы, и весны, и дни Октября.

А Европа – в петле, а Америка – в пытке, и гулко
По издерганным нервам – ударил Московский набат.
Да, желанною целью – за сетью кривых переулков –
Пилигримом свободы когда-нибудь станет Арбат.

Пять лучей не сочтем, как нагнется над миром комета,
Заметая обломки в костер, а часы на Кремле
Широко пропоют в наступившее красное лето
Колокольною песней торжественный полдень земле.

(Собрание стихотворений 1926: 3)

⁵ Pro forma свой «литературный стаж» Хармс отсчитывал «с 1924 года», как он указал в анкете члена Литфонда (см.: Хармс 2003: 171).

В этом сборнике, где за подписью «Даниил Хармс. Чинарь-взиральник» также было заявлено «Направление Взирь Зауми», состоялась первая публикация поэта – стихотворение «(случай на железной дороге)»⁶. Кроме того, в «Собрании стихотворений» были напечатаны *вещи* других будущих обэриутов: три стихотворения Константина Вагинова («В книгохранилищах летят слова...», «И снова мне мерещилась любовь...» и «Над миром рысцей торопливой...») и «Начало поэмы» Александра Введенского, который рекомендовался в книге как «ЧИНАРЬ Авто-ритет бессмыслицы» (Собрание стихотворений 1926: 14). Ко времени следующего сборника Союза поэтов, вышедшего год спустя под названием «Костер», и Хармс, и Введенский утратили «чинарские» титулы, поскольку «с пятницы 25 марта 1927 года» (Дневниковые записи 1992: 444) выступали как участники «Академии Левых Классиков», несмотря на начальное сопротивление Введенского. «Все согласны. Кроме Шурки, – записывал в дневнике Хармс. – Этот скептик проплеванный ни на какие названия, кроме Чинаря, не гожд» (Дневниковые записи 1992: 444)⁷.

Установившаяся связь Аверьяновой с будущими обэриутами прослеживается по обращенным к ней письмам поэта, создателя «Аббатства гаеров» и «Кольца поэтов имени К. Фофанова», литературного организатора Владимира Смиренского (1902–1977)⁸, соответствующие фрагменты из которых были приведены в комментариях к хармсовским дневниковым записям: «<...> советую Вам прекратить Ваше беззастенчивое ухаживание за безумником Хармсом, иначе я все открою Вашему обманутому мужу – который

⁶ Заглавие стихотворения в сборнике набрано разрядкой (см.: Собрание стихотворений 1926: 71).

⁷ Впрочем, несмотря на планы «создать твердую Академию Левых Классиков. <...> Для этого собрать конференцию и составить манифест» и даже «войти в Дом Печати как Секция Левых работников искусства» (Дневниковые записи 1992: 444), Хармс тоже на первых порах до конца не уверен. Месяц спустя он пишет обещанный манифест, но снабжает его «неясной и неточной» подписью: «Утверждающий МАНИФЕСТ Даниила Ивановича Хармса члена “основателей ‘Академии Левых Классиков’” и чинаря» (Дневниковые записи 1992: 444).

⁸ См. о нем установочную статью: Anemone, Martynov 1986: 131–148.

ничего не подозревает о Ваших интригах и кознях. Мемуары достопочтенного Казановы, видимо, Вам впрок не пошли. <...> Мне очень понравилось, как написал Введенский: “Крадется хитрый сыр”. Представьте себе лунную ночь – и по снегу – осторожно крадется сыр. Очень забавно» (15 января 1926 г.); «Конечно, балаганные гаеры, вроде Хармса, несравненно интереснее для Вас, чем я, – просто хороший поэт» (31 января 1926 г.); наконец, 4 февраля 1926 г.: «Что же касается Сологуба – так я его очень люблю и считаю большим прекрасным поэтом. Несомненно, что повертеться около него “мелким бесом” – дело стоящее. А за стихи Ваши Вам от него влетит, потому что пропускать в стихах сказуемое можно только одному Хармсу, да и то потому, что в его стихах вообще все пропущено: и смысл – и тема. А стихи Аверьяновой совсем иные» (Дневниковые записи 1992: 519).

Впрочем, их творческие отношения вскоре сошли на нет по неизвестным причинам. Как замечала биограф Аверьяновой, «импульсивная “мятущаяся поэтесса” была подвержена романтическим увлечениям» (Павлова 2011: 259). Возьмемся предположить, что ее интерес к Хармсу, со свойственной ей влюбчивостью, мог иметь лирические обертона, и такой куртуазный настрой был способен отвратить Хармса, тогда по-настоящему увлеченного Эстер Русаковой. Однако эти предположения не дают объяснений, каким образом в архиве Аверьяновой сохранился автограф его стихотворения, к тому же снабженный загадочным посвящением, тем более если принять во внимание кардинальное отличие их поэтических стратегий. Впрочем, Аверьянова ставила личные отношения выше литературных, обнажив эту особенность в одном из своих поздних стихотворений «Сфинксы» (1934):

Шпионы разных государств,
Порой влюбленные друг в друга, –
Что нам названья наших царств,
Златого Рога или Буга...

(Аверьянова 2011: 112)

Первая публикация стихотворения «О том как Иван Иванович попросил и что из этого вышло» не вызвала особого интереса, более того, это стихотворение не было включено в изданную в «Библиотеке поэта» антологию «Поэты группы “ОБЭРИУ”» (СПб., 1994). Оно могло бы открывать первый том «Полного собрания сочинений» Хармса, но оказалось там под № 2 (см.: Хармс 1997: 21–23) вслед за поэтической шуткой «В июле как-то в лето наше...», скопированной Хармсом в 1922 году из альманаха⁹ «Чтец-декламатор» (Киев, 1903) и сохранившейся в его бумагах, хотя и принадлежала на самом деле перу сатирика и юмориста Алексея Иванова (1841–1894)¹⁰. Тем не менее в этом издании стихотворению «О том как Иван Иванович попросил и что из этого вышло» все же повезло: оно было снабжено подробными комментариями (см.: Хармс 1997: 346–347), которые по мере продвижения к более поздним произведениям стремительно уменьшаются и ближе к середине сводятся к перекличкам отдельных мотивов и тем в поэтическом корпусе Хармса.

Замечательно наблюдение об авторской подписи под стихотворением «О том как Иван Иванович попросил и что из этого вышло» – «Даниил Заточник (Хармс)», – этот *nom de plume* отсутствует в составленном Жан-Филиппом Жаккаром «полном перечне впоследствии видоизменявшихся псевдонимов Хармса с датами их использования: Daniel Charms (1924 и далее), Даниил Хармс (1924–1925 и далее), Даниил Ххармс (1929), Даниил Хормс (1930), Даниил Хаармс (1931), Хоермс (1931), Даниил Протопласт (1933), Д. И. Дукон-Хармс (1933), Даниил Дандан (1934), Даниил Шардам (1935), Чармс (1936–1937), Гармониус (возможно, в качестве скрытого псевдонима Харм...с, 1938), а также псевдонимы при публикациях детских

⁹ «Альманах» – примечательное словечко в поэтическом словаре Хармса периода «Взирь Зáuми». Так, оно попадает в его *вещи* «III Михаил» (1925): «ляда пáхнет пержи-мóлью / альманáхами ногá / чтобы пéли в комсамóле / парашúты и ноган» (Jassard, Устинов 1991: 188) и «Один монах / стоял в пустыне. / О альманах, / тебя отныне / не узнаю...» (вторая половина 1920-х).

¹⁰ См. развенчание этого казуса: Дмитренко 2010: 247–250.

произведений: писатель Колпаков, Карл Иванович Шустерлинг и А. Сушко» (Хармс 1997: 344)¹¹.

Заслуживает внимания указание на бытование имени протагониста стихотворения¹² в творческой инструментарии Хармса, как для детей: «знаменитое детское стихотворение» 1928 г. «Иван Иванович Самовар», ставшее его дебютным выступлением в ленинградском ежемесячном журнале «Ёж», – так и для взрослых: «Иван Иваныч Самовар встретится в другой раз во фрагменте “Комедии города Петербурга”, датированном 4 сентября 1927 г.» (Хармс 1997: 346). Приведем этот набросок, завершающий «Интермедию к III-й части “Комедии города Петербурга”»:

Малый Хор: Улетела Девка соколом от них
и разбойники танцуют без нее
Машка плачет и приплясывает эх!
все откидывает голову назад
проплывает мимо горницы топор
а за ним Иван Иваныч Самовар
Лавка падает в кривое решето
Тухнет солнышко как свечка на ветру – – – –
(свет тухнет и музыка затихает)¹³

И, что особенно важно, комментируется «дедикация» этой *вещи* Хармса, пусть даже в этом примечании не объясняется, откуда взялся «восклицательный Знак»: «Р. Д. Тименчик обратил внимание на “финские” акценты в тексте Хармса: названное в посвящении имя – по-видимому, фольклорный персонаж Тылль, и Усикирка (Уусикиркко) – поселок на Карельском перешейке, где в 1913 г.

¹¹ Этот реестр исправлен по послужившей источником этого пересказа книге: Jaccard 1991: 299.

¹² «Не исключено, что имя персонажа навеяно любимым писателем Хармса – Гоголем, в частности, из “Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем” (сходство заглавия и сюжета – “ссора” – весьма показательны)» (Хармс 1997: 347).

¹³ Цит. по: Хармс 1978: 118; необходимые исправления внесены по авторской рукописи (ОР РНБ).

умерла жена М. Матюшина Елена Гуро и где проходил первый съезд футуристов» (Хармс 1997: 347)¹⁴.

Другое толкование посвящения было предложено в издании, альтернативном «Полному собранию сочинений» и озаглавленном «дней катыбр» (Москва; Кайенна, 1999). Здесь стихотворение было напечатано по первопубликации (и с теми же опечатками) в приложении «Из ранних стихотворений»¹⁵: «Посвящается Тылли... – как установил Ю. Цивьян, посвящение восходит к фильму Ч. Чаплина “Тилли заводит роман” (Tillie’s Punctured Romance, 1914), вышедшему на экраны в России в октябре 1925 г.» (Хармс 1999: 616). Такое неожиданное наблюдение автора работы «О Чаплине в русском авангарде и о законах случайного в искусстве» переводит попытки разгадать смысл посвящения в регистр истории кино и заставляет вернуться к теме, инициированной А. Кобринским, «Даниил Хармс – кинозритель».

В статье под таким заглавием автор замечательно дешифрует дневниковую запись, сделанную Хармсом 18 марта 1925 года, в которой он сначала довольно осмысленно пытается делиться впечатлениями от посещения кинотеатра «Баба-Яга» (Троицкая улица, д. 18):

Сегодня 18 марта 1925 г.

Баба-Яга.

Сломанная лилия.

д р р я н ь!

Ни слова о Багдадском Воре.

Ша.

Но по дороге я (не знаю как ты) все время думал о нем и мне было смешно. Чорт тебя дери из-за твоей обrazyны и Риты, мне пришлось убивать время за этим идиотским письмом. Варшав-

¹⁴ К несчастью, посвящение напечатано в книге с дефектом – в автографе четким почерком Хармса выведено: «Посвящается Тылли и восклицательному Знаку».

¹⁵ Как и в издании «Поэты группы “ОБЭРИУ”», составитель открыл стихотворный раздел «(случаем на железной дороге)», поэтому восемнадцать вещей Хармса, написанные до его первого появления в печати, были отброшены в приложение.

О том как Иван Иванович
попросил и что из этого вышло.

посвященная Тышке и
всклику атеистич. Знаку.

Иван Иванич рассказывает
Кинку с Койкой рассказывает
на заборе рассказывает

ты рассказывай паровоз
почему ты паровоз?
мы не хотим паровоз.

мужика штылька, биренда
с хика ку гай биренда
завертыва биренда.

Как то есть один епюляр
помню тридцатый епюляр
мадел как епюляр епюляр

белая епюляр и епюляр
~~но епюляр епюляр епюляр~~
белая, молодая епюляр
ту орешника епюляр

Доло звать его Иван
и отца его Иван
так и звать его Иван

у него была жена
на мамаша, а жена
НЕ МАМАША А ЖЕНА

Илл. 1. Первая страница стихотворения Д. Хармса

«О том как Иван Иванович попросил и что из этого вышло»

ского, ясно, куда-то унесло, и, чтоб тебе лопнуть, я обречен на писание... (Дневниковые записи 1992: 429) –

однако постепенно скатывается в заумь: «Оказывается ты меня зовешь, но я вошел уже в азарт и мне охота писать все дальше и дальше. Какой-то жесткий картон сгибается в гиме и теме, даже Плюкерики назонят стрехи. Такамбы глувеются стинерий поз-войные клюши...» (Дневниковые записи 1992: 430), – пока запись не заканчивается стихотворением с повторяющимся рефреном:

стиль – да дорай
да дорай да дуды <...>
Стиль – да – дорай да
дорай – да дуды.
(Хармс 2002: 19)

В своем комментарии Ю. Цивьян указывает, что Хармс стал зрителем картины Чаплина, снятой “Keystone Studios”, кинокомпанией Мака Сеннета (Mack Sennett, 1880–1960), который заключил с артистом контракт в сентябре 1913 года на 150 долларов в неделю. Именно здесь для своего второго фильма «Детские автогонки в Венис-бич» (“Kid Auto Races at Venice”), премьера которого состоялась 7 февраля 1914 года, Чаплин придумал образ «Маленького бродяги» (“The Little Tramp”). Об истории этого образа можно было узнать со слов самого артиста:

Много народа спрашивали у меня, где я позаимствовал самую идею моего жанра. Все, что я могу сказать на этот счет, это то, что мой «тип» представляет собою синтез вида значительного числа англичан, которых мне пришлось видеть за время моей жизни в Лондоне. Когда «Кейстон Фильм Компани», для которой я ставил свои первые фильмы, просила меня поставить пантомиму Карно «Ночь в английском мюзик-холл<е>», в представлении которой я участвовал, я первое время колебался главным образом потому, что я не знал, какой именно жанр я могу взять себе. Но чрез некоторое время я подумал обо всех маленьких англичанах с маленькими черненькими усами, плотно облегающими фигуру костюмами и

с бамбуковыми тросточками, и я решился взять их себе за образец. Тросточка как раз и была тем, что впервые дало мне случай понять секрет комичности, с другой стороны я научился так пользоваться ей, что у меня уже сама тросточка кажется смешной. <...> Когда я представлял мой первый фильм в Компании Кейстона, мне было двадцать один год (теперь мне 29), но надо помнить, что я играл перед зрителями в возрасте от 14 лет (Чарли Чаплин 1925: 13–14).

В «Автобиографии» (London, 1964), посвященной его жене Уне, Чаплин рассказывал, что к созданию этого образа его подтолкнул как раз Мак Сеннет:

На следующий день, после того как я кончил сниматься у Лермана, Сеннет вернулся с натурных съемок. <...> Я был в своем обычном костюме и, не зная, чем заняться, встал так, чтобы Сеннет не мог меня не заметить. Он с Мэйбл <Норман. – А. У.> осматривал декорацию, изображавшую вестибюль отеля, и покусывал кончик сигары.

– Тут нужно что-нибудь забавное, – сказал он и вдруг обернулся ко мне. – Ну-ка, загримируйтесь. Любой комедийный грим подойдет.

Я не знал, как мне гримироваться. <...> По пути в костюмерную я мгновенно решил надеть широченные штаны, которые сидели бы на мне мешком, непомерно большие башмаки и котелок, а в руки взять тросточку. Мне хотелось, чтобы в моем костюме все было противоречиво: мешковатые штаны и слишком узкая визитка, котелок, который был мне маловат, и огромные башмаки. Я не сразу решил, буду ли я старым или молодым, но, вспомнив, что Сеннет счел меня слишком молодым, наклеил себе маленькие усики, которые, по моему мнению, должны были делать меня старше, не скрывая при этом моей мимики.

Одеваясь, я еще не думал о том, какой характер должен скрываться за этой внешностью, но, как только я был готов, костюм и грим подсказали мне образ. Я его почувствовал, и, когда я вернулся в павильон, мой персонаж уже родился. Я уже был этим человеком и, подойдя к Сеннету, принялся расхаживать с

гордым видом, небрежно помахивая тросточкой. В моем мозгу уже роились всевозможные трюки и комедийные ситуации.

Секрет успеха Мака Сеннета заключался в его способности увлекаться. Он был великолепным зрителем и всегда искренне смеялся над тем, что казалось ему смешным. Взглянув на меня, он прыснул со смеху, и вскоре уже весь трясся от хохота. Это меня ободрило, и я стал описывать ему своего героя:

– Видите ли, он очень разносторонен – он и бродяга, и джентльмен, и поэт, и мечтатель, а в общем, это одинокое существо, мечтающее о красивой любви и приключениях. Ему хочется, чтобы вы поверили, будто он ученый, или музыкант, или герцог, или игрок в поло. И в то же время он готов подобрать с тротуара окурок или отнять у малыша конфету. И, разумеется, при соответствующих обстоятельствах он способен дать даме пинка в зад, – но только под влиянием сильного гнева.

Я продолжал расхаживать и болтать минут десять, а может, и больше, и Сеннет не переставал смеяться.

– Хорошо, – сказал он, – идите на съемочную площадку. Посмотрим, что у вас получится (Чаплин 1990: 111–112).

«Дорогой Чарли, почему же Вы не даете нам больше фильмов? – писала в статье «Как работает Чаплин» актриса Элси Кодд (Elsie Codd, 1882–1956), снимавшаяся у него в фильмах «Малыш» (“The Kid”, 1921), «Собачья жизнь» (“A Dog’s Life”, 1918)¹⁶ и «На плечо!»

¹⁶ Чаплин рассказывал, как он продумал съемки этой картины: «...к маленькому Чаплину зрители, даже смеясь, испытывают симпатию. Несмотря на все это, необходимо стараться, чтобы самый контраст выходил удачным. Так, например, в конце фильма “Собачья жизнь” я являюсь фермером. Поэтому я полагал, что может показаться комичным, если я представлю, как я в поле вынимаю из кармана по зернышку и сажаю их в землю, прорывая ямочку своим пальцем. Я поручил одному из своих помощников отыскать ферму, где бы мы могли сыграть эту сцену. Ферму нашли, но я не воспользовался этой фермой по той простой причине, что она была уже слишком мала, и потому на ее фоне не удалось бы создать контраста моему нелепому желанию делать посев по одному зернышку. Правда, это могло бы показаться довольно смешным и на маленькой ферме, но когда такой способ был бы применен на ферме размером в 25 гектаров, то один контраст между моим способом посева и размерами самой фермы вызвал бы неумолкаемый взрыв смеха» (Чарли Чаплин 1925: 20).

(“Shoulder Arms”, 1918). – Чарли Чаплин каждое утро распечатывает много писем, которые содержат такой вопрос. За последние два года он сочинял в среднем по две комедии в год, но его поклонники считают, что можно было бы создать и больше.

Когда Чарли Чаплин начинал свою блестящую карьеру, он создавал свои комические фильмы с необыкновенной быстротой. Но когда он сделался автором, руководителем, директором и актером своих фильмов одновременно, он изменил темп работы. Теперь он знает, что в мире нет ничего более трудного, чем умение создавать действительно комические фильмы. Шестьсот метров комедии Чарли Чаплина¹⁷ являются плодом нескольких месяцев упорного труда, которому он посвящает весь свой природный талант комика» (Чарли Чаплин 1925: 95).

Фильма “Tillie’s Punctured Romance”, в дословном переводе «Прерванный роман Тилли», вышла на экраны 14 ноября 1914 года и стала первой полнометражной комедией (прокатная версия шла 74 минуты, полная версия – 82 минуты) в истории кино и первым полнометражным фильмом Чаплина, и одновременно его последним появлением в картине студии «Кистоун» – в декабре 1914 года «Шарло»¹⁸ подписал контракт с “Essanay Film Manufacturing Company”. Стоит обратить внимание, что в «Прерванном романе

¹⁷ См. авторскую рефлексию по поводу метража: «Я часто прихожу в ужас от того количества кинематографической пленки, которое мне приходится истратить для того, чтобы получить один хороший снимок. Я провернул 60.000 футов фильма, чтобы получить те 2.000 футов, которые видит публика. Чтобы произвести на экране проекционные снимки всех этих 60.000 футов фильма, понадобилось бы приблизительно 20 часов» (Чарли Чаплин 1925: 21).

¹⁸ Как писал Александр Родченко, «Шарло всегда сам, – и только обыкновенный Чарли Чаплин» (Родченко 1922: 6). Ср., тем не менее, предостережение рецензента сборника «Чаплин» (Берлин, 1923): «...вряд ли допустимо попеременное называние Чаплина то Чарли, то Шарло, то, наконец, даже Чарлем (?) или Чарло (!!)» (Б<лох> Я. <Рец. на кн.:> Чаплин: Сборник статей / Под ред. В. Шкловского, рисунки В. Грюнберга. Берлин: Издательство журнала «Кино», 1923. – Звено. 1923. № 20. 18 июня. С. 4). Как заметил Р. Янгиров, вопреки тому, «что книга навлекла на Шкловского немало нареканий, он весьма высоко ставил новизну и теоретическую ценность этой работы и избрал ее одной из немногих своих эмигрантских работ, заслуживающих репродуцирования в СССР» (Янгиров 2002: 124).

Тилли» он отошел от образа «Маленького бродяги» и сыграл «Чарли, городского пижона» (“Charlie, City Slicker”). Более того, это была роль второго плана, а главную роль «Тилли Бэнкс, деревенской барышни» (“Tillie Banks, Country Girl”) сыграла Мари Дреслер (Marie Dressler, урожд. Leila Marie Koerber, 1868–1934), канадская звезда немого кино. Другую роль второго плана «Мэйбл, подруги Чарли» (“Mabel, Charlie’s Girl Friend”) сыграла американская актриса Мэйбл Норман (Mabel Normand, 1893–1930).

В «Автобиографии» Чаплин с нежностью вспоминал свою *co-star*, с которой он снимался с самых первых дней в студии «Кистоун»: «Слишком “мужская” атмосфера студии была бы почти невыносима, если бы не женственность прелестной Мэйбл Норман – ее присутствие придавало студии особое очарование. Мэйбл была удивительно хороша, ее большие глаза были опушены длинными ресницами, полные губы чуть изгибались, выражая задорную насмешку и снисходительность к людским слабостям. Хороший, добрый и великодушный товарищ, она всегда была жизнерадостна и весела. Мы все обожали ее» (Чаплин 1990: 119).

Еще ниже он вспомнил их совместную работу над «Тилли», которую посчитал картиной не состоявшейся: «Я уже снял несколько фильмов, пользовавшихся большим успехом, среди них были “Двадцать минут любви”, “Тесто и динамит”, “Веселящий газ” и “Реквизитор”. В это же время мы с Мэйбл и Мэри Дреслер снялись в ведущих ролях в одном полнометражном фильме. Работать с Мэри было очень приятно, но фильм, по-моему, получился неудачным, и я с радостью вернулся к своей режиссерской работе» (Чаплин 1990: 120–121).

Первые фильмы Чаплина начали проникать в Россию в годы Великой войны. Первый печатный отклик на них – статья Оскара Норвежского «Чудеса кинематографии» – появился в петроградском еженедельнике «Театр и искусство» осенью 1915 года. Вскоре в специализированном журнале «Проектор» было напечатано и критическое *exposé* «карьеры Чарли Чаплина», которое автор начал на высокой ноте: «Всем, конечно, известно имя американского комика Чарли Чаплина, кумира американцев и англичан, Чарли

Чаплина, имя которого на афише делает переполненные сборы в американских кино-театрах, Чарли Чаплина, о котором на мотив “Типперари” – сложили песенку английские солдаты: песенку, которую насвистывают на улицах и на бульварах...», – но постепенно привел читателей к неутешительному заключению:

Поистине судьба сотворила с ним одну из самых удивительных своих сказок.

Нужно, однако, заметить, что Чаплин далеко не комический актер. Он просто клоун, просто «тот, кто получает пощечины», и нужно заметить, что получает он их с уморительным видом, возбуждая взрывы хохота у зрителей.

У нас в России Чаплин не может иметь такого успеха: он слишком груб, слишком примитивен, слишком мало изыщен (О. Б. 1916: 10).

Автор этого фельетона оказался в некотором роде пророком. Несмотря на то, что в эти годы упоминания Чаплина встречаются, например, в дневниках Михаила Кузмина, который был его большим поклонником¹⁹:

3 ноября 1917 г.: Юр<очка> сидел у Филиппова. Купили кое-чего, ели у Лейнера. Хотели было пойти к Брикам, но зашли в кинематограф. Чаплин бесподобен.

25 июля 1918 г.: Пришли и Там<ара> Мих<айловна> Персиц<, и> Мухин, и Добужинский. Очень бодро. Хорошо обедали. Только вышли – идут Лурье. Посидели и вместе были опять на Чаплине²⁰, –

после Брестского мира с выходом России из Мировой войны фильмы Чаплина исчезают из советского проката. «В годы Гражданской

¹⁹ Как вспоминала Ольга Гильдебрандт-Арбенина: «Он любил Чаплина и Фейдта, а также Бестер Китона, а Гар<ольд> Ллойд ему мало нравился» (Кузмин 2007: 158).

²⁰ Дневники М. Кузмина цитируются здесь по рукописи С. Шумихина и Н. Богомолова. Я признателен Александре Пахомовой за «сверку понимания» в отношении этих дневниковых записей.

войны кинопрокат окончательно иссяк, – пояснял Ю. Цивьян, – и хотя с приходом НЭПа импорт фильмов возобновился, первыми в Россию проникли недорогие подержанные картины – те, что на Западе давно сошли с экрана» (Цивьян 2006: 116). Как отмечал О. Ковалов, в пореволюционное время самого Чаплина «знали понаслышке, да и фильмы с его участием шли в советском прокате лишь с 1924 года» (Ковалов 2006: 74).

Видимо, ко времени Великой войны относится интерес к Чаплину Евгения Замятина, который писал в своем эссе «О’Генри» (1922):

Ошибка, что кинематограф изобретен Эдисоном: кинематограф изобрели вдвоем Эдисон²¹ и О’Генри. В кинематографе прежде всего – движение, во что бы то ни стало – движение. И движение, динамика – прежде всего у О’Генри; отсюда его плюсы и минусы. <...> Публику в кино необходимо время от времени растрогать: О’Генри ставит для нее очаровательные четырехстраничные драмы. Но бывает, что эти драмы – сентиментальны и кинематографически-поучительны. Впрочем, это у О’Генри случается редко, он растрогается только на секунду – и уже снова мчится смешливый, насмешливый, легкий; быстрый язык, быстрый ум, быстрые чувства – в движении каждый мускул, как у другого национального американского героя: Чарли Чаплина.

Во что верит Чарли Чаплин? Какая философия у Чарли Чаплина? Вероятно, ни во что; вероятно, никакой: некогда. И так же О’Генри, так же миллионы нью-йоркцев (Замятин 1967: 149-150).

²¹ См. связку Эдисон + Чаплин в шрифтовой схеме, которую в то же самое время создает для чаплинского номера журнала «Кино-Фот» Александр Родченко: «Это сегодня – художник и актер Чарли Чаплин – мастер деталей. МАСТЕР МАСС – Ленин / коммунизм и / и Эдиссон / техника» (Родченко 1922: 6). «Ударное место родченковской статьи – графическая конструкция из слов, – комментирует Ю. Цивьян, – в которой поименованы три главных “мастера масс”. Эдисон – мастер техники, Ленин – мастер коммунизма, а “мастер деталей” Чарли Чаплин, утверждает мастер деталей конструктивист Родченко, “может показать все, что нужно, на своем котелке и палке”» (Цивьян 2006: 141).

Возвращению его картин в широкий прокат, безусловно, способствовала дискуссионная статья «Чарли Чаплин» киноведа Николая Лебедева (1897–1978), редактора журнала «Пролеткино», напечатанная в газете «Правда»:

Нам нужен смех. В минуты отдыха и развлечения мы, вместе с лекцией и спортом, в праве претендовать и на порцию смеха. Здорового, элементарного, мускулистого смеха.

Мы до сих пор все еще смеемся исключительно «серьезно», «конкретно», по-«крокодилы». Смеемся обязательно сатирически и призываем во свидетели Рабкрин и ГПУ...

Зато с каким энтузиазмом приветствовали свердловцы и молодежь две детские веселые картины с Чарли Чаплиным <sic!>, показанные в кино Свердловского университета.

«Чарли Чаплин в театре»²² и «Чаплин на работе»²³ – это первые две чаплиновские фильмы, просочившиеся к нам со времени войны²⁴. Фильмы старые – и по их техническому состоянию и по времени засъемки. И тем не менее – это лучшее из того, что дал нам буржуазный Запад в числе своих многих миллионов «кинометров».

Чарли Чаплин – бесспорно крупнейший из актеров кино. Исполняя труднейшую и рискованнейшую роль – творца смеха – он счастливо избегает недостатков обычных кинокомедийных

²² Фильм Чаплина «Реквизитор» (“The Property Man”), снятый на “Keystone Studios” (премьера 1 августа 1914 г.), согласно указателю Е. Карцевой «Американские немые фильмы в советском прокате», шел под не слишком согласованными названиями «Чарли в театре», «Театральные звезды» и почему-то «Задира». Статья Н. Лебедева опровергает заключение, что этот фильм вышел в советский прокат только в 1924 г. (см.: Карцева 1960: 309).

²³ Вероятно, фильм «Работа» (“Work”), поставленный Чаплином для “Essanay Films” (премьера 21 июня 1915 г.). Фильм замечателен неаккредитованным появлением его постоянного кинопартнера в 1915–1923 гг. Эдны Пёрвианс (Edna Purviance; 1895–1958), которая снялась в тридцати трех картинах Чаплина. Последняя ее роль была в произведшей фурор в Советском Союзе «Парижанке» (“A Woman of Paris”), где она сыграла главную роль, а сам актер снялся в качестве статиста. В том же указателе Е. Карцевой картина «Чаплин на работе» не числится.

²⁴ «Великой» войны (1914–1918), а не Гражданской, как можно предположить по статье Лебедева.

актеров. В Чарли Чаплине нет банального однообразия и пошлости Макса Линдера. В нем нет дегенеративного идиотизма Токталини (Дурашкин), Прэнса и др. Нет «сала» и адюльтеризма французских фарсов. Нет тяжеловесной мастодонтности немецкого юмора. Нет жирного самодовольства российской аверченковщины. Чарли Чаплин постиг тайну конструкции – серьезной физиономии, нелепого тела и точного, математически построенного кинотрюка. Вот безыскусная машина его мастерства. И при ее помощи он создает шедевры, рядом с которыми мейерхольдовский «Рогоносец» и эксперименты Форрегера – слабенькое эпигонство.

Над чем заставляет смеяться Чаплин? Над всем, что достойно смеха. Над пошлостью и мещанством, уродством и физической неуклюжестью и тупостью. В своих комедиях Чаплин окружает себя людскими масками, гротесками, и сам, недоуменный и неуклюжий, бродит среди них, делает неожиданные парадоксальные жесты и... заливает миллионы лиц безудержным смехом.

Я не знаю – считает ли западная буржуазия Чаплина своим, когда заставляет лондонского мэра встречать его на вокзале. Но знаю, что американский и европейский пролетарий любит и ценит «своего Чарли» больше, чем сотню Шаляпиных, взятых вместе. Его фильмы при всей «беспартийности» могут и должны считаться нашими.

Чарли Чаплин – старый член социалистической партии Америки. По последним сведениям, он примкнул к американским коммунистам...

Когда мы задумаем построить «фабрику смеха» (конечно, это будет «кино-фабрика»), президиуму Коминтерна придется рассмотреть просьбу группы коммунистов-кино-работников:

«О переборске, в порядке партийной дисциплины, товарища»
Ч. Чаплина из Америки в РСФСР»...

Впрочем, он и без того давно рвется к нам²⁵.

В начале 1923 года фильмы Чаплина снова появились на советских экранах. Так, 7 февраля Михаил Кузмин записал в дневнике:

²⁵ Правда. 1923. № 7. 12 января. С. 5; в рубрике «Театры и музыка».

«Перетаскивали шкаф. Играл. Потом топил печку долго один. Юр<очка> опоздал <...>. Хотел было вонзиться Грааль Арельский, но его отставили. Потом в кино, милая амер<иканская> комедия и Чаплин»²⁶. Здесь речь идет, конечно, о «серьезном» не трюковом кино Чаплина, как к нему привыкли относиться²⁷. Вполне возможно, что они смотрели фильм «Малыш», который еще не вышел в широкий советский прокат, но уже был известен²⁸. У нас нет подтверждений

²⁶ Дневники М. Кузмина готовились к печати Н. А. Богомоловым и С. В. Шумихиным и цитируются здесь по любезно предоставленным ими файлам.

²⁷ См., например, рецепт фильма à la Charlot в сатирическом «“Кратком руководстве постановки само-фильм для тех, кто любит кино, но не имеет средств для посещения кино-театров”, или “Каждый сам себе кино”, написанном автором, скрывшимся за псевдонимом «Гондла», возможно, Евгением Шварцем, будущим приятелем Хармса: «Внешние впечатления пребывания в кино-театре достигаются весьма легко и просто. Каждый бывавший в кино заметил, конечно, что соседями его неизменно оказываются: с одной стороны гиперболических размеров “особа женского происхождения”, прибавляющая собственный вес (до 6 пуд<ов> тара) к нормальному атмосферическому давлению на его бок, и надоедливо читающий вслух надписи на экране развязный и бестолковый субъект неопределенного возраста и пола – с другой. Это в некотором роде *conditio sine qua non* посещения кино-театра. // Для создания соответствующей обстановки на дому требуется: 1) сесть на стул рядом с бельевым шкафом, попросить кого-либо из домашних повалить на вас последний и 2) уговорить того же домашнего громко читать какую-нибудь бессмысленную книгу вроде “Облако в штанах» или «Штаны в облаках», что наглядно воспроизведет если не стиль, то содержание обычных кино-надписей. Если при этом устроить небольшой сквознячок (при помощи раскрытых форточек в противоположащих окнах) и, вооружившись пестиком, бить последним по сковороде (обычный кино-оркестр оперирует немногим более сложными средствами), то внешнее кино-впечатление будет достигнуто наверняка. <...> // Трюковая фильма с участием Чарли Чаплина воспроизводится также довольно легко, но уже не в тесных пределах домашней обстановки. Для достижения полного эффекта рекомендуется нижеследующее: вы спускаетесь из окна по канату, сделанному из простынь и скатертей, садитесь на чужой велосипед и мчитесь по тротуару; затем, въехав в зеркальное стекло какой-нибудь магазинной витрины, бросаете деформированный велосипед и вскакиваете в трамвай – на ходу и с передней площадки; пронесшись вихрем через вагон, выпрыгиваете на ходу же с задней площадки и остаетесь в луже, с предвкушением объемистого протокола. Правда, смеяться будете не вы, а окружающие, но кому-то будет весело, следовательно, цель достигнута и фильма с участием Чарли Чаплина воспроизведена» (Гондла 1923: 13–14).

²⁸ См., например, сообщение в кинохронике: «Заграничная кино-печать уделяет большое внимание последней <американской> фильме “Дитя” с участием» Чарли Чаплина. Творчеству последнего посвящены монография Люиса Делюка и большая статья г. <Поля> Фора» (Арт-Экран. 1923. № 5. С. 16).

этому предположению: в номерах еженедельника «Жизнь искусства» за январь – февраль 1923 года никаких афиш или объявлений о выходе на экран чаплинских комедий обнаружить не удалось²⁹. Можно предположить, что Кузмин и Юркун смотрели «милую комедию» на одном из показов, которые периодически устраивались в Российском институте истории искусств (б. Зубовском), тем более что через два дня там должен был выступать с чтением своей пьесы Юркун³⁰.

Кроме того, необходимо отметить, что годом раньше Кузмин сочиняет «Лесок»³¹. Хотя его жанр был заявлен как «Лирическая поэма для музыки с объяснительной прозой в трех частях», это представление из трех «пьес камерного характера» (Кузмин 2006: 96) написано с учетом кинематографических нововведений, в том числе спецэффектов, невозможных на театральной сцене³². Здесь в седьмой главке «Гофмановского леска» появляется Чаплин. Сначала

²⁹ Ни одна из чаплинских комедий не упоминалась и в планах показа Севзапкино (Северо-Западного Областного Фото-Кино Управления) на 1923 г. (см.: Жизнь Искусства. 1923. № 1. 3 января. С. 23).

³⁰ См. в объявлении: «9-го пятница. – Цикл чтения новой драматургии. I. – “Маскарад слов”. Юр. Юркуна. II. – “Падение Елены Лэй”. – Адриана Пиотровского» (Жизнь Искусства. 1923. № 4. 30 января. С. 14). Тремя неделями ранее в РИИИ на первой встрече этого цикла выступил Кузмин: «18 января с. г. состоится в Росс<ийском> Инст<итуте> Истории Искусств (Исаакиевская пл., 5) первый вечер из цикла “чтений новой драматургии” – “Вторник Мэри” М. Кузмина и непечатанная еще пьеса Анны Радловой “Богородицын Корабль”, трактующая хлыстовское сказание об императрице Елизавете Петровне как хлыстовской богородице. Будут прочитаны совместно авторами и драматическими актерами (по ролям). Начало в 8 ч<асов> веч<ера>» (Жизнь Искусства. 1923. № 2. 16 января. С. 9). Другая возможность – показательные кино вечера в Институте Экранного Искусства (см., например, объявление: Арт-Экран. 1923. № 1. С. 13).

³¹ «Лесок» был напечатан отдельным изданием с иллюстрациями Александра Божерянова в домашнем издательстве «Неопалимая купина» в январе 1922 г. Первоначально «Лесок» готовился к изданию в «Петрополисе», и оформление было заказано Мстиславу Добужинскому, который выполнил эскиз обложки и сделал наброски заставок к «лескам», но этот проект не осуществился (некоторые эскизы Добужинского воспроизведены в: Графика Добужинского 1924).

³² Ср. разъяснения В. Ф. Маркова: «Принцип смешения и переплетения различных элементов и источников, как увидим, действует и тут. От Стация (I в.) идет обычай называть книги стихов смешанного содержания (а отсюда и такие разделы в книгах стихов) *Silvae* (леса), и примеры можно найти даже в русской поэзии XX в. (см. *Цветы и ладан* С. Соловьева). Позже название применялось и к нестихам» (Кузмин 1977: 699).

как новейшее воплощение «Фауста»: «Это – “Фауст” и по афише и по сюжету, но Боже мой! Гетевский герой обратился в суетливого ученого; временами из него выскакивает американский эксцентрик Чаплин. Скорей молод» (Кузмин 2006: 106).

Однако при появлении в восьмой главке Мефистофеля – как это происходит в кино – Чаплин становится одним из воплощений этого героя³³. Изначально тот «скорее похож на традиционного Фауста или, скорее, на Леонардо да Винчи», однако «с его появлением все делается переменчивым, нестойким, текучим, призрачным», прежде всего изображение Мефистофеля, которое меняется, как кадры на экране: «Иногда у него два лица, три, четыре руки, три носа, как на картинах футуристов. У Фауста десять ног, вертящихся вокруг пупа, на котором, как на пуговице, определенное лицо Чаплина». Здесь Кузмин обрывает этот монтаж: «Но довольно фантасмагорий!» – и возвращает действие к театральной экспозиции – двум персонажам на сцене, Мефистофелю и Фаусту (Кузмин 2006: 106–107)³⁴.

После выступления Н. Лебедева фильмы Чаплина постепенно заняли полагающееся им место в советском прокате. А уже на исходе 1923 года Госкино сообщало: «В числе полученных картин Петроградским отд^елением “Госкино” имеется – 27 сюжетов с уч^астием **Чарли Чаплина** <...> и 3 шестиактных комедии с уч^астием **Макса Линдера**, в том числе пародия по роману Дюма “Три мушкетера”»³⁵.

Ю. Цивьян пояснял, как на смену прежде единичным показам Чаплина пришли массовые сеансы, хотя и тут не обходилось без *caveat emptor*, когда «нечаплинские» комедии, которые демонстрировались в кинотеатрах, выдавались за подлинные фильмы Шарло: «Начало чаплинской кинокарьеры – 1914 год – совпало с

³³ В рецензии на «Лесок» Максим Кенигсберг писал об этой части как о «контаминации Гофмана с дыханием современной Германии»: «А над всем чисто-гофмановская фантазия на тему Фауст, где все перевернуто наизнанку: Гретхен похожа на Жорж Занд, Фауст на американского эксцентрика, Мефистофель на Фауста. А в заключение гофмановский финал: “Откройте окно”» (Левинтон, Устинов 2001: 330).

³⁴ Подробнее о Чаплине и значении кинематографа для эстетических теорий Кузмина начала 1920-х гг. см.: Ратгауз 1992: 63–64.

³⁵ Арт-Экран. 1923. № 5. С. 16.

началом <Великой> войны, а тем самым и с сокращением проката в России иностранных картин. <...> Имя это было известно, но не всякий зритель знал Чаплина в лицо. Спрос на Чаплина был, но фильмы его были дороже “нечаплинских” (Цивьян 2006: 116). По причине дороговизны картины Чаплина, еще и потому, что большинство из них теперь относилось к полнометражным, появлялись в прокате на короткий срок, в отличие, например, от демонстрировавшейся на протяжении многих месяцев «Нетерпимости» Дэйвида Гриффита или фильмов новой звезды немого кино Мэри Пикфорд, стремительно взлетевшей на волне советской любви к американскому кинематографу³⁶.

В середине 1920-х гг. слава Чаплина в новой советской стране выросла безгранично. Интерес к его жизни вне экрана – тем более. Например, ленинградский еженедельник «Жизнь искусства» передавал в молнии «Мэри Пикфорд, Дуглас Фербенкс и Чарли Чаплин едут в Москву»³⁷ светские новости: «Согласно сообщению

³⁶ Обозреватель петроградского еженедельника писал весной 1923 г.: «В России имя Мери Пикфорд впервые встречается на экране, и марка “Made in America” заставила предполагать в фильме, столь характерный для американцев, нарочитый “трюкизм”, динамичность всей постановки, отсутствие осмысленных игры и сюжета... // Какое приятное разочарование... // Мери Пикфорд – автор сценария и главное действующее лицо фильма. Вскоре и для нас это имя будет символом высоко-художественного, безыскусно красивого и... по-“человечески” хорошего в американских картинах. <...> // Подзаголовок к фильму “Длинноногий дядюшка” – комедия, но в картине нет повода для «готтентотского» смеха, нет “Чарли Чаплина”, есть смех, но есть и слезы...» (<Радуга>ский Вл. Мери Пикфорд (Splendide <sic!> Palace). – Кино, театр, спорт. 1923. № 6. 22 мая. С. 6). См. также в «кино-песенке» Николая Агнивцева «Новая американская фильма»: «Средь бесчисленных кино-серий / В этот странный кино-год / Кто не видел Пикфорд Мери / Что прекрасна в полной мере?! – Ну так вот: / Из Нью-Йорка в Питер прямо / Принята радиограмма. / В ней событий всяких пропасть, / Но важнее всех одно: / “Новость! Новость! Новость! Новость! / В первый раз в Кино: / При участии Пикфорд Мери – / Вышла новая картина...” (Агнивцев 1923: 9). В этом же номере напечатан шарж на Чаплина (с. 13).

³⁷ Кроме того, имена создателей “United Artists” оказались неминуемо связаны для кинокритиков. См., например, высказывания о Чаплине Павла Муратова в его эссе «Кинематограф» (1925): «Кинематограф является научным фокусом вдвойне: это не только живая фотография, но и фотография. <...> Об этом просто забывают, об этом не думают. Между тем ведь именно с фотографическим снимком зритель кинематографа и имеет дело. Не своих любимых исполнителей видит он, не Чаплина, Дугласа

корреспондента “Дэйли Экспресс”, Мэри Пикфорд, Дуглас Фербенкс и Чарли Чаплин в ближайшее время примут участие в съемке русской драматической фильма, подготавливаемой в настоящее время. Из Испании, где они сейчас находятся, они направляются в Париж, откуда выедут в Москву»³⁸.

Как отметил Петр Багров, на протяжении 1925 года – перед большим перерывом на четыре года, когда в 1929 году на экраны «наконец-то выходит зрелый Чаплин», – один за другим появляются его «четыре ранних фильма», выпущенные в 1914 году: «Любимец хозяйки» (“The Star Boarder”), «Молодая девушка» (“Tillie’s Punctured Romance”), «Повесы» (“The Rounders”) и «Чарли – зубной врач» (“Laughing Gas”). Кроме того, большим событием этого года стал выход «Парижанки» (“A Woman of Paris”) – первого фильма студии “United Artists”, премьера которого состоялась 26 сентября 1923 года³⁹.

«В 1925 году советские зрители познакомились с одним из наиболее значительных фильмов американского критического реализма 20-х годов – “Парижанкой” Чаплина, – замечала Е. Карцева. – Этот фильм как бы венчал предыдущие поиски гениального художника в области нового содержания и новой выразительной формы. <...> Появившись на советских экранах, “Парижанка” произвела очень сильное впечатление не только на советских кинематографистов, для которых она во многом была откровением, но и на широкую публику» (Карцева 1960: 204). На самом деле «Парижанка» провалилась в американском и европейском кинопрокате.

Фербенкса и Гарольда Ллойда, но только *фотографические снимки* с них. Между исполнителями и зрителями находится фотограф, и фотограф и есть, конечно, реальный исполнитель кинематографа»; и: «Лучший кинематографический исполнитель и сейчас – это тот, кто сценически ощущает себя больше механическим аппаратом, чем человеком, как Чарли Чаплин и Дуглас Фербенкс (что не мешает ему быть в жизни человеком в полном смысле слова, как не мешало это никогда быть глубокими людьми клоунам, акробатам и жонглерам). Если кинематограф должен быть в каком-то смысле драмой или комедией (как может быть драмой или комедией сама жизнь), то он может быть только оптически-ритмической драмой или комедией» (Муратов 2000: 115, 131).

³⁸ Жизнь искусства. 1924. № 23. 3 июня. С. 3.

³⁹ Я искренне признателен Петру Багрову за консультации.

Резонно предположить, что фильм Чаплина «Прерванный роман Тилли» Хармс посмотрел в компании Аверьяновой в кинотеатре и вскоре после сеанса написал посвященное ей стихотворение «О том как Иван Иванович попросил и что из этого вышло». Однако такое предположение никоим образом не подтверждается программами кинопоказов осени 1925 года, когда эта «комедия в 6 частях» под титулом «Молодая девушка, Тилли заводит роман», как сказано в известном указателе Е. Карцевой «Американские немые фильмы в советском прокате», вышла в Советском Союзе на экраны (см.: Карцева 1960: 268). Картина Чаплина совершенно не упоминается в соответствующих изданиях, печатавших рекламу кинотеатров, – ни в еженедельнике «Жизнь искусства», ни в «Ленинградском приложении» к газете «Кино».

Зато в «Кино» тогда же, в октябре 1925 года, в разделе «Новости экрана» был напечатан непосредственно имеющий отношение к советскому прокату Чаплина фельетон «Реклама, а не факт»:

Проштудировав внимательно репертуар кино-театров текущей недели, вы наталкиваетесь на объявление:

**Чарли Чаплин
в новой трюковой комедии.**

Вам не верится. Вы дважды прочли его – да, Чарли Чаплин. Неужели, наконец, удастся увидеть этого замечательного артиста? И вот, желая воочию убедиться в таланте знаменитого Шарло, вы срочно бросаете свои дела и стремглав летите в кино, не обращая внимания на ужаснейшую Ленинградскую «Венецию».

Наконец все водоемы и ручьи благополучно пройдены, вы сидите на законном благоприобретенном (не контрамарочном!) месте, предвкушая большое удовольствие.

Свет потух. На экране – титр:

В главной роли Сидней Чаплин.

Почему – Сидней, когда в афише черным по белому написано – Чарли? Вы смутно вспоминаете, что у Чарли Чаплина есть брат, тоже кино-артист, которого зовут Сидней. Дальше вас ждет новое

разочарование. Просмотрев внимательно обе части этой «новой» «трюковой» «комедии», вы убеждаетесь, что вам показали комедию с одним из многих Чаплинских подражателей – и только.

С горечью в сердце бредете по лужам, приходя к заключению, что если верно выражение: «факт, а не реклама», то иногда не менее верно – «реклама, а не факт»⁴⁰.

Действительно, в кинотеатре «Солейль» (Проспект 25 Октября, д. 48) под лозунгом «Чарли Чаплин в трюковой комедии» демонстрировался короткий метр «Очаровательная блондинка»⁴¹, где сыграл Сид Чаплин⁴². Неделию спустя в кинотеатре «Гладиатор» (Проспект Володарского, д. 51) под лозунгом «Беспрерывный хохот» открылась картина с участием самого Шарло – комедия «Чаплин-семьянин»⁴³. Эта комедия была снята в том же 1914 году на той же студии «Кистоун», что и «Прерванный роман Тилли», но в двух частях под названием “His Trysting Place” (см.: Карцева 1960: 318).

Таким образом, получается, что Хармс не мог посмотреть этот фильм в кинотеатре, но и показы в ГИИИ, куда он поступит только осенью следующего года, были ему недоступны⁴⁴. Представляется

⁴⁰ Нигри. Реклама, а не факт. – Кино: Ленинградское приложение. 1925. № 30. 13 октября. С. 2.

⁴¹ По определению Е. Карцевой, «комедия в 2 ч<астях>» (Карцева 1960: 280).

⁴² См.: Кино. Ленинградское приложение. 1925. № 30. 13 октября. С. 3.

⁴³ См.: Кино. Ленинградское приложение. 1925. № 31. 20 октября. С. 3.

⁴⁴ См. конспект кинозанятий Хармса в его записной книжке № 8 (запись от 22 ноября 1926 г.):

Характерные фильмы – американских постановок. – Суть инсценировки театр<альных> пьес.

I Закон Кинематографа то, что он может путем крупного плана дать ближе эмоции автора.

II Закон. Монтаж – komponует пьесу с большими возможностями.

Өрейд <Фред. – А. У> Нибло – режиссер «Женщина горных вершин» дал прием затемнения на позу (стационарное затемнение).

Мне дилетанту все достижения сих режиссеров каж<у>тся убожеством.

«Потомки пиратов» построено на неожиданности и быстрых темпах.

«Женщина с гор<ных> вер<шин>» наоборот построена на [замедл<ен>ных] темпах (затян<у>том).

Уклон Өрейд Нибло к гротеску.

Нибло – өормалист.

вероятным, что Аверьянова могла пригласить Хармса на просмотр этого фильма в незадолго до того открывшееся Ленинградское отделение ВОКС'а (Всесоюзного Общества культурной связи за границей), где она впоследствии работала переводчицей (см.: Аверьянова 2011: 192–202). Она могла быть там со своим мужем, музыкантом и концертным исполнителем Фридрихом Дидерихсом (1902–1942), с которым познакомилась в Петроградской консерватории, где училась по классу органа у Исаяи Браудо. Аверьянова часто появлялась с мужем, например, на вечерах Союза поэтов⁴⁵, который собирався в 1925 г. на Фонтанке (дом 50, кв. 25)⁴⁶.

Крюзе и Турнер

Остров погиб<ших> кораб<лей>

Белая моль (Хармс 2002: 102).

Запись Хармса от 22 ноября 1926 г. исправлена здесь по автографу. Я благодарен Жан-Филиппу Жаккару за предоставление мне копий записных книжек Хармса.

⁴⁵ Как отмечает А. Крусанов, начиная с мая 1925 г. «Хармс стал регулярно присутствовать в качестве гостя на заседаниях Ленинградского отделения Всероссийского союза поэтов (ВСП). Собрания (“пятницы”) ЛО ВСП, образованного весной 1924 г., первоначально проходили в Центральном Доме искусств (пр. 25 Октября, 86), с 1925 г. – в помещении Союза писателей <...>, с весны 1926 г. – в помещении Дома печати» (Крусанов 2004: 420).

⁴⁶ См. соответствующие записи Хармса, начиная с октября 1925 г.; когда он пишет «Союз писателей», имеются в виду «пятницы» Союза поэтов, которые проходили в той же квартире. Первая запись относится к концу 1925 г., последующие – к 1926-му, в скобках указывается страница по изданию: Хармс 2002: «Союз Писателей Фонтанка 50 кв. 25» (57); май 1926 г.: «79–98 Союз Писател<ей>» (68); после 15 мая: «Союз Писателей. Фонтанка 50, кв. 25 т. 79–98» (70); 25 сентября 1926 г.: «Откр<ытие> Союза Писат<елей>» (77); 2 октября: «Союз Пис<ателей>. Докл<ад> Геркена» (Евгений Геркен (1886–1962) – поэт, переводчик, либреттист, будущий участник объединения «Непокой», которое, по воспоминаниям Игоря Бахтерева, выступило на ленинградской литературной сцене как основной оппонент ОБЭРИУ) (78); 15 октября: «Узнать о Союзе и ждать Заболоцкого» (79); 22 октября: «Союз поэтов I» (79); 29 октября: «Был у <Николая> Клюева. Союз Поэтов» (79); «1 нояб<ря>. Спросить Заболоцкого, кто такой его учитель, бывающий в Союзе <поэтов>» (80); 5 ноября: «Союз Поэтов» (80) и запись в другой книжке (№ 8): «Пятница 8–11 <часов вечера> Союз поэтов. В пятницу 5-ого ноября читают 6 чел. поэтов из коих есть: Фроман, Эрлих, Бутова, Браун и т. д. Один из оппонентов – Саянов» (86); 12 ноября: «Наше выступление в Союзе Поэтов» (на этом вечере вместе с Хармсом выступили Введенский, Игорь Бахтерев, Сергей Цимбал и Георгий (Гага) Кацман) (80); 19 ноября: «Сдал анкеты <Михаилу> Фроману. Союз Поэтов» (уже упоминавшийся литератор Михаил Фроман (Фракман; 1891–1940), тогда

Возможно предположить, что под «Тылли и восклицательным Знаком» подразумеваются как раз Аверьянова и Дидерихс. Именно так, с «небольшой погрешностью», имя героини фильма Чаплина попадает в посвящение к стихотворению «О том как Иван Иванович попросил и что из этого вышло». Также можно предположить, что это посвящение – не единственный след присутствия Аверьяновой в других, более поздних произведениях Хармса и она снова скрыта под маской, только теперь придуманного ей самой для себя прозвища «Лис» или «Лисица» или “she-fox Lys” (см.: Аверьянова 2011: 266, 272, 294)⁴⁷.

секретарь правления Союза) (81); в «пятницу» на вечере Союза поэтов 26 ноября: «Я сидел в Союзе и чувствовал себя нехорошо. Кружилась голова» (101); 3 декабря: «7 ½ ч. у портного. Союз Поэтов» (81). К концу этого года Хармс достиг некоторого уровня в союзной иерархии, поэтому решается вести переговоры от имени всей организации: «Договор с Домом Искусств об устройстве вечеров Левого Фланга, а потом поочередно всего Союза» (115), это записано 9 или 10 декабря, а после 23-го он делает запись: «Хармс 4-65-06. Местком Союза Поэтов» (119). Наконец, на титуле записной книжки № 8 сказано: «Мой номер союзной книжки Всероссийского Союза Поэтов. [55.] 7 – 1927 г.» (84); номер билета исправлен, поскольку Хармс получил новый билет в январе 1927 г.: «На 13-ое января, – планирует он день. – Сходить к Фроману за Союзным билетом» (124). На следующий день он посещает очередной литературный вечер Союза поэтов: «Сижу и слушаю. Туфанов читает. Март. 175. Логовище. Я почти влюбился в ту барышню, которая сидела за мной на союзной пятнице 14 янв<аря> 1927 года. Она напомнила мне Эстер» (126), а на следующей странице записной книжки № 8 констатирует: «В Союзе 63 человека» – и дополнительно планирует свою поэтическую деятельность: «Ночью обсудить о матерьяле. <...> Садофьев часто говорит слово “самое”. Липатов. Мы пряниками в нем живем. Фроман. В окна бьется град. ω. (Сократ)» (127). Другие визиты Хармса в Союз поэтов за эти два года отмечены в «Хронике» А. Крусанова: 16 или 17 октября 1925 г. он участвует в «Вечере заумных поэтов»; 11 декабря посещает заседание; 19 марта 1926 г. «присутствовал на заседании», которое случилось за неделю до его приема в члены Союза; в мае Хармс знакомится там с Николаем Заболоцким (см.: Крусанов 2004: 423–425).

⁴⁷ О том, как это прозвище стало «литературным фактом», в августе 1961 г. вспоминал Глеб Струве: «Перед войной я несколько раз читал стихи Лисицкой о Петербурге в частных домах в Лондоне. Помню одно чтение в доме А. В. Тырковой-Вильямс в присутствии В. В. Набокова, который приезжал ненадолго в Лондон <...>. Помню, некоторые стихотворения Лисицкой ему понравились. Тогда же, помнится, я послал несколько стихотворений И. И. Бунакову-Фондаминскому в “Современные записки”. Я знал, что этот журнал был известен Лисицкой и что она его ценила. Но я счел нужным нарушить строгий наказ автора и заменить ее фамилию придуманным мною

В августе 1933 года Хармс сочиняет римейк своего стихотворения «Ужин» (1930), зачин которого звучит вот так:

Стукнул кокер. Сто минут.
Прыгнул фокер. Был помнут.
Вышла пика. Нет плиты.
Здравствуй Кика. Вот и ты.
(Хармс 1997: 120)

Этот пролог служит своего рода приглашением к столу, с которым каждый действующий персонаж приглашает следующего. Первой в столовую входит Кика, который(-ая) на самом деле приглашена сварившей чай Надей, которая обратилась к ней с единственным повелением: «Отвечай!» А дальше персонажи наполняют комнату, как в стандартной немой фильме, например снятой “Keystone Studios”, где разыгрывается комедия положений.

Кика приглашает за собой Колдуна, Колдун знакомит всех с его Соседом, вежливый Сосед приводит Гнома, а Гном отмечает явление Коки, которому принадлежит заключительный монолог, где возвращаются заумные «кoker» и «фокер», контрастирующие с выдержанным на протяжении всей вещи, кроме последней реплики: «*Все хором*: Начнем же ужинать!» (Хармс 1997: 121), – четырехстопным хореем с мужскими клаузулами. Хармс как бы позволяет зауми «ворваться» в стихотворение, написанное как «Упражнение в классических размерах» (или просто «УКР» в его терминологии 1930-х годов).

В своем римейке Хармс придерживается той же формы «УКР», но варьирует рифмовку с парной на более сложную: в каждой строфе рифмуются первый, второй и четвертый стих, и ритм стихотворения меняется не только из-за того, что из рифмовки выпадает один стих в каждой строфе, но и потому, что, в отличие от прочих строк, в каждом третьем стихе мужские клаузулы подменяются женскими окончаниями:

псевдонимом, основанным на шутовском прозвище (“Лис”), которым она подписывала иногда свои письма к нашей общей знакомой-англичанке» (Струве 1962: 121-122).

Ветер дул. Текла вода.
Пели птицы. Шли года.
А из тучи к нам на землю
падал дождик иногда.

Вот в лесу проснулся волк
фыркнул крикнул и умолк
а потом из леса вышел
злых волков огромный полк

Старший волк ужастным глазом
смотрит жадно из кустов
чтобы жертву зубом разом
разорвать на сто кусков.

Темным вечером в лесу
Я поймал в капкан лису
думал я: домой приеду
лисью шкуру принесу.

(Хармс 1997: 396)

Понятно, что эта «вещь» сочинялась как мадригал, тем более что в окончательном варианте она звучит именно как «стихотворение в альбом»:

Ветер дул, текла вода,
пели птицы, шли года.
До сих пор мы не встречались,
не встречались никогда.

Но теперь, узнав друг друга,
мир исчез для нас вокруг.
Только ты моя подруга,
только я твой милый друг⁴⁸.

Наше внимание задерживается на заключительном катрене, в котором фигурирует «лиса». Это не частый образ у «взрослого»

⁴⁸ Мы приводим это стихотворение в текстологическом прочтении Вл. Эрля (см.: Хармс 1978: 174).

Хармса, но нельзя сказать, что единичный. «Лиса» появляется в его *вещах* «Жизнь человека на ветру» (1928): «И всадник хитрою лисицей / Себя подбадривал „Ну дядя не робей!“» (Хармс 1997: 82); «Наступала ночь в битву Сергея Радунского с Миколом Согнифалом. Достаточно было перебито людей и шерстяных лисиц...»; «Вон скачет Пушкин ветру следом / целит пушку в лисий холмик...» (Хармс 1997: 308); «порою мил порою груб...» (1931): «на крыше сидели вороны / и лисицы / и многие другие птицы» (Хармс 1997: 187); «я знаю почему дороги...» (1931):

Я проходил мимо двух голубей
голуби стучали крыльями
стараясь напугать лисицу
которая острыми лапками
ела голубиных птенчиков.
Я поднял тетрадь, открыл ее
и прочитал семнадцать слов
сочиненных мною накануне.
Моментально голуби улетели,
лисица сделалась маленьким спичечным коробочком.
А мне было чрезвычайно весело.

(Хармс 1997: 221-222)

Наконец, «лис» появляется в знаменитой «дедикации» Алисе Порет (1933), в центре которой выступает параномастическая аттракция:

Передо мной висит портрет
Алисы Ивановны Порет.
она прекрасна точно фея,
она коварна пуще змея
она хитра моя Алиса
хитрее Рейнеке Лиса.

(Хармс 1997: 228)

Любопытно, что лисье присутствие встречается в другой ранней *вещи*, написанной через месяц после стихотворения «О том как

Иван Иванович попросил и что из этого вышло» с характерной подписью Хармса в период «Взирь За́уми»:

мехом лисичьим
глаз поволокло́

вы́женец горький
золото имбирь
с горки на горку
вся Сибирь

крутится холмик
синим полачём
а глазки от холода
жмутся в кулачёк

ДаНиил Хармс
22 дек. 1925 г.

Очень хотелось бы считать, что посвящение «Тылли и восклицательному Знаку» – это не одиночное эхо Чаплина в *вещах* Хармса. Чудесно было бы представить, как наблюдение Миллы Федоровой, что «выражение “воздушный Шарло” каламбурно перекликается со словосочетанием “воздушный шар”» (Цивьян 2006: 136), срabатывает у Хармса. И тогда в его известном стихотворении 1928 г. для взрослых и детей:

По вторникам над мостовой
Воздушный шар летал пустой.
Он тихо в воздухе парил;
В нем кто-то трубочку курил,
Смотрел на площади, сады,
Смотрел спокойно до среды,
А в среду, лампу потушив,
Он говорил: Ну город жив.
(Хармс 1997: 84)⁴⁹ –

⁴⁹ Слово «летал» во второй строке исправлено по автографу (ОР РНБ).

тот самый «Наблюдатель» из отброшенного заглавия есть не кто иной, как Чарли Чаплин.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аверьянова Л. И. 2011. *Vox Humana: Собрание стихотворений* / Сост. М. М. Павлова. М.: Водолей.
- Агнивцев Н. 1923. Кино-песенки: Новая американская фильма. – *Арт-Экран*. № 4. С. 9.
- Гондла <Евгений Шварц?>. 1923. Кино для себя (Маленький фельетон). – *Арт-Экран*. № 5. С. 13–14.
- Графика Добужинского 1924. Графика М. В. Добужинского / Текст С. К. Маковского и Ф. Ф. Нотгафта. [Пг.; Берлин]: Петрополис.
- Дмитренко А. 2010. Мнимый Хармс. – *Vademecum: К 65-летию Лазаря Флейшмана* / Сост. и ред. А. Устинова. М.: Водолей. С. 247–250.
- Дневниковые записи 1992. Дневниковые записи Даниила Хармса / Публикация А. Устинова и А. Кобринского. – *Минувшее: Исторический альманах*. Вып. 11. Paris: Atheneum. С. 417–583.
- Замятин Е. 1967. О'Генри. – *Замятин Е. Лица* / <Сост. Л. Н. Замятина>. New York: Inter-Language Literary Associates. С. 147–154.
- Карцева Е. 1960. Американские немые фильмы в советском прокате. – *Кино и время. Бюллетень*. Вып. 1. М.: Всесоюзный государственный фонд кинофильмов Министерства культуры СССР. С. 193–325.
- Ковалов О. 2006. Кино Америки и судьбы русского мифа. – *Пинакотека*. № 22/23. С. 72–77.
- Крусанов А. 2004. Хроника жизни и творчества Даниила Хармса. – *Хармс Д. Случаи и вещи* / Сост. и примечания А. Дмитренко и В. Эрля. Подготовка текстов В. Эрля. СПб.: Вита Нова. С. 413–482.
- Кузмин М. А. 1977. *Собр. стихов: В 3-х тт. Т. 3: Несобранное и неопубликованное. Приложения. Примечания. Статьи о Кузмине*. Мюнхен: Wilhelm Fink Verlag.
- Кузмин М. 2006. Стихотворения. Из переписки / Под ред. Н. А. Богомолова. М.: Прогресс-Плеяда.
- Кузмин М. 2007. *Дневник 1934 года* / Под ред. Г. А. Морева. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха.
- Левинтон Г. А., Устинов А. Б. 2001. Материалы о Кузмине в журнале «Гермес». – *Материалы конференции, посвященной 110-летию со дня рождения академика В. М. Жирмунского*. СПб.: Наука. С. 322–334.

- Муратов П. П. 2000. Ночные мысли: Эссе, очерки, статьи 1923–1934 / Сост. Ю. П. Соловьев. М.: Прогресс.
- О. Б. 1916. Из сказок жизни: Карьера Чарли Чаплина. – Прозектор. № 10. С. 10.
- Павлова М. М. 2011. «Поэта хрупкая судьба...». – Аверьянова Л. И. Vox Нуната: Собрание стихотворений. М.: Водолей. С. 217–297.
- Ратгауз М. Г. 1992. Кузмин-кинозритель. – Киноведческие записки. № 13. С. 52–86.
- Родченко <А.> 1922. Шарло. – Кино-Фот: Журнал о кинематографии и фотографии. № 3. 19-25 сентября. С. 5–6.
- Собрание стихотворений 1926. <Хармс Д., Введенский А. и др.> Собрание стихотворений Ленинградского Союза поэтов. Л.: Л/О. В. С. П.
- Струве Г. 1962. Стихи А. Лисицкой. – Мосты: Литературно-художественный и общественно-политический альманах. Кн. 9. Мюнхен: ЦОПЭ. С. 121–124.
- Хармс Д. 1978. Собрание произведений: [В 4-х кн.]. Кн. 2 / Под ред. М. Мейлаха и Вл. Эрля. Bremen: K-Presse.
- Хармс Д. 1997. Полн. собр. соч. Т. 1: Стихотворения / Под ред. В. Н. Сажина. СПб.: Академический проект.
- Хармс Д. 1999. Дней катыбр: Избранные стихотворения. Поэмы. Драматические произведения / Сост., вступительная ст. и примечания М. Мейлаха. М.; Кайенна: Гилея.
- Хармс Д. 2002. Записные книжки. Дневник: В 2-х кн. Кн. 1 / Подготовка текста Ж.-Ф. Жаккара и В. Н. Сажина. Вступительная ст., примечания В. Н. Сажина. СПб.: Академический проект.
- Хармс Д. 2003. Даниил Хармс: Анкета члена Литфонда / Публикация В. В. Перхина. – Русская литература. № 2. С. 170–172.
- Цивьян Ю. 2006. О Чаплине в русском авангарде и о законах случайного в искусстве. – Новое литературное обозрение. № 5 (81). С. 99–142.
- Чаплин Ч. С. 1990. О себе и своем творчестве. Т. 1: Автобиография / Пер. З. Гинзбург. Под ред. А. Кукаркина. М.: Искусство.
- Чарли Чаплин 1925. Чарли Чаплин: Сборник под ред. Виктора Шкловского. Л.: Издательство «Атеней».
- Шкловский В. Б. 1993. Письма М. Горькому (1917–1923 гг.) / Примечания и подготовка текста А. Ю. Галушкина. – De visu. № 1. С. 28–46.
- Янгиров Р. 2002. «Я Чарлю, ты Чарлишь, он Чарлит, мы Чарлим...»: Забытые тексты из творческого наследия Виктора Шкловского. – Киноведческие записки. № 61. С. 116–125.

- Anemone, A., Martynov, I. 1986. Towards the History of Leningrad Avant-Garde: "The Ring of Poets". – *Wiener Slawistischer Almanach*. Bd 17. P. 131–148.
- Jaccard, J.-Ph. 1991. Daniil Harms et la fin de l'avant-garde russe. Bern et al.: Peter Lang.
- Jaccard, J.-Ph., Устинов А. 1991. Заумник Даниил Хармс: Начало пути. – *Wiener Slawistischer Almanach*. Bd 27. С. 159–183.

REFERENCES

- Agnitvsev, N. "Kino-pesenki: Novaia amerikanskaia fil'ma." *Art-Ekran* 4 (1923): 9.
- Anemone, A. and I. Martynov. "Towards the History of Leningrad Avant-Garde: 'The Ring of Poets'." *Wiener Slawistischer Almanach* 17 (1986): 131–48.
- Aver'ianova, L. I. *Vox Humana: Sbornie stikhotvorenii*. Edited by M. M. Pavlova. Moscow: Vodolei, 2011.
- Chaplin, Ch. S. *O sebe i svoem tvorchestve*. Vol. 1, *Avtobiografiia*. Translated by Z. Ginzburg. Edited by A. Kukarkin. Moscow: Iskusstvo, 1990.
- Charlie Chaplin: Sbornik*. Edited by Viktor Shklovskii. Leningrad: Izdatel'stvo "Athenaeum," 1925.
- Dmitrenko, A. "Mnimyi Kharms." In *Vademecum: K 65-letiiu Lazaria Fleishmana*. Edited by A. Ustinov, 247–250. Moscow: Vodolei, 2010.
- Gondla [Evgenii Shvarts, pseud.]. "Kino dlia sebja (Malen'kii fel'eton)." *Art-Ekran* 5 (1923): 13–14.
- Iangirov, R. "‘Ja Charliu, ty Charlish’, on Charlit, my Charlim...’: Zabytye teksty iz tvorcheskogo naslediiia Viktora Shklovskogo." *Kinovedcheskie zapiski* 61 (2002): 116–25.
- Jaccard, J.-Ph. *Daniil Harms et la fin de l'avant-garde russe*. Bern: Peter Lang, 1991.
- Jaccard, J.-Ph. and A. Ustinov. "Zaumnik Daniil Kharms: Nachalo puti." *Wiener Slawistischer Almanach* 27 (1991): 159–83.
- Kartseva, E. "Amerikanskii nemye fil'my v sovetskom prokate." In *Kino i vremia. Biulleten'*. Vol. 1, 193–325. Moscow: Vsesoiuznyi gosudarstvennyi fond kinofil'mov Ministerstva kul'tury SSSR, 1960.
- Kharms, D. *Sobranie proizvedenii*. 4 vols. Vol. 2. Edited by M. Meilakh and V. Erl'. Bremen: K-Press, 1978.
- . *Polnoe Sobranie sochinenii*. Vol. 1, *Stikhotvoreniiia*. Edited by V. N. Sazhin. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt, 1997.

- . *Dnei katybr: Izbrannye stikhotvoreniia. Poemy. Dramaticheskie proizvedeniia*. Prefaced, edited and annotated by M. Meilakh. Moscow and Cayenne: Hylaea, 1999.
- . *Zapisnye knizhki. Dnevnik*. 2 vols. Vol. 1. Edited by Jean-Philippe Jaccard and V. N. Sazhin. Prefaced and annotated by V. N. Sazhin. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt, 2002.
- [Kharms, D., A. Vvedenskii et al.] *Sobranie stikhotvorenii Leningradskogo Soiuza poetov*. Leningrad: L/O. V. S. P, 1926.
- Kovalov, O. "Kino Ameriki i sud'by russkogo mifa." *Pinacotheka* 22–23 (2006): 72–77.
- Krusanov, A. "Khronika zhizni i tvorchestva Daniila Kharmsa." In *Sluchai i veshchi* by D. Kharms. Edited and annotated by A. Dmitrenko and Vl. Erl', 413–82. Saint Petersburg: Vita Nova, 2003.
- Kuzmin, M. A. *Sobranie stikhov*. 3 vols. Vol. 3, *Nesobrannoe i neopublikovannoe. Prilozheniia. Primechaniia. Stat'i o Kuzmine*. Munich: Wilhelm Fink Verlag, 1977.
- . *Stikhotvoreniia. Iz perepiski*. Edited by N. A. Bogomolov. Moscow: Progress-Pleiada, 2006.
- . *Dnevnik 1934 goda*. Edited by G. A. Morev. 2nd rev. ed. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2007.
- Levinton, G. A. and A. B. Ustinov. "Materialy o Kuzmine v zhurnale 'Hermes'." In *Materialy konferentsii, posviashchennoi 110-letiiu so dnia rozhdeniia akademika V. M. Zhirmunskogo*, 322–34. Saint Petersburg: Nauka, 2001.
- Makovskii, S. K. and F. F. Notgaft. *Grafika M. V. Dobuzhinskogo*. [Petrograd and Berlin]: Petropolis, 1923.
- Muratov, P. P. *Nochnye mysli: Esse, ocherki, stat'i 1923–1934*. Edited by Iu. P. Solov'ev. Moscow: Progress, 2000.
- O. B. "Iz skazok zhizni: Ka'era Charlie Chaplina." *Proektor* 10 (1916): 10.
- Pavlova, M. M. "Poeta khrupkaia sud'ba..." In *Vox Humana: Sobranie stikhotvorenii* by L. I. Aver'ianova, 217–97. Moscow: Vodolei, 2011.
- Perkhin, V. V. "Daniil Kharms: Anketa chlena Litfonda." *Russkaia literatura* 2 (2003): 170–72.
- Ratgauz, M. G. "Kuzmin-kinozritel'." *Kinovedcheskie zapiski* 13 (1992): 52–86.
- Rodchenko, [A.] "Charlot." *Kino-Fot: Zhurnal o kinematografii i fotografii* 3 (1922): 5–6.
- Shklovskii, V. B. "Pis'ma M. Gor'komu (1917–1923 gg.)." Edited and annotated by A. Iu. Galushkin. *De visu* 1 (1993): 28–46.

- Struve, G. "Stikhi A. Lisitskoi." *Mosty: Literaturno-khudozhestvennyi i obshchestvenno-politicheskii al'manakh*. Vol. 9, 121–24. Munich: TsOPE, 1962.
- Tsiv'ian, Iu. "O Chapline v russkom avangarde i o zakonakh sluchainogo v iskusstve." *Novoe literaturnoe obozrenie* 81 (2006): 99–142.
- Ustinov, A. and A. Kobrinskii. "Dnevnikovyie zapisi Daniila Kharmsa." In *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh*. Vol. 11, 417–583. Paris: Atheneum, 1991.
- Zamiatin, E. "O'Henry." In *Litsa* by E. Zamiatin. [Edited by L. N. Zamiatina], 147–54. New York: Inter-Language Literary Associates, 1967.

О ВРЕМЕНИ ВЫХОДА В СВЕТ ОТДЕЛЬНОГО ИЗДАНИЯ «ОХРАННОЙ ГРАМОТЫ» БОРИСА ПАСТЕРНАКА

М. Г. Сальман

(С.-Петербург)

Временем публикации книжного издания «Охранной грамоты»¹ считается ноябрь 1931 года². Источником информации служит «Книжная летопись», где в отделе «Теория и история литературы. Критика» под номером 26120 значится книга поэта³.

Свидетельство современника, казалось бы, подтверждает эту датировку. Л. В. Горнунг записывал в дневнике 28 ноября 1931 г.: «Арсений⁴ <...> купил <...> только что вышедшую “Охранную грамоту” Пастернака» (Горнунг 2019: 328).

Гранки «Охранной грамоты» Пастернак получил еще в августе. Он сообщил об этом из Коджор (курортного места неподалеку от Тифлиса)⁵ 12 августа 1931 г. заведующему Издательством писателей в Ленинграде С. М. Алянскому, прося его, «чтобы все исправления были сделаны аккуратно и попутно не повлекли новых опечаток» (Пастернак 2005: 558). 22 октября 1931 г. он писал из Москвы тому же адресату:

Вы меня очень бы обязали, если бы сообщили мне, <...> скоро ли выйдет «Охр<анная> Гр<амота>» <...>. Вообще, напишите все, что знаете из касающегося меня и того, что Вам может показаться

¹ См.: Пастернак 1931.

² См., например, «Основные даты жизни и творчества Б. Л. Пастернака», где под датами 5–10 ноября 1931 г. стоит: «отдельной книгой выходит “Охранная грамота”» (Сергеева-Клятис 2015: 354). Сын поэта писал: «Вышедшая за месяц перед дискуссией “Охранная грамота” <...>» (Пастернак Е. 1997: 484). Имеется в виду дискуссия «О политической лирике», объявленная московским Союзом писателей 10 декабря 1931 г. (подробнее см.: Там же: 481–482).

³ См.: Книжная летопись. 1931. № 63. Ноябрь. С. 4619 (сплошная годовая пагинация).

⁴ Арсений Александрович Тарковский (1907–1989) – поэт и переводчик.

⁵ Сейчас Коджори. Тифлис – Тбилиси.

уже мне известным, так как при продолжающейся глухости моего режима менее всего о себе знаю я сам (Там же: 565)⁶.

Поэт не знал, что в сентябре 1931 г. его книга была уже в руках читательницы.

В письме от 14 сентября 1931 г. Лидия Корнеевна Чуковская сообщала Корнею Ивановичу Чуковскому две главные новости – о дочери Елене⁷, родившейся 6 августа, и о прочитанных книгах:

Дочка процветает, ужасно выросла и растолстела. <...> сейчас ей 1 месяц 1 неделя, и весит она 5 кило 260 г. <...> За последние 2 дня я все-таки умудрилась прочесть две гениальные книги – <...> «Охрannую грамоту» Пастернака и «42 параллель» Дос Пассоса⁸. Отрывок из «Охрannой грамоты» – о Маяковском – я читала когда-то в Гандже⁹, в № Литгазеты¹⁰; и тогда он ошарашил и поразил меня,

⁶ Ответные письма Алянского неизвестны. В опубликованных письмах поэта упоминание о вышедшей книге появляется лишь 24 мая 1932 г.: «Я Лиде послал “Охрannую грамоту”» (Пастернак 2005: 597). Лида – Лидия Леонидовна Слейтер (урожд. Пастернак; 1902–1989) – сестра поэта, биохимик, поэтесса, переводчица. Возможно, что Издательство писателей в Ленинграде отправило Пастернаку авторские экземпляры в ноябре 1931 г.; возможно, что он забрал их, приехав в Ленинград 19 ноября (см. ниже).

⁷ Письмо датировано автором 14 октября, но, благодаря упомянутому в письме возрасту дочери, комментатор – сама Е. Ц. Чуковская – смогла уточнить дату написания. Елена Цезаревна Чуковская (1931–2015) – химик по образованию, с середины 1960-х – одна из помощниц А. И. Солженицына, с конца 1960-х она втянулась в литературную работу, была составителем и комментатором «Чукоккалы», собраний сочинений К. И. Чуковского и Л. К. Чуковской.

⁸ См.: Дос-Пассос 1931b. Джон Родериг Дос Пассос (1896–1970) – прозаик, драматург, поэт. В 1921 г. был на Кавказе, в 1928 г. проехал по Волге, посетил Кавказ, Москву (становился на квартире А. А. Фадеева) и Ленинград. Подробнее о поездках по России, постановке его пьесы в Камерном театре А. Я. Таирова см.: Салманова 1993: 243–255. О его общении в 1928 г. с К. И. Чуковским см. ниже.

⁹ Сейчас – Гянджа (Азербайджан). В апреле 1931 г. Л. К. Чуковская ездила туда со своим первым мужем Ц. С. Вольпе к его родителям (см.: Чуковский, Чуковская 2003: 133, прим. 2). Цезарь Самойлович Вольпе (17 ноября 1904 – 1942, погиб в блокаду, пытаясь уйти из Ленинграда по Ладожскому озеру, см.: <https://visz.nlr.ru/blockade/show/1969835>) – литературный критик и литературовед. Сын врача. Окончив в 1920 г. гимназию в Гяндже, поступил добровольцем в 59 стрелковую бригаду II-й армии, в которой пробыл 3 месяца гражданской войны в Азербайджане (см.: ОР РНБ. Ф. 1417. Ед. хр. 2. Л. 3. По этому же источнику указываем месяц рождения, см.: Там же. Л. 1; в справочнике «Писатели Ленинграда» значитс я сентябрь; см.: Бахтин, Лурье 1982: 71). В 1920–1924 гг. учился на историко-филологическом факультете Бакинского университета, где

и после этого отрывка я долго не могла читать книг – потому что только проза Пастернака казалась действительной, настоящей, нормальной, а все остальное – неизвестно как, почему, зачем. И сейчас опять то же впечатление единственной истинности, и, как всегда при чтении гениальных страниц, не понимаешь: как это могло случиться? и, наоборот, – как мы могли столько лет жить без этого, без «Охранной грамоты» Пастернака и не знать, что она *должна* быть? Это очень по-прустовски, но Пруст весь о чуждом, а Пастернак – о самом своем... Дос Пассос, это совсем другое и, пожалуй, меньше, но тоже оторваться нельзя (Чуковский, Чуковская 2003: 159–161).

Между тем «Книжная летопись» датирует выход «42-ой параллели» Дос Пассоса декабрем 1931 г.¹¹ 26 июня 1931 г. переводчик В. О. Стенич писал Н. К. Чуковскому¹²: «<...> “42-ую параллель”, слава Богу,

слушал лекции Вяч. И. Иванова, в 1925 г. защитил диплом по Пушкину. «С 1924 года работал преподавателем обществоведения и русской литературы в школах 2-й ступени, в Баку. Тогда же поступил студентом на историческое отделение Педагогического факультета и в 1926 году перешел на 4-й курс» (ОР РНБ. Ф. 1417. Ед. хр. 2. Л. 3). Член ВЛКСМ с 1924 г. (см.: Там же. Л. 1). В 1926–1930 гг. был аспирантом Б. В. Томашевского в ленинградском Институте сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока. Состоя научным сотрудником II разряда литературного отдела Института истории искусств (см.: Там же: Л. 2), Вольпе в 1928–1930 гг. вел семинары по русской литературе XX века и по истории марксистской критики на Высших государственных курсах искусствоведения (где получал 14 руб. в месяц), был действительным членом Научного общества марксистов, преподавал в школе (79 руб. в месяц) и печатался в журналах «Звезда», «На литературном посту», «Червоний шлях» (Харьков) (см.: Там же. Л. 1–2). В 1930 г. заведовал редакцией журнала «Литературная учеба», с 1930 по 1933 г. – критическим отделом журнала «Звезда». «В 1933 году, достигнув 29-летнего возраста,> механически выбыл из рядов ВЛКСМ в виду закрытия на несколько лет приема в ряды ВКП (б). <...> С 1933 года основной сделал работу литературную» (Там же. Л. 3–3 об.). Для серии «Библиотека поэта» подготовил В. А. Жуковского, Андрея Белого. Автор статей о М. М. Зощенко, А. А. Блоке, В. Я. Брюсове. См. о нем на сайте семьи Чуковских: <https://www.chukfamily.ru/vople>

¹⁰ См.: Пастернак Б. Первые встречи с Маяковским. – Литературная газета. 1931. № 20 (119). 14 апреля. С. 3.

¹¹ См.: Книжная летопись. 1931. № 69. Декабрь. С. 5191. № 29297.

¹² Николай Корнеевич Чуковский (литературный псевдоним Н. Радищев; 1904–1965) – сын К. И. Чуковского, начинал как поэт, автор романов для детей и взрослых, переводчик с английского, мемуарист.

подписал к верстке и жду ее выхода месяца через два» (цит. по: Чуковский, Чуковская 2015: 560).

*

Здесь необходимо отступление о переводчике.

Валентин Иосифович (Осипович) Стенич (настоящая фамилия Сметанич, публиковался под обеими; печатался также под псевдонимом В. Сольский¹³; 26 октября 1900¹⁴ – 21 сентября 1938, расстрелян) – поэт, литературный критик, переводил с английского (Ш. Андерсон, Д. Джойс, Д. Дос Пассос, Р. Киплинг, Дж. Лондон, Э. Синклер, Г. Честертон), немецкого (Б. Брехт, Ф. Верфель, Э. Толлер, Л. Франк), французского (Ж. Дюамель, Ж. Рони) языков. Сын Осипа Семеновича Сметанича (1866–1934), представителя писчебумажной фабрики (см.: Весь Петроград 1916: 626, 2-я паг.), бывшей фабрики братьев Варгуниных. Отец подвергался репрессиям в 1919 г.¹⁵ Упомянут в мемуарах востоковеда И. М. Дьяконова как «создатель частной коллекции картин; ее распродажей он жил до самой смерти в 1934 году. <...> Сметанич был женат вторым браком на Ф. М. Магазинер, тетке моей жены, а от первого брака у него были дети – талантливый, самовольный и несколько развязный литератор Валентин Стенич и еще двое уж вовсе непутевых взрослых детей. После его смерти его вдова отдала оставшиеся картины в музей, за что и получила персональную пенсию. <...> Когда в начале 30-х гг. Осипа Семеновича взяли на Шпалерную¹⁶ для изъятия золота <...>, у него, как оказалось, нечего было брать – ни золота, ни другого чего (кроме картин, которые не представляли интереса в валютном плане). Его вскоре выпустили, как и других» (Дьяконов 1995: 87, 378).

¹³ См.: Тименчик 2015: 182.

¹⁴ См.: ЦГИА СПб. Ф. 458. Оп. 1. Д. 2780. Л. 2 об. Все даты из личного дела приводятся по старому стилю. Указания на 1897 год рождения (в архивной справке об аресте 1931 г., см. ниже) и на 1898 (см.: Бахтин, Лурье 1982: 294) ошибочны. О Стениче см. подробные публикации: Вахитова 2001: 169–201 (первое издание см.: Вахитова 1998: 162–185); Успенский с. а.; Успенский 2014: 310–359.

¹⁵ См. электронную Книгу памяти «Возвращенные имена»: <https://vizz.nlr.ru/person/book/vi/19/210?ysclid=lm24w7priv436677310>

¹⁶ На Шпалерной ул. находился Дом предварительного заключения.

В 1909 г. Валентин поступил в гимназию училища при Реформатских церквях¹⁷ (в состав училища входили мужская и женская (с 1911 г.) гимназии и реальное училище) на набережной Мойки, 38 (с 1914 г. в новом здании, пер. Матвеева, 1А). В 1916 г. родители забрали из школы окончившего 6-й класс подростка, и 23 мая мачеха Ф. М. Сметанич¹⁸ подала прошение директору гимназии наследника цесаревича и великого князя Алексея Николаевича (так с 1913 г. называлась бывшая 6-я гимназия):

Желая перевести моего сына Валентина, ученика 7-го класса Реформатского Училища для продолжения образования во вверенную Вашему Превосходительству Гимназию, имею честь покорнейше просить о зачислении сына моего Валентина учеником 7-го класса¹⁹.

К прошению прилагалось свидетельство училища от 21 мая:

Предъявитель сего Валентин Сметанич <...> по происхождению сын мещанина, вероисповедания ев<ангелическо>-реформатского, родившийся в Петрограде 26 окт<ября> 1900 года, находился в этом заведении с 18-го августа 1909 года по 18-ое мая 1916 года, был хорошего поведения и в 1915/16 учебном году, при переходе из шестого класса в седьмой, оказал следующие успехи²⁰.

Оценки по закону Божьему и по истории отличные, по русскому языку и французскому хорошие, по латинскому, грече-

¹⁷ См.: ЦГИА СПб. Ф. 458. Оп. 1. Д. 2780. Л. 2 об. О том, что Стенич учился в «Реформатской школе», упомянул в мемуарах «Милый демон моей юности» Н. К. Чуковский (см.: Чуковский, Чуковская 2015: 217). Название мемуаров отсылает к пушкинскому стихотворению «Демон» («В те дни, когда мне были новы / Все впечатленья бытия...» (1823)). Ошибочна информация, что Стенич учился в Петришуле (см.: Бахтин, Лурье 1982: 294; сайт Петришуле).

¹⁸ Фанни Мироновна Сметанич была зубным врачом, ее кабинет находился по тому же адресу, что и квартира, где жила семья, на Каменноостровском пр., 26-28, кв. 50 (см.: ЦГИА СПб. Ф. 458. Оп. 1. Д. 2780. Л. 1; Весь Петроград 1916: 713, 1-я паг.). На Каменноостровском, 24А в это время жил О. Э. Мандельштам.

¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 458. Оп. 1. Д. 2780. Л. 1.

²⁰ Там же. Л. 2 об. Дата на л. 2.

скому, немецкому, математике, физике и естествоведению – удовлетворительные, по географии стоит прочерк²¹.

Спустя год, 24 октября 1917 г., к директору гимназии наследника цесаревича и великого князя Алексея Николаевича (после Февральской революции ставшей опять 6-й гимназией) обратился заместитель директора гимназии и реального училища Общества родителей в Петрограде для содействия образованию и воспитанию детей школьного возраста:

Вследствие поданного г<осподином> Сметанич прошения о перемещении его сына Валентина Сметанич в 8-ой класс вверенной мне гимназии имею честь покорнейше просить Вас не отказать в высылке копии срочной ведомости об успехах и поведении и копии кондуитного списка, а также и всех личных документов вышеозначенного ученика²².

Ответ пришел лишь через месяц с лишним, 27 ноября:

<...> препровождаю <...> документы бывшего ученика вверенной мне гимназии Валентина Сметанича: 1) срочная ведомость, 2) свидетельство о крещении и 3) свидетельство о привитии оспы. Копия кондуитного списка будет выслана дополнительно²³.

КОНДУИТНЫЙ СПИСОК.

Ученик Петроградской Шестой гимназии Валентин Сметанич.

Родился 26-го октября 1900 года.

Вероисповедания Ев.-Реформатского

Сословия или звания сын мещанина

Поступил в гимназию в Августе 1916 года.

Откуда поступил и в который класс<:> из гимназии при Реформатских церквях в Петрограде.

ПРОСТУПКИ УЧЕНИКА.

За время пребыв<ания> в гимн<азии> были след<ующие> записи:

²¹ См.: Там же. Л. 2 об.

²² Там же. Л. 3.

²³ Там же. Л. 5. Кондуитный список был доставлен через два дня.

за курение, неумение держать себя в разговорах с преподавателями, частые нарушения школьной дисциплины.

Директор²⁴.

Летом 1928 г. Стенич, водя Дос Пассоса по Ленинграду, показывал ему «улицы, где сражался одиннадцать лет назад, место, где они удерживали баррикады от отчаянных атак кадетов» (Дос Пассос 1994: 487). А в действительности в октябре 1917 г. семнадцатилетний школьник, начитавшийся Бодлера, писал в сонете:

И все безумней, исступленной, беспощадней
Грызут больную душу призрачные мыши –
Мой труп полугнилой становится все смрадней,
И только жалкий прокаженный ум мой слышит,

Как издеваются фантомные виденья
Над тем, ради чего я принял все мученья.

(Стенич 1996: 72)

В январе 1918 г. Сметанич воспользовался псевдонимом «Стенич» для литературной мистификации.

30 января по старому стилю Александр Блок отмечает в записной книжке: «Стихотворение “Скифы”. – Вечер в пользу “некоторых жертв” 5-го января – в зале <Института> инженеров путей сообщения»²⁵ (Блок 1965: 387).

31 января поэт записывает в дневнике: «Юноша Стэнч (проводивший меня до дому)²⁶. Мы – дрянь, произведения буржуазии.

²⁴ Там же. Л. 7.

²⁵ 5 января 1918 г. большевики расстреляли демонстрацию в поддержку Учредительного собрания.

²⁶ После благотворительного вечера 30 января. На обороте черновика «Скифов» находится сделанный около 29 января перечень стихотворений, «которые Блок читал на литературных вечерах в начале 1918 г.» (Блок 1965: 579, прим). Перечислим их: 1) «Когда ты загнан и забит...», 2) «Как часто плачем – вы и я...», 3) «Пляски смерти» («Как тяжело мертвецу...»), 4) «Вновь оснеженные колонны...», 5) «На железной дороге» («Под насыпью...»), 6) «Седое утро» («Утреет...»), 7) «Перед судом» («Что же ты потупилась...»), 8) «Ты твердишь, что я холоден...» («Другу»), 9) «Демон» («Иди, иди за мной, покорной...»), 10) «Вновь богатый зол и рад...», 11) «Да, так диктует...» (см.: Блок 1965: 386–387). Нумерация наша. Первое – фрагмент из третьей главы поэмы «Возмездие»,

Если социализм осуществится (я образован, знаю четыре языка и знаю, что он осуществится), нам останется только умереть. <...> Полная непригодность к жизни. <...> Все – опиисты, наркоманы. Модно быть влюбленным в Кузмина <...>. Каждый вечер – три телефонных звонка от барышень (“Вы так испорчены, что заинтересовали меня”) <...>. Мы живем только стихами. <...> Сам пишет декадентские стихи (рифмы, ассонансы, аллитерации, танго)»²⁷ (Блок 1963: 323–324).

По-видимому, вскоре после встречи Стенич написал стихотворение:

А. А. Блоку

Я глядел в лицо с голубыми глазами
и на все вопросы ждал ответа.
А Вы глухим и ровным голосом сказали:
«Знаете что? – не стоит быть поэтом».

Морозная ночь струила жемчужины,
Ваш воротник порошил иней...
«Мне это так непонятно, так чуждо –
какая Вам радость в кокаине?»

А я вспоминал Ночную Фиалку и Незнакомку²⁸

.....²⁹

второе, третье, четвертое, девятое и десятое – из цикла «Страшный мир», пятое – из цикла «Родина», шестое – из цикла «Арфы и скрипки», седьмое и восьмое – из цикла «Разные стихотворения», последнее – из цикла «Ямбы» (входило в черновики третьей главы поэмы «Возмездие»). Как повлияло чтение поэтом именно этих стихов на темы разговора Стенича с Блоком, – вопрос, требующий отдельного разбора, заметим лишь, что фельетон Блока «Русские дэнди», написанный 2 мая (по новому стилю), заканчивался словами: «тоже своего рода возмездие» (Блок 1962: 57).

²⁷ О сонете Стенича “Tango macabre”, прочитанном им Блоку, см.: Тименчик 2008: 623.

²⁸ «Ночная фиалка» (1906), «Незнакомка» (1906).

²⁹ «В рукописи часть стихотворения утрачена» (прим. публикатора Л. Ф. Кациса). Публикатор сообщает, что «рукописный сборник стихов сохранился у Лидии Иодковской, дочери второй жены поэта <...>» (Стенич 1996: 66). Правильно «Иотковской». «Вера Николаевна <...> пожалуй, единственная женщина, которую он любил по-настоящему. Она была потом замужем за Александром Иосифовичем

Чутьочку чтоб грели твои лучи...
Но почему я о тебе тогда только плачу,
когда я от кого-нибудь пощечину получил.
(Стенич 1996: 71)

Современница Стенича вспоминала:

Валя бывал у нас в те годы (1916–1918 гг.) часто. Приходил другом, уходил врагом: мы с ним неизбежно ссорились под конец вечера, когда я начинала уставать и раздражаться из-за его бахвальства, вранья, самонадеянности. Воздам ему, однако, должное: он знал больше нас, знал даже закулисные литературные дела, и кое-что из его рассказов иногда оказывалось правдой. <...> Его биография, несмотря на нашу юношескую дружбу, осталась для меня до конца загадкой, как и его отношения с нами, молодыми девушками, слывшими красотками и... поэтессами. <...> Ни одна из нас не была его Прекрасной Дамой. Валя слыл бесполом поэтом. В его жизни не было девушек, не было и юношей. Я познакомилась с ним на балу его гимназии, но и там он показался мне одиноким. Я была в гостях у них несколько раз, но всегда видела только отца, никогда там не было матери (Кунина 1991: 96)³⁰.

О пребывании Стенича в Киеве летом 1919 г. и чтении им стихов вспоминала Н. Я. Мандельштам³¹. Осенью и в начале зимы 1919 г.

Иотковским» (письмо И. В. Будовниц к Е. К. Лившиц от 2 апреля 1982 (цит. по: Вахитова 2001: 171). О Будовниц см. в прим. 38. О Е. К. Лившиц см. в прим. 31.

³⁰ Ирина (Ираида) Кунина (в замуж. Александер; 1900–2002, в эмиграции) – писательница, переводчица, жила в Югославии, в США. О ранней версии ее воспоминаний см. в письме К. И. Чуковского от 15 октября 1966 г. к племяннице мемуаристки (Чуковский 2009: 604).

³¹ См.: Мандельштам 2014: 321–322. О последней встрече Стенича с О. Э. Мандельштамом в 1937 г. см.: Там же: 407–408. О Стениче в Киеве в 1919 г. упомянул в мемуарах кинорежиссер С. И. Юткевич (1904–1985), тогда четырнадцатилетний подросток: «<...> мелькала также таинственная фигура человека, одетого с ног до головы в черную кожу и с деревянной кобурой огромного маузера на поясе, про него осторожно шептали: “поэт-чекист” и называли фамилию – Валентин Стенич. Стихов своих он не читал, а я не знал, что это был тот самый легендарный “русский дэнди”, которого увековечил в своем эссе Александр Блок. Маска “чекиста”, в которую он рядился тогда в Киеве, была просто очередной мистификацией Стенича, он был их большой

он выступал на поэтических вечерах в Москве³². Художник В. Н. Чекрыгин, возможно, знавший Стенича еще по Киеву (Чекрыгин из Киева «был командирован в Москву киевским Народным комиссариатом юстиции 10 мая 1919 г.» (Жегин 1987: 424, примечание Н. И. Харджиева, по небрежности издательства напечатанное на странице оглавления), служил вместе с ним в московской Высшей школе военной маскировки (см.: Мурина, Ракитин. 2005: 27). Приведем несколько записей из его дневника, в которых упоминается Стенич.

30 марта 1920 г.: «В кафе. <...> Приход Стенича. Он женился»; 25 <апреля?>: «Знакомство с женой Стенича»; 14 мая: «Мы сидели за столиком <...> поэты Петников, Маяковский <...> Левин рассказал мне об аресте Стенича и его жены уголовным розыском. <...> Из рассказа было видно, что поведение жены Стенича было благородным. Когда ее спросили чины милиции, кто она, она прямо заявила, что жена Стенича. Это удивительно потому, что собиралась оставить Стенича. У них все было подготовлено к разрыву. Я заметил <...> что она мне напоминает Грушеньку Достоевского, правда, этот литературный тип более общ, но Софья Петровна жива, а потому ближе. <...> Позавчера я в два часа дня встретил на Тверской Софью Петровну <...> Она попросила меня проводить <...> Шла она на частную квартиру к директору театра. Одета была великолепно. <...> Она родилась на промыслах в Архангельской губернии. <...> Она сказала, что хочет покончить “историю” со Стеничем. <...> мы расстались, обещая встретиться в 11 часов вечера в кафе поэтов. Вечером же от Левина, как я уже сказал, я узнал, что они были где-то втроем и вошли все вместе в квартиру, где их поджидали милиционеры, производившие обыск. Левина спросили, кто он, он показал мандат от Наркомпроса, что он – сотрудник

любитель» (Юткевич 1982: 19). Ср. с воспоминаниями Екатерины Константиновны Лившиц (1902–1987), вдовы поэта Бенедикта Константиновича Лившица (1887–1938), расстрелянного в один день со Стеничем, которая рассказывала о Стениче в Киеве со слов мужа: «Он только что отвоевал, ходил в военной шинели и даже с винтовкой, украшенной красным бантом» (Лившиц 2019: 87).

³² См.: Литературная жизнь России 1920-х годов 2006: 453, 458, 461, 475.

Художественного отдела Московского Совета и его отпустили» (Мурина, Ракитин 2005: 159, 160)³³.

По воспоминаниям Н. К. Чуковского, Стенича «обвинили в предумышленном развале школы военной маскировки и в сношениях с врагами революции. И приговорили к расстрелу. <...> Восемь – десять дней ждал он расстрела. Потом расстрел заменили многолетним тюремным заключением. Но просидел он всего месяцев восемь. Кончилось тем, что дело пересмотрели. Его оправдали и выпустили <...>» (Чуковский, Чуковская 2015: 218–219).

За сведениями о его жизни с 1924 г. отсылаем к мемуарам Е. К. Лившиц, М. Н. и Н. К. Чуковских и статьям Т. М. Вахитовой и П. Ф. Успенского.

*

Стенич был знаком с Пастернаком³⁴ и был близким другом всей семьи Чуковских³⁵. Когда его арестовали 18 марта 1931 г.³⁶, то пере-

³³ Григорий Николаевич Петников (1894–1971) – поэт, переводчик, мемуарист.

³⁴ Своей многолетней корреспондентке Р. Н. Ломоносовой Пастернак, благодаря ее за присланную для перевода книгу английского писателя-путешественника Джулиана Дюгида (Julian Thomas Duguid; 1902–1987) “Tiger-Man. An Odyssey of Freedom”, писал 22 ноября 1932 г.: «<...> поскольку здесь требуется высокий литературный уровень перевода, я пошлю ее, предварительно с ним списавшись, Стеничу в Ленинград. Я забыл его имя и отчество и знаю его недостаточно близко. Но это прекрасный молодой переводчик, автор переводов (авторизованных) Джона Дос Пассоса. Теперь ему поручают труднейшего Джемса Джойса. Он личный друг Николая Корнеевича Чуковского <...>. <...> как характер, Стенич фигура подходящая: это человек риска и вызова и крайне острого ума» (Пастернак 2005: 631).

³⁵ См. частые упоминания о Стениче в дневнике и письмах К. И. Чуковского. Например, в письме Н. К. Чуковскому 18 июля 1929 г.: «<...> у нас в гостях был Стенич и говорил, что Ю. Олеша его обокрал, что Зощенко покончит с собой, что Горький хороший плохой писатель <...>» (Чуковский 2009: 168). Что имелось в виду под «кражей», становится ясно из дневниковой записи Л. К. Чуковской от 2 октября 1943 г.: «Стенич говорил мне, что не может читать без злобы “Зависть” Олеси, потому что эту книгу он должен был написать и не написал случайно» (Чуковская 2015: 36–37).

³⁶ В архивной справке сказано: «СМЕТАНИЧ Валентин Иосифович 1897 года рождения, уроженец Ленинграда, образование среднее (гимназия), литератор-переводчик, до ареста проживал по адресу: Ленинград, наб<ережная> р. Мойки, д. 62, кв. 8, был арестован 18 марта 1931 года. Обвинялся в том, что проводил антисоветскую агитацию среди писателей, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58–10 УК

дачи в Дом предварительного заключения ему носила М. Н. Чуковская³⁷, жена Н. К. Чуковского. «Марина взяла на себя труд – носить Вале передачи. Один день готовила она, другой я, а носила всегда она, т<ак> к<ак> из-за больной ноги я не могла долго стоять в очереди», – писала И. В. Будовниц³⁸ (цит. по: Вахитова 2001: 182–183).

М. Н. Чуковская вспоминала, как Стенич прямо из тюрьмы зашел к ним домой³⁹:

Коля пошел погулять с дочкой, они дошли, гуляя, до улицы Воинова⁴⁰ – и вдруг навстречу идет Стенич! В руках у него был плед, который разрешили передать ему в тюрьму. <...> Стенич был возбужден, бравируя, рассказывал о тюрьме, как о комическом, ничего не значащем происшествии, но внутренне был душевно потрясен и взбудоражен. Он был весь пропитан специфическим тюремным запахом <...>. Помню, он восторженно и жадно оглядывал знакомую квартиру, мебель, подошел к пианино, открыл крышку, начал что-то наигрывать – и вдруг упал головой на клавиатуру, давась от рыданий... (Чуковский, Чуковская 2015: 483).

16 августа 1931 г. Л. К. Чуковская сообщала отцу:

Когда я вернулась из больницы домой, Марина лежала в пустой квартире с т<емпературой> 39.5 под опекой Стенича (Коля в Москве, адрес его неизвестен). <...> Марину отправили в больницу. Стенич отвез ее на автомобиле в Мечниковскую. <...>

РСФСР. Постановлением СПО СОУ ПП ОГПУ в ЛВО от 27 мая 1931 года следственное дело в отношении СМЕТАНИЧА В. И. прекращено <...>» (<https://arch2.iofe.center/person/35860>). Аббревиатура означает: Секретно-политический отдел секретно-оперативного управления полномочного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе.

³⁷ Марина Николаевна Чуковская (урожд. Рейнке; 1905–1993) – мемуаристка.

³⁸ Ирина Вениаминовна Будовниц (1903 – после 11 февраля 1983, см.: ОР РНБ. Ф. 1315. Ед. хр. 32. Л. 13 об., 15), с 1928 г. жена историка И. У. Будовница. Письмо от 2 апреля 1982 г. к Е. К. Лившиц. М. Н. Чуковская писала той же адресатке: «Как я хорошо помню: Ляля Будовниц... Не сходила у Ст<енича> с языка!» (Там же. Ед. хр. 109. Л. 37. Письмо не датировано, почтовый штемпель Москвы от 22 июня 1971 г. на л. 38).

³⁹ Надеждинская ул. (сейчас ул. Маяковского), 9.

⁴⁰ Ныне опять Шпалерная.

Бедная Маринка! За всеми она ухаживала, а когда нужно за ней поухаживать, то все родные заняты. Но Стенич! Он меня умиляет, я не знаю, как благодарить его (Чуковский, Чуковская 2003: 154, 156).

В ноябре новую книгу Дос Пассоса читал в Алушке К. И. Чуковский. 8 ноября 1931 г. он пишет Н. К. Чуковскому: «У Стенича в переводе я нашел около 40 погрешностей. Если ему интересно, сообщу» (Чуковский 2009: 232)⁴¹.

⁴¹ Спустя год Чуковский опубликовал в «Литературной газете» очерк «Дос Пассос у нас», где рассказал в том числе и о своих претензиях к переводам Стенича. Летом 1928 г. американский писатель был у Чуковского на даче в Сиверской. «Скука доходила до удушья, на даче было мокро и холодно, все дороги превратились в слякоть. Вдруг являются какие-то двое, и один из них говорит про другого: Дос Пассос. <...> Мы разговаривали с ним обо всем: о Драйзере, о Джоне Риде, об академике Павлове <...>, о М<а>яковском, об Уитмене <...>. Дос Пассос спросил у меня, удался ли переводчику “Манхэттен” <речь идет об издании: Дос Пассос 1927. – М. С.>, и, признаюсь, я ответил уклончиво, так как при всей своей яркости, перевод был небрежный и скомканный. Но с тех пор появилось новое издание “Манхэттена”, где этот перевод отремонтирован заново, и в нем заштукатурены многие трещины <см.: Дос Пассос 1930. В 1931 г. вышло третье издание, на титульном листе которого указано, что это второе издание (см.: Дос Пассос 1931а). – М. С.>. С тех пор мы получили от Стенича “42 параллели” и новеллы из “1919”. Каково же качество его переводов? Качество очень неровное. “Манхэттен” и после ремонта остался переводом дилетантским. Основное было схвачено верно, но сколько пробелов и промахов! <...> Wagon – не вагон, а фургон! Wop – не вошь, а южанин! Wretch – не малютка, а дрянь! Welsh – не “к черту”, а валлийский язык! Corn – не солонина, а кукуруза! <...> Зато и в “42 параллели” и в “1919” Стенич неожиданно показал себя замечательным мастером. Перевод “42 параллели” – любовный, поэтический и творчески-дерзкий – является одним из больших достижений советской словесности. Стиль Дос Пассоса так самобытен, что переводчику в процессе работы пришлось, так сказать, перестроить по-новому русский язык, внести в него новый синтаксис, новые интонации, новые методы распределения слов» (Чуковский К. 1932. Дос-Пассос у нас. – Литературная газета. 1932. № 57 (226). 17 декабря. С. 3.). Спутником Дос Пассоса был Стенич (см. свидетельства бывших в Сиверской Н. К. Чуковского и М. Н. Чуковской: Чуковский, Чуковская 2015: 255, 470). В мемуарах, вышедших в США в 1966 г., Дос Пассос писал, что отвез его «на поезде в обтрепанный пригород» встреченный им в Ленинграде американец Хосли Гэнтт (см.: Дос Пассос 1994: 489). О беседе с К. И. Чуковским писатель вспоминал: «Литературную критику ему пришлось бросить из-за цензуры. Вместо этого он писал теперь детские книжки. <...> Намекнул, что сам он находится в полной безопасности, но что у них есть множество средств воздействовать на людей. Его дочь была в беде: но только выслана, не в тюрьме. Он опасался за своего молодого сына. Мучительным было даже не столько то, о чем он

говорил, а то, что осталось им не сказано» (Там же). Л. К. Чуковская была в ссылке в Саратове с декабря 1926 г. до середины сентября 1927 г. (см.: Чуковский, Чуковская 2003: 48, 77). После реабилитации Стенича К. И. Чуковский возглавил комиссию по его литературному наследию. Были переизданы некоторые из его переводов: Б. Брехта – «Трехгрошовый роман» (в 1962) и пьеса «Круглоголовые и остроголобые» (в 1963; в первом издании 1936 г. название было «Чихи и чухи»), а также рассказ Ш. Андерсона «Смерть в лесу» (в 1959). В конце мая 1982 г. германист Владимир Григорьевич Адмони, председатель бюро секции переводчиков при ленинградском Доме писателей, провел вечер, посвященный памяти Стенича. В наброске своего вступительного слова Адмони, знавший Стенича, писал: «Всегда споры. Обо всем. Особенно о Хемингуэе, Дос Пассосе, Брехте. Споры до резкости. Даже крайней. Ст<енич> с присущим ему остроумием. <...> стремительный, громкий, сверхострый. <...> Ст<енич> играл себя. Играл себя как человека необычайно резкого и цинического. И играл виртуозно. Настолько виртуозно, что почти ссорся с этой ролью. Не совсем, но почти. <...> Он был мастером по созданию стиля жизни, своего особого, заостренного, вызывающего. <...> Переводил Ст<енич> резко и крупно. Но не теряя деталей, а выдвигая и обостряя их. Переводил, естественно, не слова, но даже и не предложения, не фразы, а целые композиционно-ритмические броски, абзацы – то, что в лингвистике иногда называют: сверхфразовые единства. <...> Ввел новые черты, типичные черты прозы XX века, в русскую переводную прозу. <...> Дар Ст<енича> претворять уже данное искусство в искусство новое осуществлялся не только в художественном переводе. Назову здесь лишь одну его работу: новое либретто оперы “Пиковая дама” Чайковского для постановки, осуществленной Мейерхольдом. Но об этом спектакле будет подробно рассказано сегодня в одном из выступлений» (ОР РНБ. Ф. 1376. Ед. хр. 268. Л. 1, 2). Мемуаристом, по всей вероятности выступившим на вечере и рассказавшим о Стениче и мейерхольдовской постановке, был литературный критик Лев Ильич Левин (1911–1998). Эти воспоминания опубликованы (см.: Левин 1998: 219–227). Организуя вечер, Адмони обратился к Е. К. Лившиц, та написала Будовниц, которая ответила 19 марта 1982 г.: «О Стениче у меня есть рассказ<,> как мы познакомились, его у меня в свое время в Л<енингра>де выпросил <...> ему же я отдала два Валиных стихотворения. Есть у меня еще очень забавные стихи о 1-м съезде сов<етских> писателей за подписью Стенича и Олеси. Все это я могу вновь переписать и Вам послать, если, конечно, все это может представить интерес. Думаю, что рассказ о знакомстве сугубо личный и для вечера памятного абсолютно не годится, а стихи<,> может быть<,> и представят интерес. Прилагаю очень хорошую Валину фотографию. Есть у меня еще брошюрка – программа Пиковой Дамы, поставленной Мейерхольдом по Валиному либретто в Михайловском театре в 1935 г. Если это все заинтересует Адмони, то напишите <...>» (ОР РНБ. Ф. 1315. Ед. хр. 32. Л. 7). В письме от 2 апреля 1982 г., отвечая на просьбу Е. К. Лившиц прислать мемуары о Стениче, Будовниц писала: «Конечно<,> я могу послать Вам историю моего знакомства с Валей, но делать ее достоянием секции переводчиков мне кажется не интересным ни мне, ни переводчикам. <...> Некоторые словечки я помню, но они не “цитабельны”. <...> Стихи я прилагаю, а программу пришил бандеролью» (Там же. Л. 9–9 об.). Будовниц, уже несколько лет не выходящая на улицу и плохо видевшая, приехать из Москвы на вечер не могла. Е. К. Лившиц

*

Нет смысла гадать, от кого – Н. К. Чуковского, М. Н. Чуковской, Ц. С. Вольпе – получила Л. К. Чуковская экземпляры «Охранной грамоты» и «42-ой параллели»⁴². Важно, что обе книги вышли не позднее первой декады сентября 1931 г., задолго до того, как о них упомянула Книжная летопись⁴³.

выступила со своими воспоминаниями и прочла три стихотворения, присланные Будовниц. Два из трех стихотворений («Мы никогда не позабудем...» и «Наркомвоен отрывисто чеканит...») впервые были напечатаны в 1921 г. в московском сборнике Всероссийского союза поэтов (см.: СОПО [1921]: 24–25), третье, написанное Стеничем и Олешей, опубликовано вскоре после съезда писателей. Оно было, вероятно, прочитано с большими купюрами, так как вычеркивания в нем сделаны той же черной шариковой ручкой, которой Лившиц написала воспоминания (см.: ОР РНБ. Ф. 1315. Ед. хр. 9. Л. 6 – 7 об.). Так, зачеркнуты все упоминания Карла Радека и Н. И. Бухарина, которые выступали на съезде, а из трех строк, относящихся к Пастернаку («И сам не веря – “Как же так? / Как я попал в собрание это?” / Шаманит пылкий Пастернак...»), Лившиц вычеркнула первые две. Публикацию фрагментов из мемуаров Лившиц см.: Вахитова 1998; Вахитова 2001. Первую полную публикацию см.: Успенский [с. а.]; Успенский 2014. Последнюю републикацию см.: Лившиц 2019: 87–90. Републикацию стихотворений по печатным источникам см.: Успенский с. а.; Успенский 2014: 349–350, 352–358. Адмони написал и М. Н. Чуковской, которая ответила 16 февраля 1982 г.: «Не писала Вам потому, что еще много времени до вечера <...>. Надо с Вами будет повидаться и показать мои материалы. Боже мой, через 45 лет... привезу все, что у меня есть – немного, кроме Колиных воспоминаний. <...> Письма есть, но очень личные, вряд ли сгодятся. Но захвачу и два прекрасных снимка Стенича. <...> Звонила Любе Большинцовой – ей очень плохо, больна. Думаю, что не приедет» (ОР РНБ. Ф. 1376. Ед. хр. 882. Л. 8). Любовь Давыдовна Большинцова (1903–1983) – третья жена Стенича, переводчица (см. о ней в «Записках об Анне Ахматовой» Л. К. Чуковской; Рубинчик 2017: 186–193). 11 мая 1982 г. М. Н. Чуковская сообщала Адмони: «Буду в Л<енингра>де 18/V – билет, как говорится, уже “в кармане”. Надеюсь, что смогу с Вами связаться и поговорить обо всем. <...> Буду у Рахмановых» (ОР РНБ. Ф. 1376. Ед. хр. 882. Л. 13). По-видимому, писатель Леонид Николаевич Рахманов (1908–1988) также выступал на вечере, его воспоминания о Стениче были опубликованы в перестройку (см.: Рахманов 1988: 521–524).

⁴² Если бы книги передал ей сам Стенич, то, по всей вероятности, Л. К. Чуковская упомянула бы об этом в письме к отцу.

⁴³ Как пишет А. Г. Мец, «время выхода изданий в свет (из типографии) <...> отстоит от времени регистрации <...> для 1920-х – на три-четыре месяца» (Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама 2022: 8, прим.).

19 ноября 1931 г. в Ленинград приехал Пастернак⁴⁴ с З. Н. Нейгауз⁴⁵ и грузинскими поэтами – Тицианом Табидзе⁴⁶ и Паоло Яшвили⁴⁷. Об их неожиданном приходе вспоминала М. Н. Чуковская:

<...> мы с дочкой вернулись домой после гулянья, испуганная домработница успела только шепнуть: «У нас гости!..» – и я услышала неповторимое гудение Бориса Леонидовича, картавые голоса Паоло Яшвили и Табидзе. <...> Н. К.⁴⁸ давно знал Пастернака. Бывая в Москве, заходил к нему на Волхонку, они изредка переписывались. <...> Читали стихи, красавцы-грузины были отменно вежливыми. Борис Леонидович, возбужденный, гудел без умолку. Вечером собрались снова. Пришли Лившицы⁴⁹ (Чуковский, Чуковская 2015: 489–490).

Пастернак с Нейгауз остановились у близкого друга поэта, С. Д. Спасского⁵⁰, работавшего редактором в Издательстве писателей. По-видимому, Пастернак получил и увез в Москву авторские экземпляры «Охранной грамоты» (если из издательства их не прислали ему раньше, в ноябре).

*

Спустя ровно двенадцать лет после письма к отцу о чтении книги Пастернака, 14 сентября 1943 г., находясь в эвакуации в Ташкенте, Л. К. Чуковская записала в дневнике:

Достала «Охранную грамоту» и перечитываю с наслаждением. Какой это *он* и какой *гений*. Я люблю все, кончая первыми встречами с Маяковским. О любви написано правильное, чем где бы то ни было, кем бы то ни было (Чуковская 2015: 36).

⁴⁴ Подробнее о пребывании поэта в Ленинграде см.: Сальман 2023: 257–269.

⁴⁵ Зинаида Николаевна Пастернак (урожд. Еремеева, в первом браке Нейгауз; 1897–1966) – вторая жена Пастернака, мемуаристка.

⁴⁶ Тициан Табидзе (1895–1937, расстрелян) – грузинский поэт, Пастернак подружился с ним летом 1931 г. в Грузии, переводил его стихи.

⁴⁷ Паоло Яшвили (1895–1937, застрелен) – грузинский поэт, с которым дружил и которого также переводил Пастернак.

⁴⁸ Николай Корнеевич Чуковский.

⁴⁹ Б. К. и Е. К. Лившиц.

⁵⁰ Сергей Дмитриевич Спасский (1898–1956) – поэт, прозаик, переводчик, мемуарист. Подробнее о нем см.: Timenchik 2014: 85–134; Спасский 2016: s. p.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бахтин В. С., Лурье А. Н. 1982. Писатели Ленинграда: Биобиблиографический справочник, 1934–1981. Л.: Лениздат.
- Блок А. А. 1962. Собр. соч.: В 8-ми тт. Т. 6: Проза (1918–1921). М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы.
- Блок А. А. 1963. Собр. соч.: В 8-ми тт. Т. 7: Автобиография (1915). Дневники (1901–1921). М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы.
- Блок А. А. 1965. Записные книжки (1901–1920) / Сост., подготовка текста, предисловие и примечания Вл. Орлова. М.: Художественная литература.
- Вахитова Т. М. 1998. «Русский денди» в эпоху социализма: Валентин Стенич. – Русская литература. № 4. С. 162–185.
- Вахитова Т. М. 2001. «Русский денди» в эпоху социализма: Валентин Стенич. – Михаил Зощенко: Материалы к творческой биографии. Кн. 2 / Отв. ред. Н. А. Грознова, В. П. Муромский. СПб.: Наука. С. 169–201.
- Весь Петроград 1916. Весь Петроград на 1916 год: Адресная и справочная книга г. Петрограда / Под ред. А. П. Шашковского. [Пг.]: Издание Т-ва А. С. Суворина – „Новое время“.
- Горнунг Л. В. 2019. «Свидетель терпеливый...»: Дневники, мемуары / Подготовка текста, предисловие, комментарий Т. Ф. Нешумовой. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной.
- Дос Пассос Д. Р. 1927. Манхэттэн / Пер. с английского под ред. В. И. Сметанича; предисловие Л. Вайсенберг. Л.: Мысль.
- Дос Пассос Д. Р. 1930. Манхэттэн / Пер. с английского Валентина Стенича. Л.: Прибой.
- Дос Пассос Д. Р. 1931а. Манхэттэн: Роман / Пер. с английского Валентина Стенича. Изд. 2-е. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы.
- Дос Пассос Д. Р. 1931b. 42-ая параллель / Пер. с английского Валентина Стенича. Л.; М.: Государственное издательство художественной литературы.
- Дос Пассос Д. Р. 1994. Манхэттен. Путешествие между войнами. Неофициальные мемуары. Лучшие времена / Пер. с англ. Валентина Стенича и Екатерины Салмановой. СПб.: Terra Fantastica.
- Дьяконов И. М. 1995. Книга воспоминаний. СПб.: Европейский Дом.

- Жегин Л. Ф. 1987. Воспоминания о В. Н. Чекрыгине / Редакция, предисловие и комментарии Н. И. Харджиева. – Панорама искусств. 10. М.: Советский художник. С. 195–232.
- Кунина И. 1991. Встреча с Блоком. – Литературное обозрение. № 9. С. 92–101.
- Левин Л. И. 1998. Вряд ли Мейерхольд жалел об этом. – Звезда. № 3. С. 219–227.
- Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама 2022 / Сост. А. Г. Мец при участии С. В. Василенко, Л. М. Видгофа, Д. И. Зубарева, Е. И. Лубянниковой, П. Мицнера, Т. А. Rogozovskoy, С. И. Субботина. 4-е изд., исправленное и дополненное. СПб.: Гиперион.
- Лившиц Е. К. 2019. «Я с мертвыми не развожусь!..»: Воспоминания. Дневники. Письма / Сост., вступительная ст. П. Нерлера, примечания и указатели П. Нерлера и П. Успенского. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной.
- Литературная жизнь России 1920-х годов 2006. События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Часть 1. Москва и Петроград. 1917–1920 гг. М.: ИМЛИ РАН.
- Мандельштам Н. Я. 2014. Собр. соч.: В 2-х тт. Т. 2: «Вторая книга» и другие произведения (1967–1979) / Ред.-сост. С. В. Василенко, П. М. Нерлер, Ю. Л. Фрейдин. Вступительная ст. Ю. Л. Фрейдина. Екатеринбург: Гонзо (при участии Мандельштамовского общества).
- Мурина Е. Б., Ракитин В. И. 2005. В. Н. Чекрыгин / Вступительное слово Н. Колесниковой. М.: Издательство «РА».
- Пастернак Б. Л. 1931. Охранная грамота. [Л.]: Издательство писателей в Ленинграде.
- Пастернак Б. Л. 2005. Полн. собр. соч. с приложениями: В 11-ти тт. Т. 8: Письма 1927–1934. М.: Слово/Slovo.
- Пастернак Е. Б. 1997. Борис Пастернак: Биография. М.: Цитадель.
- Рахманов Л. Н. 1988. Чёт-нечет: Повести. Рассказы. Пьесы. Воспоминания. Листки календаря. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение.
- Рубинчик О. Е. 2017. «Милому другу Любе от ее верной Ахматовой»: А. А. Ахматова и Л. Д. Большинцова. – Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения – 2016): В 2-х чч. Ч. 2: Литературоведение. Лингвистика. Сборник научных трудов. СПб.: СПбГУПТД. С. 186–193.
- Салманова Е. М. 1993. Несколько писем из середины 30-х (Неизвестная переписка Джона Дос Пассоса, Сергея Динамова и Уолта Кармона). – Новое литературное обозрение. № 4. С. 243–255.

- Сальман М. Г. 2023. Борис Пастернак. Неизвестные письмо и телеграмма к Сергею Радлову. (Несостоявшееся сотрудничество). – Wiener Slawistisches Jahrbuch. Bd. 11. С. 257–269.
- Сергеева-Клятис А. Ю. 2015. Пастернак. М.: Молодая гвардия.
- СОПО [1921]. Первый сборник стихов. РСФСР. Четвертый год первого века. [М.: б. и.]
- Спасский С. Д. 2016. Из неизданного (письма и стихотворения) / Публикация Ирины Роскиной. – Toronto Slavic Quarterly. No. 58. <http://sites.utoronto.ca/tsq/58/Spaskij58.pdf>
- Стенич В. О. 1996. В. Стенич: Стихи «русского дэнди» / Публикация, вступительная ст. и примечания Л. Ф. Кациса. – Литературное обозрение. № 5/6. С. 65–72.
- Тименчик Р. Д. 2008. Что вдруг: Статьи о русской литературе прошлого века. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим.
- Тименчик Р. Д. 2015. Последний поэт: Анна Ахматова в 60-е годы: В 2-х тт. 2-е изд., исправленное и расширенное. Т. 2: Сноски и выноски. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим.
- Успенский П. Ф. s. a. В. О. Стенич: Биография, дендизм, тексты... – Наше наследие: Редакционный портфель. http://nasledie-rus.ru/red_port/Sten01.php; http://nasledie-rus.ru/red_port/Sten02.php; http://nasledie-rus.ru/red_port/Sten03.php; http://nasledie-rus.ru/red_port/Sten04.php
- Успенский П. Ф. 2014. Валентин Осипович Стенич – «Русский денди»: К типологии форм авангардного поведения. – Светлост са истока: Јапанска култура и ми / Ур. Корнелија Ичин, Кајоко Јамасаки. Београд: Филолошки факултет С. 310–359.
- Чуковская Л. К. 2015. «Дневник – большое подспорье...» / Сост., комментарии Е. Ц. Чуковской; вступительная ст. Ю. Карякина. М.: Время.
- Чуковский К. И. 2009. Собр. соч.: В 15-ти тт. Т. 15: Письма (1926–1969). М.: ТЕРРА – Книжный клуб.
- Чуковский К. И., Чуковская Л. К. 2003. Переписка: 1912–1969 / Вступительная ст. С. А. Лурье. Комментарии и подготовка текста Е. Ц. Чуковской, Ж. О. Хавкиной. М.: Новое литературное обозрение.
- Чуковский Н. К., Чуковская М. Н. 2015. Воспоминания Николая и Марины Чуковских / Сост., вступительная ст. Е. В. Ивановой. Подготовка текста Е. В. Ивановой, М. Д. Чуковской. Комментарии Е. В. Ивановой, А. Л. Дмитренко, П. Ф. Успенского. М.: Книжный Клуб 36,6.

- Юткевич С. И. 1982. Шумит, не умолкая, память... – Встречи с прошлым: Сборник материалов Центрального государственного архива литературы и искусства СССР. Вып. 4. М.: Советская Россия. С. 13–22.
- Timenchik, R. 2014. Сергей Спасский и Ахматова. – *Toronto Slavic Quarterly*. No 50. P. 85–134.

REFERENCES

- Bakhtin, V. S. and A. N. Lur'e. *Pisateli Leningrada: Biobibliograficheskii spravochnik, 1934–1981*. Leningrad: Lenizdat, 1982.
- Blok, A. A. *Sobranie sochinenii*. 8 vols. Vol. 6, *Proza (1918–1921)*. Moscow and Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1962.
- . *Sobranie sochinenii*. 8 vols. Vol. 7, *Avtobiografiia (1915). Dnevnik (1901–1921)*. Moscow and Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1963.
- . *Zapisnye knizhki (1901–1920)*. Prefaced, edited and annotated by Vl. Orlov. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1965.
- Chukovskaia, L. K. “*Dnevnik – bol'shoe podspore...*” Edited and annotated by E. Ts. Chukovskaia. Prefaced by Iu. Kariakin. Moscow: Vremia, 2015.
- Chukovskii, K. I. *Sobranie sochinenii*. 15 vols. Vol. 15, *Pis'ma (1926–1969)*. Moscow: TERRA–Knizhnyi klub, 2009.
- Chukovskii, K. I. and L. K. Chukovskaia. *Perepiska: 1912–1969*. Edited and annotated by E. Ts. Chukovskaia and Zh. O. Khavkina. Prefaced by S. A. Lur'e. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2003.
- Chukovskii, N. K. and M. N. Chukovskaia. *Vospominaniia Nikolaia i Mariny Chukovskikh*. Edited by E. V. Ivanova and M. D. Chukovskaia. Annotated by E. V. Ivanova, A. L. Dmitrenko, P. F. Uspenskii. Moscow: Knizhnyi Klub 36.6, 2015.
- D'iakonov, I. M. *Kniga vospominanii*. Saint Petersburg: Evropeiskii Dom, 1995.
- Dos Passos, J. R. *Manhattan*. Translated from the English with the collaboration of V. I. Smetanich. Prefaced by L. Vaisenberga. Leningrad: Mysl', 1927.
- . *Manhattan*. Translated from the English by Valentin Stenich. Leningrad: Priboi, 1930.
- . *Manhattan: Roman*. Translated from the English by Valentin Stenich. 2nd ed. Moscow and Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1931.

- . *42-aia parallel'*. Translated from the English by Valentin Stenich. Leningrad and Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1931.
- . *Manhattan. Puteshestvie mezhdu voynami. Neofitsial'nye memuary. Luchshie vremena*. Translated from the English by Valentin Stenich and Ekaterina Salmanova. Saint Petersburg: Terra Fantastica, 1994.
- Gornung, L. V. "*Svidetel' terpelivyi...*": *Dnevnik, memuary*. Prefaced, edited and annotated by T. F. Neshumova. Moscow: Izdatel'stvo AST: Redaktsiia Eleny Shubinoi, 2019.
- Iutkevich, S. I. "Shumit, ne umolkaia, pamiat'..." In *Vstrechi s proshlym: Sbornik materialov Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva literatury i iskusstva SSSR*. Vol. 4, 13–22. Moscow: Sovetskaia Rossiia, 1982.
- Kunina, I. "Vstrecha s Blokom." *Literaturnoe obozrenie* 9 (1991): 92–101.
- Letopis' zhizni i tvorchestva O. E. Mandel'shtama*. Edited by A. G. Mets et al. 4th rev. and exp. ed. Saint Petersburg: Hyperion, 2022.
- Levin, L. I. "Vriad li Meierkhol'd zhalel ob etom." *Zvezda* 3 (1998): 219–27.
- Literaturnaia zhizn' Rossii 1920-kh godov: Sobytiia. Otzyvy sovremennikov. Bibliografiia*. Vol. 1. Pt. 1, *Moskva i Petrograd. 1917–1920 gg*. Moscow: IMLI RAN, 2006.
- Livshits, E. K. "*Ia s mertvymi ne razvozhus'!*": *Vospominaniia. Dnevnik. Pis'ma*. Edited and prefaced by P. Nerler. Annotated by P. Nerler and P. Uspenskii. Moscow: AST: Redaktsiia Eleny Shubinoi, 2019.
- Mandel'shtam, N. Ia. *Sobranie sochinenii*. 2 vols. Vol. 2, "*Vtoraia kniga' i drugie proizvedeniia (1967–1979)*". Edited by S. V. Vasilenko, P. M. Nerler and Iu. L. Freidin. Prefaced by Iu. L. Freidin. Ekaterinburg: Gonzo (pri uchastii Mandel'shtamovskogo obshchestva), 2014.
- Murina, E. B and V. I. Rakitin. V. N. *Chekrygin*. Prefaced by N. Kolesnikova. Moscow: Izdatel'stvo "RA," 2005.
- Pasternak, B. L. *Okhrannaia gramota*. [Leningrad]: Izdatel'stvo pisatelei v Leningrade, 1931.
- . *Polnoe sobranie sochinenii s prilozheniiami*. 11 vols. Vol. 8, *Pis'ma 1927–1934*. Moscow: Slovo/Slovo, 2005.
- Pasternak, E. B. *Boris Pasternak: Biografiia*. Moscow: Tsitadel', 1997.
- Rakhmanov, L. N. *Chet-nechet: Povesti. Rasskazy. P'esy. Vospominaniia. Listki kalendaria*. Leningrad: Sovetskii pisatel'. Leningradskoe otdelenie, 1988.
- Rubinchik, O. E. "Milomu drugu Liube ot ee vernoii Akhmatovoi": A. A. Akhmatova i L. D. Bol'shintsova." In *Pechat' i slovo Sankt-Peterburga (Peter-*

- burgskie chteniia – 2016). 2 vols. Vol. 2, *Literaturovedenie. Lingvistika. Sbornik nauchnykh trudov*, 186–93. Saint Petersburg: SPbGUPTD, 2017.
- Salmanova, E. M. “Neskol’ko pisem iz serediny 30-kh (Neizvestnaia perepiska John’a Dos Passos’a, Sergeia Dinamova i Wolt’a Carmon’a).” *Novoe literaturnoe obozrenie* 4 (1993): 243–55.
- Sal’man, M. G. “Boris Pasternak. Neizvestnye pis’mo i telegramma k Sergei Radlovu. (Nesostoiavsheesia sotrudnichestvo).” *Wiener Slawistisches Jahrbuch* 11 (2023): 257–69.
- Sergeeva-Kliatis, A. Iu. *Pasternak*. Moscow: Molodaia gvardiia, 2015.
- SOPo: *Pervyi sbornik stikhov. RSFSR. Chetvertyi god pervogo veka*. [Moscow: n. p., 1921]
- Spasskii, S. D. “Iz neizdannogo (pis’ma i stikhotvoreniia).” Published by Irina Roskina. *Toronto Slavic Quarterly* 58 (2016): <http://sites.utoronto.ca/tsq/58/Spasskij58.pdf>
- Stenich, V. “O. V. Stenich: Stikhi ‘russkogo dendi’.” Published, prefaced and annotated by L. F. Katsis. *Literaturnoe obozrenie* 5–6 (1996): 65–72.
- Timenchik, R. D. *Chto vdruk: Stat’i o russkoi literature proshlogo veka*. Moscow and Jerusalem: Mosty kul’tury; Gesharim, 2008.
- . “Sergei Spasskii i Akhmatova.” *Toronto Slavic Quarterly* 50 (2014): 85–134.
- . *Poslednii poet: Anna Akhmatova v 60-e gody*. 2 vols. 2nd rev. and exp. ed. Vol. 2, *Snoski i vynoski*. Moscow: Mosty kul’tury; Jerusalem: Gesharim, 2015.
- Uspenskii, P. F. “V. O. Stenich: Biografiia, dendizm, teksty...” *Nashe nasledie: Redaktsionnyi portfel’* (n. d.): http://nasledie-rus.ru/red_port/Sten01.php; http://nasledie-rus.ru/red_port/Sten02.php; http://nasledie-rus.ru/red_port/Sten03.php; http://nasledie-rus.ru/red_port/Sten04.php
- . “Valentin Osipovich Stenich – ‘Russkii dendi’: K tipologii form avangardnogo povedeniia.” In *Svetlost sa istoka: Japanska kultura i mi*. Edited by Kornelija Ićin and Kayoko Yamasaki, 310–59. Belgrade: Filološki fakultet, 2014.
- Vakhitova, T. M. “Russkii dendi’ v epokhu sotsializma: Valentin Stenich.” *Russkaia literatura* 4 (1998): 162–85.
- . “Russkii dendi’ v epokhu sotsializma: Valentin Stenich.” In *Mikhail Zoshchenko: Materialy k tvorcheskoi biografii*. Vol. 2. Edited by N. A. Groznova and V. P. Muromskii, 169–201. Saint Petersburg: Nauka, 2001.

Ves' Petrograd na 1916 god: Adresnaia i spravochnaia kniga g. Petrograda.
[Petrograd]: Izdanie T-va A. S. Suvorina—"Novoe vremia," 1916.

Zhegin, L. F. "Vospominaniia o V. N. Chekrygine." Prefaced, edited and annotated by N. I. Khardzhiev. In *Panorama iskusstv*. Vol. 10, 195–232. Moscow: Sovetskii khudozhnik, 1987.

В СТОРОНУ ТУЛЫ: ЗАМЕТКИ И ДОПОЛНЕНИЯ К НОВОМУ ИЗДАНИЮ РОМАНА АНДРЕЯ НИКОЛЕВА

В. В. Зельченко

(Ереван)

Летом прошлого года в издательстве журнала «Носорог» увидело свет комментированное переиздание романа Андрея Николева (А. Н. Егунова) «По ту сторону Тулы» (Л., 1931), подготовленное Александром Агаповым, Дмитрием Бреслером и Кристиной Константиновой (см.: Николев 2022)¹. Хотя единственный сохранившийся текст Егунова-прозаика уже дважды был републикован, единожды – снабжен примечаниями², а вокруг него успела скопиться довольно обширная исследовательская литература, именно труд трех новейших комментаторов, как представляется, обречен отныне стать отправной точкой для любой последующей интерпретации «Тулы». Рецензировать это издание в нашу задачу не входит, однако несправедливо было бы не сказать, что оно являет собой образец тонкого и выверенного комментаторского искусства: десятки счастливых находок и толкований впервые демонстрируют с должной детализацией и стереоскопичностью, как сделан шедевр Егунова-Николева. Чтобы убедиться в этом, достаточно, к примеру, сравнить кропотливое отождествление «музыкального слоя» романа (а едва ли не все персонажи «Тулы» много и охотно поют, от оперных арий до шлягеров эпохи нэпа и частушек) с предыдущей аналогичной попыткой (см.: Васильева 2016: 52–59), которую Агапов, Бреслер и Константинова оставляют далеко позади по точности и полноте.

¹ В дальнейшем при ссылках на это издание указывается только номер страницы.

² Мы имеем в виду (по необходимости краткие) сноски Энсли Морс к ее английскому переводу романа (см.: Egunov-Nikolev 2019).

К этой превосходной работе можно сделать лишь три сколько-нибудь общих возражения, да и то рискуя уподобиться неблагодарному пайщику из стихов Олейникова. Во-первых, авторы комментария, последовательно (и вполне резонно) уклоняясь от педантичных разъяснений общеизвестного, подчас устанавливают границы этой общеизвестности на глаз: скажем, гоголевское «штандарт скачет» (с. 72) откомментировано, а столь же хрестоматийные «Он умер, Боже!» из «Скупого рыцаря» (с. 18) или «отметки острые ногтей» из «Евгения Онегина» (с. 60) – нет. То же касается и примет эпохи: если упоминание продовольственных карточек или заборных книжек вызывает к жизни обстоятельные и поучительные примечания (с. 191, 227), то «аппарат Юза», на котором работала Леокадия в Минске (с. 89), или термин «переходный период» (с. 58), муссировавшийся газетами после речи Сталина на XVI съезде ВКП(б) 2 июля 1930 г., не сопровождаются какими-либо пояснениями. Во-вторых, когда авторам не удастся найти ответ на очередную егуновскую загадку, они не предупреждают об этом читателя, а просто оставляют место без комментария; между тем мы знаем немало случаев, когда своевременно поставленное *эпрбуирт* побуждало следующих толкователей (а работы в «Туле» хватит на несколько их поколений) к поискам и в конечном итоге способствовало разрешению вопроса. Наконец, никак не прояснена фигура Елены Троянской – хотя понимание того, что сюжетная коллизия «герой похищает и переносит в свою эпоху Елену» восходит ко второй части «Фауста» (текста, многократно и разнообразно обыгрываемого в романе)³, уже было достигнуто

³ При этом на с. 106 – в том разговоре Федора и Лямер, который имеет в структуре «Тулы» совершенно особый статус (см. ниже наши замечания к этому месту), – Сергей, привезший Елену в Мирандино, будет прямо отождествлен с Фаустом: «Имей все-таки в виду, что Сергей – это какая-то помесь Маргариты с *этим*, как *его*?». То, что «этот, как *его*» – именно Фауст, а не, скажем, Мефистофель или Вагнер, ясно из сопоставления этой фразы с репликой бабушки: «– Хорошо читает твой приятель. Маргариту до слез жалко, а *этот*, как *его*, такой нехороший» (32). Согласно важному замечанию Л. И. Шевченко, имя гетевского героя – и, соответственно, название трагедии – в романе табуировано, персонажи нарочито избегают его произносить (Шевченко 2022: 105–106); помимо приведенных мест ср. также: «И если Вы будете настолько любезны,

предшествующими исследователями (см.: Фоминых 2005: 223–225; Пинегина 2009: 86; Васильева 2022: 224).

В настоящей статье предлагается ряд дополнений к комментарию А. А. Агапова, Д. М. Бреслера и К. Е. Константиновой. Нам показалось более удобным двигаться подряд по тексту романа, нежели каким-либо образом сортировать материал. Перед тем как пуститься в подробности, сделаем еще одну оговорку. Поскольку и в обсуждаемом издании, и в сопровождавших его выход онлайн-лекциях и интервью составители много (и справедливо) говорили о постмодернистской игре цитатами, коллажной и центонной технике, бриколаже и т. д., да и следующие ниже заметки тоже по большей части посвящены егуновской *arte allusiva*, нам хотелось бы подчеркнуть, что, несмотря на все перечисленное, «По ту сторону Тулы» – это в конечном счете история человека, который приезжает к возлюбленному и по ходу романа понимает, что не нужен ему и никому вообще; понимает, что его, в сущности, нет.

С. 21 (говорит Леокадия, кокетничая с только что представленным ей Сергеем): «О, так мое имя уже дошло до вас? Ах вы шалун! Мы только знакомы, как странно...» – Последняя фраза (в контексте реплики бессмысленная) представляет собой строку из романса «Спокойно и просто мы встретились с вами...» (1924; слова Л. М. Пеньковского, музыка Б. А. Прозоровского), которую Леокадия, надо полагать, не произносит, а пропевает.

С. 23: «Сравнивая с Петергофом, Сергей находил, что средняя Россия, по которой он сейчас гулял, страна гораздо более южная. Можно было без опаски прилечь на несъемую землю». – Аллюзия на слова, сказанные Гете Эккерману 20 марта 1831 г. по поводу пасторальных пейзажей в «Дафнисе и Хлое» Лонга; впоследствии Егунов

что захватите *ту книгу* – помните, – то Вы будете очаровательны, как всегда» (72); «– Какие книги вы привезли с собой? – Только три. <...> Другую вы знаете, третья – русский перевод» (32); и т. п. Единственный раз слово *Фауст* проникает в роман контрабандой (разумеется, рассчитанной): «По-немецки же кулак называется “Фауст”, “ди Фауст” – удивительно, что это слово женского рода» (70).

процитирует их во вступительной статье к переводу «Эфиопики» Гелиодора: «А ландшафт! <...> Нет следа пасмурных дней, тумана, облаков и сырости; всегда голубое чистое небо, приятный воздух и постоянно сухая почва, где можно лечь без одежды» (Гелиодор 1932: 17). Разговоры Гете с Эккерманом используются в «Туле» как минимум еще раз, три абзаца спустя (см. с. 24 и комм. на с. 200).

С. 24 (инвектива мирандинского попа против современной моды): «Юбки по колено, ноги, как полено!». – Ильф и Петров в фельетоне 1931 г. «Так принято», ратуящем за обновление циркового репертуара, приводят эти строки как пример избитого комического куплета: «Отдав долю современности и послужив кое-как отечеству, сатирики громко и радостно запевают, аккомпанируя себе на бычьих пузырях: *Первый сатирик*: Были ноги, как полено, / Стали юбки до колена... *Второй сатирик*: Теперь другой фасон взяли – / Носят юбки до земли”. Из-за этого куплета у певцов-сатириков были большие стычки с общественностью. Общественность требовала уничтожения этих строк ввиду отсутствия в них идейной направленности. Но сатирики стали на колени и со слезами заявили, что без куплетов о коварности наших дам они не берутся рассмешить зрителя и ни за что не выйдут на арену» (Ильф, Петров 1933: 67).

С. 25: «Дурак, кто женится. Умница, которая замуж выходит» (слова деревенской старухи «из бывших» по прозвищу Исчадие) – перевернутая апофтегма, зафиксированная у Даля в «Пословицах русского народа» (раздел «Женитьба») и в Словаре (s. v. *жнитво*): «Умный женится, а дура замуж идет (если свадьба перед жнитвом)».

С. 39: В разговоре с Федором Сергей импровизирует новеллу о пенсильванском астрономе, который, наскучив службой, привинчивает к телескопу фотоаппарат, а сам отправляется в кино: «Наутро пришел в павильон, отвинтил кассетку, стал покупать пластинку в ванночке, можно вдосталь мечтать о том, что на ней сейчас появится пушистый локон Глории Свансен...»

– Хотя на популярном фотопортрете 1930 г. американская кинодива Глория Свенсон действительно изображена в профиль с выпростанным из-под шапочки пышным локоном⁴, можно заметить, что астроном, который неожиданно обнаруживает на звездном небе прядь красавицы, – это античный сюжет. Береника, жена эллинистического царя Птолемея III Эвергета, посвятила на алтарь Афродиты локон, который загадочным образом исчез наутро; после этого александрийский астроном Конон объявил, что увидел локон Береники на небе, и назвал его именем безымянное скопление звезд между созвездиями Льва и Девы. Каллимах написал об этом событии знаменитую элегию от имени самого локона, вздыхающего о разлуке с хозяйкой; публикация ее папирусного фрагмента стала антиковедческой сенсацией 1929 г., а до того она была известна в латинском переводе Катулла (carm. 66). Кроме того, к подробному описанию обсерватории в этом пассаже можно привлечь свидетельство, записанное С. А. Кибальником и цитируемое в биографической статье К. Е. Константиновой и Д. М. Бреслера (с. 137): «А. И. Вагинова вспоминала, что однажды Вагинов и Егунов ездили в Пулково “и почему-то один <...> вечер и всю ночь провели в Пулковской обсерватории”». Г. А. Морев в этой связи напомнил нам (per litteras), что персонаж «Козлиной песни» Вагинова, прототипом которого является Егунов, носит фамилию Локонов.

С. 39: *«Знаете, говорят, будто Марья Федоровна себе эмаль пустила под кожу и вечной куклой <...> появлялась на придворных приемах. Не хватало только золотого багета с выкрутасами, чтобы она была точь-в-точь похожа на свою олеографию, висящую в присутственном месте или в участке»*. – В комментарии багет предположительно отождествляется с тиарой, в которой «Мария Федоровна обычно изображалась на парадных портретах» (209); в переводе Энсли Морс стоит “a golden bracelet” (Egunov-Nikolev 2019: 46). По нашему мнению, слово употреблено здесь в своем

⁴ См.: <https://fineartamerica.com/featured/gloria-swanson-1930-everett.html>

прямом значении и имеет в виду раму, в которую заключена олеография. Любопытно также отметить своеобразное пристрастие Егунова и его круга 1920-х гг. к анекдотам о вдовствующей императрице. А. И. Доватур вспоминает два таких: один прямо сочинен Егуновым, а другой восходит к его приятелю историку Н. И. Дмитриеву (см.: Доватур 2014: 187–188). Ср. также эвфемистическое присловье, занесенное в записную книжку Вагинова (1932) среди других подслушанных «в народе» выражений: «на легком катере к его императорской матери» (Вагинов 2023: 47).

С. 55: *«Голубка моя, умчимся в края, где все, как и ты, совершенство...»* Давайте, сударыня, улетим, – обратился кооператор к бабушке». – Комментарий (с. 220) не вполне точен: романс «Голубка моя...» написан на стихи не Мережковского, а Бодлера («L'Invitation au voyage») в переводе Мережковского (в примечаниях Энсли Морс верно: "...a Baudelaire-inspired poem by the Symbolist poet Dmitri Merezhkovsky." – Egunov-Nikolev 2019: 69). Эта мельчайшая деталь не заслуживала бы поправки, если бы на следующих страницах «Тулы» в small talk обитателей Мирандина не была вплетена еще одна цитата из Бодлера (с. 67, где Сергей декламирует «Кошек»); возможно, бодлеровский подтекст способен послужить ключом к загадочным «жестоким» местам романа, которые демонстративно нарушают его пасторальную ауру (котенок с раздавленными лапками, собака, отъевшая ногу у новорожденного жеребенка, и т. п.). В 1929 г. в московском издательстве «Федерация» вышли мемуары Вл. Пяста с характерным рассказом о Мережковском и этих стихах: «Он вспомнил старые свои переводы из Бодлэра. Прошло двадцать пять лет с тех пор, как он начал, "пятнадцатилетним мальчишкой", печататься. И вот иногда, к великой его скорби, ему теперь на дворах приходится слышать шарманку, под аккомпанемент которой чей-нибудь детонирующий голос громко выпевает: "Голубка моя, / Умчимся в края, / Где все, как и ты, совершенство, / И будем мы там / Делить пополам / И мир, и любовь, и блаженство..." Когда Мережковский услышал это пение в первый раз, ему стоило некоторого труда припомнить автора этих банальнейших из

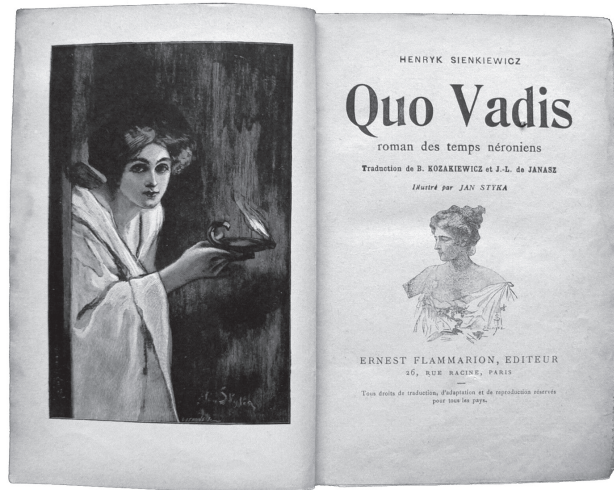
банальных строк. К его ужасу, автором оказался он сам. Так он перевел когда-то Бодлэра “Приглашение в путь” (Пяст 1997: 77).

С. 58–59: *«Все стукнулись о низкую притолоку и потирали лбы, когда Леокадия явилась в сени с керосиновой лампой в обнаженной приподнятой руке. Она застыла на пороге, демонстрируя свое батистовое платье. Секунда, что она стояла так, напоминала цветную открытку, иллюстрирующую “Кво вадис”, – “Лигия на пороге дома Виниция”, Парижский салон, 1899 год»*. – Речь идет об одной из 178 иллюстраций Яна Стыки (Styka, 1858–1925), которые были выполнены по заказу издательства «Фламмарион» для французского перевода романа Сенкевича (1901–1904) и с тех пор неоднократно перепечатывались; «Лигия со светильником» помещена на фронтисписе этого издания. Отсылка к Парижскому салону 1899 г., таким образом, иррелевантна, однако цикл иллюстраций Стыки к „Quo vadis?” экспонировался в Париже в феврале 1912 г., в Salle des Beaux-Arts на рю де ла Бозти; к этой выставке издательство «Лапина» выпустило альбом (см.: Boyer d’Agen 1912), папку с репродукциями и набор открыток⁵. Таким образом, это сравнение акцентирует не столько «римскость», сколько «польскость» Леокадии, настойчиво подчеркиваемую в романе (полонизмы в ее речи и систематически воспроизводятся, и служат предметом обсуждения главных героев)⁶: поляками были не только автор „Quo vadis?” и его иллюстратор, но и сама Лигия – Сенкевич сделал ее представительницей вымышленного племени, в чьей отдаленной родине легко угадывается Польша. Возникшая у Сергея ассоциация Леокадии с „Quo vadis?” сработает еще раз, когда в воображаемой им сцене пожара Леокадия, неотрывно глядя на горящие снопы, будет говорить попу: «Вам не кажется, батюшка, что в старину я, конечно, была б Нероном? Как вы насчет Рима, батюшка?» (с. 97). Наконец,

⁵ Об истории сотрудничества Сенкевича, Стыки и обоих названных издательств см.: Kosko 1935: 42–45; 222–225.

⁶ Большинство из них аккуратно отмечены комментаторами; в собранную ими коллекцию можно добавить *бибелоки* (с. 61), т. е. французское *bibelots* в польской оболочке.

Илл. 1

отметим комизм сочиненного Егуновым названия «Лигия на пороге дома Виниция», поскольку в романе Сенкевича Лигия на этом пороге так и не появляется: в одной из самых драматичных сцен „Quo vadis?” влюбленный Виниций напряженно ждет, когда к нему домой приведут прекрасную рабыню, однако ей удастся бежать по пути, а в дальнейшем встречи героев происходят в совсем иных декорациях (амфитеатр, темница и др.).

С. 66: «Тут случился момент, несомненно центральный в Сергеевой жизни: он увидел на хозяйской постели мещанистое одеяло, сшитое из лоскутков...» и т. д. – На детальное описание лоскутного одеяла обратил наше внимание Г. А. Морев, назвав его (per litteras) ключевым образом романа и подчеркнув его автометаописательный характер (см. также статью Д. М. Бреслера в обсуждаемом изд., с. 163). Нам остается добавить, что и по-гречески, и по-латыни ‘лоскутное одеяло’ – это первое значение слова *центон*, о чем филолог-классик Егунов, конечно, был осведомлен.

С. 77: «На прощанье Сысоич еще рассказал о теплых краях, будто охотник там все по деревьям лазал, а вместо ульев там дупла и все пчелы в диком состоянии. Лазал, лазал охотник, обвалился

в дупло и утонул в меду». – По-видимому, Сысоич переносит в «теплые края» сюжет, который в исходной версии (завершившейся хеппи-эндом) относился как раз к Московии. Ср. историю, записанную в 1525 г. в Италии Павлом Иовием (Giovio) со слов Дмитрия Герасимова и имеющую статус первой зафиксированной русской сказки: «Посол Димитрий, отличающийся веселым и остроумным характером, рассказывал при громком смехе всех присутствующих, что в недавнее время один поселянин, живший по соседству с ним, прыгнул сверху для отыскания меда в очень большое дуплистое дерево, и глубокая медовая пучина засосала его по грудь; два дня он питался одним только медом, так как голос мольбы о помощи не мог в этих уединенных лесах достигнуть до ушей путников. Напоследок же, когда он уже отчаялся в спасении, он по удивительной случайности был извлечен и выбрался оттуда благодеянием огромной медведицы, так как этот зверь случайно, подобно человеку, спустился туда поесть меду. Именно поселянин схватился руками сзади за крестец медведицы, та перепугалась от этой неожиданности, а он заставил ее выпрыгнуть как тем, что потянул ее, так и тем, что громко закричал» (Герберштейн, Иовий 1908: 266–267; пер. с лат. университетского учителя Егунова А. И. Малеина).

С. 90: *«Моя сестра Сонечка такая талантливая, знаете, консерваторка, и, представьте, утром, как вскочит с постели, не моется, не чешется, а сразу же: Рах-цим-цим, рах-цим-цим, цим-ля-ля!»* – Как и подобает землячке Толстого, мирандинская попадья разговаривает цитатами из «Плодов просвещения» (д. 2, явл. 5; реплика кухарки, обсуждающей господ: «Барышня, так та, бывало, как глаза продерет, так тотчас к фортепьянам, и валяй!»).

С. 102 (письмо Фильдекоса Федору): *«Перестаньте же, наконец, рыдать, проклятые струны!»* – Фильдекос, любитель напыщенных песен о роковых страстях, воспроизводит рефрен «Молчите, проклятые струны!» из баллады Майкова «Менестрель» (1869); положенная на музыку А. С. Аренским, она была коронным номером

Шаляпина⁷. Это помогает понять, что чуть ниже («Я не мог отказаться и начал декламировать “Женщина”») имеется в виду стихотворение Гейне „Ein Weib“, столь же затасканно-мелодраматическое⁸. Вероятнее всего, Фильдекос читает его в переводе того же Майкова («Ее в грязи он подобрал...»), опять-таки ставшем популярной песней из репертуара Шаляпина («Она хохотала»; музыка Г. А. Липшица)⁹; впрочем, возможен также перевод М. Л. Михайлова («Любовь их была глубока и сильна...»), который, в отличие от майковского, но в соответствии с оригиналом, называется «Женщина».

С. 106: *«Так как Сергей ничего не помнил наизусть, то ему пришлось пойти в сенной сарай, где лежал весь его скарб. Пользуясь отсутствием Сергея, Лямер обратилась к Федору...»* и т. д. – В обсуждаемом издании все соображения нарратологического свойства вынесены из комментария в отдельную статью Д. М. Бреслера «Введение в “Тулу”»: Медленное чтение романа Андрея Николева» (с. 159–169). К наблюдениям, высказанным в ней, мы хотели бы добавить еще одно. Способ повествования в «Туле» относится к тому вполне традиционному для европейского романа типу, который в терминологии Ж. Женетта именуется «внутренней фокализацией» (Женетт 1998: 206 слл.): хотя рассказ ведется от третьего лица, инструментом, через который читатель смотрит на происходящее в Мирандине, является сознание одного из героев – Сергея; мы видим, слышим и знаем только то, что видит, слышит и знает он, и «подключены» только к его мыслям и реакциям. Однако единожды, на с. 106, этот принцип замечательным образом на мгновение нарушается (*паралепсис* по Женетту; Там же: 212–213): когда Сергей

⁷ Ср. также эпиграф к стихотворению Блока «Друзьям» (1908) и рассказ Аверченко «Двойник» (1911): «Но когда разбил нечаянно бутылкой трюмо, то разочаровался в жонглировании и обрушился с присущим ему в пьяном виде мрачным юмором на рояль: бил по клавишам кулаком, крича в то же время: – Молчите, проклятые струны!».

⁸ В примечаниях Энсли Морс «Женщина» идентифицируется как стихотворение Брюсова (см.: Egunov-Nikolev 2019: 139); новейший комментарий в этом месте гипотез не предлагает.

⁹ Так, героиня цветаевской «Повести о Сонечке» цитирует эти стихи, говоря, что прочла их когда-то в «Чтеце-декламаторе» (см.: Цветаева 1994: 371).

отлучается в сарай, чтобы отыскать рукопись своих стихов, читатель уже готов привычно двинуться за ним, но вместо этого внезапно становится свидетелем разговора Федора и Лямер – которые, воспользовавшись кратким отсутствием Сергея, принимаются обсуждать его.

С. 119 (Сергей размышляет об одежде героев Достоевского): *«У Кириллова, когда он говорит о боге, приятно видеть широкие серые, во вкусе семидесятых годов, панталоны; представлять Ивана Карамазова в пиджачке, реверы которого окантованы тесьмой; роскошную infernalnicu – в пышной юбке, с фру-фру из ваты, подложенной где надо»*. – Последние слова – аллюзия на место из «Подростка» (ч. 1, гл. 2, III): «Они сзади себе открыто фру-фру подкладывают, чтоб показать, что бельфам». Согласно комментарию А. В. Архиповой в академическом собрании Достоевского (см.: Достоевский 1976: 364; Кирсанова 1989: 257–260), обозначение подкладной подушечки-турнюра словом *фру-фру* уникально и кроме этого места «Подростка» нигде больше не встречается (нормальным образом так называют не сам турнюр, а пришитую к нему оборку из шуршащего шелка) – стало быть, взять его «из жизни» Егунов не мог, это цитата.

С. 120: *«Сергей глядел на длинные тени переступающих своих ног. Получалась темная сетка из продольных колея дороги и поперечных этих теней. Чертеж разграфляли сами идущие: смутные поля при приближении Лямер и Сергея покрывались мимолетными клетками. – Человек – всегда математик, – вздохнула Лямер»*. – Глядя на то, как человеческие тени делят пейзаж на правильные геометрические фигуры, Лямер переиначивает знаменитое изречение Платона «бог – всегда математик» (дословно «бог всегда занимается математикой», ἀεὶ ὁ θεὸς γεωμετρεῖ). «Ни в одной из книг Платона в такой форме это не сказано, – сообщает Плутарх, сохранивший для нас этот афоризм, – но заслуживает доверия и вполне соответствует характеру Платоновой философии» («Застольные беседы», 718с; пер. Я. М. Боровского цит. по: Плутарх 1990: 138).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вагинов К. 2023. «Семечки»: Записная книжка Константина Вагинова (комментированное издание) / Ред.-сост. Д. М. Бреслер, М. Л. Лурье. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Васильева Г. М. 2016. «Фауст» в этномузыкальном контексте: «По ту сторону Тулы» А. Николева. – Вестник музыкальной науки. № 1 (11). С. 52–59.
- Васильева Г. М. 2022. «Фауст» И. В. Гете в русском и европейском литературном сознании: Дисс. <...> докт. фил. наук. Новосибирск.
- Гелиодор 1932. Эфиопика / Вступительная ст., ред. перевода и примечания А. Н. Егунова. М.; Л.: Academia.
- Герберштейн С. 1908. Записки о московитских делах; Иовий Новокомский П. Книга о московитском посольстве / Введение, пер. и примечания А. И. Малеина. СПб.: А. С. Суворин.
- Доватур А. И. 2014. Устные воспоминания / Подготовка текста и примечания Л. Л. Ермаковой. – Древний мир и мы. Вып. 5. СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana; Дмитрий Буланин. С. 177–224.
- Достоевский Ф. М. 1976. Полн. собр. соч.: В 30-ти тт. Т. 17: Подросток: Рукописные редакции. Наброски 1874–1879. Л.: Издательство «Наука». Ленинградское отделение.
- Женетт Ж. 1998. Фигуры: В 2-х тт. / Пер. с франц. под общей ред. и со вступительной ст. С. М. Зенкина. Т. 2. М.: Издательство имени Сабашниковых.
- Ильф И., Петров Е. 1933. ...Как создавался Робинзон. [М.]: Молодая гвардия.
- Кирсанова Р. М. 1989. Розовая ксандрейка и драдедамовый платок: Костюм – вещь и образ в русской литературе XIX в. М.: Книга.
- Николев А. 2022. По ту сторону Тулы: Советская пастораль / Ст. Д. М. Бреслера и К. Е. Константиновой. Комментарий А. А. Агапова, Д. М. Бреслера, К. Е. Константиновой. М.: Носорог.
- Пинегина Е. Л. 2009. Историко-литературные контексты творчества А. Н. Егунова: Дисс. <...> канд. филол. наук. Пермь.
- Плутарх. 1990. Застольные беседы / Изд. подготовили Я. М. Боровский и др. Л.: «Наука». Ленинградское отделение.
- Пяст Вл. 1997. Встречи / Сост., вступительная ст., научная подготовка текста и комментарий Р. Д. Тименчика. М.: Новое литературное обозрение.

- Фоминых Т. Н. 2005. Пасторальная топика в романе А. Николева «По ту сторону Тулы». – Пастораль как текст культуры: Теория, топики, синтез искусств: Сборник научных трудов. М.: МГОПУ. С. 210–232.
- Цветаева М. И. 1994. Собр. соч.: В 7-ми тт. Т. 4: Воспоминания о современниках. Дневниковая проза / Сост., подготовка текста и комментарии А. Саакянц, Л. Мнухина. М.: Эллис Лак.
- Шевченко Л. И. 2022. О романе Андрея Николева (А. Н. Егунова) «По ту сторону Тулы». – Новый Гермес. Т. 14. Ч. 1. С. 85–111.
- Boyer d'Agen, A. J. 1912. L'écrivain et le peintre de « Quo vadis » : Henryk Sienkiewicz et Jan Styka. Paris: I. Lapina & compagnie.
- Egunov-Nikolev, Andrei 2019. Beyond Tula: A Soviet Pastoral / Translated by Ainsley Morse. Boston: Academic Studies Press.
- Kosko, M. 1935. La fortune de « Quo vadis? » de Sienkiewicz en France : Thèse. Paris: L. Rodstein (repr. – Genève: Slatkin, 1976).

REFERENCES

- Boyer d'Agen, A. J. *L'écrivain et le peintre de "Quo vadis": Henryk Sienkiewicz et Jan Styka*. Paris: I. Lapina, 1912.
- Dostoevskiy, F. M. *Polnoe sobranie sochinenii*. 30 vols. Vol. 17, *Podrostok. Rukopisnye redaktsii. Nabroski 1874–1879*. Leningrad: "Nauka." Leningradskoe otdelenie, 1976.
- Dovatur, A. I. "Ustnye vospominaniia." Published and annotated by L. L. Ermakova. In *Drevnii mir i my*. Vol. 5, 177–224. Saint Petersburg: Bibliotheca classica Petropolitana; Dmitrii Bulanin, 2014.
- Egunov-Nikolev, Andrei. *Beyond Tula: A Soviet Pastoral*. Translated by Ainsley Morse. Boston: Academic Studies Press, 2019.
- Fominykh, T. N. "Pastoral'naia topika v romane A. Nikoleva 'Po tu storonu Tuly'." In *Pastoral' kak tip kul'tury: Teoriia, topika, sintez iskusstv*, 210–32. Moscow: Izdatel'stvo MGOPU, 2005.
- Genette, G. *Figury*. Edited and prefaced by S. M. Zenkin. 2 vols. Vol. 2. Moscow: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh, 1998.
- Heliodorus. *Aethiopica*. Prefaced, revised and annotated by A. N. Egunov. Moscow; Leningrad: Academia, 1932.
- Herberstein, S. *Zapiski o moskovitskikh delakh*; P. Iovius Novocomensis. *Kniga o moskovitskom posol'stve*. Prefaced, translated and annotated by A. I. Malein. Saint-Petersburg: A. S. Suvorin, 1908.

- Ил'ф, И. and E. Petrov. ...*Kak sozdavalsia Robinzon*. [Moscow:] Molodaia gvardiia, 1933.
- Kosko, M. *La fortune de "Quo vadis?" de Sienkiewicz en France*. Thèse. Paris: L. Rodstein, 1935. Reprint, Genève: Slatkin, 1976.
- Nikolev, A. *Po tu storonu Tuly: Sovetskaia pastoral'*. Introduced by D. M. Bresler and K. E. Konstantinova. Annotated by A. A. Agapov, D. M. Bresler and K. E. Konstantinova. Moscow: Nosorog, 2022.
- Piast, Vl. *Vstrechi*. Text established, prefaced and annotated by R. D. Timenchik. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1997.
- Pinegina, E. L. "Istoriko-literaturnye konteksty tvorchestva A. N. Egunova." PhD Diss. Perm State Pedagogical University, 2009.
- Plutarch. *Zastol'nye besedy*. Edited by Ia. M. Borovskii et al. Leningrad: "Nauka." Leningradskoe otdelenie, 1990.
- Shevchenko, L. I. "O romane Andreia Nikoleva (A. N. Egunova) 'Po tu storonu Tuly'". In *Novyi Germes* 14, no 1 (2022): 85–111.
- Tsvetaeva, M. I. *Sobranie sochinenii*. 7 vols. Vol. 4. Edited and annotated by A. Saakians and L. Mnukhin. Moscow: Ellis Lak, 1994.
- Vaginov, K. "Semechki": *Zapisnaja knizhka Konstantina Vaginova*. Edited by D. M. Bresler and M. L. Lurje. Saint Petersburg: Evropeiskii universitet, 2023.
- Vasil'eva, G. M. "'Faust' v etnomuzykal'nom kontekste: 'Po tu storonu Tuly' A. Nikoleva." In *Vestnik muzykal'noi nauki* 1/11 (2016): 52–59.
- . "'Faust' J. W. Goethe v russkom i evropeiskom literaturnom soznanii." Diss. Dr. habilit. Novosibirsk State University of Economics and Management, 2022.

ОБ ОДНОМ ГЕТЕВСКОМ ПОДТЕКСТЕ У ЕГУНОВА И КУЗМИНА (ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ В. В. ЗЕЛЬЧЕНКО)¹

Г. А. Морев

(Берлин / Париж)

Пользуясь публикацией работы В. В. Зельченко, дополняющей исследование цитатного слоя в романе Андрея Николева (А. Н. Егунова) «По ту сторону Тулы», предпринятое авторами детального комментария к его переизданию (см.: Николев 2022), позволим себе предложить еще одно небольшое дополнение к изучению егуновского интертекста.

В тринадцатой главе романа между героями, Лямер и Сергеем, происходит следующий диалог:

– Теперь мне ясно, – прошептала она [Лямер] – «страдать» означает по-тульски просто «любить». Вот и все.

Сергей из вежливости вяло произнес:

– В тысяча восемьсот десятом году то же самое сказал...
(Николев 2022: 88).

А. А. Агапов, Д. М. Бреслер и К. Е. Константинова, комментаторы текста Егунова, отмечая связь слов Лямер с темой страдательных частушек в романе, возводят ответную реплику Сергея к фразе Гете, приведенной, в свою очередь, в изданной в СССР в русском переводе книге Г. Зиммеля «Гете» (действительно, можно быть уверенным, что вышедший в ГАХН перевод А. Г. Габричевского не прошел мимо внимания Егунова): «Любить – значит страдать. Лишь по принуждению можно на это решиться, т. е. это необходимость, а не добрая воля» (Николев 2022: 228). Авторы комментария, следуя логике текста Зиммеля (подробнее о ней далее), атрибутируют

¹ Автор благодарит А. Ф. Филиппова и Н. С. Плотникова за помощь в работе.

эту фразу как содержащуюся в письме Гете 1810 года к К. Л. фон Кнебелю.

Агапов, Бреслер и Константинова точно характеризуют этот фрагмент романа, как отмеченный «достаточно сложной интертекстуальной игрой» (Там же). Степень ее сложности кажется нам однако еще более высокой, нежели это представляется авторам комментария. В их реконструкции претекстов Егунова неучтенным оказывается еще один источник – на этот раз поэтический, – имеющий для Егунова важный смысл. Речь идет о стихотворении М. Кузмина «Все дни у Бога хороши...» (1915), завершающемся строками:

А ваша школьничья тетрадь?
Заплакать можно, так все ново, –
И понял я, что вот – страдать
И значит полюбить другого.

(Кузмин 2000: 321)

Стихотворение Кузмина заключало обращенный к Юр. Юркуну цикл в сборнике «Вожатый» (СПб., 1918). Помимо общего интереса Егунова к поэзии и личности Кузмина, этот текст должен был привлекать его особое внимание как одна из сравнительно редких открытых поэтических манифестаций гомосексуальной любви в современной ему русской лирике. Думается, что акцентированно наделяя слова из стихотворения Кузмина особой «тульской» семантикой, Егунов одновременно отсылает нас к теме «Тулэ / Фулы» из кузминской «Форели», также только что вышедшей из печати и ему, несомненно, известной – одновременно являющейся подлинно «ключевой» темой для его романа.

Отдельный вопрос – знал ли Кузмин о высказывании Гете, приведенном в книге Зиммеля? Иначе говоря, можем ли мы квалифицировать это текстуальное совпадение как гетевский подтекст у Кузмина? Для ответа на него необходимо уточнить генезис гетевских слов.

Текст Зиммеля, предваряющий несколько цитат из Гете, посвященных теме любви, способен дезориентировать читателя в

плане указания на источник приводимых высказываний немецкого поэта. Зиммель говорит о «ряде изречений [Гете], которые все относятся к 1810 году» (Зиммель 1928: 227), но в дальнейшем точно указывает лишь на первую приводимую им цитату как на фрагмент из письма Гете Кнебелю. Интересующее нас высказывание идет третьим в подборке Зиммеля и является не цитатой из писем Гете Кнебелю, как об этом можно поначалу подумать, а относящимися к тому же 1810 году словами Гете в разговоре с Ф. В. Риммером, впервые опубликованными в 1889 году (см.: *Goethes Gespräche* 1889: 321). К началу XX века статус этого гетевского выражения („Lieben heißt leiden“) приблизился к статусу «крылатой фразы» – оно входило в популярный «Лексикон Гете» (1912), в цитатник Гете для массового употребления „*Goethe-Brevier*“, часто приводилось в немецкой литературной периодике.

Можно уверенно предположить, что Кузмин (как, впрочем, и Егунов) вполне мог знать слова Гете до выхода книги Зиммеля. Но и немецкое издание Зиммеля, вышедшее в начале 1913 года, было ему доступно. Отметим, что книга не прошла незамеченной в России, причем в восторженной рецензии С. Л. Франка на нее (во входившей в круг чтения Кузмина «Русской мысли») особо отмечалась содержащая интересующую нас цитату часть, посвященная любви у Гете (см.: Франк 1913: 36 вт. паг.).

Таким образом, имплицитно «объединяющий» его с Кузминым гетевский подтекст у Егунова вполне очевиден. Нельзя, однако, исключать, что он и в самом деле мог быть актуализирован выходом русского перевода книги Зиммеля – как раз накануне начала работы Егунова над романом.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Зиммель Г. 1928. Гете / Пер. А. Г. Габричевского. М.: ГАХН.
- Кузмин М. 2000. Стихотворения / Сост., подготовка текста и примечания Н. А. Богомолова. Изд. 2-е, испр. СПб.: Академический проект.
- Николев А. 2022. По ту сторону Тулы: Советская пастораль / Ст. Д. М. Бреслера, К. Е. Константиновой. Комментарии А. А. Агапова, Д. М. Бреслера, К. Е. Константиновой. М.: Носорог.

Франк С. 1913. Зиммель и его книга о Гете. – Русская мысль. Год тридцать четвертый. Март. С. 32–36. Вт. паг.

Goethes Gespräche 1889. Goethes Gespräche / Hrsg. Woldemar Freiherr von Biedermann. 2. Bd.: 1805–1810. Leipzig: F. W. v. Biedermann.

REFERENCES

Frank, S. “Simmel i ego kniga o Goethe.” *Russkaia mysl'* 3 (1913): 32–36. 2nd pag. *Goethes Gespräche*. Edited by Woldemar Freiherr von Biedermann. Vol. 2, 1805–1810. Leipzig: F. W. v. Biedermann, 1889.

Kuzmin, M. *Stikhotvoreniia*. Edited and annotated by N. A. Bogomolov. 2nd ed. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt, 2000.

Nikolev, A. *Po tu storonu Tuly: Sovetskaia pastoral'*. Introduced by D. M. Bresler and K. E. Konstantinova. Annotated by A. A. Agapov, D. M. Bresler and K. E. Konstantinova. Moscow: Nosorog, 2022.

Simmel, G. *Goethe*. Translated by A. G. Gabrichevskii. Moscow: GAKhN, 1928.

НЕОКОНЧЕННОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ АННЫ АХМАТОВОЙ «ИЗ ЗАВЕЩАНИЯ ВАСИЛЬКИ»: ПРЕТЕКСТ И КОНТЕКСТ

Т. А. Пахарева
(Киев)

В 1958 году в одной из своих записных книжек Анна Ахматова воспроизвела фрагмент стихотворения с помещенным в скобках заглавием «Из завещания Васильки»:

А княгиня моя, где захочет жить,
Пусть будет ей, вольной, воля,
А мне из могилы за тем не следить,
Из могилы средь чистого поля.
Я ей завещаю все серебро...

(Ахматова 1996: 20)

Под текстом были проставлены дата и место: «1909. Киев», – из чего явствует, что эти пять строчек относятся к стихам раннего, киевского периода, которые Ахматова пыталась восстановить по памяти в поздние годы. До сих пор оставалось неясным, что за завещание упомянуто в заглавии данного отрывка и вообще существует ли у него некий первоисточник, по отношению к которому текст является в той или иной мере цитатным. Однако можно уверенно утверждать, что данный фрагмент имеет в качестве претекста завещание одного из князей Галицко-Волынской династии, но только не Василька, а его сына Владимира Васильковича, умершего в 1288 г. после тяжелой болезни, не достигнув сорокалетнего возраста. Поскольку болезнь была длительной и не дающей надежд на излечение, князь успел тщательно продумать и сформулировать свою последнюю волю, оставив в 1287 г. два подробных завещания – своему брату и преемнику Мстиславу и отдельно – жене Ольге. Во второй из продиктованных умирающим Владимиром грамот содержится следующее: «а княгини моа . по

моемъ животѣ . шже восхочеть в черничѣ поити поидеть . аже не восхочеть ити . а како еи любо . мнѣ не воставши смотритъ что кто иметь чинити . по моемъ животѣ» (ПСРЛ 1908: 616). Любопытно, что начало приведенного отрывка завещания Владимира ритмически соответствует анапесту – и, цитируя дословно текст летописи, на основе именно анапеста Ахматова формирует свой дольник в «Из завещания Васильки».

Актуализируется в завещании Владимира Васильковича и понятие «воля», но оно возникает там в связи с приемной дочерью Владимира и Ольги Изяславой: Владимир распоряжается «не ѿдать еѣ неволею ни за кого же» (ПСРЛ 1908: 616), таким образом, требуя по своей смерти гарантий «воли» и для жены, и для падчерицы. Эти безгранично интересные не только юридические, но и человеческие документы полностью приведены в Галицко-Волынской летописи (в свою очередь, входящей в состав Ипатьевского свода), причем сразу вслед за ними там содержится и еще одно выразительное свидетельство того, как важно было умирающему князю обеспечить права и свободу своих женщин по своей смерти: он заставляет Мстислава целовать крест, дав клятву строго соблюсти условия завещания во всем, что касается и имущества, и свободы княгини и падчерицы.

Несомненно, для Ахматовой, для которой тема свободы женщины всегда была значимой, это завещание Владимира Васильковича представляло большой интерес. Как известно, позднее она неоднократно и охотно говорила, что всегда выступает за развод в случае неудачного брака, а в ее стихах создан образ героини, для которой свобода или ее потеря – это отдельный драматичный сюжет, сопровождающий всю ахматовскую лирику вплоть до конца 1930-х гг.: «Вольно я выбрала дивный Град» (Ахматова 1998: 287), «Я-то вольная. Все мне забава...» (Ахматова 1998: 361), «Мне муж – палач, а дом его – тюрьма // Но видишь ли! Ведь я пришла сама...» (Ахматова 1998: 365), «Вольный ветер слезы сушит» (Ахматова 1998: 385), «Жить – так на воле» (Ахматова 1998: 448) и т. д.

Обратим внимание и на то, что в записной книжке, где восстановлен фрагмент «Из завещания Васильки», десятью страницами раньше записано другое стихотворение, помеченное Ахматовой: «Из

черновики 10-ых год<ов>». Это стихотворение «Если в небе луна не бродит...», – и в нем обнаруживаем «зеркальную» к «Из завещания Васильки» ситуацию загробной ревности и «слежения» из могилы за женой:

Если в небе луна не бродит,
А стынет – ночи печать...
Мертвый мой муж приходит
Любовные письма читать.

В шкатулке резного дуба
Он помнит тайный замок,
Стучат по паркету грубо
Шаги закованных ног.

Сверяет часы свиданий
И подписей смутный узор.
Разве мало ему страданий,
Что вынес он до сих пор.

(Ахматова 1996: 9–10)

Мотив загробной ревности интересовал Ахматову и в зрелые годы: в своих пушкиноведческих разысканиях она обращает внимание на этот мотив в «Каменном госте» и в лирике Пушкина и внимательно и подробно комментирует его. Заметим, что и «грубо» стучащие по паркету шаги мертвого мужа в процитированном стихотворении – это, конечно, та деталь, которая заставляет образ мертвого мужа у Ахматовой резонировать с образом Командора, появление которого в финале пушкинской трагедии тоже сопровождается стуком. А «Каменный гость» в 1958 году, когда восстанавливались и «Если в небе луна не бродит...», и фрагмент «Из завещания Васильки», был также на рабочем столе Ахматовой, поскольку именно в этом году ее статья «“Каменный гость” Пушкина» (см.: Ахматова 2002: 97–118) готовилась к печати и была опубликована в сборнике «Пушкин. Исследования и материалы», так что правки и дополнения, вносимые в статью, осуществлялись Ахматовой синхронно с восстановлением стихотворений о мертвом ревнивце-муже и о князе, дарующем жене «волю» по своей смерти.

«Из завещания Васильки» коррелирует и с еще одним киевским стихотворением Ахматовой – «У кладбища направо пылил пустырь...», написанным в том же 1909 г. и тем же дольником на основе анапеста, что и «Из завещания Васильки». Мизантропические советы Гамлета идти «в монастырь / Или замуж за дурака» (Ахматова 1998: 16) составляют выразительный контраст заботам умирающего князя о свободе своей жены, и на этом фоне датский принц и волынский князь образуют своеобразную оппозицию «мальчика» и «мужа», в которой принц предстает едва ли не инфантильным капризником, а князь – мудрым и великодушным «мужем». Даже пейзажи этих стихотворений перекликаются друг с другом: одинокая могила «Из завещания Васильки» корреспондирует с кладбищем стихотворения о Гамлете, а «чистому полю», среди которого похоронен князь, соответствует во втором стихотворении пыльный пустырь, так что чистота и пыль, поле и пустырь образуют выразительные оппозиции.

Но как и когда Ахматова могла познакомиться с текстом завещания Владимира Васильковича? Возможно, она прочитала и запомнила его либо по изданию «Летопись по Ипатьевскому списку», вышедшему в Санкт-Петербурге в 1871, либо по подготовленному А. А. Шахматовым изданию «Полное собрание русских летописей», второй том которого с Ипатьевским списком появился в 1908 г. Но не менее, а, возможно, даже более вероятным источником, из которого Ахматова узнала о завещании Владимира Васильковича, мог быть источник-посредник, цитирующий эту княжескую грамоту. В 1909 году, когда, если верить датировке в «Записных книжках», создавалось это стихотворение, Ахматова училась на юридическом отделении Высших женских курсов в Киеве и там не только слушала курс, но и успешно сдала 7 декабря 1909 г. экзамен по истории русского права. Сама Ахматова вспоминала, что на курсах с удовольствием изучала историю права, а К. И. Чуковский позднее писал о феноменальном знании ею «первоисточников» и ее эрудиции в области истории («Историю России она изучала по первоисточникам, как профессиональный историк <...>. Диапазон ее познаний был широк». – Чуковский 1991: 52). Все это

позволяет предположить, что, изучая историю русского права, Анна Горенко тщательно штудировала «первоисточники» с ранними юридическими документами, а одним из важных таких источников является как раз завещание князя Владимира Васильковича (современный украинский исследователь Галицко-Волинской летописи так определяет его значимость: «Перед нами, поза сумнівом, вписана до літопису автентична грамота Володимира Васильковича, відтворена, ймовірно, з копії, що зберігалася у княжому архіві. Її можна сміливо вважати першою публікацією офіційного документа – князівського заповіту – серед тих, що були написані на південноруських землях давньоруських часів...». – ГВЛ 2002: 342).

Упоминая о завещании Владимира Васильковича содержались и в литературе по истории русского права. В частности, немалое внимание ему уделено в книге М. Ф. Владимирского-Буданова «Обзор истории русского права», которая на рубеже веков была одним из базовых университетских учебников по этому предмету, выдержав с 1886 по 1915 г. семь переизданий. Киевские высшие женские курсы следовали именно университетской программе (об этом см.: Кобченко 2002: 193), так что очевидно, что курсисток юридического отделения учили по тем же учебникам, что и университетских студентов-юристов. И нет сомнений, что историю русского права они изучали по учебнику М. Ф. Владимирского-Буданова, который был ординарным профессором кафедры истории русского права Киевского университета св. Владимира с 1875 по 1915 г., многолетним редактором Киевской археографической комиссии и одним из основателей киевской научной историко-юридической школы. В «Обзоре истории русского права» Владимирский-Буданов не только подробно комментирует завещание Владимира Васильковича в пользу жены, но и цитирует именно тот его фрагмент, аллюзией на который является стихотворение Ахматовой: «...очевидно, что пользование этими доходами есть выдѣлъ вдовьей части въ пожизненное владѣніе, тогда какъ села завѣщаны въ полную собственность княгини, что обнаруживается изъ весьма оригинальнаго конца этого завѣщанія: “а княгиня моя, послѣ моей смерти, если захочетъ идти въ черницы, пусть идетъ, если же не захочетъ идти, то какъ ей любо: мнѣ не смотрѣть,

вставши изъ гроба, что кто будетъ дѣлать послѣ моей смерти» (Владимирский-Буданов 1907: 489). К тому, чтобы склониться к версии учебника Владимирского-Буданова как наиболее вероятного источника «Из завещания Васильки», побуждает и то, что последняя строка ахматовского стихотворения вступает в противоречие с летописным источником: летопись свидетельствует, что серебро Владимир не завещал своей княгине, а полностью раздал нуждающимся еще в самом начале своей болезни: «И еще же ему не вельми болну сущю, <...> когда хотяше и розда убогымъ имѣніе свое все: злато и серебро...» (ГВЛ 2002: 147). Таким образом, стихотворение Ахматовой свидетельствует о ее знакомстве не столько с полным летописным текстом, сколько с его отрывком, процитированным Владимирским-Будановым. Вместе с тем, отмеченное выше ритмическое сходство ахматовского стихотворения именно с летописным «первоисточником» (в переводе, процитированном Владимирским-Будановым, этот ритм утрачен) может свидетельствовать в пользу того, что летопись она тоже читала. Однако, как бы там ни было, очевидно, что в 1958 году, в период восстановления текста стихотворения, она не обращалась к летописным первоисточникам, о чем свидетельствует не только расхождение с летописью в последней строке, но и ошибка в имени князя, и это означает, что стихотворение восстанавливалось по памяти на основе лишь тех источников, которые были прочитаны в период учебы на Киевских женских курсах.

Вместе с тем, можно предположить, что тема летописей и древнерусской литературы в целом была актуализирована в сознании Ахматовой в период восстановления «Из завещания Васильки» тем, что в это время в ее круг общения вошел Д. С. Лихачев, имя которого трижды фигурирует в той же записной книжке 1958 года, в которой записан текст «Из завещания Васильки». До этого Лихачев уже подготовил для серии «Памятники литературы» фундаментальное двухтомное переиздание «Повести временных лет» (в комментариях во втором томе там даже упомянуто завещание Владимира Васильковича; см.: ПВЛ 1950b: 278). А в 1958 году идет интенсивная работа ученого со «Словом о полку Игореве», отголоском которой звучит и его пожелание в письме к

Ахматовой от 10 января 1959 г.: «Я всегда мечтал о том, чтобы Вы откликнулись на “Слово о полку Игореве” – переложением его (не переводом с языка на язык, а переложением с одной поэтической системы на другую – Вашу) или просто стихами. В “Слове” есть что-то <...> родняще<е> его с Вашей поэзией» (Лихачев 2006: 59). Ахматовское стихотворение о завещании Владимира Васильковича выглядит именно таким «переложением с одной поэтической системы на другую», только предпринятым не в отношении «Слова о полку Игореве», а в отношении затронувшего Ахматову летописного текста. Что же касается родства «Слова о полку Игореве» с ахматовской поэзией, то правоту ощущений Лихачева подтверждают очевидные реминисценции этого древнерусского памятника в некоторых произведениях Ахматовой (подробнее см.: Пахарева 2021: 10–11).

Вернемся, однако, к отрывку «Из завещания Васильки». В нем привлекает внимание еще один образ – «могилы средь чистого поля». Как известно, в киеворусскую эпоху князей уже принято было хоронить в церквях, и не был исключением и Владимир Василькович, похороненный, как и его отец Василько Романович, в Успенском соборе во Владимире (современном Владимире-Волынском). Однако и о захоронении князей прямо в поле есть упоминания в летописях – например, «Повесть временных лет» повествует о гибели Олега Святославича в 977 г.: «И погребоша Ольга на мѣстѣ у города Вручога, и есть могила его и до сего дне у Вручого» (ПВЛ 1950а: 53; перевод: «И похоронили Олега в поле у города Вручого, и есть могила его у Вручого и до сего времени». – ПВЛ 1950а: 251). Аналогично «Повесть временных лет» рассказывает и о захоронении прямо на месте гибели под Искоростенем князя Игоря: «И погребенъ бысть Игорьъ, и есть могила его у Искорѣстѣня града въ Деревѣхъ и до сего дне» (ПВЛ 1950а: 40; перевод: «И погребен был Игорьъ, и есть могила его у Искоростеня в Деревской земле и до сего времени». – ПВЛ 1950а: 237). О том, что эта княжеская могила, ставшая местом тризны княгини Ольги по мужу и ее мести убившим его древлянам, была расположена на достаточно открытом месте («в чистом поле»), косвенно свидетельствует также

упомянутая в летописи деталь о том, что перед тризной Ольга «повелела людям своим насыпать великую могилу» (ПВЛ 1950а: 239) на месте гибели Игоря – то есть в память князя было создано курганное захоронение, возможное только на открытом месте, откуда его далеко видно.

Итак, как видим, достаточно выразительные летописные упоминания о могилах «среди чистого поля» относятся к князьям времен исключительно до официального принятия христианства на Руси, так что введение в стихотворение Ахматовой образа могилы в поле, явно анахроничного по отношению к историческому прототипу героя ее стихотворения, усиливает колорит древности истории о княжеском завещании. В итоге в ахматовском фрагменте оказывается условно отражена как бы вся киеворусская эпоха от предшествовавшего принятию христианства периода до татаро-монгольского нашествия и произошедшего в это время, во второй половине XIII в., усиления Галицко-Волынской княжеской династии, к которой принадлежал и Владимир Василькович.

В целом можно заключить, что в нескольких строках ахматовского фрагмента уже явлена та направленность ее творчества на многоуровневый диалог с мировой культурой, благодаря которой наличие очевидного летописного претекста не замыкает стихотворение Ахматовой только на одну историческую аллюзию, а выводит ко все новым контекстам (шекспировскому, пушкинскому), встраиваясь в разветвленную мотивную сеть, формирующуюся в ахматовской поэзии в конце 1900-х – начале 1910-х гг.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ахматова А. А. 1996. Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / [Сост. и подготовка текста К. Н. Суворовой. Вступительная ст. Э. Г. Герштейн. Научное консультирование, вводные заметки к записным книжкам, указатели В. А. Черных.] М.; Torino: Giulio Einaudi editore.
- Ахматова А. 1998. Собр. соч.: В 6-ти тт. Т. 1: Стихотворения: 1904–1941 / Сост., подготовка текста, комментарии, ст. Н. В. Королевой. М.: Эллис Лак.

- Ахматова А. 2002. Собр. соч.: В 6-ти тт. Т. 6: Данте. Пушкинские штудии. Лермонтов. Из дневников / Сост., подготовка текста, комментарии, ст. С. А. Коваленко. М.: Эллис Лак.
- Владимирский-Буданов М. Ф. 1907. Обзор истории русского права: Изд. 5-е. СПб.; Киев: Издание книгопродавца Н. Я. Оглоблина.
- ГВЛ 2002. Галицько-Волинський літопис: Дослідження. Текст. Коментар / За ред. чл.-кор. НАН України М. Ф. Котляра. Київ: Наукова думка.
- Кобченко К. А. 2002. Київські вищі жіночі курси: Становлення жіночого університету. – Наукові записки Національного університету «Києво-Могилянська академія». Т. 20: Спеціальний випуск: У 2 частинах. Ч. 1. С. 190–196.
- Лихачев Д. С. 2006. Письма к А. А. Ахматовой / Публикация и вступительная заметка Н. И. Крайневой. – Звезда. № 11. С. 58–61.
- Пахарева Т. А. 2021. Киевский контекст поэмы Анны Ахматовой «У самого моря». – Русские поэты XX века: Материалы и исследования. Анна Ахматова (1889–1966) / Отв. ред. Г. В. Петрова. М.: Азбуковник. С. 9–19.
- ПВЛ 1950а. Повесть временных лет. Часть первая: Текст и перевод / Подготовка текста Д. С. Лихачева. Перевод Д. С. Лихачева и Б. А. Романова. Под ред. члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР.
- ПВЛ 1950б. Повесть временных лет. Часть вторая: Приложения / Статьи и комментарии Д. С. Лихачева. Под ред. члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР.
- ПСРЛ 1908. Полн. собр. русских летописей: Изд. по Высочайшему повелению Императорскою Археографическою Комиссиею. Т. 2: Ипатьевская летопись. СПб.: Типография М. А. Александрова.
- Чуковский К. И. 1991. Из воспоминаний. – Воспоминания об Анне Ахматовой / Сост. В. Я. Виленкин и В. А. Черных. Комментарии А. В. Курт и К. М. Поливанова. М.: Советский писатель. С. 48–64.

REFERENCES

- Akhmatova, A. *Sobranie sochinenii*. 6 vols. Vol. 1, *Stikhotvoreniia: 1904–1941*. Edited and annotated by N. V. Koroleva. Moscow: Ellis Lak, 1998.
- . *Sobranie sochineniy*. 6 vols. Vol. 6, *Dante. Pushkinskie shtudii. Lermontov. Iz dnevnikov*. Edited and annotated by S. A. Kovalenko. Moscow: Ellis Lak, 2002.

- . *Zapisnye knizhki Anny Akhmatovoi (1958–1966)*. Moscow and Turin: Giulio Einaudi editore, 1996.
- Chukovskiy, K. I. “Iz vospominanii.” In *Vospominaniia ob Anne Ahmatovoy*. Edited by V. Ia. Vilenkin and V. A. Chernykh. Annotated by A. V. Kurt and K. M. Polivanov, 48–64. Moscow: Sovetskii pisatel, 1991.
- Galits’ko-Volins’kii litopis. Doslidzhennia. Tekst. Komentar.* Edited by M. F. Kotliar. Kyiv: Naukova dumka, 2002.
- Kobchenko, K. A. “Kyïvski vishchi zhinochi kursy: Stanovlennia zhinochogo universitetu.” *Naukovi zapiski Natsionalnogo universitetu “Kiievo-Mogylians’ka akademiia”* 20, no. 1 (2002): 190–96.
- Likhachev, D. S. “Pis’ma k A. A. Akhmatovoi.” Published and prefaced by N. I. Krayneva. *Zvezda* 11 (2006): 58–61.
- Pakhareva, T. A. “Kievskii kontekst poem y Anny Akhmatovoi ‘U samogo morya’.” In *Russkie poety 20 veka: Materialy i issledovaniia. Anna Akhmatova (1889–1966)*. Edited by G. V. Petrova, 9–19. Moscow: Azbukovnik, 2021.
- Povest’ vremennykh let*. Pt. 1, *Tekst i perevod*. Moscow and Leningrad: Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR, 1950.
- Povest’ vremennykh let*. Pt. 2, *Prilozheniia*. Moscow and Leningrad: Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR, 1950.
- Polnoe sobranie russkikh letopisei*. Vol. 2, *Ipat’evskaia letopis’*. Saint Petersburg: Tipografiia M. A. Aleksandrova, 1908.
- Vladimirskii-Budanov, M. F. *Obzor istorii russkogo prava*. 5th ed. Saint Petersburg and Kyiv: Izdanie knigoprodavtsa N. Ia. Ogloblina, 1907.

II

**К ВОСЬМИДЕСЯТИЛЕТИЮ
ГАБРИЭЛЯ ГАВРИЛОВИЧА
СУПЕРФИНА**

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Есть несомненная справедливость в том, что 80-летие Габриэля Суперфина отмечает эстонская славистика. Русистам старшего поколения памятна его – без преувеличения легендарная – тартуская студенческая юность, которая связана с именами его однокорытников, ушедших филологов последнего полувека – Арсения Рогинского, Михаила Билинкиса, Светлана Семененко, Елены Душечкиной, Александра Белоусова и других... В диалоге с этой шестидесятичной порослью, порой в нервной полемике, поверялись итоговые положения историко-литературных концепций Юрия Лотмана и Зары Минц. А в своем кругу Суперфин был неперменным совопросником и соответчиком, бесперебойным консультантом, подсказчиком, наконец, арбитром с неумолкаемым свистком. Сейчас уже трудно проследить, сколь многое в гуманитарных штудиях – позднесоветских, постсоветских и нынешних времен – проросло из его беглых по преимуществу замечаний, раздраженных нравоучений и блистательно оправдавшихся нетривиальных предположений. Он заразил восторгами архивного поиска целую вереницу последователей и одновременно привил устойчивый навык шарить по углам и окраинам печатного материала, умение оценить научный текст по качеству сносок и указателей, да так, что потом сам текст и читать не обязательно. Его изыскательские стартапы по сей день собирают завидные плоды, многие из которых даже не попадают на глаза инициатору разведки. Бремя дежурного прозорливца он, по привычке ворча на выпавшее ему амплуа, по-прежнему несет буквально ежечасно, noblesse, которое oblige тартуанца 1960-х годов. Его смена – надолго.

А. Л. Основат, Н. Г. Охотин, Р. Д. Тименчик

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ КОММЕНТАРИЯ К «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКЕ» (26–42)¹

А. Л. Осповат

(Москва / Лос-Анджелес)

26–27

Въ то время воспитывались мы не по нынѣшнему (Глава I)².

Как следует из экспозиции «Капитанской дочки» (КД), юному Петру Гриневу (ПГ) была оказана единственная образовательная услуга: *под надзором дядьки Савельича на двенадцатом году он выучился русской грамоте и мог очень здраво судить о свойствах борзого кобеля*. Антагонистом трезвого слуги из крепостных выступил блуждающий по миру пьянчужка: манкируя преподаванием двух иностранных языков и *всех наук, мосье Бопре* предпочел набраться русских слов от своего воспитанника. Подбор без труда опознаваемых цитат и реминисценций из комедии Фонвизина³ как будто не оставляет сомнений в литературной генеалогии ПГ, однако этой «формуле узнавания» отмерен краткий срок. Поддержанная эпизодом в симбирском трактире, где развернута проекция на другого комедийного недоросля (см. 29), она перестает работать сразу после того, как протагонист попадает в Белогорскую крепость.

В сцене знакомства ПГ и Алексея Швабрина (глава III) фокус нацелен на фигуру *молодого офицера* с необычной внешностью, *разговор которого был остер и занимателен*, – а свидетельство о том,

¹ Предыдущую серию этих заметок см.: Осповат 2022: 71–91.

² Здесь и далее все заглавные фрагменты приводятся по журнальной публикации романа (Пушкин 1836: 42–215), увидевшей свет при жизни и под контролем автора. Цитируемые в заметках пассажи, отдельные слова и выражения тоже даются по журнальной публикации, но в соответствии с нормами современной орфографии, и они выделены курсивом.

³ Напомним хотя бы, что комментируемая фраза окликает одновременно признания Стародума (д. III, явл. 1) и Простаковой (д. III, явл. 5): «Отец мой воспитал меня по-тогдашнему...»; «Не нынешний был век. Нас ничему не учили» (Фон Визин 1830, 1: 163–164, 187; см.: БП. 1910. № 406: 110).

что протагонист выказывает хорошее знание французского языка, введено легким штрихом, почти невзначай⁴, и оно «затеривается» в середине абзаца по композиционной модели, описанной Л. С. Выготским (см.: Выготский 1997: 192). Второй нарративный прием подготовлен первым.

У Швабрина было нѣсколько Французскихъ книгъ. Я сталъ читать, и во мнѣ пробудилась охота к литтературѣ. По утрамъ я читалъ, упражнялся въ переводахъ, а иногда и въ сочиненіи стиховъ (Глава IV).

Проведенная здесь каузальная связь имеет фиктивный характер – чтение *французских* книг могло стимулировать упражнения в *переводах*, но отнюдь не *сочинение стихов* на русском языке (образец *песенки*, написанной четырехстопным хореем, будет предъявлен читателю КД на следующей странице⁵). Отсюда вытекает, что еще до приезда в Белогорскую крепость ПГ не только овладел французским языком, но также приобщился умственным и литературным интересам.

Перемена заданных смысловых ракурсов, приобретающая в тексте регулярный характер, обеспечивает реализацию общей установки автора КД – подвергнуть сюжетной ломке развитие фабулы, т. е. покрыть пеленой релятивности линии персонажей, сцепления событий и моральные сентенции (*береги честь смолоду* и т. п.). В данном же случае утвердительная модальность снимается посредством проекции персонажа на два типажа,

⁴ «Извините меня, – сказал он мне по-французски, – что я без церемонии прихожу с вами познакомиться. Вчера узнал я о вашем приезде; желание увидеть наконец человеческое лицо так овладело мною, что я не вытерпел. Вы это поймете, когда проживете здесь еще несколько времени». Я догадался, что это был офицер, выписанный из гвардии за поединок. Мы тотчас познакомились». В наших целях нелишне привести короткий монолог Швабрина в переводе Ивана Тургенева и Луи Виардо: « Pardonnez-moi, me dit-il en français, si je viens ainsi sans cérémonie faire votre connaissance. J'ai appris hier votre arrivée, et le désir de voir enfin une figure humaine s'est tellement emparé de moi que je n'ai pu y résister plus longtemps. Vous comprendrez cela quand vous aurez vécu ici quelque temps » (Pouschkine 1853: 37).

⁵ Мысль любовну истребляя, / Тицусь прекрасную забыть и т. д.

противопоставленных друг другу в социокультурной ситуации второй половины XVIII века.

На рубеже 1750–1760-х годов дворянское общество начинает «апроприировать» интеллектуальные занятия, бывшие достоянием узкого академического круга и придворных стихотворцев, что стало следствием перехода от церковнославянской грамотности к овладению русским литературным языком, устным и письменным, иностранными языками и (в разной степени) научными знаниями (см.: Живов 2017: 1079–1095 и след.; ср.: Marker 1985: 70–71). Разумеется, Митрофанушка, который в возрасте шестнадцати лет «доучивает часослов» («...а там, думать надобно, примутся и на псалтырь» – Фон Визин 1830, 1: 143), не уходит со сцены⁶, но на ней все чаще выступают новые лица. Для Пушкина релевантными в этом отношении могли стать фигуры Михаила (Никитича) Муравьева и Ивана Дмитриева – будущий попечитель Московского университета и будущий министр юстиции, родившиеся в провинции соответственно в 1757 и в 1760 годах, принадлежат поколению ПГ⁷.

Оговорим, что юный Муравьев являет собой пример исключительный. Попечением отца, переведенного в Оренбург, он к десяти годам до такой степени выучил немецкий и французский языки, что, оказавшись в начале 1768 года в московской Университетской гимназии, активно занялся переводами; объем переведенного и сочиненного им за следующие два с половиной года (1770–1772), проведенных в Вологде, в своей полноте

⁶ См. среди многого прочего: «Он боялся, чтобы сын его не выучился бегло читать по толкам и не вздумал бы сделаться когда-нибудь академиком, а потому-то последнюю страницу букваря кончил его курс словесных наук» (Крылов 1792: 69–70); «Недавно дворянские дети выучивали не далее букваря, а с псалтыря на веки расстались со чтением книг» (Страхов 1810: 59); «Нелишне сказать нечто и о воспитании дворян старого времени. Учились читать и писать; в ученье ограничивались этим. Но и то еще одни люди богатые и избранные. <...> Барыни и девицы были почти все безграмотные» (Дмитриев М. А. 1869: 17).

⁷ Подсчет года рождения ПГ, произведенный Пушкиным, дал результат: «<17>55» (Пушкин 1937–1949, 8: 928), но эта дата не вполне согласуется со сведениями его матери, сообщенными поздней осенью 1772 года: *Да вот пошел семнадцатый годок* (глава I). В таком случае ПГ родился скорее всего в 1756 году. См. в этой связи: Долинин 1997: 57.

реконструирован только в недавнее время⁸; наконец, переехав в Петербург и вступив в службу унтер-офицером гвардии, автор – еще не достигнувший шестнадцати лет – издает сразу две книги (см.: Муравьев М. Н. 1773а; Муравьев М. Н. 1773b). Представление об этом феномене, пусть и самое общее, автор КД мог составить из рассказов Карамзина, Жуковского и Батюшкова, редактировавших посмертные издания Муравьева, из некоторых отрывков мемуарного свойства в его опубликованных текстах⁹, а кроме того, из рукописных воспоминаний Ивана Дмитриева (см.: Дмитриев И. И. 1893: 2–3), которые были переданы Пушкину в 1833 году.

Мемуары и устные рассказы парнасского ветерана отразились не только в «Истории Пугачевского бунта» (см.: Оксман 1959: 52–60), но и в КД. Заметим, что уроженцы Симбирской губернии, Дмитриев и ПГ, в детстве были записаны в лейб-гвардии Семеновский полк: первый – подполковником графом Яковом Брюсом, уважившим ходатайство его дяди (см.: Дмитриев И. И. 1893: 12, 17), второй – *по милости майора гвардии князя Б., близкого нашего родственника* (глава I). Эта ассоциативная связь более не выводится на поверхность текста, однако дает значимые отсветы¹⁰. Вот две колонки.

Дмитриев начал учиться в частных пансионах «языкам французскому и немецкому, русскому правописанию и слогу, истории, географии и математике» (Дмитриев И. И. 1893: 3).

Мосье Бопре обучил своего питомца не только французскому языку, но и фехтованию (что испытал на себе опытный бретер Швабрин – глава IV) и, хотя бы отчасти, географии: ПГ знал местонахождение *Мыса Доброй Надежды* (глава I).

⁸ См. прежде всего: Лазарчук 1999.

⁹ Например: «Где то прекрасное время, когда еще не имея ни способов, ни столько просвещения, просиживал я дни <...> в Вологде за Виргилием...» (Муравьев 1820: 278–279; см.: БП. 1910. № 244: 64).

¹⁰ Некоторые замечания к этой теме см.: Reyfman 1994: 471–472.

В его распоряжении была библиотека родителей: авантюрные романы, «Тысяча и Одна Ночь», Дефо, Леса́ж, Скаррон, Мармонтель и пр. в оригинале и переводах (см.: Там же: 4–5).

На семнадцатом году унтер-офицер Семеновского полка начал пробовать свои силы «в рифмовании» (Там же: 18).

Мать Дмитриева «лично знала Сумарокова» и «любила» его поэзию; родители читали вслух оды Сумарокова и Ломоносова (Там же: 6–7). По словам племянника, Дмитриев «видел» Сумарокова в Москве «под конец» его жизни (Дмитриев М. А.

О библиотеке в *симбирской деревне* в тексте нет упоминаний, но отчего бы ей не быть в доме, где свежа память о старшем Петре Гриневе, деде ПГ, который претерпел по делу *Волынского* вместе с Андреем *Хрущевым* (глава XIV) – первым переводчиком «Похождений Телемака», заслужившим репутацию едва ли не самого умного и просвещенного человека своего времени¹¹.

Семнадцати лет прапорщик в Белогорской крепости, переведенный туда из унтер-офицеров Семеновского полка, начал упражняться в *сочинении стихов* (глава IV).

Именование матери ПГ – *Авдотья Васильевна Ю.* – отсылает к Авдотье Петровне Елагиной (по себе Юшковой), чей дядя Иван Юшков¹², московский гражданский губернатор в 1764–1771 годах, был свойственником и близким

¹¹ Осведомляя о казненных 27 июня 1740 года, маркиз де ла Шетарди на следующий день писал своему министру: «Khrouchoff <...> passait pour une des meilleures têtes et un des hommes de ce pays qui eût le plus d'esprit» (Сборник 1893: 430).

¹² Петр, его сын, в малолетстве был записан в Семеновский полк графом Брюсом (см.: Шениг 1880: 304). Николай Шениг, воспитанник Анны Зиновьевой, одной из теток Авдотьи Елагиной, был домашним в семье Осиповых-Вульф и, возможно, встречался с Пушкиным (см.: Черейский 1988: 405–406).

1869: 20–21), что могло случиться только в 1775 году (ср.: Дмитриев И. И. 1893: 14–17).

другом Сумарокова¹³. Выйдя из заключения «в конце 1774 года» (постскрипtum *Издателя*), ПГ оказался в Москве, где показывал свои *опыты* Сумарокову, который *очень их похвалял* (глава IV).

10 января 1775 года Дмитриев наблюдал за казнью Пугачева в Москве (см.: Там же: 14–16).

ПГ *присутствовал при казни Пугачева, который узнал его в толпе и кивнул ему головой* (постскрипtum *Издателя*).

Митрофанушка и его образованный сверстник, склонный к стихотворству (подобно Муравьеву, братьям Александру и Ивану Дмитриевым и др.), – лишь два обличья из тех, что ПГ принимает по ходу повествования, причем ни одна из этих ролей не может считаться доминантной. Сюжетным заданием предусмотрена ускользающая идентичность протагониста.

28

Матушка, знавшая наизусть всѣ его свычаи и обычаи... (Глава I). Как уже отмечалось (см.: Двинянинов 1979: 247–249), заключительное словосочетание восходит к «Слову о полку Игореве»:

Кая раны дорога, братіе, забывъ чти и живота, и града Чрънигова,
отня злата стола, и своя милыя хоти красныя Глѣбовны свычая и
обычая? (Песнь 1800: 13–14)

Это наблюдение можно дополнить. Поскольку слова *свычай* и *обычай* еще в древности стали восприниматься как тавтологическая пара (см.: Адрианова-Перетц 1968: 98), то вовсе не случайным покажется то, что во всех переводах «Слова», которые были под рукой у Пушкина (см.: Пушкин 1937–1949, 12: 147–152; БП. 1910. № 70: 20–21;

¹³ Согласно долго бытовавшей легенде, за гробом Сумарокова, помимо актеров московского театра, шли только Иван Юшков и обер-полицмейстер Николай Архаров (см.: Берков 1962: 374–375).

№ 104: 31; № 210: 57; № 430: 116–117), именно первой из этих лексем неизменно подбирался эквивалент:

- ... обычаи и приветливость (Песнь 1800: 14);
- ... все милые прихоти, обычаи и приветливость (Шишков 1818–1839, 7: 10);
- ... откровенность и приветливость (Левитский 1813: 10);
- ... нрав и обычай (Пожарский 1819: 12);
- ... нежные заботы, тихий нрав (Грамматин 1823: 69);
- ... дружбу, привычки (Вельтман 1833: 13).

Исключение составляет перевод Жуковского, не публиковавшийся при его жизни. Писарская копия перевода сохранилась в бумагах Пушкина, который в 1836 году испещрил текст многочисленными глоссами (см.: Рукою Пушкина 1935: 127–145). Замечания, однако, не коснулись интересующего нас фрагмента:

Какою раною подорожит он, братие!
Он, позабывший о жизни и почестях,
О граде Чернигове, златом престоле родительском,
О свычае и обычае милой супруги своей Глебовны, красныя.
(Там же: 132)

Таким образом, можно предположить, что Жуковский оценил эмфатический потенциал этой редупликации в тексте «Слова»¹⁴, а Пушкин, вслед за ним, преобразовал синонимическую пару *свычаи* и *обычаи* в риторическую фигуру.

Впрочем, в данном случае не исключено и наличие еще одного текста-посредника. Пушкин, несомненно, прочел повесть Александра Бестужева «Наезды», которая весной – летом 1831 года печаталась под инициалами А. Б. в журнале Николая Греча. Здесь (в главе VII) прямая цитата из «Слова»¹⁵ получила то же индивидуальное осмысление, что и позднее в КД:

¹⁴ В переводе Д. С. Лихачева – «свычаи и обычаи»; в более позднем переводе О. В. Творогова – «любовь и ласку».

¹⁵ Интерес этого автора к «Слову» удостоверен в его статье (см.: Бестужев 1824: 5).

[И] как ни горестна, как ни тяжка виделась ей разлука с милым – но уважение к Вере, любовь ко всему Русскому, ее ранние свичаи и обычаи громко звали из плена (Бестужев 1831: 334).

29–30

Я узналъ, что его зовутъ Иваномъ Ивановичемъ Зуринымъ, что онъ ротмистръ ** гусарскаго полка <...>. [М]ы встали изъ-за стола совершенными пріятелями. Тутъ вызвался онъ выучить меня играть на билліардѣ. <...> Зуринъ громко ободрялъ меня <...>; и послѣ нѣсколькихъ уроковъ, предложилъ мнѣ играть въ деньги, по одному грошу <...>. [Я] горячился, бранилъ маркера, который считалъ Богъ вѣдаетъ какъ <...>. Зуринъ <...> положилъ кій, и объявилъ мнѣ, что я проигралъ сто рублей (Глава I).

А) Из учрежденного в 1765 году штата гусарских полков был исключен чин *ротмистра*; старший обер-офицерский чин в этих полках (как и в пехотных) – капитан (см.: ПЗС. XLIII. Ч. 1. К № 12344: 101).

В) Если в первой половине XVIII века биллиард входил в категорию азартных игр, подлежащих запрету (см.: ПСЗ. IX. № 6313: 20; № 6703: 489; XII. № 9380: 670–671), то в царствование Екатерины II хозяева гербергеров получили разрешение держать биллиардные комнаты; игру дозволялось вести «для увеселения приходящих» (Осповат 2022: 76), а не с целью денежного выигрыша, но это условие повсеместно игнорировалось. Претекстом данного эпизода, происходившего в симбирском трактире, служит начальный эпизод комедии Сумарокова «Пустая ссора» (1750–1760-е годы), в котором недоросль Фетяй пространно жалуется на то, как его облапошил повеса Дюлиж:

[П]ришли, вижу, что стоит стол, да нет на нем ни кушанья, ни тарелок, только лишь убит, не помню, синим или зеленым сукном. Вышел хозяин; <...> подал два костяных шарика, а Дюлиж взял две палки, одну дал мне, а другую взял себе, с одного конца такие толстые, а с другого самые тоненькие. Стал меня учить: ето-де игра, а играют в нее вот едак и едак. <...> Проиграл ему пять игор, да и выиграть-та нельзя, все считает по два, шар положит

однажды, а считает два. Я больше играть с ним на деньги не хотел... (Сумароков 1787, 5: 328–329; см.: БП. 1910. № 375: 101).

Итак, убыток, понесенный ПГ, – *сто рублей*. Оставляя в стороне провербиальный фон, на который прежде всего проецируется это словосочетание¹⁶, остановимся на том, какую ценность имела эта сумма и для персонажей КД, и для их реальных современников.

Несложный подсчет показывает, что в *реестр* утраченному *барскому добру* Савельич внес девятнадцать вещей – в том числе *мундир из тонкого зеленого сукна, шубу лисью* и *непременный заячий тулупчик* – общей стоимостью 89 рублей 50 копеек (глава IX). Таким образом, проигрыш в бильярд обошелся ПГ дороже той суммы, в которую верный слуга оценил его расхищенное имущество после занятия Белогорской крепости. Как хорошо известно, источником *реестра* Савельича послужила копия подлинного документа («Реестр, что украдено у надворного советника Буткевича...»), сделанная Пушкиным во время архивной работы над пугачевскими делами (см.: Оксман 1959: 94–100), но весьма любопытно, что в тексте КД последовательно снижены цены объявленных предметов – например, «12 рубахам <...> полотняным с манжетами на 60 р<ублей>» (Там же: 96) соответствуют *двенадцать рубах полотняных <...> с манжетами, на десять рублей*. Эта коррекция отвечает свидетельствам очевидцев (хорошо известным автору КД) о том, что в «золотой век Екатерины» товарный эквивалент рубля был в четыре / пять (а то и больше) раз выше, чем спустя сорок / пятьдесят лет (см.: Дмитриев И. И. 1893: 8; Макаров 1836: 244; ср.: Тургенев 1885: 377)¹⁷.

¹⁶ См. хотя бы в письме Пушкина жене от 2 сентября 1833 года: «Ангел мой, если ты будешь умна, т. е. здорова и спокойна, то я тебе из деревни привезу товару на сто рублей, как говорится» (Пушкин 1937–1949, 15: 76).

¹⁷ Отметим также намерение генерала Р. *обещать за голову Пугачева рублей семьдесят или даже сто... из секретной суммы* (глава X). Понятно, что ни этот персонаж, ни его прототип, военный губернатор Оренбурга Иван Рейнсдорп, не располагали возможностью объявить награду в 10 000 рублей, которую в реальности предложил граф Захар Чернышев в письме генерал-аншефу Александру Бибикову от 14 января 1774 года (см.: Пушкин 1937–1959, 9 / 2: 639; ср.: Дубровин 1884, 2: 246), и все же разница в

Как и во все эпохи, во второй половине XVIII века ценность любой суммы определялась принадлежностью ее владельца к той или иной социальной страте. *Сто рублей* – это, с одной стороны, размер среднего годового оклада копиистов в конторах столичного Сената, установленный в 1763 году (см.: ПСЗ. XLIV. Ч. 2. Отд. 4. К № 11991: 60)¹⁸; с другой – цена «перстня зеленого изумрудного», входившего в приданое графини Екатерины Воронцовой в 1759 году (Роспись 1881: 379), «золотой медали», подаренной графиней Марией Скавронской жене своего племянника в 1787 году (Долгоруков 2004: 176), и крепостного «мужичка», которого «сторговал» некий помещик, мелькнувший на страницах сатирического памфлета 1769 года (Эмин 1788: 4).

Гусарский офицер (см. А) среднего достатка¹⁹ ангажирован в КД на роль провинциального либертена. Когда в биллиардную заглянул недавний недоросль, впервые оказавшийся без надзора, Зурин, обольстив его фамильярным обхождением, вполне мог сведать о порядочном (на языке той эпохи) состоянии, которым обладала семья будущей жертвы. Достаточно было услышать о найме французского учителя в отдаленную деревню (такие контракты заключались в диапазоне от 600 до 2000 рублей в год)²⁰, чтобы пуститься в крупную – сторублевую – аферу. Как признался себе наутро протрезвевший ПГ, *[п]роигрыш мой по тогдашним ценам был немаловажен* (глава II).

размере экстраординарных сумм, упомянутых в материалах к «Истории Пугачевского бунта» и в КД, выглядит впечатляюще.

¹⁸ Копиист в уездных канцеляриях получал 60 рублей в год (см.: ПСЗ. XLIV. Ч. 2. Отд. 4. К № 11991: 60), впрочем, как раз в низовых приволжских губерниях (Казанской и Симбирской в том числе) «жить» было «очень выгодно». К примеру, в 1780 году в Саратове красная рыба (осетрина, белуга, стерлядь) «без веса обходилась меньше копейки фунт», «икра всякая, лучшая, стоила от 4 до 5 коп<еек> фунт», «мука <...> продавалась не свыше 20 коп<еек> за пуд», причем ржаная «иногда дешевле» (Мешков 1905: 182).

¹⁹ Помимо окладного жалованья, составлявшего в то время 297 рублей 80 копеек в год (см.: ПЗС. XLIII. Ч. 1. Отд. 2. К № 12344: 101), обер-офицер из дворян, каким был Зурин, мог получать доход от собственного имения или пользоваться родительской помощью.

²⁰ Такова была ставка французского учителя, немецкие наставники обходились дешевле (см.: Осповат 2006: 247–248).

Отдаленная параллель – в романе «Иван Выжигин», где протагонист, будучи ровесником ПГ и тоже направляясь в Оренбург, ведет диалог с отъявленным мошенником:

«Сколько у тебя денег?» – спросил меня Вороватин на первой станции. – «Сто пятьдесят рублей серебром». – «Прекрасный капиталец! – воскликнул Вороватин. – В твои лета немногие имеют столько денег в руках[»] (Булгарин 1830, 1: 184).

С) В России второй половины XVIII века имели хождение четыре денежные единицы (см.: Спасский 1962: 109–138). В обиходе зажиточных дворян обращались в основном серебряные монеты, мелкопоместные дворяне и податные сословия пользовались преимущественно медными²¹, причем номинал обеих монет не превышал одного рубля. См. сочиненную около 1772 года комедию Сумарокова «Рогоносец по воображению», в которой один из персонажей «лепортует» о завершении пятисотрублевой сделки (д. III, явл. 7):

Д в о р е ц к и й . Деньги, боярин государь, российскою серебряною ходячею монетою все приняты сполна.

В и к у л . Это лучше, а за медные-то деньги ныне и при покупке, и при размене проценты очень велики (Сумароков 1787, 6: 52).

Золотые монеты (наибольший номинал – «двойной червонец», 20 рублей) обслуживали нужды дворца и узкого круга лиц, обладавших самыми значительными состояниями. Что же касается ассигнаций, впервые выпущенных в 1769 году (четырех достоинств: 25, 50, 75 и 100 рублей), то первое время они шли в ход при больших купеческих оборотах и в провинции не имели повседневного спроса (см.: Мешков 1905: 183).

Резюме: по всей видимости, карточный долг Зурину был выплачен сотней однорублевых серебряных монет (менее вероятно – двумя сотнями серебряных полтин).

²¹ Медные монеты достоинством в три копейки (алтын), две копейки (грош), одну копейку, полкопейки (деньга, денежка), четверть копейки (полушка) и восьмую часть копейки («так называемые *мордки*») часто востребовались, «потому что всякая покупка была очень дробна» (Мешков 1905: 183; о ценах в это время см. прим. 18).

Деньги мои были у Савельича (Глава I).

Характерная деталь, дополняющая описание проводов ПГ в Оренбург. Ср. в мемуарах Александра (Михайловича) Тургенева:

С 1786 или 1787 года я был уже записан в конный полк гвардии, в чине вахтмейстера²²; меня отправили на службу царскую, дали мне слугу и дядьку Филиппа, снабдили избыточно бельем, полотенцами, чулками и проч., и пр. Дядьке Филиппу вручили пятьсот рублей денег на содержание мое во граде Св. Петра, наказав ему деньги поберечь, мне воли не давать тратить деньги напрасно... (Тургенев 1885: 374–375).

31–33

Чась отъ часу не легче! [–] подумаль я про себя <...>. Куда это меня завело? Въ * полкъ и въ глухую крѣпость на границу Киргизъ-Кайсацкихъ степей!.. (Глава II); Я погрузился въ размышленія, большею частію печальныя. Гарнизонная жизнь мало имѣла для меня привлекательности (Глава III).**

Унылое предчувствие, которое владело протагонистом в Оренбурге и по дороге к месту его новой службы, внезапно исчезло:

Я глядѣль во всѣ стороны, ожидая увидѣть грозныя бастіоны, башни и валъ; но ничего не видалъ, кромѣ деревушки, окруженной бревенчатымъ заборомъ. <...> [«Гдѣ же крѣпость?»] – спросилъ я съ удивленіемъ (Глава III).

Здесь ПГ снова уподоблен тому, кто, проведя детство в окружении книг (см. 26–27), «с уже десяти лет набил голову мечтательными приключениями» (Дмитриев И. И. 1893: 4): картина, нарисованная его воображением, навеяна одним из эпизодов самого знаменитого романа о странствующих рыцарях (см.: Сервантес 1932: 189). Черета же прямых реминисценций из «Дон Кихота», окрашивающих дальнейшее повествование (см.: Альтман 1971: 40, а

²² Вахтмейстер (вахмистр) – один из чинов в унтер-офицерском составе кавалерийских полков.

также 41), открывается сценой на валу крепости накануне приступа бунтовщиков:

Я невольно стиснулъ рукоять моей шпаги, вспомя, что наканунѣ получилъ ее изъ ея рукъ, какъ бы на защиту моей любезной. Сердце мое горѣло. Я воображалъ себя ея рыцаремъ (Глава VII).

Ср. в главе XIII «Дон Кихота»:

[В] странствующем рыцарстве есть правило и обычай, чтобы странствующий рыцарь, готовясь вступить в великий бой, любовно и нежно обращал взоры на свою даму, если она при этом присутствует, как бы прося ее помочь и защитить его в предстоящем тяжелом испытании; и даже если никто не слышит, он обязан сквозь зубы пробормотать несколько слов, от всего сердца призывая ее милость. В романах вы найдете этому бесчисленные примеры (Сервантес 1932: 156–157)²³.

34–35

У окна сидѣла старушка въ тѣлогрѣйкѣ и съ платкомъ на головѣ. Она разматовала нитки, которыя держалъ, распяливъ на рукахъ, кривой старичокъ въ офицерскомъ мундирѣ. «Что вамъ угодно, батюшка?» – спросила она, продолжая свое занятіе (Глава III).

Старушка, не прекращающая *разматывать нитки* (ПГ еще не знает, что перед ним Василиса Егоровна, жена коменданта Миронова), очевидным образом ассоциируется с античными богинями (Мойры, Парки), которые прядут и обрезают нити человеческих судеб²⁴. Формируемое таким образом смысловое

²³ В «Пропущенной главе» (исключена из окончательной редакции КД) Швабрин восклицает: «А велю поджечь анбар и тогда посмотрим, что ты станешь делать, Дон-Кишот белогорский» (Пушкин 1937–1949, 8 / 1: 379; выделено нами). Транскрипция имени нарицательного отсылает к французским переводам романа (см.: Алексеев 1964: 63, прим. 154), с которых, в свою очередь, в XVIII веке делались переводы на русский язык. В статьях и письмах Пушкина всегда – Дон-Кихот.

²⁴ Ср. в экспозиции «Войны и мира»: «Как хозяин прядильной мастерской, посадив работников по местам, прохаживается по заведению, замечая неподвижность или непривычный, скрипящий, слишком громкий звук веретена, торопливо идет, сдерживает или пускает его в надлежащий ход, – так и Анна Павловна <...> одним словом

поле в скором времени приобщит себе всех насельников Белогорской крепости, но сейчас коснемся линии только одного персонажа – самой Василисы Егоровны. Эта линия проведена между двумя точками: впервые ПГ видит *старушку в телогрейке*, в последний раз – *бедную старушку*, раздетую *донага* пугачевскими *разбойниками*, причем один из них *успел уже нарядиться в ее душегрейку* (глава VII). Гардероб Василисы Егоровны по определению был весьма скромн, и, по всей вероятности, автор КД использовал два однокоренных слова как синонимы: различие между телогрейкой и душегрейкой состоит только в том, что первая «длиною пускается во весь рост» (Словарь Академии Российской 1789–1794, II: 403; см.: БП. 1910. № 355: 94), а вторая – по пояс. Этот предмет женской утепленной одежды не исчезает из повествования, но переходит – сохраняя свои коннотации – к *даме*, которую встречает *дочь капитана Миронова* в Царскосельском парке:

Она была въ бѣломъ утреннемъ платьѣ, въ ночномъ чепцѣ и въ душегрѣйкѣ (Глава XIV)²⁵.

36

«Иванъ Игнатьичъ!» – сказала капитанша кривому старичку. – **«Разбери Прохорова съ Устиньей, кто правъ, кто виноватъ. Да обоихъ и накажи <...>»** (Глава III).

Речь идет о нарушении мыльного этикета, допущенного *капра-лом Прохоровым* и *Устиньей Негулиной* во время совместного посещения бани в Белогорской крепости (см.: Осповат 2022: 78–79). Подтекстуальная параллель к этой реплике – одна из инструкций городничего в «Ревизоре» (д. I, явл. 5):

или перемещением опять заводила равномерную, приличную разговорную машину. <...> Веретена с разных сторон равномерно и не умолкая шумели» (Толстой 1978–1985, 4: 16–17).

²⁵ Параллель между Екатериной II и Василисой Егоровной – самовластными правилами огромной империи и маленькой крепости – впервые отметил Алан Безансон (см.: Besançon 1967: 164).

Да сказать Держиморде, чтобы не слишком давал воли кулакам своим; он для порядка всем ставит фонари под глазами – и правому и виноватому²⁶.

См. также признание главного героя в комедии «Бригадир» (д. I, явл. 1):

[В]се грешны человецы. Я сам бывал судьей: виноватый, бывало, платит за вину свою, а правый за свою правду; и так в мое время все довольны были: и судья, и истец, и ответчик (Фон Визин 1830, 1: 31).

37

– А слышь ты, Василиса Егоровна, – отвѣчалъ Иванъ Кузмичъ, – я былъ занять службой: солдатушекъ училъ (Глава III).

Речевая партия коменданта начинается его любимым присловьем (*adagium*), о происхождении и контекстуальных коннотациях которого со знанием дела высказался автор романа «Иван Выжигин». Здесь (глава VII) к возгласу персонажа на идиш: «Герш-ту!» – препровождено примечание:

Это, исковерканная в смысле и в произношении, немецкая фраза: *hörst du? слышишь ли ты?* Жиды, особенно жидовки, в Польше употребляют это *герш-ту* в каждом случае, когда сердиты или недовольны: оно отвечает русскому: *вот те на*, или: *видишь ли, каков!* (Булгарин 1830: 95; курсив автора).

38

А какъ тому два года Иванъ Кузмичъ выдумалъ въ мои именины палить изъ нашей пушки... (Глава III).

Обычай, прочно привившийся в XVIII – первой половине XIX века. Так, в 1762 году *палили из пушек* на свадебном обеде генерал-майора Михаила (Артемоновича) Муравьева (см.: Муравьев М. А.

²⁶ Пушкин слышал авторское исполнение «Ревизора» 18 января 1836 года на субботнем вечере у Жуковского в Шепелевском доме (см.: Остафьевский архив 1899: 285–286). Первое издание комедии появилось в апреле 1836 года.

1994: 50); в 1794-м – на обеде в день именин пензенского вице-губернатора князя Ивана Долгорукова (см.: Долгоруков 2004: 358), в 1822-м – на обеде в день рождения князя Петра Вяземского в Остафьево (см.: Булгаков 1901: 435).

39

Знамена развѣвались. Нѣсколько пушекъ, между коихъ узнать я и нашу, поставлены были на походные лафеты (Глава IX).

Трофеи, захваченные правительственными войсками при подавлении пугачевского бунта, хранились в Арсенале московского Кремля. Летом 1837 года там побывал известный немецкий картограф и путешественник Йохан Георг Коль, которому принадлежит самое раннее описание данных предметов:

Пушки, которыми мятежный казак наводил ужас на российскую империю, станут теперь посмешищем для русских детей. Они являют собой не что иное, как толстые листы железа, свернутые в трубу, и на них хорошо видны грубые швы. Знамя, реявшее над разбойником, выходцем из каспийских степей, соответствовало его пушкам. Это – грубая мешковина с намалеванным изображением Богородицы [das Bild der Mutter Maria]. Сама тряпка приделана к деревяшке, обработанной не более искусно, чем кол в заборе. Все же этому обручку вменялась известная святость, поскольку то место, где он был переломан пополам, старательно скреплено железным кольцом (Kohl 1841: 111; перевод К. Осповата).

40

Не стану описывать Оренбургскую осаду, которая принадлежит истории, а не семейственным запискам (Глава X).

Фраза, отсылающая к «Истории Пугачевского бунта», – свободная вариация нарративной формулы, к тому времени прочно закрепившейся в европейском историческом романе:

It's not our purpose to intrude upon the province of history (Scott 1829–1833, 2: 249).

Смысловой вес этой формулы определен в исследовании Ричарда Максвелла:

“It is not our purpose...” is a way of acknowledging huge amounts of material that cannot be included in a work of fiction, for practical as well as aesthetic or ideological reasons, and simultaneously of admitting that the material is there, that it should not be ignored, that it *would* get into the story if it could, and that we really should know the whole background before proceed any further, even though we may or may not make the effort (Maxwell 2009: 57; курсив автора).

41

Вдругъ мысль мелькнула въ головѣ моей: въ чемъ она состояла, читатель увидитъ изъ слѣдующей главы, какъ говорятъ старинные романисты (Глава X).

Приостановка повествования с целью возбудить читательский интерес к новому (часто неожиданному) сюжетному повороту – прием, имевший давнюю традицию и обыгранный еще Сервантесом:

[И] в числе многого другого им было высказано нечто, о чем мы узнаем из следующей главы (Сервантес 1932: 234);

Тогда <...> Санчо <...> сказал, – а что именно, мы узнаем из следующей главы (Там же: 245).

См. вариации этого клише у Филдинга, Стерна и Вальтера Скотта:

The prudent housekeeper was again dispatched to bring the unhappy culprit before Mr Allworthy, in order <...> to receive wholesome admonition and reproof, which those who relish that kind of instructive writing, may peruse in the next chapter (Fielding 1749: 28);

What were the consequences, and what was *Yorick's* catastrophe thereupon, you will read in the next chapter (Sterne 1760: 60);

The effect of this indulgence upon his temper and character will appear in the next chapter (Scott 1829–1833, I: 42);

But this, being an important subject, must form the commencement of a new chapter (Ibid.: 198).

42

[«]Какъ ты думаешь: Прусскій король могъ ли бы со мною потягаться?» Хвастливость разбойника показалась мнѣ забавна. [«]Самъ какъ ты думаешь? [–] сказалъ я ему; управился ли бы ты съ Фридерикомъ? [«] «Съ Ѳеодоромъ Ѳеодоровичемъ? А какъ же нѣтъ? Съ вашими енаралами вѣдь я же управляюсь; а они его бивали...[»] (Глава XI).

Во время Семилетней войны (1756–1763) Пугачев служил в русской армии²⁷, которая противостояла прусской, возглавляемой королем Фридрихом II «Великим» (Friedrich II, Friedrich der Große), и в этой беседе с ПГ он нарочито играет бывшими тогда в ходу просторечными формами. Если ПГ, следуя литературной норме, употребляет французский вариант имени короля (Frédéric):

Парящей слыша шум орлицы,
Где пышный дух твой, Фридерик?
(Ломоносов 1803: 164; см.: БП. 1910. № 218: 59);

И знает, какова душа твоя велика,
Когда ты действовал противу Фридерика
(Майков В. 1809: 266; см.: БП. 1910. № 375: 223), –

то в реплике самозванца оно нарочито русифицировано по двучленной модели (отцом Фридриха II был король Фридрих Вильгельм I). Это и ему подобные именованья, фигурирующие в мемуарах о Семилетней войне:

[П]руссаки тут-то и расшевелились. Солдаты опомнились.
«Смотри, пожалуй, что затеял Федор Федорович!» (Лубяновский 1872: 125–126; из рассказа генерала Владимира Лопухина), –

служили предметом ученого интереса:

²⁷ Об этом читатель КД мог узнать из «Истории Пугачевского бунта» (см.: Пушкин 1937–1949, 9 / 1: 137).

[Г]оворили, как солдаты наши перекрещивают геогр<афические> <так!> имена: в 7 летн<ую> войну Марию Терезию назыв<али> Марьею Терентьевною, а Фридриха Федором Федорычем (Снегирев 1904: 12; запись в дневнике от 6 апреля 1823 года), –

или вводились для создания *couleur locale* в беллетристике и газетных фельетонах:

[С]тены гостиницы увешаны были портретами: Марьи Терентьевны, Императрицы Австрийской, Федора Федорыча, Короля Прусского²⁸.

В связи с другой просторечной номинацией, которая в лексиконе Пугачева встречается в разных падежных формах (*енаралы / енаралов / енаралами* – глава XI), ср. конспект рассказа, услышанного Пушкиным от казачки Бунтовой в сентябре 1833 года, и запись того же самого рассказа, сделанную некоей «молодой москвичкой» спустя два месяца:

Он сидел между двумя казаками, из коих один держал серебряный топорик, а другой булаву (Пушкин 1937–1949, 9 / 2: 497).

Бывало он сидит <...> по сторонам сидят его енаралы: один держит серебряный топор <...>, другой – серебряный меч... (Майков Л. Н. 1899: 428).

В литературе и на театре эта номинация использовалась в качестве речевого маркера социальной идентификации. См. в комедии «Рогоносец по воображению» (д. I, явл. 6):

Х а в р о н ь я. Какова ето Енарала адъютант у нас был? (Сумароков 1787, 6: 8).

²⁸ Кораблинский А. [Воейков А.] Путешествие переводчика из дворян Полетаева по России, в конце XVIII и в начале XIX-го века. – Литературные прибавления к Русскому Инвалиду. 1833. 7 января. № 2. С. 13.

СОКРАЩЕНИЯ

- БП – Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина (Библиографическое описание). СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1910.
- ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. I–XLV. СПб.: В Типографии II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Адрианова-Перетц В. П. 1968. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI–XIII веков. Л.: Издательство «Наука». Ленинградское отделение.
- Алексеев М. П. 1964. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI–XIX вв. Л.: Издательство Ленинградского университета.
- Альтман М. С. 1971. Литературные параллели. – Страницы истории русской литературы: К 80-летию чл.-корр. АН СССР Н. Ф. Бельчикова. М.: Издательство «Наука». С. 37–44.
- Берков П. Н. 1962. Несколько справок для биографии А. П. Сумарокова. – XVIII век. Сборник 5. М.; Л.: Издательство АН СССР. С. 364–375.
- Бестужев А. А. 1824. Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года. – Полярная звезда: Карманная книжка на 1824-й год <...> / Изд. А. Бестужевым и К. Рылевым. СПб.: В Военной Типографии Главного Штаба Е. И. В. С. 1–14.
- Б[естужев] А. 1831. Наезды: Повесть 1613 года. – Сын отечества и Северный архив. Т. XVIII. № 13. С. 329–341.
- Булгаков А. Я. 1901. Из писем Александра Яковлевича Булгакова к брату: 1822-й год. – Русский архив. № 3. С. 398–469.
- Булгарин Ф. 1830. Иван Выжигин, нравственно-сатирический роман: В 4-х чч. Изд. 3-е, исправленное. Ч. I. СПб.: В Типографии Александра Смирдина.
- Вельтман 1833. Песнь ополчению Игоря Святославовича <...> / Пер. с древнего русского языка <...> Александром Вельтманом. М.: В Типографии С. Селивановского.
- Выготский Л. С. 1997. Психология искусства: Анализ эстетической реакции. Изд. 5-е, заново сверенное с оригиналом, исправленное и дополненное. М.: Лабиринт.
- Грамматин 1823. Слово о полку Игоревом, историческая поэма, писанная <...> на славенском языке прозою и с оной преложенная стихами

- древнейшего русского размера [Николаем Грамматиным] <...>. М.: В Типографии С. Селивановского.
- Двинянинов Б. Н. 1979. Сочетание «свычай и обычай» в переводах «Слова о полку Игореве» и у Пушкина. – Труды Отдела древнерусской литературы [ИРЛИ РАН]. Т. XXXIV. Л.: Издательство «Наука». Ленинградское отделение. С. 247–249.
- Дмитриев И. И. 1893. Взгляд на мою жизнь. – Дмитриев И. И. Сочинения Ивана Ивановича Дмитриева / Ред. и примечания А. А. Флоридова. Т. II. СПб.: Издание Евг. Евдокимова. С. 1–167.
- Дмитриев М. А. 1869. Мелочи из запаса моей памяти. 2-м тиснением <...>. М.: Типография Грачева и Комп.
- Долгоруков И. М., кн. 2004. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни <...>. Т. I. СПб.: Издательство «Наука».
- Долинин А. А. 1997. Еще раз о хронологии «Капитанской дочки». – Пушкин и другие: Сборник статей к 60-летию профессора С. А. Фомичева. Новгород: Государственный университет им. Ярослава Мудрого. С. 52–59.
- Дубровин Н. 1884. Пугачев и его сообщники: Эпизод из истории царствования Императрицы Екатерины II, 1773–1774 гг. По неизданным источникам. Т. II. СПб.: Типография И. Н. Скороходова.
- Живов В. М. 2017. История языка русской письменности. Т. II. М.: Университет Дмитрия Пожарского.
- [Крылов И.] 1792. Похвальная речь в память моему дедушке, говоренная его другом в присутствии его приятелей за чашею пуншу. – Зритель. Ч. III. С. 63–80.
- Лазарчук Р. М. 1999. М. Н. Муравьев и Вологда. – Лазарчук Р. М. Литературная и театральная Вологда 1770–1800-х годов: Из архивных разысканий. Вологда: Легия. С. 10–43.
- Левитский 1813. Ироическая песнь о походе Игоря на половцов, писанная на славянском языке <...>, ныне переложенная в стихи старинной русской меры Иваном Левитским. СПб.: В Типографии И. Байкова.
- Ломоносов М. В. 1803. Собр. разных соч. в стихах и в прозе Михайлы Васильевича Ломоносова. Изд. новое и исправленное <...>. Ч. I. СПб.: В типографии Шнора.
- Лубяновский Ф. П. 1872. Воспоминания Федора Петровича Лубяновского. – Русский архив. № 1. С. 98–185.

- Майков В. 1809. Соч. Василия Майкова, или Собрание Остроумных, Сатирических, Забавных Поем <...> и других его Лирических творений. СПб.: Печатано при Кадетском Корпусе.
- Майков Л. Н. 1899. Пушкин: Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб.: Издание Л. Ф. Пантелеева.
- М[акаров М. Н.] 1836. Черты из жизни русских дворян в конце XVIII века. – Московский наблюдатель. Ч. 9. Кн. 14. С. 243–252.
- Мешков И. И. 1905. Записки Ивана Ивановича Мешкова. – Русский архив. № 6. С. 177–242.
- Муравьев М. А. 1994. Журнал от начала рождения моего <...> / Публикация Т. Г. Дмитриевой, М. М. Якушкиной и Г. Р. Якушкина. – Российский архив. [Вып.] V. М.: Студия «ТРИТЭ»; «Российский архив». С. 8–81.
- Муравьев М. Н. 1773a. Басни лейб-гвардии Измайловского полку фурыера Михайлы <так!> Муравьева. Кн. 1. СПб.: Типография Сухопутного кадетского корпуса.
- Муравьев М. Н. 1773b. Переводные стихотворения лейб-гвардии Измайловского полку каптенармуса Михайла Муравьева. СПб.: При императорской Академии наук.
- Муравьев М. Н. 1820. Полн. собр. соч. Михаила Никитича Муравьева. Ч. 3. СПб.: В типографии Российской Академии.
- Оксман Ю. Г. 1959. Пушкин в работе над «Историей Пугачева» и повестью «Капитанская дочка». – Оксман Ю. Г. От «Капитанской дочки» к «Запискам охотника»: Пушкин – Рылеев – Кольцов – Белинский – Тургенев. Исследования и материалы. Саратов: Саратовское книжное издательство. С. 5–133.
- Осват А. Л. 2006. Из материалов для комментария к «Капитанской дочке» (1–5). – Текст и комментарий: Круглый стол к 75-летию Вяч. Вс. Иванова. М.: Издательство «Наука». С. 247–266.
- Осват А. Л. 2022. Из материалов для комментария к «Капитанской дочке» (12–25). – Slavica Revalensia. Vol. IX. С. 71–91.
- Остафьевский архив 1899. Остафьевский архив князей Вяземских. [Т.] III. СПб.: Издание графа С. Д. Шереметева; типография М. М. Стасюлевича.
- Песнь 1800. Ироическая песнь о походе на половцов <...> Игоря Святославича, писанная старинным русским языком <...> с переложением на употребляемое ныне наречие. М.: В Сенатской Типографии.

- Пожарский 1819. Слово о полку Игоря Святославича <...>, вновь переложенное Яковом Пожарским, с присовокуплением примечаний. СПб.: В Типографии Департамента Народного Просвещения.
- [Пушкин А.] 1836. Капитанская дочка. – Современник. Т. IV. С. 42–215.
- Пушкин А. С. 1937–1949. Полн. собр. соч.: В 17-ти тт. [М.; Л.:] Издательство АН СССР.
- Роспись 1881. Роспись приданому для Екатерины Романовны. – Архив князя Воронцова. Кн. 21. М.: В Университетской типографии (М. Катков). С. 379–382.
- Рукою Пушкина 1935. Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты подготовили к печати и комментировали М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. М.; Л.: Academia.
- Сборник 1893. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 86. СПб.: [Типография М. М. Стасюлевича].
- Сервантес де Сааведра М. де. 1932. Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский: В 2-х тт. / Пер. Б. А. Кржевского, [Г. Л. Лозинского,] А. А. Смирнова. Т. 2. М.: Academia.
- Словарь Академии Российской 1789–1794. Словарь Академии Российской: В 6-ти чч. СПб.: При Императорской Академии Наук.
- Снегирев И. М. 1904. Дневник Ивана Михайловича Снегирева / С предисловием А. А. Титова. Т. I: 1822–1852. М.: Университетская типография.
- Спасский И. Г. 1962. Русская монетная система: Историко-нумизматический очерк. Л.: Государственный Эрмитаж.
- Страхов Н. 1810. Мои петербургские сумерки. Ч. 1. СПб.: В Сенатской типографии.
- Сумароков А. П. 1787. Полн. собр. всех сочинений в стихах и прозе <...>. Изд. 2-е. Ч. I–X. М.: В Университетской Типографии у Н. Новикова.
- Толстой Л. Н. 1978–1985. Собр. соч.: В 22-ти тт. М.: «Художественная литература».
- Тургенев А. М. 1885. Записки Александра Михайловича Тургенева: 1772–1863. – Русская старина. № 9. С. 365–390.
- Фон Визин Д. И. 1830. Полн. собр. соч.: В 4-х чч. М.: В Типографии Семена Селивановского.
- Черейский Л. А. 1988. Пушкин и его окружение. Изд. 2-е, дополненное и переработанное. Л.: Издательство «Наука». Ленинградское отделение.
- Шениг Н. И. 1880. Воспоминания Николая Игнатьевича Шенига. – Русский архив. № 3. С. 267–326.

- Шишков А. С. 1818–1839. Собр. соч. и пер. <...>: В 17-ти чч. Ч. V. СПб.: В Типографии Императорской Российской Академии.
- Эмин Ф. 1788. Адская почта, или Куриер из ада с письмами. СПб.: На ижд<ивение> П. Б<огдановича>.
- Besançon, A. 1967. *Le Tsarévitch immolé : La symbolique de la loi dans la culture russe*. Paris: Plon.
- Fielding, H., esq. 1749. *The History of Tom Jones, A Foundling*: In 6 vols. London: Printed for A. Millar.
- Kohl, J. G. 1841. *Reizen im Inneren von Rußland und Polen*. Bd. I. Dresden; Leipzig: Arnoldischen Buchhandlung.
- Marker, G. 1985. *Publishing, Printing, and the Origins of the Intellectual Life in Russia, 1700–1800*. Princeton: Princeton University Press.
- Maxwell, R. 2009. *The Historical Novel in Europe, 1650–1950*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Pouschkine, A. 1853. *La fille du capitaine / Traduction de Louis Viardot [et Ivan Tourguéneff]*. Paris: Librairie de L. Hachette et Cie.
- Reyffman, I. 1994. Poetic Justice and Injustice: Autobiographical Echoes in Pushkin's *The Captain's Daughter*. – *Slavic and East European Journal*. Vol. 38. No. 3. P. 463–478.
- [Scott, W.] 1829–1832. *Waverley Novels*: In 48 Vols. Edinburgh; London: Cadell & Company; Simpkin and Marshall.
- [Sterne, L.] 1760. *The Life and Opinions of Tristram Shandy, Gentleman*. Vol. I. [York: Printed by Ann Ward].

REFERENCES

- Adrianova-Peretts, V. P. *Slovo o polku Igoreve' i pamiatniki russkoi literatury 11–13 vekov*. Leningrad: "Nauka." Leningradskoe otделение, 1968.
- Al'tman, M. S. "Literaturnye paralleli." In *Stranitsy istorii russkoi literatury: K 80-letiiu chl.-korr. AN SSSR N. F. Bel'chikova*, 37–44. Moscow: Nauka, 1971.
- Alekseev, M. P. *Ocherki istorii ispano-russkikh literaturnykh otnoshenii 16–19 vv.* Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1964.
- Berkov, P. N. "Neskol'ko spravok dlia biografii A. P. Sumarokova." In *18 vek*. Vol. 5, 364–75. Moscow and Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1962.
- Besançon, A. *Le Tsarévitch immolé: La symbolique de la loi dans la culture russe*. Paris: Plon, 1967.
- Bestuzhev, A. A. "Vzgliad na russkuiu slovesnost' v techenie 1823 goda." In *Poliarnaia zvezda: Karmannaia knizhka na 1824-i god [...]*. Edited by

- A. Bestuzhev and K. Ryleev, 1–14. Saint Petersburg: V Voennoi Tipografii Glavnogo Shtaba E. I. V., 1824.
- B[estuzhev], A. “Naездy: Povest’ 1613 goda.” *Syn otechestva i Severnyi arkhiv* 18, no. 13 (1831): 329–41.
- Bulgakov, A. Ia. “Iz pisem Aleksandra Iakovlevicha Bulgakova k bratu: 1822-i god.” *Russkii arkhiv* 3 (1901): 398–469.
- Bulgarin, F. *Ivan Vyzhigin, nravstvenno-satiricheskii roman*. 4 vols. 3rd rev. ed. Vol. 1. Saint Petersburg: V Tipografii Aleksandra Smirdina, 1830.
- Cervantes de Saavedra, M. de. *Khitroumnyi idal’go Don Kikhot Lamanchskii*. 2 vols. Vol. 2. Translated by B. A. Krzhevskii, [G. L. Lozinskii] and A. A. Smirnov. Moscow: Academia, 1932.
- Chereiskii, L. A. *Pushkin i ego okruzhenie*. 2nd rev. and exp. ed. Leningrad: Izdatel’stvo “Nauka.” Leningradskoe otdelenie, 1988.
- Dmitriev, I. I. “Vzgliad na moiu zhizn’.” In *Sochineniia Ivana Ivanovicha Dmitrieva*. Edited and annotated by A. A. Floridov. Vol. 2, 1–167. Saint Petersburg: Izdanie Evg. Evdokimova, 1893.
- Dmitriev, M. A. *Melochi iz zapasa moei pamiati*. 2nd ed. Moscow: Tipografia Gracheva i Komp., 1869.
- Dolgorukov, I. M., prince. *Povest’ o rozhdenii moem, proiskhozhdenii i vsei zhizni* [...]. Vol. 1. Saint Petersburg: Nauka, 2004.
- Dolinin, A. A. “Eshche raz o khronologii ‘Kapitanskoi dochki’.” In *Pushkin i drugie: Sbornik statei k 60-letiiu professora S. A. Fomicheva*, 52–59. Novgorod: Gosudarstvennyi universitet im. Iaroslava Mudrogo, 1997.
- Dubrovin, N. *Pugachev i ego soobshchniki: Epizod iz istorii tsarstvovaniia Imperatritsy Ekateriny II, 1773–1774 gg. Po neizdannym materialam*. Vol. 2. Saint Petersburg: Tipografia I. N. Skorokhodova, 1884.
- Dvinianinov, B. N. “Sochetanie ‘svychai i obychai’ v perevodakh ‘Slova o polku Igoreve’ i u Pushkina.” In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury [IRLI RAN]*. Vol. 34, 247–49. Leningrad: Izdatel’stvo “Nauka.” Leningradskoe otdelenie, 1979.
- Emin, F. *Adskaia pochta, ili Kurier iz ada s pis’mami*. Saint Petersburg: Na izhd[ivenie] P. B[ogdanovicha], 1788.
- Fielding, H., esq. *The History of Tom Jones, A Foundling*. 6 vols. London: Printed for A. Millar, 1749.
- Grammatin, N. *Slovo o polku Igorevom, istoricheskaiia poema, pisannaia [...] na slavenskom iazyke prozoiu [...] i s onoi prelozhennaia stikhami drevneishego*

- russkogo razmera [Nikolaem Grammatinym] [...]. Moscow: V tipografii S. Selivanovskogo, 1823.
- Iroicheskaia pesn' o pokhode na polovtsov [...]* Igoria Sviatoslavicha, pisannaia starinnyim russkim iazykom [...] s perelozheniem na upotrebliaemoe nyne narechie. Moscow: V Senatskoi Tipografii, 1800.
- Kohl, J. G. *Reizen im Inneren von Rußland und Polen*. Vol I. Dresden and Leipzig: Arnoldischen Buchhandlung, 1841.
- [Krylov, I.] "Pokhval'naia rech' v pamiat' moemu dedushke, govorennaia ego drugom v prisutstvii ego priiatelei za chasheiu punshu." *Zritel'* 3 (1792): 63–80.
- Lazarchuk, R. M. "M. N. Murav'ev i Vologda." In *Literaturnaia i teatral'naia Vologda 1770–1800-kh godov: Iz arkhivnykh razyskanii*, 10–43. Vologda: Legiia, 1999.
- Levitskii, I. *Iroicheskaia pesn' o pokhode Igoria na polovtsov, pisannaia na slavianskom iazyke [...], nyne perelozhennaia v stikhi starinnoi russkoi mery Ivanom Levitskim*. Saint Petersburg: V Tipografii I. Baikova, 1813.
- Lomonosov, M. V. *Sobranie raznykh sochinenii v stikhakh i v proze Mikhaila Vasil'evicha Lomonosova*. New rev. ed. Vol. 1. Saint Petersburg: V tipografii Shnora, 1803.
- Lubianovskii, F. P. "Vospominaniia Fedora Petrovicha Lubianovskogo." *Russkii arkhiv* 1 (1872): 98–185.
- M[akarov, M. N.] "Cherty iz zhizni russkikh dvorian v kontse 18 veka." *Moskovskii nabliudatel'* 9, no. 14 (1836): 243–52.
- Maikov, V. *Sochineniia Vasiliia Maikova, ili Sobranie Ostroumnykh, Satiricheskikh, Zabavnykh Poem [...] i drugikh ego Liricheskikh tvoreni*. Saint Petersburg: Pechatano pri I[-]m Kadetskome Korpusse, 1809.
- Maikov, L. N. *Pushkin: Biograficheskie materialy i istoriko-literaturnye ocherki*. Saint Petersburg: Izdanie L. F. Panteleeva, 1899.
- Marker, G. *Publishing, Printing, and the Origins of the Intellectual Life in Russia, 1700–1800*. Princeton: Princeton University Press, 1985.
- Maxwell, R. *The Historical Novel in Europe, 1650–1950*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
- Meshkov, I. I. "Zapiski Ivana Ivanovicha Meshkova." *Russkii arkhiv* 6 (1905): 177–242.
- Modzalevskii, B. L. *Biblioteka A. S. Pushkina (Bibliograficheskoe opisanie)*. Saint Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk, 1910.

- Murav'ev, M. A. "Zhurnal ot nachala rozhdeniia moego [...]" Edited by T. G. Dmitrieva, M. M. Iakushkina and G. R. Iakushkina. In *Rossiiskii arkhiv*. Vol. 5, 8–81. Moscow: Studiia "TRITE"; "Rossiiskii arkhiv," 1994.
- Murav'ev, M. N. *Basni leib-gvardii Izmailovskogo polku fur'era Mikhaily [sic!] Murav'eva*. Vol. 1. Saint Petersburg: Tipografiia Sukhoputnogo kadetskogo korpusa, 1773.
- . *Perevodnye stikhotvoreniia leib-gvardii Izmailovskogo polku kaptenarmusa Mikhaila Murav'eva*. Saint Petersburg: Pri imperatorskoi Akademii nauk, 1773.
- . *Polnoe sobranie sochinenii Mikhaila Nikiticha Murav'eva*. Vol. 3. Saint Petersburg: V tipografii Rossiiskoi Akademii, 1820.
- Oksman, Iu. G. "Pushkin v rabote nad 'Istoriei Pugacheva' i povest'iu 'Kapitanskaia dochka'." In *Ot "Kapitanskoi dochki" k "Zapiskam okhotnika": Pushkin – Ryleev – Kol'tsov – Belinskii – Turgenev. Issledovaniia i materialy*, 5–133. Saratov: Saratovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1959.
- Ospovat, A. L. "Iz materialov dlia kommentariia k 'Kapitanskoi dochke' (1–5)." In *Tekst i kommentarii: Kruglyi stol k 75-letiiu Viach. Vs. Ivanova*, 247–66. Moscow: Nauka, 2006.
- . "Iz materialov dlia kommentariia k 'Kapitanskoi dochke' (12–25)." *Slavica Revalensia* 9 (2022): 71–91.
- Ostaf'evskii arkhiv kniazei Viazemskikh*. Vol 3. Saint Petersburg: Izdanie grafa S. D. Sheremeteva; tipografiia M. M. Stasiulevicha, 1899.
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, s 1649 goda*. Vols. 1–45. Saint Petersburg: V Tipografii II Otdeleniia Sobstvennoi E. I. V. Kantseliarii, 1830.
- Pouschkine, A. *La fille du capitaine*. Translated from the Russian by Louis Viardot [and Ivan Tourguéneff]. Paris: Librairie de L. Hachette et Cie, 1853.
- Pozharskii, Ia. *Slovo o polku Igoria Sviatoslavicha [...], vnov' perelozhennoe Iakovom Pozharskim s prisovokupleniem primechanii*. Saint Petersburg: V Tipografii Departamenta Narodnogo Prosveshcheniia, 1819.
- [Pushkin, A.]. "Kapitanskaia dochka." *Sovremennik* 4 (1836): 42–215.
- Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii*. 17 vols. [Moscow and Leningrad:] Izdatel'stvo AN SSSR, 1937–1949.
- Reyfmán, I. "Poetic Justice and Injustice: Autobiographical Echoes in Pushkin's *The Captain's Daughter*." *Slavic and East European Journal* 38, no. 3 (1994): 463–78.
- "Rospis' pridanomu dlia Ekateriny Romanovny." In *Arkhiv kniazia Vorontsova*. Vol. 21, 379–82. Moscow: V Universitetskoi tipografii (M. Katkov), 1881.

- Rukoiu Pushkina: Nesobrannye i neopublikovannye teksty*. Edited and annotated by M. A. Tsiavlovskii, L. B. Modzalevskii and T. G. Zenger. Moscow and Leningrad: Academia, 1935.
- Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva*. Vol. 86. Saint Petersburg: [Tipografiia M. M. Stasiulevicha], 1893.
- [Scott, W.] *Waverley Novels*. 48 vols. Edinburgh: Cadell; London: Simpkin and Marshall, 1829–1832.
- Shenig, N. I. “Vospominaniia Nikolaia Ignat’evicha Sheniga.” *Russkii arkhiv* 3 (1880): 267–26.
- Shishkov, A. S. *Sobranie sochinenii i perevodov [...]*. 17 vols. Vol. 5. Saint Petersburg: V Tipografii Imperatorskoi Rossiiskoi Akademii, 1818–1839.
- Slovar’ Akademii Rossiiskoi*. 6 vols. Saint Petersburg: Pri Imperatorskoi Akademii Nauk, 1789–1794.
- Snegirev, I. M. *Dnevnik Ivana Mikhailovicha Snegireva*. Prefaced by A. A. Titov. Vol. 1, 1822–1852. Moscow: Universitetskaia tipografiia, 1904.
- Spasskii, I. G. *Russkaia monetnaia sistema: Istoriko-numizmaticheskii ocherk*. Leningrad: Gosudarstvennyi Ermitazh, 1962.
- [Sterne, L.] *The Life and Opinions of Tristram Shandy, Gentleman*. Vol. 1. [York: Printed by Ann Ward], 1760.
- Strakhov, N. *Moi peterburgskie sumerki*. Vol. 1. Saint Petersburg: V Senatskoi tipografii, 1810.
- Sumarokov, A. P. *Polnoe sobranie vseh sochinenii v stikhakh i proze [...]*. 2nd ed. Vols. 1–10. Moscow: V Universitetskoi Tipografii u N. Novikova, 1787.
- Tolstoi, L. N. *Sobranie sochinenii*. 22 vols. Moscow: “Khudozhestvennaia literatura,” 1978–1985.
- Turgenev, A. M. “Zapiski Aleksandra Mikhailovicha Turgeneva: 1772–1863.” *Russkaia starina* 9 (1885): 365–90.
- Vel’tman, A. *Pesn’ opolcheniiu Igoria Sviatoslavovicha [...]*. Translated from the Old Russian [...] by Aleksandr Vel’tman. Moscow: V Tipografii S. Selivanovskogo, 1833.
- Von Wiesen, D. I. *Polnoe sobranie sochinenii*. 4 vols. Moscow: V Tipografii Semena Selivanovskogo, 1830.
- Vygotskii, L. S. *Psikhologiiia iskusstva: Analiz esteticheskoi reaktsii*. 5th rev. and exp. ed. Moscow: Labyrinth, 1997.
- Zhivov, V. M. *Istoriia iazyka russkoi pis’mennosti*. Vol. 2. Moscow: Universitet Dmitriia Pozharskogo, 2017.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ СОБАКА (МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИЧЕСКОМУ СЛОВАРЮ)

А. Л. Соболев

(Москва / Иерусалим)

Если попытаться формализовать суть тех не с кафедры данных уроков, что получили мы от поколения высокочтимого юбиляра и от него самого, то выявится до обидного плоский компендий очевидностей, сплошное «люби то-то, то-то, не делай того-то». Не возводить же всерьез в статус заповедей обычай пересверять архивный (да и любой прочий) текст при копировании, манеру не гнаться за чинами и привычку к вспашке широкой полосой свода возможных источников: эти азы научной гигиены могли и могут смотреться освежающей новацией лишь в соответствующем невеселом контексте. По тому же разряду проходят и вкус к щеголеватой сноске, тщательность отделки текста и невысказанная готовность войти в историю науки непременно персонажем списка благодарностей. Впрочем, даже само отсутствие склонности к дидактике можно (в качестве некоторого педагогического уробороса) считать фактором дидактическим.

Между тем среди помянутых доблестей есть одна, не только трудноразличимая с ходу, но и проговариваемая с запинкой – это особенная колумбовость, специфическая грум-гржимайлистость взгляда: чувствительное изменение оптики, благодаря которому для ученого открываются не хоженные ранее области и потаенные долины – таким волшебным свойством в полной мере наделен юбиляр. Предлежащее скромное приношение может считаться попыткой приложения подобной оптики к биографическому материалу. Это – материалы к словарю собак, оставивших след в истории русской литературы конца XIX – середины XX века. Несмотря на неоднократно провозглашавшуюся необходимость

подобной работы, кажется, по крайней мере на русском материале, предпринимается она впервые.

В словарь включены собаки, отвечающие двум формальным требованиям: зафиксированная *биографическая* связь с писателями (то есть собаки-прототипы остаются за пределами словника) и наличие сохранившейся клички. Словарные статьи выстроены по принципу, многократно опробованному на человеческом материале: имя, внешность, краткое жизнеописание, очерк родственных связей, библиографическая справка. Ради прокрустовой экономии места и благодаря самостоятельно наложенным ограничениям вне словаря осталась славная свора персонажей – начиная от той безымянной собаки, ради которой юный О. Э. Мандельштам (в зрелом возрасте предпочитавший кошек) продал библиотеку брата (см.: Лившиц 2019: 96), и заканчивая выводком псов не вполне литературных: сеттер Спот М. Д. Менделеевой, некогда встревоживший С. М. Соловьева¹; Мерик и Каштанка академика Е. В. Тарле; Джонни С. М. Алянского; Томка и Шулька семьи Бердяевых; Роб-Рой Ф. Шаляпина; Барбоска критика Н. Ф. Анненского (которая наверняка была знакома с младшим братом хозяина); пойнтер Мускат А. А. Реформатского; Цыганка, Пальма и Аргус из санатория «Узкое», памятные многим отдыхающим; Фибс К. А. Сомова; Каро Ю. П. Анненкова; Рогдай, Алалей, Мисс и Неро философа Шестова; Долли Вертинского; Астра из Дома творчества писателей в Малеевке, «впоследствии расстрелянная по постановлению сельсовета»²; Том из Дома творчества композиторов, герой «Баллады о Томе-свиноезде» А. А. Тарковского³;

¹ См.: Бекетова 1990: 72. Удивительный пример верности породе: тридцать с лишним лет спустя Мария Дмитриевна Менделеева будет судить ринг сеттеров на выставке Ленинградского областного общества кровного собаководства (см.: Каталог 1935: 4). Она же была официальным редактором каталога.

² Помета И. С. Рахилло на фотографии (см.: Малеевка 2001: 191).

³ «Жил-был желтый пес по прозванию Том / На костях свиней он построил дом. // Никого не звал к своему столу, / И скелет свиньи водрузил в углу. // Раз пришла к нему старая свинья, / Смотрит на скелет: “Это дочь моя! // Ты загрыз ее, недостойный скот, / Почему ж тебя совесть не грызет?” // И ответил Том: “Не мешай мне спать!” / И загрыз потом плачущую мать» (Мкртчян 1999: 163–164).

фокстерьер Ютли⁴ и такса Таки⁵ Мейерхольда; Тобик К. А. Коровина; Фликс Н. К. Метнера (которому посвящен музыкальный этюд хозяина «Пантеистическая кантата для трех голосов (со вступлением фортепиано и лаем собак на слове “гулять”)»; см.: Тарасова 1981: 50) и многие, многие другие. Конечно, даже и литературные, достоверно известные собаки по условиям объема включены сюда не полностью – но сам жанр подобного справочника заведомо подразумевает неполноту.

*

Алька (Аличка) – собака Н. Н. Шульговского. Все наличные сведения о ней находятся в его письмах к В. С. Миролубову. 26 июля 1916 г. он заканчивал изложение своего жизненного кредо фразой: «А правду скажу самому Богу, рабом быть не желаю и, если в раю не будет со мной моего Алички, собаки моей родной, то и рая не нужно. К чорту рай!» (ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. Ед. хр. 1281. Л. 14 об.). 7 февраля 1919 г. он писал: «Сознаю, однако, что я остался жить вовсе не для себя, что будущая моя жизнь станет мне мукой и страданием, ибо лучше той жизни, которая была у меня с детства и до смерти Альки, не может и быть» (Там же. Л. 23).

Арапка – «огромный мохнатый пес» (Бекетова 1990: 257) черно-желтой масти из усадьбы Шахматово, помешавший летом 1898 г. любительской постановке «Гамлета», в которой А. А. Блок играл главную роль. Сын *Дианки*. Упоминается в письме Блока к А. А. Кублицкому-Пиоттух от 27 июля 1899 г.: «Арапка плохая собака, он кусает лошадей и рвет платье у баб. Надо посадить его на цепь, потому что он очень большой и сильный и может больно кусаться» (Письма Блока 1987: 351). Ср. в письме Блока 1904 г. к матери: «Арапка на днях лишь вернулся со свадьбы, исхудал, глаза его грустны» (Письма Блока 1927: 115).

⁴ «[Т]рехколерный, происхождение неизвестно» (Каталог 1937: 44).

⁵ «[Ч]ерный, с подпалинами, происхождение неизвестно» (Каталог 1937: 46).

Арапка – собака А. П. Чехова, жившая в Мелихове. Досталась ему при покупке усадьбы в 1892 г.

Афка (Афик; не позднее 1907–1918?) – любимейшая (и чаще всего упоминаемая в переписке) собака Мережковских, их «многолетний друг» (Мережковский 2001: 70). В 1913 г. у него подозревали бешенство, но опасения не подтвердились. Около 1917 года его временно парализовало, но к лету он поправился (ср. приписку Т. Н. Гиппиус к письму Д. П. Соколовой от 1 июля 1917 года: «Афик бодро ковыляет, ему получше; ноги еще слабые, подгибаются» – РНБ. Ф. 481. Ед. хр. 89. Л. 3). Летом 1918 года он был еще жив: «М. б. нянечку к нам возьмем, только с условием изничтожения Афика и кошек. А то Зина уже собиралась навалить его на нас, параличного, гадающего. Даже выводить его с 6-го этажа нельзя. Он и у них-то всю кухню провонял» (черновик письма Т. Н. Гиппиус к А. Н. Гиппиус. – РНБ. Ф. 481. Ед. хр. 175. Л. 23 об.).

Басар (Ангельская душенька) – кавказская овчарка Н. А. Заболоцкого. Потомок одной из собак, охранявших дом творчества в Сагурамо (Грузинская ССР). Взят щенком в 1947 г. Позже жил на даче Кавериных (см.: Заболоцкий 1995: 495–496). Вероятно, в его честь дано имя собаке из повести Каверина «Ночной сторож, или Семь занимательных историй, рассказанных в городе Немухине в тысяча девятьсот неизвестном году».

Бенвенуто – рыже-коричневая собака, принадлежавшая детям Л. Н. Андреева в римский период их жизни. Найден на улице С. Л. Андреевым; оставлен в доме при участии Саши Черного: «Саша первый подал голос в его защиту и доказал маме, что собака в доме совершенно необходима» (Андреева 1986: 207–208). Вскоре заболел и был усыплен.

Беня Крик – это имя последовательно носили таксы Веры Инбер (см.: Инбер 1973: 351; на момент публикации здравствовал Б. К. IV). Одного из Б. К. встречал С. Довлатов в 1964–1965 гг. (см.: Тименчик 2014: 70).

Бижка (Мушка) – дворняжка Б. К. Пронина, маскот литературно-артистического кабаре «Бродячая собака». Биографические сведения разрозненны. В. Пяст писал: «Собственно, настоящих собак в “Собаке” не водилось, по крайней мере – почти. Была какая-то слепенькая мохнатенькая “Бижка”, кажется, – но бродила она по подвалу только днем» (Пяст 1997: 169). Вероятно, она же упоминается в романе М. А. Зенкевича «Мужицкий сфинкс»: «На лавке дремлет, свернувшись калачиком, подобранный где-то на улице живой символ “Бродячей собаки” – лохматая белая дворняжка <...>» (Зенкевич 1994: 446). В воспоминаниях Г. В. Иванова она титулуется Мушкой: «Директор “Собаки”, Борис Пронин, сидит на ступеньках узкой лестнички выхода, засыпанных снегом, гладит свою лохматую злую собачонку Мушку и горько плачет: “Мушка, Мушка, – зачем ты съела своих детей!..”» (Иванов 1994: 72). Не исключено, конечно, что речь идет о двух разных собаках. Вероятно, апокрифичны мемуары С. Ю. Судейкина: «По дороге нам попался бродяга, продававший лохматого бесцветного щенка. “Какая прелесть, – сказал Пронин. – Бродячий щенок, нет, будущая “бродячая собака”. Купи его, это – название для нашего подвала”» (Судейкин 1984: 190).

Бокс Первый – такса Набоковых. Сын *Лулу* (см.: Набоков 2005: 168).

Бокс Второй – такса Набоковых. По слухам, его родословная восходила к *Хине Марковне* и *Брому Исаичу*. Был вывезен в эмиграцию; в 1930 г. здравствовал в Праге (см.: Там же: 169).

Бром Исаич (Бром Исаевич) – такса А. П. Чехова. Сын *Пипа*. Подарен (как и *Хина Марковна*) Н. А. Лейкиным весной 1892 г. 31 марта Чехов писал ему: «<...> спешу написать Вам, чтобы поскорее получить от Вас обещанных таксов. Сии собаки мне весьма теперь нужны, так как я живу уже не в городе, а в собственном имении <...>. Только пожалуйста, чтобы таксы не были девочками. Пусть один будет мальчиком, а другой – девочкой» (Чехов 1977: 40). Дело затянулось, так что 8 июня пришлось напоминать: «видеть у себя таксов я жажду и алчу» (Там же: 75). Была безуспешная

попытка отправить за ними Ал. П. Чехова, но в результате дело отложилось почти на год (не исключено, что речь уже шла о щенках из следующего помета). Только в апреле 1893 г. таксы были доставлены И. П. Чехову и при помощи М. П. Чеховой прибыли в Мелихово. 16 апреля 1893 г. Чехов рапортовал Лейкину: «Вчера наконец прибыли таксы, добрейший Николай Александрович. Едучи со станции, они сильно озябли, проголодались и истомились, и радость их по прибытии была необычайна. Они бегали по всем комнатам, ласкались, лаяли на прислугу. Их покормили, и после этого они стали чувствовать себя совсем как дома» и т. д. (Там же: 201). С этого момента многочисленные упоминания об обеих таксах встречаются в переписке Чехова и в воспоминаниях о нем. Умер в июне 1899 г. (см. в письме М. П. Чеховой к М. Т. Дроздовой от 16 июня 1899 г.: «Бром сбесился, и его застрелили...». – Цит. по комм.: Чехов 1980: 516). См. превосходную работу: Васнецова 1987: 26–27. Несколько десятилетий спустя О. Л. Книппер назовет в его (и *Хины Марковны*) честь двух свежеприобретенных щенков таксы (см. ее письмо к М. П. Чеховой от 30 мая 1937 г.: Книппер, Чехова 2016: 279).

Булдс (Булька) – шотландский терьер Г. Серебряковой. Куплен в Лондоне в начале 1930-х годов по совету И. Г. Эренбурга. Погиб в 1939 г. под колесами грузовика. См. о нем: Серебрякова 1971: 394–395.

Булька – «маленький добрый бульдог» (Никулин 1966: 148) В. В. Маяковского. Постоянная героиня воспоминаний о последних годах жизни Маяковского. Была его талисманом в карточной игре. См. о ней: Эльберт 1930: 6. Пробовалась на эпизодическую роль в фильме В. И. Пудовкина «Стеклянный глаз», но оказалась неспособной к кино. После смерти хозяина жила в семействе Бриков, в 1931 г. искусила их домработницу и портниху. В феврале 1932 г. была передана в семью Б. Ясенского (см.: Валуженич 2015: 384). Вероятно, умерла в октябре 1933 г. Э. Триоле писала о ней сестре 1 июля 1939 г.: «Булька, конечно, причислена к лику святых, но при жизни от этой страдальцы все страдали. Как поживают Кирилл и Мефодий, дети этой старой девы?» (Брик, Триоле 2000: 93).

Булька – мопс Мережковских. Историю ее покупки описывает Гиппиус в воспоминаниях (см.: Гиппиус 2019: 66). Она появляется в поэме Гиппиус «Последний круг (И новый Дант в аду)» (см.: Гиппиус 2002: 572). Появилась она не позже 1890 г., поскольку упоминается в поэме Мережковского «Семейная идиллия» («А Булька серая, любимый мопс, меж нами / В тревоге бегаёт, как между двух огней». – Мережковский 2000: 366).

Буська – коричневый бульдог М. Горького (см.: Рождественский 1974: 146–147).

Бутон – собака М. А. Булгакова и Л. Е. Белозерской. Был взят щенком во второй половине 1929 г. (датируется по упоминанию работы над пьесой «Кабала святош»). Назван в честь слуги Мольера из этой же пьесы. На правах члена семьи имел собственную карточку при дверном звонке: «Бутон Булгаков. Звонить два раза» (см.: Белозерская-Булгакова 1990: 137). Упоминается в нескольких мемуарных очерках, ср.: «По квартире разгуливал рыжий пес Бутон, приветствуя гостей пушистым с плюмажем хвостом» (Ермолинский 1988: 438). По поводу последней цитаты Л. Е. Белозерская отзывалась: «Его встречал не пес Бутон, а я, хозяйка дома, которая восемь с половиной лет была женой писателя Булгакова» (Белозерская-Булгакова 1990: 157).

Бутылка – собака В. М. Лаврова. См. также *Рюмка*, *Стакан*. О ней: Гиляровский 1961: 207–210.

Бучка – сын *Арапки*, дворового пса из усадьбы Шахматово; одна из собак, привечавшихся А. А. Блоком (см.: Бекетова 1990: 272).

Варнава Препотенский (Берджоня) – собака Леонида Андреева, помесь таксы с дворнягой. «Он был весь вытянут в длину, ноги короткие, но не слишком кривые, только если посмотреть сзади, то заметно, что они от коленей торчат врозь. Цвета он был какого-то голубовато-стального, вроде полярного песка, но с белыми и

желтыми подпалинами. Одно его мягкое, как бархат, висячее ухо было черным, другое белым, глаза тоже – диво дивное! – были разными – один глаз карий, другой голубой» (Андреева 1986: 111). Назван в честь персонажа «Соборян» Н. С. Лескова. При отъезде Андреевых за границу собака была передана семье бывшего гласного Петербургской городской думы Лыжина и двум его сыновьям Ю. П. и П. П. Лыжиным; им принадлежало соседское имение Потешное.

Ворон – это имя последовательно носили несколько собак Г. А. Шенгели (см.: Молодяков 2016: 232). Первый из них, легавая собака черной масти, был подарен ему в 1904 г. Был застрелен хозяином 21 февраля 1912 г. (см. письмо Шенгели к М. М. Шкапской от 17 марта 1924 г.: Шенгели 1993: 253–254). Об одном из последующих Воронов (добермане-пинчере) см.: Тарковский 1991: 186–187.

Гайдан – собака М. А. Волошина, жившая в Коктебеле, «[ч]ерная мохнатая дворняжка с рыжими подпалинами» (Фейнберг 2006: 36). От его имени написано стихотворение Волошина «Гайдан» («Я их узнал, гуляя вместе с ними...») (см.: Волошин 2004: 470).

Гепеу (Гепеуша) – собака М. А. Волошина, жившая в Коктебеле. Появился в середине 1925 г. (ср. в письме Волошина к Н. А. Габричевской от 30–31 октября 1925 г.: «У нас засилие собак. Четыре... пять... семь... Со всех дач собрались. <...> Гепеуша совсем усыновился» (Волошин 2015а: 171). Анонимный сексот сообщал, что Г. и *Пулемет* – одна и та же собака (см.: Мешков 2015: 97).

Джек (Джэк) – собака Ю. И. Юркуна и М. А. Кузмина. Сын *Файки*. Умерщвлен матерью Юркуна В. К. Амбросевич (см.: Гильдебрандт-Арбенина 2007: 184).

Джека – овчарка А. И. и С. С. Гитовичей. Подобрана в Комаровском доме творчества около 1952 г. Была знакома с А. А. Ахматовой и А. А. Прокофьевым (см.: Гитович 1990: 336–337). Об отношении Ахматовой к собакам см. работу: Рубинчик 2022: 63–98.

Джерри – ташкентская собака Бахтеревых, знакомая А. А. Ахматовой (см.: Бахтерев 1990: 217).

Диана (Дианка) – собака, жившая в Шахматове. По воспоминаниям М. А. Бекетовой, «самая любимая» шахматовская собака юного Блока (Бекетова 1982: 766). Адресат стихотворения Блока «Посвящается Диане» («Полон гнева и клубники...»). Ср. в детском письме Блока к А. Кублицкому-Пиоттух: «Диана собака хорошо, хвост мало, *Орелка* собака – хвост много» (факсимиле автографа: Енишерлов 2005: 69).

Дорли – коричневый пудель М. М. Шкапской. Родилась в апреле 1935 г. Получила большую серебряную медаль на выставке в 1939 г. (см.: Каталог 1939: 57). Шкапская была широко известна как знаток и заводчица пуделей (см., в частности, *Урс*).

Жизель (Жулька) – английский сеттер М. М. Пришвина голубовато-серебристого цвета (см.: Пришвин 2013: 14, 15, 23, 27 и далее). Родилась летом 1945 г. Названа в честь балерины Г. С. Улановой и ее главной роли в балете «Жизель». Многократно упоминается в рассказах Пришвина.

Заливай – гончая А. П. Чехова. Подарена неизвестным лицом. Упоминается исключительно в письмах 1897 г. Была причиной смерти *Шарика*; конфликтовала с *Бромом Исаичем*.

Зорька – черный сеттер М. О. Гершензона. Подарена в 1902 г. семейством Щепкиных (Митрофан Павлович и двое его сыновей). Убежала в конце апреля 1907 г. и, несмотря на активные розыски, не нашлась. См. о ней: Соболев 2018: 263–268.

Кандибобер (Кандыбобер) – собака М. А. Волошина, жившая в Коктебеле. Возможно, сын *Хны*. В конце декабря 1928 г. в письме Волошина к Н. А. Габричевской именуется щенком (см.: Волошин 2015а: 642). Во время «собачьего дела» конца 1928–1929 гг. был

обвинен (вместе с *Юлахлы* и *Хной*) в потраве овец у местных чабанов. Собственноручно отравлен Волошиными 6–7 марта 1929 г.

Каштан – ялтинская собака А. П. Чехова, названная в честь легендарной Каштанки. Упоминается в переписке с 1900 г. А. И. Куприн вспоминал о нем: «Ничем, кроме глупости и лености, этот Каштан, впрочем, не отличался. По внешнему виду он был толст, гладок и неуклюж, светло-шоколадного цвета, с бессмысленными желтыми глазами» (Куприн 1986: 511).

Кинуся (Хокусавна) – крупная собака рыжей масти, принадлежавшая А. И. Порет. С ней связана знаменитая история о кличках, придуманных Д. И. Хармсом: каждые три дня собака переименовывалась. Сохранились имена Мордильерка, Брамбилла, Холидей и Бранденбургский концерт (см.: Порет 2013: 262–263; там же на с. 261 портрет Кинуси и ее щенков: Двуглазки, Фирюзэ, Тигрушки, Песочной пары, Пятнашки, Серяки, Арлекина, Девки-малявки и Звездной девочки).

Краб (Крабб) – такса А. А. Кублицкой-Пиоттух, жившая в Шахматове и симпатизировавшая А. А. Блоку (см.: Бекетова 1990: 271). Ср.: «Позднее он <Блок> постоянно возился и гулял с таксой своей матери Крабом» (Кублицкий 1980: 85). Была загрызена большими собаками в ночь на 1 октября 1906 г. Блок, узнав об этом, писал матери на следующий день: «Негодник – Крабка вовсе не умирал, я его люблю по-настоящему» (Письма Блока 1927: 157). Привет ему (и *Пику*) передавал С. М. Соловьев в письме к Блоку первой половины октября 1904 г. (см.: Переписка Блока 1980: 379).

Кус – пудель И. А. Груздева. См. в воспоминаниях И. Г. Эренбурга: «На выставке я вспомнил историю двух ленинградских пуделей – *Урса* и *Куса*: они принадлежали И. А. Груздеву, биографу Горького, одному из “серапионов”. В начале блокады жена Груздева принесла хлеб – паек на два дня. В передней зазвонил телефон; она забыла про голодных собак, а вспомнив, побежала в комнату. Пуделя глядели

на хлеб и роняли слюну; у них оказалось больше выдержки, чем у многих людей. Илья Александрович вскоре после этого застрелил Урса и его мясом кормил Куса, который выжил, но стал недоверчивым, угрюмым» (Эренбург 1967: 462).

Кэппи (Кэпи, Чти, Чти-память-дня-сражения-при-Фермопилах, Шти) – репинчер (карликовый пинчер), по другой версии – тойтерьер Д. И. Хармса (см.: Бахтерев 1984: 61; Семенов 1982: 259–260). Умер в 1932 г., когда Хармс находился в ссылке (см.: Кобринский 2008: 246).

Лада – поинтер М. М. Пришвина. В дневниковой записи 1938 г. говорится, что она «начинает стареть для охоты» (Пришвин 2010: 145). Там же (с. 146) описывается ее внешность: «Вся как белый кубарь, раскрашенный желтыми пятнами». Упоминается в рассказе «Как я научил своих собак горох есть».

Лайма – собака В. В. Каменского. Упоминается в его письме к Т. С. Грицу от 3 августа 1942 г. (см.: Ежиков 2009: 75).

Лапа – собака Ардовых «непонятной породы и загадочного нрава» (Чуковская 1997b: 56; позже здесь же объясняется, что странности с психикой оказались последствиями ранней травмы). 26 апреля 1955 г. укусила Л. К. Чуковскую, за что была наказана А. А. Ахматовой. Упоминается в письме последней к Н. А. Ольшевской-Ардовой от 6 февраля 1955 г. (см.: Герштейн 1991: 273). Подпись Л. значится среди человеческих (в т. ч. и самой Ахматовой) под коллективной поздравительной телеграммой к А. Г. Каминской от 22 мая 1955 г. (см.: Семейная переписка Ахматовой 1996: 141). 15 июня 1959 г. была взята Ахматовой в Переделкино на встречу с М. И. Алигер и О. Ф. Берггольц. Позже была передана в семью Никулиных (с характеристикой: «Она была любимицей Анны Андреевны». – Никулина 2014: 318).

Лапко (Лобко; Лапка) – крымская овчарка; собака, жившая в Коктебеле у М. А. Волошина в 1910-е годы. Ему посвящен обширный

фрагмент мемуарного очерка М. И. Цветаевой «Живое о живом». Волошин упоминает его в письме от 3 октября 1913 г. к Ю. Л. Оболенской (см.: Волошин 2011: 36).

Лебедь – собака, жившая в Шахматове. Героиня подражательного стихотворения юного А. А. Блока: «В дверях конурки Лебедь белый / Главой поникшею болтал, / *Орелка* ж, грязный и дебелый, / По кухне бешено скакал» (цит. по комм. В. П. Енишерлова: Письма Блока 1987: 349).

Литджи (Личжи) – рыжая колли А. П. и С. С. Гитовичей. Была чемпионом породы, победительницей выставок в Ленинграде и Москве. Известны многочисленные упоминания о ее знакомстве с А. А. Ахматовой (см. образцовое исследование: Поберезкина 2015: 143–144); была знакома с Н. А. Заболоцким. Ее портретом украшен картонаж 2-го тома монографии: Тименчик 2014 (а имя ее включено – редчайший случай – в именной указатель). Умерла летом 1964 г.

Лулу – такса Набоковых. Мать *Бокса Первого* (см.: Набоков 2005: 168).

Майор – собака А. П. Чехова. Сын *Хины Марковны*. Единственный источник сведений о нем – письмо Чехова к Г. М. Чехову от 18 марта 1897 г.: «Хина оценилась, привела на свет рыженького щенка, которого мы за его солидность прозвали Майором. На днях этот Майор издох» (Чехов 1978: 309).

Малик – жесткошерстная такса И. Г. Эренбурга, жившая у него в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Первое известное упоминание – в письме к В. Г. Лидину от конца ноября 1928 г. (см.: Эренбург 2004: 579). Названа в честь берлинского издательства „Malik-Verlag“, директором которого была подарена (см.: Фрезинский 2007: 52–53). Сведения о других эренбурговских собаках будут внесены в следующую версию материалов.

Малыш – овчарка, жившая у Бахтеревых в Ташкенте, знакомая А. А. Ахматовой (см.: Бахтерев 1990: 217).

Малыш – собака А. И. Куприна. Досталась ему при покупке дома в Гатчине (см.: Куприна 1971: 47).

Марс – ирландский сеттер, знакомец юного А. А. Блока. Упоминается в его письме к матери 1904 г.: «Марс переселился в другое место и не желает жить в Шахматове» (Письма Блока 1927: 115). Погиб от чумки. См. о нем: Кублицкий 1980: 85.

Микки – фокстерьер Саши Черного. Персонаж рассказов «Щенок» и «Фокс-воришка». От его имени написан «Дневник Фокса Микки». См. о нем: Дон-Аминадо 1994: 670. По преданию, умер от разрыва сердца в день смерти хозяина (см.: Куприна 1971: 226).

Мишка – собака рыжей масти, жившая в Переделкине на даче В. П. Катаева; сопровождала К. И. Чуковского в пеших прогулках. См. о нем: Раскин 1983: 298.

Молли – бульдог А. А. Ахматовой и Н. С. Гумилева. В феврале 1912 г. ее встречал М. А. Кузмин, навещавший Гумилевых в Царском Селе (см.: Кузмин 2005: 332). Гумилев упоминает ее в письмах к Ахматовой от 16/29 апреля 1913 г. («Горячо целую тебя и Леву; погладь Молли») и 16 июля 1915 г. (Гумилев 2007: 175, 189). «Бульдожка Молли» действует в мемуарах Е. Б. Черновой (см.: Чернова 2011: 68) и в воспоминаниях невестки Гумилева А. А. Гумилевой (см.: Гумилева 1989: 120). С ней ли связан фрагмент устных мемуаров? «О, да! – весело подтвердила Анна Андреевна, – когда едешь в мягком ландо, под маленьким зонтиком, с большой собакой рядом на сиденье и все говорят: “вот Ахматова”, – это одно <...>» (Чуковская 1997а: 213). Ср. переданный И. Одоевцевой ответ Гумилева на ее вопрос о собаках Ахматовой: «Нет, собственной собаки у нее не было. В деревне у нас, в Слепневе, было много дворовых псов, но комнатных собак, за исключением моей старшей сводной сестры, у нас никто не заводил» (Одоевцева 1988: 296). Вряд ли М. (а скорее какую-то другую, неизвестную нам собаку) купала Ахматова в Фонтанке во время визита к ней С. А. Есенина (см.: Виленкин 1982: 448).,

Мосей Мосеевич Кондачков (Действительный статский советник Кондачков) – мопс семьи Андреевых, «маленький невзрачный песик» (Соболев 2017: 69). Прототип главного героя рассказа Л. Андреева «Собака» (позднейшее название – «Друг»). См. о нем: Андреев 2009: 279.

Муська (Муся) – такса Мережковских. 14 июня 1913 г. Д. В. Фило-софов писал А. П. Боткиной: «Приобритен таксинный щенок, рыжий. Родители, по уверению продавца, породистые, но у щенка, которого зовут “Мусей”, ноги прямые, а хвост закорючкой. Портрет ее пришлю» (ГТГ. Ф. 48. Ед. хр. 4036. Л. 1 об.).

Муций – собака П. П. Муратова. Последовала за хозяевами в эмиграцию (см.: Комолова 2005: 343).

Мышь – собака Мережковских. Возможно, это имя последовательно принадлежало двум разным собакам. 15 июля 1910 г. З. Н. Гиппиус сообщала Д. В. Филосову: «Мышь пропала, убежав за монаховой собакой, и погибла» (Переписка Гиппиус 2018: 662). Невзирая на эти недвусмысленные сведения, два года спустя, 16 июня 1912 г. в той же переписке появляется сообщение: «За проклятую Мышь сегодня я уже заплатила 5 р., пять гусей удавил, неизвестно, что дальше будет» (Там же: 700).

Надежда Аполлоновна – собака, жившая в Коктебеле. Упоминания ее единичны; так, напр., Волошин писал к С. В. Шервинскому 24–29 октября 1924 г.: «...мы с Марусей живем совершенно одни, окруженные Ноевым Ковчегом: гуси, блудный *Тату*, щенок *Пулькин*, сама Надежда Аполлоновна, пять красных петухов...» (Волошин 2013: 826). Ср. в его же письмах к Н. А. Габричевской от 30–31 октября 1925 г.: «У нас засилие собак. Четыре... пять... семь... Со всех дач собрались. Надежда Аполлоновна снова днюет и ночует» (Волошин 2015а: 171) и к С. З. Федорченко от 26 ноября 1925 г.: «Заходят еще иногда порезвиться собачьи гости: *Гепеуша* и Надежда Аполлоновна» (Там же: 197).

Надька – римская овчарка М. Горького. См. о ней: Быковцева 1975: 65.

Намана – лайка П. Л. Драверта. Адресат стихотворения «Моей собаке» («Моя дорогая собака, моя Намана дорогая...»; см.: Драверт 1923: 90–93). См. о ней: Андреева 2014: 97.

Негодяй – черный пудель А. И. Куприна. Герой очерка «О пуделе». Был однажды взят владельцем на спектакль в Житомирский театр; поскольку пьеса Куприну не нравилась, он подробно излагал свои замечания собаке, из-за чего их обоих попросили прочь (см.: Куприна 1971: 35).

Нора (Норка) – спаниель М. М. Пришвина. Упоминается в дневниках начиная с 1941 г. (см.: Пришвин 2012: 519). Портрет ее содержится в рассказе Пришвина «Старший судья»: «Небольшая собачка эта Нора, величиной с зайца, на коротких ногах, и хвостик обрублен, а уши длинней сеттеровых, и, если голову держит пониже, уши метут пыль на земле. Во время кормления надеваем колечко из старого чулка, и оно подхватывает уши и не дает им валиться в миску. Псовина у Норы сеттеровая, густая, волнистая, черная с белым, ножки в белых чулочках» (Пришвин 1983: 304). Похоронена на холме близ дер. Дунино (см.: Пришвина 1978: 42).

Одноглаз (Одноглазка) – собака, жившая в Коктебеле у М. А. Волошина в 1910-е годы. Мать *Шоколада*. Ей посвящен фрагмент мемуарного очерка М. И. Цветаевой «Живое о живом» («Вторым, куда менее казистым, был Одноглаз, существо совершенно розовое от парши и без никаких душевных свойств, кроме страха, который есть свойство физическое». – Цветаева 1994: 197–198). Вероятно, принесла щенков в 1913 г. (ср. в письме М. А. Волошина к матери от 7 января 1914 г.: «У меня Марина и Ася <Цветаевы> пробыли часа два. Я их кормил остатками нашего новогоднего ужина. Затем они перецеловали всех старых собак и помяли 8 шт<ук> новых “одноглазовичей”» (Волошин 2011: 114).

Орелка – собака (вероятно, крупная), жившая в 1890-х годах в усадьбе Шахматово; упоминается в письмах юного А. А. Блока: «Недавно я сильно бил *Аранку* и Орелку – потому что они кусали лошадь гудинского мужика Никиты» (письмо к А. А. Кублицкому-Пиоттух от 27 июля 1899 г.; см.: Письма Блока 1987: 342). См. также *Диана*, *Лебедь*.

Пик – такса с «безумными страстями и мрачным характером» (Бекетова 1990: 63), унаследованная М. А. Бекетовой после ее отца, А. Н. Бекетова. Состоял в дружбе с А. А. Блоком. Умер в Шахматове от болезни сердца 5 августа 1905 г. См. также: Кублицкий 1980: 85. Привет ему (и *Крабу*) передавал С. М. Соловьев в письме к Блоку первой половины октября 1904 г. (см.: Переписка Блока 1980: 378).

Пип – такса Н. А. Лейкина. Отец *Брома Исаича* и *Хины Марковны*. 3 апреля 1895 г. Лейкин писал А. П. Чехову: «Жена <...> сняла фотографические карточки с моего такса Пипа <...>. Посылаю и Вам карточку Пипа. Впрочем, нет, это не я – это сам Пип посылает свой портрет его детям Брому и Хине на память. Вставьте карточку в альбом и показывайте им ее по праздникам» (цит. по прим.: Чехов 1978: 408). 7 апреля Чехов отвечал: «Фотографию Вашего пса передал его детям. Долго оба нюхали и, ничего не почувствовав, отошли прочь» (Там же: 50).

Полкан – собака В. А. Тихонова. Видевший его Ф. Ф. Фидлер вспоминает «толстую лапу», которую ему пришлось потрогать, но породу не упоминает (Фидлер 2008: 587).

Пулемет – собака М. А. Волошина, жившая в Коктебеле. Возможно, брат *Гепеу* или даже одно лицо с ним. В конце декабря 1928 г. Волошин сообщал Н. А. Габричевской, что «Пулемет исчез уже месяц назад» (Волошин 2015а: 642). В последующих письмах он безусловно называется покойным.

Пулька – собака, жившая в Коктебеле. Мать *Тату* и *Хны*. Фактически принадлежала местной жительнице по имени Фрося. Биографические данные отсутствуют.

Пуля (Пулька) – собака Мережковских. Умерла в 1913 г. 14 июня 1913 г. Д. В. Философов писал А. П. Боткиной: «У нас большая семейная перемена: скончалась бедная Пуля» (ГТГ. Ф. 48. Ед. хр. 4036. Л. 1 об.).

Пушок – золотистая болонка, принадлежавшая в детстве И. Г. Гейнике, будущей И. В. Одоевцевой (см.: Одоевцева 2014: 197). В короткой мемуарной зарисовке о П. упоминается также сенбернар Джек.

Райт – рыжий ирландский сеттер А. С. Новикова-Прибоя. См. о нем: Задонский 1975: 52.

Ринка-Малинка – легавая И. С. Соколова-Микитова (см.: Соколов-Микитов 1976: 106).

Рыжка – собака М. Горького, дочь *Топки*. См. о ней: Быковцева 1975: 65.

Рында (Рындочка) – собака И. Н. Кнорринг. Погибла в 1925 г. (см.: Кнорринг 2009: 482).

Рюмка – «огромная мохнатая» (Гиляровский 1961: 208) собака В. М. Лаврова. См. также *Бутылка*, *Стакан*.

Сапсан – меделян А. И. Куприна, любимая его собака. От его имени написан рассказ «Сапсан». Происходил из гатчинской псарни великого князя Михаила Александровича (последний центр разведения собак вскоре исчезнувшей породы). Согласно ненадежному свидетельству, К. К. Олипов (сын К. М. Фофанова), будучи в гостях у Куприна, пытался науськать С. на оставшуюся неизвестной поэтессу: «Плохо! Гадость! Преступление! – твердил Олипов и стучал кулаком по столу. – Сапсан! – звал он собаку. – Куси тетю, куси!» (Борисов 1961: 44). Был застрелен неизвестными (см.: Куприна 1971: 58–59).

Сережка (впосл.: Дружок) – собака С. А. Есенина. Рыжей масти. Куплен за 5 руб. Был отправлен Г. А. Бениславской к знакомым в Тверскую губернию, где откусил хвост корове и был за это изгнан. После смерти Есенина перевезен в Константиново к его родителям. Застрелен неизвестным (см.: Есенина 1968: 70–72; Шубникова-Гусева 2008: 375).

Скотт (Скотик) – скотч-терьер Л. Ю. Брик. Приобретен в Англии в апреле 1924 г., перевезен в Берлин, где в это время был Маяковский, после чего они все вместе отправились в Москву. Умер от чумки 20 ноября 1924 г. (см.: Янгфельдт 1991: 126). См. также: Варшавская 2014: 454.

Стакан – собака В. М. Лаврова (см.: Гиляровский 1961: 207–210). См. также *Бутылка*, *Рюмка*.

Сулхан – собака Р. В. Иванова-Разумника, присутствовавшая при его аресте 2 февраля 1933 г. (см.: Иванов-Разумник 2000: 168).

Таки-Тяпа (Таки-Тяпа-Тайту-Тимбукту-Ассурабанипал 2-й Джерри-Чаплин 1-й) – такса С. А. Ермолинского. Была знакома с М. А. Булгаковым (см.: Ермолинский 1990: 84).

Тап (Тапа, Тапан, Тушин) – сенбернар В. К. Шилейко и А. А. Ахматовой. Кличка происходит от аккадского *tarrû* ('компаньон, товарищ'). Подобран на Марсовом поле в 1920 году. После отъезда Шилейко в Москву остался на попечении Ахматовой. Тоскуя по хозяину, несколько дней отказывался от пищи (см.: Емельянов 2019: 100). В 1926 г. тяжело болел и месяц провел в ветеринарной больнице (см. письмо Ахматовой к Шилейко от июля 1926 г.: Лукницкий 2005: 226). Два года спустя, в августе 1928 г., ему делали серьезную операцию. Вероятно, в 1928 или 1929 г. его перевезли в Москву, поскольку Ахматова 6 июня 1929 г. запрашивала телеграфом Шилейко о его судьбе (см.: Там же: 235). С другой стороны, в сохранившейся переписке Шилейко с его второй женой нет ни слова о перевозке собаки, так что, может быть, телеграмма имеет другое объяснение.

Тату (Татуха) – собака М. А. Волошина, жившая в Коктебеле. Сын Пульки. Вероятно, родился в конце 1924 г. В письме Волошина к С. В. Шервинскому от 24–29 октября среди прочих обитателей Коктебеля упоминается «блудный Тату, щенок Пульки» (Волошин 2013: 826). Многократно встречается в волошинской переписке последующих лет. 9 декабря 1926 г. М. С. Волошина писала А. П. Остроумовой-Лебедевой: «Юлахлы, помнишь, громадная собачища, очень хороший пес. Хна, [Геппе?] помнишь? А Тату нет. Трагически погиб. И все из-за Хны, она покусала баб, и Тату отравили. Очень мне это было больно, да и всегда будет больно – такая гадость человеческая, а я Татуху свою очень любила» (Дом поэта 1995: 329).

Тобик – дворняга Б. Л. Пастернака (см.: Емельянова 1997: 85, 86; Берестов 2005: 485–486). Из киносценария невозвращенца Ю. В. Кроткова «Борис Пастернак» следует, что Т. – «старый, слепой на один глаз, пудель» (цит. по: Толстой 2009: 325); там же упоминается пастернаковская собака Бубик. Ср. замечание С. Зонтаг, что самое ценное в этом киносценарии – приведение кличек собак (см.: Там же: 321). По воспоминаниям О. Ивинской, Пастернак говорил, «что Тобик – вылитый портрет актера МХАТа <В. Л.> Ершова» (Ивинская 1992: 58).

Тобик – мопс Д. П. Святополка-Мирского. 31 августа 1900 г. он спрашивал у отца: «Юрий мне подарил мопса, его имя Тобик; можно мне его привезти в Петербург?» (ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Ед. хр. 1328. Л. 5).

Тобик – собака М. А. Волошина, жившая в Коктебеле, «довольно большой, неприглядный пес, гладкошерстный, чем-то напоминающий фокстерьера-переростка» (Фейнберг 2006: 36). От его имени написано стихотворение Волошина «Тобик» («Я фокстерьер по роду, но батар...») (см.: Волошин 2004: 469–470).

Томка – собака Е. Л. Шварца. Взят трехмесячным щенком в конце 1949 г. (см.: Биневиц 2008: 501). Пережил хозяина (см.: Рахманов 1966: 81).

Топка – фокстерьер М. Горького. В апреле 1914 г. И. П. Ладыжников по просьбе Горького перевозил ее из Капри в Россию (см.: Горький 2004: 343). Ср. в письме Горького к сыну из Мустаяк от 22 апреля / 5 мая 1914 г.: «Топка очень удивляется новому пейзажу, бегаёт-бегает и вдруг, остановясь, оглядывается так странно. Славная собака!» (Горький и сын 1971: 131). См. также: Быковцева 1975: 65.

Травка – ирландский гордон М. М. Пришвина. Сука. Получена им в начале 1938 г. (см.: Пришвин 2010: 26). Из дневниковой записи от 17 июня того же года следует, что родилась она на рубеже 1937 и 1938 гг. (см.: Там же: 114). В дневнике описана ее внешность: «<...> она вся золотая и шерсть вьется как Золотое Руно до земли, не хвост, а перо: перо золотой цапли» (Там же: 147). Упоминается в рассказе «Как я научил своих собак горох есть». Ее имя носит гончая – героиня повести «Кладовая солнца».

Трэйни – такса Набоковых. Привезена щенком из Мюнхена около 1904 г. Усыплена около 1915 г. (см.: Набоков 2005: 168).

Тузик – ялтинская собака А. П. Чехова. Упоминается в чеховской переписке 1902–1904 гг.

Турандот (Турка) – собака М. Колосовой (Р. И. Виноградовой). Адресат стихотворения «Наедине с собакой» («Зачем кладешь ты лапку на тетрадь...»). См.: Тирская, Суманосов, Орлова 2015: 8–10.

Урс – пудель И. А. Груздева. Погиб в блокаду. См. Кус. И. Эренбург, рассказавший о его судьбе, не знал или не счел нужным сообщить, что эта собака – разведения его старинной знакомой, поэтессы М. М. Шкапской. Из официальных документов следует также, что У. был черной масти, родился 24 июля 1932 г., принадлежал И. А. и Т. К. Груздевым и дважды получал 1-ю золотую медаль и почетный диплом на выставках Ленинградского областного общества кровного собаководства (см.: Каталог 1936: 26). В другом источнике отцом У. назван Риголетто Б. С. Житкова – вероятно, писателя (см.: Каталог 1934: 30).

Файка – собака Ю. И. Юркуна и М. А. Кузмина. Мать *Джека*. Упоминается в посвященном Юркуну стихотворении Кузмина: «А Вы, маленький, идете с Файкой, / Заплетая ногами, вдалеке, вдалеке» (Кузмин 1996: 555). Погибла под колесами автомобиля 26 июня 1925 г. (см.: Там же: 774). Ср. в воспоминаниях О. Гильдебрандт: «Из “собственных” все три погибли: красавица Файка, ее сын Джэк и маленькая Флойка. Первая и последняя попали под машину» (Гильдебрандт-Арбенина 2007: 184).

Флойка – собака Ю. И. Юркуна и М. А. Кузмина, заведенная в память о *Файке*. В 1931 г. мать Юркуна В. К. Амброзевич утопила ее щенков (см.: Кузмин 1994: 180). Погибла под колесами машины (см.: Гильдебрандт-Арбенина 2007: 184).

Хина Марковна – такса А. П. Чехова. Обзор литературы о ней см. в словарной статье *Бром Исаевич*. В конце августа 1895 г. она родила сучку Селитру (судьба ее неизвестна). Впоследствии регулярно щенилась (ср. замечание владельца в письме к Ал. П. Чехову от конца февраля 1897 г.: «Хинка родит аккуратно три раз в год, родит всякий раз странную помесь дворняжки с крокодилом». – Чехов 1978: 296).

Хна – собака М. А. Волошина, жившая в Коктебеле. Дочь *Пульки*. Мать *Юлахлы*. Родилась в конце 1924 г. (в письме Волошина к Н. А. Габричевской от 15 декабря 1924 г. она именуется еще щенком, см.: Волошин 2013: 871). Во время «собачьего дела» конца 1928–1929 гг. была обвинена (вместе с *Юлахлы* и *Кандибобером*) в потраве овец у местных чабанов. Собственноручно отравлена Волошиными 6–7 марта 1929 г. Упоминается в коктебельских воспоминаниях А. Баранович-Поливановой (см.: Баранович-Поливанова 2001: 24).

Цензор – дворняга Ф. Ф. Фидлера. См. о ней: Фидлер 2008: 205.

Шарик – крупная дворняга А. П. Чехова, жившая в Мелихове. Достался ему (как и *Арапка*) при покупке усадьбы в 1892 г. Погиб в феврале 1897 г., искусанный *Заливаем*.

Шарик – ялтинская собака А. П. Чехова (не путать с *Шариком* из Мелихова). Упоминается в письмах 1903–1904 гг. Вероятно, попал в дом щенком, ср. в письме Чехова к жене от 21 сентября 1903 г.: «Шарик еще не научился лаять, а Тузик – разучился» (Чехов 1982: 253).

Шоколад – собака, жившая в Коктебеле у М. А. Волошина в 1910-е годы. Сын *Одноглазки*. Упоминается в мемуарном очерке М. И. Цветаевой «Живое о живом»: «Третий был сын Одноглаза (оказавшегося Одноглазкой) – Шоколад, в детстве дивный щенок, позже – дикий урод» (Цветаева 1994: 198).

Щен (Щенка, Щеник) – собака В. В. Маяковского, сын сеттера и дворняги, унаследовавший у матери рыжую масть. Истории его обретения посвящена книга: Брик 1942. Кличка Щ. на много лет сделалась домашним именем Маяковского: он подписывал так письма и телеграммы, а также изображал себя в виде маленькой собачки. Установить годы жизни Щ. непросто: Л. Ю. Брик пишет, что он был подобран в начале лета 1920 г. на даче в Пушкино, но в другом месте упоминает, что зимой 1919 г. Маяковский «каждое утро ходил со Щенкой в мясную и покупал ему фунт конины» (Брик 2004: 39). Здесь же указано, что собака пропала, когда ей был год.

Юлахлы – собака М. А. Волошина, жившая в Коктебеле. Один из восьми щенков *Хны* (остальные были утоплены). Родился во второй половине мая 1926 г. (см. письмо Волошина к Н. А. Габричевской от 22 мая 1926 г.: Волошин 2015a: 346). В декабре 1928 г. был обвинен в охоте на овец; возникшее после этого «собачье дело» тянулось несколько месяцев и закончилось присуждением Волошиным штрафа в 90 (по другой версии, 100) руб. С января 1929 г. был посажен на цепь. 11 марта 1929 г. увезен в Харьков А. Л. Домрачевой; позже был перевезен в Святошин, где переименован в Серого и оставлен у себя заведующим военной санаторией (см. прим. к письму Волошина к А. П. Остроумовой-Лебедевой от 9 апреля 1929 г.: Волошин 2015b: 91). Упоминается в коктебельских мемуарах, ср.,

напр.: «Помню имена двух собак – Хна и Юлахлы, – они звучат для меня музыкой» (Баранович-Поливанова 2001: 24).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андреев Л. Н. 2009. Дневник: 1897–1901 гг. / Подготовка текста М. В. Козьменко и Л. В. Хачатурян (при участии Л. Д. Затуловской). Сост., вступительная ст. и комментарии М. В. Козьменко. М.: ИМЛИ РАН.
- Андреева В. Л. 1986. Эхо прошедшего. М.: Советский писатель.
- Андреева Л. 2014. Петр Драверт: Ученый и поэт. М.: Голос-Пресс.
- Баранович-Поливанова А. А. 2001. Оглядываясь назад. Томск: Водолей.
- Бахтерев И. 1984. Когда мы были молодыми (Невыдуманный рассказ). – Воспоминания о Н. Заболоцком: Сборник / Сост. Е. В. Заболоцкая, А. В. Македонов, Н. Н. Заболоцкий. М.: Советский писатель. С. 57–100.
- Бахтерев И. 1990. Тот месяц в Ташкенте. – Об Анне Ахматовой: Стихи, эссе, воспоминания, письма / Сост. М. М. Кралин. Л.: Лениздат. С. 216–223.
- Бекетова М. А. 1982. Шахматово: Семейная хроника / Вступительная ст. и публикация С. С. Лесневского и З. Г. Минц. – Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3. М.: Наука. С. 635–787.
- Бекетова М. А. 1990. Воспоминания об Александре Блоке. М.: Правда.
- Белозерская-Булгакова Л. Е. 1990. Воспоминания. М.: Художественная литература.
- Берестов В. 2005. Сразу после войны. – Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч.: В 11-ти тт. Т. 11: Борис Пастернак в воспоминаниях современников / Сост., комментарии Е. В. Пастернак и Е. Б. Пастернака. М.: Слово/Slovo. С. 479–487.
- Биневич Е. М. 2008. Евгений Шварц: Хроника жизни. СПб.: ДНК.
- Борисов Л. И. 1961. Жестокий воспитатель. Л.: Советский писатель.
- Брик Л. Ю. 1942. Щен (Из воспоминаний о Маяковском). Молотов: Молотов-Гиз.
- Брик Л. 2004. Пристрастные рассказы. Нижний Новгород: Деком.
- Брик, Триоле 2000. Лиля Брик – Эльза Триоле: Неизданная переписка (1921–1970) / Сост., вступительная ст. В. В. Катаняна. М.: Эллис Лак.
- Быковцева Л. П. 1975. Горький в Италии. М.: Советский писатель.
- Валуженич А. 2015. Пятнадцать лет после Маяковского: [В 2-х тт.]. Т. 2: Последние годы Осипа Брика (1938–1945). М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый.

- Варшавская Л. 2014. Что я помню... – Маяковский глазами современниц: Воспоминания. Дневники / Сост. В. Н. Терехиной. СПб.: Росток. С. 448–466.
- Васнецова А. 1987. Хина Марковна и Бром Исаевич. – Охота и охотничье хозяйство. № 2. С. 26–27.
- Виленкин В. Я. 1982. Воспоминания с комментариями. М.: Искусство.
- Волошин М. А. 2004. Собр. соч. Т. 2: Стихотворения и поэмы 1891–1931 / Сост., подготовка текста В. П. Купченко, А. В. Лаврова. М.: Эллис Лак.
- Волошин М. А. 2011. Собр. соч. Т. 10: Письма 1913–1917 / Сост. А. В. Лаврова. Подготовка текста и комментарии К. М. Азадовского, В. П. Купченко и др. М.: Эллис Лак.
- Волошин М. А. 2013. Собр. соч. Т. 12: Письма 1918–1924 / Сост. А. В. Лаврова. М.: Эллис Лак.
- Волошин М. А. 2015а. Собр. соч. Т. 13: Письма 1925–1932. Кн. 1: 1925–1928 / Сост. А. В. Лаврова. М.: Азбуковник.
- Волошин М. А. 2015b. Собр. соч. Т. 13: Письма 1925–1932. Кн. 2: 1929–1932 / Сост. А. В. Лаврова. М.: Азбуковник.
- Герштейн Э. Г. 1991. Беседы с Н. А. Ольшевской-Ардовой. – Воспоминания об Анне Ахматовой / Сост. В. Я. Виленкин и В. А. Черных. Комментарии А. В. Курт и К. М. Поливанова. М.: Советский писатель. С. 258–276.
- Гильдебрандт-Арбенина О. 2007. Девочка, катящая серсо...: Мемуарные записи. Дневники. М.: Молодая гвардия.
- Гиляровский В. А. 1961. Избранное: В 3-х тт. Т. 2: Москва газетная. Рассказы и очерки / Сост., подготовка текста, ст. и примечания Е. Г. Киселевой. М.: Московский рабочий.
- Гиппиус З. Н. 2002. Собр. соч.: В 15-ти тт. Т. 6: Живые лица: Воспоминания. Стихотворения. М.: Русская книга.
- Гиппиус З. Н. 2019. Собр. соч.: В 15-ти тт. Т. 16 (дополнительный): Он и мы: Дмитрий Мережковский. Его жизнь, его работа. М.: Дмитрий Сечин.
- Гитович С. 1990. Об Анне Андреевне. – Об Анне Ахматовой: Стихи, эссе, воспоминания, письма / Сост. М. М. Кралин. Л.: Лениздат. С. 330–356.
- Горький и сын 1971. М. Горький и сын: Письма. Воспоминания. М.: Наука.
- Горький М. 2004. Полн. собр. соч. Письма: В 24-х тт. Т. 11: Июль 1913–1915. М.: Наука.
- Гумилев Н. С. 2007. Полн. собр. соч.: В 10-ти тт. Т. 8: Письма. М.: Воскресенье.

- Гумилева А. 1989. Николай Степанович Гумилев. – Николай Гумилев в воспоминаниях современников / Ред.-сост., автор предисловия и комментариев В. Крейд. Париж; Нью-Йорк; Дюссельдорф: Третья волна; Голубой всадник. С. 111–130.
- Дом поэта 1995. «Дом поэта» Максимилиана Волошина / Публикация А. Сергеева и А. Тюрина. – Минувшее: Исторический альманах. [Вып.] 17. М.; СПб.: Atheneum; Феникс. С. 293–357.
- Дон-Аминадо 1994. Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания / Сост., вступительная ст., комментарии В. И. Коровина. М.: ТЕРРА.
- Драверт П. Л. 1923. Сибирь: Избранные стихи. Ново-Николаевск: Сибирские огни.
- Ежиков И. Г. 2009. Неизвестный Каменский: По страницам дневников и писем поэта. Пермь: Денор.
- Емельянов В. В. 2019. Вольдемар Казимирович Шилейко: Научная биография. СПб.: Петербургское Востоковедение.
- Емельянова И. 1997. Легенды Потаповского переулкa. М.: Эллис Лак.
- Енишерлов В. П. 2005. «Жизнь без начала и конца»: За строками «Возмездия». – Наше наследие. № 75–76. С. 54–83.
- Ермолинский С. 1988. Из записей разных лет. – Воспоминания о Михаиле Булгакове / Сост. Е. С. Булгакова, С. А. Ляндрес. Вступительная ст. В. Я. Лакшина. Послесловие М. О. Чудаковой. М.: Советский писатель. С. 428–482.
- Ермолинский С. 1990. Из записок разных лет: Михаил Булгаков. Николай Заболоцкий / Публикация и примечания Т. А. Луговской-Ермолинской. Статья Н. Крымовой. М.: Искусство.
- Есенина А. А. 1968. Родное и близкое: Воспоминания. М.: Советская Россия.
- Заболоцкий Н. Н. 1995. «Огонь, мерцающий в сосуде...»: Стихотворения и поэмы. Переводы. Письма и статьи. Жизнеописание. Воспоминания современников. Анализ творчества / Сост. Н. Н. Заболоцкий. М.: Педагогика-Пресс.
- Задонский Н. А. 1975. Интересные современники. Любопытная старина. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство.
- Зенкевич М. А. 1994. Сказочная эра: Стихотворения. Повесть. Беллетристические мемуары / Сост., подготовка текстов, примечания, крат-

- кая биохроника С. Е. Зенкевича. Вступительная ст. Л. А. Озерова. М.: Школа-Пресс.
- Иванов Г. В. 1994. Собр. соч.: В 3-х тт. Т. 3: Мемуары. Литературная критика. М.: Согласие.
- Иванов-Разумник 2000. Писательские судьбы: Тюремь и ссылки / Сост., вступительная ст. В. Г. Белоуса. М.: Новое литературное обозрение.
- Ивинская О. 1992. Годы с Борисом Пастернаком: В плену времени. М.: Либрис.
- Инбер В. М. 1973. Поэзия была для него всем. – Эдуард Багрицкий: Воспоминания современников / Сост. Л. Г. Багрицкая. М.: Советский писатель. С. 339–357.
- Каталог 1934. Каталог IV очередной выставки собак 4–6 июня 1934 г. и отчеты по II выставке и полевым испытаниям, организованным в 1932–1933 гг. ЛООКС. Л.: Ленинградское областное общество кровного собаководства.
- Каталог 1935. Каталог V очередной выставки собак 4–6 июня 1935 г. и отчеты по III выставке и полевым испытаниям, организованным в 1933–1934 гг. ЛООКС. Л.: Ленинградское областное общество кровного собаководства.
- Каталог 1936. Каталог VI очередной выставки собак 5–8 июня 1936 г. и отчеты по IV–V выставкам и полевым испытаниям, организованным в 1934–1935 гг. ЛООКС. Л.: Ленинградское областное общество кровного собаководства.
- Каталог 1937. Каталог VII областной московской выставки спортивно-охотничьих собак. М.: Спортивно-охотничий комитет бюро физкультуры МОСПС.
- Каталог 1939. Каталог IX Московской выставки охотничьих собак 11, 12, 13 мая 1939 г. М.: Московский комитет по делам физкультуры и спорта.
- Книппер, Чехова 2016. О. Л. Книппер – М. П. Чехова. Переписка: В 2-х тт. / Подготовка текста, сост., комментарии З. П. Удальцовой. Т. 2: 1928–1956. М.: Новое литературное обозрение.
- Кнорринг И. Н. 2009. Повесть из собственной жизни: Дневник: В 2-х тт. Т. 1 / Подготовка текста Н. Н. Кнорринга, Н. М. Черновой. Вступительная ст., комментарии И. М. Невзоровой. М.: Аграф.
- Кобринский А. А. 2008. Даниил Хармс. М.: Молодая гвардия.
- Комолова Н. П. 2005. Италия в русской культуре Серебряного века: Времена и судьбы. М.: Наука.

- Кублицкий Ф. А. 1980. Саша Блок: Из воспоминаний детства и юности. – Александр Блок в воспоминаниях современников: В 2-х тт. Т. 1 / Вступительная ст., сост., подготовка текста и комментарии Вл. Орлова. М.: Художественная литература.
- Кузмин М. 1994. Дневник 1931 г. / Вступительная ст., публикация и примечания С. В. Шумихина. – Новое литературное обозрение. № 7. С. 163–204.
- Кузмин М. 1996. Стихотворения / Вступительная ст., сост., подготовка текста и примечания Н. А. Богомолова. СПб.: Академический проект.
- Кузмин М. А. 2005. Дневник 1908–1915 / Подготовка текста и комментарии Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха.
- Куприн А. И. 1986. Памяти Чехова. – А. П. Чехов в воспоминаниях современников / Вступительная ст. А. М. Туркова. Сост., подготовка текста и комментарии Н. И. Гитович. М.: Художественная литература. С. 507–535.
- Куприна К. А. 1971. Куприн – мой отец. М.: Советская Россия.
- Лившиц Е. К. 2019. «Я с мертвыми не развожусь!...»: Воспоминания. Дневники. Письма / Сост. и вступительная ст. П. Нерлера. Примечания и указатели П. Нерлера и П. Успенского. М.: АСТ.
- Лукницкий П. 2005. Н. Гумилев, А. Ахматова: По материалам историко-литературной коллекции П. Лукницкого. СПб.: Наука.
- Малеева 2001. Милая сердцу Малеева: О первом доме творчества писателей России / Сост. Н. В. Бабочкина, И. С. Борисов. М.: Пульс.
- Мережковский Д. С. 2000. Стихотворения и поэмы / Вступительная ст., сост., подготовка текста и примечания К. А. Кумпан. СПб.: Академический проект.
- Мережковский Д. С. 2001. Царство Антихриста. СПб.: Русский Христианский Гуманитарный институт.
- Мешков В. А. 2015. Максимилиан Волошин: Крымские путешествия. Симферополь: Бизнес-Информ.
- Мкртчян Л. 1999. «Так и надо жить поэту...». – «Я жил и пел когда-то...»: Воспоминания о поэте Арсении Тарковском / Сост. М. Тарковская. Томск: Водолей. С. 158–188.
- Молодяков В. Э. 2016. Георгий Шенгели: Биография: 1894–1956. М.: Водолей.

- Набоков (Сиринъ) В. 2005. Собр. соч. русского периода: В 5-ти тт. Т. 5: Волшебник. Solus Rex. Другие берега. Рассказы. Стихотворения. Драматические произведения. Эссе. Рецензии. СПб.: Симпозиум.
- Никулин Л. В. 1966. Годы нашей жизни: Воспоминания и портреты. М.: Московский рабочий.
- Никулина О. Л. 2014. Лаврушинский 17: Семья и книги, друзья и враги. Кн. 2. М.: Новая Элита.
- Одоевцева И. 1988. На берегах Невы. М.: Художественная литература.
- Одоевцева И. В. 2014. На берегах Леты: Главы из ненаписанной книги / Публикация А. Радашкевича. – Крещатик. № 3. С. 195–210.
- Переписка Блока 1980. Переписка Блока с С. М. Соловьевым (1896–1915) / Вступительная ст., публикация и комментарии Н. В. Котрелева и А. В. Лаврова. – Литературное наследство. Т. 92. Кн. 1. М.: Наука. С. 308–413.
- Переписка Гиппиус 2018. Переписка З. Н. Гиппиус с Д. В. Filosoфoвым (1898–1918) / Вступительная ст., подготовка текста и комментарии А. Л. Соболева. – Литературное наследство. Т. 106. Кн. 1 / Сост. Н. А. Богомолов и М. М. Павлова. М.: ИМЛИ РАН. С. 586–857.
- Письма Блока 1927. Письма Александра Блока к родным / С предисловием и примечаниями М. А. Бекетовой. Л.: Academia.
- Письма Блока 1987. Письма Блока к А. А., С. А. и Ф. А. Кублицким-Пиотух / Вступительная ст., публикация и комментарии В. П. Енишерлова. – Литературное наследство. Т. 92. Кн. 4. М.: Наука. С. 339–369.
- Поберезкина П. Е. 2015. Вокруг Ахматовой. М.: Азбуковник.
- Порет А. 2013. Записки. Рисунки. Воспоминания: В 2-х кн. Кн. 1. М.: Барбарис.
- Пришвин М. М. 1983. Собр. соч.: В 8-ми тт. Т. 5: Лесная капель. Рассказы о ленинградских детях. Повесть нашего времени. Кладовая солнца. Произведения 1938–1953 годов / Подготовка текста и комментарии В. Круглеевской и Л. Платоновой. М.: Художественная литература.
- Пришвин М. М. 2010. Дневники: 1938–1939 / Подготовка текста Я. З. Гришиной, А. В. Киселевой. Статья, комментарии Я. З. Гришиной. СПб.: Росток.
- Пришвин М. М. 2012. Дневники: 1940–1941 / Подготовка текста Я. З. Гришиной, А. В. Киселевой, Л. А. Рязановой. Статья, комментарии Я. З. Гришиной. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСС-ПЭН).

- Пришвин М. М. 2013. Дневники: 1946–1947 / Подготовка текста Я. З. Гришиной, Л. А. Рязановой. Статья, комментарии Я. З. Гришиной. Указатель имен – В. А. Устинов. М.: Новый Хронограф.
- Пришвина В. Д. 1978. Пришвин в Дунине. М.: Московский рабочий.
- Пяст В. 1997. Встречи / Сост., вступительная ст., научная подготовка текста, комментарии Р. Д. Тименчика. М.: Новое литературное обозрение.
- Раскин А. 1983. Гаданье на поездах. – КЧ: Воспоминания о Корнее Чуковском / Сост. К. Лозовская, З. Паперный, Е. Чуковская. М.: Советский писатель. С. 295–302.
- Рахманов Л. Н. 1966. <Воспоминания о Е. Л. Шварце>. – Мы знали Евгения Шварца / Сост. З. А. Никитина, Л. Н. Рахманов, ред. С. Л. Цимбал. Л.; М.: Искусство. С. 72–82.
- Рождественский Вс. 1974. Страницы жизни. М.: Современник.
- Рубинчик О. Е. 2022. Вокруг одной необычной телеграммы Анны Ахматовой. – Сюжетология и сюжетография. № 2. С. 63–98.
- Семейная переписка Ахматовой 1996. Из семейной переписки А. А. Ахматовой / Публикация, вступительная заметка, примечания Л. А. Зыкова. – Звезда. № 6. С. 131–159.
- Семенов Б. Ф. 1982. Время моих друзей: Воспоминания. Л.: Лениздат.
- Серебрякова Г. 1971. О других и о себе: Новеллы. М.: Советский писатель.
- Соболев А. Л. 2017. Из воспоминаний С. Г. Кара-Мурзы. – Литературный факт. № 5. С. 34–94.
- Соболев А. Л. 2018. На краешке стола (Записки комментатора). – Литературный факт. № 8. С. 257–284.
- Соколов-Микитов И. С. 1976. Давние встречи. Л.: Советский писатель.
- Судейкин С. Ю. 1984. «Бродячая собака» (Воспоминания С. Ю. Судейкина) / Публикация Н. М. Конычевой. – Встречи с прошлым. Вып. 5. М.: Советская Россия. С. 185–194.
- Тарасова В. К. 1981. Страницы из жизни Н. К. Метнера. – Н. К. Метнер: Воспоминания. Статьи. Материалы / Ред.-сост., автор вступительной ст., комментариев, указателей З. А. Апетян. М.: Советский композитор. С. 46–57.
- Тарковский А. А. 1991. Собр. соч.: В 3-х тт. Т. 2: Поэмы. Стихотворения разных лет. Проза / Сост. Т. Озерской-Тарковской. Примечания А. Лаврина. М.: Художественная литература.

- Тименчик Р. Д. 2014. Последний поэт: Анна Ахматова в 1960-е годы: [В 2-х тт.]. Т. 2. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим.
- Тирская С. М., Суманосов В. А., Орлова Н. А. 2015. Сложить мозаику судеб...: Архивный детектив. Барнаул: Издательский дом «Барнаул».
- Толстой И. Н. 2009. Отмытый роман Пастернака: «Доктор Живаго» между КГБ и ЦРУ. М.: Время.
- Фейнберг Л. 2006. Три лета в гостях у Волошина: Мемуары. Эссе. Стихи. М.: Аграф.
- Фидлер Ф. Ф. 2008. Из мира литераторов: Характеры и суждения / Вступительная ст., сост., пер. с нем., примечания, указатели и подбор иллюстраций К. М. Азадовского. М.: Новое литературное обозрение.
- Фрезинский Б. 2007. Илья Эренбург с фотоаппаратом: 1923–1944. М.; Иерусалим: Музей истории фотографии.
- Цветаева М. И. 1994. Собр. соч.: В 7-ми тт. Т. 4: Воспоминания о современниках. Дневниковая проза / Сост., подготовка текста и комментарии А. Саакянц и Л. Мнухина. М.: Эллис Лак.
- Чернова Е. Б. 2011. «Я пишу то, что помню...». СПб.: Европейский Дом.
- Чехов А. П. 1977. Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти тт. Письма: В 12-ти тт. Т. 5: Март 1892–1894. М.: Наука.
- Чехов А. П. 1978. Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти тт. Письма: В 12-ти тт. Т. 6: Январь 1895 – май 1897. М.: Наука.
- Чехов А. П. 1980. Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти тт. Письма: В 12-ти тт. Т. 8: 1899. М.: Наука.
- Чехов А. П. 1982. Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти тт. Письма: В 12-ти тт. Т. 11: Июль 1902 – декабрь 1903. М.: Наука.
- Чуковская Л. 1997а. Записки об Анне Ахматовой: В 3-х тт. Т. 1: 1938–1941. М.: Согласие.
- Чуковская Л. 1997б. Записки об Анне Ахматовой: В 3-х тт. Т. 2: 1952–1962. М.: Согласие.
- Шенгели 1993. Рудин из Брюсовского института (Письма Г. А. Шенгели М. М. Шкапской. 1923–1932) / Публикация С. Шумихина. – Минувшее: Исторический альманах. [Вып.] 15. М.; СПб.: Atheneum; Феникс. С. 248–282.
- Шубникова-Гусева Н. Б. 2008. Сергей Есенин и Галина Бениславская. СПб.: Росток.

- Эльберт Л. 1930. Краткие данные. – Огонек. № 12. С. 6–7.
- Эренбург И. Г. 1967. Собр. соч.: В 9-ти тт. Т. 9: Люди, годы, жизнь (Книги четвертая, пятая, шестая). Из новых стихов. М.: Художественная литература.
- Эренбург И. Г. 2004. «Дай оглянуться...»: Письма: [В 2-х тт.]. Т. 1: 1908–1930 / Издание подготовлено Б. Я. Фрезинским. М.: Аграф.
- Янгфельдт Б. 1991. Любовь – это сердце всего: В. В. Маяковский и Л. Ю. Брик. Переписка. 1915–1930. М.: Книга.

REFERENCES

- Andreev, L. N. *Dnevnik: 1897–1901 gg.* Edited by M. V. Koz'menko et al. Moscow: IMLI RAN, 2009.
- Andreeva, L. *Petr Dravert: Uchenyi i poet.* Moscow: Golos-Press, 2014.
- Andreeva, V. L. *Ekho proshedshego.* Moscow: Sovetskii pisatel', 1986.
- Bakhterev, I. "Kogda my byli molodymi (Nevydumannyi rasskaz)." In *Vospominaniia o N. Zabolotskom: Sbornik.* Edited by E. V. Zabolotskaia, A. V. Makedonov and N. N. Zabolotskii, 57–100. Moscow: Sovetskii pisatel', 1984.
- . "Tot mesiat's v Tashkente." In *Ob Anne Akhmatovoi: Stikhi, esse, vospominaniia, pis'ma.* Edited by M. M. Kralin, 216–23. Leningrad: Lenizdat, 1990.
- Baranovich-Polivanova, A. A. *Ogliadyvaias' nazad.* Tomsk: Vodolei, 2001.
- Beketova, M. A. "Shakhmatovo: Semeinaia khronika." Edited and prefaced by S. S. Lesnevskii i Z. G. Mints." In *Literaturnoe nasledstvo.* Vol. 92. Pt. 3, 635–787. Moscow: Nauka, 1982.
- . *Vospominaniia ob Aleksandre Bloke.* Moscow: Pravda, 1990.
- Belozerskaia-Bulgakova, L. E. *Vospominaniia.* Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1990.
- Berestov, V. "Srazu posle voiny." In *Polnoe sobranie sochinenii* by B. L. Pasternak. 11 vols. Vol. 11, *Boris Pasternak v vospominaniiakh sovremennikov.* Edited and annotated by E. V. Pasternak and E. B. Pasternak, 479–87. Moscow: Slovo/Slovo, 2005.
- Binevich, E. M. *Evgenii Shvarts: Khronika zhizni.* Saint Petersburg: DNK, 2008.
- Borisov, L. I. *Zhestokii vospitatel'.* Leningrad: Sovetskii pisatel', 1961.
- Brik, L. Iu. *Shchen (Iz vospominanii o Maiakovskom).* Molotov: Molotovgiz, 1942.
- . *Pristrastnye rasskazy.* Nizhniy Novgorod: Dekom, 2004.

- Brik, L. and Elsa Triolet. *Lilia Brik – Elsa Triolet: Neizdannnaia perepiska (1921–1970)*. Edited and prefaced by V. V. Katanian. Moscow: Ellis Lak, 2000.
- Bykovtseva, L. P. *Gor'kii v Italii*. Moscow: Sovetskii pisatel', 1975.
- Chekhov, A. P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. 30 vols. *Pis'ma*. 12 vols. Vol. 5, *Mart 1892–1894*. Moscow: Nauka, 1977.
- . *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. 30 vols. *Pis'ma*. 12 vols. Vol. 6, *Ianvar' 1895 – mai 1897*. Moscow: Nauka, 1978.
- . *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. 30 vols. *Pis'ma*. 12 vols. Vol. 8, 1899. Moscow: Nauka, 1980.
- . *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. 30 vols. *Pis'ma*. 12 vols. Vol. 11, *Iiul' 1902 – dekabr' 1903*. Moscow: Nauka, 1982.
- Chernova, E. B. *“Ia pishu to, chto pomniu...”* Saint Petersburg: Evropeiskii Dom, 2011.
- Chukovskaia, L. *Zapiski ob Anne Akhmatovoi*. 3 vols. Vol. 1, 1938–1941. Moscow: Soglasie, 1997.
- . *Zapiski ob Anne Akhmatovoi*. 3 vols. Vol. 2, 1952–1962. Moscow: Soglasie, 1997.
- Don-Aminado. *Nasha malen'kaia zhizn': Stikhotvoreniia. Politicheskii pamflet. Proza. Vospominaniia*. Edited, prefaced and annotated by V. I. Korovin. Moscow: TERRA, 1994.
- Dravert, P. L. *Sibir': Izbrannye stikhi*. Novonikolayevsk: Sibirskie ogni, 1923.
- Ehrenburg, I. G. *Sobranie sochinenii*. 9 vols. Vol. 9, *Liudi, gody, zhizn' (Knigi chetvertaia, piataia, shestaia)*. *Iz novykh stikhov*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1967.
- . *“Dai oglianut'sia...”*: *Pis'ma*. 2 vols. Vol. 1, 1908–1930. Edited by B. Ia. Frezinskii. Moscow: Agraf, 2004.
- El'bert, L. “Kratkie dannye.” *Ogonek* 12 (1930): 6–7.
- Emel'ianov, V. V. *Vol'demar Kazimirovich Shileiko: Nauchnaia biografiia*. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2019.
- Emel'ianova, I. *Legendy Potapovskogo pereulka*. Moscow: Ellis Lak, 1997.
- Enisherlov, V. P. “Pis'ma Bloka k A. A., S. A. i F. A. Kublitskim-Piottukh.” In *Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 92. Pt. 4, 339–69. Moscow: Nauka, 1987.
- . “Zhizn' bez nachala i kontsa': Za strokami ‘Vozmezdiia’.” *Nashe nasledie* 75–76 (2005): 54–83.
- Ermolinskii, S. “Iz zapisei raznykh let.” In *Vospominaniia o Mikhaile Bulgakove*. Edited by E. S. Bulgakova and S. A. Liandres, 428–82. Moscow: Sovetskii pisatel', 1988.

- . *Iz zapisok raznykh let: Mikhail Bulgakov. Nikolai Zabolotskii*. Edited and annotated by T. A. Lugovskaia-Ermolinskaia. Prefaced by N. Krymova. Moscow: Iskustvo, 1990.
- Esenina, A. A. *Rodnoe i blizkoe: Vospominaniia*. Moscow: Sovetskaia Rossiia, 1968.
- Ezhikov, I. G. *Neizvestnyi Kamenskii: Po stranitsam dnevnikov i pisem poeta*. Perm': Denor, 2009.
- Feinberg, L. *Tri leta v gostiakh u Voloshina: Memuary. Esse. Stikhi*. Moscow: Agraf, 2006.
- Fidler, F. F. *Iz mira literatorov: Kharaktery i suzheniia*. Translated, prefaced and annotated by K. M. Azadovskii. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008.
- Frezinskii, B. *Il'ia Ehrenburg s fotoapparatom: 1923–1944*. Moscow and Jerusalem: Muzei istorii fotografii, 2007.
- Gershtein, E. G. "Besedy s N. A. Ol'shevskoi-Ardovoi." In *Vospominaniia ob Anne Akhmatovoi*. Edited by V. Ia. Vilenkin and V. A. Chernykh. Annotated by A. V. Kurt and K. M. Polivanov, 258–76. Moscow: Sovetskii pisatel', 1991.
- Gil'debrandt-Arbenina, O. *Devochka, katiashchaia serso...: Memuarnye zapisi. Dnevnik*. Moscow: Molodaia gvardiia, 2007.
- Giliarovskii, V. A. *Izbrannoe*. 3 vols. Vol. 2, *Moskva gazetnaia. Rasskazy i ocherki*. Edited and annotated by E. G. Kiseleva. Moscow: Moskovskii rabochii, 1961.
- Gippius, Z. N. *Sobranie sochinenii*. 15 vols. Vol. 6, *Zhivye litsa: Vospominaniia. Stikhotvoreniia*. Moscow: Russkaia kniga, 2002.
- . *Sobranie sochinenii*. 15 vols. Vol. 16 (additional), *On i my: Dmitrii Merezhkovskii. Ego zhizn', ego rabota*. Moscow: Dmitrii Sechin, 2019.
- Gitovich, S. "Ob Anne Andreevne." In *Ob Anne Akhmatovoi: Stikhi, esse, vospominaniia, pis'ma*. Edited by M. M. Kralin, 330–56. Leningrad: Lenizdat, 1990.
- Gor'kii, M. *Polnoe sobranie sochinenii. Pis'ma*. 24 vols. Vol. 11, *Iiul' 1913–1915*. Moscow: Nauka, 2004.
- . M. Gor'kii i syn: Pis'ma. *Vospominaniia*. Moscow: Nauka, 1971.
- Gumilev, N. S. *Polnoe sobranie sochinenii*. 10 vols. Vol. 8, *Pis'ma*. Moscow: Voskresen'e, 2007.
- Gumileva, A. "Nikolai Stepanovich Gumilev." In *Nikolai Gumilev v vospominaniakh sovremennikov*. Edited, prefaced and annotated by V. Kreid, 111–30. Paris, New York and Düsseldorf: Tret'ia volna; Goluboi vsadnik, 1989.

- Inber, V. M. "Poeziia byla dlia nego vsem." In *Eduard Bagritskii: Vospominaniia sovremennikov*. Edited by L. G. Bagritskaia, 339–357. Moscow: Sovetskii pisatel', 1973.
- Ivanov, G. V. *Sobranie sochinenii*. 3 vol. Vol. 3, *Memuary. Literaturnaia kritika*. Moscow: Soglasie, 1994.
- Ivanov-Razumnik. *Pisatel'skie sud'by: Tiur'my i ssylki*. Edited and prefaced by V. G. Belous. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2000.
- Ivinskaia, O. *Gody s Borisom Pasternakom: V plenu vremeni*. Moscow: Libris, 1992.
- Jangfeldt, B. *Liubov' – eto serdtse vsego: V. V. Maiakovskii i L. Iu. Brik. Perepiska. 1915–1930*. Moscow: Kniga, 1991.
- Katalog 4 ocherednoi vystavki sobak 4–6 iiunia 1934 g. i otchety po 2 vystavke i polevym ispytaniiam, organizovannym v 1932–1933 gg.* LOOKS. Leningrad: Leningradskoe oblastnoe obshchestvo krovnogo sobakovodstva, 1934.
- Katalog 5 ocherednoi vystavki sobak 4–6 iiunia 1935 g. i otchety po 3 vystavke i polevym ispytaniiam, organizovannym v 1933–1934 gg.* LOOKS. Leningrad: Leningradskoe oblastnoe obshchestvo krovnogo sobakovodstva, 1935.
- Katalog 6 ocherednoi vystavki sobak 5–8 iiunia 1936 g. i otchety po 4–5 vystavkam i polevym ispytaniiam, organizovannym v 1934–1935 gg.* LOOKS. Leningrad: Leningradskoe oblastnoe obshchestvo krovnogo sobakovodstva, 1936.
- Katalog 7 oblastnoi moskovskoi vystavki sportivno-okhotnich'ikh sobak*. Moscow: Sportivno-okhotnichii komitet biuro fizkul'tury MOSPS, 1937.
- Katalog 9 Moskovskoi vystavki okhotnich'ikh sobak 11, 12, 13 maia 1939 g.* Moscow: Moskovskii komitet po delam fizkul'tury i sporta, 1939.
- Knorrning, I. N. *Povest' iz sobstvennoi zhizni: Dnevnik*. 2 vols. Vol. 1. Edited by N. N. Knorrning, N. M. Chernova. Prefaced and annotated by I. M. Nevzороva. Moscow: Agraf, 2009.
- Kobrinskii, A. A. *Daniil Kharms*. Moscow: Molodaia gvardiia, 2008.
- Komolova, N. P. *Italiia v russkoi kul'ture Serebrianogo veka: Vremena i sud'by*. Moscow: Nauka, 2005.
- Konycheva, N. M. "'Brodiachaia sobaka' (Vospominaniia S. Iu. Sudeikina)." In *Vstrechi s proshlym*. Vol. 5, 185–94. Moscow: Sovetskaia Rossiia, 1984.
- Kublitskii, F. A. "Sasha Blok: Iz vospominanii detstva i iunosti." In *Aleksandr Blok v vospominaniiakh sovremennikov*. 2 vols. Vol. 1. Edited, prefaced and annotated by Vl. Orlov. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1980.
- Kuzmin, M. *Dnevnik 1931 g.* Edited, prefaced and annotated by S. V. Shumikhin. *Novoe literaturnoe obozrenie* 7 (1994): 163–204.

- . *Stikhotvoreniia*. Edited, prefaced and annotated by N. A. Bogomolov. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt, 1996.
- . *Dnevnik 1908–1915*. Edited and annotated by N. A. Bogomolov i S. V. Shumikhin. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2005.
- Kuprin, A. I. "Pamiati Chekhova." In *A. P. Chekhov v vospominaniiakh sovremennikov*. / Edited and annotated by N. I. Gitovich. Prefaced by A. M. Turkov, 507–35. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1986.
- Kuprina, K. A. *Kuprin – moi otets*. Moscow: Sovetskaia Rossiia, 1971.
- Livshits, E. K. "*Ja s mertvymi ne razvozhus'!*...": *Vospominaniia. Dnevniki. Pis'ma*. Edited and prefaced by P. Nerler. Annotated by P. Nerler i P. Uspenskii. Moscow: AST, 2019.
- Merezhkovskii, D. S. *Stikhotvoreniia i poemy*. Edited, prefaced and annotated by K. A. Kumpan. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt, 2000.
- . *Tsarstvo Antikhrista*. Saint Petersburg: Russkii Khristianskii Gumanitarnyi institut, 2001.
- Meshkov, V. A. *Maksimilian Voloshin: Krymskie puteshestviia*. Simferopol': Biznes-Inform, 2015.
- Milaia serdtsu Maleevka: O pervom dome tvorchestva pisatelei Rossii*. Edited by N. V. Babochkina, I. S. Borisov. Moscow: Pul's, 2001.
- Mkrтчian, L. "Tak i nado zhit' poetu..." In "*Ja zhil i pel kogda-to...*": *Vospominaniia o poete Arsenii Tarkovskom*. Edited by M. Tarkovskaia, 158–88. Tomsk: Vodolei, 1999.
- Molodiakov, V. E. *Georgii Shengeli: Biografiia: 1894–1956*. Moscow: Vodolei, 2016.
- N. Gumilev, A. Akhmatova: *Po materialam istoriko-literaturnoi kolleksii P. Luknitskogo*. Saint Petersburg: Nauka, 2005.
- N. V. Kotrelev and A. V. Lavrov. "Perepiska Bloka s S. M. Solov'evym (1896–1915)." In *Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 92. Pt. 1, 308–413. Moscow: Nauka, 1980.
- Nabokov (Sirin), V. *Sobranie sochinenii russkogo perioda*. 5 vols. Vol. 5, *Vol'shebnyk. Solus Rex. Drugie berega. Rasskazy. Stikhotvoreniia. Dramaticheskie proizvedeniia. Esse. Retsenzii*. Saint Petersburg: Symposium, 2005.
- Nikulin, L. V. *Gody nashei zhizni: Vospominaniia i portrety*. Moscow: Moskovskii rabochii, 1966.
- Nikulina, O. L. *Lavrushinskii 17: Sem'ia i knigi, druž'ia i vragi*. Vol. 2. Moscow: Novaia Elita, 2014.

- O. L. Knipper–M. P. Chekhova. *Perepiska*. 2 vols. Edited and annotated by Z. P. Udal'tsova. Vol. 2, 1928–1956. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016.
- Odoevtseva, I. *Na beregakh Navy*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1988.
- . “Na beregakh Lety: Glavy iz nenapisannoi knigi.” Edited by A. Radashkevich. *Kreshchatik* 3 (2014): 195–210.
- Piast, V. *Vstrechi*. Edited, prefaced and annotated by R. D. Timenchik. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1997.
- Pis'ma Aleksandra Bloka k rodnym*. Prefaced and annotated by M. A. Beketova. Leningrad: Academia, 1927.
- Poberezkina, P. E. *Vokrug Akhmatovoi*. Moscow: Azbukovnik, 2015.
- Poret, A. *Zapiski. Risunki. Vospominaniia*. 2 vols. Vol. 1. Moscow: Barbaris, 2013.
- Prishvin, M. M. *Sobranie sochinenii*. 8 vols. Vol. 5, *Lesnaia kapel'. Rasskazy o leningradskikh detiakh. Povest' nashego vremeni. Kladovaia solntsa. Proizvedeniia 1938–1953 godov*. Edited and annotated by V. Kruglevskaia and L. Platonova. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1983.
- . *Dnevniki: 1938–1939*. Edited by Ia. Z. Grishina and A. V. Kiselevoi. Prefaced and annotated by Ia. Z. Grishina. Saint Petersburg: Rostok, 2010.
- . *Dnevniki: 1940–1941*. Edited by Ia. Z. Grishina, A. V. Kiseleva and L. A. Riazanova. Prefaced and annotated by Ia. Z. Grishina. Moscow: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN), 2012.
- . *Dnevniki: 1946–1947*. Edited by Ia. Z. Grishina and L. A. Riazanova. Prefaced and annotated by Ia. Z. Grishina. Moscow: Novyi Khronograf, 2013.
- Prishvina, V. D. *Prishvin v Dunine*. Moscow: Moskovskii rabochii, 1978.
- Rakhmanov, L. N. “[Vospominaniia o E. L. Shvartse.]” In *My znali Evgeniia Shvartsa*. Edited by Z. A. Nikitina, L. N. Rakhmanov and S. L. Tsimbal, 72–82. Leningrad and Moscow: Iskusstvo, 1966.
- Raskin, A. “Gadan'e na poezdakh.” In *KCh: Vospominaniia o Kornee Chukovskom*. Edited by K. Lozovskaia, Z. Papernyi and E. Chukovskaia, 295–302. Moscow: Sovetskii pisatel', 1983.
- Rozhdestvenskii, Vs. *Stranitsy zhizni*. Moscow: Sovremennik, 1974.
- Rubinchik, O. E. “Vokrug odnoi neobychnoi telegrammy Anny Akhmatovoi.” *Siuzhetologiya i siuzhetografiia* 2 (2022): 63–98.
- Semenov, B. F. *Vremia moikh družei: Vospominaniia*. Leningrad: Lenizdat, 1982.

- Sergeev, A. and A. Tiurin. "Dom poeta' Maksimiliana Voloshina." In *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh*. Vol. 17, 293–357. Moscow and Saint Petersburg: Athenaeum; Phoenix, 1995.
- Serebriakova, G. *O drugikh i o sebe: Novelly*. Moscow: Sovetskii pisatel', 1971.
- Sobolev, A. L. "Iz vospominanii S. G. Kara-Murzy." *Literaturnyi fakt* 5 (2017): 34–94.
- . "Na kraeshke stola (Zapiski kommentatora)." *Literaturnyi fakt* 8 (2018): 257–84.
- . "Perepiska Z. N. Gippius s D. V. Filosofovym (1898–1918)." In *Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 106. Pt. 1. Edited by N. A. Bogomolov and M. M. Pavlova, 586–857. Moscow: IMLI RAN, 2018.
- Sokolov-Mikitov, I. S. *Davnie vstrechi*. Leningrad: Sovetskii pisatel', 1976.
- Tarasova, V. K. "Stranitsy iz zhizni N. K. Metnera." In *Vospominaniia. Stat'i. Materialy* by N. K. Metner. Edited, prefaced and annotated by Z. A. Apetian, 46–57. Moscow: Sovetskii kompozitor, 1981.
- Tarkovskii, A. A. *Sobranie sochinenii*. 3 vols. Vol. 2, *Poemy. Stikhotvoreniia raznykh let. Proza*. Edited by T. Ozerskaia-Tarkovskaia. Annotated by A. Lavrin. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1991.
- Timenchik, R. *Poslednii poet: Anna Akhmatova v 60-e gody*. 2 vols. 2nd rev. and exp. ed. Vol. 2, *Snoski i vynoski*. Moscow: Mosty kul'tury; Jerusalem: Gesharim, 2015.
- Tirskaiia, S. M., V. A. Sumanosov and N. A. Orlova. *Slozhit' mozaiku sudeb... Arkhivnyi detektiv*. Barnaul: Izdatel'skii dom "Barnaul," 2015.
- Tolstoi, I. N. *Otmytyi roman Pasternaka: "Doktor Zhivago" mezhdu KGB i TsRU*. Moscow: Vremia, 2009.
- Tsvetaeva, M. I. *Sobranie sochinenii*. 7 vols. Vol. 4, *Vospominaniia o sovremennikakh. Dnevnikovaia proza*. Edited and annotated by A. Saakiants i L. Mnukhina. Moscow: Ellis Lak, 1994.
- Shubnikova-Guseva, N. B. *Sergei Esenin i Galina Benislavskaia*. Saint Petersburg: Rostok, 2008.
- Shumikhin, S. "Rudin iz Briusovskogo instituta (Pis'ma G. A. Shengeli M. M. Shkapskoi. 1923–1932)." In *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh*. Vol. 15, 248–82. Moscow and Saint Petersburg: Athenaeum; Phoenix, 1993.
- Valiuzhenich, A. *Piatnadsat' let posle Maiakovskogo*. [2 vols.]. Vol. 2, *Poslednie gody Osipa Brika (1938–1945)*. Moscow and Yekaterinburg: Kabinetnyi uchenyi, 2015.

- Varshavskaia, L. "Chto ia pomniu..." In *Maiakovskii glazami sovremennits: Vos-pominaniia. Dnevnik*. Edited by V. N. Terekhina, 448–66. Saint Petersburg: Rostok, 2014.
- Vasnetsova, A. "Khina Markovna i Brom Isaevich." *Okhota i okhotnich'e khoziaistvo* 2 (1987): 26–27.
- Vilenkin, V. Ia. *Vospominaniia s kommentarii*. Moscow: Iskusstvo, 1982.
- Voloshin, M. A. *Sobranie sochinenii*, 2003–2015. 13 vols. Vol. 2, *Stikhotvoreniia i poemy 1891–1931*. Edited by V. P. Kupchenko and A. V. Lavrov. Moscow: Ellis Lak, 2004.
- . *Sobranie sochinenii*. Vol. 10, *Pis'ma 1913–1917*. Edited by A. V. Lavrov. Annotated by K. M. Azadovskii, V. P. Kupchenko et al. Moscow: Ellis Lak, 2011.
- . *Sobranie sochinenii*. Vol. 12, *Pis'ma 1918–1924*. Edited by A. V. Lavrov. Moscow: Ellis Lak, 2013.
- . *Sobranie sochinenii*. Vol. 13, *Pis'ma 1925–1932*. Pt. 1, 1925–1928. Edited by A. V. Lavrov. Moscow: Azbukovnik, 2015.
- . *Sobranie sochinenii*. Vol. 13, *Pis'ma 1925–1932*. Pt. 2, 1929–1932. Edited by A. V. Lavrov. Moscow: Azbukovnik, 2015.
- Zabolotskii, N. N. "Ogon', mertsaiushchii v sosude...": *Stikhotvoreniia i poemy. Pervody. Pis'ma i stat'i. Zhizneopisanie. Vospominaniia sovremennikov. Analiz tvorchestva*. Edited by N. N. Zabolotskii. Moscow: Pedagogika-Press, 1995.
- . *Interesnye sovremenniki. Liubopytnaia starina*. Voronezh: Tsentral'no-Chernozemnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1975.
- Zenkevich, M. A. *Skazochnaia era: Stikhotvoreniia. Povest'. Belletristicheskie memuary*. Edited and annotated by S. E. Zenkevich. Prefaced by L. A. Oze-rova. Moscow: Shkola-Press, 1994.
- Zykova, L. A. "Iz semeinoi perepiski A. A. Akhmatovoi." *Zvezda* 6 (1996): 131–59.

ОБ АКАДЕМИЧЕСКОМ КОММЕНТАРИИ К ПОЭЗИИ МОДЕРНИЗМА (СЛУЧАЙ АХМАТОВОЙ)¹

Р. Д. Ти́менчик
(Иерусалим)

Пять основных положений²:

1. Комментарий, годный на все времена (как и художественный перевод), невозможен. Он вынужден считаться с сегодняшней, хуже того – с сиюминутной, информационной конъюнктурой, которую зачастую он должен преодолевать (см.: Ти́менчик 2019: 290–302), учитывать текущие приоритеты читающей публики, новейшие шумы в ноосфере. Для пользователей последних призывов, например, стихи «На красные башни родного Содома, / На площадь, где пела, на двор, где пряла...» из «Лотовой жены» (1922–1924) накладываются на докучную картинку и обновленную песенку А. Вертинского: «Соседство начинающих строки слов *красные башни* и *площадь* вызывают в памяти уже не древний Содом, а осквернённую первопрестольную Москву с расстрелянными юнкерами, оборонявшими Кремль» (Рублева 2009: 202)³.

¹ Статья составлена по материалам лекции на открытии Graduate Student Conference in Russian Language and Literatures (Helsinki–Tallinn–Tartu) 12 мая 2023 г.

² Исходные методологические предпосылки с примерами едва ли не преимущественно из Ахматовой см.: Ти́менчик 1995: 446–458; Ти́менчик 1996: 446–458; Ти́менчик 1997: 86–99; Ти́менчик 1998: 415–427; Ти́менчик 2008: 20–24, 567–591; Ти́менчик 2022: 60–84; Ти́менчик 2023а.

³ «Красные башни» отчетливо представляют комментаторскую проблему (что вдруг «красные?»), их не следует пропускать без объяснения. Помнению пишущего эти строки, в таковом должны участвовать «красные башни» царскосельского Адмиралтейства, павильонов в Екатерининском парке с красными неоштукатуренными стенами в подражание голландским кирпичным постройкам – общее автобиографическое воспоминание для Ахматовой и Н. Н. Пунина (см.: Пунин 2000: 77).

2. Комментарий должен быть функциональным и сообщать не столько «что-где-когда», а «зачем здесь». «Ю. М. <Лотман> наглядно продемонстрировал мне два способа объяснения текстов. Я спросил у него, не знает ли он историю выражения “дама из Амстердама” применительно к платным жрицам любви – мне это нужно было для анализа “голландских” мотивов в поэзии Михаила Кузмина. Ю. М. с ходу не помнил, но пошутил: “А Вы сделайте так, как поступила бы “Библиотека поэта”: “Амстердам – город в Нидерландах”»⁴ (Тименчик 1993: 16). Итак, не «Париж – столица Франции», о чем догадывался и Ф. Манилов, ибо кто и шутя, и скоро пожелает узнать – уж знает споспешествованием Google’a. А сообщать он должен, «что вдруг» Париж или, скажем, Ницца в стихотворении «Вечерние часы перед столом...» или Чухлома с ее кассандрами в «Поэме без героя». Но вволю гугля, комментатор должен использовать предупредительную функцию комментария, погашая fake-фактографию (например, Ахматова никогда не бывала в Душанбе (см. ниже), не устраивала тест «Чай, собака, Пастернак» или «Кофе, кошка, Мандельштам»; см.: Меньщикова 2021: 99) и давая экспертные отводы поспешным фантазиям горе-литературоведов. Аспект функциональности обязывает пояснять простейшие лексемы, казалось бы не рассчитывающие на схолии – например, рябина и сорока, выступающие в стиховом споре с И. Берлином как сигналы разновидностей национального фольклора (см.: Тименчик 2023b: 341).

3. Комментарий раскрывает код чтения «исторического читателя», который разнится от поколения к поколению. Цель восстановления читательского сознания вековой давности, к которому апеллировали синхронные ему тексты, мы признаем недостижимой, но предостережение о его специфике не должно покидать комментатора. Специфика его заключалась в том, что оное сознание 1910-х годов оборотилось в тревоге на себя самое.

⁴ Тименчик Р. Памяти Юрия Лотмана. – Окна. Приложение к газете «Вести» (Тель-Авив). 1993. 11 ноября. С. 16–17.

Киевский искусствовед Евгений Михайлович Кузьмин (1871–1942) констатировал в год выхода «Вечера»:

Трудно писать для современного читателя. Трудно потому, что в лучшем случае прочтет лишь то, что написано черным по белому. Но чаще и этого не прочтет. Знаю умных и вполне культурных людей, что искренно хвастались тем, что в день могут усвоить две довольно объемистые книги! И действительно «усваивают», т. е. ухитряются гладко и правильно передать «основное содержание» – «главную суть», а это, по их мнению, дает им полное право со спокойной совестью взяться за «основное содержание» и «главную суть» другого автора. Нечего и говорить, что до некоторой степени сама жизнь привела к таким упрощенным приемам чтения (Кузьмин 1912: 14).

Отсюда проистек в эти годы пафос внимательного вглядывания в стихи:

Всякую содержательную книгу надо читать медленно, особенно медленно надо читать поэтов, и всего медленнее надо из русских писателей читать Пушкина, потому что его короткие строки наиболее содержательны из всего, что написано по-русски. Эту содержательность их может разглядеть только досужий пешеход, который движется медленно и внимательно смотрит кругом (Гершензон 2000: 116–117).

Учила этому в числе прочих и Ахматова. Давид Выгодский (как кажется, под влиянием, а то и при консультациях с кузеном-психологом) писал по выходе «Белой стаи»:

Числась номинально в лагере «акмеистов», Ахматова всегда выделялась из их среды особыми, только ей присущими, свойствами: своеобразным, мы сказали бы, «отрывочным» мировосприятием и исключительной остротой переживания.

В сущности эти два сводятся к одному: для Ахматовой линия жизни не существует в своей целостности, а рассыпается в тонкий пунктир, в ряд отдельных мгновений. Каждая секунда, каждое восприятие для нее цельная и замкнутая в себе монада,

только случайно соприкасающаяся с соседними восприятиями-монадами. И отсюда эта особенная острота, особенная яркость и законченность каждого мгновения, не расплывающегося, не распыляющегося на пути к следующему мгновению. Если прав был Баратынский, определяя истинную поэзию как полное ощущение данной минуты, то очень немногих соперников имеет Ахматова, более полно выразить ощущение минуты едва ли кто из наших поэтов был в состоянии. Даже прославленный в этом отношении Фет во многом ей уступает.

Вот почему Ахматова не бывает скучной, никогда нельзя скользить по ней, почти каждое стихотворение запоминается отдельно, живет в сознании читателя отдельно, не сливаясь со всеми другими. И ее слова, всегда чрезвычайно простые, самые обыкновенные, слова, употребляемые каждым из нас тысячекратно, вдруг приобретают значительность и законченность эпиграммы, так и хочется обратить их в пословицу, в эпиграф⁵.

Код чтения разнится не только от поколения к поколению, но и от поэта к поэту. «Разорванностью», «мозаичностью», «отрывочностью», «осколочностью», «монадностью» ахматовской поэзии предопределено особое качество читательского поведения при контакте с ахматовским текстом. В неблагоприятной рецензии Д. Л. Тальникова на «Четки» содержится характерное признание: «Поэтическое содержание стихов А. Ахматовой как-то с трудом поддается учету: прочитавши стихотворение, приходится перечитывать его вновь, чтобы найти смысл, понять и усвоить образ» (Тальников 1914: 208). Обозреватели по-разному интерпретировали этот неизбежный момент вторичного пролистывания, но обязательность его дает себя знать в характерных обмолвках. Поэт Георгий Вяткин: «Почти все ее стихи волнуют, многие хочется перечитывать снова и снова»⁶; псевдоним из журнала «Женское дело»: «Хочется много раз перечитывать этот небольшой сборник. В нем много прекрасного. <...> Хочется много раз пере-

⁵ Выгодский Д. О новых стихах. – Новая жизнь. 1917 (1918). № 210 (204). 24 декабря (6 января). С. 5–6.

⁶ Ю. В. [Г. А. Вяткин]. Ахматова А. Четки. – Утро (Харьков). 1914. № 2315. 20 мая. С. 6.

читать этот сборник. В нем скрыта тайна. Хочется разгадать ее» (Огинская 1914: 14–15); Ольга Вороновская-Ховина: «В ее стихах нет солнечности, нет яркости, но они странно влекут к себе, манят какой-то непонятной недоговоренностью и робкой тревогой» (Вороновская 1914: 14); Евгений Аничков: «Понадобились новые издания “Четок”; так жадно стали их читать и перечитывать по всей Руси взбаламученной» (Аничков 1923: 113); Сергей Городецкий: «Эта книжка не для мимолетного чтения. Ее можно перечитывать, над нею можно думать»⁷; Георгий Иванов о «Подорожнике»: «Однако – это – прекрасная и живая книга, которая не только прочтется, но будет неоднократно перечитываться» (Иванов 1921: 99).

На протяжении 1910-х годов критика все чаще свидетельствует о том, что двухэтапное считывание представляется условием постижения ахматовского замысла. Валентин Вольпин о стихотворении «Он любил три вещи на свете...»: «Стихи Ахматовой, такие, на первый невнимательный взгляд примитивные, по более глубоком рассмотрении оказываются тщательно отделанными и не знаешь: где кончается подлинный порыв вдохновения, и где начинается тонкая, ювелирная отделка великолепного мастера» (Нагель [Вольпин] 1917: 10); Юрий Деген: «С первого взгляда ее третья книга стихов разочаровывает нас, но при более вдумчивом отношении, поражает и восхищает»⁸. Об эффекте обновляющего и выявляющего перечитывания говорили читатели и в последующую некомфортабельную эпоху. «Над чем работает Анна Андреевна? – спрашивал Ю. Г. Оксман 26 ноября 1945 г. из Магадана свою жену. – Передай ей самый сердечный привет от меня. Я ее очень часто вспоминаю и не раз перечитывал за эти годы в самых неподходящих для ее книг условиях (в 1940–1941 г.). Совсем, совсем по-новому (или, точнее, еще и совсем другое выявилось в них) стали звучать ее вещи, ничего не теряя, а приобретая ту многозначность, которая отличает подлинное от подделки, вечное от преходящего» (Оксман 1988: 151).

⁷ Городецкий С. Анна Ахматова. «Белая стая».. – Понедельник (Баку). 1920. № 3. 19 января. С. 1.

⁸ Деген Ю. Ахматова А. Белая стая– Тифлисский листок. 1918. № 262. 4 декабря (21 ноября). С. 4.

Само устройство ахматовской двустворчатой строфы с ее «яркой асимметрией двух смежных тезисов, по схеме: “в огороде бузина, а в Киеве дядя”» (Мандельштам 1923: 80) и устройство всего стихотворения с его «балладной» недосказанностью (см.: Graham 1998: 124–133) заставляли читающего неустанно взаимонакладывать все части стихотворения, т. е. осуществлять процедуру, в чем-то сходную с герменевтической техникой, совершать смысловое соотнесение каждой отрывочной «пунктирной» детали с целым. Запрограммированная в тексте стратегия читательского поведения предполагала установление самим читающим «квазисюжетных» закономерностей. Именно таким образом объяснял, например, Григол Робакидзе стихотворение «Я научилась просто, мудро жить...»:

Я возвращаюсь... Лижет мне ладонь
Пушистый кот, мурлыкает умильней,
И яркий загорается огонь
На башенке озерной лесопильни.
Лишь изредка прорезывает тишь
Крик аиста, слетевшего на крышу.
– И если в дверь мою ты постучишь,
Мне кажется, я даже не услышу.

С внешней стороны как будто и нет связи между мурлыкающим котом и огнем на башенке лесопильни. Но для выражения «настроения» тут все закономерно: пушистый кот, который лижет ее ладонь по ее возвращении – этот штрих обостряет ее тоску по нежному касанию; а огонь на башенке лесопильни, который загорается перед ее взором, устремленным вдаль – это уже душевный пейзаж, в котором томное замирание души медлительно разрешается в озаренной тишине⁹.

Опыты читательского разумения стихотворений будут составлять неперенную часть справки, ориентированной на воскрешение

⁹ Робакидзе-Кавкасиели Г. Литературные заметки: «Четки» Ахматовой. – Кавказ (Тифлис). 1915. № 47. 27 февраля. С. 3. Ср. разбор этого стихотворения: Гальперин 1981: 42–44.

исторического читателя, особенно «наивного читателя» (и без кавычек тоже). Пример – пересказ стихотворений «Было душно от жгучего света...» и «Все мы бражники здесь, блудницы...», датированный 1918 годом:

От света – душно. Почему? Слабо освещенная комната всегда кажется нам просторной. И наоборот, чем больше света, тем она кажется меньше, тесней. А где тесно, там и душно. И со внешним светом так гармонизируют глаза героя, лучи – от которых тоже душно, но по-другому – от них ведь захватывает дыхание. Несколькo странен и кажется случайным образ «надгробный камень». Почему любовь – «надгробный камень»? Но поэтесса уже знает, как любовь опустошает душу, не оставляя в ней места другим переживаниям и страстям. Любовь прекрасна, но и жестока – как «надгробный камень»; под ней покоится опустошенная жизнь (Палецкий 2012: 89).

Поэтесса пошла в кафешантан. Она хочет видеть воочию оборотную сторону жизни. Заметьте, она не решается сразу посмотреть на сцену. И все же ей уже «невесело». Она отводит глаза и видит обои с японским рисунком. На нем роскошные мотивы – цветы и птицы. Но увы – цветы не настоящие, а вышитые, цветы больные, томящиеся по облакам. Грезам здесь не место. Этот храм веселья – темница грез. Окошки забиты навсегда, нет выхода заблудшим женским душам на простор; туда, где так или иначе в тоске или грозе идет жизнь. Здесь западня, мышеловка, и глаза спутника подозрительно похожи на кошачьи глаза¹⁰. И в своей душе она находит грязь, просачивающуюся из этого дома разврата. Смертная тоска охватывает поэтессу. Наконец она решается

¹⁰ Строки «На глаза осторожной кошки / Похожи твои глаза» стали одним из мемов этого разошедшегося на крылатые слова стихотворения. Ср.: «Такие стихи, как –

Осторожно глядишь в глаза,
Долго ищешь, пока находишь,
Что бы лучше такое сказать, –

напоминают строки Ахматовой: <“>На глаза осторожной кошки похожи твои глаза<”>» (Квятковский А. П. <Рец. на кн.:> Алигер М. Год рождения. М., 1938. – РГАЛИ. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 26 об.).

поднять глаза на сцену – и содрогается от безумного ужаса, от неслыханного унижения женщины-сестры – той, что на сцене (Палецкий 2012: 99).

4. Комментарий будет удерживать в центре внимания «сильные места» – те строки, которые навязчиво воспроизводятся современниками и служат метонимиями ахматовских лирических пьес, фрагменты, становящиеся мемами, если только до этого они уже не были мемами и в таком качестве обыграны горько-иронически, например, «...за одиночество вдвоем и за тебя я пью» – ср. мнение исторического читателя (Михаила Вольпина) о стихотворении «Последний тост» (1934): «Когда Вертинский пишет: “Мы пригласили тишину на наш прощальный ужин”, а она пишет: “За одиночество вдвоем” – то это из одного стихотворения строчки» (Дувакин 1999: 275)¹¹. Подается здесь бывалому читателю оксюморон, обладающий разветвленной историей, встречается он и у Мирры Лохвицкой (см.: Markov 1989: 80), и в популярном куплете Александра Вознесенского:

Я помню давнее пророчество
Об одиночестве моём,
Но нет страшнее одиночества,
Чем одиночество вдвоём.
(Вознесенский 2012: 173)

– и в прозе Федора Сологуба:

– <...> О, какой мне праздник – одиночество, сладкое одиночество! Хотя бы вдвоем.
– Однако, все-таки вдвоем! – с внезапной злостью ответил Петр
(Сологуб 1914: 164).

– и в стихах Георгия Адамовича: «Как грустно одиночество вдвоем...» (Адамович 2005: 165) и т. д.

¹¹ Ср.: «По устному свидетельству М. В. Ардова, об этом стихотворении Ахматова отозвалась следующим образом: “Какая, в сущности, пошлость – расставаться за ужином”» (Дувакин 1999: 287).

Примеры разошедшейся на присловья Анны Ахматовой обширны (см.: Тименчик 2018: 244–263), перечень этот не скоро завершится. «В этой жизни я немного видела / Только пела и ждала» – взято эпиграфом к новозаведенной в 1914 году записной книжке московской поэтессы (см.: Меркурьева 2007: 506), а в другую эпоху через косный учебник эти строки из стихотворения «Помолись о нищей, о потерянной...» внедрялись в другое читательское поколение (см.: Волков 1955: 460), как может засвидетельствовать пишущий эти строки. Или приведем из невзрачной эмигрантской прозы чуть ли не снимок с натуры:

Владимир Иванович сел рядом с ней на диван, тронул ее руку, певуче спросил:

– О чем задумались, Вера Дмитриевна?

– Так... ни о чем... Помните Ахматову:

«21-ое. Ночь. Понедельник.

Очертанье <sic> столицы во мгле.

Сочинил же какой-то бездельник,

Что бывает любовь на земле».

И потом ее же:

«Настоящую нежность не спутаешь ни с чем

И она тиха...»

Вера Дмитриевна тихо, серебристо засмеялась:

– Так где же правда? А, Владимир Иванович? – «сочинили» или настоящая нежность?

Она не смотрела на него, говорила, прикрыв глаза, но чувствовала, наслаждаясь, рядом взволнованное дыхание, жадный горящий взгляд (Косимова 1954: 104–105).

Ударность «сильного места» обусловлена плотностью и интенсивностью историко-культурного контекста, напряженностью тематологических проекций, заполнением горизонта ожиданий читающего сообщества. Вглядимся в механику рецепции одного из таких «мест», которое Ахматова считала провербиальной микросенсацией 1912 года.

После выхода «Из шести книг» (А. А. послала экземпляры Пастернаку) она сказала мне с торжеством:

– Получила восторженное письмо от Бориса – доказательство, что он, в самом деле, моих стихов не читал. Он захлебнулся, открыв у меня замечательные строки:

На стволе корявой ели
Муравьиное шоссе.

Так ведь это в «Вечере» напечатано – 1912 год (Гинзбург 1991: 139).

9 мая 1959 г. Л. Чуковская записала слова Ахматовой о звонке Пастернака по поводу посланного ему сборника 1958 года: «Он звонил с благодарностью, особо восхищаясь стихами “Сухо пахнут иммортели”. <...> Он читает их впервые, я уверена. Это стихи десятого года» (Чуковская 1997b: 355). «Самые заурядные мелочи вводились в стих» (Добин 1968: 53), «муравьиное шоссе – все эти, по определению Пастернака, “прозы пристальной крупницы”» (Чуковская 1997b: 733) – здесь, в лирическом сюжете этого стихотворения эта деталь работает как раскрытие установок монологистки, как некая обмолвка дачницы: «Движение зрения героини, представляющей небо стеклянным архитектурным сводом, а кривой ствол ели “муравьиным шоссе”, выдает в ней сознание городской жительницы» (Шевчук 2014: 102).

Муравьиный тракт, *chaussée*, *макадам*, «поднятая и убитая мелким камнем дорога, удобная во всякое время для езды» (Чудинов 1901: 2176), «искусственная дорога, выложенная крупнозернистым щебнем с уклонами по обе стороны для стока дождевой воды» (Битнер 1905: 910), – этот крупный план подталкивал к завоевывавшей тогда популярность антропоморфизации перепончатокрылых. О муравьиных магистралях писали: «Дороги эти образуются не просто в силу постоянной ходьбы муравьев, как предполагалось, но действительно устраиваются муравьями» (Лёббок 1884: 24), а об общественной жизни муравьев: «<...> искусство, с которым муравьи сооружают свои постройки и приспособляются к различным обстоятельствам; способы, помощью которых они подбадривают друг друга, сообщаются между собою,

ведут войны, заключают союзы; похищение и удержание рабов, самоотвержение, заботливое ухаживание за потомством, приемы которого разнообразны и меняются в зависимости от обстоятельств, – все это наводит на мысль, что муравьи являются умными, высоко развитыми духовно животными, психические способности которых составляют разительную противоположность их незначительным размерам. На тему о таком высоком развитии ума и способностей писалось с таким жаром, собиралось столько подробностей, что нет ничего удивительного, если у неспециалистов составителю о муравьях представление как о животных, которые по своим духовным способностям едва ли имеют себе равных в животном царстве» (Кнауер 1910: 167)¹². Из примеров гуманизации работающих насекомых назовем здесь два, где первый принадлежит старшей знакомой Ахматовой, а второй – проваливающемуся в безвестность поэту.

Как-то в ясный солнечный февральский день разговорились мы о непонятности животного мира и сюда же приплели религию. Кто-то, может быть, Лида, может быть, и я, заявил:

– Все делают гении. Потом им тысячи лет подражают. Ну, а как же муравьи? Чтобы устроить муравейник, тоже когда-то был нужен гениальный муравей. Может быть, у них даже был свой, муравьиный, Христос?

Это так нам понравилось, что мы остановились, переглянулись и от избытка интеллектуального подъема покатались со смеха (Тыркова-Вильямс 1954: 154).

МУРАВЕЙНИК

Весело шепчет листвою нарядной
Свежая роща в полуденный зной,
Манит укрыться под сенью прохладной,
В воздухе пахнет душистой смолой.

¹² См.: Савельева 2020: 363–385; см. также главу «Страна МурашИя (несколько этюдов из мира книг)»: Мурашев 2007: 29–34.

В душу мне сходит покой безмятежный,
Сел я – и вижу: вблизи муравьи,
Дружно собравшись толпою прилежной,
Строят под елью жилища свои.

Умные крошки! за вашей работой
С тайною думой слежу я всегда,
Видеть люблю я, с какою заботой
Вы создаете свои города.

Что ж привело вас в такое волнение?
Что вас смутило средь ваших трудов?
Голод, зараза, войны приближение,
Или, быть может, восстанье рабов?

Что ж заметались вы так суетливо?
Или при виде лица моего
Вы обратились в бегство пугливо,
Грозное чуя во мне божество?

Не принимайте меня вы за бога!
Я, как и вы, пресмыкаюсь в пыли, –
Прах, познающий себя лишь немного,
Жалкая плесень остывшей земли.

В страхе таком не бегите тревожно!
Вас я не трону и скроюсь сейчас,
Я удалиться спешу осторожно,
Чтоб не ступить по дороге на вас.

Мирно свой век доживайте мгновенный,
Краткие радости жизни любя,
И горделиво царями вселенной,
Так же, как люди, считайте себя!

(Головачевский 1906: 28–29)¹³

¹³ О Сергее Головачевском, о котором известно намного меньше, чем хотелось бы, см. справку А. Л. Соболева: Соболев, Тименчик 2019: 626–627.

Понятно, почему Ахматова приписала Пастернаку восторги перед «муравьиным шоссе» – они бы вторили пастернаковской поэтической энтомологии:

Текли лучи. Текли жуки с отливом,
Стекло стрекоз сновало по щекам.
Был полон лес мерцаньем кропотливым,
Как под щипцами у часовщика.

(Пастернак 1923: 84)

Гроза, как жрец, сожгла сирень
И дымом жертвенным застлала
Глаза и тучи. Расправляй
Губами вывих муравья.

(Пастернак 1922: 59)

В последнем случае это тоже, в свою очередь, строка из разряда сильных мест, «загадка»; см. «попытки предложить правильное прочтение фрагмента» (Красильникова, Успенский 2021: 122).

5. Комментарий тщательно подбирает свидетельства исторических читателей о текстовых раздражителях, ударность которых утратилась в ходе эволюции языковой нормы:

Словарь Ахматовой также стремится к простоте разговорной речи: у нее нет специально поэтических слов и словосочетаний, она намеренно вводит некоторые словесные и синтаксические прозаизмы («Этот может меня приручить», «Я думала: ты нарочно» и т. д.). Но уже в «Четках» такого рода прозаические речения контрастно сочетаются с торжественными оборотами речи, впоследствии этот прием становится характерным для Ахматовой:

Но иным открывается тайна,
И почиет на них тишина...
Я на это наткнулась случайно
И с тех пор всё как будто больна. <...>

Часто употребляет Ахматова прием образования и игры боковыми смыслами слова, нарушающими обычные словесные ассоциации, вследствие чего иногда самые обыкновенные слова (бездельница, лесопильня и др.) кажутся у нее новыми, ею выдуманными» (Багрий 1926: 305).

Здесь поминаются две строфы –

Я пришла сюда, бездельница,
Всё равно мне, где скучать!
На пригорке дремлет мельница.
Годы можно здесь молчать.

– и из вышецитированного стихотворения «Я научилась просто, мудро жить...» («На башенке озерной лесопильни»).

Таковы пять предварительных тезисов. Структура же комментарийной статьи к сочинениям Ахматовой видится одиннадцатичастной (ср.: Тименчик 2022: 71):

- I. Выходные данные первопубликации и републикаций.
- II. Текстологическая справка.
- III. Паратексты.
- IV. Метрический облик.
- V. Разъяснение имен.
- VI. Realia.
- VII. Цитаты.
- VIII. Интертекстуальность.
- IX. «Сильные места».
- X. Интермедияльная жизнь стихотворения.
- XI. Разное.

I. Комментированные выходные данные первопубликаций и републикаций

1. Этот раздел начинается с полной библиографической справки по всем решительно прижизненным изданиям, понимаемым расширительно, включая казусы, указанные в свое время

выдающимся библиографом: «<...> о чем следует упомянуть, – это не вышедшие в свет книги, начатые набором или законченные, сохранившиеся только в корректурных оттисках. Таких изданий очень много. (Напр.: <...> двухтомное полное собрание стихотворений Анны Ахматовой <...>.) Такие “неродившиеся” или, вернее, “мертворожденные” книги должны быть, бесспорно, признаны самостоятельными библиографическими единицами, объектом библиографического описания. <...> книги, вышедшие в свет, но изъятые из продажи уже после их выхода из печати. <...> прочие виды произведений печати – отпечатанные на пишущей машине, написанные от руки и оттиснутые с камня, стеклографа или других множительных аппаратов» (Шамурин 1930: 76).

В случае Ахматовой «мертворожденные» книги обозрены Н. Г. Гончаровой (см.: Гончарова 2000). Заметим, что включенный в эту работу сборник «Стихотворения в одном томе» (ГИХЛ, 1940) нужно было описать *de visu*; в данном издании фигурирует только копия М. М. Кралина с оглавления в экземпляре авторской корректуры, хранившейся у покойного коллекционера А. М. Румянцева (нынешнее местонахождение мне неизвестно), и на основании только оглавления сделано замечание: «“Подушка уже горяча...” – ст<ихотворение> 1910 г. из цикла “Два стихотворения”, помещаемого обычно в раздел “Предвечерие”, в данной рукописи датировано 1918 г. Первый случай введения “предвечерних” стихов в основной корпус стихотворений» (Гончарова 2000: 239). Обращение к другому, издательскому, экземпляру корректуры (Ахматова А. Стихотворения в одном томе. – Музей Маяковского. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 99. 274 с.) показывает, что весной-летом 1940 г. редакционный процесс застопорился из-за двух стихотворений 1921–1922 гг. – «Все расхищено, предано, продано...» и «Не с теми я, кто бросил землю...». Первое, с его шокирующим начальным мемом, было – возможно, после торга с автором – заменено редакторами Н. Н. Маслиным и А. П. Рыбасовым на не печатавшееся дотоле абсолютно безобидное стихотворение «Подушка уже горяча. / С обеих сторон...» (1909–1910 гг., но здесь, чтоб не ломать хронологическую последовательность сверстанного сборника, с датой более-менее

правдоподобной: «1918», наиболее близкой к 1921 г.), а вместо «Не с теми я, кто бросил землю / На растерзание врагам...» (Ахматова 1923: 14) с крамольной лексемой предполагалось втиснуть бесцветное, заказное переводное стихотворение «Зáре (С португальского)».

Сюда должны быть причислены и выявленные рукописные книжки – см., например, книжку 1942 года¹⁴, или выставленный на аукционе М. Я. Чапкиной в 2004 г. несшитый рукописный сборник («Анна Ахматова. Несколько стихотворений» [«Четки»]. Тифлис, 1933. 97 с., 15 × 89), или список, принадлежавший Н. П. Смирнову-Сокольскому (здесь есть запись неизвестного читателя к циклу «В Царском Селе»: «Стихи, нужные только для цельности общего, а не сами по себе»), или собранные в середине 1940-х годов А. К. Тарасенковым машинописи не увидевших печати ахматовских стихов (известны несколько экземпляров – в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, в собрании М. В. Сеславинского и др.) и т. д.

Републикации обнаруживаются в разных видах мелкопечатной продукции – так, после ждановского постановления было совершено изъятие нот декадентских романсов Ахматовой (см.: Блюм 2004: 131).

2. В описании публикаций и републикаций важно упоминание текстового конвоя стихового текста:

...она рассказала мне о безобразном поступке «Ленинских искр». Без спроса газета напечатала стихотворение о Маяковском, которое Анна Андреевна дала не «Искрам», а «Литературной», да к тому же напечатала с ошибками: в 12 году вместо в 13-м, «до сих пор» вместо «до тех пор»...

– А заглавие! Пошлейшее: «Поэтесса – поэту». Какая гадость! Стыдно теперь и на улицу выйти (Чуковская 1997а: 120)¹⁵.

¹⁴ Умников С. Книжка-загадка. – Вечерний Ленинград. 1978. № 269 (15659). 23 ноября. С. 3; см. также Зленко 1986: 207–208.

¹⁵ См.: Ахматова А. Поэтесса о поэте. Имя – боевой сигнал. Маяковский в 1912 году. – Ленинские искры. 1940. № 34 (1477). 11 апреля. С. 7.

И не только текстового (см. ниже о перитекстах) – так, 7 стихотворений из «Вечера» и «Четок» были перепечатаны в «Журнале журналов», специальном журнале-дайджесте, под репродукцией портрета Н. Альтмана, перепечатанной из «Нового журнала для всех», и в восприятии читателя портрет «каким-то душевным беспокойством», «причудливым изломом психологии»¹⁶ контрапунктически соотносился с завершающим страницу финалом напечатанного под ним, прямо под «оживленным трепетной, нервной жизнью» «подъемом ноги, находящейся на весу» (Левинсон 1915: 228), стихотворения «Ты знаешь, я томлюсь в неволе...»:

...и осуждающие взоры
спокойных загорелых баб.

(Ахматова 1916: 17)

3. В перечне публикаций и републикаций желательно учитывать устные публикации – авторские оглашения комментируемого текста в выступлениях. Сохранившиеся записки слушателей не означают обязательного согласия на исполнение, но фиксация запросов тоже входит в историю репутации текста. Пример: 10 декабря 1927 г. отдана Лукницкому записка: «Просим прочесть 1) Небывалая осень 2) Высокие своды собора <sic!> 3) Сероглазый король 4) А ты думал я тоже такая 5) И кто-то во мраке деревьев незримый»¹⁷. Заметим, что утерянный слушателем / слушательницей «костёл» в этом стихотворении является «сильным местом», запрограммировавшим направление интерпретаций в русской и польской читательской среде.

II. Текстологическая история и семантика правки

Особенностью поэтики Ахматовой является демонстрация альтернативных возможностей продолжения текста, правка как принцип текстопорождающего порыва. Она – поэт текста в движении, самоценной изменчивости. Расчет строится на соприсутствии в поле

¹⁶ Старк Э. По выставкам. – Петроградский курьер. 1915. № 415. 21 марта. С. 4.

¹⁷ ИРЛИ. Коллекция П. Н. Лукницкого. Альбом VII–2 № 115.

читательского внимания разных вариантов¹⁸, т. е. в конечном итоге подразумевается именно такое академическое издание, о котором мы говорим здесь.

У Ахматовой одним из свидетельств такой неприкрепленности слова к вещи и того, что номинация преследует цель создания именно семантических вех, а не однозначных условий, является постоянное возвращение к оси выбора, ярко проявляющееся в диахронической истории текста. Ср. варианты в разных публикациях: *Вот и могущества тайные / явные знаки*; *Степь трогательно / ядовито зелена*; *Темный слушатель светлых бредней / Светлый слушатель темных бредней* и т. п. (Левин, Сегал, Тименчик, Топоров, Цивьян 2001: 314).

Добавим еще один пример того, как антонимы равноправны в семантической постройке:

Я слышу иволги всегда печальный голос
И лета пышного [меня томит] приветствую ущерб¹⁹.

Уже в дебютной попытке она предлагала редактору В. Брюсову выбор: к стиху «Богиня! Тебе мой гимн» она предлагает сноску: «Или: Богиня! Покинь Олимп» (см.: Суперфин, Тименчик 1972: 276).

Таблица правок нуждается в соотнесении с историческими обстоятельствами, со сменой сезонных табу советской редакции, например, крамола могла представляться в том, что друзья и враги уравнины (пацифизм? абстрактный гуманизм?):

Д. Струженцов, заместитель директора Ленинградской студии телевидения, <...> вычеркнул из ахматовского «Летнего сада», звучавшего в одной из передач, строки:

И замертво спят сотни тысяч шагов
Врагов и друзей, друзей и врагов...

¹⁸ Ср.: "...the peculiar force of the revised version depends in important ways upon our knowledge and recollection of the earlier" (McGann 1983: 86).

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 1.

Что-то почудилось ему в этих строках подозрительное, крамольное, какой-то намек на власть имущих врагов Ахматовой, что ли. Но они, я думаю, вряд ли разгуливали когда-либо по Летнему саду – скорее, ездили мимо него в черных «Волгах» (Муравьева 1989: 177).

Крамольные места Ахматова маскировала при сдаче рукописи в редакцию. В стихотворении 1946 года, где можно было разглядеть фигуру иноземца –

И время прочь, и пространство прочь,
Я все разглядела сквозь белую ночь:
И нарцисс в хрустале у тебя на столе,
И сигары синий дымок,
И то зеркало, где, как в чистой воде,
Ты сейчас отразиться мог.
И время прочь, и пространство прочь...
Но и ты мне не можешь помочь.

– она заменила для журнала «Новый мир» 4-й стих: «И табачный синий дымок»²⁰.

Наконец, автоцензура возникала из-за «эстетических» запретов редакторов – например, на «грубое» – в стихотворении «Летний сад»:

И плавает лебедь бессмертный, пока
Совсем не замучит в воде двойника.
(цит. по: Темненко 2013: 281)

III. Паратексты: Перитексты и эпитексты

Паратексты по Жерару Женетту суть пороговые средства и приемы, которые посредничают между текстом и читателем: а) перитексты – расположенные внутри книги, сначала внесловесные, затем – титулатура, псевдоним, предисловие, посвящение, эпиграф, примечания, датировки и б) эпитексты – обнаруживаемые снаружи текста элементы публичной и частной его истории – авторская эпистолярная, устные признания, дневники, черновики (см.: Genette 1997).

²⁰ Ахматова А. Стихи, поступившие в 1956 г. – РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 6. Ед. хр. 865

А. ПЕРИТЕКСТЫ

1. ФОРМАТ. «Вообще же первоначально издавали книги маленькие, как их называли молитвенники, в 64 долю листа, по типу “Подорожника” Анны Ахматовой»²¹. Маяковский: «О книжке стихов Анны Ахматовой “Anno Domini”, очень маленького формата. – Ну и книжки пошли – под ноготь забьются, не найдешь!» (Крученых 1996: 139).

2. ОБЛОЖКА. Замечание Михаила Кольцова: «<...> обложка белого цвета, фасон à la Анна Ахматова. (Теперь это очень модно: белая-белая обложка, без лишних украшений и надпись – простым и строгим шрифтом!). Бумага, конечно, верже (к стихам никак другой бумаги не подашь, хоть она и страшно вздорожала)» (Ефимов [Фридлянд] 1916: 14). О сборнике 1958 года: «<...> Анна Андреевна произнесла прокурорскую речь против читателей, которые, когда вышла “красненькая” книжка, судачили, главным образом, о переплете и общей редакции Суркова. «Разве *это* важно? Там 90 стихотворений, из которых 85 я признаю... А они о переплете. Как будто в переплете дело...» (Чуковская 1997b: 430).

3. ОФОРМЛЕНИЕ. С. Городецкий: «В ближайшие дни в Петербурге выйдет целый ряд изданий Цеха поэтов. Уже отпечатан сборник Анны Ахматовой “Вечер” и печатается прелестный к нему фронтиспис работы Евгения Лансере. Девушка с книжкой задумалась над водой. Синие облака несутся в алом небе»²². М. О. Цетлин (Амари): «Почему ее сборник носит название “Вечер” – не из-за плохого ли рисунка Лансере, приложенного к книге? К нему больше подходят тоже плохие, но веселые заставки с купидонами» ([Цетлин] 1912: 91). Заставки А. Я. Белобородова (1886–1965), сделанные под влиянием Ш. Персье и П. Фонтена, вскоре художнику показались «линейно-сухими» (Белобородов 1963: 212; подробнее см.: Тименчик 1982:

²¹ В. Ш. [В. Шкловский]. Книги в России. – Голос России (Берлин). 1922. 11 июня.

²² Б. п. [С. Городецкий]. Литературная хроника. – Голос земли. 1912. 27 февраля.

109–113). Глеб Струве: «Издан “Подорожник” очень недурно: радуют глаз приятный шрифт и изящная обложка работы Добужинского. Первое издание вышло в количестве 100 экземпляров и носит пометку “Р.В.Ц.” (разрешено военной цензурой)» (Струве 1921: 353); ср. замечания Евгения Лисенкова: «<...> колючесть этого орнамента <...> всех этих щетинок, стрелок и запятушек» (Лисенков 1923: 130); Бориса Эйхенбаума: «Жаль, что на обложке “Подорожника”, украшенной неприятной желтой рамкой, симметрично рассыпаны какие-то стрелки и черточки, среди которых извивается название. Хочется гораздо более простой и строгой обложки» (Эйхенбаум 1921: 8); Эрика Голлербаха: «Обложка и фронтиспис книги работы Добужинского мало отвечает характеру ахматовской лирики. Издана книга заботливо»²³; Константина Мочульского: «Изящная, миниатюрная белая книжка (все книжки Ахматовой – белые) с обложкой и фронтисписом Добужинского появилась в издательстве “Petropolis”. Под маркой – стилизованный силуэт Медного Всадника – стоит дата: 1921. С каким волнением мы прислушиваемся к голосу из “того мира”!»²⁴.

4. ЗАГЛАВИЯ. Изучение этого вида ахматовского паратекста уже начато (см., например: Петрова 2012: 180–184; Осипова 2018: 4–6). Здесь существенно напомнить, что этот микротекст обладает такой же многослойной и многоярусной смысловой структурой, как и целое поэтическое произведение с полигенетическим паспортом.

Скажем, возвращаясь к дискуссии об источнике заглавия «Путем вся земля» – Книги Иисуса Навина (23, 14) или текста из III Книги Царств, развязанной (см.: Гончарова 2006: 564) и незавершенной, я бы в комментарии добавил указание на еще один возможный источник-толчок: роман “The Way of All Flesh” Сэмюэля Батлера (1880-е гг.). Этот роман против «викторианского чванства» под названием «Жизненный путь» (ред. Н. Рыкова) вышел в

²³ Голлербах Э. «Подорожник». – ИРЛИ. Коллекция П. Н. Лукницкого. Альбом X № 16.

²⁴ Мочульский К. Новые стихи Ахматовой. – Свободная речь (София). 1921. № 6. 3 декабря. С. 3.

Ленинграде (1938) без имени переводчика (см.: Батлер 2009). Или же временный заголовок «эпического отрывка» «Покинув рощи родины священной...»: «Когда вверху»²⁵; по названию вавилонского сказания „Enuma Elisch“ – в переводе В. К. Шилейко: «Когда вверху не было названо небо и внизу земля не носила имени...» (Шилейко 1912: 213), где «вверху» обозначало «мебл<ированный> дом “Нью-Йорк” (против Зимнего Дворца), где меня писал Натан Альтман» (Ахматова 1996: 216), прозванные так за «небоскребность» мебелированные комнаты «Княжий Двор» (см.: Ахматова 1976: 504); о библейско-вавилонской арматуре за образом «художника над бездной» см.: Тименчик 1995: 229–230, 243–244.

5. ЭПИГРАФЫ. Посетуем вслед за литературоведом предшествующего поколения:

Читатель частенько пробегает эпиграф, поставленный писателем, без должного внимания, он не служит ему «верным привратником-остиарием» для входа в сложные «покои» классического романа, в звонко-золотоносные рудники поэмы²⁶.

И приведем старинное определение:

Эпиграф представляет как бы маску, за которой прячется автор, когда он, не желая выступать прямо, косвенно определяет свое отношение к событиям, изображенным им в произведении. Эпиграф может быть лирическим, в большей или меньшей мере в зависимости от того, выразил ли автор свое отношение просто в сгущенной формуле основных событий данного произведения в целом, отдельной главы и т. п. (в этих случаях самый характер сгущения событий выдает отношение автора), – или же это отношение выражено им в восклицании, прямой оценке события и т. п. <...>. В этом последнем случае эпиграф носит характер как

²⁵ См. список с издательской рукописи будущего «Подорожника» (договор с издательством «Петрополис» на издание этого сборника был заключен 30 мая 1920 г.), сохранившийся в бумагах С. Э. и А. Д. Радловых: ОР РНБ. Ф. 625. Ед. хр. 728. Л. 13.

²⁶ Плетнев Р. Три эпиграфа. – Новое русское слово. 1961. № 17765. 29 октября. С. 8.

бы замаскированного лирического отступления (Зунделович 1925: 1115–1116).

Об ахматовской охоте за эпитафиями:

Ее острый слух («собачий», «как у борзой» – если использовать ее замечания о других) вылавливал в обыденной беседе, в радио-передаче, в прочитанном ей стихотворении несколько слов, которые, произнесенные ею, выделенные, обособленные, обрели новый смысл, вид, вес. «Я сюда проберусь еще тенью», – выхватила она одну мою строчку. – Годится на эпитафию. И ударение неправильное – хорошая строчка». В другой раз, когда я читал только что переизданного Светония и наткнулся на чудное замечание: «В хулителях у Вергилия не было недостатка», – она отозвалась: «Первоклассный эпитафию» (Найман 1989: 213).

Ахматова собирала эпитафии про запас, «на вырост» – см., например, в наброске к интервью 1963 года:

Вторая работа касается свояченицы Пушкина Александры Николаевны Гончаровой <...> и называется «Александрина». Вместо содержания работы, которое должно остаться тайной до опубликования, сообщаю вам эпитафию:

«Из подслушанных разговоров.

Один: “Как клевета похожа на правду!”

Второй: “Да, <н>а правду не похожа только сама правда”»

(Подслушала Ахматова) (Ахматова 1996: 303;

ср.: Ахматова 1996: 219).

Как и заглавия, эпитафии, в том числе самосочиненные, входят в подтекст со своей интертекстуальной генеалогией – ср.: «Что же, ведь ложь и часто бывает правдоподобнее правды. Почти всегда. Правда же, конечно, не правдоподобна» (Сологуб 1911: 373).

Внятная Ахматовой интертекстуальная биография отличала и подобранный ею эпитафию к «Решке»: “‘In my beginning is my end.’ / T. S. Eliot, / East Coker” (Ахматова 1996: 273); “My end is in my beginning / (Motto of Mary of Scotland) / (Подарок Т. Элиота)” (Ахматова 1996: 688); “My end is in my beginni<n>g / (Mary’s of Scotland

motto)» (Ахматова 1996: 653). Он отсылал к входившему в круг чтения молодой Ахматовой «хроническому жестикулятору», певцу «героического отчаяния» Тристану Корбьеру (см.: Бобров 1914: 301) – сборник «*Les Amours jaunes*» ей в первый год брака подарил Гумилев (см.: Одоевцева 1988: 295). Там содержалось стихотворение «Эпитафия», прозаическое вступление к которому гласило:

Sauf les amoureux commençans ou finis qui veulent commencer par la fin il y a tant de choses qui finissent par le commencement que le commencement commence à finir par être la fin la fin en sera que les amoureux et autres finiront par commencer à recommencer par ce commencement qui aura fini par n'être que la fin retournée ce qui commencera par être égal à l'éternité qui n'a ni fin ni commencement et finira par être aussi finalement égal à la rotation de la terre où l'on aura fini par ne distinguer plus où commence la fin d'où finit le commencement ce qui est toute fin de tout commencement égale à tout commencement de toute fin ce qui est le commencement final de l'infini défini par l'indéfini – Égale une épitaphe égale une préface et réciproquement. / *Sagesse des nations* (Corbière 1873: 13).

За исключением любовников которые изначально и конечно вожделяют начать с конца существует еще столько вещей кончающихся началом что начало в конце концов начинает окончательно становиться концом и начиная с этого конца любовники и все прочие в конечном счете первоначально снова начнут с этого начала которое конечно будет всего лишь возобновленным началом и в заключение начнется вечность не имеющая ни конца ни начала до скончания мира и кончится все тем что окончательно исчезнет разница между началом конца и концом начала что является естественным концом всякого начала подобного естественному началу всякого конца а это уже есть законченное начало бесконечности оканчивающейся изначальной нескончаемостью – то есть эпитафия то есть начало начал и наоборот. / *Народная мудрость* (Яснов 2016: 421)²⁷.

²⁷ Ср. в переводе В. Орла: «Помимо начинающих или подходящих к концу влюбленных, желающих начать с конца, есть столько вещей, кончающихся вначале,

Примечание М. Яснова: «Одно из наиболее характерных и часто цитируемых стихотворений Корбьера. Помимо Верлена, который им восхищался и приводил в книге “Проклятые поэты”, французские исследователи указывают на связь этого стихотворения, в частности, со стихами крупнейшего англо-американского поэта XX века Т. С. Элиота, который в молодости испытал сильное влияние Корбьера и Лафорга» (Яснов 2016: 732).

6. ДАТЫ И МЕСТО. Напомним статью З. Г. Минц «Поэтика даты» и ранняя лирика Ал. Блока:

Художественная природа авторской даты под текстом проявляется уже в том, что датирование / недатирование произведения не есть акт автоматический. Писатель может проставить / не проставить дату в момент окончания работы над произведением и / или перед его публикацией, может датировать его точно или приблизительно, поставить дату реальную или фиктивную и т. д. и т. п.

Вместе с тем наличие / отсутствие даты не является универсальным релевантным признаком художественного текста. Возможность появления (и, следовательно, значимого не появления) даты в тексте связана с чувством включенности текста в ту или иную хронологическую последовательность (а не, например, в чисто жанровое единство).

Авторская дата в художественном тексте, следовательно, приобретает «вторичную» семантику. С одной стороны, она ориентирует текст во внетекстовом, историческом времени, с другой – сопоставляет разнообразные реальные события, так или иначе соотносимые с временем создания текста, с его имманентным содержанием и структурой. В обоих случаях авторская дата

что начало начинает кончаться с того, что становится концом, в конце которого влюбленные и другие кончат тем, что начнут, начав с начала, которое в конце концов станет концом наизнанку, а начнется это с того, что станет во всем равно вечности, у которой нет ни конца, ни начала, и кончится тем, что в конечном счете станет во всем равно вращению земли, так что в конце нельзя будет разобрать, где начинается конец, а где кончается начало, а значит, конец начала всегда равен началу конца, что означает конечное начало бесконечного, определенного неопределенностью. Эпитафия равна предисловию, и наоборот» (Поэзия Франции 1985: 319).

обнаруживает свойства метонимического знака *pars pro toto*, представляя целостный текст в первом и целостную внетекстовую ситуацию во втором случае (Минц 1999: 389).

Дата берет на себя функции других перитекстов: заглавия, посвящения, эпиграфа и т. д. Так, микротекст даты в связи со спором двух исследователей, от лица ли убитого Гумилева написано стихотворение «Видел я тот венец златокованный...» (см.: Ахматова 1998: 386; Кормилов 2013: 22–23) указывает на правоту Н. В. Королевой: Ахматова снабдила стихотворение полной датой: 8 мая нового стиля 1922, то есть 12-летие дня их венчания в Киеве 25.4.1910 старого стиля (см.: Superfin, Timenčik 1974: 193, прим. 1).

На роль датировок в печатных книгах Ахматовой обратили внимание уже первые читатели:

Ее цельность есть цельность человеческой жизни – не биографии, а действительной жизни. Даты под ее стихотворениями имеют действительные значения. У других поэтов они в лучшем случае имеют случайное значение или служат указанием на то, что «сего дня» (Киссин 1999: 163).

При этом отсутствие даты является эффектным приемом в игре с читателем:

И требую, чтобы под каждым стихотворением стояла дата.

– Ну, это не портит стихов, – сказала я, не подумав.

– А по-моему, это безобразное насилие над волей поэта.

Поэт имеет право не сообщать современникам, когда и по какому поводу написаны те или другие стихи (Чуковская 1997b: 414).

Ср. о стихотворении «Когда в тоске самоубийства...»:

В самом начале 1966 г. на заданный по моей просьбе вопрос: «В каком месяце было написано это стихотворение?» – А. А. ответила: «Вот-вот, в ЧК тоже хотели это знать» (сообщено А. Белинковым 19 апреля 1968 г.) (Силард 2002: 229, прим. 8).

У Ахматовой часты обозначения мест под ее сочинениями. Как замечал Игнатий Ивановский, «писала она наискосок, концы строк

загибались вверх. В конце каждого стихотворения непременно стоял год, месяц и место сочинения. Это тоже входило в легенду» (Ивановский 1991: 616). Топоним может быть или реальностью, например, «Хювинккя» под стихотворением «Как невеста получаю...» (именно с почтовым штемпелем этой финской деревни пришла рукопись в редакцию журнала «Русская мысль», где и была опубликована), или фиктивным перитекстом, например, продолжением игры в «найденную рукопись»: «Ахматова А. А. Поэма без героя / с предис. и примеч. автора. 1940–1942. Дюшамбе. Апрель 1943. <...> Машинопись с авторской правкой карандашом и чернилами» (Сеславинский 2014: 13–14).

В. ЭПИТЕКСТЫ

Здесь следует вовлечь в комментарий поздние авторские оценки стихотворений, замечания и пояснения к ним – из интервью, публичных и частных высказываний, дневников, писем.

«Из стихов в “Четках” ей сейчас нравится только одно: “Он длится без конца – янтарный, тяжкий день...”<...> “Сероглазый король”, как и все в “Вечере”, плох²⁸. (“Попытка создать балладу непригодными средствами”))» (Будыко 1995: 351); «<...> одно из моих худших стихотворений <...> (“Стал мне реже сниться, слава Богу”))» (Ахматова 1996: 423); «Конечно, я не включила в “Белую Стаю” множество стихотворений (20–30), но надеюсь, что она от этого только выиграет. Стихотворение “Земная слава...”²⁹ следует тоже исключить, я вполне с Вами согласна» (Платонова-Лозинская 1989: 66); «Ахматова сказала мне как-то, что стихотворение “Не недели, не месяцы – годы / Расставались...” хочет переделать. Вместо: “Боль-

²⁸ См. распоряжение Ахматовой переписчику в пору подготовки невышедшего двухтомника 1920-х годов об исключении стихотворений «Сероглазый король», «Хочешь знать, как все это было...», «Не тайны и не печали...», «Был он ревнивым, тревожным и нежным...» (ИРЛИ. Коллекция П. Н. Лукницкого. Альбом VII–2).

²⁹ Стихотворение «Земная слава как дым...» – одно из особенно проблемных для комментаторов; исследователи видят в «любовниках» этого стихотворения (пока бездоказательно) то Н. Недоброво (см.: Ахматова 1990: 390), то Блока (см.: Серова 2005: 82).

ше нет ни измен, ни предательств...” – “Больше нет ни обид, ни предательств...” – Почему, Анна Андреевна? – Потому что измену простить можно, а обиду нельзя...” (Гинзбург 2002: 300).

«Царскосельская ода». Я спрашиваю, почему в ней упоминается Темник, что это за место.

– Темник, Темников – город в Тамбовской области³⁰. Там был женский лагерь (Готхарт 1997: 298).

Автокомментарий к стихотворению «Чугунная ограда, / Сосновая кровать...»: «Традиция – частушка – Черное море – белый корабль <...>, чугунная ограда, сосновая кровать» (Лукницкий 1997: 192) (к той же частушке «Черное море – белый пароход...» возводил строки «Черный вечер. / Белый снег» в блоковской поэме Сергей Городецкий)³¹.

В автооценки входят и санкционированные чужие высказывания:

И вот однажды (это было, кажется, сказала она, 25 дек<абря>), чувствую, начинает что-то звучать. Я подумала – не хочу, и легла. Но звучит все настойчивей. Тогда я встала, заварила крепкого чаю и писала всю ночь. К утру все было готово... А мой сосед, Николай Николаевич <Пунин>, сказал про нее – это *danse macabre*³². И это займет место в мировом искусстве среди произведений такого рода (из дневника С. Д. Спасского; цит. по: Тименчик 2014: 110).

IV. МЕТРИКА И РИТМИКА

В этом разделе, в свете общей задачи, поставленной нами перед комментарием, мы в первую очередь фиксируем отрефлексированные читателями первого призыва особенности ритмики – см. например, ряд примеров: Тименчик 2009: 373–387; Тименчик 2010а: 157–166; Тименчик 2022: 78. Приведем еще пример из необнародованной в свое время рецензии:

³⁰ Ныне Темников – в Мордовии.

³¹ См.: Городецкий С. Двенадцать. – Кавказское слово. 1918. № 168. 10 августа. С. 2.

³² Об истории этого топоса см.: Seigneuret 1988: 328.

Она не гонится за евфонией и евритмией, – ей мил драгоценный лаконизм художественного слова. Какой томительной тревогой веет на нас от этих хореев: «сразу стало тихо в доме, облетел последний мак...», «вечер черен, ветер тих». Те же хорей вперемежку с пиррихиями звучат по-иному – радостно и бодро в стихотв<орении> «Просыпаться на рассвете»³³.

Ср. об игре форм дольника:

Было душно от жгучего света,
А взгляды его – как лучи...
Я только вздрогнула: Этот
Может меня приручить.
Наклонился. Он что-то скажет.
От лица отхлынула кровь.
Пусть камнем надгробным ляжет
На жизни моей любовь.

Не напрасно называется это стихотворение «Смятение»: подлинно смятение слышится в этих строках, то получающих неожиданную стремительность после «наклонился», и так медленно, тяжело текущих – «пусть камнем» (Зноско-Боровский 1923: 71).

V. РАЗЪЯСНЕНИЕ ИМЕН

Имена с прописной буквы (как и иноязычные вкрапления) подлежат дежурным оговоркам по самому скудному протоколу комментирования. Ономастика и топонимика в стихоряде Ахматовой часто несут форсированный смысловой акцент и показательно вызвали к жизни прибывающий ряд научных публикаций (см., например: Рогачева 2019: 75–84). В комментированных изданиях бытуют пояснения к именам людей и мест разной степени сосредоточенности. Некоторые ахматовские топонимы, например, гидроним в строке «Тихо льется тихий Дон» (Ахматова 1967: 48), числят за собой довольно протяженные списки обсуждающей их лите-

³³ Голлербах Э. «Подорожник». – ИРЛИ. Коллекция П. Н. Лукницкого. Альбом X № 16.

ратуры. Несомненно, что трактовка этой вокабулы определит возможности читательских интерпретаций этого стихотворения из «Реквиема» – см., к примеру, истолкование у поэта-казака из дворян Войска Донского: «Помолимся и мы о ней, о большом русском поэте, который не боялся молчать об одинокой казачке» (Туроверов 1966: 8).

В самой общей форме верным будет призвать в этом пункте к максимальной дотошности. Здесь мы только обратим внимание на важность сменяющихся исторических коннотаций и рассмотрим только один пример, нарочито избранный из маргинальных: ахматовская пародия, подхватывающая песню девушек для «Евгения Онегина», резонирует на перестройку «Дуни» в насаждавшихся частушках 20-х годов (см.: Rothstein 2014: 13–22) в экспромте в альбоме П. Н. Лукницкого:

Вышла Дуня на балкон,
А за ней весь Совнарком.

1 марта 1925. Мраморный Дворец (см.: Тименчик 1989: 24).

Но вообще комментарий должен интерпретировать сам акт выведения / невыведения имени. (Следует напомнить, что не-«историческому» читателю сопутствующие обстоятельства без дополнительного погружения в историю могут быть непонятны.)

В рукописи пятой редакции «Поэмы без героя» мы читаем:

Видишь, там, за вьюгой крупчатой

Мейерхольдовы арапчата

Затевают опять возню?³⁴

(Ахматова 1976: 363)

³⁴ Имеется в виду возня слуг просцениума из постановки мольеровского «Дон Жуана» в Александринском театре: «До начала действия на сцену выбегают веселой ватагой ливрейные арапчата. Они зажигают желтые свечи в люстрах и высоких подсвечниках, выносят жаровню с благовонием и звонком возвещают начало» (Сергей Ауслендер); «<...> ливрейные арапчата, похожие на черных котят, бегают и кувыркаются по мягкому ковру, курят амброй, звонят в серебряный колокольчик» (Юрий Беляев); «<...> арапчата: арапчата раньше, после, во время, между, вокруг стола и под столом. Трудно представить себе что-нибудь более пышно-красивое, шаловливо-нарядное для глаз» (Сергей Волконский; цит. по: Мейерхольд 1997: 200, 204, 214).

Ср. в исследовательской литературе соображение: «<...> в первых двух редакциях (1943, 1946 гг.) арапча́та представлены “анонимно” (“театральные арапча́та”), но начиная со списка произведения 1956 года Ахматова, соблюдая “авторские права” режиссера, сформулировавшего значение театрального просцениума, обеспечит <обозначит? – Р. Т.> его слуг “фамильно”: “Мейерхольдовы арапча́та”» (Серова 2005: 64); ср. и вывод, общую концепцию: «В театральном разрезе дополнительно проявляется смысл ахматовской тайнописи в “Поэме”, в результате которой “непонятность” текста становится его основной, чуть ли не главной характеристикой, не имеющей, однако, никакого отношения к обстоятельствам внешней цензуры» (Серова 2005: 67). Притом, что «непонятность» объясняется именно «обстоятельствами внешней цензуры»: «Театр закрыли, книги уничтожили, само слово “Мейерхольд” пятнадцать лет нельзя было ни написать, ни произнести» (Шейко 2001: 228).

Комментарий к ономастике (в том числе к той ее отрасли, которую сегодня называют эргонимикой) распределяется между разделами V (имена) и VI (реалии).

«Вот здесь кончалось все: обеды у Донона...» («На Смоленском кладбище»). Естественно взять справку из надежной монографии:

«*Донон*» – ресторан с французской кухней (основан Жан-Батистом Дононом в 1849 году), находился на набережной Мойки (дом 24), у Певческого моста; в 1870-х годах в ресторане устраивались ежемесячные обеды «Отечественных записок». «В последние десять лет XIX века среди беллетристов, живших в Петербурге, завелись “дононовские субботы”. В последнюю субботу каждого месяца решено было собираться в ресторане старого Донона у Певческого моста». С 1910 по начало 1920-х годов заведение располагалось на углу Английской набережной и Благовещенской площади (дом 36/2)» (Конечный 2021: 204–205).

У имен и реалий есть тематологическая инерция (см. раздел XI). В данном случае, видимо, главную литературную метку около имени «Донон» мы находим в «Дневнике провинциала в Петербурге» М. Е. Салтыкова-Щедрина, где завсегдатай ресторана заказывает себе

« *écrevisses à la bordelaise* », «да перчику, перчику чтобы в меру» (Салтыков-Щедрин 1965–1977, 10: 446). Но существенные коннотации имени, тот минимальный объем информации, что предполагался у ленинградца, заставшего репутацию этого заведения, надо извлекать из полевого материала и суммировать невозмутимой и лаконичной комментаторской прозой:

На днях огонь уничтожил один из старейших столичных ресторанов – «Донон».

За долгие годы существования «Донона» много прошло интересного в этих стенах.

В маленьком садике летом можно было всегда встретить покойных Авсеенко, Юр. Беляева и Скальковского, железнодорожного туза Сущева, вершителя банковских дел Утина, директора Русско-Азиатского Банка Путилова и друг.

У «Донона» мелькали и фигуры как русских, так и иностранных дипломатов. За столиками часто вырисовывался профиль графа Эренталя, бывшего австрийского посла, а затем руководителя внешней политики Австрии.

Здесь же громко смеялся испанский посол маркиз Кампо-Соградо <sic!>, писавший бесконечные донесения и делавший во всех столицах мира бесконечные долги...

Здесь же охотно завтракали и обедали русские сановники.

Тут можно было встретить и графа Коковцева, и Сергея Юльевича Витте, всегда приковывавшего всеобщее внимание своей мощной фигурой.

«Донон» имел две жизни.

Одна, открытая для всех, и другая – тайная, в тех кабинетах, где служили безмолвные и исключительно вымуштрованные татары.

Великие князья, особенно Борис Владимирович, охотно посещали этот гостеприимный уголок, зная, что все будет сокрыто от любопытных глаз и непрошеного слуха...

Петербургские старожилы помнят, как один великий князь довел свое веселие до того, что выбросил из окна кабинета совершенно голый – модную в то время львицу полусвета, княгиню В...

Татары от «Донона» могли бы рассказать очень много и о днях царствования Александра III, когда близкие его друзья, Черепнин и Оболенский, развлекались в кабинетах ресторана...

«Донон» был местом не только шумного веселья. Сюда являлись и для таинственных политических свиданий.

В 1906 году, по коридору «Донона», с опущенной головой бегал Георгий Гапон, которого с нетерпением в одном из кабинетов ожидал «отец русской провокации» П. И. Рачковский.

Старые лакеи-татары не раз видали и Евно Азефа, который завтракал с тем же Рачковским и с другими руководителями политического сыска.

И в тех же таинственных стенах старого ресторана состоялся знаменитый обед покойного генерала Трепова с представителями кадетской партии. Обед этот был организован тем же Рачковским и присутствовал тут никто иной, как П. Н. Милюков.

Вся затея не увенчалась успехом, так как кадеты пожелали иметь большинство в кабинете, а генерал Трепов предлагал им лишь два поста.

С этого момента, – с этого знаменательного обеда, – П. А. Столыпин объявил не на жизнь, а на смерть войну Трепову...

Многое, очень многое могли бы рассказать ныне исчезнувшие навсегда стены старого ресторана...³⁵

VI. REALIA

Напомним самоочевидное:

Важным разделом текстологии является так называемый реальный комментарий. Он основан на том, что наша память в сущности очень ограничена; многое легко забывается и ускользает из сознания современников, не говоря уже о потомках. Мелочи, характерные для того или иного времени, утратившие остроту, злободневные намеки, имена людей, не оставивших по себе заметного следа, требуют для восстановления упорного и

³⁵ Петербуржец. По Петрограду (Тайны «Донона»). – Петроградское эхо. 1918. № 58. 30 (17) апреля. С. 4.

неблагодарного труда. Результат длительных разысканий, занимающих иногда несколько дней, формулируется в пяти-шести строках скупой справки (Рейсер 1978: 11–12).

Для истории рецепции Ахматовой существенно резкое изменение заполнявшего ее тексты предметного мира. См. разговор с советской студенткой в 1935 году:

У меня прозрение: «Вы Анна Ахматова?!» – вскрикиваю я, в восторге устремляясь к ней.

Отшатнувшись, она холодно отвечает: «Нет, я Анна Андреевна, а Ахматова – поэт (та, что пишет стихи). Может, слышали?» – спрашивает она, уже немного успокаиваясь.

«Боже! Конечно! Я знаю их наизусть».

«Любопытно послушать».

Я <...> начинаю вдохновенно декламировать: «Сжала руки под черной вуалью»...<...>

Она улыбается, отрицательно качает головой: «Нет, нет – это не для вас писано!»

«Почему?»

«Да потому, что вы понятия не имеете, что такое “безысходная боль” <...>. А уж вуали вы, наверное, никогда не видели».

«У мамы была, – задумчиво отвечаю я. – А что для меня писано?» (Малоканова 2001: 27).

Сегодняшние читатели свидетельствуют, что эта реальия нуждается в растолковывании:

Согласно толковому словарю С. И. Ожегова, глагол *сжать* означает «плотно соединив, прижать друг к другу». Героиня сжала руки, при этом подняв их на уровень лица, о чем свидетельствует словосочетание *под темной вуалью*, где вуаль – это «сетка, прикрепляемая к женской шляпе и закрывающая лицо». Вероятнее всего, героиня сжала руки около лица, потому что плачет. Причем образ героини дополняет не просто головной убор; поэтесса делает акцент на цвете. Темный цвет в нашем сознании <sic!> есть знак или предвестник чего-то мрачного, страшного, трагичного (Кравченко 2022: 107).

Особый случай – скрытые реалии. Пример:

Какое нам, в сущности, дело,
Что все превращается в прах, –
Над сколькими безднами пела
И в скольких жила зеркалах! –
Хоть я и не сон, не отрада,
Не милость, не благодать,
Но, может быть, чаще, чем надо,
Придется тебе вспоминать
И гул затихающих строчек,
И глаз, что таит в глубине
Тот ржавый колючий веночек
[В тревожной своей] В своей голубой тишине.

6 июня 1963. Ордынка (Тополиная метель)

(Ахматова 1996: 370)

Комментарий. *Что все превращается в прах* – ср.: «15 июня <1963>. Москва в тополинном пуху. Он носится по улицам, залетает в комнату, садится на лицо, костюм, волосы. Он лежит у кромки тротуара, у заборов нашего переулочка, который именуется почему-то улицей, хотя он короче воробьиного носа. Слежавшийся тополинный пух похож на вату или посеребренный снег. В жизни не видел столько пуха. И не знал, что Москва так богата тополями» (Левицкий 2001: 120). Пух заменяется прахом – соседом по фразеологизму, скрывая реалию, предвещая то, как «скрывает» финал другую «реалию» – «красноватое колечко на белке под нижним веком» и как скрывает имя автора свою этимологию («благодать», вариант «пусть пагуба, не благодать»). После такой эскалации сокрытий можно допустить, что и дата «6 июня 1963» – день рождения первого поэта – вводит в текст антитезу пессимистическому афоризму зачина.

VII. ЦИТАТЫ

Цитата – воспроизведенный фрагмент чужого текста. «<...> у Ахматовой можно выделить типовые лексические индикаторы, так сказать, “отсылочные” и указывающие на цитатность данного

места текста (например, *снова, как тогда, этот, тот, тот самый* и т. д.) (Левин, Сегал, Тименчик, Топоров, Цивьян 2001: 314). К таким индикаторам можно отнести и частицу «словно» – например, «*Словно дочка слепого Эдипа*» (почему-то антономасия не раскрыта в: Ахматова 1976: 262, 492). Потому неверно решение в известных мне изданиях Ахматовой не комментировать строки «Словно Ангел, возмутивший воду, / Ты взглянул тогда в мое лицо» (Ахматова 1921b: 60; ср.: Ахматова 1976: 135, 468; Ахматова 1990: 130, 389; Ахматова 1998: 255, 819) отсылкой к источнику: «Ибо ангел Господень, время от времени, сходил в водоём и возмущал воду, и первый, кто входил по возмущению воды, выздоравливал, каким бы ни был одержим недугом» (Иоанн 5:4). Допускаю, что комментаторов останавливало недоумение перед замечанием В. В. Виноградова (обучавшегося, между прочим, в Рязанской Духовной семинарии):

Мелькавший уже раньше в сознании поэтессы образ «*синей купели для тех, кто ниц и болен*» – помогает ей точнее определить ангела, с которым сблизается в ее фантазии лик возлюбленного, – это тот ангел, который был при купели Силоамской:

Словно ангел, возмутивший воду... (Виноградов 1922: 113)

– где Силоам спутан с Вифездой (см.: Никифор 1989: 125, 643).

Работ о цитатах у Ахматовой предостаточно (одна из первых – Тименчик 1975: 124–127). Здесь следует только поставить вопрос о том, что этот фрагмент может сводиться к одной лексеме. Так в стихотворении памяти Мандельштама «О, как пряно дыханье гвоздики...» стих «*Там, где кружатся Эвридики*» полигенетичен, отсылая множественным числом не только к первому приходящему в голову стихотворению Мандельштама, но и к веренице текстов той эпохи, взывающих к дриаде, супруге Орфея, в том числе к стихотворению «Эвридика» соседа Ахматовой по литературному дебюту Алексея Скалдина:

Пишу карандашом, пишу чернилами,
Пишу о тех, что сердцу стали милыми.

И заодно о тех, кого забыл давно:
Вот вспомнил, напишу и опущу на дно.

Бежит река, но тень одна над Летою
Кружит и ждет, да что ж ей присоветую?

Я весело пою, как юноша Давид,
Но знаю я, что все пути ведут в Аид.

Не минется никак: дорогой дикою
Пойду туда за ней, за Эвридикою.

(Скалдин 1912: 42)

VIII. ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ

Я <...>: «Поэты – не профессионалы». Акума: «Да, известно, это что-то вроде аппарата, вроде несостоявшегося аппарата, сидят и ловят; может быть, раз в столетие что-то поймают. Ловят, в сущности, только интонацию, все остальное есть здесь. Живописцы, актеры, певцы – это все профессионалы, поэты – ловцы интонаций. Если он сегодня написал стихотворение, он совершенно не знает, напишет ли его завтра или, может быть, больше никогда».

Я: «И это, вы думаете, можно сказать и о Пушкине?» Акума: «Да, и о Пушкине, и о Данте, и о ком хотите» (Пунин 2000: 400).

Переводя на язык стихотворческой технологии, «интонации» – суть фрагменты «мирового поэтического текста» (Цивьян 1989: 29), и ощущаемая читателем установка ахматовского стиха на «уловление» мемов из написанного другими поэтами подталкивает читателя к проверке «сильного места» на «цитатность»:

Как помним, стихотворение Ахматовой «Памяти М. Булгакова» начинается таким четверостишьем:

Вот это я тебе, взамен могильных роз,
Взамен могильного <sic!> куренья;
Ты так сурово жил и до конца донес
Великолепное презренье.

И вот по какому-то случаю пришлось мне заглянуть в справочник С. Г. Займовского «Крылатое слово» (М., 1930), а там на странице 194 я обнаружил такую цитату: «К трусам и к рабам / Великолепное презренье». (А. Жемчужников (1821–1908), «Конь Калигулы») (Ардов 2006: 159).

В этом разделе, в отличие от раздела VII, найдут себе место случаи, напоминающие о совете М. Л. Лозинского-переводчика: «<...> [никогда] не читайте работу своего предшественника, <...> а то память может сыграть с вами злую шутку» (Ахматова 1996: 601). Например: «А это вовсе из другого цикла. / Мне видится улыбка ясных глаз» (Ахматова 1996: 52) из стихотворения «Памяти Анты» осени 1960 года и в «Еве» Бориса Пастернака: «Ты создана как бы вчерне, / Как строчка из другого цикла» (Пастернак 1956: 74).

В комментаторской справке к стихотворению прежде всего должны приводиться озарившие читателей или обнаруженные ими совпадения: «Тат<ьяна> Григ<орьевна> Цявловская» обратила внимание на сходство строки Ахматовой “И с любопытством геометра” <sic!> со стихотворением “На островах”, чем вызвала явное неудовольствие поэтессы» (Богаевская 1996: 125); ср.:

В литературе уже отмечалась перекличка с Блоком в стихотворении, где, при всем различии темы, Блоком подсказана общая синтаксическая структура строфы («Тот город, мной любимый с детства...», 1929). У Ахматовой:

*Но с любопытством иностранки,
Плененной каждой новизной,
Глядела я, как мчатся санки,
И слушала язык родной.*

Ср. у Блока («Вновь оснеженные колонны...», 1909):

*Нет, с постоянством геометра
Я числю каждый раз без слов
Мосты, часовню, резкость ветра,
Безлюдность низких островов* (Жирмунский 1977: 335–336).

Речь идет о несомненно «сильном месте»: «В этом стихотворении единственная строчка, которая царапает слух, это: "...с любопытством иностранки"..."» (Павловский 1966: 87); ср. полемику с пониманием этой строки у А. И. Павловского: Verheul 1971: 84. Еще пример:

Подумаешь, тоже работа, –
Беспечное это житьё:
Подслушать у музыки что-то
И выдать шутя за своё.

Ирония окрашена грустью, к тому же в ней несомненна параллель со строкой: *И слово, в музыку вернись...* – Осипа Мандельштама, давнего друга и любимого поэта Анны Ахматовой, чью гибель она оплакивала до самой своей смерти (Корнилов 1996: 14).

И еще:

Разве ее отчаянное недоумение в строках:

«Смотреть, как гаснут полосы
В закатном мраке хвой,
Пьянея звуком голоса,
Похожего на твой,
И знать, что все потеряно...»
(Четки, стр. 100)

не похоже на Блоковские строки

«Запевания низкого голоса,
Снежно-белые руки мои,
Мои тонкие рыжие волосы, –
Как давно они стали ничьи».
(Собр. соч. т. III, стр. 190)

Правда, у Ахматовой, как и у Блока в этих стихах, нет неопределенности и расплывчатости, характерной для символистов, но у нее нет и спокойного здорового духа акмеизма. Разве не похожи стихи Ахматовой из поэмы «У самого моря»:

«В нижней церкви служили молебны
О морях, уходящих в море...»
(Белая Стая, стр. 124)

на краткую повесть о том, как

«Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою»
(Блок, Собр. соч. т. II, стр. 81)

Какие-то тонкие, едва уловимые нити протягиваются от лиры
Ахматовой к лире Блока <...> (Базилевская-Роос 1932: 2).

На хранящемся в моей библиотеке экземпляре берлинских
«Четок» неизвестной / неизвестным подчеркнута третья строфа
стихотворения «Хорони, хорони меня, ветер...» –

Закрой эту черную рану
Покровом вечерней тьмы
И вели голубому туману
Надо мною читать псалмы.
(Ахматова 1921a: 105)

– и сбоку замечено:

Дух пантеизма в смерти!
как
Immerhin! Mich wird umgeben
Gottes Himmel, dort wie hier
Und als Totenlampen schweben
Nachts die Sterne über mir...³⁶

Этот раздел комментария отчасти заполнится ахматовскими эпи-
текстами. Например, когда Георгий Адамович прочел ей –

³⁶ Из стихотворения Генриха Гейне «Где?» („Wo?“). Ср.: в переводе Вс. Рождественско-
го: «Все равно! Везде отрадой / Будет свод небесный мне / И надгробною лампадой – /
Эти звезды в вышине!» (Гейне 1931: 575).

Магдалина билась и рыдала,
Ученик любимый каменел,
А туда, где молча Мать стояла,
Так никто взглянуть и не посмел.
(Ахматова 1967: 64)

– Ахматова улыбнулась и сказала:

«Кажется, это в самом деле не плохие стихи». А затем добавила:
«Помните, об этом есть и у Тютчева. Но у него иначе» (Адамович
2018: 341).

Видимо, имелась в виду действительно весьма «иначе» поминающая
святую мироносицу последняя строфа стихотворения «О вещая
душа моя!...»:

Пускай страдальческую грудь
Волнуют страсти роковые –
Душа готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть.
(Тютчев 1965, 1: 163)

Но преобладающую часть раздела составят свидетельства чита-
тельских проекций, в том числе далеко заходящих, как упоминание
о Гейне в вышеприведенной маргиналии³⁷, или то, что стихотворение
«Прогулка» (см.: Ахматова 1914: 10) у американского поэта Алберта
Кука вызвало ассоциации с песнями Коула Портера (может быть, из-
за упоминания Булонского леса) и с афроамериканскими блюзами³⁸.

Заметим, что установка на «палимпсестность», как называл
это Ж. Женетт, ощущается уже в дошедших до нас самых ранних,
«предвечерних» стихах Ахматовой 1909 года – «Читая Гамлета»
(Шекспир плюс Жюль Лафорг) или «Если в небе луна не бродит...»
(см.: Ахматова 1996: 9–10), зримо навеянное новеллой Ги де Мо-

³⁷ Поэтика Гейне в связи с Ахматовой несколько раз припоминалась В. М. Жир-
мунскому. См.: Жирмунский 1928: 276, 294; Жирмунский 1973: 93, 116.

³⁸ Ср.: "...a spirit of sensitive amorous reflection not wholly different from what may be
found in the lyrics of Cole Porter or the blues, a similarity that would help explain her great,
rapid popularity" (Perkins, Cook 1993: 151).

пассана «Наши письма» (« Nos lettres ») из его сборника «Лунный свет» (« Clair de lune »).

IX. «СИЛЬНЫЕ МЕСТА»

Одним из самых знаменитых образцов была «перчатка» из «Песни последней встречи» – см. тринадцать отзывов о ней (Минц 2022: 558–559); она получила международное хождение: “I put my left glove on / My right hand, like an idiot” (Berg 1981: 3).

Ср. также:

Наиболее примитивной формой для выражения вовне своего чувства мы можем признать у Анны Ахматовой такие две строчки, выражающие смятение, растерянность:

Я на правую руку надела
Перчатку с левой руки (Зноско-Боровский 1923: 70).

Ср.:

Кто не помнит знаменитой перчатки, о которой говорит у Ахматовой женщина, уходя от того, кто оттолкнул ее <...>. Когда в «Вечере» появилось двустишие:

Я на правую руку надела
Перчатку с левой руки, –

Анна Андреевна сказала смеясь: «Вот увидите, завтра такая-то, – она назвала имя одной из самых юрких поэтесс того времени³⁹, – напишет в своих стихах:

Я на правую ногу надела
Калошу с левой ноги.

³⁹ Мы с уверенностью не можем сказать, о ком шла речь. Допускаю, что провербиальным двойником-антиподом могла быть Лидия Лесная (Шперлинг; 1889–1972), что всплыло у популяризатора петербургских разговоров 1910-х годов Георгия Иванова: «Итак, заслужила ли Ахматова свою славу? Конечно, нет. Милые бестужевки, дорогие медички – вы ошиблись в вашей избраннице. Надо было ставить на Лидию Лесную» (Иванов 1928: 74–75).

Предсказание ее вскоре сбылось: правда, имитаторша не прикоснулась к перчаткам Ахматовой – зато похитила у нее всю ее лексику, ее интонации, внешние приемы ее мастерства (Чуковский 2012: 204, 225).

Ср. также:

На удивленный взгляд ответчу нежным словом,
Перчатку сняв, открою гладкое кольцо.
Закутав грудь и плечи, выйдем на крыльцо,
Чтоб от танцоров отдохнуть под чуждым кровом.
(Богданова-Бельская 1915: 34)

См. отзыв Н. В. Недоброво:

Стоит отметить подряд идущие заимствования из Ахматовой: ст. 8 и 9 «*Перчатку*» (это, конечно, та перчатка с левой руки, что была одета на правую) сняв, открою *гладкое кольцо*» («Посмотри на пальце безымянном etc.»). «*Закутав грудь и плечи*» (“Ты напрасно бережно кутаешь мне плечи и грудь [было: “мне грудь и плечи”] в меха”) выйдем на крыльцо» (цит. по: Шумихин 1992: 134).

«Сильные места» отрываются от источника и живут свободной текстуальной жизнью, как эпиграф к рассказу Тэффи «Отчаяние»: «Я сегодня вплела в свою косу / Первый раз серебристую прядь. / **Анна Ахматова**» (Тэффи 1947: 95). У Ахматовой: «Как впелась в мои темные косы / Серебристая нежная прядь» (Ахматова 1921а: 61)⁴⁰.

Х. ИНТЕРМЕДИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ СТИХОТВОРЕНИЯ

Здесь в комментарий к отдельным стихотворениям входят приращения и сокращения смыслов в романах и декламации:

Второе отделение, наградив аудиторию парой десятков стихов Анны Ахматовой с ее «ангельскими садами и чудотворными иконами («А-а, ты думал, я тоже такая») и рельефно выраженной

⁴⁰ О теме кос у Ахматовой см.: Баевский 1994: 251.

психопатией («Вижу, вижу») заставило бы публику уже определенно скучать, если бы не громадное и своеобразное мастерство исполнительницы. Вышеславцева не только осязает мелодику стиха («Голубя ко мне не присылай»), но без фальши, переживая исполняемое (мимика, рождающая убедительный жест), искренне сочувствуя ему, подает определенный, для каждого стиха самостоятельный музыкальный мотив («Настоящую нежность не спутаешь ни с чем»). И поэтому мы слушали не столько смысл или мелодику ахматовских стихов, сколько искренние музыкально-речевые мотивы Вышеславцевой («Ты первый раз одна с любимым») по данному поводу (Лапшин 1927: 16).

К этому материалу примыкают и вынесенные на эстраду пародии, например, пародия М. Вольпина на стихотворение «Ты письмо мое, милый, не комкай...» («Надоело мне быть незнакомкой»):

Ты лежишь под могильной кочкой,
Я приду в твой кладбищенский дом.
Надоело мне быть одиночкой –
Давай – погнием – вдвоем.

(Вольпин 1925: 38)

Ср. его воспоминания:

...будучи еще очень молодым и таким ярым маяковцем, я, значит, считал Ахматову в самом враждебном лагере, писал на нее пародии и печатал. Пародии были грубые, я бы сказал – хамские, если сегодня посмотреть, что я тогда сочинял. Да! <Н. П.> Смирнов-Сокольский их включил в свой репертуар. Ну, одну, маленькую, там что-то было: «Давай погнием вдвоем» – такая была строчка (Дувакин 1999: 251).

Сюда же я бы помещал такого рода казусы бытования стихотворения: «А ты думал, я тоже такая...» (получившее широчайшую известность благодаря докладу А. А. Жданова) в кругу поэтов «филологической школы» в Ленинграде середины 1950-х годов, по свидетельству М. Еремина и В. Герасимова, распевалось на мотив «Марсельезы» (см.: Савицкий 2002: 120).

И сюда же знаменитое исполнение Маяковским «Сероглазого короля»:

Маяковский на трибуне. 1921–1924 гг. Ахматова – романсистка, Борисов в юбке⁴¹. Стихи «На смерть Блока» сами напрашиваются, чтобы их так спеть (Напевает на мотив «Ухарь купец» строчки Ахматовой:

Слава тебе, бесконечная <sic!> боль,
Умер вчера сероглазый король!) (Крученых 1930: 3).

Собственно говоря, вообще все пародии как эксперименты по кросс-дискурсному трансферу можно поместить в этот раздел⁴².

Обращу внимание на прижизненную, кажется, пародию Геннадия Шмакова на «Поэму без героя», сообщенную мне автором в письме (приведу ее начало):

Появилась, словно с экрана,
Голова Иоканаана
Под высоким лепным потолком,
А потом она мне посулила
Симпатические чернила
Тарабарским своим языком.

Я внимала... Мне сладко и жарко,
Я увидела вдруг Петрарку,
Он с собой Пасифаю ведет,
А за ними стрелецкие женки,
И хмельнее гусарской жженки
Рекамье на китайской джонке,
Нефертити и царь Немврод.

⁴¹ Борис Самойлович Борисов (Гурович) (1873–1939) – исполнитель цыганских романсов.

⁴² См. анализ пародии А. Финкеля на Ахматову у Д. Чижевского и обзор некоторых пародий (Э. Паперной, Дона Аминадо, А. Флита, Е. Геркена, А. Архангельского): Тименчик 2010b: 164–167; ср. Moissi 1993: 593–609.

XI. РАЗНОЕ

Согласно заголовку, присвоенному нами последнему разделу, здесь предоставлен богатый выбор комментаторскому произволу. Я бы выделил одну из наиболее релевантных возможных областей: темы и мотивы. См. воспоминания Д. М. Магомедовой о работе над собранием сочинений Блока:

Комментарий к мотивам, никогда прежде не встречавшийся в Академических собраниях сочинений, на первых порах вызвал немало возражений. Однако перевесили соображения З. Г. Минц, настойчиво утверждавшей, что «Блок без комментария мотивов немыслим. Если уберут мотивы, я выхожу из издания!» (Магомедова 2023: 327).

Наиболее достойны внимания мотивы, вибрирующие в синхронном с текстом историко-культурном контексте. Начнем с самых ранних ахматовских стихотворений. Мотив хореографии как текста: «Тебе, Афродита, слагаю танец...» (см.: Суперфин, Тименчик 1972: 276) – ср.: «Это – последнее искание модернизма, единственное неразрешенное искание уже осознавшей себя эпохи: женщина, которая пляшет. Женщина, которая пляской должна сказать то, чего никогда прежде не спрашивали у пляски: целое мирозерцание» (Чудовский 1912: 39). В том же киевском стихотворении января 1910 г. к строке «По ночам ты сходила в чертоги Фрины» (см.: Суперфин, Тименчик 1972: 276) – одним из толчков могла быть городская новинка 1909 года: рельеф скульптора Ф. Балавенского на доходном доме И. Иссерлиса, изображающий триумф гетеры Фрины.

Сюда относятся имена, символы и категории, тогда носившиеся в воздухе⁴³ и с тех пор носящиеся меньше, как мотив «оглядки», антитетически «сшивающий» стихотворения «Лотова жена» и «Данте», который может быть поставлен в один ряд с размышлениями русской философии XX века:

⁴³ См. у Марины Цветаевой про «первую и единственную за все детство попытку вопроса: “Мама, что такое Наполеон?” – “Как? Ты не знаешь, что такое Наполеон?” – “Нет, мне никто не сказал”. – “Да ведь это же – в воздухе носится!”» (Цветаева 1994: 82–83)

Оглядка. Наше мышление есть, по самому существу своему, оглядка – по-немецки *Besinnung*. Оно родилось из страха, что за нами, под нами, над нами есть что-то, что нам угрожает. И в самом деле, как только человек начинает оглядываться, он «видит» страшное, опасное, грозящее гибелью. Но если – согласится сделать такое допущение? – страшное только тогда и тому страшно, кто оглядывается? Голова Медузы ничего не может сделать человеку, который идет вперед и не оглядывается, и превращает в камень всякого, кто повернется к ней лицом (Шестов 1930: 183).

Тематологический эскорт релевантен для городов как одной из ярких ахматовских сквозных тем (см.: Кормилов 2008: 132–137). Скажем, топографические реалии Херсонеса ныне прокомментированы (Казарин, Новикова 2014: 22–33), но тематологическая предыстория стихов «Все глядеть бы на смуглые главы / Херсонесского храма с крыльца» взыскует упоминаний в комментарии, начиная с предмодернистского «Херсонеса» Н. Минского (1886) –

Печальней никогда не видел я руин;
Разрытые дома сияют <sic!>, как могилы,
На пыльных насыпях растет бурьян унылый
И с ветром плачущим беседует один.
Ютится мох на дне разрушенной цистерны.
Низринут мавзолей и спит, как страж неверный.

И тихо меж руин бродил я, как больной;
Холодный страх в душе сменялся скорбью жгучей,
И наконец я стал над каменистой кручей,
Откуда моря даль открылась предо мной.
Жемчужные валы к подножью припадали
И, неутешные, метались и рыдали...

Меж тем закат разлил кровавые ручьи
На море зыбкое, – и тучек вереницы
Поднялись в глубь небес, как огненные птицы,
И день им посылал последние лучи.
Проснулся колокол в беззвучном отдалении
И слил с рыданьем волн торжественное пенье.

Но вскоре отблеск роз на жемчуге волны
Стал быстро угасать; кой-где огни блеснули,
Раскрылись небеса – и берега заснули.
Лишь пенистый прибой рыдал средь тишины,
Да у меня в душе молитвенно звучали
Аккорды нежные восторга и печали.

(Поэзия Крыма 1909: 72–73)⁴⁴

– продолжаясь сонетистом А. Ротштейном –

Дыханье Божества живит, о Херсонес,
Твои забытые печальные руины;
Твоих седых камней глубокие морщины,
Мне внятно говорят о днях былых чудес.

Мне как-то ближе здесь мистических небес
Для смертных недоступные глубины;
Здесь ярче предо мной рисуются картины
Из жития Того, Кто распят и воскрес.

О, город прошлого! среди твоих развалин,
Забывши грустный век, в котором я живу,
Я так люблю бродить, задумчив и печален...

Я чувствую, что здесь я ближе к Божеству,
И Вера детских лет, поблекшая с годами,
И крепнет, и растет меж мертвыми камнями.

(Ротштейн 1903: 134; Ротштейн 1910:19)

– увенчиваясь «Старинными октавами» Д. Мережковского:

ХСVI

Там, где шумят немолчные валы,
Где вознеслись над морем великаны –
Из черного базальта две скалы,
И стелются над пропастью туманы,
Где реют с хищным клекотом орлы,

⁴⁴ Разбор стихотворения см.: Проскурина 2021: 91.

Был некогда великий храм Дианы, –
Там ныне мрачный и глухой пустырь,
А рядом – крест и бедный монастырь.

ХСVII

В обители Георгия Святого
Здесь иноки нашли себе приют,
Но по ночам на мысе диком снова
Колонны храма белого встают –
Языческие призраки былого,
И волны гимн торжественный поют...
Там я бродил, и сердце грустью ныло,
А колокол вдали звучал уныло.
(Мережковский 2022: 68, 723, 792)

Имена исторических, мифологических, библейских, литературных персонажей у Ахматовой обладали к началу XX века исполненными объяснительной силой тематологическими предысториями: Ева и Лилит, Агасфер, Александр Македонский, Психея, Антигона, И. С. Бах, Синяя Борода, Дж. Г. Байрон, Казанова, Давид, царевич Дмитрий, Дидона, Дон-Жуан, Дон-Кихот и Санчо Панса, Чингис-Хан, Фауст, Франческа да Римини, Калиостро, Гамлет с Гертрудой и Офелией, Елена, Геракл, Летучий Голландец, Иоанн Креститель и Саломея, Олоферн, Юлиан Отступник, Орлеанская Дева, Кассандра, Клеопатра, Магдалина, Мария Стюарт, Моцарт, Эдип, Орфей и Эвридика, Прозерпина, Петр Великий, Федра, Робинзон Крузо, Ромео и Джульетта, Сафо, Саул, Сократ, Тамерлан (см.: Frenzel 1976: 8–12, 15–21, 29–32, 40–43, 49–51, 69–71, 101–105, 109–112, 120–121, 142–145, 145–148, 148–151, 154–159, 165–167, 167–169, 206–214, 217–220, 273–275, 275–280, 297–301, 301–304, 324–325, 358–363, 371–373, 377–379, 380–386, 403–405, 411–415, 463–466, 466–469, 511–514, 554–558, 562–568, 588–593, 593–596, 596–600, 637–639, 645–649, 655–657, 661–663, 693–694, 715–718).

Тематологическим паспортом может (должна ли?) обзавестись любая лексема. Пример навскидку – едва ли не самый частотный на сегодня ахматовский мем:

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.

(Ахматова 1940: 42)

За апологию последней реалии – однолетнего травянистого растения – Ахматовой было поставлено на вид в 1940 году: «<...> секретарь ленинградского обкома по пропаганде товарищ Бедин написал на экземпляре стихотворения свою резолюцию: “Надо писать о полезных злаках, о ржи, о пшенице, а не о сорняках”» (Меттер 1998: 97); ср. контаминацию: «<...> на дискуссии о советской поэзии <...> среди поэтов и критиков взяла слово троглодитка из самых высоких верхов ленинградского комсомола. Прочитывая из только что вышедшей книжки Ахматовой “Я люблю лебеду и крапиву”, она воскликнула: “Разве советский поэт может любить сорные злаки <sic!>?” Она явно считала Ахматову дебютанткой в поэзии» (Марков 2012: 36).

Ср.:

Я на солнечном восходе
Про любовь пою,
На коленях в огороде
Лебеду пою.

А. Ахматова. *«Вечер», 1912*

В голодные годы Ахматова жила у Рыковых в Детском Селе. У них там был огород. В число обязанностей Натальи Викторовны входило заниматься его расчисткой – полоть лебеду.

Анна Андреевна как-то вызвалась помогать: «Только вы, Наташенька, покажите мне, какая она, эта лебеда» (Гинзбург 2002: 50).

Предшественницей Ахматовой была Вера Аренс:

Не могу я быть садовником,
Жаль мне сорную траву,
Наряду с цветком-шиповником
Мяту терпкую не рву.

Вижу кашку иль купальницу,
Лютик белый и простой,
Как смиренная молчальница
Стану светлой и святой.

И паду я ниц пред Господом,
Умиленная красой...
Ты скажи своим апостолам:
«Не гнушайтесь лебедой,

И не мните травы сорные,
В них теплится благодать.
Может, в них порывы горние –
Бойтесь души растоптать!»

(Аренс 1915: 5)

БИБЛИОГРАФИЯ

- Адамович Г. 2005. «Рассвет и дождь. В саду густой туман...». – Адамович Г. Полн. собр. стихотворений. СПб.: Академический проект; Издательство «Эльм». С. 165.
- Адамович Г. 2018. Собр. соч.: В 18-ти тт. Т. 11: Литература и жизнь: «Русская мысль» (1955-1972) / Вступительная ст., сост., подготовка текста, и примечания Т. М. Климовой, О. А. Коростелева, С. Р. Федякина. М.: Издательство «Дмитрий Сечин».
- Аничков Е. 1923. Новая русская поэзия. Берлин: Издательство И. П. Ладыхникова.
- Ардов М. 2006. Узелки на память. М.: Собрание.
- Аренс В. 1915. Послушница. – Современник. № 5. С. 5.
- Аскарханов Н. С. 1900. Настольный энциклопедический словарь. СПб.: Издание Н. С. Аскарханова.
- Ахматова А. 1914. Четки: Стихи. СПб.: Издательство „Гиперборей“.
- Ахматова А. 1916. Стихи Анны Ахматовой: Из книг «Вечер» и «Четти» <sic!>. – Журнал журналов. № 6. С. 16–17.
- Ахматова А. 1921a. Четки: Стихи. Берлин: Книгоиздательство С. Ефрон.
- Ахматова А. 1921b. Anno Domini MCMXXI. Пб.: «Petropolis».
- Ахматова А. 1923. Anno Domini: Стихотворения. Кн. 3. Изд. 2-е, доп. Пб.: Петрополис; Алконост.

- Ахматова А. 1940. Из шести книг: Стихотворения Анны Ахматовой. Л.: Советский писатель.
- Ахматова А. 1967. Реквием / Перевод Марии Ундэр. Вступительная ст. Алексиса Раннита и эпилог Франсуа Мориака. [Вашингтон]: Inter-Language Literary Associates.
- Ахматова А. 1976. Стихотворения и поэмы / Вступительная ст. А. А. Суркова. Сост., подготовка текста и примечания В. М. Жирмунского. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение.
- Ахматова А. 1990. Сочинения: В 2-х тт. Т. 1. М.: Издательство «Правда».
- Ахматова А. 1996. Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / [Сост. и подготовка текста К. Н. Суворовой. Вступительная ст. Э. Г. Герштейн. Научное консультирование, вводные заметки к записным книжкам, указатели В. А. Черных.] М.; Torino: Giulio Einaudi editore.
- Ахматова А. 1998. Собр. соч.: В 6-ти тт. Т. 1: Стихотворения 1904–1941. М.: Эллис Лак.
- Багрий А. В. 1926. Русская литература XIX-го – первой четверти XX-го в.в.: Пособие к лекциям. Баку: Издание Восточного Факультета А. Г. У.
- Баевский В. С. 1994. История русской поэзии 1730–1980 гг.: Компендиум. Смоленск: Русич.
- Базилевская-Роос Е. 1932. Анна Ахматова. – Новь: Четвертый сборник произведений и статей молодежи ко «Дню русской культуры». Таллинн: Издание Комитета «Дня Русской Культуры». С. 2.
- Батлер С. 2009. Путь всякой плоти / Изд. подготовил И. И. Чекалов. М.: Научно-издательский центр «Ладомир»; «Наука».
- Белобородов А. 1963. В Академии художеств. – Новый журнал. № 73. С. 197–215.
- Битнер В. В. 1905. Словарь научных терминов, иностранных слов и выражений, вошедших в русский язык / Под ред. В. В. Битнера. СПб.: Издание «Вестника Знания» (В. В. Битнера).
- Блюм А. 2004. «Берегите Зощенко...»: Подцензурная судьба писателя после августа 1946-го. – Звезда. № 8. С. 128–137.
- Бобров С. 1914. <Рец. на кн.:> Лафорг Ж. Феерический собор. Вступительная ст., пер., примечания и библиография В. Брюсова, Н. Львовой, Вадима Шершеневича. М.: Книгоиздательство «Альциона», 1914. – Современник. № 8. С. 301–302.
- Богаевская К. П. 1996. Из воспоминаний. – Новое литературное обозрение. № 21. С. 112–129.

- Богданова-Бельская П. 1915. Амулеты: Стихи. Пг.: Тип. «Сириус».
- Будыко М. И. 1995. Загадки истории: Литературно-исторические эссе. СПб.: Наука.
- Виноградов В. В. 1922. О Символике А. Ахматовой (Отрывки из работы по символике поэтической речи). – Литературная мысль: Альманах. [Вып.] I. Пг.: Издательство „Мысль“. С. 91–138.
- Вознесенский А. 2012. Кому повем? Стихотворения / Изд. подготовили В. Кудрявцев и С. Ковнер. Рудня; Смоленск: Мнемозина.
- Волков А. 1955. Очерки русской литературы конца XIX и начала XX века. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М.: Государственное издательство художественной литературы.
- Вольпин М. 1925. Анна Ахматова. – Всемирная иллюстрация. № 4. С. 38.
- Вороновская О. 1914. <Рец. на кн.:> «Четки». Анна Ахматова. – Очарованный странник. Вып. 4. С. 14.
- Гальперин И. Р. 1981 Текст как объект лингвистического исследования. М.: Издательство «Наука».
- Гейне Г. 1931. Стихотворения. М.; Л.: Academia.
- Гершензон М. 2000. Избранное. Т. 1: Мудрость Пушкина. М.; Иерусалим: Университетская книга; Gesharim.
- Гинзбург Л. 1991. Ахматова (Несколько страниц воспоминаний). – Воспоминания об Анне Ахматовой / Сост. В. Я. Виленкин и В. А. Черных. Комментарии А. В. Курт и К. М. Поливанова. М.: Советский писатель. С. 126–141.
- Гинзбург Л. 2002. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб.: «Искусство–СПБ».
- Головачевский С. 1906. Мене текел фарес: Стихотворения. М.: Т-во Скоропечатни А. А. Левенсон.
- Гончарова Н. Г. 2000. «Фаты либелей» Анны Ахматовой. М.; СПб.: Летний сад; Российская государственная библиотека.
- Гончарова Н. Г. 2006. Несколько наивных вопросов к составителям ахматовского шеститомника. – «Я всем прощение дарую...»: Ахматовский сборник / Сост. Н. И. Крайнева, под общей ред. Д. Макфадьена и Н. И. Крайневой. М.; СПб.: Альянс-Архео. С. 551–566.
- Готхарт Н. 1997. Двенадцать встреч с Анной Ахматовой. – Вопросы литературы. № 2. С. 261–301.
- Добин Е. 1968. Поэзия Анны Ахматовой. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение.

- Дувакин В. 1999. Анна Ахматова в записях Дувакина. М.: Издательство «Наталис».
- Ефимов М. [М. Фридлянд] 1916. Младенцы во фраках. А. Биленкин. «Роза во льду». – Журнал журналов. № 23. С. 14.
- Жирмунский В. М. 1928. Вопросы теории литературы. Л.: «Academia».
- Жирмунский В. М. 1973. Творчество Анны Ахматовой. Л.: Издательство «Наука». Ленинградское отделение.
- Жирмунский В. М. 1977. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Издательство «Наука». Ленинградское отделение.
- Зленко Г. 1986. Список «Белой стаи». – Нева. № 7. С. 207–208.
- Зноско-Боровский Е. А. 1923. Творческий путь Анны Ахматовой. – Воля России. № 10. С. 66–81.
- Зунделович Я. 1925. Эпиграф. – Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х тт. Т. 2. М.; Л.: Издательство Л. Д. Френкель. Стб. 1115–1116.
- Иванов Г. 1921. О новых стихах. – Дом искусств. № 2. С. 98–99.
- Иванов Г. 1928. Петербургские зимы. Париж: Родник.
- Ивановский И. 1991. Анна Ахматова. – Воспоминания об Анне Ахматовой / Сост. В. Я. Виленкин и В. А. Черных. Комментарии А. В. Курт и К. М. Поливанова. М.: Советский писатель. С. 614–626.
- Казарин В. П., Новикова М. А. 2014. Стихотворение А. А. Ахматовой «Вижу выцветший флаг над таможенной...» (Опыт реального комментария). – Вестник Приамурского государственного университета имени Шолом-Алейхема. № 2 (15). С. 22–33.
- Киссин С. (Муни) 1999. Легкое бремя: Стихи и проза. Переписка с В. Ф. Ходасевичем / Изд. подготовила И. Андреева. М.: «Август».
- Кнауер Ф. 1910. Муравьи / Пер. с немецкого В. Д. Зеленского под ред. В. А. Фаусека. СПб.: Издание Брокгауз-Ефрон.
- Конечный А. 2021. Былой Петербург: Проза будней и поэзия праздника. М.: Новое литературное обозрение.
- Кормилов С. И. 2008. Города в поэзии Ахматовой. – Stefanos: Сборник научных работ памяти А. Г. Соколова. М.: МАКС Пресс. С. 132–137.
- Кормилов С. И. 2013. Ахматовский взгляд извне: Стихотворения Анны Ахматовой, написанные от лица мужчины. – Известия Южного федерального университета. Филологические науки. № 3. С. 8–27.
- Корнилов В. 1996. Из цикла «Занимательное литературоведение». Беседа восьмая. Слова, слова, слова... – Литература. № 21 (213). С. 14–15.

- Косимова Т. 1954. Так она начинается. – Возрождение. № 33. С. 95–114.
- Кравченко Е. А. 2022. Эмоциональная лексика в сборнике стихотворений «Вечер» А. А. Ахматовой. – Наука, технологии, образование: Актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей II Международной научно-практической конференции. Пенза: Наука и Просвещение. С. 105–108.
- Красильникова Т., Успенский П. 2021. Поэтический язык Пастернака: «Сестра моя – жизнь» сквозь призму идиоматики. М.: Издательский Дом ЯСК.
- Крученых А. 1930. Живой Маяковский. Разговоры Маяковского. [Вып. 1]. М.: Изд. „Группы друзей Маяковского“.
- Крученых А. 1996. Наш выход. К истории русского футуризма. Архив русского авангарда. М.: РА.
- Кузьмин Е. 1912. Как читать? – Вестник теософии. № 12. С. 14–16.
- Лапшин А. 1927. «Нечаянная радость» (С. Вышеславцева в КДКМ). – Жизнь искусства. № 23. С. 16.
- Лёббок Дж. 1884. Муравьи, пчелы и осы: Наблюдения над нравами общежительных перепончатокрылых / Пер. Д. В. Аверкиева. СПб.: Издание А. С. Суворина.
- Левин Ю., Сегал Д., Тименчик Р., Топоров В., Цивьян Т. 2001. Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма. – Смерть и бессмертие поэта. М.: РГГУ. С. 282–316.
- Левинсон А. 1915. Заметки о «Мире искусства». – Современник. № 4. С. 227–228.
- Левицкий Л. А. 2001. Дневник. – Знамя. № 7. С. 114–168.
- Лисенков Е. 1923. Графические работы М. В. Добужинского в период от «Свинопаса» до «Бедной Лизы». – Завтра. [Вып.] I. Пб.; Берлин: Petropolis. С. 114–[135].
- Лукницкий П. Н. 1997. Acumiana: Встречи с Анной Ахматовой. Т. II: 1926–1927. Париж; М.: YMCAPress; Русский путь.
- Магомедова Д. 2023. Зара Григорьевна Минц в письмах и в памяти. – Документы, письма, воспоминания / Ред.-сост. Татьяна Кузовкина, Михаил Лотман, Мая Халтурина. Tallinn: [Tallinna Ülikooli Kirjastus]. С. 321–339.
- Малоканова А. Н. 2001. Нарисованная лоза: Две встречи с А. А. Ахматовой. – История Петербурга. № 4. С. 25–28.
- Мандельштам О. 1923. Буря и натиск. – Русское искусство. № 1. С. 75–82.

- Марков В. Ф. 2012. О русском «Чучеле совы»: Статьи, эссе, разное. Новосибирск: Свинья и сыновья.
- Мейерхольд 1997. Мейерхольд в русской театральной критике: 1892–1918 / Сост. и комментарии Н. В. Песочинского, Е. А. Кухты, Н. А. Таршис. М.: Артист. Режиссер. Театр.
- Меньщикова А. М. 2021. «Годовщину последнюю празднуй...»: Ахматовские даты в поколенческой рецепции. – Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. Т. 27. № 2. С. 92–101.
- Мережковский Д. С. 2022. Собр. соч.: В 20-ти тт. Т. 1: Стихотворения и поэмы: В 2-х кн. Кн. 2 / Подготовка текста и примечания К. А. Кумпан. М.: Дмитрий Сечин.
- Меркурьева В. 2007. Тщета: Собрание стихотворений / Сост., подготовка текста и примечания В. А. Резвого. Статьи М. Л. Гаспарова. М.: Водолей Publishers.
- Меттер И. 1998. Допрос: Автобиографическая проза и воспоминания. СПб.: Фонд русской поэзии.
- Минц З. Г. 1999. Поэтика Александра Блока. СПб.: «Искусство–СПб».
- Минц З. Г. 2022. Воспоминания Зары Григорьевны Минц об Анне Ахматовой / Вступительная заметка и примечания Р. Тименчика. Публикация Л. Пильд. – Acta Slavica Estonica. [Вып.] XIV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. [Вып.] XI: К 100-летию Ю. М. Лотмана. Tartu: [Tartu Ülikooli Kirjastus]. С. 548–568.
- Муравьева И. 1989. Послесловие к фильму. – Звезда. № 6. С. 176–179.
- Мурашев А. 2007. Мое собрание насекомых: Сборник эссе о литературной судьбе братьев наших меньших. М.: Изд. автора.
- Нагель В. [В. И. Вольпин]. 1917. Анна Ахматова (Литературный силуэт). – Буревестник. [№] 1. Стлб. 9–15.
- Найман А. 1989. Рассказы о Анне Ахматовой: Из книги «Конец первой половины XX века». М.: «Художественная литература».
- Никифор, архимандрит 1989. Иллюстрированная полная популярная Библейская энциклопедия. Korntal: Licht im Osten.
- Огинская О. 1914. О поэзии Анны Ахматовой. – Женское дело. № 10. С. 13–15.
- Одоевцева И. 1988. На берегах Невы. М.: «Художественная литература».
- Оксман Ю. Г. 1988. Из переписки Ю. Г. Оксмана / Вступительная ст. и примечания М. О. Чудаковой и Е. А. Тоддеса. – Четвертые Тыня-

- новские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига: „Зинатне”. С. 96–168.
- Осипова Н. О. 2018. Роль заглавия в интерпретации поэтического текста. – Литература в школе. № 6. С. 4–6.
- Павловский А. И. 1966. Анна Ахматова: Очерк творчества. Л.: Лениздат.
- Палецкий Б. П. 2012. На чуждой планете. Киев: Четверта хвиля.
- Пастернак Б. 1922. Сестра моя жизнь: Лето 1917 года. Берлин; Пб.; М.: Издательство З. И. Гржебина.
- Пастернак Б. 1923. Темы и варьации: Четвертая книга стихов. М.; Берлин: Издательство „Геликон“.
- Пастернак Б. 1956. Стихотворения. – Знамя. № 9. С. 74–78.
- Петрова Н. Г. 2012. О некоторых особенностях заглавий поэтического дискурса акмеистов. – Вестник Томского государственного педагогического университета. № 10 (125). С. 180–183.
- Платонова-Лозинская И. 1989. Летом семнадцатого года...: О дружбе А. Ахматовой и М. Лозинского. – Литературное обозрение. № 5. С. 64–66.
- Поэзия Крыма 1909. Поэзия Крыма: Сборник стихов русских поэтов. М.: Книгоиздательство „Утро“.
- Поэзия Франции 1985. Поэзия Франции: Век XIX. М.: «Художественная литература».
- Проскурина В. Л. 2021. Море как средство познания смысла жизни в лирике Николая Минского. – Ученые записки Орловского государственного университета. № 3 (92). С. 89–94.
- Пунин Н. Н. 2000. Мир светел любовью: Дневники. Письма / Сост., предисловие, примечания и комментарий Л. А. Зыкова. М.: Артист. Режиссер. Театр.
- Рейсер С. А. 1978. Основы текстологии. Изд. 2-е. Л.: «Просвещение». Ленинградское отделение.
- Рогачева Н. А. 2019. Сибирь в художественной оптике Анны Ахматовой (Контекст стихотворения «Немного географии»). – Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. Т. 21. № 3 (190). С. 75–84.
- Ротштейн А. 1903. Город минувшего. – Почтальон. № 3. С. 134
- Ротштейн А. 1910. Сонеты. СПб.: Типография «Сириус».
- Рублева У. А. 2009. Христианские мотивы в творчестве А. А. Ахматовой. – Анна Ахматова и Николай Гумилев в контексте отечественной культуры (К 120-летию со дня рождения А. А. Ахматовой): Материалы

- Международной научно-практической конференции (Тверь – Бежецк, 21–22 мая 2009 года). Тверь: Фонд «Русский мир». С. 200–204.
- Савельева Е. В. 2020. Муравей – добрый трудяга или жестокий убийца? – Мир насекомых в пространстве литературы, культуры и языка. М.: Книгодел; МГПУ. С. 363–385.
- Савицкий С. 2002. Андеграунд (История и мифы ленинградской неофициальной литературы). М.: Новое литературное обозрение.
- Салтыков-Щедрин М. Е. 1965–1977. Полн. собр. соч.: В 20-ти тт. М.: Издательство «Художественная литература».
- Серова М. В. 2005. Анна Ахматова: Книга Судьбы (Феномен «ахматовского текста»: Проблема целостности и логика внутривидовых взаимодействий). Ижевск; Екатеринбург: Институт компьютерных исследований.
- Сеславинский М. В. 2014. Библиофильский венок Анне Ахматовой. – Про книги: Журнал библиофила. № 2 (30). С. 4–21.
- Силард Л. 2002. Герметизм и герменевтика. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха.
- Скалдин А. 1912. Стихотворения (1911–1912). СПб.: Издательство «Оры».
- Соболев А., Тименчик Р. 2019. Венеция в русской поэзии: Опыт антологии. 1888–1972. М.: Новое литературное обозрение.
- Сологуб Ф. 1911. Собр. соч. Изд. 6-е. Т. 6: Мелкий бес. СПб.: Изд. «Шиповник».
- Сологуб Ф. 1914. Творимая легенда. Ч. I. – Сологуб Ф. Собр. соч.: В 20-ти тт. Т. 18. СПб.: Изд. «Сириус».
- Струве Г. 1921. Анна Ахматова. Подорожник. – Русская мысль. № 10–12. С. 349–353.
- Суперфин Г., Тименчик Р. 1972. Письма А. А. Ахматовой к В. Я. Брюсову. – Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Вып. 33. М.: Издательство «Книга». С. 272–279.
- Тальников Д. 1914. <Рец. на кн.:> Анна Ахматова. Четки. – Современный мир. № 10. С. 208–211.
- Темненко Г. М. 2013. Анна Ахматова: Опыты интертекстуальных и имманентных прочтений. Симферополь: ИТ «Ариал».
- Тименчик Р. 1975. Принципы цитирования у Ахматовой в сопоставлении с Блоком. – Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века». Тарту: [Tartu Ülikooli Kirjastus]. С. 124–127.

- Тименчик Р. 1982. О художественном оформлении сборника Анны Ахматовой «Вечер». – Федоровские чтения: 1979. М.: Издательство «Наука». С. 109–113.
- Тименчик Р. 1989. После всего: Неакадемические заметки. – Литературное обозрение. № 5. С. 22–26.
- Тименчик Р. 1995. Ахматова и Ветхий Завет (Десятые годы). – *Jews and Slavs. Vol. 4: Judeo-Slavic Interaction in the Modern Period*. Jerusalem: Israel Academy of Sciences and Humanities. С. 226–252.
- Тименчик Р. 1996. Резоны комментария (Из курса лекций, читаемых в Еврейском университете в Иерусалиме). – Новые безделки: Сборник статей к 60-летию В. Э. Вацура. М.: Новое литературное обозрение. С. 447–458.
- Тименчик Р. 1997. Чужое слово: Атрибуция и интерпретация. – Лотмановский сборник. [Вып.] 2. М.: О. Г. И. С. 86–99.
- Тименчик Р. 1998. Вопросы к тексту. – Тыняновский сборник. Вып. 10: Шестые – Седьмые – Восьмые Тыняновские чтения. М.: [Б. и.] С. 415–427.
- Тименчик Р. 2008. Что вдруг: Статьи о русской литературе прошлого века. Иерусалим; М.: «Гешарим»; «Мосты культуры».
- Тименчик Р. 2009. Поэтика ранней Ахматовой: «Повышенная суггестивность». – *Consortium omnis vitae*: Сборник статей к 70-летию профессора Ф. П. Федорова. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds “Saule”. С. 373–390.
- Тименчик Р. 2010а. Поэтика ранней Ахматовой: «Повышенная суггестивность». – Вестник Удмуртского университета. История и филология. № 4. С. 157–166.
- Тименчик Р. 2010b. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой (К вопросу о технических проблемах комментирования). – Лесная школа: Труды VI Международной летней школы на Карельском перешейке по русской литературе. Поселок Поляны (Уусикирко) Ленинградской области: [Б. и.] С. 143–172.
- Тименчик Р. 2014. Сергей Спасский и Ахматова. – *Toronto Slavic Quarterly*. № 50. С. 85–134.
- Тименчик Р. 2018. Успехи Анны Ахматовой. – Литературный факт. № 9. С. 244–263.
- Тименчик Р. 2019. Заметки комментатора. 10: Из лжебиографий Ахматовой. – Литературный факт. № 3 (13). С. 290–302.

- Тименчик Р. 2022. О составе и границах научного комментария к поэзии А. А. Ахматовой. – Русская литература. № 1. С. 60–85.
- Тименчик Р. 2023а. Об академическом издании сочинений Ахматовой. – «Страх и Муза»: Ахматова, Мандельштам и их время. М.: Мандельштамовский центр Школы филологии ВШЭ; Trofimov.design. С. 46–61.
- Тименчик Р. 2023b. Из личного архива: Письмо Исая Берлина. – Русская история и культура в архивах Израиля. Кн. III: Леонид Пастернак, Василий Кандинский, Исаак Бабель, Исая Берлин и другие / Под ред. В. Хазана. Jerusalem: Studio Click. С. 279–360.
- Тютчев Ф. И. 1965. Лирика / Изд. подготовил К. В. Пигарев. М.: Издательство «Наука».
- Туроверов А. 1966. А. А. Ахматова. – Родимый край. № 64 (май, июнь). С. 6.
- Тыркова-Вильямс А. 1954. То, чего больше не будет. Париж: Возрождение.
- Тэффи Н. 1947. Маленькие рассказы. – Орион: Литературный альманах / Под ред. Ю. Одарченко, В. Смоленского и А. Шайкевича. Париж: [Б. и.] С. 95–99.
- Цветаева М. 1994. Собр. соч.: В 7-ми тт. Т. 5: Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы. М.: Эллис Лак.
- [Цетлин М. О.] 1912. Заметки любителя стихов (О самых молодых поэтах). – Заветы. № 1. С. 88–91 (2-я pag.).
- Чудинов А. Н. 1901. Справочный словарь: Орфографический, Этимологический и Толковый Русского Литературного Языка. СПб.: Тип. Исидора Гольдберга.
- Чудовский В. 1912. Мечта-Победительница. – Русская художественная летопись. № 3. С. 38–39.
- Чуковская Л. 1997а. Записки об Анне Ахматовой. Т. 1: 1938–1941. М.: Согласие.
- Чуковская Л. 1997b. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2: 1952–1962. М.: Согласие.
- Чуковский К. 2012. Собр. соч.: В 15-ти тт. 2-е изд., электронное, исправленное. Т. 5: Современники. М.: Агентство ФТМ, Лтд.
- Шамурин Е. И. 1930. К уточнению понятия «библиографическая единица». – Библиотековедение и библиография. № 1–2. С. 65–77.
- Шевчук Ю. В. 2014. Лиризм самонаблюдения в поэзии А. Ахматовой начала 1910-х годов. – Вестник ЦМО МГУ: Филология. Культурология. Педагогика. Методика. № 1. С. 101–106.

- Шейко Н. 2001. Так говорил Евен. – Мейерхольд, режиссура в перспективе века: Материалы симпозиума критиков и историков театра. Париж, 6–12 ноября 2000 г. М.: ОГИ. С. 225–229.
- Шестов Л. 1930. Добро зело (Из книги „Exercitia spiritualia“). — Числа. № 1. С. 169–188.
- Шилейко В. К. 1912 Вавилония. – Новый энциклопедический словарь. Т. IX. СПб.: Типография Акционерного Общества «Брокгауз-Ефрон». С. 186–217.
- Шумихин С. 1992. Материалы Н. В. Недоброво в ЦГАЛИ. – Шестые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига; М.: [Б. и.] С. 124–136.
- Эйхенбаум Б. 1921. Роман-лирика. – Вестник литературы. № 6–7. С. 8.
- Яснов М. 2016. Обломки опытов: Из французской поэзии. Переводы. Комментарии. Заметки на полях. М.: Центр книги Рудомино.
- Berg, Stephen 1981. With Akhmatova at the Black Gates: Variations. Poems / Foreword by Hayden Carruth. Urbana: University of Illinois Press.
- Corbière, Tristan 1873. Les Amours jaunes par Tristan Corbière. Paris: Glady frères.
- Frenzel, Elisabeth 1976. Stoffe der Weltliteratur: Ein Lexikon dichtungsgeschichtlicher Längsschnitte. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag.
- Genette, Gérard 1997. Paratexts: Thresholds of Interpretation / Translated by Jane E. Lewin. Foreword by Richard Macksey. Cambridge: Cambridge University Press.
- Graham, Sheelagh 1998. The Art of Suggesting More: Akhmatova and the Diaphoric Manner. – Women and Russian Culture: Projections and Self-Perceptions / Ed. by Rosalind Marsh. New York and Oxford: Berghahn Books. P. 124–133.
- Markov, Vladimir 1989. Russian Crepuscolari: Minskij, Merezhkovskij, Loxvickaja. – Russian Literature and History: In Honour of Professor Ilya Serman. Jerusalem: Soviet Jewish Museum Foundation. P. 78–81.
- McGann, Jerome J. 1983. A Critique of Modern Textual Criticism. Chicago: University of Chicago Press.
- Moissi, Petra 1993. Anna Achmatovas Frühwerk in der literarischen Parodie. – Österreichische Osthefte. Bd. 35. Heft 4. S. 593–609.
- Superfin, Gabriel et Roman Timenčik 1974. À propos de deux lettres de A. A. Ahmatova à V. Brjusov. – Cahiers du Monde russe et soviétique. Vol. 15. N° 1–2. P. 183–200.

- Perkins, Pamela and Albert Cook. 1993. *The Burden of Sufferance: Women Poets of Russia*. New York; London. Garland Publishing Inc.
- Rothstein, Robert A. 2014. *Dunia: From Laughingstock to Role Mode*. – *New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz* / Ed. by Catherine Capiela and Lazar Fleishman. Stanford: The Department of Slavic Languages and Literatures, Stanford University. P. 13–22.
- Seigneuret, Jean-Charles 1988. *Dictionary of Literary Themes and Motifs* / Jean-Charles Seigneuret, ed. Vol. 1: A–J. New York: Greenwood Press
- Verheul, Kees 1971. *The Theme of Time in the Poetry of Anna Axmatova*. The Hague; Paris: Mouton.

REFERENCES

- Adamovich, G. “Rassvet i dozhd’. V sadu gustoi tuman...” In *Polnoe sobranie stikhotvoreniĭ*, 165. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt; Izdatel’stvo “Elm,” 2005.
- . *Sobranie sochinenii*. 18 vols. Vol. 11, *Literaturnai zhizn’: “Russkaia mysl” (1955–1972)*. Edited, prefaced and annotated by T. M. Klimova, O. A. Korostelev and S. R. Fediakina. Moscow: Izdatel’stvo “Dmitrii Sechin,” 2018.
- Akhmatova, A. *Chetki: Stikhi*. Saint Petersburg: Izdatel’stvo “Hyperboreios,” 1914.
- . “[7 poems from *Vecher* and *Chetki*].” *Zhurnal zhurnalov* 6 (1916): 17–19.
- . *Chetki: Stikhi*. Berlin: Knigoizdatel’stvo S. Efron, 1921.
- . *Anno Domini MCMXXI*. Petersburg: “Petropolis,” 1921.
- . *Anno Domini: Stikhotvoreniia. Kniga 3*. 2nd exp. ed. Petersburg: Petropolis; Alkonost, 1923.
- . *Iz shesti knig: Stikhotvoreniia Anny Akhmatovoi*. Leningrad: Sovetskii pisatel’, 1940.
- . *Requiem*. Translated by Marie Under. Prefaced by Aleksis Rannit. Epilogue by François Mauriac. [Washington, D.C.]: Inter-Language Literary Associates, 1967.
- . *Stikhotvoreniia i poemy*. Prefaced by A. A. Surkov. Edited and annotated by V. M. Zhirmunskii. Leningrad: Sovetskii pisatel’. Leningradskoe otdelenie, 1976.
- . *Sochineniia*. 2 vols. Vol. 1. Moscow: Izdatel’stvo “Pravda,” 1990.
- . *Zapisnye knizhki Anny Akhmatovoi (1958–1966)*. Moscow and Turin: Giulio Einaudi editore, 1996.

- . *Sobranie sochinenii*. 6 vols. Vol. 1, *Stikhotvoreniia 1904–1941*. Moscow: Ellis Lak, 1998.
- Am[ar]i [M. O. Tsetlin, pseud.]. “Zametki liubitelia stikhov (O samykh molodykh poetakh).” *Zavety* 1 (1912): 88–91 (2nd pag.).
- Anichkov, E. *Novaia russkaia poeziia*. Berlin: Izdatel'stvo I. P. Ladyzhnikova, 1923.
- Ardov, M. *Uzelki na pamiat'*. Moscow: Sobranie, 2006.
- Arens, V. “Poslushnitsa.” *Sovremennik* 5 (1915): 5.
- Askarkhanov, N. S. *Nastol'nyi entsiklopedicheskii slovar'*. Saint Petersburg: Izdanie N. S. Askarkhanova, 1900.
- Bagrii, A. V. *Russkaia literatura XIX-go – pervoi chetverti XX-go v.v.: Posobie k lektsiiam*. Baku: Izdanie Vostochnogo Fakul'teta A. G. U, 1926.
- Baevskii, V. S. *Istoriia russkoi poezii 1730–1980 gg.: Kompendium*. Smolensk: Rusich, 1994.
- Bazilevskaia-Roos, E. “Anna Akhmatova.” In *Nov'. Chetvertyi sbornik proizvedenii i statei molodezhi ko “Dniu russkoi kul'tury,” 2*. Tallinn: Izdanie komiteta “Dnia Russkoi Kul'tury,” 1932.
- Batler, S. *Put' vsiakoi ploti*. Edited by I. I. Chekalov. Moscow: Nauchno-izdatel'skii tsentr “Ladomir”; “Nauka,” 2009.
- Beloborodov, A. “V Akademii khudozhestv.” *Novyi zhurnal* 73 (1963): 197–215.
- Berg, Stephen. *With Akhmatova at the Black Gates: Variations. Poems*. Foreword by Hayden Carruth. Urbana: University of Illinois Press, 1981.
- Blium, A. ““Beregite Zoshchenko...”: Podtsenzurnaia sud'ba pisatel'ia posle avgusta 1946-go.” *Zvezda* 8 (2004): 128–37.
- Bobrov, S. Review of *Feericheskii sobor*, by Jules Laforgue. *Sovremennik* 8 (1914): 301–02.
- Bogaevskaia, K. P. “Iz vospominanii.” *Novoe literaturnoe obozrenie* 21 (1996): 125.
- Bogdanova-Bel'skaia, P. *Amulety: Stikhi*. Petrograd: Tip. “Sirius,” 1915.
- Budyko, M. I. *Zagadki istorii: Literaturno-istoricheskie esse*. Saint Petersburg: Nauka, 1995.
- Chudinov, A. N. *Spravochnyi slovar': Orfograficheskii, Etimologicheskii i Tolkovy Russkogo Literaturnogo Iazyka*. Saint Petersburg: Tip. Isidora Gol'dberga, 1901.
- Chudovskii, V. “Mechta-Pobeditel'nitsa.” *Russkaia khudozhestvennaia letopis'* 3 (1912): 38–39.
- Chukovskaia, L. *Zapiski ob Anne Akhmatovoi. T. 1, 1938–1941*. Moscow: Soglasie, 1997.

- . *Zapiski ob Anne Akhmatovoi*. T. 2, 1952–1962. Moscow: Soglasie, 1997.
- Chukovskii, K. *Sobranie sochinenii*. 15 vols. 2nd rev. electronic ed. Vol. 5, *Sovremenniki*. Moscow: Agentstvo FTM, 2012.
- Dictionary of Literary Themes and Motifs*. Edited by Jean-Charles Seigneuret. Vol. 1, A–J. New York: Greenwood Press, 1988.
- Dobin, E. *Poeziia Anny Akhmatovoi*. Leningrad: Sovetskii pisatel'. Leningradskoe otdelenie, 1968.
- Duvakin, V. *Anna Akhmatova v zapisiakh Duvakina*. Moscow: Izdatel'stvo "Natalis," 1999.
- Efimov, M. [M. Fridliand, pseud.]. *Mladentsy vo frakakh*. Review of *Roza vo l'du*, by A. Bilenkin. *Zhurnal zhurnalov* 23 (1916): 14.
- Eikhenbaum, B. "Roman-lirika." *Vestnik literatury* 6–7 (1921): 8.
- Frenzel, Elisabeth. *Stoffe der Weltliteratur: Ein Lexikon dichtungsgeschichtlicher Längsschnitte*. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag, 1976.
- Gal'perin, I. R. *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniia*. Moscow: Izdatel'stvo "Nauka," 1981.
- Genette, Gérard. *Paratexts: Thresholds of Interpretation*. Translated by Jane E. Lewin. Foreword by Richard Macksey. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Gershenzon, M. *Izbrannoe*. Vol. 1, *Mudrost' Pushkina*. Moscow: Universitetskaia kniga; Jerusalem: Gesharim, 2000.
- Ginzburg, L. "Akhmatova (Neskol'ko stranits vospominanii)." In *Vospominaniia ob Anne Akhmatovoi*. Edited by V. Ia. Vilenkin and V. A. Chernykh. Annotated by A. V. Kurt and K. M. Polivanov, 126–41. Moscow: Sovetskii pisatel', 1991.
- . *Zapisnye knizhki. Vospominaniia. Esse*. Saint Petersburg: "Iskusstvo–SPB," 2002.
- Golovachevskii, S. *Mene, mene, tekeli, upharsin: Stikhotvoreniia*. Moscow: T-vo Skoropechatni A. A. Levenson, 1906.
- Goncharova, N. G. "Faty libelei' Anny Akhmatovoi. Moscow and Saint Petersburg: Letnii sad; Rossiiskaia gosudarstvennaia biblioteka, 2000.
- . "Neskol'ko naivnykh voprosov k sostaviteliu akhmatovskogo shestitomnika." In *Ia vsem proshchenie daruiu...*: *Akhmatovskii sbornik*. Edited by N. I. Kraineva and David MacFadyen, 551–66. Moscow and Saint Petersburg: Al'ians-Arkheo, 2006.
- Gotkhart, N. "Dvenadtsat' vstrech s Annoi Akhmatovoi." *Voprosy literatury* 2 (1997): 261–301.

- Graham, S. "The Art of Suggesting More: Akhmatova and the Diaphoric Manner." In *Women and Russian Culture: Projections and Self-Perceptions*. Edited by Rosalind Marsh, 124–33. New York and Oxford: Berghahn Books, 1998.
- Heine, H. *Stikhotvoreniia*. Moscow and Leningrad: Academia, 1931.
- Iasnov, M. *Oblomki opytov: Iz frantsuzskoi poezii. Perevody. Kommentarii. Zametki na poliakh*. Moscow: Tsentr knigi Rudomino, 2016.
- Ivanov, G. "O novykh stikhakh." *Dom iskusstv* 2 (1921): 98–99.
- . *Peterburgskie zimy*. Paris: Rodnik, 1928.
- Ivanovskii, I. "Anna Akhmatova." In *Vospominaniia ob Anne Akhmatovoi*. Edited by V. Ia. Vilenkin and V. A. Chernykh. Annotated by A. V. Kurt and K. M. Polivanov, 614–26. Moscow: Sovetskii pisatel', 1991.
- Kazarin, V. P. and M. A. Novikova. "Stikhotvorenie A. A. Akhmatovoi 'Vizhu vytsvetshii flag nad tamozhnei...' (Opyt real'nogo kommentariia)." *Vestnik Priamurskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Sholem Aleichem'a* 15, no. 2 (2014): 22–33.
- Kissin, S. (Muni). *Legkoe bremia: Stikhi i proza. Perepiska s V. F. Khodasevichem*. Edited by I. Andreeva. Moscow: "Avgust," 1999.
- Knauer, F. *Murav'i*. Translated from the German by V. D. Zelenskii in collaboration with V. A. Fausek. Saint Petersburg: Izdanie Brokgauz-Efron, 1910.
- Konechnyi, A. *Byloi Peterburg: Proza budnei i poeziia prazdnika*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021.
- . "Goroda v poezii Akhmatovoi." In *Stephanos: Sbornik nauchnykh rabot pamiaty A. G. Sokolova*, 132–37. Moscow: MAKSS Press, 2008.
- . "Akhmatovskii vzgliad izvne: Stikhotvoreniia Anny Akhmatovoi, napisannye ot litsa muzhchiny." *Izvestiia Iuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki* 3 (2013): 8–27.
- Kornilov, V. "Iz tsikla 'Zanimatel'noe literaturovedenie.' Beseda vos'maia. Slova, slova, slova..." *Literatura* 213, no. 21 (1996): 14–15.
- Kosimova, T. "Tak ona nachinaetsia." *Vozrozhdenie* 33 (1954): 95–114.
- Kravchenko, E. A. "Emotsional'naia leksika v sbornike stikhotvoreniia 'Vecher' A. A. Akhmatovoi." In *Nauka, tekhnologii, obrazovanie: Aktual'nye voprosy, dostizheniia i innovatsii. Sbornik statei II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, 105–08. Penza: Nauka i Prosveshchenie.
- Krasil'nikova, T. and P. Uspenskii. *Poeticheskii iazyk Pasternaka: "Sestra moia – zhizn" skvoz' prizmu idiomatiki*. Moscow: Izdatel'skii Dom IaSK, 2021.

- Kruchenykh, A. *Zhivoi Maiakovskii. Razgovory Maiakovskogo*. [Vol. 1]. Moscow: Izd. "Gruppy družei Maiakovskogo," 1930.
- . *Nash vykhod: K istorii russkogo futurizma. Arkhiv russkogo avangarda*. Moscow: RA, 1996.
- Kuz'min, E. "Kak chitat'?" *Vestnik teosofii* 12 (1912): 14–16.
- Lapshin, A. "Nechaiannaia radost' (S. Vysheslavitseva v KDKM)." *Zhizn' iskusstva* 23 (1927): 16.
- Lubbok, J. *Murav'i, pchely i osy: Nabliudeniia nad nravami obshchezhitel'nykh pereponchatokrylykh*. Translated by D. V. Averkiev. Saint Petersburg: Izdanie A. S. Suvorina, 1884.
- Les Amours jaunes par Tristan Corbière*. Paris: Glady frères, 1873.
- Levin, Iu., D. Segal, R. Timenchik, V. Toporov and T. Tsiv'ian. "Russkaia semanticheskaia poetika kak potentsial'naia kul'turnaia paradigma." *Smert' i bessmertie poeta*, 282–316. Moscow: RGGU, 2001.
- Levinson, A. "Zametki o 'Mire iskusstva'." *Sovremennik* 4 (1915): 227–28.
- Levitskii, L. A. "Dnevnik." *Znamia* 7 (2001): 114–68.
- Lisenkov, E. "Graficheskie raboty M. V. Dobuzhinskogo v period ot 'Svinopasa' do 'Bednoi Lizy'." *Zavtra*. Vol. 1, 114–[35]. Petersburg and Berlin: Petropolis, 1923.
- Luknitskii, P. N. 1997. *Acumiana: Vstrechi s Annoi Akhmatovoi*. Vol. 2, 1926–1927. Paris and Moscow: YMCA Press; Russkii put', 1997.
- Magomedova, D. "Zara Grigor'evna Mints v pis'makh i v pamiati." In *Zara Grigor'evna Mints: Dokumenty, pis'ma, vospominaniia*. Edited by Tat'iana Kuzovkina, Mihhail Lotman and Maia Khalturina, 321–39. Tallinn: [Tallinna Ülikooli Kirjastus], 2023.
- Malokanova, A. N. "Narisovannaia loza: Dve vstrechi s A. A. Akhmatovoi." *Istoriia Peterburga* 4 (2001): 25–28.
- Mandel'shtam, O. "Buria i natisk." *Russkoe iskusstvo* 1 (1923): 75–82.
- Markov, V. "Russian Crepuscolari: Minskij, Merezhkovskij, Loxvickaja." In *Russian Literature and History: In Honour of Professor Ilya Serman*, 78–81. Jerusalem: Soviet Jewry Museum Foundation, 1989.
- . *O russkom "Chuchelevy": Stat'i, esse, raznoe*. Novosibirsk: Svin'in i synov'ia, 2012.
- McGann, Jerome J. *A Critique of Modern Textual Criticism*. Chicago: University of Chicago Press, 1983.

- Meierkhol'd v russkoi teatral'noi kritike: 1892–1918*. Edited and annotated by N. V. Pesochinskii, E. A. Kukhta and N. A. Tarshis. Moscow: Artist. Rezhisser. Teatr, 1997.
- Men'shchikova, A. M. “Godovshchinu posledniuiu prazdnui...’: Akhmatovskie daty v pokolencheskoi retseptsii.” *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniia, nauki i kul'tury* 27, no. 2 (2021): 92–101.
- Merezhkovskii, D. S. *Sobranie sochinenii*. 20 vols. Vol. 1, *Stikhotvoreniia i poemy*. Pt. 2. Edited and annotated by K. A. Kumpan. Moscow: Dmitrii Sechin, 2022.
- Merkur'eva, V. *Tshcheta: Sobranie stikhotvoreniia*. Edited and annotated V. Rezvyi. Articles by M. L. Gasparov. Moscow: Vodolei Publishers, 2007.
- Metter, I. *Dopros: Avtobiograficheskaiia proza i vospominaniia*. Saint Petersburg: Fond russkoi poezii, 1998.
- Mints, Z. G. *Poetika Aleksandra Bloka*. Saint Petersburg: “Iskusstvo–SPb,” 1999.
- Moissi, P. “Anna Achmatovas Frühwerk in der literarischen Parodie.” *Österreichische Osthefte* 35, no. 4 (1993): 593–609.
- Murashev, A. *Moe sobran'e nasekomykh: Sbornik esse o literaturnoi sud'be brat'ev nashikh men'shikh*. Moscow: Izd. avtora, 2007.
- Murav'eva, I. “Posleslovie k fil'mu.” *Zvezda* 6 (1989): 176–82.
- Nagel', V. [V. I. Vol'pin, pseud.]. “Anna Akhmatova (Literaturnyi siluet).” *Burevestnik* 1 (1917): 9–15.
- Naiman, A. *Rasskazy o Anne Akhmatovoi: Iz knigi “Konets pervoi poloviny XX veka.”* Moscow: “Khudozhestvennaia literatura,” 1989.
- Nikephoros, archimandrite. *Illustrirovannaia polnaia populiarnaia Bibleiskaia entsiklopediia*. Korntal: Licht im Osten, 1989.
- Odoevtseva, I. *Na beregakh Nevy*. Moscow: “Khudozhestvennaia literatura,” 1988.
- Oginskaia, O. “O poezii Anny Akhmatovoi.” *Zhenskoe delo* 10 (1914): 13–15.
- Oksman, Iu. “Iz perepiski Iu. G. Oksmana.” Prefaced and annotated by M. O. Chudakova and E. A. Toddes. In *Chetvertye Tynianovskie chteniia. Tezisy dokladov i materialy dlia obsuzhdeniia*, 96–168. Riga: “Zinatne,” 1988.
- Osipova, N. O. “Rol' zaglaviia v interpretatsii poeticheskogo teksta.” *Literatura v shkole* 6 (2018): 4–6.
- Paletskii, B. P. *Na chuzhdoi planete*. Kiev: Chetverta khvilia, 2012.
- Pasternak, B. *Sestra moia zhizn': Leto 1917 goda*. Berlin, Petersburg and Moscow: Izdatel'stvo Z. I. Grzhebina, 1922.

- . *Temy i var'iatsii: Chetvertaia kniga stikhov*. Moscow and Berlin: Izdatel'stvo "Helicon," 1923.
- . "Stikhotvoreniia." *Znamia* 9 (1956): 74–78.
- Pavlovskii, A. *Anna Akhmatova: Ocherk tvorchestva*. Leningrad: Lenizdat, 1966.
- Perkins, P. and A. Cook. *The Burden of Sufferance: Women Poets of Russia*. New York and London: Garland Publishing Inc., 1993.
- Petrova, N. G. 2012. "O nekotorykh osobennostiakh zaglavii poeticheskogo diskursa akmeistov." *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* 125, no. 10 (2012): 180–83.
- Platonova-Lozinskaia, I. "Letom semnadsatogo goda...: O družbe A. Akhmatovoi i M. Lozinskogo." *Literaturnoe obozrenie* 5 (1989): 64–66.
- Poeziia Frantsii: Vek 19*. Moscow: "Khudozhestvennaia literatura," 1985.
- Poeziia Kryma: Sbornik stikhov russkikh poetov*. Moscow: Knigoizdatel'stvo "Utro," 1909.
- Proskurina, V. L. "More kak sredstvo poznaniia smysla zhizni v lirike Nikolaia Minskogo." *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* 92, no. 3 (2021): 89–94.
- Punin, N. N. *Mir svetel liubov'iu: Dnevnik. Pis'ma*. Edited, prefaced and annotated by L. A. Zykov. Moscow: Artist. Rezhisser. Teatr, 2000.
- Reiser, S. A. *Osnovy tekstologii*. 2nd ed. Leningrad: "Prosveshchenie." Leningradskoe otdelenie, 1978.
- Rogacheva, N. A. "Sibir' v khudozhestvennoi optike Anny Akhmatovoi (Kontekst stikhotvoreniia 'Nemnogo geografii')." *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriia 2: Gumanitarnye nauki* 21, no. 3 (190) (2019): 75–84.
- Rothstein, R. A. "Dunia: From Laughingstock to Role Mode." In *New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz*. Edited by Catherine Capiela and Lazar Fleishman, 13–22. Stanford: Department of Slavic Languages and Literatures, Stanford University, 2014.
- Rotshtein, A. "Gorod minuvshogo." *Pochtal'on* 3 (1903): 134.
- . *Sonety*. Saint Petersburg: Tipografiia "Sirius," 1910.
- Rubleva, U. A. "Khristianskie motivy v tvorchestve A. A. Akhmatovoi." In *Anna Akhmatova i Nikolai Gumilev v kontekste otechestvennoi kul'tury (K 120-letiiu so dnia rozhdeniia A. A. Akhmatovoi): Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Tver' – Bezhetsk, 21–22 maia 2009 goda)*, 200–04. Tver': Fond "Russkii mir," 2009.

- Savel'eva, E. V. "Muravei – dobryi trudiaga ili zhestokii ubiitsa?" In *Mir nasekomykh v prostranstve literatury, kul'tury i iazyka*, 363–85. Moscow: Knigodel; MGPU, 2020.
- Savitskii, S. *Andegraund (Istoriia i mify leningradskoi neofitsial'noi literatury)*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002.
- Saltykov-Shchedrin, M. E. *Polnoe sobranie sochinenii*. 20 vols. Moscow: Izdatel'stvo "Khudozhestvennaia literatura," 1965–1977.
- Serova, M. V. *Anna Akhmatova: Kniga Sud'by (Fenomen "akhmatovskogo teksta": Problema tselostnosti i logika vnutristrukturnykh vzaimodeistvii)*. Izhevsk and Ekaterinburg: Institut komp'iuternykh issledovani, 2005.
- Seslavinskii, M. V. "Bibliofil'skii venok Anne Akhmatovoi." *Pro knigi: Zhurnal bibliofila* 2 (2014): 4–21.
- Shamurin, E. I. "K utochneniiu poniatii 'bibliograficheskaiia edinit'sa.'" *Bibliotekovedenie i bibliografiia* 1–2 (1930): 65–77.
- Sheiko, N. "Tak govoril Even." *Meierkhol'd, rezhissura v perspektive veka: Materialy simpoziuma kritikov i istorikov teatra. Parizh, 6–12 noiabria 2000 g.*, 225–29. Moscow: OGI, 2001.
- Shestov, L. "Dobro zelo (Iz knigi 'Exercitia spiritualia')." *Chisla* 1 (1930): 169–88.
- Shevchuk, Iu. V. "Lirizm samonabliudeniia v poezii A. Akhmatovoi nachala 1910-kh godov." *Vestnik TsMO MGU: Filologiiia. Kul'turologiiia. Pedagogika. Metodika* 1 (2014): 101–06.
- Shileiko, V. K. "Vaviloniia." In *Novyi entsiklopedicheskii slovar'*. Vol. 9, 186–217. Saint Petersburg: Tipografiia Aktsionernogo Obshchestva "Brokgauz-Efron," 1912.
- Shumikhin, S. "Materialy N. V. Nedobrovo v TsGALI." In *Shestye Tynianovskie chteniia: Tezisy dokladov i materialy dlia obsuzhdeniia*, 124–36. Riga and Moscow: n. p., 1992.
- Skaldin, A. *Stikhotvoreniia (1911–1912)*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo "Ory," 1912.
- Slovar' nauchnykh terminov, inostrannykh slov i vyrazhenii, voshedshikh v russkii iazyk*. Edited by V. V. Bitner. Saint Petersburg: Izdanie "Vestnika Znaniia" (V. V. Bitnera), 1905.
- Sobolev A. and R. Timenchik. *Venetsiia v russkoi poezii: Opyt antologii. 1888–1972*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019.
- Sologub, F. *Sobranie sochinenii*. 6th ed. Vol. 6, *Melkii bes*. Saint Petersburg: Izd. "Shipovnik," 1911.

- . *Sobranie sochinenii*. 20 vols. Vol. 18, *Tvorimaia legenda*. Pt. 1. Saint Petersburg: Izd. "Sirin," 1914.
- Struve, G. "Anna Akhmatova. Podorozhnik." *Russkaia mysl'* 10–12 (1921): 349–53.
- Superfin, G. and R. Timenchik. "Pis'ma A. A. Akhmatovoi k V. Ia. Briusovu." In *Zapiski Otdela rukopisei Gosudarstvennoi biblioteki SSSR im. V. I. Lenina*. Vol. 33, 272–79. Moscow: Izdatel'stvo "Kniga," 1972.
- . "À propos de deux lettres de A. A. Ahmatova à V. Brjusov." *Cahiers du Monde russe et soviétique* 15, no. 1/2 (1974): 183–200.
- Szilárd, L. *Germetizm i germenetika*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakh, 2002.
- Tal'nikov, D. Review of *Chetki*, by Anna Akhmatova. *Sovremennyi mir* 10 (1914): 208–11.
- Teffi, N. "Malen'kie rasskazy." In *Orion: Literaturnyi al'manakh*. Edited by Iu. Odarchenko, V. Smolenskii and A. Shaikevich, 95–99. Paris: n. p., 1947.
- Temnenko, G. M. *Anna Akhmatova: Opyty intertekstual'nykh i immanentnykh prochtenii*. Simferopol: IT "Arial," 2013.
- Timenchik, R. "Printsipy tsitirovaniia u Akhmatovoi v sopostavlenii s Blokom." In *Tezisy 1 Vsesoiuznoi (3) konferentsii "Tvorchestvo A. A. Bloka i russkaia kul'tura 20 veka,"* 124–27. Tartu: [Tartu Ülikooli Kirjastus], 1975.
- . "O khudozhestvennom oformlenii sbornika Anny Akhmatovoi 'Vecher'." In *Fedorovskie chteniia: 1979*, 109–13. Moscow: Izdatel'stvo "Nauka," 1982.
- . "Posle vsego: Neakademicheskie zametki." *Literaturnoe obozrenie* 5 (1989): 22–26.
- . "Akhmatova i Vetkhii Zavet (Desiatye gody)." In *Jews and Slavs*. Vol. 4, *Judeo-Slavic Interaction in the Modern Period*, 226–52. Jerusalem: Israel Academy of Sciences and Humanities, 1995.
- . "Rezony kommentariia (Iz kursa leksii, chitaemykh v Evreiskom universitete v Ierusalime)." In *Novye bezdelki: Sbornik statei k 60-letiiu V. E. Vatsuro*, 447–58. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1996.
- . "Chuzhoe slovo: Atributsiia i interpretatsiia." In *Lotmanovskii sbornik*. Vol. 2, 86–99. Moscow: O. G. I., 1997.
- . "Voprosy k tekstu." In *Tynianovskii sbornik*. Vol. 10, *Shestye – Sed'mye – Vos'mye Tynianovskie chteniia*, 415–27. Moscow: n. p., 1998.
- . *Chto vdrug: Stat'i o russkoi literature proshlogo veka*. Jerusalem: "Geshe-rim"; Moscow: "Mosty kul'tury," 2008.

- . “Poetika rannei Akhmatovoi: ‘Povyshennaia suggestivnost’.” In *Consortium omnis vitae: Sbornik statei k 70-letiiu professora F. P. Fedorova*, 373–90. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds “Sauls,” 2009.
- . “Poetika rannei Akhmatovoi: ‘Povyshennaia suggestivnost’.” *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istorii i filologii* 4 (2010): 157–66.
- . “Iz Imennogo ukazatelja k ‘Zapisnym knizhkam’ Akhmatovoi (K voprosu o tekhnicheskikh problemakh kommentirovaniia).” In *Lesnaia shkola: Trudy 6 Mezhdunarodnoi letnei shkoly na Karel'skom peresheike po russkoi literature*, 143–72. Poselok Poliany (Uusikirko) Leningradskoi oblasti: n. p., 2010.
- . “Sergei Spasskii i Akhmatova.” *Toronto Slavic Quarterly* 50 (2014): 85–134.
- . “Uspekhi Anny Akhmatovoi.” *Literaturnyi fakt* 9 (2018): 244–63.
- . “Zametki kommentatora. 10: Iz lzhebiografii Akhmatovoi.” *Literaturnyi fakt* 13 (2019) 290–302.
- . “O sostave i granitsakh nauchnogo kommentariia k poezii A. A. Akhmatovoi.” *Russkaia literatura* 1 (2022): 60–85.
- . “Ob akademicheskom izdanii sochinenii Akhmatovoi.” In *Strakh i Muza: Akhmatova, Mandel'shtam i ikh vremia*, 46–61. Moscow: Mandel'shtamovskii tsentr Shkoly filologii VShE; Trofimov.design.
- . “Iz lichnogo arkhiva: Pis'mo Isaii Berlina.” In *Russkaia istoriia i kul'tura v arkhivakh Izrailia*. Vol. 3, Leonid Pasternak, Vasilii Kandinskii, Isaak Babel', Isaiia Berlin i drugie. Edited by V. Khazan, 279–360. Jerusalem: Studio Click, 2023.
- Timenchik, R. and L. Pild. “Vospominaniia Z. G. Mints ob Anne Akhmatovoi.” In *Acta Slavica Estonica*. Vol. 14. *Trudy po russkoi i slavianskoi filologii. Literaturovedenie*. Vol. 11, K 100-letiiu Iu. M. Lotmana, 548–68. Tartu: [Tartu Ülikooli Kirjastus], 2022.
- Tiutchev, F. I. *Lirika*. Edited by K. V. Pigarev. Moscow: Izdatel'stvo “Nauka,” 1965.
- Tsvetaeva, M. *Sobranie sochinenii*. 7 vols. Vol. 5, *Avtobiograficheskaia proza. Stat'i. Esse. Perevody*. Moscow: Ellis Lak, 1994.
- Turoverov, A. “A. A. Akhmatova.” *Rodimyi krai* 64 (May–June 1966): 6.
- Tyrkova-Williams, A. 1954. *To, chego bolshe ne budet*. Paris: Vozrozhdenie, 1954.
- Verheul, Kees. *The Theme of Time in the Poetry of Anna Axmatova*. The Hague; Paris: Mouton, 1971.
- Vinogradov, V. V. “O Simvolike A. Akhmatovoi (Otryvki iz raboty po simvolike poeticheskoi rechi).” In *Literaturnaia mysl': Al'manakh*. Vol. 1, 91–138. Petrograd: Izdatel'stvo “Mysl',” 1922.

- Volkov, A. *Ocherki russkoi literatury kontsa 19 i nachala 20 veka*. 2nd rev. and exp. ed. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1955.
- Vol'pin, M. "Anna Akhmatova." *Vsemirnaia illiustratsiia* 4 (1925): 38.
- Voronovskaia, O. Review of *Chetki*, by Anna Akhmatova. *Ocharovannyi strannik* 4 (1914): 14.
- Voznesenskii, A. *Komu povem? Stikhotvoreniia*. Edited by V. Kudriavtsev and S. Kovner. Rudnia and Smolensk: Mnemosyne, 2012.
- Zhirmunskii, V. M. *Voprosy teorii literatury*. Leningrad: "Academia," 1928.
- . *Tvorchestvo Anny Akhmatovoi*. Leningrad: Izdatel'stvo "Nauka." Leningradskoe otdelenie, 1973.
- . *Teoriia literatury. Poetika. Stilistika*. Leningrad: Izdatel'stvo "Nauka." Leningradskoe otdelenie, 1977.
- Zlenko, G. "Spisok 'Beloi stai'." *Neva* 7 (1986): 207–08.
- Znosko-Borovskii, E. A. "Tvorcheskii put' Anny Akhmatovoi." *Volia Rossii* 10 (1923): 66–81.
- Zundelovich, Ia. "Epigraf." In *Literaturnaia entsiklopediia: Slovar' literaturnykh terminov*. 2 vols. Vol. 2, 1115–16. Moscow and Leningrad: Izdatel'stvo L. D. Frenkel', 1925.

«ИНТЕЛЛИГЕНТ» – ОДНА ИЗ ВОЛОШИНСКИХ «ЛИЧИН»

А. В. Лавров

(С.-Петербург)

«Личины» – заглавие раздела V книги Максимилиана Волошина «Неопалимая Купина. Стихи о войне и революции», окончательно сформированной в 1924 г., а ранее – заглавие цикла, входящего в раздел «Демоны глухонемые» одноименной книги – «Неопалимая Купина (1917–1919)» – в ее первоначальном составе. В обеих редакциях книги состав «Личин» неизменен: это шесть стихотворений, написанных в июне – августе 1919 г.; пять из них дают обобщенные портреты социально-психологических типов, определившихся в дни революции и Гражданской войны («Красногвардеец», «Матрос», «Большевик», «Буржуй», «Спекулянт»), одно («Феодосия») рисует саркастическую картину «социального рая», восторжествовавшего в древнем черноморском городе в те же дни.

Творческими планами Волошина предполагалось воссоздание более широкого спектра «личин», отображающих реальность перевооружившегося мира. Данные об этом содержатся в его третьей рабочей тетради, в которой зафиксированы предварительные материалы, черновые, перебеленные и беловые автографы стихотворений за 1919–1931 гг. Как отражение первоначального замысла цикла можно расценивать план «Медальоны», содержащий перечень тем: «Монархист. Террорист. Матрос. Большевик. Царь. Налетчик. Доброволец. Распутин»¹. Две обозначенные здесь темы («Матрос», «Большевик») воплотились в цикле «Личины». Еще несколько аналогичных тем раскрыты в той же рабочей тетради в виде своего рода «протографов» – прозаических текстов-

¹ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 15. Далее ссылки на этот источник приводятся в тексте сокращенно указанием в скобках номера листа.

предшественников, фиксирующих основные смысловые, образные, стилевые параметры задуманного стихотворного текста. Такими протографами представлены в тетради будущий «Спекулянт» (л. 36 об.), а также «личины», окончательную и законченную стихотворную форму не получившие, – «Коммунист (Еврей)» (л. 45 об.), «Коммунист (Русский)» (л. 46 об.), «Интеллигент» (л. 47 об.). Все три протографа хронологически непосредственно следуют друг за другом: первый датирован 8 сентября, второй – также 8 сентября, третий – 9 сентября 1919 г. Следом за исходным текстом «Коммуниста (Еврея)» записаны несколько строк предварительных стихотворных набросков, но дальше этой работа не продвинулась; «Коммунист (Русский)» представлен только в виде протографа; раскрытие же темы «Интеллигента» стимулировало Волошина к дальнейшим творческим усилиям, отраженным на страницах рабочей тетради.

Специфика работы Волошина над текстами, заполняющими рабочую тетрадь, заключается в том, что он на каждом листе и, соответственно, на обороте листа располагает записи по двум столбцам; текст правого столбца может быть непосредственным продолжением текста, записанного в левом столбце, но может использоваться и как пространство для внесения дополнений и изменений в текст левого столбца.

Прозаический протограф «Интеллигент» записан в левом столбце (л. 47 об.), следом за ним зафиксированы черновые наброски, относительно самостоятельные, но соотносящиеся друг с другом основной темой (интеллигент и его роль в исторической судьбе России); эти наброски продолжены в правом столбце листа.

ИНТЕЛЛИГЕНТ

В мягком фетре. Пейсне. Борода. Чеховская наружность.

Его родной отец – неистовый Виссарион. Крестный Боборыкин. Свою генеалогию он ведет от Петра Великого. Но это выдумки. Его истинная сущность – Смердяков. Глубоко религиозен: верит <в> небытие Божье, в научный метод, в материализм, в республику, в

Учредительное Собрание. Суеверен: проникнут всеми университетскими, научными и социальными суевериями.

Его характер отлит по профилю самодержавия. Он его точный негатив. На месте выпуклостей – впадин<ы>. На месте впадин – шишки. На месте штыка – рана. На месте пули – дыра.

Его воспитала бюрократическая Россия. Как непокорного сына его сажали в карцер, выгоняли из родительского дома, гноили в Туруханск<ом> крае². Он сын своей родины. Он страдал от цензуры за политику; зато он сам накидывает цензурный запрет на каждую новую мысль, которой он не понимает.

А не понимает он никаких идей. Поэтому он сам называет себя «понимающим» – интеллигентом. Он искренно верит в то, что никто не имеет права³ заниматься наукой и искусством, пока есть голодные, как будто кто-нибудь из сытых когда-нибудь мыслили и творили красоту.

Он искренно любит отвлеченный народ теоретической любовью. Он⁴ болеет Россией, и он ее болезнь. При царе его преследовали как революционера, при большевиках как контрреволюционера.

9 сен<тября> 1919.

Пределы Революции – мгновенье.
Что далее – анархия и бред.
И строй революционный – тирания.

О Совесть

Когда на западе – в Париже, в Риме,
В Германии я наблюдал людей
В нас нет ни знания, ни лада <?>, ни умения,
Невежды мы, нелюбопытны мы
Ни выдержки, ни верности, ни чести

² Далее было начато: Он страдал от

³ Далее было начато: твор<ить>

⁴ Далее было начато: болезнь и

Мы как испорченные дети
Но есть одно
Всех рас, что переплавлены в котле
Российской государственности

Великий Петр закинул невод в море
И через век обильный был улов.

Что человек рожден от обезьяны
И потому нет большей любви
Как положить свою за ближних душу.

В широкой шляпе, с Чеховской бородкой
С страдающей улыбкой и в пейсне.

Его крестил случайно Боборыкин
Но был неистовый Виссарион
Родным отцом

Душою глубоко религиозен
И верит <в> Божие небытие
В научный метод и в матерьялизм
В социализм, в Республику и в

Он точный негатив Самодержавья
Где штык у власти – у него дыра

Советская Республика... Россия...⁵
Московская и Киевская Русь...⁶
Все это – Я, все обо мне.

Нельзя любить и понимать Россию
Себя смолоть не давши жерновам.

Я в закромах не больше чем зерно
Единое из неисчетной зерни.

⁵ Было: Российская Республика... Россия...

⁶ Далее было начато: Все обо мне и все всегда со мною.

Я сам себя на части раздирал
И был ножом во дни междоусобья

Чиновников выращивали в школах
Как овощ выгоняют в парниках
(л. 47 об.).

В этих набросках получают развитие образы и положения, намеченные в начальных строках протографа («чеховская борода», «неистовый Виссарион», вера в «Божие небытие», «негатив самодержавия»), но также задаются акценты, переключающие внимание с «личины» «интеллигента» на более широкую и масштабную историческую проблематику («Московская и Киевская Русь», «Великий Петр»); россыпь фрагментов пока еще не формируется в логически и композиционно упорядоченный прототекст художественного целого.

Следующий лист рабочей тетради (л. 48) содержит уже подборку относительно пространных фрагментов, разрабатывающих тему «интеллигента» на четко очерченном историческом фоне. Астериском (*) слева отмечены строки, дословно совпадающие со стихами из поэмы «Россия».

* «Великое народное несчастье
* Есть неумеренность во власти. Мы
Ни в чем не держим меры до середины,
* Всё по краям да пропастям блуждаем.
* И нет нигде такого безнарядья,
И нету власти более крутой».
Так говорит хорватский поп – Крыжанич,
Понявший связь самодержавья с бунтом,⁷
Предвидевший Россию до Петра,⁸
Определивший сущность большевизма.
В России Революция всегда
Была одним из прав самодержавья,

⁷ Строка вставлена позднее.

⁸ Было: Радетель о России до Петра

Пока самодержавье в свой черед
Само не стало правом Революций.

Родился он в сороковых годах,⁹
Но метрике одно лишь несомненно,
Что был неистовый Виссарион
Его отцом, а крестным Боборыкин.

В обычном гриме: в сношенном пальто¹⁰
В широкополой шляпе, и с бородкой,
* Страдающей улыбкой и в пейсне.

Он был отлит, как точный негатив
* По профилю самодержавья: шишка
На месте кулака, где штык – дыра,¹¹
А где пренебрежение – там обида.¹²
В его закуте деревом познания
Была политика, и в нем самом
Остались те же слабости к цензуре:
И нелюбовь к цветению идей.

Он сам религиозен по натуре:
Он верит в Божие небытие
Он исповедует матерьялизм

Он верил в то, что не имеет права
Любить искусство и творить, пока
Другие голодают, будто (сытость
И не была гасителем мечты)

будто голод

Не есть (начало воли и мечты)

водитель всякой красоты

(л. 48, левый столбец)

⁹ Было: Родился он в тридцатые года

¹⁰ Было: Его мундир – потертое пальто

¹¹ Было: На месте кулака, и там дыра
Где штык у власти. Остальное схоже.

¹² Было: На месте оскорбления – обида

По склонностям он был религиозен
Но верил в Божие небытие
Молился Дарвином и Символ Веры
Был для него то Фохт, то Молешотт.¹³
Он верил в то, что не имеет права
Любить искусство, и творить, пока
Другие голодают (будто сытость)¹⁴
Не есть гаситель творческой мечты!¹⁵
Он утверждал как догмат бытия
* Что человек рожден от обезьяны
* А потому нет большей любви
Как если кто отдаст за ближних душу.
Не нам судить такой уклон ума¹⁶
Мы мыслим по такому же закону:
Един есть Маркс и нет иных законов¹⁷
Опричь законов классовой борьбы
Внесенных им. Поэтому Россия
Зажжет пожар всемирной

Но что такое был интеллигент?¹⁸
По найденным бумагам несомненно,
Что был неистовый Виссарион
Его отцом, а крестным Боборыкин.
Его я вижу в сношенном пальто,
В широкой шляпе с Чеховской бородкой,
* Страдающей улыбкой и <в> пейсне
* Прекраснодушным честным, мягкотел<ым>
Он был отлит как точный негатив
* По профилю самодержавья: шишка
На месте кулака, где штык – дыра.

¹³ Было: Был для него отживший Молешотт. (Незачеркнутый вариант)

¹⁴ Было: Другие голодают, будто голод

¹⁵ Было: Не есть начало творческой мечты!

¹⁶ Было: Не нам судить сей оборот ума

¹⁷ Было: Враг – Капитал. И нет иных законов

¹⁸ Было: Но что такое есть интеллигент?

По склонностям он был религиозен,
Но верил в Божие небытие,
И в Дарвина и даже в Молешот<т>a
Он утверждал (как пишет Соловьев)¹⁹
* Что человек рожден от обезьяны
* А *потому*: нет большей любви
Как если кто отдаст за ближних душу
(л. 48, правый столбец)

В левом столбце приведенного текста авторскими разграничительными линиями обозначены три фрагмента. Первый фрагмент, начинающийся изложением цитаты из «Бесед о правлении» Юрия Крижанича (ок. 1618–1683), хорватского писателя и ученого²⁰, найдет отражение в поэме «Россия» (гл. 6, ст. 1–11); в ней слова Крижанича не предваряют авторское истолкование, а следуют после начальных четырех строк:

В России революция была
Исконнейшим из прав самодержавья,
Как ныне в свой черед утверждено
Самодержавье правом революций.
(Волошин 2003: 378)

Развитию собственно темы «интеллигента», какую она обрисована в протографе, уделены в том же столбце следующие два фрагмента; третий фрагмент заканчивается незавершенными строками,

¹⁹ Было: Он размышлял (как пишет Соловьев)

²⁰ В наброске статьи о Юрии Крижаниче (предположительно 1926 г.) Волошин приводит его «Политические думы» в более полном объеме: «Великое наше народное лихо – неумеренность власти: не умеем мы ни в чем меры держать, средним путем ходить, а все норювим по окраинам да по пропастям блуждать. Правление у нас то вконец распушено, своевольно, безнарядно, то чересчур твердо, строго и жестоко. Нет у нас уменья ни в торговле, ни в земледелии, люди ленивы, непромышленны, сами себе добра не хотят сделать; истории, старины мы не знаем и никаких политических разговоров вести не можем. Умственная лень у нас и в покрое платья некрасивом, и в наружном виде, и в обиходе домашнем» (Волошин 2008: 679–680). Эти положения Крижанича излагаются в «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева (см.: Соловьев 1991: 150–151).

содержание которых получает дальнейшее развитие в двух связанных фрагментах, записанных в правом столбце листа. Эти совокупные четыре фрагмента (первый, четырехстрочный, наиболее краткий, остальные – соотносимые между собой по протяженности) представляют различные текстовые вариации (включающие дословные повторения строк) одного семантико-тематического комплекса, определяющего отличительные признаки типологизированного образа «интеллигента». Так и не развившиеся до статуса самостоятельного стихотворения, эти вариативные по отношению друг к другу фрагменты послужат исходным материалом для поэмы «Россия» – для фрагмента главы 4 (ст. 51–68):

От их корней пошел интеллигент.
Его мы помним слабым и гонимым,
В измятой шляпе, в сношенном пальто,
Сутулым, бледным, с рваною бородкой,
Страдающей улыбкой и в пенсне,
Прекраснодушным, честным, мягкотелым,
Оттиснутым, как точный негатив,
По профилю самодержавья: шишка,
Где у того кулак, где штык – дыра,
На месте утвержденья – отрицанье,
Идеи, чувства – все наоборот,
Все «под углом гражданского протеста».
Он верил в Божие небытие,
В прогресс и в конституцию, в науку,
Он утверждал (свидетель – Соловьев),
Что «человек рожден от обезьяны,
А потому – нет большия любви,
Как положить свою за ближних душу».

(Там же: 374–375)

О том, что «Интеллигент», изначально планировавшийся для цикла «Личины», был со всеми основными его образно-тематическими параметрами, обозначенными в протографе, инкорпорирован в поэму «Россия», свидетельствуют и рукописи этой поэмы. Среди

многочисленных черновых текстов поэмы и предварительных заготовок к ней в этом отношении любопытен фрагмент (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 11 об., левый столбец), в котором дважды приведено заглавие, предназначавшееся ранее для суверенной «личины», за которым следуют вариации на тему Петра – «ловца человеков», обозначенную в приведенном выше фрагменте («Великий Петр закинул невод в море / И через век обильный был улов»):

Был Петр и Революция едино.
 Самодержавье было на Руси
 Всегда левей пасомого народа
 Всегда умней придворного хамья.²¹

Был Петр и Революция одно.
 Затем, что на Руси самодержавье
 Всегда левей своих бараньих стад²²
 Строителю необходимо сручье.²³

Интел<лигент> ИНТЕЛЛИГЕНТ²⁴
 [В Петрову мрежь попался разночинец
 Оторванный от родовых корней [интеллигент]
 Натасканный в науках²⁵]

В Петрову мрежь попался разночинец
 Оторванный от родовых корней,
 Натасканный в передовых идеях²⁶
 Ручной Марат, оскопленный Дантон
 Нежданный клад для царских канцелярий²⁷

²¹ *Далее было:* Самодержавье было на Руси

Всегда левей пасомого народа

²² *Было:* Всегда левее бессловесных стад

²³ *Было:* Но для строительства необходимо сручье.

²⁴ *Слово обведено рамкой.*

²⁵ *Было:* Натасканный в идеях и к работе

В пределах департаментов

²⁶ *Было:* Натасканный в науке и идеях

²⁷ *Было:* Неосознанный клад для канцелярий

Самодержавье было на Руси²⁸
Революционной подданного стада
Покамест ужаснувшись не сдало
При мрачных фейерверках гильотины

В основном тексте поэмы с этими черновыми фрагментами соотносятся несколько строк (гл. 4, ст. 21–26):

В Петрову мрежь попался разночинец,
Оторванный от родовых корней,
Отстоянный в архивах канцелярий –
Ручной Дантон, домашний Робеспьер, –
Бесценный клад для революций сверху.
Но просвещенных принцев испугал
Неумолимый разум гильотины.
(Там же: 373–374)

Приведенный фрагмент черновой рукописи представляет собой исходный материал для этих строк; в нем же обнаруживается генетическая связь с циклом «личин»–«медальонов», служивших Волошину предварительными портретными набросками для итоговой многофигурной историософской композиции в поэме «Россия».

²⁸ Было: а. как в тексте

б. Самодержавье было искони (Незачеркнутый вариант)

Далее было: а. начато: Левее подданных

б. Революцион<н>ей подданного стада

в. Революцион<н>ей русского народа

г. Левее подданных. Но в прошлом веке

Оно сдало (Незачеркнутый вариант)

[От страха пред Парижской гильотиной]

д. Революционной знати и народа

е. Революционной русского народа

[Но] И в первый раз смутилось и сдало

Перед апофеозом Гильотины

БИБЛИОГРАФИЯ

- Волошин М. 2003. Собр. соч. Т. 1: Стихотворения и поэмы: 1899–1926 / Под общей ред. В. П. Купченко и А. В. Лаврова. М.: Эллис Лак 2000.
- Волошин М. 2008. Собр. соч. Т. 6. Кн. 2: Проза: 1900–1927. Очерки, статьи, лекции, рецензии, наброски, планы / Под общей ред. В. П. Купченко и А. В. Лаврова; при участии Р. П. Хрулевой. М.: Эллис Лак 2000.
- Соловьев С. М. 1991. Соч.: В 18-ти кн. Кн. VII: История России с древнейших времен. Т. 13–14. М.: Мысль.

REFERENCES

- Solov'ev, S. M. *Sochineniia*. 18 vols. Vol. 8, *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen. T. 13–14*. Moscow: Mysl', 1991.
- Voloshin, M. *Sobranie sochinenii*. Vol. 1, *Stikhotvoreniia i poemy: 1899–1926*. Edited by V. P. Kupchenko and A. V. Lavrov. Moscow: Ellis Lak 2000, 2003.
- . *Sobranie sochinenii*. Vol. 6. Pt. 2, *Proza: 1900–1927. Ocherki, stat'i, lektsii, retsenzii, nabroski, plany*. Edited by V. P. Kupchenko, A. V. Lavrov and R. P. Khruleva. Moscow: Ellis Lak 2000, 2008.

«МАЧЕХА РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ»: БЕРЛИН 1920-х ГОДОВ ГЛАЗАМИ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ¹

А. А. Долинин

(Мэдисон / С.-Петербург)

Никто доподлинно не знает, сколько русских обосновалось, хотя бы на время, в Берлине в начале двадцатых годов. «Справочник-Альманах», выпущенный в самом начале 1922 г., сообщал: «Новая русская колония в Германии, образовавшаяся из военнопленных, интернированных и беженцев, состоит из 300–400 тыс. человек (около 100 тыс. человек в одном Берлине)» (Справочник-Альманах 1922: 86). «Более 400 тысяч русских – в Берлине», – утверждал Маяковский, возвратившийся из Германии год спустя (Маяковский 1959: 462); Виктор Шкловский во втором издании «Сентиментального путешествия» (1924) писал, что в Берлине «триста тысяч русских разных национальностей бродят в трещинах гибнущего города» (Шкловский 1990: 184). Согласно осторожным подсчетам некоторых историков, на пике эмиграции русское население юго-западного округа Берлина Шарлоттенбурга, переименованного местными шутниками в Шарлоттенград²,

1 В основу статьи положен мой одноименный англоязычный доклад, прочитанный в марте 1997 г. на симпозиуме по русско-немецким культурным контактам в Университете штата Миссури и позднее опубликованный как глава 15 в сборнике *Cold Fusion: Aspects of the German Cultural Presence in Russia* (см.: Dolinin 2000: 225–240).

² См.: Сегал 1923: 12; Белый, Иванов-Разумник 1998: 272–273. Большое количество русских пансионатов, магазинов и прочих заведений располагалось вокруг восточной оконечности главной улицы западного Берлина Курфюрстендамма и Тауэнцинштрассе. И. Гессен в мемуарах упоминает карикатуру под названием «Картина будущего» в воскресном иллюстрированном приложении к немецкой газете „Berliner Tageblatt“, которая изображала «Курфюрстендаммский проспект» и «Тауэнцинговскую улицу», пестрящие русскими вывесками и названиями и редкими надписями в окнах магазинов: здесь говорят по-немецки!» (Гессен 1979: 139). Эта карикатура была помещена 4 мая 1923 г. в номере 18 приложения „Ulk: Wochenschrift des Berliner

насчитывало более ста тысяч человек. Независимо от численности, русские в Берлине были на виду и на слуху – по крайней мере для самих эмигрантов. Герой романа Набокова «Подвиг» Мартын, приехав из Швейцарии в Берлин, с удивлением обнаружил «развязную, громкоголосую Россию, которая тараторила повсюду – в трамваях, на углах, в магазинах, на балконах домов» (Набоков (Сиринъ) 1999–2000, 3: 197)³. Казалось, русские колонизировали чужой город, навязав покорным туземцам свои обычаи, культурные коды и вкусы. Другой Набоков, Николай, известный композитор, писал в своих любопытных, хотя не полностью достоверных воспоминаниях:

Русские эмигранты в Берлине не были похожи на робких, запуганных беженцев, которые волнуются и трепещут, оказавшись во враждебном окружении. Казалось, они заняли Берлин и разбили здесь русский лагерь.

Были в Берлине русские газеты, русские театры, русские школы и церкви, русские кабаре и библиотеки. Были русские литературные клубы и издательства, русские спекулянты валютой, русские книжные магазины, русские картинные галереи, бакалейные магазины, кондитерские, антикварные лавки и лавки старьевщиков, которые торговали фальшивыми или настоящими изделиями Фаберже и иконами – подлинными или подделками.

Центральный район Западного Берлина, от Wittenbergplatz мимо Gedächtniskirche и вниз по Kurfürstendamm, казалось, капитулировал перед русскими пришельцами. Каждый второй человек на улице, в кафе или магазинах говорил на русском или на ломаном немецком языке. Повсюду – на стенах и рекламных столбах можно было увидеть не только афиши русской оперы и концертов русских исполнителей, но и объявления русских политических собраний, офицерских клубов, благотворительных комитетов. Вдовствующие балерины открывали балетные школы,

Tageblatts“ на развороте страниц 1–2 (66–67). Ее воспроизведение и подробное описание см.: Utkin 2023: 16–17.

³ В дальнейшем все ссылки на русские произведения Набокова даются прямо в тексте с указанием тома и страницы в скобках.

писатели устраивали собрания и публичные чтения прозы и поэзии (Nabokov, N. 1975: 119).

Бурная литературная и интеллектуальная жизнь «русского Берлина» довольно неплохо документирована и изучена. Постоянные и временные жители Берлина – Александр Бахрах, Нина Берберова, Иосиф Гессен, Роман Гуль, Евгений Лундберг, Владимир и Николай Набоковы, Глеб Струве, Алексей Толстой, Владислав Ходасевич, Виктор Шкловский, Илья Эренбург и другие – оставили ее описания в дневниках, письмах, эссе, травелогах, мемуарах, стихах и прозаических текстах. Опубликовано довольно много работ, подробно рассказывающих о жизни и трудах в Берлине самых известных авторов, как эмигрантов, так и советских визитеров, которые в 1920-е годы часто посещали Берлин⁴. Однако в большинстве из них «русский Берлин» рассматривается как некое образование, существовавшее отдельно от «Берлина немецкого» и с последним слабо связанное. Цель моей статьи – восполнить это упущение и рассмотреть восприятие Берлина – по слову Ходасевича, «мачехи российских городов»⁵ – русскими писателями и поэтами двадцатых годов в более широком контексте.

*

Двадцатые годы прошлого столетия обычно называют «золотым веком» или «великолепным десятилетием» в истории Берлина⁶. После массовых беспорядков, политических потрясений и экономической катастрофы в самом начале послевоенного периода для города наступили, как позднее напишет Готфрид Бенн, «его

⁴ См. в первую очередь: Флейшман, Хьюз, Раевская-Хьюз 1983; Mierau 1990; Schlögel 1995; Шлегель 2004; Тиме 2011; Utkin 2023.

⁵ Ср. в стихотворении «Все каменное. В каменный пролет...»: «Жди: резкий ветер дунет в окошко / По скважинам громоздкого Берлина – // И грубый день взойдет из-за домов / Над мачехой российских городов» (Ходасевич 1983: 153).

⁶ Литература о Берлине 1920-х годов чрезвычайно велика. Укажу лишь основные источники на английском языке: Gay 1970: 128–144; Laqueur 1974: 224–253; Jonge 1978: 125–146; Haxthausen, Suhr 1990: 95–165; Kniesche, Brockmann 1994: 71–180; Kaes, Jay, Dimendberg 1994: 393–428; MacDonogh 1997: 214–217, 233–238, 251–254 et passim; Metzger, Brandstätter 2007; Metzger, Burmeister, Novotny, Zitzlsperger 2017.

самые великолепные годы, его парижские годы, время расцвета талантов и искусства» (цит. по: Laqueur 1974: 277). С точки зрения некоторых современников, Берлин даже опередил Париж в борьбе за титул культурной столицы Европы. «Казалось, что все лучшие творческие силы вновь засияли, озаряя последнее пиршество духа многоцветным великолепием, пока не опустилась ночь варварства», – с ностальгией вспоминал знаменитый дирижер Бруно Вальтер (Walter 1946: 234). Он и другие современники говорили о достижениях берлинских авангардных театров (которые считались «лучшими во всей Европе», по оценке писательницы и драматурга Вики Баум; см.: Baum 1964: 274); захватывающих экспериментах в изобразительном искусстве, кино, архитектуре и музыке; о беспрецедентном культурном взрыве. Параллельно с авангардом – конструктивизмом, «новой объективностью», дадаизмом, атональной музыкой и т. д. – процветала бурная массовая культура, предлагавшая богатое разнообразие развлечений: джаз, дансинги, кабаре, стриптиз, спортивные зрелища – особенно бокс и велосипедные гонки, – балы, парки аттракционов, кинотеатры и эротические журналы на любой вкус. Охватившая всех гедонистическая жажда полной свободы и экспериментирования стимулировала технический прогресс (именно Берлин первым из европейских городов установил светофоры), меняла моду и образ жизни и поощряла нетрадиционные типы поведения. Откровенное обожание обнаженного тела и публичная демонстрация наготы стали олицетворением раскрепощенного послевоенного Берлина. Сексуальная вседозволенность не знала себе равных в мире. Главный герой романа Эриха Кестнера «Фабиан. История моралиста» (1931), решив изучить берлинский стиль, сталкивается с примерами разного рода распутства повсюду: бары нудистов, клуб, где можно найти сексуального партнера на одну ночь, открытые адюльтеры, голодные девицы в купальных костюмах, предлагающие себя в дансингах за еду и деньги, лесбийский ресторан «La cousine», мужской бордель. Кристофер Ишервуд, английский интеллектуал и гомосексуал, который приехал в Берлин в конце 1920-х годов, чтобы воспользоваться сексуальной свободой и отведать «бурлящую на

огне похлебку истории», писал в романе «Мир вечером» (*The World in the Evening*):

В Берлине недостаточно было просто хотеть секса; нужно было уточнить, какого именно партнера вы желаете получить – юную девственницу, семидесятилетнюю старуху, девицу в высоких ботинках с кнутом в руке, трансвестита, полицейского, пажа, собаку. Для удовлетворения appetitов существовали бордели и бары на всякий вкус. Для тех, кому не удавалось определиться с выбором, существовал Музей сексуальных наук, где можно было изучить фотографии гермафродитов, пыточные инструменты садистов, рисунки сексуальных фантазий нимфоманок, женское белье, которое офицеры носили под форменной одеждой, и много других диковин (Isherwood 1954: 75).

Причудливая смесь высокой и низкой культур, поляризованная радикальная политика, сексуальная вседозволенность и цинизм придавали веймарскому Берлину некую ауру модернизма и даже футуризма. Стивен Спендер, еще один англичанин, приехавший в Германию, чтобы попробовать «похлебку истории», писал в автобиографии «Мир внутри мира» (*World Within World*):

Модернизм в этой Германии был <...> своего рода популярным массовым движением. Дома без крыш, экспрессионистская живопись, атональная музыка, гомосексуальные бары, нудизм, солнечные ванны, походы – все это приживалось, превращаясь в яркие, кричащие, игривые краски, которые окрашивали всю страну (Spender 1994: 108).

Полнометражный документальный фильм Вальтмана Рутмана «Берлин: симфония большого города» (см. о нем: Наке 1994: 127–142), популярные романы этого периода (например, знаменитый «Берлин, Александерплац. Повесть о Франце Биберкопфе» Деблина), эссе писателей и журналистов (среди которых выделялись Вальтер Беньямин и Зигфрид Кракауэр) – все представляли столицу немецкого модернизма как метрополис нового типа, как постоянно меняющийся город, беспрестанно стирающий свое прошлое и

заново изобретающий настоящее. Раздробленный на множество не связанных между собой фрагментов, Берлин заменил узнаваемое, относительно неизменное «лицо» бесконечным разнообразием воплощений, конфигураций и узоров. З. Кракауэр в своем знаменитом эссе «Курфюрстендамм: улица без памяти» (1932) писал, что жизнь в Берлине – это «не линия, но ряд точек; город живет сегодняшним днем, избавляясь от дня вчерашнего, как от старой газеты» (Kracauer 1990: 170). Независимо от их взглядов на погоню за новациями, молодые немцы, приезжавшие в Берлин со всей страны, сходились на том, что город испускает «странное электричество» (Baum 1964: 276), заряжает энергией, придает жизненную силу и таким образом завораживает и покоряет людей. Как писал в автобиографии известный драматург Карл Цукмайер (Carl Zuckmayer, 1896–1977), поселившийся в Берлине в 1924 г., он и другие провинциалы его поколения смотрели на столицу, как «угольщик смотрит на жену миллионера», и говорили о нем, как говорят о «наглой, высокомерной выскочке», «бездушной, истеричной», но желанной женщине, которая будит самые смелые фантазии: «все хотят ее, всех она манит» (Zuckmayer 1940: 152; ср. более позднюю редакцию: Zuckmayer 1966: 311–314).

Именно эта эротическая одержимость чарами нового Берлина в большинстве русских описаний города явно отсутствует. На самом деле, если кто-то из русских авторов и обращал внимание – пусть мимоходом – на всевозможные технические и культурные новации в Берлине второй половины 1920-х годов, после завершения экономического кризиса, это были в основном сторонники коммунистического режима: либо гости из Советской России, либо эмигранты, подумывающие о возвращении на родину. В ярких проявлениях технического прогресса и новых формах общественной жизни они видели прообраз светлого будущего, которое ожидает модернизируемую Советскую Россию. Так, Роман Гуль, тогда «большевизан», в автобиографической книге «Жизнь на фукса» (1927), опубликованной в СССР, восхищался Берлином «сегодняшнего дня»:

Кинотеатры Уфы с великолепным дворцом «Уфы ам Цоо», радиобашни, резервуары газа, заводы Юнкера, Сименса, Шварцкопфа, электрические поезда, унтергруды, бары, дансинги – вот чем знаменит Берлин, зародышевая душа послевоенной Германии. <...> Трудно немцу дать темп американца. И тем не менее Германия американизируется. А Берлин идет во главе (Гуль 1927: 133–134).

Гулю вторил Илья Эренбург, описавший Берлин дважды, в очерках 1923 и 1928 г., и заметивший, что за пять лет в городе произошли удивительные перемены. Теперь Берлин для него – это высшее воплощение современности, где «ничего не осталось от недавнего прошлого», «апостол американизма», наиболее удобное и современное городское пространство, где «наша эпоха» непосредственно ощущается «в сигаретных коробках, в походке Потсдамерплац, в последней системе газовой кухни, в трех тарифах автомобилей и в тридцати тарифах женщин...» (Эренбург 1991b: 30, 32). Сергей Третьяков, горячий ревнитель и коммунизма, и модернизма, который посетил Берлин в 1930 году, пришел в восторг от таких изобретений и технических новинок, как «бумажные стаканы для молока», «спектакли светореклам на берлинских фасадах и насыщенность страны железом», «светофоры, нержавеющая сталь» (Третьяков 1991: 309).

Те же русские эмигранты в Берлине, которые, мягко говоря, не одобряли большевизм, обычно относились ко всем урбанистическим новациям без всякой симпатии, усматривая некую связь между немецкой модернизацией и коммунистической идеологией. На то у них были некоторые основания, поскольку немецкий модернизм в сфере культуры был тесно связан с левой политикой. «Почти все немецкие интеллектуалы, которых мы знали, принимали и практиковали своего рода левую ортодоксию, – свидетельствует Стивен Спендер. – Такое отношение повлияло на театр, роман, кино и даже музыку и живопись» (Spender 1994: 131). Поэтому выразить восторги по поводу новых веяний нередко значило занять определенную политическую позицию. В рассказе Набокова «Встреча» (1932) успешный советский инженер, приехавший в Берлин в командировку, навещает своего брата Льва, полунищего

эмигранта, и принимается рассуждать о переменах, произошедших в Берлине со времени его первого приезда в Германию в двадцать четвертом году. «Перещеголяли Америку, – сказал он. – Какое движение на улицах. Город изменился чрезвычайно» (III, 575). После короткого вымученного разговора он повторяет те же банальности à la Эренбург или Гуль: «Американизация. Движение. Замечательные дома» (III, 577). Для Льва эти клише ничего не значат, поскольку его Берлин не имеет с ними ничего общего. Это мрачный, темный, неприветливый город: «Фонарь. Лужа. Темное здание почтамта. Около марочного автомата стояла, как всегда, нищая старуха. Она протянула руку с двумя коробками спичек. Луч фонаря скользнул по ее впалой щеке, под ноздрей дрожала яркая капелька» (III, 578). Для типичного эмигранта прелести американизированного, футуристического Берлина – это лишь пустые иллюзии; на него не действуют их чары – он живет в мире постоянного отчуждения и со своей позиции чужака наблюдает изнанку враждебного города, не обращая внимания на его великолепный фасад.

Образы города, созданные русскими писателями, контрастируют с каноническим мифом о сверкающем, блестящем, ослепительном Берлине⁷. Вместо многоцветного калейдоскопического городского праздника они изображают тусклый, унылый, монотонный и монохромный городской пейзаж. Например, в «Европейской ночи» Ходасевича Берлин «каменный» («Все каменное. В каменный пролет...»), «громоздкий» («По скважинам громоздкого Берлина»), гнилой («И там, скользя в ночную гнилость»), грязный («Вот так и шлепай по грязи»), дьявольски-мрачный («Дома – как демоны, / Между домами – мрак; / Шеренги демонов, / И между них – сквозняк») – пространство, ассоциирующееся с болезнью, бесплодием и насильственной гибелью (Ходасевич 1983: 153, 148, 151). Откликаясь на его отчаяние, Нина Берберова позднее проклянет

⁷ См., например, в мемуарах прославленной чернокожей танцовщицы и певицы Жозефины Бейкер, которая в 1926 г. с огромным успехом гастролировала в Берлине: «Берлин. Я нашла его ослепительным. Город сверкал как бриллиант, особенно ночью, чего не бывало в Париже. Огромные кафе напомнили мне океанские лайнеры, движимые ритмами своих оркестров» (Baker, Bouillon 1977: 58).

Берлин 20-х годов в автобиографии: «...чахлая Германия, чахлые деньги, чахлые кусты Тиргартена, где мы гуляли иногда утрами <...>. Чахлые деревья, чахлые девицы на углу Мотцштрассе» (Берберова 1983: 191). Любопытная книга Андрея Белого «Одна из обителей царства теней», написанная после его возвращения в Москву из Германии, представляет собой диатрибу против продажного, гнилого, безумного Берлина, который прячет «дикий хаос действительного разложения и смерти» (Белый 1924: 69) за фасадом формальной буржуазной благопристойности. На протяжении всего повествования Белый играет с повторением звуков в первом слоге существительных «Берлин», «бюргер», «буржуа» и прилагательных «серый» и «бурый», «серо-бурый», выявляя связь «вялого города» (Там же: 73) с оттенками серого и бурого цветов, чтобы передать царящую в нем унылую атмосферу скуки и тоски. Приведем поэтически организованное, ритмическое описание Берлина, в котором звуковые комбинации «БУР» и «СЕР» повторяются более десяти раз:

Он [Берлин] <...> нестерпимо жареет ужасною, БУРою копотью летом, и СЕРая БУРоватая мгла повисает над ним осенью и зимами; шлепают под ногами такие же БУРые, мокрые от дождя тротуары; <...> и все это – в БУРой, тоскливейшей дымке; и БУРые, скучные, ПРЕСные БЮРгеры спешно бегут в БУРоватых пальто вдоль тех улиц, вдоль СквЕРов, вдоль площади и проваливаются в дыру, зияющую поСРедине, чтобы выскочить где-нибудь <...> из точно такой же дыры; <...> и нестись вдоль такого же БУРоватого, пренелепого ряда домов в БУРоватой томительной мгле, под БУРеющим небом, над БУРым асфальтом (Там же: 7)⁸.

Там, где восторженные немецкие провинциалы и иностранцы, ищущие раскрепощения, видят многообразие, разнообразие и различия, Андрей Белый обнаруживает лишь ужасающее единообразие:

⁸ Ср. серый колорит описаний Берлина в повести В. Лидина «Морской сквозняк» (1923): «Серые дома набережных»; «с серой ротондой мужской и женской уборных»; «серых домов министерства»; «широкий, асфальтово серый размыв улицы»; «над дворцами была пустота серых осенних небес»; «серым пеплом раскидывался город, серым гранитом поднимался тяжелый ковчег галлерей...» (Лидин 1926: 42, 45).

...улица неотличима от улицы; дом от дома; все дома достаточно монументальны, роскошны, величественны; но все роскоши и величия этих домов интерферируются в поле зрения в одну серую, буросерую, нудную скуку организованного безумия, в котором понять невозможно ни улицы, ни отдельных домов, ни жильцов тех домов (Там же: 31).

Этот образ Берлина как города безжизненной монотонности будет снова и снова повторяться в русской эссеистике. «Трудно описать Берлин. Его не ухватишь», – сетует Виктор Шкловский в «Zoo», – ибо все в нем слишком однообразно:

Дома одинаковые, как чемоданы. <...> Трамваев много, но ездить на них по городу незачем, так как везде город одинаков. Дворцы из магазина готовых дворцов. Памятники – как сервизы. <...> ... кирпичи так похожи в Берлине друг на друга, что мы их различаем только по улицам, на которых они стоят (Шкловский 1923: 71–72).

Хотя в эссе 1923 года Эренбург признался в любви к Берлину, его видение города, по сути дела, мало чем отличалось от видения Шкловского:

Берлин уныл, однообразен и лишен *couleur locale*. <...> Трудно разобраться в длинных прямых улицах, одна точная копия другой. Можно идти час, два – и увидеть то же самое <...>. Это – выставка, громадный макет, приснившийся план (Эренбург 1991a: 8).

В книге «Душа Петербурга» Николай Анциферов замечает, что «город открывает свое лицо только тому, кто хоть ненадолго побывал его гражданином, приобщился к его жизни, таким образом сделался частицей этого сложного целого» (Анциферов 1991: 47). Отказ (или неспособность) русских в Берлине увидеть разницу между улицами, домами, жильцами этих домов выдает их «внеаходимость», их отказ (или, опять же, неспособность) стать частью многоликого целого этого города. Немецкий Берлин, увиденный глазами большинства русских писателей, неизменно остается чужим, враждебным, непонятным и недоступным. Они, как лирический герой «Берлинского» у Ходасевича, отгоро-

жены от жизни города «толстым и огромным отполированным стеклом»⁹.

Сравнение домов с чемоданами у Шкловского также симптоматично: внутренняя жизнь чужого города остается скрытой от стороннего созерцателя, как вещи в некоем запертом контейнере или помещении. Подобные образы иногда появляются и в стихах молодых берлинских поэтов. Так, для Юрия Джанумова Берлин – это «неприятный, громоздкий, / Огромный пакгауз»¹⁰, а Михаил Горлин сравнивает дома в городе с «несгораемыми шкафами», которые стоят «в пустых коридорах улиц»¹¹.

Попытки открыть для себя город и приобщиться к его внутренней жизни делались редко и, как правило, ни к чему не приводили. Если такие западные гости Берлина, как Ишервуд или герои его «берлинских» повестей и романов, проходили инициацию через сексуальные контакты с автохтонами обоего пола, русские писатели либо игнорировали рискованные темы, либо резко осуждали буржуазный разврат. Правда, некоторые из них упоминают пресловутых берлинских проституток, но при этом смотрят на них с безопасного расстояния, без всякого вожделения. Женщины, описанные ими, обычно настолько стары и безобразны, что способны вызвать лишь отвращение. «В этот час на Фридрихштрассе проститутки шли густыми толпами, – писал Алексей Толстой в рассказе «Черная пятница». – Их было столько, что исчезало даже любопытство к этим промокшим женщинам с бумажными розами на шляпах или просто на животе» (Толстой 1924: 20). Русского героя

⁹ Ср.: «А там, за толстым и огромным / Отполированным стеклом, / Как бы в аквариуме темном, / В аквариуме голубом – // Многоочитые трамваи / Плывут между подводных лип, / Как электрические стаи / Светящихся ленивых рыб» (Ходасевич 1983: 148).

¹⁰ Ср.: «И вспомним тебя, неприятный, громоздкий, / Огромный пакгауз... Ванзейские воды, / Угрюмый Тиргартен, огни перекрестков, – / Мы вспомним, Берлин, эти хмурые годы» (Адамович, Кантор 1936: 192).

¹¹ Ср.: «Ночами, когда стихает / И в пустых коридорах улиц / Дома, скованы молчаньем, / Стоят четки и строги, / Как несгораемые шкафы, / Когда сверху на огромной глади / Бесстрастно над домами / Холодной твердой эмалью / Одинаковые блещут звезды, / Ночами сквозь боль встает иное: / Говорливых лесов зеленый шепот, / Серебристый плеск ласковых речек / И белой гостиницы светлый звон» (Горлин 1934: 209).

рассказа зазывает «плечистая и костлявая женщина, лет сорока», которая принимается «хмыкать, вытягивая губы трубкой, хихикать» (Там же), так что он в страхе пятится от нее.

Самый тесный контакт с дразнящей берлинской эротикой, который русские писатели смогли описать, – это визит в подпольный ночной клуб (Nachtlokal), где перед посетителями танцуют голые женщины. Увиденные глазами русских, танцовщицы Nachtlokal, как и берлинские проститутки, лишены даже рудиментов сексуальной привлекательности. У женщины, танцующей перед героями «Черной пятницы» Алексея Толстого, например, «локти и колени – синие», а ее живот «казался почему-то голодным, зазявшим, набитым непереваренным картофелем» (Там же: 44–45). Nachtlokal у Эренбурга – это обыкновенная квартира респектабельного буржуа, которая ночью используется для небольшого семейного бизнеса: хозяин разносит напитки, его дочери «равнодушно раздеваются» и неуклюже и неумело танцуют перед гостями. В своих мемуарах Эренбург сообщил, что ходил в Nachtlokal вместе с В. Г. Лидиным (см.: Эренбург 1990: 383), который в повести «Морской сквозняк» изобразил танец обнаженных женщин как зрелище непристойное и грязное: «<...> свет, тепло, тихое журчание скрипок и пара голых женщин в том же колыпании шимми, болтая грудями, принося округлыми животами – и в сладком тлене дешевых духов рыбная вонь невымытых тел, запахи коммамбера <sic!>» (Лидин 1926: 97). Советский писатель и журналист О. Савич, проживший в Берлине пять лет, отправил в Nachtlokal героя своей повести «Пансион фон-Оффенберг», эмигранта Коврова, мечтающего о возвращении в СССР, который, как и Лидин, испытал отвращение от запаха пота:

Заиграли опять скрипки и выскочили две голые, в одних чулках – женщины, некрасивые и немолодые, смущаясь, но скрывая смущенье наглостью и равнодушием, затанцовали, приближаясь и обнимая друг друга. Когда они прошли мимо Чарльса и Коврова, на них пахнуло потом. Ковров скривился (Савич 1926: 45).

Только у Андрея Белого, обличавшего Берлин, визит в Nachtlokal приобретает более глубокий – хотя и абсолютно негативный –

смысл. Он превращает обычного пьяного зазывалу в черном котелке, слоняющегося в поисках клиентов, в таинственное существо – в «песеголового человека», который «на древних фресках Египта <...> неизменно сопровождал усопшего в царство теней, на страшный суд к Озирису» (Белый 1924: 60). Таким образом банальная сценка ночной жизни Берлина трансформируется в символ духовной смерти Запада.

Разрушая образ Берлина как царства освобождающего Эроса, некоторые русские авторы обнаруживают суть города не в «первобытной энергии» обнаженных тел, «африканских танцев» и оргий, но в печальном зрелище публичной мастурбации. «Музыка в кафе, – пишет Шкловский. – А в темных общественных уборных Берлина мужчины занимаются друг с другом онанизмом. У них низкая валюта, голод, и страна гибнет» (Шкловский 1990: 184). В жестоком стихотворении «Под землей» Ходасевич спускается в берлинский Аид – подземную общественную уборную – и наблюдает за безумным стариком, который мастурбирует, «<...> к стене прижатый / Своею дикою мечтой», пока его не гонит вверх «вонючая метла» служительницы. Говоря, что безумец «создает и разрушает <...> сладострастные миры», он отсылает к собственному описанию свободной игры поэтического воображения в стихотворении «Гори звезда, дрожит эфир...»:

И я творю из ничего
Твои моря, пустыни, горы,
Всю славу солнца Твоего,
Так ослепляющего взоры.

И разрушаю вдруг шутя
Всю эту пышную нелепость,
Как рушит малое дитя
Из карт построенную крепость.

(Ходасевич 1983: 124–125)

Тем самым жалкие радости несчастного одинокого старика становятся гротескной параллелью к ситуации неприкаянного поэта-изгнанника, который мучается в чужом бездушном городе:

А солнце ясно, небо сине,
А сверху синяя пустыня...
И злость, и скорбь моя кипит,
И трость моя в чужой гранит
Неумолкаемо стучит.

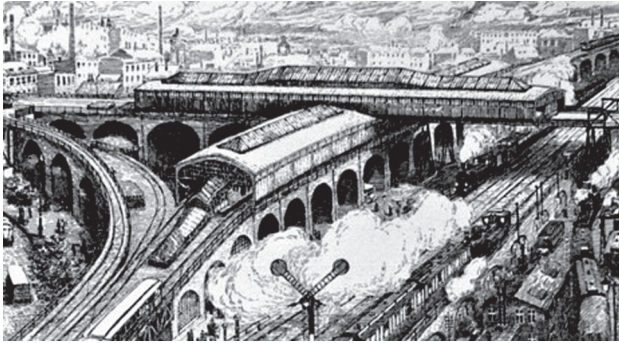
(Там же: 152–153)

Параллель поддерживается и тем, что трость – это общеизвестный фаллический символ.

*

Русские писатели – изгой, которым внутренняя жизнь города была враждебна и непонятна, – считали Берлин умирающим или мертвым городом, воплощением бесплодия; отсюда повторяющиеся у них мотивы камня и железа – каменные стены и мостовые, каменные пролеты, гранит в берлинских стихах Ходасевича или одержимость железными конструкциями и железной дорогой у ряда других авторов.

В то время как немецкие писатели выбирали в качестве метонимических изображений Берлина площадь Alexanderplatz (Александерплац), проспект Kurfürstendamm (Курфюрстендамм) и парк Tiergarten (Тиргартен) (см. об этом: Schütz 1994: 119–126), их русские коллеги нашли центральный символ чужого города в «Гляйсдрайеке» (нем. Gleisdreieck, букв. '[поворотный] железнодорожный треугольник') – двухуровневой надземной пересадочной станции метро, построенной на высокой эстакаде в 1912–1913 гг. До этого поезда двух линий ходили по поворотному треугольнику на одном уровне, не останавливаясь, из-за чего в 1908 и 1911 г. здесь произошли катастрофы с человеческими жертвами. Под эстакадой были проложены еще несколько железнодорожных путей для товарных и пассажирских поездов разного типа, городских и междугородних (см. илл. 1), что дало основание Шкловскому назвать Гляйсдрайек «форумом всех берлинских поездов» и «железным сердцем Германии». «Кругом, по крышам длинных желтых зданий, идут пути, – писал он, – пути идут по земле, по вы-

Илл. 1

Илл. 2

соким железным мостам, пересекают железные помосты, проходя по другим помостам, еще более высоким. Тысячи огней, фонарей, стрелок, железные шары на трех ногах, семафоры, кругом семафоры» (Шкловский 1923: 72–73).

Особо сильное впечатление на русских писателей и поэтов производил выход поездов метро из-под земли на виадук через арки, проделанные прямо в домах (см. илл. 2).

Эренбург увидел в нем некое символическое нарушение безликой буржуазной монотонности, кратковременный прорыв к «железной идиллии»:

В центре Берлина метрополитен, вырываясь из-под земли, дугой висит над городом. Это станция «Гляйс-драйэк». Рельсы. Гудки локомотивов. Огни семафоров. Железная идиллия. А дальше?.. А дальше – поезда снова врываются в землю (Эренбург 1991а: 8–9).

Необычный «нырок» поезда под землю легко поддавался символизации, поскольку почти автоматически ассоциировался с падением в преисподнюю. Так, Николай Асеев, который в самом конце 1927 г. провел в «унылом, скучном и сером» Берлине всего два дня, но успел набрать достаточно впечатлений для путевого очерка, включил в него стихотворение, заканчивающееся проклятием капиталистическому городу и его обитателям:

Одним движеньем яростным –
пусть пот прильет! –
подземки нижним ярусом
в провал, в пролет!

(Асеев 1964: 383)

Обостренный интерес русских к «Гляйсдрайеку», возможно, был связан с тем, что многие беглецы, не собиравшиеся надолго оставаться в Берлине, воспринимали весь город как огромный вокзал, пересадочную станцию, а себя – как транзитных пассажиров, на этой станции застрявших и ожидающих возможности уехать. Выбравшись из советского ада, они боялись, что Берлин – это ненадежное убежище, которое вскоре может разрушиться, и им придется снова куда-то бежать. Русский герой упомянутой выше «берлинской» повести О. Савича, живущий рядом с аркой, откуда каждые две минуты «вылетает унтергрунд прямо в небо», а земля трясется «далеким, потом под самыми ногами, потом уходящим подземным гулом», думает: «Страшновато – а вдруг все это, весь этот город не так уж прочен, если трясется земля?» (Савич 1926: 31).

Вид на Берлин и движение поездов в нескольких направлениях, открывавшийся с платформ «Гляйсдрайека», завораживал Пастернака, который привел туда Маяковского и радовался, что того тоже восхитили штуки, «которые, ныряя под землю или летя поверх крыш, <...> отпускает подземная железная дорога» (Пастернак 2004: 420). Сам Пастернак часто приходил на станцию вместе с Надеждой Залшупиной, секретарем издательства З. И. Гржебина, о чем мы знаем из воспоминаний ее берлинской подруги Евгении Каннак, писавшей:

В Берлине его воображение особенно поразила станция «Глейс-драйэк», где скрещивались линии городских поездов и метро. Надземные вагоны, прилетающие с запада, – а какие закаты открывались с верхнего вокзала! – с грохотом летели потом и очень высоко на уровне 5-х этажей, до станции Ноллендорф платц, а затем низвергались вниз, как в преисподнюю. Глейсдрайэк был главным образом пересадочной станцией, новых пассажиров там

было почему-то очень мало, и это обстоятельство тоже занимало Пастернака. «Это метро в никуда», – говорил он. Он любил взбираться вверх по высоким крутым лестницам и смотреть на скрещивающиеся внизу пути, похожие на геометрические чертежи¹².

В альбом Залшупиной Пастернак вписал посвященное ей стихотворение «Gleisdreieck», которое было впервые напечатано по рукописи лишь в 1958 году:

GLEISDREIECK

Надежде Александровне Залшупиной

Чем в жизни пробавляется чужак,
Что каждый день за небольшую плату
Сдает над ревом пропасти чердак
Из Потсдама спешащему закату?

Он выставляет розу с резедой
В клубящуюся на версты корзину,
Где семафоры спорят красотой
Со снежной далью, пахнущей бензином.

В руках у крыш, у труб, у недотрог
Не сумерки, – карандаши для грима.
Туда из мрака вырвавшись, метро
Комком гримас летит на крыльях дыма.

30 января 1923

Берлин

(Пастернак 2003: 232)

На первый взгляд стихотворение кажется лишь импрессионистской картиной красивого заката над зимним Берлином, увиденного с платформ Гляйсдрайека. Полушутливое описание построено по принципу загадки, когда реальный денотат замещается метафорой или метонимией из другого ряда. Чердак, в русской и

¹² Каннак Е. Борис Пастернак в Берлине. – Русская мысль (Париж). 1975. 17 ноября (цит. по комментарию Е. Б. Пастернака и Е. В. Пастернак: Пастернак 2003: 459).

западноевропейской романтической традиции жилище бедного стихотворца¹³, – это верхняя платформа (на высоте шестого этажа), с которой современный поэт смотрит на закат и индустриальный пейзаж; чужак, хозяин чердака, – это новый, модернистский Берлин, ответственный за нелепое сооружение, «метро в никуда», и прочие «чужачества»; клубящаяся корзина с розами и резедой – это закатное облачное небо, а окрашивающие его карандаши для грима, какими пользуются «недотроги» (вероятно, адресатка стихотворения одна из них), – силуэты фабричных и печных труб¹⁴.

Однако, как представляется, текст имеет и второй – символический – план, связанный с эсхатологическим дискурсом 1920-х годов, который пророчил гибель всей западной цивилизации, прежде всего с прогремевшей тогда книгой О. Шпенглера «Закат Запада» („Untergang des Abendlandes“, 1918, 1922; рус. пер. «Закат Европы», 1923). На возможность такой интерпретации указывает ряд образов, допускающих эсхатологическое истолкование: прежде всего, конечно, закат, то есть шпенглеровский *Untergang* (основные значения, кроме заката: ‘гибель, упадок, крушение’), рев пропасти, снег, покрывший землю, мрак, комок гримас (ср. нем. Grimm – ‘ярость, гнев’ и grimmig – ‘свирепый, лютый, мрачный’), крылья дыма. В конце стихотворения статичный городской пейзаж взрывает движение поезда, а поезд у Пастернака, как известно, часто ассоциируется с движением истории. Вырвавшись из подземного туннеля, «из мрака», он «летит» на запад, в сторону заходящего солнца, и вскоре должен снова уйти под землю, что может, как мы видели, метафорически предвещать гибель Берлина и, шире, всей западной культуры. Хотя Пастернак нигде прямо не говорит о гибели города, образы стихотворения и звуковой ряд последней строфы, в которой улавливаются омофонические и анаграмматические отголоски слов *труп* в *труб*, *умер* в *сумерки*,

¹³ См. об этом: Пеньковский 2012: 226–239.

¹⁴ В двух известных мне работах, где обсуждается «Gleisdreieck» (см.: Freise, Korkowsky 2011: 1–8; Utkin 2023: 38–40), «чердак» понимается буквально как жилище, которое Пастернак снимал у чужака-немца, любителя цветов, осколка уходящей в прошлое «идиллии Бидермайера».

город в недотрог и смерть в вырвавшись метро, указывают на то, что будущее Берлина и, шире, капиталистического Запада виделось ему в самом мрачном (закатном) свете¹⁵. В открытке С. Боброву, написанной 11 февраля 1923 г., меньше чем через две недели после написания «Gleisdreieck»¹⁶, он назвал Берлин «безличным Вавилоном»¹⁶, то есть отождествил его с архетипическим городом зла и порока, как историческим, гибель которого предсказал и засвидетельствовал пророк Исайя¹⁷, так и метафорическим, гибель которого возвестил один из Ангелов Апокалипсиса: «Пал, пал Вавилон, великая блудница, сделался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу, пристанищем всякой нечистой и отвратительной птице; ибо яростным вином блудодеяния своего она напоила все народы, и цари земные блудодействовали с нею и купцы земные разбогатели от великой роскоши ее» (Откр. 18:2).

Ясно, что, решив вернуться в Москву, Пастернак, как и многие русские «возвращенцы» в его положении, оправдывал свое решение отвращением к «безличному Вавилону». Поэтому эффективные идеи Шпенглера об обреченности на гибель современных капиталистических мегалополисов, прежде всего Берлина, не могли не прийтись по душе и ему, и другим новоявленным критикам бездуховного Запада. Согласно Шпенглеру, Берлин был «закатным городом», населенным «духовными мертвецами» и отмеченным бесплодием. Вопиющие симптомы необратимого разложения и деградации он усматривал повсюду: в иссякании живоносной чувственности, в бездетности и «расовом самоубийстве» (то есть в гомосексуальности и других нетрадиционных формах сексуальности), в таких уступках варварству в искусстве и образе

¹⁵ Закатная символика вкупе с темой упадка бездушного Запада, которому противопоставляется рассветный СССР, появится в стихотворении «Весеннюю порою льда...» (1932): «В краях заката стоял лед. / И по воде, оттаяв, / Гнездом сполоснутым плывет / Усадьба без хозяев. / Прощальных слез не осуша / И плакав вечер целый, / Уходит с Запада душа, / Ей нечего там делать. // Она уходит, как весной / Лимонной желтизною / Закатной заводи лесной / Пускаются в ночное. / Она уходит в перегной / Потопа, как при Ное, / И ей не боязно одной / Бездонною весной» (Пастернак 2003: 88).

¹⁶ Цит. по комментарию Е. Б. Пастернака и Е. В. Пастернак: Пастернак 2004: 441.

¹⁷ Ср.: «...пал, пал Вавилон, и все идолы богов его лежат на земле разбитые» (Ис. 21:9).

жизни, как «экспрессионизм, боксерские состязания, негритянские танцы <...> и гонки». Мировой город, писал Шпенглер, некогда центр и двигатель западной, «фаустианской» культуры, в XX веке превратился в «каменную массу», которая совершает «метафизический поворот к смерти» и в которой «исполненный высокого духа камень готических зданий после тысячелетней эволюции стилей превратился в бездушный материал для демонической каменной пустыни» (Spengler 1970: 99–103).

Риторика русских писателей, предсказывавших скорую гибель Берлину, перекликалась с историософской риторикой Шпенглера. Например, когда Андрей Белый клеймит Берлин, называя его «буржуазным Содомом», Тартаром, Аидом или египетским царством теней, и сокрушается по поводу кончины старой европейской культуры, победу над которой одержал дикий «варварский Дионис» в образе языческого африканского божества – «негра» Берлина, “негра” “новой” Европы; верней – образа смерти ее, ее рока» (Белый 1924: 33, 46, 60), он повторял филиппики Шпенглера. Демонический, безумный, обреченный Берлин Белого, каменный ад Ходасевича, железные лабиринты Шкловского – все эти и подобные представления служили фильтрами, которые пропускали лишь те берлинские впечатления, которые соответствовали общей исторической идее неминуемого апокалиптического падения. Воплощением этой позиции является русский поэт-модернист (возможно, его прототипом послужил Илья Эренбург) из незаконченного стихотворения Ходасевича «В кафэ», который

...сквозь дым английской трубки
Глядит, злорадно шуря взор,
Как бойко вскидывает юбки
Голодных женщин голый хор.
(Ходасевич 1983: 239)

В черновике следовала строфа, затем вычеркнутая:

Вот зрелище! Он им утешен:
Проклятый европейский мир

Истерт, изъеден, грязен, грешен,
Изношен до бесстыдных дыр.

(Там же: 405)

Немногочисленные писатели и поэты, оставшиеся в Берлине надолго и потерявшие надежду вернуться в Россию, выработали другую стратегию описания чужого города. Вместо осуждения «буржуазного Содома» и выискивания признаков его неизбежной исторической гибели они старались «минимизировать» Берлин, отодвинуть его на второй план, а на первый выдвинуть свои воспоминания о России, фантазии, личные переживания. Для них город и его обитатели становятся, как писал Набоков в английской версии автобиографии, «более или менее иллюзорными» (Nabokov 1966: 276), а воображаемые миры меняются местами с миром реальным: воспоминания, картины прошлого, мечты, тексты русской литературы, пришедшие на память, могут представляться более существенными, чем рутинное существование эмигранта в Берлине. Владимир Корвин-Пиотровский, например, начинает одно из своих стихотворений с берлинских топонимов, но тут же отказывается верить в их реальность и погружается в мир пушкинского «Пира во время чумы»:

Шарлоттенбург, Курфюрстендамм, – не верю, –
Я выдумал, проснусь и не пойму –
Спой песенку, задумчивая Мэри,
Как пела Дженни другу своему...¹⁸

В рассказе Сергея Горного «Братья» кульминацией является момент озарения на Фридрихштрассе, когда в сознании героя «все стало <...> отплывать как большая волна в час отлива: витрины, черные головы людского потока, все уносилось вспять» (Горный 1937: 238). Примерно так же деобъективируют Берлин набоковские герои – Ганин в «Машеньке» и Федор Годунов-Чердынцев в первой половине «Дара». Нырнув в сентиментальные воспоминания о дачно-петербургской первой любви, Ганин переживает их «как дейст-

¹⁸ Пиотровский В. Стихи к Пушкину. – Руль. 1928. № 2187. 5 февраля. С. 4.

вительность»: «Это было не просто воспоминанье, а жизнь, гораздо действительнее, гораздо “интенсивнее” – как пишут в газетах, – чем жизнь его берлинской тени». Когда он едет в автобусе по Берлину, ему кажется, «что чужой город, проходивший перед ним, только движущийся снимок» (II, 85, 83).

Вторая глава «Дара» начинается с подробнейшего рассказа о прогулке Федора по парку родового имения под Петербургом, и только в середине седьмого абзаца мы вдруг начинаем понимать, что прогулка происходит не в действительности, а в воображении героя, ожидающего берлинского трамвая на остановке:

...кругом все только что воображенное с такой картинной ясностью <...> бледнело, разъедалось, рассыпалось, и если оглянуться, то – как в сказке исчезают ступени лестницы за спиной поднимающегося по ней – все проваливалось и пропадало, – прощальное сочетание деревьев, стоявших как провожающие и уже уносимых прочь, полинявший в стирке клочок радуги, дорожка, от которой остался только жест поворота, трехкрылая, без брюшка, бабочка на булавке, гвоздика на песке, около тени скамейки, – <...> и еще через миг все это без борьбы уступило Федора Константиновича его настоящему, и, прямо из воспоминания (быстрого и безумного, находившего на него как припадок смертельной болезни в любой час, на любом углу), прямо из оранжерейного рая прошлого он пересел в берлинский трамвай (IV, 263–264).

Нет никаких сомнений, что сам Набоков нередко испытывал подобные «припадки» и такие же приступы острой ненависти к Берлину, немцам и всему немецкому, как Федор в берлинском трамвае после возвращения из идиллического мира воспоминания в реальность:

...в нем росла смутная, скверная, тяжелая ненависть <...> и к безнадежно знакомым, безнадежно некрасивым улицам, шедшим за мокрым окном, а главное – к ногам, бокам, затылкам туземных пассажиров. <...> Русское убеждение, что в малом количестве немец пошел, а в большом – пошел нестерпимо, было, он знал это, убеждением, недостойным художника; а все-таки его пробирала дрожь... (IV, 264)

Еще в июле 1926 г. он писал жене: «Меня тошнит от немецкой речи, – нельзя ведь жить одними отраженьями фонарей на асфальте, – кроме этих отблесков, и цветущих каштанов, и ангелоподобных собачек, ведущих здешних слепых, есть еще вся убогая гадость, грубая скука Берлина, привкус гнилой колбасы и самодовольное уродство. Ты это все понимаешь не хуже меня. Я предпочел бы Берлину самую глухую провинцию в любой другой стране» (Набоков 2019: 142). В его лирике 1920-х годов Берлин фактически отсутствует и упоминается лишь однажды – в названии диптиха «Берлинская весна» (1925), если не считать, конечно, помет, указывающих дату и место написания стихотворений. Зато Набоков-прозаик очень рано понял, что и в чужом городе можно найти разнообразный материал для построения своих вымышленных миров. Для этого, считал он, нужно полностью отказаться от генерализирующих и историзирующих описаний и сосредоточиться на необычных деталях берлинских зданий, улиц, площадей, парков, на выразительных уличных сценках, на красках и освещении городских пейзажей. В 1924–1925 годах Набоков пишет четыре бессюжетных рассказа – «Благость» (1924), «Письмо в Россию» (1925), «Драка» (1925), «Путеводитель по Берлину» (1925), в которых повествование ведется от лица молодого эмигранта, обживающего Берлин, во многих отношениях *alter ego* автора. Рассказчик «Благости» – скульптор, страстно влюбленный в лживую, подлую женщину. Назначив ей свидание у Бранденбургских ворот, он безнадежно ждет ее больше часа, наблюдает за прохожими и сидящей поодаль старушкой в смешно подтянутой юбке, продавщицей цветных открыток, к которой, как и к нему, никто не подходит. Дело происходит осенью, поднимается холодный ветер, и тут старушку подзывает к себе солдат из окна гауптвахты. Он протягивает ей дымящуюся кружку кофе, и она долго, медленными глотками, с «совершенным, глубоким, сосредоточенным наслаждением» пьет, согревая ладони о «теплую жечь». Потом выбирает две открытки и дает их солдату вместе с пустой кружкой. Эти спонтанные проявления доброты (перевожу буквально английское выражение “random acts of kindness”) «согревают душу» рассказчику, и он начинает чувствовать «...нежность

мира, глубокую благодать всего, что окружало меня, сладостную связь между мной и всем сущим, – и [я] понял, что радость <...> дышит вокруг меня повсюду, в пролетающих уличных звуках, в подоле смешно подтянутой юбки, в железном и нежном гудении ветра, в осенних тучах, набухающих дождем. Я понял, что мир вовсе не борьба, не череда хищных случайностей, а мерцающая радость, благодатное волнение, подарок, не оцененный нами» (I, 113–114). Умиротворенный, рассказчик уходит в свою мастерскую:

Я пошел прочь по вечеряющим улицам, заглядывал в лица прохожим, ловил улыбки, изумительные маленькие движения, – вот прыгает косица девчонки, бросающей мячик о стену, вот отразилась божественная печаль в лиловатом овальном глазу у лошади; ловил я и собирал все это, <...> и в пальцах я ощутил мягкую щекотку мысли, начинающей творить (I, 114).

Несмотря ни на что, чувствует себя счастливым и рассказчик «Письма в Россию», писатель, который по ночам выходит погулять по Берлину и тоже «собирает» всяческие зрительные и слуховые впечатления для будущих книг. В конце письма своей первой возлюбленной, оставшейся в России, он гордо заявляет, что его счастье – это вызов, брошенный, как можно понять, одиночеству, изгнанию, мировой пошлости и, в конечном счете, «дуре-истории»:

Прокатят века, – школьники будут скучать над историей наших потрясений, – все пройдет, все пройдет, но <...> счастье мое останется, – в мокром отражении фонаря, в осторожном повороте каменных ступеней, спускающихся в черные воды канала, в улыбке танцующей четы, во всем, чем Бог окружает так щедро человеческое одиночество (I, 162).

В «Драке» рассказчик (подобно самому Набокову) ездит купаться в Груневальд¹⁹, где знакомится с немцем Краузе, хозяином кабачка, куда начинает иногда заходить. Однажды он становится свидетелем

¹⁹ О частых поездках Набокова в Груневальд в июне – июле 1926 г. см.: Набоков 2019: 94–145.

того, как Краузе избивает жениха своей дочери. Но начатый было сюжет, однако, остается без мотивировок и продолжения, поскольку, как объясняет рассказчик, «...дело вовсе не в страданиях и радостях человеческих, а в игре теней и света на живом теле, в гармонии мелочей, собранных вот сегодня, вот сейчас единственным и неповторимым образом» (I, 75).

О «маловажных мелочах», увиденных за день, рассказывает своему собеседнику нарратор «Путеводителя по Берлину»: вот огромные черные трубы на снегу, вот трамвай и трамвайный кондуктор, вот разные работы, увиденные из трамвайного окна, вот морские звезды и черепахи в аквариуме Зоологического сада, который он называет «искусственным раем». Рассказ заканчивается детальным описанием пивной, в которой происходит разговор, причем точка зрения здесь раздваивается: пивную рассказчик видит как изнутри, из зала, где он сидит с приятелем, так и – через зеркало – извне, из задней комнаты, глазами наблюдающего оттуда за происходящим ребенка, сына хозяина. Нарратор радуется, что смог «подглядеть чье-то будущее воспоминание» – то есть увидеть всю сцену в пивной так, как она навсегда запечатлелась в памяти мальчика. Взгляд словно бы из будущего, остраняющий увиденное, согласно Набокову, и есть единственно правильная позиция художника, когда он описывает современность. Как он формулирует в том же «Путеводителе по Берлину», задача писателя состоит в том, чтобы «изображать обыкновенные вещи так, как они отразятся в ласковых зеркалах будущих времен, находить в них ту благоуханную нежность, которую почуют только наши потомки в те далекие дни, когда всякая мелочь нашего обихода станет сама по себе прекрасной и праздничной» (I, 178).

Позиция рассказчиков ранних «берлинских» рассказов Набокова в некоторых отношениях похожа на коллекционирование парижских впечатлений бодлеровским «совершенным фланером, ненасытным наблюдателем» (« le parfait flâneur, <...> l'observateur passionné ») или «фланером-художником» (« un flâneur artistique ») (см.: Baudelaire 1923: 218; Baudelaire 1919: 70)²⁰, но имеет одно крайне

²⁰ Краткий, но в высшей степени содержательный обзор основной литературы о парижских фланерах см.: Мильчина 2019: 437–444.

существенное отличие. Если главный объект наблюдений фланера середины XIX века в понимании Бодлера – это люди современной эпохи, их изменчивые типы, отношения и нравы, семиотика одежды и манер, то наблюдатели Набокова почти полностью игнорируют городскую толпу и социально-историческую обусловленность ее поведения и вкусов. Они читают город чисто эстетически, связывая его со своей собственной судьбой и с потребностью в стимуле и материале для творчества. В этом смысле они больше напоминают художников-импрессионистов, которых тоже считали фланерами, но фланерами особого рода (см.: Herbert 1991: 33–36). Для Эдуарда Мане, например, – писал его друг Антонин Пруст в своих мемуарах, – «зрение играло столь большую роль, что Париж никогда не знал фланера, подобного ему, и притом фланера, который фланировал бы с такой пользой» (Proust 1913: 29). Он вспоминает одну прогулку с художником в 1861 году, когда они отправились в район, где по плану барона Османа сносили старые дома и сады, чтобы проложить бульвар Мальзерб:

На каждом шагу Мане останавливал меня. Вот кедр, который в одиночестве возвышается посреди уничтоженного сада. Казалось, он ищет под своими длинными ветками цветники с раздавленными цветами. «Ты видишь кожу этого дерева и фиолетовые тона теней?» – спрашивал меня Мане. Вдалеке рабочие, сносившие здание, выделялись своей белизной на фоне тоже белой, но более темной стены – она рушилась под их ударами, обволакивая всех облаком пыли. Мане замер и долго с восхищением взирает на этот спектакль. «Это же симфония, – воскликнул он, – симфония в белом мажоре, о которой говорит Теофиль Готье» (Там же: 40).

Мане не рефлектирует по поводу победы модерности над архаикой, не оплакивает средневековый Париж, не думает об эксплуатации и тяжелом труде строительных рабочих и при виде их вспоминает не «Коммунистический манифест», а эстетское стихотворение Готье «Симфония в белом мажоре» («*Symphonie en blanc majeur*», 1849; в пер. Н. С. Гумилева «Симфония ярко-белого») из его эстетского сборника «Эмали и камеи» (1852). Художника-фланера интересуют

лишь необычные сочетания и оттенки цветов или фактура древесного ствола. Набоков тоже вылавливает из увиденного и услышанного на улицах огромного города подобные «маловажные мелочи», из которых он строит свой собственный, многоцветный и многозвучный образ Берлина. Этот образ с самого начала был полемически направлен против стереотипных представлений о Берлине как унылом городе с одинаковыми улицами и домами, в первую очередь против Шкловского и Эренбурга²¹. С точки зрения Набокова, невнимание к деталям и, как следствие, игнорирование различий – это один из серьезнейших эстетических грехов. Он убежден, говоря словами одного из его симпатичных героев, что «художник видит именно разницу. Сходство видит профан» (III, 421). Применительно к Берлину и его описаниям ту же мысль высказывает «нежный» герой рассказа «Занятой человек» (1931). «...почему никто не замечает, что на самой скучной улице дома все разные, разные, – сокрушается он, – и сколько есть на них, да и на всем прочем, никчемных на вид, но какой-то жертвенной прелести полных украшений?» (III, 556).

В ранних рассказах Набокова способность увидеть Берлин эстетически дана не только русским фланерам, которые по определению не полностью интегрированы в чужую городскую среду, но и избранным немцам, поставленным в необычную ситуацию. Так, в «Катастрофе» (1924; авторское название английского перевода “Details of a Sunset” [«Подробности заката»]) красота города открывается влюбленному и счастливому приказчику Марку трижды – когда он, сильно пьяный, возвращается домой после пирушки с товарищами перед свадьбой; когда на следующий день он, пьяноватый, после работы едет в трамвае к невесте и любитесь верхними этажами зданий, которые «были теперь омыты ярким охряным блеском, воздушной теплотой вечерней зари, и оттого волшебными, неожиданными казались эти верхние выступы, балконы, карнизы, колонны, резко отделяющиеся желтой яркостью

²¹ О «Путеводителе по Берлину» как пародии на Шкловского см.: Ронен 1999: 164–172; Долинин 2019b: 350.

своей от тусклых фасадов внизу» (I, 145); и, наконец, перед смертью, когда он, прыгнув из трамвая на ходу и угодив под омнибус, лежит на мостовой и смотрит на те же верхние этажи, чудесно преображенные в его угасающем сознании:

Там, в вышине, Марк различал сквозные портики, фризy и фрески, шпалеры оранжевых роз, крылатые статуи, поднимающие к небу золотые, нестерпимо горящие лиры (I, 146).

Другому молодому немецкому приказчику – провинциальному болвану Францу, герою первого «немецкого» романа Набокова «Король, дама, валет» (1928) – подобные прозрения не даны, ибо он страдает близорукостью (как в прямом, так и в переносном смысле слова). В поезде, когда Франц едет в Берлин, чтобы получить обещанное ему место в роскошном магазине Курта Драйера, его троюродного дяди, он рисует себе открыточные картины столицы: цветистая толпа на Унтер-ден-Линден, Бранденбургские ворота, недавно построенная радиобашня (Berliner Funkturm) в огнях²² и, наконец, вожаемый сияющий магазин, где он – «в визитке, в полосатых штанах, в белых гетрах – <...> направлял покупателей в нужные им отделы» (II, 139). Реальный же город он увидел не скоро, потому что в первый же вечер раздавил единственные очки, и столица представилась ему «призрачно окрашенной, расплывчатой, словно бескостной, ничуть не похожей на его грубую провинциальную мечту» (II, 146). Потом, гуляя по городу, Франц никак «не мог выполнить свой давнишний, роскошнейший план – поблуждать по ночным огнистым улицам, присмотреться к волшебным ночным домам» (II, 167). Унтер-ден-Линден оказывается «скучной улицей», Бранденбургские ворота заставлены лесами, в музее древностей он не находит ничего интересного (II, 167), а комнату он снимает на западной окраине города, близ последней станции метро, на «тихой, бедной, кончавшейся тупиком» (II, 195) улице, недалеко от новой виллы, где

²² Упомянется также в «Отчаянии»: «Была черная ветреная ночь, каждые несколько секунд промахивал над крышами бледный луч радиобашни, – световой тик, тихое безумие прожектора» (III, 435).

живут его дядя с женой. Описания этого района носят условный характер, и их не удастся локализовать. Правда, Набоков указывает, что к вилле дяди ведет проспект, по которому ходят 113-й и 108-й трамваи, но это маршруты вымышленные. В Берлине 1920-х годов трехзначные номера с единицей в начале присваивались маршрутам, которые представляли собой продолжение или ответвление основных линий с номерами от 10 до 99. Соответственно, трамвай № 113 продолжал маршрут 13 до Руммельсбурга на востоке Берлина, а трамвая 108 вообще не существовало и не могло существовать, так как маршрут № 8 на западе Шарлоттенбург – Груневальд – Шарлоттенбург, в 1925 или 1926 г. отмененный, был круговым (Grunewaldring)²³. Еще один пример намеренного смещения берлинской реалии с востока на запад привел Дитер Циммер. В главе 21 Набоков перенес Криминальный музей (Kriminalmuseum) с Александерплац, где он размещался в здании Полицейского управления, на улицу Альт-Моабит (Alt-Moabit), в здание Уголовного суда, и сделал его открытым для публики²⁴.

Если почти все берлинские адреса в «Короле, даме, валете» фиктивны или приблизительны, то изображение тех гламурных сторон берлинской жизни, о которых шла речь в начале статьи, весьма точно и выдает близкое знакомство Набокова с массовой городской культурой веймарской Германии. Провинциал Франц первым делом обращает внимание на модную одежду («некоторые прохожие были чудесно, прямо чудесно одеты! Например: клетчатые шаровары, подобранные мешком ниже колена <...>. Затем был щеголь в двубортном пиджаке, очень широком в плечах и донельзя обтянутом на бедрах <...>. И превосходные были шляпы, и галстуки как пламя, и какие-то голубиные гетры» – II, 159–160) и сам быстро ухватывает повадки «модных щеголей». По воскресеньям он, подражая им, фланирует по «нарядной улице в западной части города» (имеется в виду Курфюрстендамм) особой походкой: «состояла она в том,

²³ См.: Berlin und Umgebung 1927: 40 (2-й пар.); Berlin und Umgebung 1921: 14.

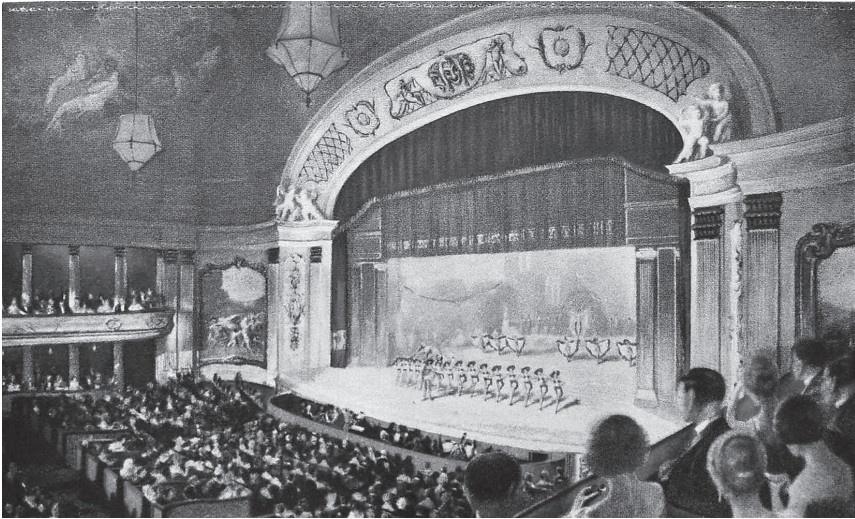
²⁴ См.: Zimmer 2001: 72–75; Zimmer, D. E. Nabokov's Berlin. Presentation at the International Vladimir Nabokov Symposium. St. Petersburg, July 15, 2002. – <http://www.dezimmer.net/Root/nabberlin2002.htm>

чтобы, вытянув и скрестив руки (непременно в хороших перчатках) на животе, – будто придерживаешь пальто, – ступать очень медленно и плавно, выкидывая ноги носками врозь» (II, 208). Троица героев романа – «валет» Франц, «король» Драйер и его неверная «дама» Марта, изменяющая ему с «валетом» и планирующая его убийство, – окружены рекламой разного вида, печатной, световой, витринной, и в большой степени подвержены ее воздействию. Драйер, «случайный коммерсант», который видит в торговле своего рода эрзац творчества или спорта, увлекается идеей создания движущихся манекенов, но потом, когда изобретатель демонстрирует ему готовые фигуры, теряет к ним интерес: «Эти электрические лунатики двигались слишком однообразно, и что-то неприятное было в их лицах <...> – от них теперь веяло скукой» (II, 296)²⁵.

Большое внимание уделено в романе и «модерной» культуре развлечений. Драйер много занимается спортом (гимнастика, горные лыжи, теннис) и безуспешно пытается приохотить к этому племянника; Франц и особенно Марта любят кино, а когда обманутый муж уезжает на лыжный курорт, ходят по вечерам танцевать в модные танцзалы и кафе; все троим они отправляются на спектакль варьете в один из больших берлинских залов – судя по описанию программы и тесных лож, в „Scala“ (см. илл. 3). Их реакция на представление выдает различие характеров и вкусов.

Жизнелюбивый весельчак Драйер приходит в восторг от веселых цирковых номеров, а тупые похотливые любовники млеют от сладкой, тягучей, «созвучной их любви» мелодии, которую в полутьме играет скрипачка, попеременно освещаемая то розовым, то зеленым светом (сочетание цветов, которое у Чехова в «Трех сестрах» символизирует дурной вкус). Позиция Набокова по отношению к новой немецкой индустрии развлечений совершенно ясна. Он готов принять в ней то, что эстетически и этически безобидно и носит игровой и соревновательный характер, но отвергает и критикует все пошлое, агрессивное, дегуманизирующее человека.

²⁵ О коммерциализированной культуре Веймарской Германии как главном контексте романа см.: Parker 2018: 390–416; Rubins 2022: 369–389.

Илл. 3

Амбивалентный образ Берлина и его жителей, как автохтонов, так и пришельцев из России, созданный Набоковым в прозе второй половины 1920-х годов, – образ, который резко отличался от одномерных филиппик его русских современников, – получил свое развитие в следующем десятилетии. Постепенно набоковский Берлин, в первую очередь западный, приобретает все более определенные очертания. Думаю, не прав немецкий журналист Томас Урбан, предположивший, что Набоков «по-настоящему Берлина и не знал» и только во время прогулок с новорожденным сыном в 1934 году «у него появилось пространственное представление» о городе (Урбан 2014: 140). Уже в «Подвиге» (1931–1932) берлинские маршруты героя довольно точно соответствуют реальной топографии. В свой первый приезд Мартын находит «те улицы <...>, тот перекресток, ту площадь, которые он видел в детстве» (некоторые из них названы), и даже посещает когда-то напугавший его «пассажный паноптикум», теперь потерявший «свою страшную прелесть» (III, 196)²⁶. В

²⁶ Имеется в виду „Kaiser-Galerie Panoptikum“, находившийся в крытом пассаже на углу Унтер-ден-Линден и Фридрихштрассе. Сам Набоков вместе с братом Сергеем под присмотром гувернера провел в Берлине три месяца осенью 1910 г., куда их отправили

последний раз он ненадолго останавливается в Берлине на пути в Латвию, откуда собирается перейти советскую границу. Приехав на Ангальтский вокзал (Anhalter Bahnhof; разрушен во время Второй мировой войны), расположенный в западной части города, Мартын отправляется на вокзал Фридриха (Friedrichstraße Bahnhof) на востоке – сначала пешком, а потом на автобусе, который проезжает под аркой Бранденбургских ворот²⁷. Затем на такси едет в латвийское консульство за визой через Тиргартен и Гераклов мост (Herculesbrücke; разрушен во время войны)²⁸, замечая на мосту недавно отреставрированного «каменного льва Геракла» (III, 232–234) (см.: Zimmer 2001: 57).

По нескольким едва заметным деталям в «Камере обскуре» Дитеру Циммеру удалось установить адреса двух берлинских квартир главного героя – семейной на Kleiststraße, где он жил с женой и дочерью, и той, где поселился с любовницей (Kaiserallee 56)²⁹.

лечить зубы. В английском варианте автобиографии он вспоминал, что из всех дневных берлинских развлечений Сергей больше всего любил паноптикум в пассаже, отходящем от Унтер-ден-Линден, а он сам – магазин бабочек в другом конце того же пассажа (см.: Nabokov 1966: 204–205). По хронологии романа, предложенной Н. Букс и приуроченной к общепринятой хронологии «Евгения Онегина», первую поездку Мартына в Берлин следует датировать апрелем 1923 г. (см.: Букс 1998: 66–68). В таком случае посещение паноптикума следует признать анахронизмом, поскольку он был закрыт в конце 1922 г., а в феврале 1923 г., как сообщали немецкие газеты, восковые фигуры из него распродавались на аукционе. Этому событию Йозеф Рот посвятил очерк «Философия паноптикума» в газете „Berliner Börsen-Courier“ за 25 февраля. Он начинался так: «В пассаже “Унтер ден Линден” проходит исторический аукцион: распродается последний берлинский паноптикум. Целый мир воска, курьезов, поддельного сходства и неподдельного ужаса идет с молотка оптом и в розницу» (Рот 2013: 18). Как представляется, время действия «Подвига» точному исчислению не поддается; к схожему выводу пришел и Г. Утгоф в докладе «“Там проходил Норд-Экспресс”: Из материалов к творческой истории романа В. Набокова-Сирина “Подвиг”» на семинаре памяти Ю. М. Лотмана (Тарту, 26–28 февраля 2023 г.)

²⁷ О мотивировке и символике этого не вполне обычного маршрута см. комментарии А. Долинина и Г. Утгофа (III, 740–741).

²⁸ В 1920-е годы генеральное консульство Латвийской Республики дважды меняло свой адрес. Сначала оно находилось на Belle-Alliance-Straße 14a, затем на Viktoriastraße 31 и, наконец, на Burggrafenstraße 13, куда, судя по маршруту такси, и направляется Мартын. Этот адрес лучше соотносится с временем написания, чем с предполагаемым временем действия романа.

²⁹ См.: <http://www.dezimmer.net/Root/nabberlin2002.htm>

В третьей главе «Дара» Набоков очень точно описал дом странной архитектуры на Несторштрассе, 22, в котором они с женой снимали квартиру с 1932 по 1936 г. и куда он поселил Федора Годунова-Чердынцева (IV, 342–343, 354–355)³⁰. Подробно описан и проход героя от Виттенбергской площади (Wittenbergplatz) мимо знаменитого универмага KDW к русскому книжному магазину на неназванной Пассауэрштрассе (Passauer Straße 3), где он встречает множество русских знакомых (IV, 346–347)³¹. Сходными описаниями прогулок Федора изобилует пятая глава. Любознательный читатель легко может проследить по старой карте Берлина его путь от крематория, где он присутствовал на церемонии прощания с Александром Яковлевичем Чернышевским, по улице Гогенцоллерндам до площади Фербеллинер (Fehrbelliner Platz) и Прусского парка (IV, 488–489)³², или от дома до пляжа в Груневальдском лесу (IV, 503–507)³³, или на автобусе к Штеттинскому вокзалу (IV, 533–534)³⁴.

Большое количество отсылок к разнообразным берлинским реалиям в прозе 1930-х годов – не только к определенным пространствам, но и к средствам передвижения, развлечениям, рекламам, модам и т. п. – отнюдь не означает, что Набоков ставил своей задачей фотографически точное изображение города. Во многих случаях он лишь создает иллюзию достоверности, а на самом деле изменяет реальные названия улиц или придумывает новые, удлинняет или укорачивает маршруты, подробно описывает места, которых не существует в действительности. Так, «Дар» начинается с переезда героя в дом «номер семь по Танненбергской улице», которая начиналась почтамтом и кончалась церковью, «как эпистолярный роман» (IV, 191–192). Название звучит весьма правдоподобно, потому что Танненбергские улицы имелись во многих городах Германии, а в Берлине существовала (и до сих пор существует) Танненбергская

³⁰ См.: Zimmer 2001: 96–99; Долинин 2019а: 215, 233, 255.

³¹ См.: Долинин 2019а: 240–242.

³² См.: Там же: 510–513.

³³ См.: Там же: 524–530.

³⁴ См.: Там же: 547–548.

аллея (Tannenbergallee). Однако это была именно пригородная аллея, а не городская улица; на ней находились дорогие виллы, а не доходные дома и дешевые лавки, и снять там квартиру бедный русский эмигрант при всем желании не смог бы. По-видимому, Набоков поселил Федора на несуществующей улице, чтобы напомнить о событии, с которого и для России, и для Германии начался настоящий, не календарный XX век, – о битве при деревне Танненберг в восточной Пруссии (26–30 августа 1914 г.), где немецкая армия под командованием будущего президента Германии Пауля фон Гинденбурга нанесла сокрушительное поражение русской армии генерала Самсонова. В послевоенной Германии эта победа легла в основу милитаристского патриотического мифа о великом прошлом и еще более великом будущем немецкого государства; в 1927 г. близ Танненберга на месте сражений был с большой помпой открыт большой мемориальный комплекс, а в августе 1934 г., когда Набоков начал работу над «Даром», здесь по личному приказу Гитлера торжественно похоронили скончавшегося Гинденбурга (см. илл. 4).

Думаю, Набоков не мог не учитывать идеологические импликации Танненберга, поскольку одна из основных антитез «Дара» – противопоставление индивидуальной творческой памяти художника (по его определению, особой формы воображения) ложной памяти коллективной, навязываемой человеку государством или влиятельным сообществом.

С въезда героя в новое жилище начинается и страшный рассказ Набокова «Королек» (1934; написан в июле 1933 г.), но его нарратор сразу же «обнажает прием», показывая, что место действия – дом где-то в пролетарских районах Берлина – есть фикция, создаваемая им *ad hoc* прямо на наших глазах, декорация без названия и локализации:

Собираются, стягиваются с разных мест вызываемые предметы, причем иным приходится преодолевать не только даль, но и давность: с кем больше хлопот, с тем кочевником или с этим – с молодым тополем, скажем, который рос поблизости, но теперь

Илл. 4. Фотография из журнала
«Иллюстрированная Россия»
(1934. № 34. 18 августа. С. 7)

ПАМЯТНИКЪ ВЪ В. ПРУССИИ ВЪ ОЗНАМЕНОВАНИЕ БИТВЫ ПОДЪ ТАННЕНБЕРГОМЪ
Здѣсь происходило недавно торжество погребенія Гинденбурга.

давно срублен, или с выбранным двором, существующим и по сей час, но находящимся далеко отсюда? Поторопитесь, пожалуйста.

Вот овальный тополек в своей апрельской пунктирной зелени уже пришел и стал где ему приказано – у высокой кирпичной стены – целиком выписанной из другого города. Напротив вырастает дом, большой, мрачный и грязный, и один за другим выдвигаются, как ящики, плохонькие балконы. Там и сям распределяются по двору: бочка, еще бочка, легкая тень листвы, какая-то урна и каменный крест, прислоненный к стене. И хотя все это только намечено и еще многое нужно дополнить и доделать, но на один из балкончиков уже выходят живые люди – братья Густав и Антон, – а во двор вступает, катя тележку с чемоданом и кипой книг, новый жилец – Романтовский (III, 629–630).

Далее в эту сцену Набоков вводит подробность, отсылающую к актуальному политическому событию – к выборам в Рейхстаг 5 марта 1933 г., после которых Гитлер установил полную диктатуру и окончательно уничтожил многопартийную демократию:

В блеске солнца остались тележка с книгами, бочка, другая бочка, мигающий тополек и надпись дегтем на кирпичной стене. Голосуйте за список номер такой-то. Ее перед выборами намалевали, вероятно, братья.

Мы устроим мир так: всяк будет потен, и всяк будет сыт. Будет работа, будет что жрать, будет чистая, теплая, светлая... (III, 630)

Хотя номер партийного списка не назван, нет никакого сомнения, что имеется в виду список номер 1, с которым на выборы шла национал-социалистическая германская рабочая партия (NSDAP) Гитлера. Ее лозунгом была аллитеративная формула из трех слов (см. предвыборный плакат на илл. 5): „Arbeit und Brot“ (‘труд и хлеб’), которую Набоков пародирует оборванными стихами в конце последней цитаты. Чуть ниже она дается еще раз, но в краткой форме, приближенной к оригиналу: «...мир будет потен и сыт» (III, 631).

Рассказ, заканчивающийся тем, что brutальные братья (один из них носит усы, подстриженные трапецией, как у Гитлера) убивают нового соседа, загадочного книгочея Романтовского (на самом деле фальшивомонетчика), в котором они видят непонятого и ненавистного Другого, тогда следует читать как исследование одномерного агрессивного сознания *Homo hitlericus*, продолженное потом в «Облаке, озере, башне», как своего рода предчувствие Холокоста.

Подводя итоги, можно сказать, что Набоков был единственным русским писателем, которому удалось сделать Берлин основным местом действия своей прозы. Персонажи двух десятков его рассказов и всех романов 1920–30-х годов, за исключением «Приглашения на казнь», как русские эмигранты, так и автохтоны, либо

Илл. 5

живут в Берлине, либо посещают его. «Даже Берлин может быть таинственным», – декларирует Набоков устами Годунова-Чердынцева в «Даре» (IV, 357), и город, созданный его воображением и наблюдениями, подтверждает эту максиму. Вальтер Беньямин, рецензируя замечательную книгу своего друга и соавтора Франца Хесселя (Franz Hessel, 1880–1940), коренного берлинца, «Прогулки по Берлину» („Spazieren in Berlin“, 1929), заметил, что большинство описаний городов принадлежит приезжим: «Только на чужака (*Fremde*) производит впечатление то, что происходит на поверхности, экзотичное, живописное» (Benjamin 1991: 194). Набоков, несомненно, был таким чужаком, чей образ Берлина лишен исторической глубины, но в контексте русской литературы, для которой этот образ предназначался, она и не требовалась. Достаточно было того, что, в отличие от всех своих русских современников, Набоков смог описать чужой и чуждый ему город без предубеждений и пристрастия.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Адамович Г. В., Кантор М. Л. 1936. Якорь: Антология зарубежной поэзии / Сост. Г. В. Адамович и М. Л. Кантор. Berlin: Петрополис.
- Анциферов Н. П. 1991. Душа Петербурга. – Анциферов Н. П. «Непостижимый город...»: Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина. СПб.: Лениздат. С. 24–175.
- Асеев Н. Н. 1964. Берлин. – Асеев Н. Н. Собр. соч.: В 5-ти тт. Т. 5: Проза: 1916–1963. М.: Издательство «Художественная литература». С. 378–384.
- Белый А. 1924. «Одна из обителей царства теней». Л.: Государственное издательство.
- Белый А., Иванов-Разумник 1998. Андрей Белый и Иванов-Разумник: Переписка / Публикация, вступительная ст. и комментарии А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада. Подготовка текста Т. В. Павловой, А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб.: Atheneum; Феникс.
- Берберова Н. 1983. Курсив мой: Автобиография: В 2-х тт. 2-е изд., исправленное и дополненное. Т. I. New York: Russica Publishers.
- Букс Н. 1998. Эшафот в хрустальном дворце: О русских романах Владимира Набокова. М.: Новое литературное обозрение.
- Гессен И. В. 1979. Годы изгнания: Жизненный отчет. Paris: YMCA-Press.
- Горлин М. 1934. Ночами. – Современные записки. [Т.] LVI. С. 209.

- Горный С. 1937. Только о вещах. Berlin: Петрополис.
- Гуль Р. 1927. Жизнь на фукса. М.; Л.: Государственное издательство.
- Долинин А. 2019а. Комментарий к роману Владимира Набокова «Дар». М.: Новое издательство.
- Долинин А. 2019b. Три заметки о романе «Дар». – Долинин А. Истинная жизнь писателя Сирина: Работы о Набокове. Изд. 2-е, дополненное. СПб.: Symposium. С. 321–369.
- Лидин Вл. 1926. Великий материк. М.; Л.: Государственное издательство.
- Маяковский В. В. 1959. Доклад «Что делает Берлин?». – Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: В 13-ти тт. Т. 12: Статьи, заметки и выступления: Ноябрь 1917 – 1930. М.: Государственное издательство художественной литературы. С. 462–464.
- Мильчина В. 2019. Парижане о себе и своем городе: «Париж, или Книга Ста и одного» (1831–1834). М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Набоков (Сиринъ) В. 1999–2000. Собр. соч. русского периода: В 5-ти тт. СПб.: Симпозиум.
- Набоков В. 2019. Письма к Вере / Комментарии Ольги Ворониной и Брайана Бойда. Вступительная ст. Брайана Бойда. Пер. ст. и комментариев Александры Глебовской. СПб.: «Азбука-Аттикус».
- Пастернак Б. Л. 2003. Полн. собр. соч. с приложениями: В 11-ти тт. Т. II: Спекторский. Стихотворения: 1930–1959 / Сост. и комментарии Е. Б. Пастернака и Е. В. Пастернак. М.: Слово/Slovo.
- Пастернак Б. Л. 2004. Полн. собр. соч. с приложениями: В 11-ти тт. Т. VII: Письма: 1905–1926 / Сост. и комментарии Е. В. Пастернак и М. А. Рашковской. М.: Слово/Slovo.
- Пеньковский А. Б. 2012. Исследования поэтического языка пушкинской эпохи: Филологические исследования / Под общей ред. И. А. Пильщикова. М.: Знак.
- Ронен О. 1999. Пути Шкловского в «Путеводителе по Берлину». – Звезда. № 4. С. 164–172.
- Рот Й. 2013. Берлин и окрестности / Пер. с нем и сост. М. Рудницкого. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Савич О. 1926. Пансион фон-Оффенберг. – Красная новь. Кн. 8. С. 31–56.
- Справочник-Альманах 1922. Справочник-Альманах: С 8 портретами, 2 диаграм. и политической картой Европы / Под ред. Г. В. Франка. Берлин: Книгоиздательство „Аргонавты“.

- Сегал С. 1923. Русская жизнь в Берлине. – Русский иллюстрированный мир (Вена). № 1. С. 12.
- Тиме Г. А. 2011. Путешествие Москва – Берлин – Москва: Русский взгляд *другого*: 1919–1939. М.: РОССПЭН.
- Толстой А. Н. 1924. Черная пятница: Рассказы 1923–1924 гг. Л.: Издательство «Атеней».
- Третьяков С. М. 1991. Люди одного костра. – Третьяков С. М. Страна-перекресток: Документальная проза. М.: Советский писатель. С. 307–440.
- Урбан Т. 2014. Русские писатели в Берлине в 20-е годы XX века / Пер. Т. Цапалиной. СПб.: Лики России.
- Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. 1983. Русский Берлин 1921–1923: По материалам архива Б. И. Николаевского в Гуверовском институте. Paris: YMCA-Press.
- Ходасевич Вл. 1983. Собр. соч. / Под ред. Дж. Мальмстада и Р. Хьюза. Т. 1: Стихотворения. Ann Arbor: Ardis.
- Шкловский В. 1923. Zoo, или Письма не о любви. Берлин: Геликон.
- Шкловский В. Б. 1990. Гамбургский счет: Статьи – воспоминания – эссе (1914–1933) / Сост. А. Ю. Галушкина и А. П. Чудакова. М.: Советский писатель.
- Шлегель К. 2004. Берлин, Восточный вокзал: Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918–1945) / Пер. с нем. Л. Лисюткиной. М.: Новое литературное обозрение.
- Эренбург И. Г. 1990. Люди, годы, жизнь: Воспоминания: В 3-х тт. / Изд. исправленное и дополненное. Т. 1. М.: Советский писатель.
- Эренбург И. Г. 1991a. Письма другу. – Эренбург И. Г. Собр. соч.: В 8-ми тт. Т. 4: Очерки. Репортажи. Эссе: 1922–1939. М.: Издательство «Художественная литература». С. 7–27.
- Эренбург И. Г. 1991b. Пять лет спустя. – Эренбург И. Г. Собр. соч.: В 8-ми тт. Т. 4: Очерки. Репортажи. Эссе: 1922–1939. М.: Издательство «Художественная литература». С. 28–56.
- Baker, J., Bouillon, J. 1977. Josephine / Translated by Mariana Fitzpatrick. New York: Harper & Row.
- Baudelaire, Ch. 1919. De l'amour. Paris: Société anonyme d'édition et de librairie.
- Baudelaire, Ch. 1923. Le peintre de la vie moderne. – Œuvres complètes de Charles Baudelaire / Édition critique par F.-F. Gautier. T. IV : L'art romantique. Paris: Éditions de la Nouvelle Revue Française. P. 207–260.

- Baum, V. 1964. *It Was All Quite Different: The Memoirs of Vicki Baum*. New York: Funk & Wagnalls.
- Benjamin, W. 1991. *Die Wiederkehr des Flaneurs*. – Benjamin, W. *Gesammelte Schriften*. [Bd.] III: Kritiken und Rezensionen / Hrsg. von Hella Tiedemann-Bartels. Frankfurt am Main: Suhrkamp. S. 194–199.
- Berlin und Umgebung 1921. *Berlin und Umgebung: Handbuch für Reisende von Karl Bædeker*. Mit 4 Karten, 9 Plänen und 17 Grundrissen. 19. Auflage. Leipzig: Karl Bædeker.
- Berlin und Umgebung 1927. *Berlin und Umgebung: Handbuch für Reisende von Karl Bædeker*. Mit 3 Karten, 11 Plänen und 17 Grundrissen. 20. Auflage. Leipzig: Karl Bædeker.
- Dolinin, A. 2000. “The Stepmother of Russian Cities”: Berlin of the 1920s through the Eyes of Russian Writers. – *Cold Fusion: Aspects of the German Cultural Presence in Russia* / Ed. by G. Barabtarlo. New York; Oxford: Berghahn Books. P. 225–240.
- Freise, M., Korkowsky, B. 2011. Drei Gleisdreiecke: Boris Pasternak, Viktor Šklovskij und Joseph Roth sehen Berlin. – *Germanoslavica: Zeitschrift für germano-slawische Studien*. Jahrgang 22. Heft 1. S. 1–20.
- Gay, P. 1970. *Weimar Culture: The Outsider as Insider*. New York: Harper & Row.
- Hake, S. 1994. *Urban Spectacle in Walter Ruttmann's Berlin: Symphony of the Big City*. – *Dancing on the Volcano: Essays on the Culture of the Weimar Republic* / Ed. by Th. W. Kniesche and S. Brockmann. Columbia, SC: Camden House. P. 127–142.
- Haxthausen, Ch. W., Suhr, H. 1990. *Berlin: Culture and Metropolis* / Ed. by Ch. W. Haxthausen and H. Suhr. Minneapolis; Oxford: University of Minnesota Press.
- Herbert, R. L. 1991. *Impressionism: Art, Leisure, and Parisian Society*. New Haven: Yale University Press.
- Isherwood, Ch. 1954. *The World in the Evening*. New York: Random House.
- Jonge, A. de. 1978. *The Weimar Chronicle: Prelude to Hitler*. New York; London: Paddington Press.
- Kaes, A., Jay, M., Dimendberg, E. 1994. *The Weimar Republic Sourcebook* / Ed. by A. Kaes, M. Jay, E. Dimendberg. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.
- Kniesche, Th. W., Brockmann, S. 1994. *Dancing on the Volcano: Essays on the Culture of the Weimar Republic* / Ed. by Th. W. Kniesche and S. Brockmann. Columbia, SC: Camden House.

- Kracauer, S. 1990. Straße ohne Erinnerung. – Kracauer, S. Schriften. Bd. 5.3. Frankfurt am Main: Suhrkamp. S. 170–174.
- Laqueur, W. 1974. Weimar: A Cultural History: 1918–1933. New York: G. P. Putnam's Sons.
- MacDonogh, G. 1997. Berlin: A Portrait of Its History, Politics, Architecture, and Society. New York: St. Martin's Press.
- Metzger, R., Brandstätter, Ch. 2007. Berlin: The Twenties. New York: Abrams.
- Metzger, R., Burmeister, R., Novotny, M., Zitzlsperger, U. 2017. Berlin in the 1920s. Köln: Taschen.
- Mierau, F. 1990. Russen in Berlin: Literatur, Malerei, Theater, Film: 1918–1933 / Hrsg. von Fritz Mierau. Leipzig: Verlag Philipp Reclam.
- Nabokov, N. 1975. Bagázh: Memoirs of a Russian Cosmopolitan. New York: Atheneum.
- Nabokov, V. 1966. Speak, Memory: An Autobiography Revisited. New York: G. P. Putnam's Sons.
- Parker, L. 2018. The Shop Window Quality of Things: 1920s Weimar Surface Culture in Nabokov's *Korol', dama, valet*. – Slavic Review. Vol. 77. No. 2. P. 390–416.
- Proust, A. 1913. Edouard Manet : souvenirs / Publiés par A. Barthélemy. Paris: Librairie Renouard.
- Rubins, M. 2022. Западная массовая культура 1920–1930-х гг. в перспективе русской эмигрантской прозы (В. Набоков, *Король, дама, валет* и И. Одоевцева, *Зеркало*). – Revue des Études Slaves. T. XCIII. F. 2–3 : L'histoire de la littérature russe : nouvelles perspectives. P. 369–389.
- Schlögel, K. 1995. Russische Emigration in Deutschland: 1918 bis 1941: Leben im europäischen Bürgerkrieg / Hrsg. von Karl Schlögel. Berlin: Akademie Verlag.
- Schütz, E. 1994. Beyond Glittering Reflections. – Dancing on the Volcano: Essays on the Culture of the Weimar Republic / Ed. by Th. W. Kriesche and S. Brockmann. Columbia, SC: Camden House. P. 119–126.
- Spender, S. 1994. World Within World: The Autobiography of Stephen Spender. New York: St. Martin's Press.
- Spengler, O. 1970. The Decline of the West / Authorised Translation with Notes by Charles Francis Atkinson. Vol. 2: Perspectives of World History. New York: Alfred A. Knopf.
- Utkin, R. 2023. Charlottengrad: Russian Culture in Weimar Berlin. Madison: University of Wisconsin Press.

- Walter, B. 1946. *Theme and Variations: An Autobiography*. New York: Alfred A. Knopf.
- Zimmer, D. E. 2001. *Nabokov's Berlin*. Berlin: Nicolaische Verlagsbuchhandlung.
- Zuckmayer, C. 1940. *Second Wind / With an Introduction by Dorothy Thompson*. Translated by E. R. Hapgood. London: Harrap.
- Zuckmayer, C. 1966. *Als wär's ein Stück von mir: Horen der Freundschaft*. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag.

REFERENCES

- Antsiferov, N. P. "Dusha Peterburga." In "*Nepostizhimyi gorod...*": *Dusha Peterburga. Peterburg Dostoevskogo*, 24–175. Peterburg Pushkina. Saint Petersburg: Lenizdat, 1991.
- Aseev, N. "Berlin." In *Sobranie sochinenii*. 5 vols. Vol. 5, *Proza: 1916–1963*. Moscow: Izdatel'stvo "Khudozhestvennaia literatura," 1964.
- Baker, J. and J. Bouillon. *Josephine*. Translated by Mariana Fitzpatrick. New York: Harper & Row, 1977.
- Baudelaire, Ch. *De l'amour*. Paris: Société anonyme d'édition et de librairie, 1919.
- . "Le peintre de la vie moderne." In *Œuvres complètes de Charles Baudelaire. Édition critique par F.-F. Gautier*. Vol. 4, *L'art romantique*, 207–60. Paris: Éditions de la Nouvelle Revue Française, 1923.
- Baum, V. *It Was All Quite Different: The Memoirs of Vicki Baum*. New York: Funk & Wagnalls, 1964.
- Belyi, A. "Oдна iz obitelei tsarstva tenei". Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1924.
- Belyi, A. and Ivanov-Razumnik. *Andrei Belyi i Ivanov-Razumnik: Perepiska*. Edited by A. V. Lavrov, John Malmstad and T. V. Pavlova. Prefaced and annotated by A. V. Lavrov and John Malmstad. Saint Petersburg: Athenaeum; Phoenix, 1998.
- Benjamin, W. "Die Wiederkehr des Flaneurs." In *Gesammelte Schriften*. Vol. 3, *Kritiken und Rezensionen*. Edited by Hella Tiedemann-Bartels, 194–99. Frankfurt: Suhrkamp, 1991.
- Berberova, N. *Kursiv moi: Avtobiografiia*. 2 vols. 2nd rev. and exp. ed. Vol. 1. New York: Russica Publishers, 1983.
- Berlin: Culture and Metropolis*. Edited by Charles Werner Haxthausen and Heidrun Suhr. Minneapolis and Oxford: University of Minnesota Press, 1990.

- Berlin und Umgebung: Handbuch für Reisende von Karl Bædeker. Mit 4 Karten, 9 Plänen und 17 Grundrissen.* 19. Auflage. Leipzig: Karl Bædeker, 1921.
- Berlin und Umgebung: Handbuch für Reisende von Karl Baedeker. Mit 3 Karten, 11 Plänen und 17 Grundrissen.* 20. Auflage. Leipzig: Karl Baedeker, 1927.
- Buhks, N. *Eshafot v khrustal'nom dvortse: O russkikh romanakh Vladimira Nabokova.* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1998.
- Dancing on the Volcano: Essays on the Culture of the Weimar Republic.* Edited by Thomas W. Kniesche and Stephen Brockmann. Columbia, SC: Camden House, 1994.
- Dolinin, A. "The Stepmother of Russian Cities: Berlin of the 1920s through the Eyes of Russian Writers." In *Cold Fusion: Aspects of the German Cultural Presence in Russia.* Edited by Gennady Barabtarlo, 225–40. New York; Oxford: Berghahn Books, 2000.
- . *Kommentarii k romanu Vladimira Nabokova "Dar."* Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2019.
- . "Tri zametki o romane 'Dar'." In *Istinnaia zhizn' pisatel'ia Sirina: Raboty o Nabokove.* 2nd rev. ed., 321–69. Saint Petersburg: Symposium, 2019.
- Ehrenburg, I. G. *Liudi, gody, zhizn': Vospominaniia.* 3 vols. Rev. and exp. ed. Vol. 1. Moscow: Sovetskii pisatel', 1990.
- . "Pis'ma drugu." In *Sobranie sochinenii.* 8 vols. Vol. 4, *Ocherki. Reportazhi. Esse: 1922–1939*, 8–27. Moscow: "Khudozhestvennaia literatura," 1991.
- . "Piat' let spustia." In *Sobranie sochinenii.* 8 vols. Vol. 4, *Ocherki. Reportazhi. Esse: 1922–1939*, 28–56. Moscow: "Khudozhestvennaia literatura," 1991.
- Fleishman, L., R. Hughes and O. Raevsky Hughes. *Russkii Berlin 1921–1923: Po materialam arkhiva B. I. Nikolaevskogo v Guverovskom institute.* Paris: YMCA-Press, 1983
- Freise, M. and B. Korkowsky. "Drei Gleisdreiecke: Boris Pasternak, Viktor Šklovskij und Joseph Roth sehen Berlin." *Germanoslavica: Zeitschrift für germano-slawische Studien.* 22, no. 1 (2011): 1–20.
- Gay, P. *Weimar Culture: The Outsider as Insider.* New York: Harper & Row, 1970.
- Gessen, I. *Gody izgnaniia: Zhiznennyi otchet.* Paris: YMCA-Press, 1979.
- Gorlin, M. "Nochami." *Sovremennye zapiski* 56 (1934): 209.
- Gornyi, S. *Tol'ko o veshchakh.* Berlin: Petropolis, 1937.
- Gul', R. *Zhizn' na fuksa.* Moscow and Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1927.
- Hake, S. "Urban Spectacle in Walter Ruttmann's Berlin: Symphony of the Big City." In *Dancing on the Volcano: Essays on the Culture of the Weimar*

- Republic*. Edited by Thomas W. Kniesche and Stephen Brockmann, 127–42. Columbia, SC: Camden House, 1994.
- Herbert, R. L. *Impressionism: Art, Leisure, and Parisian Society*. New Haven: Yale University Press, 1991.
- Iakor'. *Antologiiia zarubezhnoi poezii*. Edited by G. V. Adamovich and M. L. Kantor. Berlin: Petropolis, 1936.
- Isherwood, Ch. *The World in the Evening*. New York: Random House, 1954.
- Jonge, A. de. *The Weimar Chronicle: Prelude to Hitler*. New York and London: Paddigton Press, 1978.
- Khodasevich, Vl. *Sobranie sochinenii*. Edited by John Mal'mstad and Robert Hughes. Vol. 1, *Stikhotvoreniia*. Ann Arbor: Ardis, 1983.
- Kracauer, S. "Straße ohne Erinnerung." In *Schriften*. Vol. 5.3, 170–74. Frankfurt: Suhrkamp, 1990.
- Laqueur, W. *Weimar: A Cultural History: 1918–1933*. New York: G. P. Putnam's Sons, 1974.
- Lidin, Vl. *Velikii materik*. Moscow and Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1926.
- MacDonogh, G. *Berlin: A Portrait of Its History, Politics, Architecture, and Society*. New York: St. Martin's Press, 1997.
- Mayakovskiy, V. V. "Doklad 'Chto delaet Berlin?'" In *Polnoe sobranie sochinenii*. 13 vols. Vol. 12, *Stat'i, zametki i vystupleniia: Noiabr' 1917–1930*, 462. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1959.
- Mil'china, V. *Parizhane o sebe i svoem gorode: "Parizh, ili Kniga Sta i odnogo" (1831–1834)*. Moscow: Izdatel'skii dom "Delo" RANKhiGS, 2019.
- Metzger, R. and Ch. Brandstätter. *Berlin: The Twenties*. New York: Abrams, 2007.
- Metzger, R., R. Burmeister, M. Novotny and U. Zitzlsperger. *Berlin in the 1920s*. Köln: Taschen, 2017.
- Nabokov, N. *Bagázh: Memoirs of a Russian Cosmopolitan*. New York: Atheneum, 1975.
- Nabokov, V. *Speak, Memory: An Autobiography Revisited*. New York: G. P. Putnam's Sons, 1966.
- . *Sobranie sochinenii russkogo perioda*. 5 vols. Saint Petersburg: Symposium, 1999–2000.
- . *Pis'ma k Vere*. Prefaced by Brian Boyd. Annotated by Olga Voronina and Brian Boyd. Preface and annotations translated by Aleksandra Glebovskaia. Saint Petersburg: "Azbuka-Attikus," 2019.

- Parker, L. "The Shop Window Quality of Things: 1920s Weimar Surface Culture in Nabokov's *Korol', dama, valet*." *Slavic Review* 77, no. 2 (2018): 390–416.
- Pasternak, B. L. *Polnoe sobranie sochinenii s prilozheniiami*. 11 vols. Vol. 2, *Spektorskii. Stikhotvoreniia: 1930–1959*. Edited and annotated by E. B. Pasternak and E. V. Pasternak. Moscow: Slovo/Slovo, 2003.
- . *Polnoe sobranie sochinenii s prilozheniiami*. 11 vols. Vol. 7, *Pis'ma: 1905–1926*. Edited and annotated by E. V. Pasternak and M. A. Rashkovskaia, 418–21. Moscow: Slovo/Slovo, 2004.
- Pen'kovskii, A. B. *Issledovaniia poeticheskogo iazyka pushkinskoi epokhi: Filologicheskie issledovaniia*. Edited by I. A. Pil'shchikov. Moscow: Znak, 2012.
- Proust, A. *Edouard Manet: souvenirs*. Published by A. Barthélemy. Paris: Librairie Renouard, 1913.
- Ronen, O. "Puti Shklovskogo v 'Putevoditele po Berlinu'." *Zvezda* 4 (1999): 164–72.
- Roth, J. *Berlin i okrestnosti*. Translated from the German by M. Rudnitskii. Moscow: Ad Marginem Press, 2013.
- Rubins, M. "Zapadnaia massovaia kul'tura 1920–1930-kh godov v perspektive russkoi emigrantskoi prozy (V. Nabokov, *Korol', dama, valet* i I. Odoevtseva *Zerkalo*)." *Revue des Études Slaves* 93, no. 2–3, *L'histoire de la littérature russe: nouvelles perspectives* (2022): 369–89.
- Russen in Berlin: Literatur, Malerei, Theater, Film: 1918–1933*. Edited by Fritz Miernau. Leipzig: Verlag Philipp Reclam, 1990.
- Savich, O. "Pansion von-Offenberg." *Krasnaia nov'* 8 (1926): 31–56.
- Schlögel, K. *Russische Emigration in Deutschland: 1918 bis 1941: Leben im europäischen Bürgerkrieg*. Edited by Karl Schlögel. Berlin: Akademie Verlag, 1995.
- . *Berlin, Vostochnyi vokzal: Russkaia emigratsiia v Germanii mezhdu dvumia voynami (1918–1945)*. Translated from the German by L. Lisiutkina. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004.
- Schütz, E. "Beyond Glittering Reflections." In *Dancing on the Volcano: Essays on the Culture of the Weimar Republic*. Edited by Thomas W. Kniesche and Stephen Brockmann, 119–26. Columbia, SC: Camden House, 1994.
- Segal, S. "Russkaia zhizn' v Berline." *Russkii illiustrirovannyi mir* 1 (1923): 12.
- Shklovskii, V. *Zoo ili Pis'ma ne o liubvi*. Berlin: Helicon, 1923.
- . *Gamburgskii schet. Stat'i – vospominaniia – esse (1914–1933)*. Edited by A. Iu. Galushkin and A. P. Chudakov. Moscow: Sovetskii pisatel', 1990.

- Spender, S. *World Within World: An Autobiography*. New York: St. Martin's Press, 1994.
- Spengler, O. *The Decline of the West*. Authorised Translation with Notes by Charles Francis Atkinson. Vol. 2, *Perspectives of World-History*. New York: Alfred A. Knopf, 1970.
- Spravochnik-Al'manakh: S 8 portretami, 2 diagram. i politicheskoi karty Evropy*. Edited by G. V. Frank. Berlin: Knigoizdatel'stvo "Argonavty," 1922.
- Time, G. A. *Puteshestvie Moskva – Berlin – Moskva: Russkii vzgliad drugogo*. Moscow: ROSSPEN, 2011.
- Tolstoi, A. *Chernaia piatnitsa: Rasskazy 1923–1924 gg*. Leningrad: Izdatel'stvo "Atenaum," 1924.
- Tret'iakov, S. M. "Liudi odnogo kostra." In *Strana-Perekrestok: Dokumental'naia proza*, 307–440. Moscow: Sovetskii pisatel', 1991.
- The Weimar Republic Sourcebook*. Edited by Anton Kaes, Martin Jay and Edward Dimendberg. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1994.
- Urban, Th. *Russkie pisateli v Berline v 20-e gody 20 veka*. Translated by T. Tsapalina. Saint Petersburg: Liki Rossii, 2014.
- Utkin, R. *Charlottengrad: Russian Culture in Weimar Berlin*. Madison: University of Wisconsin Press, 2023.
- Walter, B. *Theme and Variations: An Autobiography*. New York: Alfred A. Knopf, 1946.
- Zimmer, D. E. *Nabokovs Berlin*. Berlin: Nicolaische Verlagsbuchhandlung, 2001.
- Zuckmayer, C. *Second Wind*. With an Introduction by Dorothy Thompson. Translated by E. R. Hapgood. London: Harrap, 1940.
- Zuckmayer, C. *Als wär's ein Stück von mir: Horen der Freundschaft*. Frankfurt: S. Fischer Verlag, 1966.

БУЛГАКОВСКИЙ СЛЕД В БАЛТИИ 1920–1930-х ГОДОВ

И. З. Белобровцева

(Таллинн)

Настоящая статья посвящена восприятию имени и творчества Михаила Булгакова в 1920-е годы в Эстонии и – шире – в странах Балтии. Как представляется, на примере балтийского булгаковского следа можно сделать некоторые выводы об отношении русского населения этих стран к событиям и явлениям культуры, имевшим место в СССР.

Выбор рассматриваемого периода – 1927–1931 гг. – обусловлен тем, что именно тогда до Эстонии дошли пьесы Булгакова «Зойкина квартира» и «Дни Турбиных» (которые в местных газетах постоянно именовались «Белой гвардией»). В эти годы в Эстонии выходило ничтожное количество периодических изданий на русском языке¹, так, в Таллинне существовала всего одна ежедневная газета малого объема «Вести дня», на двух страницах которой главным образом сообщались новости и публиковалась реклама. Всю остальную информацию, как-то: статьи на актуальные политические темы, мнения, фельетоны, материалы, касавшиеся культурной жизни, русские жители Эстонии черпали из самого известного в те годы в странах Балтии органа печати – рижской газеты «Сегодня», приложением к которой выпускались и сами «Вести дня».

Если в «Вестях дня» и публиковались рецензии на спектакли и концерты, то они были предельно краткими – «“Белая гвардия” в Юрьеве», сообщавшая о постановке пьесы Булгакова местным деятелем культуры Дмитрием Шумаковым; «Дни Турбиных» (в исполнении Пражской группы Московского художественного театра в Ревеле); «Белая гвардия» (поставленная труппой рижской Русской драмы).

¹ Подробно об этом см.: Меймре 2022.

В последней рецензии, помимо краткого пересказа содержания и восторгов по поводу игры актеров, привлекает внимание конец:

Конечно, пьеса прошла с аншлагом. Подъем в зрительном зале выразился не только в бурных приветствиях по адресу исполнителей, но и, например, в восклицании, вырвавшемся у одной дамы, которая никак не могла согласиться с Алешей Турбиным, приглашавшим прекратить пение «Боже, царя храни», и требовала продолжения гимна².

Такая же краткая рецензия есть, например, на постановку труппой рижского театра «Зойкиной квартиры» в газете «Сегодня» (по случаю премьеры, состоявшейся в декабре 1927 года), а позже, в связи с гастролями в Таллинне, аналог этой рецензии публикуют «Вести дня», отмечая гастроль театра в Таллинне в апреле 1928 г.

Из целого ряда практически одинаковых рецензий выделяются две, посвященные гастролям Пражской группы МХТа в Нарве в 1931 году. Спектакль «Белая гвардия» вызвал у рецензентов прямо противоположные отклики. Первый, в газете «Русский Вестник», – патетически отрицательный: «Или мы подлинно глухая, темная провинция, или гг. предприниматели <...> угостили нас, нарвитян, <...> всем чем угодно, но только не “МХТ”»³. Второй отзыв, в той же газете, полемически заострен: «Да, пожалуй, мы действительно “глухая, темная провинция”, хочется ответить критику...», далее следуют восторги по адресу группы МХТа, творящей «великое русское и общенациональное дело, сохраняя и поддерживая традиции незабываемого МХТа»⁴.

Несмотря на полярность точек зрения рецензентов, оба отклика показательны, прежде всего, своей провинциальностью: читатель обеих рецензий не получает представления даже о названии рецензируемого спектакля (первая статья озаглавлена «Белая гвардия»; во втором случае спектакль назван «Дни Турбиных»);

² [Б. п.] «Белая гвардия». – Вести дня. 1928. № 101. 18 апреля. С. 2.

³ П. А. «Белая гвардия». – Русский вестник. 1931. № 35. 24 июня. С. 2.

⁴ В. Г. «Дни Турбиных». Впечатления по поводу гастролей Московского Художественного театра. – Русский вестник. 1931. № 39. 5 июля. С. 2.

не менее симптоматично, что ни в первом, ни во втором случае не указан автор пьесы. В пандан к этому курьезу можно вспомнить, как в письме П. С. Попову Булгаков высказался о поздравлении, которое прислал Московскому Художественному театру один из его директоров, В. И. Немирович-Данченко в связи с 500-м спектаклем «Дней Турбиных»:

И Немирович прислал поздравление Театру. Повертев его в руках, я убедился, что там нет ни одной буквы, которая бы относилась к автору. Полагаю, что хороший тон требует того, чтобы автора не упоминать. Раньше этого не знал, но я, очевидно, недостаточно светский человек (Булгаков 1990, 5: 512).

Естественным для периодики стран Балтии было стремление поддерживать связи с авторами из других стран русского рассеяния. В случае с Булгаковым это сказалось, например, в публикации рижской газетой «Сегодня» в декабре 1929 г. письма из Белграда «Суд над пьесой “Дни Турбиных”». По утверждению автора газетного материала, булгаковская пьеса взволновала и расколола местное русское сообщество. И, если в СССР она слыла почти или безусловно контрреволюционной⁵, то в Белграде спорили «о допустимости постановки ее перед белогвардейской публикой и о допустимости появления такой “нелестной для белой гвардии” пьесы на сцене сербского театра»⁶.

По решению Белградского союза журналистов и писателей в университете было организовано публичное чтение пьесы и литературный суд над ней. Обвинители «признали пьесу нехудожественною, исторически неверною, для белогвардейских душ

⁵ См., например: «Драматически пьеса слаба. Идеологически режет слух своей белой тенденциозностью» (О. Литовский. На неверном пути; цит. по: Яновская 2013: 182); пьеса и спектакль – «политическая демонстрация, в которой Булгаков перемигивается с остатками белогвардейщины» (А. Орлинский. Выступление на «Суде над “Белой гвардией”»; цит. по: Смелянский 1986: 130); «...вся галерея Турбиных и турбинствующих, а с ней и весь спектакль предстали бы совершенно иными при другой идеологической установке» (Бескин 1926: 7) и др.

⁶ Месснер Е. Э. Суд над пьесой «Дни Турбиных» (Письмо из Белграда). – Сегодня. 1929. № 71. 12 марта. С. 8.

неприемлемою». Защитники, среди которых был и автор статьи, полковник Генштаба Русской императорской армии Евгений Эдуардович Месснер, признали пьесу «весьма художественною и сценичною»; сам Месснер «доказывал, что пьеса в историческом отношении правдива и верна», поскольку «с этой пьесой донесся голос подсоветской Руси, которая эмигрантам близка идейно. <...> Никакого вердикта на суде вынесено, конечно, не было», но «для многих пьеса Булгакова перестала быть одиозной, и многие увидали в ней начало будущей не партийной, не ходульной, а чисто художественной литературы об эпических событиях бело-красной борьбы»⁷.

И все же, даже учитывая предсказуемо провинциальные черты балтийской периодики, можно выделить несколько случаев, характерных для изданий, выходящих за пределами России и оппозиционных по отношению к ней. Приведем два подобных случая, связанных с жизнью и творчеством М. А. Булгакова и в то же время наглядно демонстрирующих особые условия, в каких существовали русские органы печати за рубежом.

Случай первый: 26 августа 1927 г. в газете «Сегодня» появляется анонимная (а значит, осознаваемая как редакционная) статья «“Белая Гвардия” вырвалась из СССР», где рассказана история, «какую разыграли большевики с пьесой Мих. Булгакова»⁸. Не преминув напомнить, что «в свое время» история эта была частично рассказана на столбцах «Сегодня», в газете с большим количеством неточностей (или умолчаний – например, не приводится название журнала, в котором публиковался роман «Белая гвардия») дается намек на то, что журнал, собственно, и закрылся частично из-за этого романа; говорится, что вначале Булгаков переделал свой роман в пьесу, а уже потом «за нее ухватился МХТ» (хотя известно, что желания автора и театра совпали: Булгаков задумал инсценировать роман в январе 1925 г., а режиссер МХТа Борис Вершилов, не зная этого, предложил написать инсценировку 3 апреля того же года (см.: Соколов 2007: 287) и т. д.

⁷ Там же.

⁸ [Б. п.] «Белая гвардия» вырвалась из СССР. – Сегодня. 1927. № 190. 26 августа. С. 3.

Но главное в статье – это сообщение о том, каким именно образом пьеса «вырвалась» за пределы СССР: стенографистка посидела на нескольких представлениях «Дней Турбиных» и небольшими отрывками постепенно записала пьесу. «А провезти записанную таким образом пьесу в Берлин было и совсем легко...»⁹. Именно оттуда, из Берлина, пьеса якобы пришла воздушной почтой в редакцию с условием (вызывающим вопросы) – публиковать не больше одного акта. Газета обещает, что через два дня в «Сегодня» будет напечатан третий акт «Дней Турбиных». Редакция слово сдержала, и 28 августа третий акт пьесы был опубликован.

Сюжет, выстроенный по формуле авантюрного романа – подробное объяснение того, как именно пьеса попала в руки сотрудников газеты «Сегодня», – наводит на размышления. Он тем более интересен, что Булгаков сам использует аналог этого сюжета в романизированной биографии «Жизнь господина де Мольера»:

По прошествии нескольких спектаклей Мольер нашел у себя письмо. Некто Неф-Вильнен писал Мольеру о том, что, посмотрев его комедию «Мнимый рогоносец», он нашел ее столь прекрасной, что одного раза ему показалось мало, и он был на ней шесть раз. Такое начало письма вызвало краску удовольствия на щеках Мольера, начинавшего в последнее время с удивлением замечать, что слава выглядит совсем не так, как некоторые ее представляют, а выражается, преимущественно, в безудержной ругани на всех перекрестках. <...> Далее выяснилось, что Неф-Вильнен обладает поистине феноменальной памятью: в шесть приемов он всю комедию до единого слова записал. В этом месте господин Мольер насторожился, и недаром, потому что господин Неф-Вильнен сообщал, что к каждой сцене «Рогоносца» он сочинил свои собственные комментарии. И с этими комментариями он пьесу направляет в печать, потому что, писал господин Неф-Вильнен: «...это совершенно необходимо для вашей и моей славы!» <...> Словом, господин Неф-Вильнен отдает пьесу издателю Жаку Рибу, что на набережной Августинцев. <...>

⁹ Там же.

Вышедшая с комментариями Неф-Вильнена пьеса, прежде всего, дала некоторым остроумным людям повод высказать предположение, что никакого Неф-Вильнена нет и не было на свете, а что это выдуманное имя послужило прикрытием самому господину Мольеру, чтобы выпустить пьесу! Такое предположение следует отнести к числу неосновательных предположений (Булгаков 1990, 4: 309–310).

Нарратив «развязного молодого человека» был мгновенно разгадан бдительным редактором серии «Жизнь замечательных людей» А. Н. Тихоновым, отвергнувшим рукопись: «за замечаниями рассказчика прозрачно проступает “наша советская действительность”» (Ерыкалова, Жирмунская 1990, 4: 632). Ту же «прозрачность» легко уловить и в сюжете, представленном газетой «Сегодня».

Процитируем предваряющее интригу со стенографисткой утверждение газеты о том, какие детали следует учитывать, говоря о спектаклях по пьесе Булгакова в МХТе: по распоряжению А. В. Луначарского «Дни Турбиных» запрещено было играть на утренних спектаклях и в праздничные дни; назначены были очень высокие цены на билеты; количество спектаклей в месяц ограничивалось, «чтобы пьесу могли смотреть только неуязвимые коммунистические верхи и неисправимые, в силу необходимости до поры, до времени терпимые, остатки буржуазии – спецы и нэпманы»¹⁰. «Поэтому на каждое представление билеты задолго бывают распроданы»¹¹. Все перечисленные меры, преграждавшие путь на спектакль рядовому зрителю, вызывают вопрос: к какому именно разряду относилась таинственная стенографистка? Она не спец и не нэпман, но и не представитель коммунистических верхов. Билеты по очень высоким ценам распроданы «задолго» до спектакля, что, однако, не воспрепятствовало ей посетить несколько спектаклей (сколько, если она записывает текст «небольшими отрывками?»). Вопросы

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

накапливаются, как только выясняется, что этой стенографистке еще проще, чем записать пьесу, отправить ее текст в Берлин.

И, наконец, еще один вопрос: а к чему все это знать читателю газеты «Сегодня»? Для читателя рядового, очевидно, главное – что текст доставлен в Ригу. Но у газеты «Сегодня», как у любого эмигрантского органа печати, была и специфическая категория читателей – те, кто, изучая это периодическое издание, искали в ней антисоветскую подоплеку, в данном случае – связи людей из окружения Булгакова, а то и его собственные, с выходящей в буржуазной, как тогда принято было говорить, Латвии и, следовательно, автоматически воспринимавшейся антисоветской газетой (достаточно вспомнить трагические судьбы газеты и ее сотрудников после установления в Латвии советской власти в 1940 году).

Между тем в Риге жили родители Ольги Сергеевны Бокшанской (и ее сестры, будущей жены М. А. Булгакова Елены Сергеевны Булгаковой, с которой писатель в это время еще не был знаком). Ольга Сергеевна Бокшанская – секретарь В. И. Немировича-Данченко. И проще всего предположить, что доступный ей как сотруднику МХТа текст она вполне могла привезти в Ригу, навещая родителей, тем более что в Государственном архиве Латвийской Республики хранится прошение Сергея Марковича Нюренберга от 1 июня 1927 года, адресованное Министерству внутренних дел, на выдачу трехмесячной визы его дочери – Ольге Бокшанской, секретарю МХТа. Цель визита обозначена как необходимость навестить родителей и «в целях летнего оздоровления». К прошению приложены справки о благонадежности Ольги Бокшанской, так что разрешение МВД Латвийской Республики на ее приезд было получено быстро, уже 11 июня 1927 года¹². И, если учесть, что пьеса появилась в Риге не позднее конца августа, то наше предположение не столь уж безосновательно.

Однако даже если текст предоставила не Бокшанская, тем не менее, стремление редакции газеты «Сегодня» отвести подозрение

¹² LVVA. 3234. f. – 5. apr. – 1818. (Государственный исторический архив Латвии. Ф. 3234. Оп. 5. Ед. хр. 1818. Л. 1–5.) Пользуюсь возможностью выразить свою благодарность Борису Равдину, взявшему на себя труд этой проверки.

и не причинить никаких неприятностей истинному курьеру, доставившему текст «Дней Турбиных» в Ригу, несомненно.

Второй нуждающийся в объяснении случай датируется 14 сентября 1928 г. и вновь связан с сообщением в газете «Сегодня», на этот раз с краткой заметкой «Загадочное исчезновение М. Булгакова»:

В московских литературных кругах вызывает много тревоги таинственное исчезновение известного писателя М. Булгакова, автора пьесы «Дни Турбиных», романа «Белая гвардия» и др. Как хорошо памятно, «Дни Турбиных» имели настолько длительный и большой успех на сцене МХТ, что даже советская власть, запретившая постановку этой пьесы ввиду ее контрреволюционности, не решилась снять ее с подмостков Художественного Театра. В настоящее время, как сообщает «Руль», необъяснимое исчезновение Булгакова вызывает среди его друзей различные тревожные догадки¹³.

Ссылка на берлинскую газету «Руль» диктует необходимость обратиться к первоисточнику информации, где опубликовано следующее:

Куда исчез Булгаков?

Много тревоги вызывает в московских литературных кругах исчезновение известного писателя М. Булгакова, автора романа «Белая гвардия» и пьесы «Дни Турбиных». Как хорошо памятно, «Дни Турбиных» имели настолько большой и длительный успех на сцене М. Х. Т., что даже советская власть, запретившая постановку этой пьесы в других городах ввиду ее «контрреволюционности», не решилась снять ее с подмостков Художественного Театра. В настоящее время необъяснимое исчезновение Булгакова вызывает среди его друзей различные тревожные догадки.

Не могут ли органы советской власти сообщить, где находится М. Булгаков?¹⁴

¹³ [Б. п.] Загадочное исчезновение М. Булгакова. – Сегодня. 1928. № 249. 14 сентября. С. 4.

¹⁴ [Б. п.] Куда исчез Булгаков? – Руль. 1928. № 2371. 13 сентября. С. 1.

Как видим, «Сегодня» публикует заметку «Руля» в почти не измененном виде, лишь переставляя кое-где слова. Тем нагляднее выявляется одно отличие: утрата в рижской газете последней строки берлинской заметки.

Любопытно, что слух об исчезновении Булгакова рижская газета подхватывает мгновенно, опередив даже парижское «Возрождение», где заметка увеличивается в объеме примерно втрое, причем следует особо отметить, что увеличение связано прежде всего именно с последней строкой в берлинском «Руле»:

Пропал популярный писатель М. Булгаков, автор нашумевшей пьесы «Дни Турбиных».

Много тревоги, пишет «Руль», вызывает в московских литературных кругах исчезновение известного писателя М. Булгакова, автора романа «Белая Гвардия» и пьесы «Дни Турбиных». Как хорошо памятно, «Дни Турбиных» имели настолько большой и длительный успех на сцене М.Х.Т., что даже советская власть, запретившая постановку этой пьесы в других городах, ввиду ее «контрреволюционности», не решилась снять ее с подмостков Художественного Театра. В настоящее время необъяснимое исчезновение Булгакова вызывает среди его друзей различные тревожные догадки.

Не могут ли органы советской власти сообщить, где находится М. Булгаков?

Когда в «социалистическом» отечестве *пропадает* человек, взоры всех невольно обращаются в сторону ГПУ и на устах общества замирает вопрос:

– Что вы можете сказать в свое оправдание, гг. убийцы?

Сейчас, конечно, еще преждевременно гадать о судьбе талантливого писателя Булгакова: может быть, он еще отыщется. Но то обстоятельство, что он писал «почти в контрреволюционном духе» и что роман и пьеса его были признаны «нежелательными», заставляет поневоле сжиматься сердце и перебирать в памяти литературные «прецеденты».

– Виктор Севский был расстрелян.

– Гумилев расстрелян.

- Меньшиков расстрелян.
- Савинков выброшен с пятого этажа.

* * *

«Юманитэ» все уверяет своих читателей, что
«Франция стоит во главе антисоветского крестового похода».
У страха глаза велики...¹⁵

Если в первой части статьи «Возрождение» практически цитирует «Руль», хотя и добавляет первую строку с ударным словом «пропал», куда более драматичным, чем полуабстрактное «исчезновение», то далее парижская газета напрямую обвиняет ГПУ и СССР, называя их господами убийцами. Оговорка – еще преждевременно гадать о судьбе Булгакова, может быть, он еще отыщется – и воспринимается, скорее, как оговорка, сопровождаемая перечислением четырех насильственных смертей русских литераторов, занимавших антисоветские позиции.

Почему же «Возрождение» позволяет себе атаковать не только ГПУ, но и французскую коммунистическую газету «Юманите», а газета «Сегодня», напротив, убирает из заметки в «Руле» строку с вопросом к советским органам власти о местонахождении Булгакова? Дело, разумеется, в геополитических особенностях Балтийских стран, которые, осознавая всю опасность соседства с СССР, в лице своих властей неизменно призывали средства массовой информации проявлять в своих материалах сдержанность, публиковать только взвешенные мнения, никоим образом не провоцировать СССР, не подавать даже повода для обиды. В противном случае газетам угрожали административными мерами вплоть до закрытия. Это в первую очередь касалось русскоязычной периодики, за которой зорко следили и советские посольства, и компетентные советские органы. «Причинение ущерба добрососедским отношениям» не было, конечно, официально обозначено в Законе о печати, но редакторы газет легко дешифровали соответствующие

¹⁵ [Б. п.] Печать. – Возрождение. 1928. № 1202. 16 сентября. С. 3.

разделы его параграфа 16, запрещавшего публиковать в периодических изданиях как относящиеся именно к СССР

4) письменные тексты или изображения, которые могут задеть общественную безопасность или нанести ущерб государственной обороне; <...> 8) сообщения, письменные тексты или изображения, которые могут подрвать внешнеполитические отношения государства¹⁶ (Trükiseadus 1938: 1438).

Но вернемся к заметке об исчезновении Булгакова. В самом начале 1920-х гг. подобные материалы не были редкостью – так, ежемесячный журнал «Новая русская книга», издававшийся в Берлине в 1921–1923 гг., ставил целью соединять разлученные войной семьи и друзей, писать о судьбах тех, кто остался в России. В те смутные времена ошибочные сведения о расстрелах, смертях, высылках и т. п. не были редкостью, к примеру, в 1920 году в газете «Воля России» друг Юрия Слезкина Александр Дроздов написал ему подробный некролог, между тем объект некролога продолжал жить и работать во Владикавказе¹⁷ (см.: Дроздов 1920: 3). Что же могло дать основания для газетной заметки об исчезновении Булгакова в сентябре 1928 года?

Из хроники жизни писателя известно, что весной и летом Булгаков много ездил – на Кавказ (Тифлис, Батум, Зеленый Мыс, Владикавказ, Гудермес), в Ленинград, Киев и Одессу. 24 августа 1928 г. он заключил договор с Киевским Русским театром на постановку пьесы «Бег» (и разрешение постановки «Бега» на первой неделе октября, и ее запрещение на неделе 18–23 октября того же года еще впереди).

На первый взгляд, благополучно складывается у Булгакова и сентябрь 1928 года: в МХТе играют 200-й спектакль «Дней Турбиных», Главрепертком выдает (ненадолго) разрешение на постановку пьесы «Багровый остров». В письме П. С. Попову от 1 сентября 1928 г. Н. Н. Лямин отмечает: «Мих<аил> Аф<анасьевич>

¹⁶ См. оригинал: „4) kirjutisi või kujutisi, mis võivad riivata avalikku julgeolekut või rikkuda riigikaitse huve; <...> 8) teateid, kirjeldusi või kujutisi, mis võivad rikkuda riigi välispoliitilisi suhteid“ (Trükiseadus 1938: 1438).

¹⁷ См.: Дроздов А. Памяти друга: Некролог. – Воля России. 1920. № 158. 18 июля. С. 3.

в Москве в хорошем настроении, ибо имеются основательные данные, что «Бег» разрешен» (цит. по: Чудакова 1988: 382).

Как представляется, опорной датой в интерпретации «исчезновения» можно считать письмо Булгакова Евгению Замятину от 27 сентября 1928 г., то есть ровно через две недели после публикации «Руля». Это его запоздалый ответ на письмо Замятина от 15 сентября, где тот напоминает другу об обещании дать в альманах Драмсоюза статью под названием «Премьера». После этого Булгаков, по его собственным словам, за две недели дополнил семь уже написанных страниц статьи еще тринадцатью и –

все 30 убористых страниц, выправив предварительно на них ошибки, вчера спалил в той печке, возле которой вы не раз сидели у меня. И хорошо, что вовремя опомнился. При живых людях, окружающих меня, о направлении в печать этого опуса речи быть не может (Булгаков 1990, 5: 428).

Он просит у Замятина прощения за то, что не выполнил обещания, и добавляет: «Не будет “Премьеры”! Вообще упражнения в области изящной словесности, по-видимому, закончились. <...> Человек разрушен» (Там же).

Чем можно объяснить подобное отчаяние Булгакова в сентябре 1928 года? Многочисленные, уже ставшие для писателя рутинными, запреты и отказы (отказ в разрешении на выезд за границу; запрет Главреперткомом «Бега» 9 мая; снятие с подмостков Театра им. Евгения Вахтангова «Зойкиной квартиры», о чем сообщала 9 июня «Вечерняя Москва»; следует уточнить, что об утверждении решения о запрете «Бега» сообщили 30 июня «Известия», дополнив эту информацию «перспективой»: спектакль «Дни Турбиных» остается в репертуаре МХТа «до осуществления “первой новой пьесы”» (Чудакова 1988: 291), и подразумевалось, конечно, что автором этой новой пьесы уже наверное будет не Булгаков) произошли раньше.

С большой долей вероятности причиной заметки в «Руле» можно считать статью Ивана Дорошева «За четкую классовую линию на фронте культуры», опубликованную в газете «Известия» 3 сентября 1928 г.

Булгаков густо отчеркнул абзац, имевший к нему непосредственное отношение: «Не случайно также и развитие театра приобрело в последнее время более конфликтную форму. “Булгаковщина” – нарицательное выражение буржуазного демократизма, сменовеховства в театральном творчестве – составляет ту классовую атмосферу, в которой сейчас предпочитает жить и дышать буржуазный интеллигент в советском театре» (Нинов 1990: 16).

Дальнейшая история с запрещением пьесы «Бег» (и других пьес Булгакова) подтвердила и вывод автора статьи, и правоту горького признания драматурга в письме Замятину. И хотя на этот раз «Руль» и последовавшие за ним газеты ошиблись, «исчезновение» Булгакова вполне можно рассматривать как реализацию метафоры – по сути, неразрывно связанными с политической волей официальными инстанциями всех уровней в области руководства искусством сделано было все, чтобы из советского театрального процесса Михаил Булгаков исчез навсегда.

Это и объясняет, почему творчество Михаила Булгакова в странах Балтии воспринималось как явление, прежде всего, политическое, олицетворявшее противостояние советскому режиму.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бескин Э. 1926. «Кремовые шторы». – Жизнь искусства. № 41. С. 7.
- Булгаков М. А. 1990. Собр. соч.: В 5-ти тт. М.: «Художественная литература».
- Ерыкалова И. Е., Жирмунская Н. А. 1990. Комментарии [к роману «Жизнь господина де Мольера»]. – Булгаков М. А. Собр. соч.: В 5-ти тт. Т. 4. М.: «Художественная литература». С. 631–661.
- Меймре А. 2022. Лики периодики. Кн. 1: Десятилетие «междоусобных войн»: К истории русской периодической печати Эстонии 1917–1927 годов. Таллинн: Авенариус.
- Нинов А. А. 1990. Михаил Булгаков и театральное движение 1920-х годов. – Булгаков М. А. Пьесы 1920-х годов. Л. «Искусство». Ленинградское отделение. С. 4–32.
- Смелянский А. М. 1986. Михаил Булгаков в Художественном театре. М.: «Искусство».

Соколов Б. В. 2007. Булгаков: Энциклопедия. Персонажи, прототипы, произведения, друзья и враги, семья. М.: ЭКСМО.

Чудакова М. О. 1988. Жизнеописание Михаила Булгакова. М.: «Книга».

Яновская Л. М. 2013. Последняя книга, или Треугольник Воланда: С отступлениями, сокращениями и дополнениями. Москва: ПРОЗАиК.

Trükiseadus 1938. – Riigi Teataja. Nr. 42. 26. aprill. Lk. 1436–1442.

REFERENCES

Beskin, E. “Kremovye shtory.” *Zhizn' iskusstva* 41 (1926): 7.

Bulgakov, M. A. *Sobranie sochinenii*. 5 vols. Moscow: “Khudozhestvennaia literatura,” 1990.

Chudakova, M. O. *Zhizneopisanie Mikhaila Bulgakova*. Moscow: “Kniga,” 1988.

Erykalova, I. E. and N. A. Zhirmunskaya. “Kommentarii [k romanu ‘Zhizn' gospodina de Mol'era’].” In *Sobranie sochinenii* by M. A. Bulgakov. 5 vols. Vol. 4, 631–61. Moscow: “Khudozhestvennaia literatura,” 1990.

Ianovskaya, L. M. *Posledniaya kniga, ili Treugol'nik Volanda: S otstupleniyami, sokrashcheniyami i dopolnениями*. Moscow: PROZAiK, 2013.

Meimre, A. *Liki periodiki*. Vol. 1, *Desiatiletie “mezhdousobnykh voyn”*: *K istorii russkoi periodicheskoi pechati Estonii 1917–1927 godov*. Tallinn: Avenarius, 2022.

Ninov, A. A. “Mikhail Bulgakov i teatral'noe dvizhenie 1920-kh godov.” In *P'esy 1920-kh godov* by M. A. Bulgakov, 4–32. Leningrad: “Iskusstvo.” Leningradskoe otdelenie, 1990.

Smelianskii, A. M. *Mikhail Bulgakov v Khudozhestvennom teatre*. Moscow: “Iskusstvo,” 1986.

Sokolov, B. V. *Bulgakov: Entsiklopediia. Personazhi, prototipy, proizvedeniia, druž'ia i vragi, sem'ia*. Moscow: EKSMO, 2007.

“Trükiseadus.” *Riigi Teataja* 42 (April 26, 1938): 1436–442.

ФРАГМЕНТ ИЗ РЫЦАРСКОГО РОМАНА «ПАРЦИВАЛЬ» ВОЛЬФРАМА ФОН ЭШЕНБАХА В ПЕРЕВОДЕ ЭЛЛИСА (ЛЬВА КОБЫЛИНСКОГО)

Ф. Б. Поляков
(Вена)

Во второй половине 1930-х годов напряженные занятия Эллиса русскими историко-литературными темами в связи с пушкинским юбилеем 1937 г., продолжение его собственного поэтического пути, приведшее к составлению сборника «Крест и Лира» (1938), обращение к переводам, главным образом из произведений немецкой литературы, – все эти результаты многолетнего труда постепенно приобретали форму почти завершенных книг. Однако угроза войны и гибели европейского миропорядка, та страшная трансформация, которую он имел возможность из безопасного швейцарского удаления наблюдать в Германии (см.: Поляков 2019: 131–144), подтолкнула Эллиса к осознанию необходимости оградить немецкую литературную традицию и религиозную культуру от идеологического порабощения «Третьим Рейхом».

Избранный Эллисом способ духовного противостояния предполагал перевод на русский большого числа немецких авторов – средневековых, классических, современных, – присутствие которых в иноязычной сфере, духовно и исторически родственной им, соотносенной с ними, было и продолжением труда В. А. Жуковского, и свидетельством их несводимости к национал-социалистической доминанте. В тех условиях изоляции и при отсутствии личного общения с русскими литературными кругами в эмиграции такой замысел требовал трудно представимого напряжения сил. Тем не менее Эллис оказался в состоянии завершить задуманную им огромную антологию под названием «Певцы Германии», даже понимая всю ничтожность шансов на ее появление (об истории сборника см.: Поляков 2020: 857–872). Для создания такой антологии

были бы нужны, казалось, многие годы и специальный интерес, не связанный с изменчивой современностью, но историческая катастрофа прихода национал-социализма, оборвав творческие связи Эллиса, придала этому труду совсем иной смысл.

Сборник был посвящен памяти Жуковского, личность которого превратилась для Эллиса в архетипический знак и его собственной судьбы, и его литературной деятельности. На обложку своей антологии Эллис предполагал поместить изображение на надгробном памятнике рыцаря-миннезингера Вольфрама († са. 1220), воздвигнутом в франконском Эшенбахе в 1922 г. (Поляков 2020: 861–863):

На памятнике изображена пластически сцена чудесного исцеления больного короля Монсальвата, Амфортаса<,> благодатной силой св. Грааля по молитве Парциваля. Над ними нисходит таинственный Голубь (*columba miraculosa*).

Трудно представить себе более знаменательное и прекрасное символическое изображение исцеления, которого жаждут все народы в наши дни!

В нашей статье мы рассмотрим предпосылки обращения Эллиса к наследию Вольфрама фон Эшенбаха и опубликуем относящиеся к этому автору неизданные свидетельства из антологии «Певцы Германии», которая подготавливается нами к изданию.

Первоначальным импульсом для обращения Эллиса к творчеству Вольфрама фон Эшенбаха были, как представляется, его занятия Рихардом Вагнером: в традицию вагнеровской экзегезы входит освещение привлекаемых композитором источников, в том числе и вольфрамовского «Парциваля» (см.: Schneider 1962: 107–124; Wapnewski 2011: 742–757; Brunner 2014: 1–16; ср. также: Пащенко 2012: 362–414). Обзор нескольких из них в рамках собственной концепции Эллиса содержится в его обширной статье «“Парсифаль” Рихарда Вагнера» (см.: Эллис 1913: 24–53; Эллис 2000: 201–228). Поскольку в представлениях Эллиса существенной чертой «поэмы Эшенбаха», т. е. романа в стихах «Парциваль», создание которого относится к 1200–1210 гг. (см.: Bumke 1999: 1378), являлся «глубокий,

непосредственный мистицизм» (Эллис 2000: 221), его интерпретация приобретает эзотерический характер, осложненный субстратом соловьевского наследия и дискуссиями символистского круга¹.

Статья Эллиса 1913 г. в печатном органе «Мусагета» вызвала критический отклик германиста и переводчика Артура Лютера (см.: Лютер 1914: 58–62). Появление этого историко-литературного экскурса на страницах мусажетской *Wagneriana* могло бы послужить примером методологических разногласий между символистской эзотерикой и академическим позитивизмом. Артур Лютер, опытный критик и рецензент, избегая суждений о профессиональной подготовке Эллиса в области истории средневековых западноевропейских литератур, отмечал: «Вследствие большой краткости изложения многое здесь является неясным и неточным, так что у мало подготовленного читателя легко может составиться не вполне верное представление о характере упоминаемых в статье произведений средневековой литературы» (Лютер 1914: 58). Впоследствии Эллис предполагал, как показывает переписка с секретарем издательства и его другом Н. П. Киселевым, вступить с Лютером в полемику, однако начало войны не позволило осуществиться этим намерениям, тем более что Лютер был вынужден покинуть Россию, где он родился, и отправиться в Германию, куда еще ранее уехал и Эллис, затем, по объявлении войны, перебравшийся в Швейцарию. Соответственно, Эллис резко высказывался о Лютере, подвергая сомнению его аналитические

¹ См.: Пашенко 2015: 100–110; ср. также: Пашенко 2018: 450–453. В работах М. В. Пашенко определяется место Эллиса в рамках традиции, обозначаемой как «русское граалеведение». Называя Эллиса «теоретиком постсимволизма» (sic), М. В. Пашенко формулирует предполагаемые им дефициты других исследователей (названы имена А. В. Лаврова и Heide Willich) следующим образом: «Биографы Эллиса не компетентны в сфере главного интереса их героя, вообще умалчивая об Эллисе-граалеведе и превратно понимая значение его вагнерианы, в которой видят слабую связь с Вагнером и выражение субъективно мотивированных символистских исканий <...>» (Пашенко 2016: 398, сн. 3). Цель этой инвективы (отметим ее стилистический анахронизм) не вполне ясна. Мы полагаем, что поиск собственного дискуссионного пространства для «русского граалеведения» не упраздняет множественность методологических подходов, а «главный интерес» – разнообразие исследовательских задач, связанных с изданием и изучением первичных источников.

способности; так, своему издателю, сотруднику по переводу стихотворений Владимира Соловьева и другу, поэту Рихарду Кнису Эллис стремился внушить, что Лютер представляет собой «позитивиста», мало смыслящего в Пушкине и Соловьеве (см.: Поляков 2001: 284). В связи с этими спорами на страницах «Трудов и дней» Эллис в переписке с Киселевым, посылая ему в Москву в 1915 г. письмо из Birsfelden (Kanton Basel-Landschaft), упоминает о своих переводческих занятиях, касающихся и Вольфрама: «V. Непременно присоедини в “Трудах...” к моей статье о Граале оба мои перевода из Вагнера и Эшенбаха»².

Продолжение занятий, уводящих к произведениям Вольфрама, нашло лишь частичное отражение в статье „Der Tempel des heiligen Grales als Dichtung und Wahrheit“ (см.: Kobilinsky (Ellis) 1932a: 21–28; Kobilinsky (Ellis) 1932b: 94–108), которая является небольшим фрагментом не дошедшего в полном составе (и, возможно, не доведенного до конца) исследования. Статья появилась в двух частях (объемом в восемь и пятнадцать страниц) в журнале „Bayreuther Blätter“, сотрудничество с которым в 1930-е годы осложнялось для него все более накалявшейся националистической атмосферой (см.: Поляков 2019: 134). Редактором журнала был один из протагонистов вагнеровского культа Hans Paul Freiherr von Wolzogen (1848–1938); с ним Эллис состоял в переписке, однако следов ее в архиве Вольцогена нам найти не удалось. Обратим внимание на следующее редакционное примечание (Kobilinsky (Ellis) 1932a: 21):

Es werden hier nur Teile eines größeren, viel breiter angelegten und tiefer eingehenden Werkes unseren Lesern bekannt gegeben, welche die Vorstellung vom heiligen Grale in ihrer geschichtlichen, besonders literarisch-dichterischen Auswirkung behandeln, während das ganze Werk der mystischen Bedeutung in weitestem Umfange gewidmet sein will.

H<ans> v<on> W<olzogen>

2 НИОР РГБ Ф. 128. Оп. III. Карт. 12. Ед. хр. 8. Л. 5; указано нам Еленой Глуховской.

Перевод:

Здесь нашим читателям представлены лишь части более крупного, гораздо более обширного и углубленного труда, в которых рассматривается представление о Св. Граде в его историческом, особенно литературно-поэтическом воздействии, тогда как труд в целом стремится посвятить себя мистическому значению <Св. Граля> в самом широком охвате.

Г<анс> ф<он> В<ольцоген>

Примечание Г. фон Вольцогена позволяет предположить, что ему – вероятно, по переписке – был известен план Эллиса; в обтекаемой формулировке об этом замысле сказано „gewidmet sein will“, буквально «намеревается быть посвященной», так что не вполне ясно, насколько этот труд был близок к завершению. По-видимому, Эллис, занимаясь христианской мистической интерпретацией преданий о Граале, надеялся на продолжение сотрудничества с Байройтом, поскольку Вольцогену такая тематика была в определенной степени близка: еще ранее он опубликовал книгу с рассказом повествования Вольфрама о Парцивале как типе христианского германского героя (см.: Wolzogen 1922; Grosse / Rautenberg 1989: 349, Nr. 2877; о ее тенденции см.: Schulze 2011: 774–775). Два года спустя после появления своей статьи Эллис все еще на словах связывает себя с байройтским журналом, рекомендуя художнику Николаю Зарецкому обратиться к посредничеству этого круга: «Всего вероятнее добиться результатов при обращении к Bayreuth’у через редактора Bayreuther Blätter H. von Wolzogen, которого я знаю как сотрудник этого журнала» (цит. по: Поляков 2019: 139; письмо от 20 сентября 1934 г.).

В небольшой по объему байройтской статье Эллиса даже в переработанном печатном варианте можно встретить переклички с публикацией 1913 г., хотя возможности их сопоставления заведомо ограничены. Вагнеровская тема, композиционно значимая в ранней работе, оказалась за пределами рассмотрения здесь, в журнале, основанном Рихардом Вагнером, но сам факт принятия статьи Эллиса к публикации Вольцогеном, ближайшим сотрудником Вагнера, свидетельствует о допустимом уровне

аргументации бывшего «русского вагнерианца» с точки зрения профессионального германского сообщества. В этой статье, при всей ее *фрагментарности* по отношению к общему замыслу (говоря словами Артура Лютера, «большой краткости изложения»), отражается огромная начитанность Эллиса в немецкой литературе и доступность значительного библиографического ресурса в поздний, локарнский период его творчества. Разумеется, основные представления Эллиса о символике Грааля, версиях ее истолкования, роли арабского источника, этимологии некоторых обозначений, знакомые нам по ранней работе (см.: Эллис 1913: 24–53), появляются и в байройтском экскурсе. Их связь с профессиональным контекстом западноевропейских исследований также легко прослеживается вплоть до сегодняшнего этапа³.

Таким образом, к тому времени, когда Эллис закончил рукопись своей антологии «Певцы Германии», у него имелся опыт переложения Вольфрама и история размышлений об этом источнике, продолжавшаяся несколько десятилетий. Особая значимость этого автора также побудила Эллиса наряду с [I] «Содержанием», т. е. частичной адаптацией пересказа фабулы произведения, содержащегося в издании Зимрока, и [II] своим стихотворным переложением поместить [III] обширное примечание, в котором дается изложение его концепции⁴.

Нам известен источник текста, с которым работал Эллис – это перевод Вольфрама на новонемецкий язык, сделанный боннским германистом Karl Simrock (далее мы ссылаемся на издание: Simrock 1883, учитывая первоначальную редакцию его перевода по первому изданию: Simrock 1842). Перевод Зимрока получил значительное распространение (см.: Grosse / Rautenberg 1989: 338, Nr. 2799); им также пользовался и Рихард Вагнер (см.: Wapnewski 2011: 742).

³ См. особенно: Schäfer 1985; ср. также: Hagen 1900: 73–79; Schöller 2009: 364–373 (к толкованию загадочного обозначения *lapsit exillis*); Stolz 2012: 83–113 (о роли восточных мотивов).

⁴ Для интерпретации перевода Эллиса основополагающим руководством является комментарий к V-ой книге «Парцивала» (см.: Kordt 1997); из специальной литературы упомянем исследования: Bumke 2001; Schöller 2009: 358–373. Имена персонажей рассматриваются в работах: Schröder 1982; Brüggem / Bumke 2011.

При выборе текста для включения в антологию Эллис останавливается на описании прихода Парциваля в замок короля Анфортаса в V книге; из общего числа содержащихся в ней строф по 30 стихов согласно нумерации критического издания Карла Лахманна (224–279, Simrock 1883: 86–105) Эллисом обработана часть, соответствующая стихам 229,23–239,10 (в совокупности 287 стихов). Перевод сделан четырехстопным ямбом (с вариациями), строфика не соблюдается (как и в переводе Гинзбург 1974), допущена незначительная архаизация языка. Мы не ставим перед собой задачи построчного сопоставления русского переложения и новонемецкого перевода, однако уже объем версии Эллиса (210 строк) показывает, что его переложение содержит значительные изменения при передаче исходного текста. Прежде всего это описание трапезы рыцарей, на что указывает сам Эллис (см. ниже III), не пожелавший по объясненным им идеологическим причинам отягощать картину пира кулинарными подробностями в стихотворной форме и предложив взамен прозаический пересказ (отметим, впрочем, важность таких описаний для средневековой рецепции повествования; ср.: Classen 2007: 315–335). Однако пропуски или переводческие вольности встречаются здесь и в других случаях. Так, например, Эллисом опущены стихи, которыми Вольфрам соединяет завершение сцены с кровоточащим копьем с началом ритуала пиршества (232,5–8; Simrock 1883: 89):

Mag es euch nicht verdrießen,
Will ich die Mär erschließen,
Daß ihr vernehmet und erfahrt,
Wie herrlich da gedienet ward.⁵

⁵ Приблизительный перевод: «Не желая вас опечалить, / Я хочу начать повествование / Чтобы вы услышали и узнали, / Сколь великолепно там служили». Однако в более ранних изданиях перевода Зимрока, например, в первом (см.: Simrock 1842: 257), первые два стиха читались иначе: „Währt es nun euch nicht zu lang, / So mach ich hier den Anfang“ («Не затягивая для вас слишком долго, / Я положу [буквально: сделаю] здесь начало»), что более соответствует образу *тянущегося* времени в оригинале (232,5): „wil iuch nû niht *erlangen*“ (Wolfram von Eschenbach 2008: 205). Эта связка сокращена и в переводе Льва Гинзбурга (см.: Гинзбург 1974: 373).

При этом в предшествующей поразительной сцене с копьем, о которой Эллис пишет и в своем примечании (III), он допускает парафразу в стихах 232,1–2, когда после исчезновения копья страдания присутствующих прекращаются („Da war des Volkes Noth gestillt / Das erst von Jammer stand erfüllt“. – Simrock 1883: loc. cit.; ср.: „Da war gestillt des Volkes Noth, / Dem erst der Jammer gebot“. – Simrock 1842: 257), добавляя собственную ассоциацию: «И, лишь исчезнуло копье, / *Вновь разлилося забытьё*» (ст. 61–62). Отметим, что алойное дерево (признак сказочного богатства, см. о нем: Kordt 1997: 65) как материал для отопления королевского зала Эллис оставляет в латинском облике *lignum aloe* (230,11), заимствованном у Зимрока, который таким образом передает изначальное чтение средневерхненем. *lign alôê* (см.: Wolfram von Eschenbach 2008: 203); аналогичное решение («Над деревом Aloe Lignum») найдено и Львом Гинзбургом (см.: Гинзбург 1974: 372).

В нашей публикации переложение Эллиса издается по новой орфографии, исправления в таких случаях как *в роде* (совр. *вроде*), *в виду* (совр. *ввиду*), *не малой* (совр. *немалой*) или очевидные ошибки (например, *явства* вместо *яства*) не оговариваются, курсив Эллиса повсюду, в том числе и при написании имен собственных, сохранен.

[I]

<Вольфрам фон Эшенбах>

Парциваль.

Из V-ой песни: Анфортас.

СОДЕРЖАНИЕ

Парциваль, резво скача в своем бесцельном пути, под вечер прибывает к озеру, где спрашивает рыбаков о ночлеге. Один из рыбаков, роскошно одетый, но печальный, указывает ему путь к соседнему замку, в котором он сам готов принять его, как хозяин. *Парциваль* скачет туда. Оруженосец (замка), узнав, что он прислан рыбаком, опускает подъёмный мост. На дворе замка растёт

трава, верный знак того, что здесь редки веселые рыцарские игры. В замке он встречен самым радушным образом и укрыт мантией королевы *Репанзы де Шуа*. Некий человек повелительно требует, чтобы он явился пред королем; *Парциваль* в гневе сжимает уже свой кулак, но скоро успокаивается, получив разъяснение, что должность этого человека шутками разгонять их печаль. В зале замка *Парциваль* зрит сто люстр и столько же лож, на каждом ложе по четыре рыцаря. В трех мраморных очагах горит алоэ. Хозяин замка, весь одетый в меха, возлежит около среднего очага на походном ложе; он приглашает *Парциваля* сесть с ним рядом. Один из пажей начинает служение, т. е. трапезу. Из стальных дверей зала входят две девы, неся горящие свечи в золотых подсвечниках; одна из них *Кларишанца*, графиня *фон Тенаброк*, другая *Гаршилуа фон Грюнланд*. За ними следуют две герцогини, из которых каждая ставит перед королём по две ножки для стола из слоновой кости. Четыре девы эти одеты в черный шарлах, восемь дев, шествующих за ними, одеты в зеленый бархат из *Ассагога*. Четыре из них предносят светильники, четыре, идущие сзади – крышку стола из прозрачного яхонта, который они полагают на ножки из слоновой кости. Две графини, *Флория фон Нонель* и *Анфлиза фон Рейль* – несут острые ножи из серебра; за ними идут еще четыре девы со светильниками. Шесть других дев, одетые, подобно предшествующим, в одеяния, разделенные пополам и состоящие наполовину из плиалета, наполовину из нинивейского шелка, сопровождают, неся в сосудах из стекла пылающий бальзам, девственную королеву *Репанзу де Шуа*, одетую в арабский пфеллель: Граль [удостоил] избрал её за ее целомудрие для торжественного несения при трапезе. Она кладет на зеленой ткани из ашмарди Граль^{1*} пред королём, отступает назад и, сияя короной, пребывает посредине двадцати четырех дев. Потом слуги вносят сто, покрытых скатертями, столов, на четырех рыцарей каждый. Камерарий снабжает каждый стол золотым сосудом с водой для омовения, а отрок-служитель белым платом для отирания рук; хозяину замка и *Парцивалю* служит коленопреклонённо один из молодых графов. При каждом столе два коленопреклонённые пажа разрезают, а два другие распределяют яства и пития. Четыре

повозки с золотыми кубками движутся по залу, четверо рыцарей расставляют кубки эти по столам, один служитель после снова убирает их в повозки. Сто пажей принимают от *Граля* хлеб, полагая его на белые платы, и распределяют его по столам. *Граль* оделяет всех, каждого сообразно его желанию, всевозможными яствами и питиями. *Парциваль*, хоть и замечает это чудо, [печаль] муку короля и всеобщую скорбь, при этом роскошестве, однако, помня совет Гурнеманса, не спрашивать ни о чём, даже и после того, как король дарит ему свой дорогой меч.^{2*}

(Примечания Эллиса:)

1* Эшенбах изображает *Граль* сияющим, волшебным камнем Ясписом (Stein, Lapis exillis), ограничиваясь в этой песне лишь царственным (regalis) аспектом *Граля*. См. Примечания стр. <sic>

2* Содержание см. K. Simrock: „Parzival und Titurel, Rittergedichte von Wolfram von Eschenbach, übersetzt und erläutert von K. Simrock“.

Предпосланный переводу стихотворного отрывка (см. ниже II) текст представляет собой перевод следующего места (Simrock 1883: 85–86):

V. ANFORTAS

Mit schnellem, ziellosem Ritt gelangt Parzival Abends an einen See, wo er Fischer nach Herberge fragt. Der Eine, reichgekleidet, doch traurig, bescheidet ihn zu einer nahen Burg, wo er selber Wirth sein werde. Er reitet dahin. Ein Knappe läßt, als er hört, daß ihn der Fischer gesandt habe, die Zugbrücke nieder. Im Burghofe wächst Gras, ein Zeichen, daß hier fröhliche Ritterspiele selten begangen werden. Er wird gut empfangen und mit dem Mantel der Königin, Repanse de Schoie, bekleidet. Ein Mann ruft ihn gebieterisch zum Könige: ergrimmt ballt Parzival die Faust, wird aber beruhigt, weil es dieses Mannes Amt sei, ihre Traurigkeit durch Scherze zu erheitern. Im Saale findet er hundert Kronleuchter und ebenso viel Ruhebetten, auf jedem vier Ritter. Auf drei marmornen Feuerherden brennt Aloeholz. Der Wirth, der in Pelzwerk gehüllt bei der mittlern Feuerstatt auf einem Spannbette (Feldbette) ruht, läßt Parzival neben sich

Platz nehmen. Ein Knappe trägt eine bluttriefende Lanze durch den Saal, bei deren Anblick Alles in Jammer ausbricht. Nun beginnt der Dienst, d. i. die Bewirthung. Durch eine Stahlthüre treten zwei Jungfrauen ein, auf goldnen Leuchtern brennende Kerzen tragend; die eine ist Klarischanze, Gräfin von Tenabrock, die andere Garschiloie von Grünland. Ihnen folgen zwei Herzoginnen, jedwede setzt zwei Helfenbeinstollen vor den König hin. Diese vier tragen braunen Scharlach, die folgenden acht sind in grünen Samt von Aßagog gekleidet. Viere davon tragen Lichter voraus, die vier andern ein Tischblatt aus durchsichtigem Granatjachant, das sie auf die Stollen legen. Zwei Gräfinnen, Florie von Ronel und Anflise von Reil, bringen scharfe silberne Meßer; bei ihnen sind vier Jungfrauen mit Lichtern. Sechs andere wie die vorigen in getheilten Röcken, halb Plialt, halb Seide von Ninive, begleiten, in Gläsern brennenden Balsam tragend, die in arabischen Pfellel gekleidete jungfräuliche Königin, Repanse de Schoie, von welcher der Gral, ihrer Reinheit willen, sich tragen zu lassen würdigte. Diesen setzt sie auf einem grünen Achmardizeuge vor den König, tritt dann zurück und steht mit der Krone in der Mitte der vier und zwanzig Jungfrauen. Darauf werden hundert Tische, je Einer für vier Ritter, hereingetragen und gedeckt; an jedem reicht ein Kämmerer in goldenem Becken das Handwaßer und ein Junker eine weiße Zwickel zum Abtrocknen; dem Wirth und Parzival bietet sie ein Grafensohn knieend. Bei jeder Tafel schneiden zwei Knappen knieend vor, zwei andere tragen Trank und Speise zu. Vier Wagen mit goldenen Trinkgeschirren fahren im Saale umher, vier Ritter setzen sie auf die Tische, ein Schaffner hebt sie hernach wieder ab. Hundert Knappen nehmen vor dem Gral Brot in weiße Tücher und vertheilen es auf die Tische. Von dem Gral kommt auch sonst Trank und Speise, was und so viel nur ein Jeder zu eßen und zu trinken begehrt. Wohl bemerkt Parzival dieß Wunder, des Königs Schmerz und die allgemeine Trauer bei solchem Reichtum, aber der Lehre Gurnemans eingedenk, fragt er nicht, auch dann nicht, als ihm der König ein kostbares Schwert schenkt und dabei seiner schweren Verwundung erwähnt.

<...>

[III]

- Он в зал вошел, в роскошном зале
Пред ним торжественно сияли
Сто люстр свечами без числа,
И каждая стена была
- 5 Озарена свечами тоже.
Сто пышных лож, за ложем ложе,
Кругом стояли по стенам, –
На каждом ложе чинно там
Четыре рыцаря, в печали
- 10 Безмолвствуя, полулежали;
Цветной ковер, ведя узор,
Меж них заполнил весь простор, –
И было каждому приметно,
Что вправду в замке том несметно
- 15 Богатство Фримутеля^{1*} сына,
В стенах три мраморных камина
Пылали ярко, в их огне
Курилось LIGNUM ALIOE.
Он сам, больной хозяин, тоже
- 20 Простертый на походном ложе,
Лежал пред средним очагом,
Давно с улыбкой незнаком
Весь – скорбь и горькое страданье,
Полуразрушенное зданье.
- 25 Больной король в роскошном зале
Радужно принял Парцивала:
Свой замок рыцарский и зал
Он сам же гостю указал...
Он молвил с горестным приветом:
- 30 «Присядь ко мне на ложе этом,
Перед камином, близ огня,
И другом почитай меня!»
Едва смиряли в нем страданье
Тепло огня и одеянье

- 35 Из шкурок пышных соболей,
В печальной немощи своей
Он был завернут в мех богатый,
Согбен под шапкой полосатой,
Где лент арабских и колец
- 40 Узор змеился, чей конец
Рубин блестящий убирал,
И, вниз роняя свет, играл.
Безмолвно рыцари вокруг
Полулежали грустно, вдруг
- 45 Из дальней двери в светлый зал
С копьем воздетым паж вбежал,
По нём вдоль древка с острия
Лилась кровавая струя,
Лилась до самых пажух рук,
- 50 Бесследно исчезала вдруг.
Едва предстал он, зазвучали
Вкруг стоны боли и печали,
И вопли тридцати племён
В единый сочетались стон,
- 55 Но паж вдоль стен, средь вздохов, слёз
Копье кровавое пронёс
И снова, возвратясь к дверям,
Исчез, как и явился, там.
Едва он скрылся, замолчали
- 60 Вдруг стоны боли и печали,
И, лишь исчезнуло копье,
Вновь разлилось забытьё.
Но на другом конце теперь
Стальная растворилась дверь,
- 65 И в зале робка и чиста
Предстала юных дев чета.
Цвели столь свежи и легки
На светлых их кудрях венки,
Что нить блестящая связала;

- 70 Предстала каждая средь зала,
Невинно девственной рукой,
Воздев светильник золотой.
Весь темный бархат стан облёк
Графини юной Тенаброк
- 75 (И стан подруги благородной).
Два пояса наряд свободный
Обвили там, где стан у ней
Был тоньше, гибче и нежней.
Безмолвный встретил их привет.
- 80 Две герцогини им вослед
Внесли на удивленье гостя
Подставки из слоновой кости^{2*}.
Как пламя, рдели их уста;
Вот преклонилась дев чета
- 85 Легко пред королём больным,
Потом поставила пред ним
Четыре ножки для стола
И к первой паре отошла.
И снова входят восемь дев,
- 90 Четыре – светочи воздев,
Четыре – камень самоцветный,
Что весь прозрачный, искрометный,
Играл лучами золотыми,
И *яхонт* камню было имя.
- 95 Широкий, долгий распилён
Был вдоль рукой искусной он
И был – в час трапезы столом
Служить – назначен королём.
Склонясь пред ним с приветом чинным,
- 100 Ступают девы в зале длинном,
Из *яхонта* и кости белой,
Слагают стол рукой умелой,
За парой пара прочь идут
И, став поодаль, тихо ждут.

- 105 На них одежды зеленей,
Чем травы первые полей,
Был бархат им из Асагога
Предписан по обряду строго,
Им стан невинно-благородный
110 Вкруг пояс обвивал свободный,
А кудри светлые облёк
Благоухающий венок...
Вновь дев чета вошла, держа
Два изошрённые ножа,
115 На чьих клинках из серебра
Дрожала светлая игра,
Чей изукрашенный клинок
Разрезать сталь легко бы смог;
За ними следуют богато
120 Расшитые два белых плата.
Пред королём склонясь с приветом,
Светильников залиты светом,
Они на стол ножи кладут
И к сонму прочих дев идут...
125 Тогда предстала наконец
Их королева; ей венец
Лучистый окружал чело,
И в зале словно рассвело.
Пред ней весь зал мгновенно смолк;
130 Одета в арабский шелк,
С невинной радостью в груди
Она зелёный ахмарди^{3*}
Несла, вокруг светло взирая,
И Граль на нём, дар дивный рая,
135 Граль, чей единый луч даёт
Блаженство всех земных щедрот.
К служенью Гралем избрана
Прекрасная Репанза Шуа
За то, что вся она чиста,

- 140 И воля Граля ей свята.
Она вняла ей в умиление,
Приняв Его благословенье...
Предшествуют за рядом ряд
Ей светочи; как день горят
- 145 Они средь рыцарей печальных,
И шесть высоких чаш хрустальных
За ними предстают гостям,
Храня пылающий бальзам.
Когда ж прошли за девой дева,
- 150 С приветом чинным королева
Перед владыкой скорбным Граль
На стол сложила^{4*}. Парциваль
(Про то ведется давний сказ!)
Не мог свести с прекрасной глаз,
- 155 Он узрел Граля дивный свет,
Репанзы мантией одет.
Тогда, сплетаясь дружным кругом,
Сошлись все пары друг за другом
Вкруг королевы, но она
- 160 Над сонмом дев вознесена
В своей короне золотой
Сверкала яркою звездой
И всех блистаньем затмевала...
Меж тем средь рыцарского зала
- 165 Вода в сосудах сонмом слуг
Уже разнесена вокруг,
И с белым платом юный паж
Прошел вслед полных влагой чаш.
Был пир, роскошный пир готов:
- 170 Накрыты были сто столов,
За каждым дружно по четыре
Воссело рыцаря на пир,
И скатерть снежная была
Дана для каждого стола.

- 175 Вот сам король исполнен муки
Взял кубок с чистой влагой в руки,
За ним и гость стал омовенье
Свершать безмолвно, в то ж мгновенье
Пред ним колена юный граф
- 180 Склонил, шелковый плат подав.
Четыре юные пажа,
У каждого стола служа,
Немолчно хлопотали в зале,
Два – яства тонко разрезали,
- 185 Встав на колени, два других
Поспешно раздавали их.
Повозки в зале здесь и там
Катали, подвозя к гостям,
Четыре рыцаря повсюда,
- 190 На них сверкала кубков груды...
Сто отроков, склонив колена,
Внимая чутко глас велений,
Как в час свершенья высшей требы,
От Граля принимали хлебы,
- 195 На платы белые кладя
И прочь смиренно отходя.
Диковинный о Грале сказ
Я слыхивал немало раз!..
Здесь всё, кто что б ни возжелал,
- 200 Готовым тотчас Граль давал...
О Граль! источник вожделенный
Даров земли, щедрот вселенной,
Рог изобилья, ток чудес
Благословенный дар небес!..
- 205 Так рыцарей святого братства
Среди несметного богатства
Всех одарял всевластный Граль;
Чудес без счета Парциваль
Узрел, но, как лишённый сил,
- 210 Он ни о чём не спросил!

<Примечания Эллиса к переводу:>

1* «Сын Фримутеля» – Анфортас, третий из «королей Монсальвата».

2* Подставки – ножки для стола, на к<ото>ром покоился *Граль*.

3* *Achmardi* – арабская, дорогая материя.

4* «сложила», ибо Вольфрам изображает *Граль* сверкающим волшебным камнем (Ясписом). См. *примечание* на стр. <sic>

[III]

«Парциваль» В. Эшенбаха

В этой песне своего «Парциваля» Эшенбах всего более находится под влиянием арабской, магической (возникшей на почве культа «солнечного бога» *Митры*) версии легенды о волшебном талисмане-камне, выбитом мечом *арх<ангела> Михаила (Азраила)* из короны *Люцифера (Иблиса)*, взятой им, по-видимому, из манускрипта *Флегетаниса* (араба-астролога), к<ото>рую он сливает с весьма им изменённой первоначальной легендой (христианско-рыцарского цикла) о *св. Граале*. Он вдохновлен символикой более внешнего и менее таинственного аспекта *Грааля* <-> т<ак> н<азываемого> царственного (*regalis*), или „*lapis* (иногда *jaspis*) *exillis*“; согласно последней версии *Граль* является не в виде *Чаши с Кровью Христа* (в соответствии с самой древней и наиболее эзотерической верси[ей] т<ак> н<азываемого> духовного или жреческого (*sacerdotalis*) *Грааля*), а в виде драгоценного камня, *хрустало-образного Ясписа*, символизирующего землю, как планету, пребывающую после грехопадения прародителей под гневом Бога (откуда выражение *exillis*).

Такое превращение религиозно-космического символа в полу-магический, полу-фантастический образ падучей звезды и далее в сказочный волшебный талисман вроде рога изобилия, волшебной скатерти-самобранки или лампочки Аладина, превращение [самого] *Монсальвата* из святилища сокровенных тайнодейств (*мистерий*) в роскошный чертог, исполненный несметных богатств дворцов Шахерезады и в «замок чудес», неизбежный во всяком средневековом „*roman d'aventure*“, а «святого простеца»

в блуждающего рыцаря (*irrender Ritter*), искателя приключений не должно смущать в чисто-поэтическом творении часто наивного, часто лукавого миннезингера, каким и был *В. Эшенбах*. Последовательным является также и превращение литургических форм служения рыцарей Грааля в торжественно-пластическое несение талисмана-камня девственной королевой и в евритмически-символическую пантомиму из 24 дев, изображающих движение созвездий.

Дыхание целомудрия среди мира прелестей и мотив глубокой, неисцелимой скорби [~~и муки~~] в царстве роскоши, раны, непрестанно источающей кровь при блеске ста люстр, среди переливов драгоценных камней и ими зачарованных очей – создание этих антиномий со всей их символикой греха и чар – вот в чем главный интерес этой песни «Парциваля» и основное достижение, заслуга певца его.

Всё описание сверх-естественной трапезы и особенно снабжения Гралем пирующих рыцарей (темплиеров) всевозможными яствами отчасти изменено нами и значительно сокращено ввиду невозможности точно и полно перевести его стихами по-русски. Все это место 5 песни является исключительно смелым и очень странным сочетанием в одну фантазмагорию таинственно-чудесного с волшебного-магического, евангельского повествования о чуде умножения пяти хлебов и двух рыб с фантастическими сказками магометанского Востока (особенно мавританских, вдохновленных лже-культом *Митры* легенд) о волшебных яствах, даруемых талисманами и магическими вещами (скатертями, столами, лампами, эликсирами, драгоценными сосудами и камнями). В точном переводе прозой всё место это должно значить:

Пред Гралем тотчас же стояло готовым (если я здесь говорю неправду, помогите мне лгать, т. е. «не люблю не слушать, а врать не мешай!») все, за чем бы не протянулась рука каждого (из гостей): яства горячие, яства холодные, яства новые и старые, рыба, дичь и мясо домашних (ручных) животных (*Zahm*). Если кто-либо скажет: «Здесь нет ни слова правды», то это будет дерзостью, ибо

Граль был источником всех благословений, рогом изобилий всех земных радостей («сладостей»); здесь было нечто подобное тому, что повествуется о царствии небесном. В малых сосудах из золота вдруг появлялось всё потребное при каждом явстве: перец, соль, аграс. Все получали нежные яства в должной мере и каждый (гость) чинно относил, держа перед собой, полученное. „Morass“, вино, алый синопель („Sinopel“), за к<ото>рым каждый протягивал кубок, объявляя (называя), что ему потребно для питья – всё это даровала сила Граля.

Это загадочное место, где переплетаются намёки на вещи немалой важности с явно ироническими и смехотворными прибаутками, весьма похожее на манеру романтиков («трансцендентальную иронию» их), очевидно, одновременно жестоко пародирует современные автору версии весьма опошленного и грубо-натуралистического представления о «*чудотворных силах Граля*» и старается прикрыть покрывалом шуточности те намёки на «*тайны ордена темплиеров*», к<ото>рые поэт почерпнул из рукописных источников. По-видимому, в его время небезопасно было распространяться о магических культах, получивших в 13 в<еке> несомненное господство среди целого ряда тайных сообществ и через почти столетие повлекших трагически к гибели некогда лучший среди рыцарских орденов.

Напротив, в IX песне «Парциваля» нас встречает более строгий и возвышенный дух, тон и стиль. Эта песнь изображает пробуждение души Парциваля, его возврат к Богу и рыцарскому долгу, возобновление им „*Questo di St. Graal*“. Конь рыцаря, к<ото>рому последний дает свободу выбора пути, по таинственному велению неба привозит его к „*Fontaine sauvasche*“ (символ очищения, *катарсиса*), где святой старец, отшельник *Тревресеци* (брат *короля Анфортаса* и дядя Парциваля) спасается в уединении, среди дебрей леса. Старец ведет горько кающегося рыцаря к горному ручью и после к огню в пещере (символы прохождения элементов), налагает на него власяницу и поучает его не доверяться надменности *Люцифера* и сообщает ему великую тайну о св. Граале:

De[n] Gral kann [N]iemand erjagen,
Als der im Himmel wird ernannt
Und in den Dienst des Grals gesandt!^{1*}

Парциваль исповедуется ему сокрушенно и внимает от него небесным тайнам св. Грааля – нисхождению таинственного Голубя с гостией. После *сорокадневного, строгого поста* он получает отпущение грехов и продолжает, духовно возрождённый, свой путь.

Ещё более явственное дуновение подлинно-мистического духа Средневековья веет в заключительной XVI песне („Loherangrin“), где изображается исцеление *Анфортаса* прибывшим *Парцивалем* и нисхождение таинственного Голубя, а также избрание последнего на владычество в царстве *Монсальвата*, после чего следует повторение сцены торжественно-ритуального несения св. Грааля девами и таинственной трапезы рыцарей, однако без участия кровоточащего копья и при ином светлом, радостном настроении.

Поэма заканчивается повествованием о крещении брата Парциваля – *Фейрефисса* (сына Гамурета и королевы мавров, Белаканы) и переходом к теме *Лоэрангрин*.

<Примечание Эллиса:>

1* «Немыслимо ни для кого добыть Граль силой, лишь тот, чьё имя изрекает само небо, призывается на служение Гралю». <цитируемая немецкая версия соответствует стихам 468,12–14; Simrock 1883: 175. – Ф. П.>

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гинзбург Л. 1974. Вольфрам фон Эшенбах, Парцифаль / Сокращенный пер. со средневерхненемецкого Льва Гинзбурга. – Средневековый роман и повесть / Вступительная ст. и примечания А. Д. Михайлова. М.: Художественная литература, С. 261–578.
- Лютер А. 1914. «Парсиваль» в средние века. – Труды и Дни издательства «Мусагет». Тетрадь седьмая. С. 58–62.
- Пашенко М. В. 2012. Структурная теология Рихарда Вагнера: Вечеря св. Грааля в мистерии «Парсифаль». – Вопросы литературы. № 2. С. 362–414.

- Пащенко М. В. 2015. «Русский Ницше» и «русский Вагнер». – Вопросы философии. № 6. С. 100–110.
- Пащенко М. В. 2016. «Русский Грааль»: Филология символических форм А. Н. Веселовского. – Веселовский А. Избранное: Легенда о Св. Граале. М.; СПб.: «Петроглиф». С. 397–475.
- Пащенко М. В. 2018. Сюжет для мистерии: Парсифаль – Китеж – Золотой Петушок (Историческая поэтика оперы в канун модерна). М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив.
- Поляков Ф. Б. 2001. Утраченная книга Эллиса о Пушкине (По материалам неизданной переписки 1934–1937 гг.). – Диаспора: Новые материалы. Вып. II. СПб.: Феникс. С. 269–290.
- Поляков Ф. Б. 2019. Антихристианский национализм и судьбы культурных традиций в Европе 1930-х годов: Материалы из писем Эллиса (Льва Кобылинского) к Николаю Зарецкому. – Философические письма. Русско-европейский диалог. Т. 2. № 2. С. 131–144 (<https://phillet.hse.ru/article/view/9992/10888>).
- Поляков Ф. 2020. «Краем глаза, через полстолетия»: Неизданная антология Эллиса «Певцы Германии». – Unacknowledged Legislators. Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel / Ed. by Lazar Fleishman, David M. Bethea, and Ilya Vinitsky. Berlin: Peter Lang. P. 857–872 (Stanford Slavic Studies. Vol. 50).
- Эллис 1913. «Парсифаль» Рихарда Вагнера. – Труды и Дни на 1913 год. Тетрадь первая и вторая. С. 24–53.
- Эллис 2000. Неизданное и несобранное / Сост., подготовка текста, библиографические справки А. В. Лаврова, Г. В. Нефедьева, С. Н. Мироненко. Томск: Водолей.
- Brüggen, Elke / Bumke, Joachim 2011. Figuren-Lexikon. – Wolfram von Eschenbach. Ein Handbuch / Hrsg. von Joachim Heinzle. Bd. 2: Figuren-Lexikon, beschreibendes Verzeichnis der Handschriften, Bibliographien, Register, Abbildungen. Berlin; Boston: De Gruyter. S. 835–938.
- Brunner, Horst 2014. „Wolfram ist eine durchaus unreife Erscheinung“. Richard Wagner und Wolfram von Eschenbach: ‘Parsifal’ und ‘Parzival’. – Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur. Bd. 143. S. 1–16.
- Bumke, Joachim 1999. Wolfram von Eschenbach. – Die deutsche Literatur des Mittelalters. Verfasserlexikon / Begründet von Wolfgang Stammer, fortgeführt von Karl Langosch. Zweite, völlig neu bearbeitete Auflage

- herausgegeben von Burghart Wachinger zusammen mit Gundolf Keil, Kurt Ruh, Werner Schröder, Franz Josef Worstbrock. Bd 10. Berlin; New York: De Gruyter. (Nachdruck 2010). S. 1376–1418.
- Bumke, Joachim 2001. Die Blutstropfen im Schnee. Über Wahrnehmung und Erkenntnis im »Parzival« Wolframs von Eschenbach. Tübingen: Max Niemeyer (Hermaea. Germanistische Forschungen. N. F. Bd. 94).
- Classen, Albrecht 2007. The Symbolic Function of Food as Iconic Representation of Culture and Spirituality in Wolfram von Eschenbach's *Parzival* (ca 1205). – *Orbis Litterarum*. Vol. 62. Issue 4. P. 315–335.
- Grosse, Siegfried / Rautenberg Ursula 1989. Die Rezeption mittelalterlicher deutscher Dichtung. Eine Bibliographie ihrer Übersetzungen und Bearbeitungen seit der Mitte des 18. Jahrhunderts. Tübingen: Max Niemeyer.
- Hagen, Paul 1900. – Der Gral. Straßburg: Karl J. Trübner (Quellen und Forschungen zur Sprach- und Culturgeschichte der germanischen Völker, LXXXV).
- Heinzle, Joachim (Hg.) 2011. Wolfram von Eschenbach. Ein Handbuch. Bd. 1: Autor, Werk, Wirkung / Hrsg. von Joachim Heinzle. Bd. 2: Figuren-Lexikon, beschreibendes Verzeichnis der Handschriften, Bibliographien, Register, Abbildungen. Berlin; Boston: De Gruyter.
- Kobilinsky (Ellis), L. 1932a. Der Tempel des heiligen Grales als Dichtung und Wahrheit. – *Bayreuther Blätter*. Heft 1. S. 21–28.
- Kobilinsky (Ellis), L. 1932b. Der Tempel des heiligen Grales als Dichtung und Wahrheit. – *Bayreuther Blätter*. Heft 2. S. 94–108.
- Kordt, Christa-Maria 1997. *Parzival* in Munsalvaesche. Kommentar zu Buch V/1 von Wolframs *Parzival* (224,1–248,30). Herne: Verlag für Wissenschaft und Kunst.
- Schneider, Hermann 1962. Richard Wagner und das germanische Altertum. – Hermann Schneider. Kleinere Schriften zur germanischen Heldensage und Literatur des Mittelalters / Hrsg. von Kurt Herbert Halbach und Wolfgang Mohr. Berlin: De Gruyter. S. 107–124.
- Schulze, Ursula 2011. *Parzival* in der Literatur des 19. und 20. Jahrhunderts. – Wolfram von Eschenbach. Ein Handbuch / Hrsg. von Joachim Heinzle. Bd. 1: Autor, Werk, Wirkung. Berlin; Boston: De Gruyter. S. 758–797.
- Schröder, Werner 1982. Die Namen im "Parzival" und im "Titulrel" Wolframs von Eschenbach. Berlin; New York: De Gruyter (Reprint 2019).
- Schäfer, Hans-Wilhelm 1985. *Kelch und Stein: Untersuchungen zum Werk Wolframs von Eschenbach*. 2. ergänzte Auflage. Frankfurt am Main: Peter

- Lang (Europäische Hochschulschriften. Reihe I. Deutsche Sprache und Literatur. Bd. 565).
- Schöller, Robert 2009. Die Fassung *T des ›Parzival‹ Wolframs von Eschenbach. Untersuchungen zur Überlieferung und zum Textprofil. Berlin; New York: De Gruyter (Quellen und Forschungen zur Literatur- und Kulturgeschichte. Bd. 56 [290]).
- Simrock, Karl 1842. Parzival und Titurel. Rittergedichte von Wolfram von Eschenbach / Übersetzt und erläutert von Karl Simrock. Erster Band. Stuttgart; Tübingen: J. G. Cotta'scher Verlag.
- Simrock, Karl 1883. Parzival und Titurel. Rittergedichte von Wolfram von Eschenbach / Übersetzt und erläutert von Karl Simrock. 6. durchgesehene Auflage. Stuttgart: Verlag der J. G. Cotta'schen Buchhandlung.
- Stolz, Michael 2012. Kyot und Kundrie: Expertenwissen in Wolframs „Parzival“. – Wissen, maßgeschneidert. Experten und Expertenkulturen im Europa der Vormoderne / Hrsg. von Björn Reich, Frank Rexroth, Matthias Roick. München: Oldenbourg. S. 83–113 (Historische Zeitschrift. Beiheft 57).
- Wapnewski, Peter 2011. Wolframs ‚Parzival‘ in Wagners Bühnenweihfestspiel. – Wolfram von Eschenbach. Ein Handbuch / Hrsg. von Joachim Heinzle. Bd. 1: Autor, Werk, Wirkung. Berlin; Boston: De Gruyter. S. 742–757.
- Wolfram von Eschenbach 2008. Parzival / Auf der Grundlage der Handschrift D hrsg. von Joachim Bumke. Tübingen: Max Niemeyer (Altdeutsche Textbibliothek. Nr. 119).
- Wolzogen, Hans von 1922. Parzival der Gralsucher. Eine deutsche Heldengeschichte von Wolfram von Eschenbach. Neu und frei erzählt von Hans von Wolzogen. Berlin: Schroeter.

REFERENCES

- Brüggen, Elke and Joachim Bumke. “Figuren-Lexikon.” In *Wolfram von Eschenbach. Ein Handbuch*. Edited by Joachim Heinzle. Vol. 2, *Figuren-Lexikon, beschreibendes Verzeichnis der Handschriften, Bibliographien, Register, Abbildungen*, 835–938. Berlin and Boston: De Gruyter, 2011.
- Brunner, Horst. “‘Wolfram ist eine durchaus unreife Erscheinung.’ Richard Wagner und Wolfram von Eschenbach: ‘Parsifal’ und ‘Parzival.’” *Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur* 143 (2014): 1–16.
- Bumke, Joachim. “Wolfram von Eschenbach.” In *Die deutsche Literatur des Mittelalters. Verfasserlexikon*. Established by Wolfgang Stammerl, continued by Karl Langosch. Edited by Burghart Wachinger with Gundolf Keil, Kurt Ruh,

- Werner Schröder and Franz Josef Worstbrock 2nd completely rev. ed. Vol. 10, 1376–1418. Berlin and New York: De Gruyter, 1999 (Reprint 2010).
- . *Die Blutstropfen im Schnee. Über Wahrnehmung und Erkenntnis im "Parzival" Wolframs von Eschenbach*. Hermaea. Germanistische Forschungen. Neue Folge. Vol. 94. Tübingen: Max Niemeyer, 2001.
- Classen, Albrecht. "The Symbolic Function of Food as Iconic Representation of Culture and Spirituality in Wolfram von Eschenbach's *Parzival* (ca 1205)." *Orbis Litterarum* 62, no. 4 (2007): 315–35.
- Grosse, Siegfried and Ursula Rautenberg. *Die Rezeption mittelalterlicher deutscher Dichtung. Eine Bibliographie ihrer Übersetzungen und Bearbeitungen seit der Mitte des 18. Jahrhunderts*. Tübingen: Max Niemeyer, 1989.
- Ellis. "'Parsifal' Richard'a Wagner'a." *Trudy i Dni na 1913 god* 1/2 (1913): 24–53.
- . *Neizdannoe i nesobrannoe*. Edited and annotated by A. V. Lavrov, G. V. Nefed'eva and S. N. Mironenko. Tomsk: Vodolei, 2000.
- Hagen, Paul. *Der Gral*. Quellen und Forschungen zur Sprach- und Culturgeschichte der germanischen Völker. Vol. 85. Straßburg: Karl J. Trübner, 1900.
- Kobilinsky (Ellis), L. "Der Tempel des heiligen Grales als Dichtung und Wahrheit." *Bayreuther Blätter* 1 (1932): 21–28.
- Kobilinsky (Ellis), L. "Der Tempel des heiligen Grales als Dichtung und Wahrheit." *Bayreuther Blätter* 2 (1932): 94–108.
- Kordt, Christa-Maria. *Parzival in Munsalvaesche. Kommentar zu Buch V/1 von Wolframs Parzival (224,1–248,30)*. Herne: Verlag für Wissenschaft und Kunst, 1997.
- Luther, A. "'Parzival' v srednie veka." *Trudy i Dni izdatel'stva "Musaget"* 7 (1914): 58–62.
- Pashchenko, M. V. "Strukturnaia teologiya Richard'a Wagner'a: Vecheria sv. Graalia v misterii 'Parsifal'." *Voprosy literatury* 2 (2012): 362–414.
- . "'Russkii Nietzsche' i 'russkii Wagner'." *Voprosy filosofii* 6 (2015): 100–10.
- . "'Russkii Graal': Filologiya simvolicheskikh form A. N. Veselovskogo." In *Izbrannoe: Legenda o Sv. Graale* by A. Veselovskii, 397–475. Moscow and Saint Petersburg: Petroglyph, 2016.
- . *Siuzhet dlia misterii: Parsifal – Kitezh – Zolotoi Petushok (Istoricheskaia poetika opery v kanun moderna)*. Moscow and Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2018.
- Poliakov, F. B. "Utrachennaia kniga Ellisa o Pushkine (Po materialam neizdannoi perepiski 1934–1937 gg.)." In *Diaspora: Novye materialy*. Vol. 2, 269–90. Saint Petersburg: Phoenix, 2001.

- . “Antikhristianskii natsionalizm i sud’by kul’turnykh traditsii v Evrope 1930-kh godov: Materialy iz pisem Ellisa (L’va Kobylinskogo) k Nikolaiu Zaretskomu.” *Filosoficheskie pis’ma. Pussko-evropeiskii dialog* 2, no. 2 (2019): 131–44.
- . “Kraem glaza, cherez polstoletii’: Neizdannaiia antologiia Ellisa ‘Pevtsy Germanii’.” In *Unacknowledged Legislators: Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel*. Edited by Lazar Fleishman, David M. Betha and Ilya Vinitsky. Stanford Slavic Studies. Vol. 50, 857–72. Berlin: Peter Lang, 2020.
- Schneider, Hermann. “Richard Wagner und das germanische Altertum.” In *Kleinere Schriften zur germanischen Heldensage und Literatur des Mittelalters* by Hermann Schneider. Edited by Kurt Herbert Halbach and Wolfgang Mohr, 107–24. Berlin: De Gruyter, 1962.
- Schulze, Ursula. “Parzival in der Literatur des 19. und 20. Jahrhunderts.” – *Wolfram von Eschenbach. Ein Handbuch*. Edited by Joachim Heinzle. Vol. 1, *Autor, Werk, Wirkung*, 758–97. Berlin; Boston: De Gruyter, 2011.
- Schäfer, Hans-Wilhelm. *Kelch und Stein: Untersuchungen zum Werk Wolframs von Eschenbach*. 2. exp. ed. Europäische Hochschulschriften. Reihe I. Deutsche Sprache und Literatur. Vol. 565. Frankfurt: Peter Lang, 1985.
- Schöller, Robert. *Die Fassung *T des “Parzival” Wolframs von Eschenbach. Untersuchungen zur Überlieferung und zum Textprofil*. Quellen und Forschungen zur Literatur- und Kulturgeschichte. Vol. 56 (290). Berlin and New York: De Gruyter, 2009.
- Schröder, Werner. *Die Namen im “Parzival” und im “Tituel” Wolframs von Eschenbach*. Berlin and New York: De Gruyter, 1982 (Reprint 2019).
- Simrock, Karl. *Parzival und Tituel. Rittergedichte von Wolfram von Eschenbach*. Translated and annotated by Karl Simrock. Vol. 1. Stuttgart; Tübingen: J. G. Cotta’scher Verlag, 1842.
- . *Parzival und Tituel. Rittergedichte von Wolfram von Eschenbach*. Translated and annotated by Karl Simrock. 6th rev. ed. Stuttgart: Verlag der J. G. Cotta’schen Buchhandlung, 1883.
- Stolz, Michael. “Kyot und Kundrie: Expertenwissen in Wolframs ‘Parzival’.” In *Wissen, maßgeschneidert. Experten und Expertenkulturen im Europa der Vormoderne*. Edited by Björn Reich, Frank Rexroth and Matthias Roick. Historische Zeitschrift. Vol. 57, 83–113. München: Oldenbourg, 2012.

- Wapnewski, Peter. "Wolframs 'Parzival' in Wagners Bühnenweihfestspiel." In *Wolfram von Eschenbach. Ein Handbuch*. Edited by Joachim Heinzle. Vol. 1, *Autor, Werk, Wirkung*, 742–57. Berlin; Boston: De Gruyter, 2011.
- Wolfram von Eschenbach. Ein Handbuch*. Edited by Joachim Heinzle. Vol. 1, *Autor, Werk, Wirkung*. Vol. 2, *Figuren-Lexikon, beschreibendes Verzeichnis der Handschriften, Bibliographien, Register, Abbildungen*. Berlin and Boston: De Gruyter, 2011.
- Wolfram von Eschenbach. "Parzival." Abridged translation from Middle High German by Lev Ginzburg. In *Srednevekovyi roman i povest'*. Prefaced and annotated by A. D. Mikhailov, 261–578. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1974.
- . *Parzival*. Based on the Manuscript D. Edited by Joachim Bumke. *Altdeutsche Textbibliothek*. Nr. 119. Tübingen: Max Niemeyer, 2008.
- Wolzogen, Hans von. *Parzival der Gralsucher. Eine deutsche Heldengeschichte von Wolfram von Eschenbach*. New edition. Berlin: Schroeter, 1922.

МАРГИНАЛИИ К МАРШАКУ

Г. А. Левинтон

(С.-Петербург)

Только детские думы лелеять.

Мне хотелось по этому юбилейному случаю (при сей верной okazji)¹ написать о чем-нибудь сугубо советском. Порывшись в укладке, я подумал, что для нас признак «советского» отмечает особым образом детскую литературу. Если давним моим намерением было искать антисоветские «подтексты» (в традиционном, а не техническом смысле слова) в самых советских декларациях², то теперь показалось интересным найти – если не политически, то эстетически несоветские подтексты в советской детской литературе³.

Наверное, наиболее эффектным примером здесь был бы Михалков, как автор безусловно советский во всех негативных смыслах этого слова, но по нему материала в моих сусеках оказалось мало. Приведу три случая, более или менее очевидных и принципиально разных по источнику.

Он – летчик-испытатель

Стремительных стрекоз.

Он – физик и ботаник,

Механик и матрос.

(Михалков 1949: 6)

¹ Благодарю за разнообразную помощь А. Л. Соболева, Р. Д. Тименчика и Г. М. Утгофа.

² Я долго носился с идеей, что есенинские строки о смерти Ленина: «Для них не скажешь: / Ленин умер. / Их смерть к тоске не привела. / / Еще суровой и угрюмой / Они творят его дела...» (Есенин 1997: 147) – восходят к «Возмездию» Блока: «(Еще чернее и огромней / Тень Люциферова крыла)» (Блок 1999: 25). Кажется, даже где-то напечатал это.

³ Должен предупредить, что считаю себя совершенно невежественным в области детской литературы, которая (вернее, изучение которой) давно превратилась в особую науку, поэтому мои соображения могут оказаться нелепыми или, наоборот, слишком очевидными. Прошу прощения, если я кого-то невольно обокрал.

– где модель строфы – пушкинская (ср.: «То академик, то герой...». – Пушкин 1937–1949, 3 / 1: 40), а третья строка – из «Горя от ума» (III, 21) с сильной метрической диссимилиацией:

Чинов не хочет знать! Он химик, он ботаник,
Князь Федор, мой племянник.
(Грибоедов 1969: 90)

Между прочим, «летчик-испытатель стрекоз» может быть простой метафорой, а может отдаленно восходить к Мандельштаму:

А то сегодня победители
Кладбища лета обходили,
Ломали крылья стрекозиные
И молоточками казнили.
(Мандельштам 2020: 273)

«Дядя Степа» –

Жив здоров и невредим
Мальчик Вася Бородин.
(Михалков 1949: 58)

– непосредственно из А. Введенского («Кто?»):

А является один
Пятилетний гражданин,
Пятилетний гражданин
Мальчик Петя Бородин⁴.
(Введенский 1931: s. p.)

⁴ Кстати пропуск Пети Бородина («...оставил на столе / Деревянный пистолет, / Жестяную дудочку / И складную удочку», – Введенский 1931: s. p.) совпадают с частью подарков, которые привез из Петрограда Крокодил в «Крокодиле»: «Буйволу – удочку, / Страусу – дудочку, / Слонихе – конфет, / А слону – пистолет...» (Чуковский 2013: 103). В переписке с О. А. Лекмановым по поводу его разбора «Перемены фамилии» Олейникова, мы пришли к выводу об отголоске этого стихотворения в позднейшем тексте Михалкова «Смешная фамилия» (1946). Прочитав его письмо от 19 мая 2023 г.: «Про Михалкова – смешная и убедительная переключка, тем более что они <с Олейниковым. – Г. Л.> были знакомы через Введенского, с которым Михалков приятельствовал (есть воспоминания Харджиева)».

Менее уверенно отмечу рифму в стихотворениях «А что у вас?» («Дело было вечером, / Делать было нечего». – Михалков 1949: 65) и «Моя девочка» (1913) В. Инбер:

День окончен. *Делать нечего.*
Вечер снежно-голубой.
Хорошо уютным *вечером*
Нам беседовать с тобой.
(Инбер 1965: 50; курсив мой. – Г. Л.)

Упомяну из детской классики еще «Золотой ключик» А. Н. Толстого. О «ключках» (литературных, а не бытовых, как в «Хождении по мукам») за последние 30 лет написано много; хочется однако напомнить о малоизвестной гипотезе, высказанной когда-то юбилярром (знаю ее в пересказе третьего лица) – о сюжете, вернее персонажах «Золотого ключика» как пародии на Цех поэтов, где Карабас – это Гумилев, автор стихотворения «Маркиз де Карабас» (сюжетно сильно отличающегося от версии Перро), мэтр и «учитель»; тогда, соответственно роли Мальвины и Пьеро достаются Ахматовой и Мандельштаму. Подробнее развивать эту (не мою) гипотезу я не стану⁵, но упомянуть ее, мне кажется, необходимо.

Маршак, конечно, фигура другого рода, чем Михалков, но при всех его замечательных достоинствах и прекрасных детских стихах, когда Маршак брался выполнять социальный заказ, он делал это со всей советской мощью и часто грубостью. Таковы и военные стихи (иногда не лишённые остроумия) и многочисленные агитки.

*

Когда-то В. С. Баевский остроумно озаглавил свои тезисы «Стихи Блока как текст и подтекст» (см.: Баевский 1975: 63–68) – при этом «текст» подразумевал «цитирующий текст», а не просто его имманентное текстовое существование. Для понимания места

⁵ Это выглядело бы дилетантизмом после работ М. С. Петровского (см.: Петровский 2008) и Е. Д. Толстой (см.: Толстая 1997: 28–39; Толстая 2013); недавно В. И. Шубинский выдвинул гипотезу о том, что Гумилев был прототипом Буратино (см.: Шубинский 2022: s. p.).

текста в русской поэзии, разумеется, важны и его предшественники, и потомки. Я начну со второго аспекта, т. е. стихов Маршака как цитируемого текста. Этот аспект гораздо важнее, чем кажется на первый взгляд: детские книги оказывают формообразующее влияние на следующие поколения, наше поколение – это те, кто в детстве читал Маршака и Михалкова (продолжать перечень ни к чему); эту роль детского чтения в свое время очень точно отметил М. С. Петровский⁶.

Кстати, продолжая уже начатую параллель, пример цитирования Михалкова в высокой поэзии был найден М. Л. Гаспаровым и приведен О. Роненом (см. Ронен 2006: 65): то, что Крит в стихах Мандельштама оказывается то синим, то зеленым (ср.: «Гончарами велик остров синий – / Крит зеленый. Запекся их дар...» – Мандельштам 2020: 212) Гаспаров возводил к стихам Михалкова (уже упоминавшемуся «А что у вас?»):

– Мы гуляли по Неглинной,
Заходили на бульвар,
Нам купили синий-синий,
Презеленый красный шар.

(Михалков 1949: 66)

Кажется, первый пример Маршака как подтекста «высокой» («серьезной», взрослой) поэзии я заметил у Ахматовой («В ту ночь мы сошли друг от друга с ума...»); а именно рифму *Багдад – Ленинград* в «Мистере Твистере». Ее параллельно отметил в своем

⁶ «Читательские интересы взрослых людей основательно специализированы и индивидуализированы, разбросаны по социальным, профессиональным, психологическим, вкусовым – и мало ли еще каким рубрикам. Но детская литература этих рубрик знать не знает, в детстве все читают (или даже еще только слушают) одни и те же тонкие книжки с картинками. У множества взрослых (пускай и начитанных) может не оказаться ни одного общего, знакомого всем текста, кроме сказок, усвоенных в детстве. Тогда эти книжки становятся единственным общенациональным текстом. Страшно вымолвить – главным текстом культуры. Происходящая в современном литературном и окололитературном обиходе непрерывная “повторная мифологизация” сказок (например, сказок Корнея Чуковского и Алексея Толстого) подтверждает их принадлежность к общенациональному культурному фундаменту» (Петровский 2008: 6–7).

ЖЖ М. В. Безродный, о чем мне написала Н. М. Мазур – я тогда ЖЖ не читал, но посмотрел «пост» Безродного и переписывался с ним (непосредственно в ЖЖ) по этому поводу. При этом мы оба не заметили, что это сопоставление уже было сделано двумя годами раньше (наша переписка относится к 2007 году):

«Пышный Багдад» (срифмованный антитетически с Ленинградом, как в популярных стихах Маршака) отсылал через не окликнутую здесь (но памятную по ахматовским ташкентским стихам) Шахерезаду к мандельштамовским феодосийским раздумьям 1920 года об эвакуации из врангелевского Крыма в Средиземноморье, о «сне Шехерезады»:

Недалеко от Смирны и Багдада,
Но трудно плыть а звезды всюду те же (Тименчик 2005: 117).

Так это выглядело у Безродного (Безродный 2007: s. p.):

Горькое несходство

Поедем в Неаполь, поедем в Багдад! –
Но дочка сказала: – Хочу в Ленинград! –
А то, чего требует дочка,
Должно быть исполнено. Точка.

То мог быть Стамбул или даже Багдад⁷,
Но, увы! не Варшава, не Ленинград,
И горькое это несходство
Душило, как воздух сиротства.

⁷ К самому этому сочетанию любопытную параллель указала мне Гаянэ Ахвердян (цитирую ее письмо): «А что касается сочетания ахматовских городов “То мог быть Стамбул или даже Багдад”, вспомнила строку из ее раннего стихотворения: “Багдад или Константинополь / Я вам завоюю, ma belle!” (“Маскарад в парке” <6 ноября 1910>). В “Библиотеке поэта” (С. 42) В. М. Жирмунский обозначает дату <1912>». Константинополь был официально переименован в Стамбул в 1930 г., хотя, разумеется, турецкое название употреблялось и раньше. Наше поколение помнит это тождество по песне «Истанбул – Константинополь».

Между прочим, в его ЖЖ один из собеседников отметил любопытную параллель из Саши Черного («Мираж», 1923):

Так много чудес есть на свете!
Земля – неизведанный сад...
«На Яву?» Но странные дети
Шепнули, склонясь: «В Петроград».
(Черный 1960: 391)

Вообще рифмы к этому топониму представляют особый интерес⁸ в том числе в «Мистере Твистере»:

В ту же минуту
Трещит аппарат:
«Четыре каюты
Нью-Йорк – Ленинград <...>».
(Маршак 1973: 306)

Дом над Невую
Купить бы я рад...
Да не захочет
Продать Ленинград!⁹
(Там же: 316)

⁸ И связанная с ними типографская диверсия – пропуск «р» в словах Ленинград и Сталинград.

⁹ Эта персонификация видимо восходит к сюжету *Kannitverstan*, который у Маршака представлен и в явном виде – в стихотворении «Кто он?» (см.: Маршак 1957–1960, 1: 244–247); отмечено М. В. Безродным: «<...> Популярная в Германии, эта история известна и русскому читателю – в частности, в переложении Жуковского. Представляется, что вместе с приемом “считывания советских неологизмов как фамилий” (ср.: “Хозяин дома Жакт, а хозяин магазина Петрорайрабкооп” у Олейникова) <...> и мотивом фиктивного богатства в сказке “Кот в сапогах” <...> она легла в основу стихотворения Маршака “Кто он?” <...>, в котором иностранный турист <...> интересуется, кому принадлежат дачи, театр, пароход, а узнав, восклицает: “Какой богатый / Этот мистер Комсомол!”» (Безродный 2013: s. p.). Примечание: «Стоит заметить, что это не первый случай обращения Маршака к наследию Гебеля: как указал Д. Чижевский, стихотворение Маршака “Мельник, мальчик и осел” (1930) представляет собою обработку истории Гебеля »Der seltsame Spazierritt« (см.: <Tschizewskij> 1960: 60; <Tschizewskij> 1961: 399 f)» (Там же). Ср. тему домовладательства без персонификации

(Ср. ту же рифму в «Бармалее» Чуковского: «Как я рад, как я рад, / Что поеду в Ленинград!» – Чуковский 2013: 59.)¹⁰

В связи с возможной семантизацией рифм можно отметить предположительную импликацию традиционной рифмы к *Европе* (см.: Лейбов, Степанищева, Фрайман 2008: 597–610) в сатирических военных стихах Маршака «Вся Европа» (см.: Маршак 1973: 361–362), где этот топоним дважды рифмует с «Риббентропа». Впрочем, эта рифма была распространена и в некомических стихах о войне.

Вот еще один случай, когда стихи Маршака выступают в роли подтекста, – в песне Галича «Предостережение»: «Ой, не шейте вы, евреи, ливреи / Не ходить вам в камергерах, евреи!» (Галич 2006: 78). То, что *ливрея* (а не, скажем, *ключ*), вопреки очевидности, стала признаком камергера, может быть, объясняется соседством этих слов в стихотворении Маршака «Быль-небылица»:

«Что значит, дедушка, “лакей”?» –

Спросил один из малышей.

«А что такое “камергер”?» –

Спросил постарше пионер.

«Лакей господским был слугой,

А камергер – вельможей,

Но тот, ребята, и другой –

Почти одно и то же.

в «Были-небылице»: «“Чей это дом? Который дом?” <...> “Ничей”, – ответил пионер. / Другой сказал: “СССР”. / А третий: “Моссовета”» (Маршак 1973: 275). Несколько более подробно см.: Безродный 2019: 50–51. Безродный даже вставил это переложение рассказа Гебеля (под названием “Memento mori!”) в свое пособие по развитию навыков чтения и анализа текста для студентов-филологов, изучающих русский как иностранный (см.: Безродный 2016: 4–6).

¹⁰ Отмечено М. В. Безродным. В предыдущей строфе: «Пожалели дети Бармалея, / Крокодилу дети говорят: / “Если он и вправду сделался добрее, / Отпусти его, пожалуйста, назад! / Мы возьмем с собою Бармалея, / Увезём в далёкий Ленинград!” <из “... далеко, на севере – в Париже?” – Г. Л.>» (Чуковский 2013: 58). В самом «Крокодиле», который тут, несомненно, подразумевается, выступает, естественно, *Петроград* («Спаситель Петрограда / От яростного гада <...> // А яростного гада / Долой из Петрограда <...> // Они идут на Петроград, / Они сожрать его хотят, / И всех людей, / И всех детей / Они без жалости съедят. / О бедный, бедный Петроград!» – Чуковский 2013: 100, 109)

У них различье только в том,
Что первый был в *ливрее*,
Второй – в мундире золотом,
При шпаге, с анненским крестом,
С “Владимиром” на шее».

(Маршак 1973: 276; курсив мой. – Г. Л.)

Тут нужно учесть частотность слова *лакей* в политической лексике сталинского времени. И трудно представить себе, при сравнительной редкости слова *камергер*, другой контекст, в котором этот сдвиг мог произойти.

Уже упоминавшийся «Мистер Твистер» возможно отразился в названии стихотворения А. Ривина «Оливеру Твистеру» (если это не простая ошибка памяти)¹¹.

*

Перейду к подтекстам стихов самого Маршака. Разумеется, к «взрослой» лирике Маршака нетрудно привести традиционный подтекстовый комментарий:

Меня волнует оклик этот вещей.
Доверено часам – бездушной вещи
Участвовать во всех делах людей
И, возвещая время с площадей,
Служить работе, музыке, науке,
Считать минуты встречи и разлуки.
И всё, что нам не удалось успеть,
На полуслове прерывает медь¹².

(Маршак 1973: 71)

Стихотворение можно рассматривать как контаминацию двух державинских текстов о смерти и вечности: «На смерть князя Мещерского» –

¹¹ См.: Левинтон 2006: 293, прим. 297, сн. 19. Вряд ли сюда можно привлечь гипотетический каламбур «Twist ~ Крученых», который О. Ронен выявил у Хлебникова (см.: Ронен 2008: 216–222; Ронен 2010: 204, 207–208).

¹² Ср.: Жолковский 2006: 226, сн. 22.

Глагол времен! металла звон!
 Твой страшный глас меня смущает...

(Державин 1864–1883, 1: 87;
 ср.: Меня волнует оклик этот вещий)

– и «Реки времен»:

...уносит все дела людей...

(Державин 1864–1883, 3: 235;
 ср.: Участвовать во всех делах людей)

Существенно (для понимания структуры корпуса стихов), что у Маршака есть и детские стихи о часах (об их разновидностях), значительно более оптимистические¹³.

*

Но, конечно, интереснее выявление подтекстов в той области, которой Маршак и был знаменит – в стихах для детей. Вопрос о подтексте в детских стихах отчасти напоминает вопрос о подтексте в переводах (цитатах из оригинала; см.: Levinton 2004: 99–107) – в том и в другом случае подтекст делит читателей на «половины» (пользуясь языком традиционной этнографии), на тех, кто опознает подтекст, и тех, кто не опознает (не может опознать). Если в переводе критерием разделения является знание языка оригинала (точнее, знание самого оригинала), то для детской литературы таким критерием является возраст и степень начитанности. О двойной адресации детской литературы (для детей и для взрослых), кажется, говорили много.

Отчасти тот очевидный тезис, на котором основан этот критерий – т. е. представление о том, что дети подтексты не опознают, встречает своеобразный контраргумент в детском фольклоре, а именно в особом жанре школьного фольклора – стихотворных

¹³ Часы вообще частая тема у Маршака («Надпись на часах», «Часы на башне» и др.); они присутствуют (как ожидаемое поэтическое клише) и в стихотворении «Новый год»; ср. особенно: «Меди гулкие раскаты / Над Москвою пронеслись» (Маршак 1973: 387).

пародиях¹⁴, в частности в обценных вариантах общеизвестных басен (см.: Лурье 1998: 442–443, 451–453). Если неприличный вариант таких басен как «Ворона и лисица» или «Лебедь, щука и рак» по крайней мере для моего поколения школьников опирался на школьную программу (басни Крылова читали и учили наизусть в школе), то не меньшей, если не большей популярностью пользовался неприличный вариант басни «Заяц во хмелю» – а откуда школьники, даже в мое время, могли знать басню Михалкова, для меня остается загадкой. Приходится предположить, что такого рода пародия может вообще обходиться без фона, без знания «оригинала» или предмета пародии¹⁵.

Видимо с этой проблемой как-то связано и обилие (относительное, конечно) плагиатов – в кавычках и без – в детской литературе, таких как «Золотой ключик», «Волшебник изумрудного города» А. М. Волкова и особенно цикл о Незнайке Н. Н. Носова – по крайней мере первая книга («Приключение Незнайки и его друзей»), восходящая к «Царству малюток» А. Б. Хвольсон. Сюда примыкают и случаи подлинного плагиата, как в стихах Михалкова о жуке (см.: Блюм 2011: 353–356).

Здесь можно было бы пойти дальше и противопоставить цитирование или заимствование из детской же литературы, как в последних двух случаях, цитированию «взрослой», «высокой» литературы. Но на том небольшом материале, который рассматривается в этих заметках, это противопоставление мало что добавит.

Из области очевидного: сюжет пьесы «Двенадцать месяцев», вернее его центральный эпизод, может восходить к такому описанию у Афанасьева:

¹⁴ Как говорила Л. Я. Гинзбург, «перевернутая цитата». Привожу контекст (*pro domo mea*): «Левинтон» не согласен с моей трактовкой Олейникова. Стихи Олейникова для него сплошь пародия. Это то направление современной науки о литературе, которое не допускает, что у литературы могут быть контакты с действительностью. Поэзия – это цитата или пародия. То есть перевернутая цитата» (Гинзбург 2002: 333). Здесь, конечно, не место для полемики, но моя точка зрения (высказанная в прениях по докладу Л. Я. Гинзбург в музее-квартире Пушкина в 1987 г.) сильно утрирована.

¹⁵ Кажется, успех пародий А. Иванова в позднесоветской культуре подтверждает эту странную гипотезу.

Словацкие сказки сообщают любопытное предание о странствовании гонимой мачихою падчерицы на вершину горы (= небо), на которой пылает огонь, а вокруг него сидят двенадцать Месяцев; каждый из них в свое определенное время в году занимает первое место, держа в руках правительственный жезл, и смотря по тому, какой Месяц властвует – весенний, летний, осенний или зимний – пламя горит то ярче, то бледнее, и вместе с тем то животворнее, то слабее влияет на производительность земли (Афанасьев 1865: 178–179)¹⁶.

Безродный (продолжая цитировать нашу переписку о Маршаке) сослался также на свое сопоставление «Войны с Днепром» и «Петрограда» («Море спорило с Петром...») С. П. Шевырева (см.: Безродный 2006: s. p.). Я не стал проследивать это наблюдение в книгах Безродного; в дискуссии в ЖЖ отмечу два замечания – Н. Г. Охотина: «Любопытно, что М<аршак> отрефлектировал форму: “Стройность хорошо согласованного труда мне подсказала ритм этой маленькой поэмы. Отчетливая переключка между соревнующимися берегами как бы диктовала мне звонко рифмующиеся двустипхи” (<Маршак 1973: 807>). Шевыревский Х4 я всегда связывал с петровскими хорейми у П<ушки>на и Рылеева». (Безродный ответил: «<...> Связь, таким образом, возникает еще и “по линии” жанра: песни трудовые. И заглавие, конечно, следовало бы воспроизвести – для демонстрации переключки «[Война] с Днепром» и «[Море спорило] с Петром») – и второе – самого Безродного: «Ср. еще: “Чтобы улице и дому / Было вечером светло” <из “Рассказа о неизвестном герое”. – Г. Л.> и “Чтобы от истины ходячей / Всем стало больно и светло <из “Балагана” Блока. – Г. Л.>».

Из классических источников отмечу «Партизанский плакат»¹⁷ –

¹⁶ Как всегда в случае фольклорных и этнографических источников, любая ссылка на текст подразумевает оговорку «или другой источник такого же рода», впрочем, чтение Афанасьева само по себе вполне правдоподобно.

¹⁷ В первое собрание сочинений Маршак включил два плаката: «Партизанский» и «Суворовцы – чапаевцы» (см.: Маршак 1958, 2: 249–250). «Это потом Сталин объявит: “Маршак – орёл!” – такой, как рассказывал мне С. Я., будет реакция Верховного на

Днем барон сказал крестьянам
«Шапку с головы долой!»

Ночью отдал партизанам
Каску вместе с головой.

(Маршак 1973: 365)

– из «Полтавы» –

Но выдаст шапку только с бою,
И то лишь с буйной головою.

(Пушкин 1937–1949, 5: 29)

– и более отдаленно из тургеневского «Похищения» (1842):

И усы его седые
Срежу шашкою кривой
Вместе с глупой головой!

(Тургенев 1978: 17)

Песня Чиполлино к спектаклю Центрального детского театра
«Приключения Чиполлино»:

Я – веселый Чиполлино.
Вырос я в Италии –
Там, где зреют апельсины,
И лимоны, и маслины,
Фиги и так далее.

(Маршак 1973: 324)

«...зреют апельсины» восходит не только к «Песне Миньоны», но и к названию романа Н. А. Лейкина «Где апельсины зреют» (1893). Порядок слов в этом заглавии видимо отражает немецкий (»Kennst du das Land, wo die Zitronen blühn«); Безродный в нашей переписке (см.: Безродный 2007: s. p.) отметил еще пушкинское «К вельможе» –

плакатную частушку военной поры: “Бьемся мы здорово, рубим отчаянно, внуки Суворова, дети Чапаева” (Рассадин 2009: s. p.).

Благословенный край, пленительный предел!

Там лавры зыблются, там апельсины зреют...

(Пушкин 1937–1949, 3 / 1: 218)

– также, конечно, восходящее к Гете (как «внутреннюю» пушкинскую параллель отмечу: «...ночь лимоном / И лавром пахнет...» в «Каменном госте»; заметим, что в «К вельможе» речь также идет об Испании, а не об Италии). Соседство апельсинов и лимонов (впрочем, естественное) может быть отголоском английской песенки “Oranges and Lemons” – из области непосредственных интересов Маршак (помимо ее отражения в 1984). Отметим в этой же песенке Чиполлино интересную игру:

Я – цибуля, я – чиполла,

Огородный лук.

(Маршак 1973: 325)

Украинское название лука этимологически родственно итальянскому (мотивирующему имя Чиполлино), на что и указывает их соположение.

*

«Рассказ о неизвестном герое» (1937):

Дочка заплакала,

Мать обнимая.

Парень вскочил

На подножку трамвая,

Тенью мелькнул

За вагонным стеклом,

Кепкой махнул

И пропал за углом...

(Маршак 1973: 250)

Ср. «Ехал из ярмарки ухарь-купец» (1859) И. С. Никитина:

Девкин отец свое дело смекнул,
Локтем жену торопливо толкнул.
Сед он, и *рваная шапка* на нем,
Глазом мигнул – и пропал за углом.

(Никитин 1912: 142)

*

«Наш герб» (1947):

Различным образом державы
Свои украсили гербы.
Вот леопард, орел двуглавый
И лев, встающий на дыбы. <...>

Но не орел, не лев, не львица
Собой украсили наш герб,
А золотой венок пшеницы,
Могучий молот, острый серп. <...>

Не будет недругом расколот
Союз народов никогда.
Неразделимы серп и молот,
Земля, и колос, и звезда!

(Маршак 1973: 386–387)

Всегда приятно цитировать несбывшиеся предсказания. Прежде всего нужно отметить любопытную лингвистическую игру, наиболее удобный материал для ее экспликации дает известный словарь А. Редкина: «**lionné** [встающий на дыбы] **léopard** [lionné] вставший на дыбы леопард (на гербе)»; «**léopard** zo. леопард (в геральдике леопардом именуется лев; отсюда *fig. st. s.*: Англия, в гербе которой красуется лев)» (Редкин 1906: 639, 647). Таким образом Маршак называет одно и то же животное (с каламбуром, поскольку «встающий на дыбы» этимологически или паронимически связано со *львом* – фр. *lion*). Достаточно известный прецедент – «Британский леопард» Тютчева (1873), где в геральдической метонимии свободно чередуются *леопард* и *лев*.

«...не орел, не лев, не львица» – в качестве безответственной гипотезы сравню с «Чайкой» («Люди, львы, орлы и куропатки...» – Чехов 1978: 13) и может быть – еще более отдаленно: «Насмешки вечные над львами! над орлами!» (Грибоедов 1969: 91). Безродный добавил к этому (Безродный 2007: s. p.):

Перечень геральдических животных в «Нашем гербе» напоминает «Клермонтский собор» Майкова:

Всех поименно их зовет:
Все это львы да леопарды,
Орлы, медведи, ястреба, –
Как будто грозные прозванья
Сама сковала им судьба,
Чтоб обессмертить их деянья!

А соседство леопарда и льва (в начале «Нашего герба») встречается у Маршака еще в пер. 19-го сонета:

Devouring Time, blunt thou the lion's paws,
And make the earth devour her own sweet brood;
Pluck the keen teeth from the fierce tiger's jaws,
And burn the long-lived phoenix in her blood;

он переводит как:

Ты притупи, о время, когти льва,
Клыки из пасти леопарда рви,
В прах обрати земные существа
И феникса сожги в его крови.

«Лев, встающий на дыбы», кроме лингвистических игр, имеет возможный источник в «Оде Д'Аннунцио» Гумилева:

И, конь встающий на дыбы,
Народ поверил в правду света,
Вручая страшные судьбы
Рукам изнеженным поэта.

(Гумилев 1991: 207)

Но главным цитатным элементом в этом стихотворении является заглавие¹⁸, совпадающее с названием стихотворения Черубины де Габриак:

Наш герб

Червлёный щит в моем гербе,
И знака нет на светлом поле.
Но вверен он моей судьбе,
Последней – в роде дерзких волей...

Есть необманный путь к тому,
Кто спит в стенах Иерусалима,
Кто верен роду моему,
Кем я звана, кем я любима;

И – путь безумья всех надежд,
Неотвратимый путь гордыни;
В нем – пламя огненных одежд
И скорбь отвергнутой пустыни...

Но что дано мне в щит вписать?
Датуры тьмы иль розы храма?
Тубала медную печать
Или акацию Хирама?

(Черубина де Габриак 1909: 5)

¹⁸ Любопытно, что впоследствии этим названием воспользовалась Новелла Матвеева для «паровоза» в своем первом (насколько я помню) печатном сборнике: «Земной рабочий молот / Упал на лунный серп. / Какие силы могут / Разрушить этот герб?!» (Матвеева 1961: 3; ср.: Матвеева 1964: 5).

В свою очередь, стихи Черубины были ответом на «Поединок» Гумилева¹⁹ («В твоём гербе невинность лилий...»)²⁰. Кому бы ни был посвящен «Поединок»²¹ (а он, как и «Царица», разумеется, мог быть посвящен разным адресатам одновременно – или поочередно), Васильева, несомненно, считала, что он обращен к ней, и Маршак должен был воспринимать ситуацию через ее точку зрения.

Вероятность цитирования Черубины – очень велика. Их совместная работа в детских театрах Краснодара и затем Петрограда, их соавторство²² делают это очень правдоподобным. Об их отношениях вспоминает сын Маршака – И. С. Маршак: «Помню очень добрую и веселую Елизавету Ивановну Васильеву, соавтора отца по многим краснодарским пьесам...» (Маршак И. 1975: 452). Мемуарист говорит и об истории Черубины (в частности приводит одну из «частушек», написанных к отъезду коллег в Москву: «Пишет пьесы нам Маршак / Вместе с Черубиной / В старину играли так / Лишь на пианино». – Там же: 474) и о дальнейшем сотрудничестве Васильевой и Маршака²³ и цитирует письмо Маршака декабря 1923 года с

¹⁹ Важный для нашего сопоставления контекст их романа см.: Тименчик 2006: 617–625. Частотность ссылок на сборник памяти М. Л. Гаспарова в настоящей статье напоминает мне об анекдоте, когда-то рассказанном мне юбиляром: один его соученик прочитал книгу «Словесность и коммерция» (см.: Гриц, Тренин, Никитин 1923) и больше ничего не читал, поэтому ссылался он так: «Мой дядя самых честных правил...» – А. С. Пушкин. Евгений Онегин. Цит. по: «Словесность и коммерция», стр. такая-то.

²⁰ *Лилии* здесь анаграммируют домашнее имя Елизаветы Ивановны Дмитриевой (Васильевой) – *Лилия*, как и в «Царице»: «Светла, как древняя Лилит» (Гумилев 1991: 85, 88; похожая игра с домашним именем Ларисы Рейснер есть в «Гондле»).

²¹ Кроме Тименчик 2006: 617–625, см. специально: Толстая 2008: 217–247.

²² См.: Васильева, Маршак 1922a, 1922b, 1924, 1927, 1941 (библиографической справкой я обязан А. Л. Соболеву, а о самом соавторстве когда-то узнал от Р. Д. Тименчика). Примечательно, что во вступительной статье к «Сочинениям» Маршака В. В. Смирнова вычищает эту тему и самый факт соавторства: «Сборник этих пьес, вышедший в Краснодаре в 1922 году, – первая детская книга Маршака» (Маршак 1957–1960, 1: 15).

²³ Между прочим, И. С. Маршак приводит «Песню волка» из пьесы «Жар-Птица», песня была написана Васильевой: «С костью кость срастись / Крепко-накрепко. / Мертвой водой кроплю / Не раз, не два, / А трижды два. / В жилы кровь вернись, / Руда алая. / Живой водой кроплю / Не раз, не два, / А трижды два» (Маршак И. 1975: 476). Текст показывает хорошее знакомство с русскими заговорами, а вероятно и со Вторым Мерзепургским заклинанием.

упоминанием Театра юных зрителей, «где работаю я и Елизавета Ивановна» (Там же: 486). При перепечатке этих воспоминаний И. Я. Куценко добавил свое примечание: «С. Я. Маршак сохранял благодарную память о Е. И. Васильевой. Ее большой портрет украшал его кабинет» (Куценко 1997: 480). Однако есть еще одно, особое свидетельство: «Однажды я был поражен его <Маршака. – Г. Л.> откровенностью: он сказал мне, что в его жизни было две настоящие страсти – она, Габбе, и поэтесса Дмитриева-Васильева, его соавтор по ранним пьесам, впрочем вошедшая в литературную память под мистификаторским псевдонимом Черубина де Габриак. Маршак читал мне ее стихи – замечательные: “Братья-камни! Сестры-травы! Мать-земля у нас одна!”» (Рассадин 2009: s. p.). Если на это сообщение можно полагаться, то присутствие гумилевской темы в подтексте «Нашего герба»²⁴ (и Маршака, и Черубины) приобретает особый оттенок.

В качестве значительно более отдаленного фона можно назвать (во всяком случае для Гумилева и, возможно, для Черубины) «Мой щит» (1912) Ю. Балтрушайтиса:

Витязь Тайной Дали
Сток я в бою –
Древний щит из стали
Кроет грудь мою...

В поясе средины,
Выкован на нем
Строгий лик орлиный,
Дышащий огнем...

И над ним чеканно –
Мой старинный герб –
Свиты вязью странной
Лилия и Серп. <...>

(Балтрушайтис 1948: 24)

²⁴ Вплоть до реализовавшейся впоследствии темы «поединка» – дуэли Гумилева и Волошина.

И наконец подытоживает тему герба стих Бродского из «Пятой годовщины» (1977), подразумевающий, как кажется, стихотворение Маршака (хотя в это время «золотой венок пшеницы» еще оставался в гербе):

Там в воздухе висят обрывки старых арий.

Пшеница перешла, покинув герб, в гербарий.

В лесах полно куниц и прочих ценных тварей.

(Бродский 2011: 41; курсив мой. – Г. Л.)

БИБЛИОГРАФИЯ

- Афанасьев А. 1865. *Поэтические воззрения славян на природу*. Т. 1. М.: Издание К. Солдатенкова (репринт – М.: Индрик, 1994).
- Баевский В. С. 1975. Стихи Блока как текст и подтекст. – Тезисы I Все-союзной (III) конференции «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века». Тарту: [Tartu Ülikooli Kirjastus]. С. 63–68.
- Балтрушайтис Ю. 1948. *Лилия и серп: Третья книга стихов*. Париж: YMCA-Press.
- Безродный М. 2006. Книги нашего детства. – <https://m-bezrodnyj.livejournal.com/285.html>
- Безродный М. 2007. Горькое несходство. – <https://m-bezrodnyj.livejournal.com/112467.html?thread=1126483#t1126483>
- Безродный М. 2013. О тщете богатства. – <http://m-bezrodnyj.livejournal.com/469499.html>
- Безродный М. 2016. *Радуга и осьминог: Пособие по развитию навыков чтения и анализа текста для студентов-филологов, изучающих русский как иностранный*. Гейдельберг: Чистый лист.
- Безродный М. 2019. *Короб третий*. СПб.: Издательство «Чистый лист».
- Блок А. А. 1999. Возмездие. – Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20-ти тт. Т. 5: Стихотворения и поэмы (1917–1921). М.: «Наука». С. 21–62.
- Блюм А. 2011. Два жука в русской поэзии: Опыт системного прочтения двух стихотворений. – Новое литературное обозрение. № 6. С. 353–356.
- Бродский И. 2011. Стихотворения и поэмы. Т. 2. СПб.: Издательство Пушкинского Дома; Издательство «Вита Нова».
- Васильева Е., Маршак С. 1922а. *Театр для детей: Сборник пьес*. Краснодар (Екатеринодар): Издание Кубано-черноморского отдела народного образования.

- Васильева Е., Маршак С. 1922b. Театр для детей: Пьесы. Изд. 2-е. Пг.; М.: Издательство „Радуга“; Издательство „А. Ф. Маркс“.
- Васильева Е., Маршак С. 1924. Театр для детей: Пьесы. Изд. 3-е. Л.: Издательство „А. Ф. Маркс“.
- Васильева Е., Маршак С. [1927]. Театр для детей: Сборник пьес. Изд. 4-е. [М.; Л.:] Издательство „Радуга“.
- Васильева Е., Маршак С. 1941. Сказки: Пьесы для младшего возраста. М.; Л.: Искусство.
- Введенский А. И. 1931. Кто? / Рисунки Л. Юдина. 2-е изд. [Л.:] ОГИЗ Молодая гвардия.
- Галич А. 2006. Стихотворения и поэмы. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект»; Издательство ДНК.
- Гинзбург Л. Я. 2002. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб.: «Искусство–СПБ».
- Грибоедов А. С. 1969. Горе от ума / Изд. подготовил Н. К. Пиксанов при участии А. Л. Гришунина. М.: Издательство «Наука».
- Гриц Т., Тренин В., Никитин М. 1923. Словесность и коммерция / Под ред. В. Б. Шкловского и Б. М. Эйхенбаума. М.: Издательство «Федерация».
- Гумилев Н. 1991. Соч.: В 3-х тт. Т. 1: Стихотворения. Поэмы. М.: Художественная литература.
- Державин Г. Р. 1864–1883. Соч. Державина / С объяснительными примечаниями Я. К. Грота. СПб.: В Типографии Императорской Академии Наук.
- Есенин С. А. 1997. Ленин (Отрывок из поэмы «Гуляй-поле»). – Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7-ми тт. Т. 2: Стихотворения (Маленькие поэмы). М.: «Наука»; «Голос». С. 143–147.
- Жолковский А. К. 2006. «Просыпаться на рассвете»: Поэтика освежения. – Стих, язык, поэзия: Памяти Михаила Леоновича Гаспарова. М.: РГГУ. С. 211–232.
- Инбер В. 1965. Собр. соч.: В 4-х тт. Т. 1: Стихотворения и поэмы. М.: Издательство «Художественная литература».
- Куценко И. Я. 1997. С. Я. Маршак в Екатеринодаре-Краснодаре: 1918–1922. Краснодар: б. и.
- Левинтон Г. А. 2006. 13 стихотворений Александра Ривина. – Стих, язык, поэзия: Памяти Михаила Леоновича Гаспарова. М.: РГГУ. С. 287–298.
- Лейбов Р., Степанищева Т., Фрайман И. 2008. Рифменное клише как аргумент в идеологических спорах: К истории одной русской

- рифмопары. – И время, и место: Историко-филологический сборник к шестидесятилетию Александра Львовича Осповата. М.: Новое издательство. С. 597–610 (Новые материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. 5).
- Лурье М. Л. 1998. Пародийная поэзия школьников. – Русский школьный фольклор: От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов / Сост. А. Ф. Белоусов. М.: Научно-издательский центр «Ладомир»; «АСТ». С. 430–517.
- Мандельштам О. Э. 2020. Полн. собр. соч. и писем: В 3-х тт. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. Т. 1: Стихотворения. СПб.: Интернет-издание (https://www.ruthenia.ru/mandelshtam_voll.pdf).
- Маршак И. С. 1975. От детства к детям: Главы из биографической книги. – Жизнь и творчество Самуила Яковлевича Маршака: Маршак и детская литература / Сост. Б. Галанов, И. Маршак, М. Петровский. М.: Детская литература. С. 349–486.
- Маршак С. Я. 1957–1960. Соч.: В 4-х тт. М.: Гослитиздат.
- Маршак С. Я. 1968–1972. Собр. соч.: В 8-ми тт. М.: Издательство «Художественная литература».
- Маршак С. Я. 1973. Стихотворения и поэмы / Вступительная ст. В. В. Смирновой. Сост. В. В. Смирновой и М. Л. Гаспарова. Подготовка текста и примечания М. Л. Гаспарова. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение.
- Матвеева Н. 1961. Лирика: Первая книга стихов. [М.:] Издательство ЦК ВЛКСМ „Молодая гвардия“.
- Матвеева Н. 1964. Библиотечка избранной лирики: Новелла Матвеева. М.: Издательство ЦК ВЛКСМ „Молодая гвардия“.
- Михалков С. В. 1949. Для больших и для маленьких: Стихи. Ярославль: Ярославское областное государственное издательство.
- Никитин И. С. 1912. Полн. собр. соч.: В 1-м т. / Под ред. М. О. Гершензона. М.: Издание А. С. Панафидиной.
- Петровский М. 2008. Книги нашего детства. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха.
- Пушкин А. С. 1937–1949. Полн. собр. соч.: В 16-ти тт. [М.; Л.:] Издательство Академии наук СССР.
- Рассадин С. 2009. Книга прощаний: Воспоминания о друзьях и не только о них. М.: Текст (электронное издание).

- Редкин А. 1906. Французско-русский словарь. СПб.: Типография Товарищества „Общественная польза“.
- Ронен О. 2006. Из груди писем. – Стих, язык, поэзия: Памяти Михаила Леоновича Гаспарова. М.: РГГУ. С. 62–74.
- Ронен О. 2008. Поединки. – Звезда. № 9. С. 216–222.
- Ронен О. 2010. Поединки. – Ронен О. Чужелюбие: Третья книга из города Энн. СПб.: Журнал «Звезда». С. 199–215.
- Тименчик Р. Д. 2005. Анна Ахматова в 1960-е годы. М.; Toronto: Водолей Publishers; The University of Toronto.
- Тименчик Р. Д. 2006. «Записные книжки» Анны Ахматовой: Из «Именного указателя». – Стих, язык, поэзия: Памяти Михаила Леоновича Гаспарова. М.: РГГУ. С. 614–639.
- Толстая Е. Д. 1997. Буратино и подтексты Алексея Толстого. – Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. Т. 56. № 2. С. 28–39.
- Толстая Е. Д. 2008. «Одна, в плаще весенней мглы»: К тексту Софьи Дымшиц-Толстой в русской литературе. – Новое литературное обозрение. № 3 (91). С. 217–247.
- Толстая Е. Д. 2013. Ключи счастья: Алексей Толстой и литературный Петербург. М.: Новое литературное обозрение (электронное издание).
- Тургенев И. С. 1978. Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти тт. Соч.: В 12-ти тт. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Т. 1: Стихотворения, поэмы, статьи и рецензии, прозаические наброски: 1834–1849. М.: Издательство «Наука».
- Черный С. 1960. Стихотворения. Л.: Советский писатель.
- Черубина де Габриак 1909. Наш герб. – Аполлон. № 2. С. 5.
- Чехов А. П. 1978. Чайка: Комедия в четырех действиях. – Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти тт. Соч.: В 18-ти тт. Т. 13: Пьесы: 1895–1904. М.: Издательство «Наука». С. 3–60.
- Чуковский К. И. 2013. Собр. соч.: В 15-ти тт. Т. 1: Произведения для детей. М.: ФТМ.
- Шубинский В. 2022. Буратино – это Гумилев?! Как Толстой придумал своего героя. – <https://arzamas.academy/mag/1151-buratino>
- Levinton, G. 2004. Translation and Subtext: Quoting the Original. – From Nature to Psyche: Proceedings from the ISI Summer Congresses at Imatra in 2001–2002 / Ed. by Eero Tarasti et al. [Imantra:] International Semiotics

Institute, Semiotic Society of Finland. P. 99–107 (Acta Semiotica Fennica XX).

Tschižewskij, D. 1960. Johann Peter Hebel in der russischen Literatur und Schule. – Ruperto-Carola: Mitteilungen der Vereinigung der Freunde der Studentenschaft der Universität Heidelberg. Heidelberg. Jahrgang 12. Bd. 28. S. 58–60.

Tschižewskij, D. 1961. Johann Peter Hebel in der russischen Literatur und Schule. – Welt am Oberrhein. Heft 6. S. 399 f.

REFERENCES

Afanas'ev, A. Poeticheskie vozzreniia slavian na prirodu. Vol. 1. Moscow: Izdanie K. Soldatenkova. Reprint, Moscow: Indrik, 1994.

Baevskii, V. S. "Stikhi Bloka kak tekst i podtekst." In *Tezisy I Vsesoiuznoi (III) konferentsii "Tvorchestvo A. A. Bloka i russkaia kul'tura 20 veka,"* 63–68. Tartu: [Tartu Ülikooli Kirjastus].

Baltrušaitis, J. *Liliia i serp: Tret'ia kniga stikhov*. Paris: YMCA-Press, 1948.

Bezrodnyj, M. "Knigi nashogo detstva." *Korob tretii*. April 21, 2006. <https://m-bezrodnyj.livejournal.com/285.html>

—. "Gor'koe neskhodstvo." *Korob tretii*. January 14, 2007. <https://m-bezrodnyj.livejournal.com/112467.html?thread=1126483#t1126483>

—. "O tshchete bogatstva." *Korob tretii*. March 17, 2013. <http://m-bezrodnyj.livejournal.com/469499.html>

—. *Raduga i os'minog: Posobie po razvitiu navykov chteniia i analiza teksta dlia studentov-filologov, izuchaiushchikh russkii kak inostrannyi*. Heidelberg: Chisty list, 2016.

—. *Korob tretii*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo "Chisty list," 2019.

Blok, A. A. "Vozmezdie." In *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. 20 vols. Vol. 5, *Stikhotvoreniia i poemy (1917–1921)*, 21–62. Moscow: "Nauka," 1999.

Blum, A. "Dva zhuka v russkoi poezii: Opyt sistemnogo prochteniia dvukh stikhotvoreniia." *Novoe literaturnoe obozrenie* 6 (2011): 353–56.

Brodskii, I. *Stikhotvoreniia i poemy*. Vol. 2. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma; Izdatel'stvo "Vita Nova," 2011.

Chekhov, A. P. "Chaika: Komediia v chetyrekh deistviiakh." In *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. 30 vols. *Sochineniia*. 18 vols. Vol. 13, *P'esy: 1895–1904*, 3–60. Moscow: Izdatel'stvo "Nauka," 1978.

Chernyi, S. *Stikhotvoreniia*. Leningrad: Sovetskii pisatel', 1960.

- Cherubina de Gabriak [E. I. Dmitrieva-Vasil'eva, pseud.]. "Nash gerb." *Apollon* 2 (1909): 5.
- Chukovskii, K. I. *Sobranie sochinenii*. 15 vols. Vol. 1, *Proizvedeniia dlia detei*. Moscow: FTM, 2013.
- Esenin, S. A. "Lenin (Otryvok iz poemy 'Guliai-pole')." In *Polnoe sobranie sochinenii*. 7 vols. Vol. 2, *Stikhotvoreniia (Malen'kie poemy)*, 143–47. Moscow: "Nauka"; "Golos," 1997.
- Frantsuzsko-russkii slovar'*. Compiled by A. Redkin. Saint Petersburg: Tipografiia Tovarishchestva "Obshchestvennaia pol'za," 1906.
- Galich, A. *Stikhotvoreniia i poemy*. Saint Petersburg: Gumanitarnoe agentstvo "Akademicheskii proekt"; Izdatel'stvo DNK, 2006.
- Ginzburg, L. Ia. *Zapisnye knizhki. Vospominaniia. Esse*. Saint Petersburg: "Iskusstvo-SPB," 2002.
- Griboedov, A. S. *Gore ot uma*. Edited by N. K. Pksanov and A. L. Grishunin. Moscow: Izdatel'stvo "Nauka," 1969.
- Grits, T., V. Trenin and M. Nikitin. *Slovesnost' i kommertsiiia*. Edited by V. B. Shklovskii and B. M. Eikhenbaum. Moscow: Izdatel'stvo "Federatsiia," 1923.
- Gumilev, N. *Sochineniia*. 3 vols. Vol. 1, *Stikhotvoreniia. Poemy*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1991.
- Inber, V. *Sobranie sochinenii*. 4 vols. Vol. 1, *Stikhotvoreniia i poemy*. Moscow: Izdatel'stvo "Khudozhestvennaia literatura," 1965.
- Kutsenko, I. Ia. *S. Ia. Marshak v Ekaterinodare-Krasnodare: 1918–1922*. Krasnodar: n. p., 1997.
- Leibov, R., T. Stepanishcheva and I. Fraiman. "Rifmennoe klishe kak argument v ideologicheskikh sporakh: K istorii odnoi russkoi rifmopary." In *I vremia, i mesto: Istoriko-filologicheskii sbornik k shestidesiatiletiu Aleksandra L'vovicha Ospovata*. Novye materialy i issledovaniia po istorii russkoi kul'tury. Vol. 5, 597–610. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2008.
- Levinton, G. "Translation and Subtext: Quoting the Original." In *From Nature to Psyche: Proceedings from the ISI Summer Congresses at Imatra in 2001–2002*. Edited by Eero Tarasti et al. Acta Semiotica Fennica 20, 99–107. Imantra: International Semiotics Institute, Semiotic Society of Finland, 2004.
- . "13 stikhotvorenii Aleksandra Rivina." In *Stikh, iazyk, poeziia: Pamiati Mikhaila Leonovicha Gasparova*, 287–98. Moscow: RGGU, 2006.
- Lur'e, M. L. "Parodiinaia poeziia shkol'nikov." In *Russkii shkol'nyi fol'klor: Ot "vyzyvanii" Pikovoi damy do semeinykh rasskazov*. Edited by A. F. Belousov, 430–517. Moscow: Nauchno-izdatel'skii tsentr "Ladimir"; "AST," 1998.

- Mandel'shtam, O. E. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. 3 vols. 3rd rev. and exp. ed. Vol. 1, *Stikhotvoreniia*. Saint Petersburg: Internet-izdanie, 2020. https://www.ruthenia.ru/mandelshtam_voll.pdf
- Marshak, I. S. "Ot detstva k detiam: Glavy iz biograficheskoi knigi." In *Zhizn' i tvorchestvo Samuila Iakovlevicha Marshaka: Marshak i detskaia literatura*. Edited by B. Galanov, I. Marshak and M. Petrovskii, 349–486. Moscow: Detskaia literatura, 1975.
- Marshak, S. Ia. *Sochineniia*. 4 vols. Moscow: Goslitizdat, 1957–1960.
- . *Sobranie sochinenii*. 8 vols. Moscow: Izdatel'stvo "Khudozhestvennaia literatura," 1968–1972.
- . *Stikhotvoreniia i poemy*. Edited and prefaced by V. V. Smirnova and M. L. Gasparov. Text established and annotated by M. L. Gasparov. Leningrad: Sovetskii pisatel'. Leningradskoe otdelenie, 1973.
- Matveeva, N. *Lirika: Pervaia kniga stikhov*. Moscow: Izdatel'stvo TsK VLKSM "Molodaia gvardiia," 1961.
- . *Bibliotekha izbrannoi liriki: Novella Matveeva*. Moscow: Izdatel'stvo TsK VLKSM "Molodaia gvardiia," 1964.
- Mikhalkov, S. V. *Dlia bol'shikh i dlia malen'kikh: Stikhi*. Yaroslavl: Iaroslavskoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1949.
- Nikitin, I. S. *Polnoe sobranie sochinenii*. 1 vol. Edited by M. O. Gershenzon. Moscow: Izdanie A. S. Panafidinoi, 1912.
- Petrovskii, M. *Knigi nashego detstva*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2008.
- Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii*. 16 vols. Moscow and Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1937–1949.
- Rassadin S. *Kniga proshchaniia: Vospominaniia o druž'iakh i ne tol'ko o nikh*. Moscow: Tekst, 2009. Electronic book.
- Ronen, O. "Iz grudy pisem." In *Stikh, iazyk, poeziia: Pamiati Mikhaila Leonovicha Gasparova*, 62–74. Moscow: RGGU, 2006.
- . "Poedinki." *Zvezda* 9 (2008): 216–22.
- . "Poedinki." In *Chuzheliubie: Tret'ia kniga iz goroda Ann*, 199–215. Saint Petersburg: Zhurnal "Zvezda," 2010.
- Shubinskii, V. "Buratino – eto Gumilev?! Kak Tolstoi pridumal svoego geroia." *Arzamas*. November 9, 2022. <https://arzamas.academy/mag/1151-buratino>
- Sochineniia Derzhavina*. Annotated by Ia. K. Grot. Saint Petersburg: V Tipografii Imperatorskoi Akademii Nauk, 1864–1883.

- Timenchik, R. D. *Anna Akhmatova v 1960-e gody*. Moscow: Vodolei; Toronto: University of Toronoto, 2005.
- . “‘Zapisnye knizhki’ Anny Akhmatovoi: Iz ‘Imennogo ukazatel’ia.’” In *Stikh, iazyk, poeziia: Pamiati Mikhaila Leonovicha Gasparova*, 614–39. Moscow: RGGU, 2006.
- Tolstaia, E. D. “Buratino i podteksty Alekseia Tolstogo.” *Izvestiia Rossiiskoi Akademii nauk. Seriiia literatury i iazyka* 56, no. 2 (1997): 28–39.
- . “‘Odna, v plashche vesennei mgly’: K tekstu Sof’i Dymshits-Tolstoi v russkoi literature.” *Novoe literaturnoe obozrenie* 3 (2008): 217–47.
- . *Kliuchi schast’ia: Aleksei Tolstoi i literaturnyi Peterburg*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013. Electronic book.
- Tschižewskij, D. “Johann Peter Hebel in der russischen Literatur und Schule.” *Ruperto-Carola: Mitteilungen der Vereinigung der Freunde der Studentenschaft der Universität Heidelberg* 12, no. 28 (1960): 58–60.
- . “Johann Peter Hebel in der russischen Literatur und Schule.” *Welt am Oberrhein* 6 (1961): 399 f.
- Turgenev, I. S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. 30 vols. *Sochineniia*. 12 vols. 2nd rev. and exp. ed. Vol. 1, *Stikhotvoreniia, poemy, stat’i i retsenzii, prozaicheskie nabroski: 1834–1849*. Moscow: Izdatel’stvo “Nauka,” 1978.
- Vasil’eva, E. and S. Marshak. *Teatr dlia detei: Sbornik p’es*. Krasnodar (Ekaterinodar): Izdanie Kubano-chernomorskogo otdela narodnogo obrazovaniia, 1922.
- . *Teatr dlia detei: P’esy*. 2nd ed. Petrograd and Moscow: Izdatel’stvo “Raduga”; Izdatel’stvo “A. F. Marks,” 1922.
- . *Teatr dlia detei: P’esy*. 3rd ed. Leningrad: Izdatel’stvo “A. F. Marks,” 1924.
- . *Teatr dlia detei: Sbornik p’es*. 4th ed. Moscow and Leningrad: Izdatel’stvo “Raduga,” [1927].
- . *Skazki: P’esy dlia mladshego vozrasta*. Moscow and Leningrad: Iskusstvo, 1941.
- Vvedenskii, A. I. *Kto? Pictures by L. Iudin*. 2nd ed. Leningrad: OGIZ Molodaia gvardiia, 1931.
- Zholkovskii, A. K. “‘Prosypat’sia na rassvete’: Poetika osvezheniia.” In *Stikh, iazyk, poeziia: Pamiati Mikhaila Leonovicha Gasparova*, 211–32. Moscow: RGGU, 2006.

ЗАСЛАВСКИЙ VS ATKINSON: ИЗ ИСТОРИИ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Г. В. Лапина

(Мэдисон / С.-Петербург)

«Атмосфера в Москве нездоровая. Поскольку прерваны все нормальные связи с внешним миром, интеллектуальный климат стагнирует. <...> После пережитого страшного опыта двух мировых войн не нужно объяснять, что политические и торговые международные контакты являются единственным средством, позволяющим избежать военной катастрофы. Однако, судя по обстановке в Москве, губительно также отсутствие интеллектуального и культурного общения между странами. Москва не предлагает новых идей. Старые же повторяются с отупляющим постоянством». Так о Москве лета 1946 года написал корреспондент газеты *New York Times* Брукс Аткинсон¹. Не прошло и трех дней, как небезызвестный Д. И. Заславский в «Правде» ответил «клеветнику»: «И для этого-то человек приезжал из Америки и десять месяцев торчал, околачивался в Москве!»²

Брукс Аткинсон действительно приезжал «не для этого», искренне надеясь увидеть другую столицу, другую страну. Он помнил Москву 1936 года, когда он – в то время уже известный театральный критик газеты *New York Times* – был гостем Московского театрального фестиваля³. Визит был непродолжительным и впечатления в основном театральными, но Аткинсон успел убедиться в том, что вся страна, так же как театр, находится под давлением «агрессивного руководства коммунистической партии». Хотя

¹ Atkinson, B. Socialist World Soviet Aim, Times Moscow Writer Says. – The New York Times. 1946. July 8. P. 1, 8.

² Заславский Д. Клеветник без дарованья. – Правда. 1946. № 163 (10245). 11 июля. С. 3.

³ См. об этом главу «Американские паломники в театральной Мекке» книги: Лапина 2022: 91–127.

тогда он понимал, что «Россия живет при диктатуре», он наивно верил, что это «диктатура временная»⁴.

С тех пор прошло девять лет. В июле 1945 года Аткинсон приехал в страну, одержавшую победу в войне и превратившуюся в великую державу, страну – союзницу Соединенных Штатов. Однако диктатура, которую он считал временной, лишь укрепилась, «причем, – по замечанию Е. А. Добренко, – установка на сохранение довоенного порядка была задана сразу же после войны» (Добренко 2020: 23). Московские статьи Аткинсона служат подтверждением этому.

За годы войны Брукс Аткинсон приобрел новый опыт. После нападения Японии на Перл-Харбор и вступления США во Вторую мировую войну он сменил профессию театрального критика на профессию военного корреспондента. Вплоть до 1945 года он писал о военных действиях в Китае, после чего газета командировала его в Москву.

Аткинсон не был ни русофобом, ни русофилом и, так же как многие его соотечественники, разделял социалистические идеи, полагая, что социализм «открывает путь к материальному прогрессу»⁵. Он надеялся, что военное союзничество СССР и Соединенных Штатов перерастет в дружбу, и, казалось, основания для оптимизма у него были. После завершения Потсдамской конференции «Правда» писала о «коренных общих интересах» трех держав, позволявших надеяться на будущее сотрудничество⁶; демобилизованные солдаты, с которыми Аткинсон беседовал на Белорусском вокзале, благодарили американский народ за помощь⁷; «за выдающиеся заслуги в проведении общественных мероприятий в Соединенных Штатах Америки по оказанию помо-

⁴ Atkinson, B. Drama Festival Opens in Russia. – The New York Times. 1936. September 2. P. 19.

⁵ Atkinson, B. Socialist World Soviet Aim, Times Moscow Writer Says. – The New York Times. 1946. July 8. P. 1, 8.

⁶ [Б. п.] Берлинская конференция трех держав. – Правда. 1945. № 184 (9955). 3 августа. С. 3; Atkinson, B. Peace Unity Hailed by Moscow Press. – The New York Times. 1945. August 4. P. 3.

⁷ См.: Atkinson, B. Russian Soldiers Hailed in Moscow. – The New York Times. 1945. August 8. P. 16.

щи населению Советского Союза в войне против общего врага» председатель Американского Комитета помощи России в войне профессор Картер был награжден орденом Трудового Красного знамени⁸; генерал Эйзенхауэр вместе со Сталиным любовался с трибуны мавзолея парадом физкультурников (в «гостеприимной» Москве он «почувствовал себя среди друзей», а премьер Сталин показался ему «по-отечески добрым»)⁹. В одной из сентябрьских статей Аткинсон подробно рассказал о перспективах культурного сотрудничества, каким оно виделось американцам, – о взаимном обмене медицинской литературой, преподавании американской литературы в советских вузах, передаче книг американских авторов, обмене писателями, художниками, профессорами, организации гастролей ансамбля Советской армии и т. д.¹⁰

«Парадокс чистой воды состоит в том, что в середине двадцатого века два союзника, которые смогли отразить угрозу цивилизации, так мало знают друг о друге, – писала *New York Times*. – Чем скорее будут установлены прочные дружеские культурные связи, тем лучше для обеих стран. Отмена цензуры и свобода в передаче новостей будут этому способствовать»¹¹.

Однако установление прочных связей между бывшими союзниками требовало готовности обеих сторон, тогда как Советский Союз явно не стремился добиться взаимопонимания: «<...> существуя в изоляции, отгородившись от остального мира, он пребывал в атмосфере самовосхваления»¹².

⁸ Указ Президиума Верховного Совета СССР: О награждении орденами и медалями СССР деятелей Американского Комитета Помощи России в войне. – Правда. 1945. № 206 (9977). 29 августа. С. 1; также см.: Atkinson, B. Russian Aid Chief Gets Soviet Honor. – The New York Times. 1945. August 29. P. 8.

⁹ Atkinson, B. Eisenhower and Stalin Review Parade of 40,000 in Red Square. – The New York Times. 1945. August 13. P. 1, 6; Atkinson, B. Eisenhower Hails Russians' Amity. – The New York Times. 1945. August 14. P. 10.

¹⁰ См.: Atkinson, B. U. S. Cultural Link to Russia Studied. – The New York Times. 1945. September 14. P. 15.

¹¹ [Anonymous]. Ties with Russia. – The New York Times. 1945. September 23. Section E. P. 8.

¹² Atkinson, B. Moscow Asks the West for Amity, But Soviet Makes No Move Itself. – The New York Times. 1945. November 26. P. 5.

В сентябре 1945 года советские шахматисты в радиоматче нанесли поражение команде шахматистов США (с общим счетом 15,5:4,5), а в ноябре футбольная команда «Динамо» в серии из четырех матчей одержала победу над сильнейшими британскими клубами. Советской пропагандой эти действительно замечательные спортивные победы были приравнены к победам политическим. Внимание Аткинсона, изучавшего советскую прессу, привлекла колонка «Политическая неделя» в газете *Moscow News*, выходившей на английском языке. Два политических события удостоились в ней упоминания – открытие 20 ноября Нюрнбергского процесса и победа «Динамо» над футбольным клубом «Арсенал». «Для многих игра “Динамо” была таким же “открытием”, как мастерство советских шахматистов, которые недавно победили американцев в радиоматче. Чем не прекрасная возможность дать совет всем, для которых эти победы стали “открытием”», – писала газета. И в заключении обращалась к иностранцам с наказом: «Не стоит ли во избежание подобных сюрпризов лучше узнать нас? Если бы иностранцы лучше нас узнали, это помогло бы им понять не только наши футбольные достижения, но и кое-что другое»¹³. В этом назидании Аткинсон увидел «свидетельство того, какая пропасть отделяет Советский Союз от Запада», поскольку предполагается, «что только одна сторона должна попытаться понять другую. Это мы должны понять Россию. Россия же не должна пытаться нас понять»¹⁴.

Надо признать, что Советский Союз делал все, чтобы его не могли понять на Западе, осуществляя строгий контроль над информацией, скрывая или искажая правду. В 1936 году Аткинсон догадывался о существовании цензуры, которая сковывает свободу драматургов и режиссеров. На этот раз он на собственном опыте увидел, как работает цензура, «самое сложное, с чем приходится сталкиваться иностранным корреспондентам в Советском Союзе»¹⁵.

¹³ [Anonymous]. The Political Week by Observer. – *Moscow News*. 1945. No. 94. November 24. 24. P. 1.

¹⁴ Atkinson, B. *Moscow Asks the West for Amity, But Soviet Makes No Move Itself*. – *The New York Times*. 1945. November 26. P. 5.

¹⁵ Atkinson, B. *Molotoff Spurns Newsmen's Plea to Ease Censorship on Reports*. – *The New York Times*. 1945. November 2. P. 1, 4.

Все статьи западных журналистов попадали на стол цензора, который тщательно проверял прямые цитаты из советской прессы или верность изложения советских публикаций. Еще внимательнее он вчитывался в оригинальный текст корреспонденции, поскольку нес ответственность за весь материал, который проходил через его руки¹⁶. Аткинсон, по его словам, не раз пытался проверить бдительность цензора, «незаметно вставляя в текст своей статьи язвительную фразу: “Советская внешняя политика очень гуманна”, или “Советы хотят сохранить хорошие отношения со всем миром и нигде не встречают препятствий”». Цензор был начеку и неизменно купировал эти «вредные заявления». «Такая у нас была игра, и он всегда меня обыгрывал», – признавался Аткинсон¹⁷. Прохождение цензуры занимало немало времени, и часто корреспонденции отправлялись на день позже, поэтому многие из газетных статей Аткинсона рядом с датой помечены словом *Delayed* – ‘с задержкой’ (‘задержана не по моей вине’).

Поскольку такой контроль над информацией не устраивал английских и американских журналистов, 20 октября они обратились к народному комиссару иностранных дел В. М. Молотову с просьбой устранить цензуру. В своем послании они называли советскую цензуру «диктаторской», указывали на произвол цензоров, которые «часто искажают смысл корреспонденции, изменяя формулировки (подчас из-за плохого знания языка)», и заявляли, что цензура «мешает установлению взаимопонимания между Советским Союзом и остальным миром». 29 октября журналисты получили ответ на свою просьбу – причем не от самого комиссара, а от его помощника. «По мнению Молотова, – отрезал тот, – письмо в целом неубедительное, и обращать на него внимание товарищ Молотов не считает необходимым»¹⁸.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Atkinson, B. Soviet Seen Wanting Peace Despite Its Air of Challenge. – The New York Times. 1946. July 9. P. 1, 6.

¹⁸ Atkinson, B. Molotoff Spurns Newsmen's Plea to Ease Censorship on Reports. – The New York Times. 1945. November 2. P. 1, 4.

7 ноября Молотов устраивал прием в честь годовщины Октябрьской революции. По заведенной традиции в полночь он обходил гостей – дипломатов и журналистов. Следовавшие за ним официанты несли на подносах водку, вино. Подойдя к корреспонденту Ассошиэйтед Пресс Эдди Гилмору, комиссар неожиданно завел разговор о цензуре, дал понять, что он знает, как относятся к ней журналисты, и в конце концов поднял тост за «лучшее понимание между нашими странами». Водка была наготове, Молотов осушил рюмку, поднял ее над головой вверх дном и удалился. В этот день, как отметил в своей статье Гилмор, появилась надежда на перемены в цензурной политике¹⁹.

Официального подтверждения изменения цензурной политики не последовало, цензоры оставались на своих местах, но журналистам стали возвращать корреспонденции без задержки и правки. Однако они по-прежнему не могли ездить по стране и говорить с интересующими их людьми, то есть, по словам Аткинсона, «были лишены доступа к новостям и информации задолго до того, как их статья получит одобрение цензора»²⁰. К ослаблению цензурного контроля Аткинсон отнесся с осторожностью. По его мнению, «не было основания ожидать, что новый дух снисходительности советской цензуры сохранится. Руководство, несомненно, будет наблюдать, как это работает, прежде чем сформировать окончательную политику»²¹. Прогноз Аткинсона оправдался. Очень скоро корреспонденции западных журналистов, воспользовавшихся относительной свободой, вызвали раздражение главного «цензора» страны – Иосифа Сталина. Отсутствие генералиссимуса на мавзолее Ленина 7 ноября породило в прессе волну спекуляции относительно предполагаемой болезни вождя, его роли в мирное время и возможных преемников. Среди прочих назывались имена Жукова и Молотова. В статье от 30 ноября 1945 г. Аткинсон, ссылаясь на неназванный источник,

¹⁹ Gilmore, E. Turning Point Indicated. – The New York Times. 1945. November 12. P. 3.

²⁰ Atkinson, B. Russia's Censorship. – The New York Times. 1945. November 14. P. 18.

²¹ Atkinson, B. Molotoff Spurns Newsmen's Plea to Ease Censorship on Reports. – The New York Times. 1945. November 2. P. 1, 4.

объяснил отсутствие Сталина в публичном пространстве тем, что «его *отправили* <курсив мой. – Г. Л.> в официально объявленный отпуск через пять дней после возвращения народного комиссара иностранных дел Молотова из Лондона²². Сейчас они его *держат* <курсив мой. – Г. Л.> до тех пор, пока ситуация в мире не прояснится и не позволит что-то предпринять»²³. В *New York Times* статья была напечатана 1 декабря; 3 декабря она попала в сводку ТАСС и 4 декабря обратила на себя внимание Сталина. Он ознакомился также с сообщением британского агентства «Рейтер» от 3 декабря, которое объясняло ослабление цензуры следствием заявления, сделанного Молотовым 7 ноября (см.: Хлевнюк, Горлицкий 2011: 29). Реакция Сталина была скорой: ранним утром (1:15 ночи) 5 декабря он послал телеграмму членам близкого круга и потребовал «наказать виновных – Молотова или отдел печати НКВД» и 6-го обвинил Молотова в желании «добиться популярности среди некоторых иностранных кругов», игнорируя интересы государства и престиж правительства (Данилов, Пыжиков 2001: 202).

О том, какое значение Сталин придавал цензуре, свидетельствует его разговор с видным деятелем республиканской партии США Гарольдом Стассеном, посетившим в 1947 году Советский Союз. «В СССР трудно будет обойтись без цензуры, – сказал Сталин. – Молотов несколько раз пробовал это сделать, но ничего не получилось. Всякий раз, когда Советское правительство отменяло цензуру, ему приходилось в этом раскаиваться и снова ее вводить. Осенью позапрошлого года цензура в СССР была отменена. Он, И. В. Сталин, был в отпуске, и корреспонденты начали писать о том, что <...> он, И. В. Сталин, вернется и выгонит Молотова. Таким образом эти корреспонденты изображали Советское правительство в виде своего

²² Первая сессия Совета министров иностранных дел СССР, США, Великобритании, Франции и Китая проходила с 11 сентября по 2 октября в Лондоне. Сталин резко критиковал Молотова, главу советской делегации, за «попустительство англосаксам». См. об этом: Хлевнюк, Горлицкий 2011: 26.

²³ Atkinson, B. Stalin Believed Waiting for Break In Impasse Before Moscow Return. – *The New York Times*. 1945. December 1. P. 1, 4.

рода зверинца. Конечно, советские люди были возмущены и снова должны были ввести цензуру»²⁴.

В «интересах государства» и из-за «возмущения советских людей» цензорский контроль был полностью восстановлен в начале декабря 1945 года и вскоре – постановлением ЦК ВКП(б) от 25 февраля 1946 г. – выведен из ведения печати Наркоминдела и возложен на Уполномоченного СНК по охране военных и государственных тайн в печати. В обязанности цензора входило «обеспечение строгого контроля над всей информацией для заграницы». Запрещалась передача иностранными корреспондентами материалов, касающихся государственных тайн, «сообщений, содержащих выпады против Советского Союза и измышления в отношении его государственных деятелей», а также «информации, дающей извращенное освещение советской политики и жизни Советского Союза» (Большая цензура 2005: 562–565).

Большинство западных журналистов каждый день собирались в гостинице «Метрополь», своеобразном пресс-центре, где они работали, откуда курьеры (две интеллигентные женщины) относили корреспонденции цензору. Многие из журналистов, в том числе Аткинсон и его жена Ориана, жили в том же «Метрополе». Общительная, веселая, любознательная Ориана «знала всех американских газетчиков и слышала, как они ругают цензуру и придумывают, как ее обойти» (Atkinson 2019: 4). В своей остроумной книге, написанной сразу после возвращения из Москвы, она вспоминала, что американцев страшно забавлял стиль московских газет, который они смешно имитировали, разговаривая между собой. «Ну что, фашистский прихвостень, – обращался журналист к своему коллеге, – какую грязную клевету ты извергнешь из себя сегодня в своей продажной капиталистической газетенке?» (Там же: 33). Однако искушенный читатель обнаружит среди газетных вульгаризмов золотую песчинку информации и станет внимательно ее рассматривать. «И вы удивитесь, – пишет Ориана, – насколько

²⁴ Запись беседы тов. И. В. Сталина с деятелем республиканской партии США Гарольдом Стассеном 9 апреля 1947 года. – Правда. 1947. № 113 (10504). 8 мая. С. 1.

часто он приходит к выводу, который не порадовал бы строгих редакторов» (Там же). Очевидно, Ориана здесь раскрывает прием, с помощью которого Аткинсону удавалось «обойти цензора» и донести до своих читателей правдивую информацию. Он очень часто цитирует советскую прессу, чей агрессивный стиль так забавлял его коллег. Самовосхваление и поношение Запада, разносившиеся со страниц советских газет, «резали слух» читателей Аткинсона, и его сдержанные, иногда ироничные комментарии помогали им сделать выводы, которые «не порадовали бы» цензора.

24 сентября «Правда» отмечала выход десятитысячного номера газеты. В юбилейном номере этого «боевого органа партии Ленина – Сталина» были напечатаны указы Президиума Верховного Совета СССР о награждении газеты Орденом Ленина, а ее сотрудников – орденами и медалями, воспоминания Сталина, многочисленные коллективные поздравления «родной “Правды”» и, наконец, статья «подручного партии»²⁵ Заславского, в которой он прославлял «свободную» советскую прессу и, по выражению Аткинсона, «швырял колючки в “рабскую американскую прессу”»²⁶. В начале своей ответной статьи Аткинсон, подражая советской пропагандистской риторике, написал, что «авторитетная и незыблемая, как Кремль», «Правда» «гордится тем, что она газета партийная», «призывает, поздравляет, учит, предсказывает и критикует тоном августейшего благоволения» и «не делает ошибок, комментируя политику правительства»²⁷. Внимательный читатель мог почувствовать иронию в этих дифирамбах, тогда как цензор не нашел, к чему придраться. В заключении Аткинсон привел большую цитату из статьи Заславского в юбилейном номере «Правды». «То, что называют свободой печати в некоторых странах Запада, есть только веревка, на которой капиталист-издатель держит своих журналистов. Если веревка длинная, то и свобода печати там

²⁵ Так назвал Д. И. Заславского Ю. Чаплыгин в предисловии к сборнику работ критика. См.: Заславский 1960: 23.

²⁶ Atkinson, B. Pravda Reaches its 10,000th Issue. – The New York Times. 1945. September 25. P. 11.

²⁷ Ibidem.

относительно большая. А если веревка короткая, то и свобода печати очень куцая. <...> Свобода советской печати – в служении своему народу. Советский журналист <...> не продает себя, не торгует ни идеями, ни новостями. Знает ли хоть один иностранный журналист такую свободу? <...> За границей работа журналиста – карьера. У нас – боевой пост»²⁸.

Не все иностранцы еще понимают это, но мистер Заславский уверен: «Ничего, поймут со временем»²⁹. В этой статье Аткинсон впервые выступил оппонентом Заславского. Правда, «бросать колючки» в сторону «правдиста» он не стал, полагая, что тот разоблачает себя сам.

На следующий день *New York Times* поместила редакторскую статью «Свобода» прессы в России» как продолжение корреспонденции Аткинсона. Прочитав слова Заславского, что «свобода советской печати – в служении своему народу», газета писала: «По сути дела, у русских есть только одна газета под разными названиями. Мнения и информация в ней должны удовлетворять “народ”, а “народ” в России – это небольшая группа партийных руководителей и чиновников. В свободу прессы в России мы поверим, когда они смогут критиковать своих вождей, как мы критикуем президента и конгрессменов»³⁰.

10 февраля 1946 года состоялись первые после 1936 года выборы в Верховный Совет СССР. Рассказывая о подготовке к этому событию, Аткинсон обратил внимание своих читателей на то, что «все кандидаты разделяют единую точку зрения на ситуацию в стране», поэтому «обычно нет необходимости в кандидатах, не согласных с ними. Те, кто не достойны высокой чести занимать этот пост, *устраняются* (eliminated) до выдвижения»³¹. Затем он процитировал

²⁸ Заславский Д. Служим советскому народу! – Правда. 1945. № 229 (10000). 24 сентября. С. 5.

²⁹ Atkinson, B. Pravda Reaches its 10,000th Issue. – The New York Times. 1945. September 25. P. 11.

³⁰ [Anonymous]. Press “Freedom” in Russia. – The New York Times. 1945. September 26. P. 22.

³¹ Atkinson, B. Public in Russia Groomed to Vote. – The New York Times. 1946. January 13. P. 23.

газету «Правда» – выступление одного из ораторов на митинге избирателей, которое не могло не поразить своей болезненной эмоциональностью. «Я рад сообщить вам, товарищи избиратели, что товарищ Сталин дал свое согласие баллотироваться в нашем округе. (Бурные аплодисменты). Для меня *нет большего счастья* <курсив мой. – Г. Л.>, чем быть доверенным при выборах в депутаты нашего *родного отца и учителя* <курсив мой. – Г. Л.> товарища Сталина»³².

За тем, как проходили выборы, Аткинсон следил не только по газетам. Вместе с Орианой они были на избирательном участке Дома культуры автозавода имени Сталина, поразившем их необыкновенно торжественной обстановкой. По словам Орианы, все было чрезвычайно нарядно и так не похоже на американские избирательные участки, устроенные в каких-нибудь «цирюльнях». Избиратели – рабочие автозавода, – получив бюллетень, аккуратно его складывали, шли к урне для голосования и «отдавали свой голос». Читать бюллетень и выбирать кандидата было лишним – это уже сделали за них. «Была одна партия, один кандидат и никакого выбора. <...> А над урной, над цветами в горшках висел плакат “Советская власть в миллион раз демократичнее самой демократической буржуазной республики. Ленин”» (Atkinson 2019: 96), – написала Ориана.

Результаты выборов (за кандидатов блока коммунистов и беспартийных проголосовало 99,18 % от общего числа избирателей) вряд ли могли кого-нибудь удивить. Однако, по мнению советских пропагандистов, они должны были явиться «крайне неприятным сюрпризом для тех, кто надеялся на ослабление сплоченности советского народа, для тех, кому не по душе советская демократия»³³. На этот выпад «Правды» Аткинсон ответил иронией: «В разгар ликования московской прессы по поводу достоинств и славных достижений Советского Союза иностранец мрачным

³² [Б. п.] Велика радость избирателей: Митинг избирателей участка № 20. – Правда. № 9 (10091). 1946. 11 января. С. 1.

³³ Обозреватель. Международное обозрение. – Правда. 1946. № 41 (10123). 17 февраля. С. 4.

воскресным утром не может не задуматься с тяжелым сердцем над несовершенством и изъятиями Соединенных Штатов»³⁴.

Аткинсон проследил, как советская пресса дозировала сообщения о Фултонской речи Черчилля, прочитанной 5 марта 1946 года. 8 марта «Правда» обращает внимание на прозвучавшее требование «создать англо-американский военный союз против СССР»³⁵; 11 марта подробно излагает речь Черчилля³⁶; 12 марта печатает большую статью знаменитого историка Евгения Тарле, утверждавшего, в частности, что «Советский Союз не поддастся на угрозы военной подготовки или словесную атаку»³⁷. Наконец, 14 марта «Правда» помещает пространное интервью Сталина, осудившего Черчилля как «поджигателя войны, который, по сути дела, предъявил нациям, не говорящим на английском языке, ультиматум»³⁸. «Новости, – писал Аткинсон, – удалялись из своего естественного контекста ежедневных событий и подтасовывались с целью формирования определенного мнения»³⁹. В результате реакция на Фултонскую речь, которая «вызвала в Москве такую истерику, словно вот-вот начнут падать атомные бомбы»⁴⁰, свелась, по его словам, к знакомым трюизмам: «враждебное капиталистическое окружение, жестокий империализм умирающего капитализма, угнетение прав трудящихся и малых народов и создание англо-американского или западного блока против Советского Союза»⁴¹. Е. Ю. Зубкова, так же как Аткинсон

³⁴ Atkinson, B. Pravda Finds Poll Superior to Ours. – The New York Times. 1946. February 18. P. 12.

³⁵ Atkinson, B. Soviet Press Hits Churchill Speech. – The New York Times. 1946. March 9. P. 2.

³⁶ Atkinson, B. Pravda Denounces Churchill's Speech as Threat of War. – The New York Times. 1946. March 12. P. 1.

³⁷ Atkinson, B. Moscow Scorns Foreign "Threats". – The New York Times. 1946. March 13. P. 1, 2.

³⁸ Atkinson, B. Russians' Vague Fears Are Defined. – The New York Times. 1946. March 17. Section E. P. 5.

³⁹ Atkinson, B. Socialist World Soviet Aim, Times Moscow Writer Says. – The New York Times. 1946. July 8. P. 1, 8.

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ Atkinson, B. Russians' Vague Fears Are Defined. – The New York Times. 1946. March 17. Section E. P. 5.

проследившая ход «пропагандистской кампании вокруг речи Черчилля» – кампании, в которой «Сталин сделал последний штрих», – пришла к тем же выводам, что и американский журналист: «<...> народу отныне <...> предстояло жить с ощущением военной опасности» (Зубкова 2000: 128–129).

Осенью 1945 года, когда энтузиазм первых послевоенных месяцев еще не остыл, Аткинсон отмечал, что «Советский Союз как политическая организация относится к Западу с почти патологическим недоверием»⁴². Весной 1946 г. он убедился в том, что как Англию, так и Соединенные Штаты советская пресса представляет не союзниками, но своими империалистическими противниками, которые стремятся к мировому господству. По словам Аткинсона, за десять месяцев его работы в Москве он не встретил ни в одной газете ни одного упоминания Америки, свидетельствующего, что она заслуживает доверия, – «США всегда красили черной краской»⁴³. Американскую прессу с особым усердием обличал Д. И. Заславский. Он твердил, что западная пресса – «часть капиталистической тирании», что она служит «кучкам магнатов, банковских воротил», тогда как «советская армия журналистов» работает в интересах народа. Разговоры о свободе прессы неизменно объяснялись желанием сохранить собственность газетных магнатов⁴⁴.

Заславский обратил на себя внимание Аткинсона и как театральный критик. В 1946 году на сцене филиала Московского Художественного театра с успехом шел спектакль по пьесе О. Уайльда «Идеальный муж» (режиссеры В. Я. Станицын и Г. Г. Конский). Рецензии на спектакль поместили несколько газет. «Что могло привлечь интерес Художественного театра к этой пьесе О. Уайльда?» – недоумевал В. Ермилов, посвятивший «Идеальному мужу» статью в «Известиях». Отдавая должное «поучительности» пьесы, демонстрирующей, как «министры и парламентарии считают

⁴² Atkinson, B. Moscow Asks the West for Amity, But Soviet Makes No Move Itself. – The New York Times. 1945. November 26. P. 5.

⁴³ Atkinson, B. Soviet Press Turns Guns on Us. – The New York Times. 1946. May 12. Section E. P. 4.

⁴⁴ Заславский Д. Война и печать. – Правда. 1946. № 107 (10189). 5 мая. С. 2.

возможным во имя политического, часто весьма сомнительного успеха применять любые средства», он сетовал на то, что театр не определил, какие именно «морально-эстетические ценности он несет советскому зрителю в этой постановке»⁴⁵.

В апреле «Правда» напечатала ответ Заславского Ермилову и другим критикам спектакля. «Нет оснований делать упреки Художественному театру за включение старой пьесы Оскара Уайльда в свой репертуар. Пьеса поучительна». Она не только «изобличает лицемерие английской аристократии и ее связь с финансовыми кругами», но и, по словам Заславского, намекающего на недавнее выступление Черчилля, «вскрывает подкладку некоторых политических выступлений». Таких лицемеров-политиканов, как герой английской комедии, утверждает он, «можно встретить и в разных других странах, где в блистательных политических салонах чувствуется аромат не столько тонких духов, сколько грубой нефти». В свои единомышленники Заславский приглашает самого драматурга, который якобы писал «в реалистической манере наперекор своим эстетическим манифестам», причем «острая сатирическая струя» в пьесе «делает понятными позднейшие мечтания Уайльда о “социализме”». Для Заславского, который написал свою статью после Фултонской речи, Уайльд уже не «выразитель декаданса и снобизма», как для Ермилова, а критик пороков английской политической культуры. «Когда вы узнаете со сцены о тех подлинных мотивах, которые определяют предполагаемое выступление товарища министра иностранных дел в палате общин, – пишет Заславский, – то вам кажется, что вы читали об этом сегодня в газетах. Театральный рассказ о делах, давно минувших, получает злободневность, актуальность»⁴⁶.

«Оскар Уайльду вернули доброе имя», – присоединился к полемике вокруг спектакля Аткинсон: «Давид Заславский, главный громовержец штатных доктринеров “Правды”, назвал пьесу глу-

⁴⁵ Ермилов В. Пьеса О. Уайльда в Художественном театре. – Известия. 1946. № 53 (8969). 2 марта. С. 3.

⁴⁶ Заславский Д. Карьера сэра Чилтерна («Идеальный муж», пьеса Оскара Уайльда в МХАТ). – Правда. 1946. № 85 (10167). 10 апреля. С. 3.

боко современным исследованием британского политического лицемерия». Аткинсон приводит аргументы Заславского в защиту спектакля, цитирует наиболее абсурдные пассажи и заканчивает свою статью мини-рецензией: «Если бы театральному критику-расстриге из страны монополии и капитализма позволили вмешаться в дискуссию, он бы назвал спектакль МХАТ по пьесе Уайльда напыщенно разыгранной шарадой, из которой дух комедии тихо удалился <...>. Артисты играют так, словно стараются в одно и то же время не забыть принципы актерской игры и выразить идеологический смысл пьесы Уайльда». По остроумному замечанию американского критика, благодаря авторитетной рекомендации Заславского обычные зрители, заполняющие зал, «теперь имеют право получать удовольствие от старой английской комедии»⁴⁷. Трудно сказать, была ли в этом заслуга Заславского, но спектакль, пережив кампанию против «внедрения в репертуар театров пьес буржуазных зарубежных драматургов», долго не сходил со сцены и прошел 1029 раз. Для сравнения: спектакль МХАТ по широко разрекламированной пьесе Симонова «Русский вопрос» о продажности американской прессы сыграли 31 раз (см.: Московский Художественный театр 1974: 553).

Брукс и Ориана Аткинсоны побывали почти во всех московских театрах – от Большого до недавно переехавшего в новое здание Театра Красной Армии. Ориане понравились красивые зрительные залы, удобные кресла для зрителей, просторные фойе, кафе и выгодно отличавшиеся от нью-йоркских репетиционные и гримерные помещения для актеров (см.: Atkinson 1948: 135; Atkinson 2019: 99). Брукс был высокого мнения об актерском ансамбле («лучше, чем в Америке»), хвалил гримеров, осветителей, художников, рабочих сцены. Он восхищался Качаловым в роли Гаева и Б. Добронравовым в роли царя Федора во МХАТ, Ю. Глизер и А. Хановым в спектакле по пьесе Моэма «Круг» в Московском театре драмы. Из режиссеров Аткинсон отметил ученика Станиславского

⁴⁷ Atkinson, B. Report from Moscow. – The New York Times. 1946. April 14. Section X. P. 2.

Алексея Попова, возглавлявшего Центральный театр Красной Армии⁴⁸.

Однако в большинстве случаев критик нашел и игру актеров, и режиссерские идеи устаревшими – почти ничего не изменилось с 1936 года, когда он приезжал в Москву. По его мнению, «спектакли, которые были лучшими тогда, продолжают оставаться таковыми – “Мертвые души”, “Пиквикский клуб”, “Воскресенье” и, разумеется, “Три сестры” и “Вишневый сад”». Новые пьесы советских драматургов показались ему «не более чем заурядными». «Правда, – замечает он, – хорошие новые пьесы, приемлемые в политическом и в художественном отношении, так же трудно найти в Советском Союзе, как и во всем мире»⁴⁹.

Как театрального критика Аткинсона отличала беспристрастность и безукоризненная честность – недаром его называли «совестью театра»⁵⁰. Размышляя о состоянии современного театра, он пришел к выводу, что интеллектуальный и творческий упадок испытывает не только советский театр. «Пик творческого периода американского театра, – по мнению Аткинсона, – пришелся на двадцатые годы после Первой мировой войны – прежде, чем старый мир начал разрушаться. Пик творческого периода советского театра – двадцатые годы – прежде, чем Советский Союз сформировался окончательно». Он объясняет это интеллектуальной потерянностью в предвоенные годы и испытаниями войны, истощившими творческую энергию. «Возможно, – заключает он, – мы находимся в неблагоприятном для творчества периоде для всех стран. Москва не исключение»⁵¹.

За десять месяцев работы Аткинсона в Москве – с августа 1945 по май 1946 года – *New York Times* напечатала более ста его корреспонденций. В июле, возвратившись в Нью-Йорк, он написал для своей

⁴⁸ Atkinson, B. Message from Moscow. – The New York Times. 1946. March 17. Section X. P. 1.

⁴⁹ Ibidem.

⁵⁰ Shepard, R. Brooks Atkinson, 89, Dead: Key Voice in Drama 31 Years. – The New York Times. 1984. January 15. P. 1, 29.

⁵¹ Atkinson, B. Good New Plays Missing in Moscow. – The New York Times. 1945. December 23. Section X. P. 3.

газеты три большие статьи, в которых обобщил московский опыт и рассказал о нем без оглядки на цензуру⁵². Аткинсон застал в Советском Союзе только самое начало того, что историки называют «расцветом идеологического диктата» (июнь 1945 – март 1953)⁵³. Однако в июльских статьях он смог описать наступление этого диктата, определить и сформулировать основные черты позднего сталинизма.

Если в начале московской командировки у Аткинсона и были иллюзии по поводу социализма, вскоре он убедился, что первая в мире социалистическая страна не дала людям никаких свобод – «в том числе свободы от нужды и свободы от страха» [2]. Тем не менее население, казалось, смирилось с этим. Один из его московских знакомых, англичанин, который, по мнению Орианы, имел возможность хорошо узнать советских людей, видел причину их покорности в том, что «русские – народ не свободолюбивый» (“the Russians are not a freedom-loving people”. – Atkinson 2019: 30). Аткинсон считал иначе. По его мнению, «отсутствие того, что мы называем важнейшими свободами, русских не волнует, поскольку они не знают, что такое западные свободы» [3].

Аткинсон стал свидетелем процесса, по определению Е. А. Добренко, «сближения населения с режимом» (Добренко 2020: 20) в первый послевоенный год. Предвыборная кампания, речи избирателей, называвших Сталина отцом родным, нарядно украшенные избирательные участки, приподнятое настроение голосовавших убедили его в том, что люди «уважают мудрость и справедливость своих вождей», что «правительство не приходит к власти вопреки воле народа» [1]⁵⁴.

⁵² См.: [1] Atkinson, B. Russia Bars Amity with U. S., Returned Times Writer Says. – The New York Times. 1946. July 7. P. 1, 6; [2] Atkinson, B. Socialist World Soviet Aim, Times Moscow Writer Says. – The New York Times. 1946. July 8. P. 1, 8; [3] Atkinson, B. Soviet Seen Wanting Peace Despite Its Air of Challenge. – The New York Times. 1946. July 9. P. 1, 6. В дальнейшем цитаты из этих статей будут даны в тексте с указанием в прямых скобках порядкового номера. Об этих статьях см. также: Шишкова 2023: 544–549 (электронное издание).

⁵³ См.: Власть и художественная интеллигенция 1999: 535.

⁵⁴ Ср. замечание о выборах 1946 г. современного историка: «...сама атмосфера выборов, прошедших как всенародный праздник, доказала, что власти пользуются не мнимым, а действительным доверием народа» (Зубкова 2000: 111).

Несмотря на всеобщую поддержку, «премьер Сталин, – по мнению Аткинсона, – самый надежно охраняемый человек в мире» [1]. Ни он, ни члены Политбюро не чувствуют себя в безопасности в своей стране, поскольку они взвалили на плечи людей слишком тяжелое бремя. Они пользуются «полной свободой действий – без вмешательства критики, оппозиции или прессы, и ведут себя как заговорщики» [1], – объяснял Аткинсон своим соотечественникам. Представление многих американцев о том, что советские вожди – люди «расчетливые, хитрые и практичные, что они всегда знают, что делают» [1], Аткинсон называет «бабьими сказками» [1]. По его мнению, «это люди довольно заурядные», «жертвы» проводимой ими же самими политики изоляции. Всю жизнь они провели за «железным занавесом» («Фраза на редкость удачная», – замечает Аткинсон) и сами уверовали в то, что «все против них», что страна окружена врагами [1].

«Советский Союз может подвергнуться агрессии, пока такие капиталистические страны, как Соединенные Штаты и Великобритания, занимают ведущее положение в мире»; «монополистический капитал <...> является фашистским, сохраняет фашистские центры и нацелен на уничтожение социализма» [2], – твердит партийная пропаганда. Отсутствие свободы прессы, жесткая цензура, «когда газеты говорят одно и то же почти одними словами, обычно одновременно», помогают власти укреплять железный занавес и манипулировать умонастроениями людей, сохранять единомыслие – «помогают диктатуре господствовать» [2]. Поэтому жертвы изоляционизма – это, прежде всего, советские люди. По замечанию Аткинсона, «никто не знает, сколько миллионов политических узников в стране» [1].

Когда Аткинсон приезжал в Советский Союз в 1936 году для участия в Московском театральном фестивале, контакты с Западом еще не были окончательно прерваны (кстати, последний фестиваль прошел в 1937 г.), но процесс отгораживания, изоляции близился к завершению. Критик тогда объяснил слабость советского театра тем, что «советские драматурги вот уже несколько лет герметично закрыты от внешнего мира, они утратили представление о

художественной соразмерности, не подвергаются честной критике в свободной прессе»⁵⁵. Этот процесс закончился в послевоенные годы, когда изоляция от остального мира, вытеснение иностранцев из страны, замалчивание или цензурирование новостей привели к формированию «бескровной, старомодной, мелкобуржуазной культуры, бесцветной и консервативной» [2].

Именно в комбинации изоляционизма и тоталитаризма Аткинсон видел причину гибели новых идей, угасания культуры, которое он наблюдал в Москве. Хотя «было бы логично ожидать от нового общества, которое русские строят, дерзости и смелости в искусстве» [2], однако, по мнению Аткинсона, этого не случилось. «Думаю, я вправе сказать, что общий уровень искусства, театра, музыки низок, – писал он, – подозреваю, что многие писатели, актеры и музыканты это понимают. В целом в искусстве нет жизненной силы; оно реакционное и устаревшее. Под бременем политического контроля почти не остается возможности проявления индивидуальности или экспериментирования» [2].

После десяти месяцев, проведенных в Москве, Аткинсон на «личном опыте и из своих наблюдений убедился, что перспективы теплых отношений с великой евразийской державой отсутствуют» [3]. Он сожалел об этом, поскольку «было бы приятно и полезно сохранять дружеские отношения с русскими людьми» [3], искренними и добросердечными. Мешает дружбе советское правительство, и, «несмотря на лицемерное использование слова “демократия”, это правительство тоталитарное» [1]. «Хотя мы не враги, мы и не друзья. И самое большое, на что мы можем надеяться, – это вооруженный мир в ближайшие несколько лет» [1].

Выходившая в Нью-Йорке газета «Новое русское слово» регулярно знакомила своих читателей с итоговыми статьями Брукса Аткинсона, полагая, что они особенно интересны тем, что их автор «до своей командировки в Москву весьма сочувственно относился к коммунизму и участвовал во многих организациях

⁵⁵ Atkinson, B. The Moscow Art: Two Excellent Productions There Make Up for a Dull Festival. – The New York Times. 1936. September 27. Section X. P. 1.

коммунистического фронта»⁵⁶. В последней публикации, посвященной работе Аткинсона в Москве, главный редактор газеты М. Е. Вейнбаум отметил, что «его статьи написаны с большой объективностью и с сочувствием к населению России. Они не пройдут незамеченными»⁵⁷.

Слова Вейнбаума о том, что статьи Аткинсона будут прочитаны, очень скоро оправдались. 11 июля Заславский, по слову Аткинсона «громовержец штатных доктринеров “Правды”», ответил на статьи своего оппонента и идеологического противника злобным фельетоном⁵⁸. Корреспонденты двух ведущих газет, они находились по разные стороны железного занавеса: Аткинсон пытался пробить в нем брешь, Заславский, назвавший себя в письме К. И. Чуковскому «большой дворовой собакой» (цит. по: Ефимов 2006: 93), его охранял. Коллега Аткинсона, корреспондент *New York Times* Херберт Митганг считал для себя «честью работать с ним», называл его статьи «уроком честности и элегантного стиля» (Mitgang 2004: 162), а его самого «лучшим критиком в любой области» (Там же). Чуковский, близко знавший Заславского, отмечал «балаганный (и в то же вр<емя> казенный) характер» некоторых его выпадов и задавался вопросом: «Неужели он не сознает, что его статьи есть зловердное искажение действительности?» (Чуковский 1994: 225–226).

«Надо влезть в шкуру публициста, чтобы понять его собачью натуру. Он должен грызть врага» (цит. по: Ефимов 2006: 93), – оправдывал Заславский свои нападкн на Пастернака в письме Чуковскому. В Аткинсоне он, несомненно, видел своего врага и кидался на него, словно по команде фас. Особенно раздражили Заславского рассуждения американского журналиста о «железном занавесе» (шесть упоминаний в статье). «Железный занавес» – выдумка, которую «пустил в обращение» Аткинсон; Аткинсон

⁵⁶ [Б. п.] Культурная жизнь в СССР: Вторая статья Брукса Эткинсона <sic!>. – Новое русское слово. 1946. № 12490. 9 июля. С. 3.

⁵⁷ Вейнбаум М. На разные темы: Брукс Аткинсон о России. – Новое русское слово. 1946. № 12491. 10 июля. С. 3.

⁵⁸ См.: Заславский Д. Клеветник без дарованья. – Правда. 1946. № 163 (10245). 11 июля. С. 3.

«заявляет, что есть “железный занавес”»; Аткинсон считает, что это «*дьявольски* <курсив мой. – Г. Л.> удачное выражение»⁵⁹, – не устает повторять он.

Интересно, что политическая метафора или мем (как бы мы сейчас сказали) «железный занавес» скоро вновь стал объектом критики Заславского в фельетоне «Лобызание Геббельса». В нем Заславский утверждал, что никакой «железной завесы» <sic!> нет, что иностранцы свободно путешествуют по стране и что первым «пустил в ход этот клеветнический образ» не Черчилль, а Геббельс. Не называя Аткинсона, Заславский явно намекает на него, заявляя, что выдумка Геббельса живет, среди прочего, в «наглом выпад в статье чернильного раба с газетных плантаций Херста»⁶⁰. Кстати, «тезис о том, что “железный занавес” – изобретение Геббельса, – по замечанию К. В. Душенко, проследившего историю этой политической метафоры, – стал общим местом советской контрпропаганды послевоенного десятилетия» (см.: Душенко 2018: 203).

Мнивший себя знатоком литературы, театральным и музыкальным критиком, Заславский считал себя вправе сказать, что «“наш собственный корреспондент” из одного нью-йоркского заведения» ничего не понимает ни в идеях, ни в искусстве.

На слова Аткинсона об отсутствии в СССР свобод и демократии он ответил весьма затейливой бранью: это «старые, избитые сплетни», «беспардонная и бестолковая болтовня», «бред наглого человека», «чехарда фраз, из которых одна побивает другую», «кадриль, в которой одна пара мыслей танцует против другой».

Процитировав «грязнейшие» утверждения Аткинсона о том, что «Советский Союз вмешивается во французскую политику, субсидируя французскую компартию», Заславский назвал его «информатором», которому владельцы капиталистических газетных фабрик хотят доставить невозбранный доступ во все углы мира»,

⁵⁹ Там же. “Miraculously” (‘удивительно’) Заславский передает словом «дьявольски», считая, что оно лучше передает словарь американца.

⁶⁰ Заславский Д. Лобызание Геббельса. – Правда. 1946. № 181 (10263). 1 августа. С. 4.

человеком «до мозга костей продажным», «дикарем», «продуктом биржи и черного рынка».

«Вот для какого отродья монополисты газетного капитала требуют “свободы печати”», – досадует Заславский.

В название своего фельетона Заславский вынес строку из эпиграммы Пушкина, адресованной М. Т. Каченовскому, издававшему журнал «Вестник Европы». В конце статьи он целиком процитировал эпиграмму:

Клеветник без дарованья,
Ищет палок он чутьем,
А дневного пропитанья
Ежемесячным враньем.

– и добавил: «Впрочем, о господине Аткинсоне надо сказать, что пропитанье он получает ежемесячно, а врет ежедневно»⁶¹.

12 июля, на следующий день после выхода фельетона Заславского, *New York Times* под заголовком «“Правда” клеймит Аткинсона, называя его “бандитом”, о которого даже не хочется марать руки», помещает – без комментариев – его полный перевод (убедительное доказательство свободы прессы). Текст Заславского, по мнению редакции, в комментариях не нуждался. Как известно из заметки в «Новом русском слове», газета *New York Times* на запросы других газет заявила, что не собирается отвечать на статью Заславского в «Правде»⁶².

По совпадению в тот же день, 12 июля, президент Трумен встретился в Вашингтоне с «бандитом пера» Аткинсоном⁶³.

13 июля в рубрике «Письмо в редакцию» «Правда» печатает статью «Двуличие господина Аткинсона». Ее автор, художественный руководитель Центрального театра Красной Армии, президент Театральной секции ВОКС А. Д. Попов, вспоминает встречу с

⁶¹ Заславский Д. Клеветник без дарованья. – Правда. 1946. № 163 (10245). 11 июля. С. 3.

⁶² [Б. п.] Ответ «Правды» Бруксу Эткинсону <sic!>. – Новое русское слово. 1946. № 12494. 13 июля. С. 2, 5.

⁶³ [Anonymous]. Truman Sees Atkinson, Author of Report on Reds. – The Evening Star (Washington D.C.). 1946. July 12.

Аткинсоном, который высоко отзывался «об игре, режиссерской работе и декорациях спектакля». «Сравнивая то, что писал и говорил Аткинсон, будучи в Москве, с тем, что он написал о советском искусстве, вернувшись в Соединенные Штаты, я прихожу к выводу, что господин Аткинсон легко входит в сделки со своей совестью», – пишет режиссер. И заключает свое «письмо» словно под диктовку Заславского: «Такое двуличное поведение <...> подрывает доверие советских людей к представителям иностранной печати, работающим в СССР»⁶⁴.

Уже 14 июля газета *New York Times* печатает полный перевод статьи Попова и ответ Аткинсона. Критик признал, что в статье от 17 марта он действительно упомянул «Ночь ошибок» в постановке Попова как спектакль, «выгодно отличавшийся на фоне общей серости советского театра». По его мнению, это была лучшая постановка пьесы Гольдони из всех виденных им раньше. Отвечая Попову, Аткинсон процитировал свою мартовскую статью: «Театр в Москве живет в прошлом. Его отличает консервативный стиль и вкус, что удивительно для страны, которая постоянно бьет себя в грудь, заявляя о своей прогрессивности; у него иссякла творческая энергия». Отдавая должное режиссерскому мастерству Попова, Аткинсон написал: «Для обычных зрителей, которые не ходят в театр как в храм, Театр Красной Армии, пожалуй, самый подходящий»⁶⁵.

В том же номере газеты без подписи были параллельно напечатаны выдержки из трех статей Аткинсона и статьи Заславского, опять-таки без комментария. Подборка называлась “Atkinson vs. Zaslavsky” (это заглавие я заимствовала для своей статьи).

Как известно, в августе 1946 года, вскоре после отъезда Аткинсона из Москвы, в СССР началась кампания, направленная против творческой интеллигенции. Были приняты директивные постановления Оргбюро ЦК ВКП(б): 9 августа – о кинофильме «Большая жизнь», 14 августа – о журналах «Звезда» и «Ленинград»,

⁶⁴ Попов А. Д. Двуличие господина Аткинсона. – Правда. 1946. № 165 (10247). 13 июля. С. 3.

⁶⁵ Atkinson, B. Message from Moscow. – The New York Times. 1946. March 17. Section X. P. 1.

26 августа – «о репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению». Постановления обсуждались на собраниях в творческих союзах, в газетах и журналах. О них писали и американские газеты⁶⁶. Аткинсон отозвался на идеологические атаки статьей в газете *New York Times*, бессменным театральным критиком которой он будет оставаться до 1960 года. Эту статью можно считать послесловием к его московским корреспонденциям. В ней он обратился к американским писателям и драматургам, не осознающим, что такое тоталитаризм, и призвал их не забывать о терроре против их коллег в Советской России. «Некоторые писатели в Соединенных Штатах верят в коммунизм, восхищаются методами Советской России и так или иначе поддерживают цели советской политики. Выступая на стороне системы, которая превращает творческую интеллигенцию в своих рабов и разрушает творческое начало в искусстве, они из-за своей ограниченности совершают профессиональное самоубийство»⁶⁷.

Журнал *Life*, перепечатавший на своих страницах статьи Аткинсона, назвал их «самыми глубокими статьями о Советском Союзе из всех, которые до сих пор появлялись в американской прессе», а нападки на него «Правды» – «самой злобной атакой российской прессы на аккредитованного американского корреспондента» (*Life*. 1946. July 22. P. 85).

В 1947 году за серию статей о СССР Брукс Аткинсон получил Пулитцеровскую премию. В Москве награждение не осталось незамеченным. Советским гражданам сообщили: «Одним из премированных в 1947 году оказался корреспондент газеты “Нью-Йорк таймс” Брукс Аткинсон, который получил денежное вознаграждение за серию лживых, клеветнических статей об СССР» (Крылов 1949: 20).

⁶⁶ См.: [Anonymous]. Soviet Art is Urged to Fight Capitalism. – The New York Times. 1946. September 28. P. 7.

⁶⁷ Atkinson, B. Russian Policy Slips. – The New York Times. 1946. October 6. Section X. P. 1.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Большая цензура 2005. Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов: 1917–1956 / Под общей ред. академика А. Н. Яковлева; сост. Л. В. Максименков. М.: Международный фонд «Демократия»; Издательство «Материк».
- Власть и художественная интеллигенция 1999. Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике: 1917–1953 / Сост. А. Артизов, О. Наумов. М.: Международный фонд «Демократия».
- Данилов А. А., Пыжиков А. В. 2001. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М.: РОССПЭН.
- Добренко Е. А. 2020. Поздний сталинизм: Эстетика политики. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение.
- Душенко К. В. 2018. Красное и белое: Из истории политического языка: Сборник статей. М.: ИНИОН РАН.
- Ефимов Е. 2006. Сумбур вокруг «Сумбура» и одного «маленького журналиста». М.: Флинта.
- Заславский Д. 1960. День за днем: Избранные произведения: В 2-х тт. Т. 1: Среди своих. М.: Правда.
- Зубкова Е. Ю. 2000. Послевоенное советское общество: Политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН.
- Крылов Б. 1949. Американская печать на службе монополий: Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральной лектории Общества [по распространению политических и научных знаний] в Москве. М.: Правда.
- Лапина Г. 2022. Американцы в Москве: 1930–1940. М.: Литфакт.
- Московский Художественный театр 1974. Московский Художественный театр в советскую эпоху: Материалы и документы. М.: Искусство.
- Хлевнюк О. В., Горлицкий Й. 2011. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН.
- Чуковский К. 1994. Дневник (1930–1969). М.: Современный писатель.
- Шишкова Т. 2023. Внеждановщина: Советская послевоенная политика в области культуры как диалог с воображаемым Западом. М.: Новое литературное обозрение.
- Atkinson, O. 1948. A Few Poises. – As We See Russia / By Members of the Overseas Press Club of America. New York: E. P. Dutton & Co. P. 129–138.

- Atkinson, O. 2019. *Over at Uncle Joe's: Moscow and Me (A Glimpse at Post-WWII Soviet Union from an American Traveler and Correspondent)*. 2nd ed.: Reprint with Commentary. Brownsboro, AL: The Arden Writer Press.
- Mitgang, H. 2004. *Newsmen in Khaki: Tales of a World War II Soldier Correspondent*. Lanham, MD; New York; Dallas; Boulder; Toronto; Oxford: Taylor Trade Publishing.

REFERENCES

- Atkinson, O. "A Few Poises." In *As We See Russia* by Members of the Overseas Press Club of America, 129–38. New York: E. P. Dutton, 1948.
- . *Over at Uncle Joe's: Moscow and Me (A Glimpse at Post-WWII Soviet Union from an American Traveler and Correspondent)*. 2nd ed.: Reprint with Commentary. Brownsboro, AL: The Arden Writer Press, 2019.
- Bol'shaia tsenzura: Pisateli i zhurnalisty v Strane Sovetov: 1917–1956*. Edited by L. V. Maksimenkov. Moscow: Mezhdunarodnyi fond "Demokratiia"; Izdatel'stvo "Materik," 2005.
- Chukovskii, K. *Dnevnik: 1930–1969*. Moscow: Sovremennyi pisatel', 1994.
- Danilov, A. A. and A. V. Pyzhikov. *Rozhdenie sverkhderzhavy: SSSR v pervye poslevoennye gody*. Moscow: ROSSPEN, 2001.
- Dobrenko, E. A. *Pozdnii stalinizm: Estetika politiki*. Vol. 1. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020.
- Dushenko, K. V. *Krasnoe i beloe: Iz istorii politicheskogo iazyka: Sbornik statei*. Moscow: INION RAN, 2018.
- Efimov, E. *Sumbur vokrug "Sumbura" i odnogo "malen'kogo zhurnalista"*. Moscow: Flinta, 2006.
- Khlevniuk, O. V. and Yoram Gorlizki. *Kholodnyi mir: Stalin i zavershenie stalinskoi diktatury*. Moscow: ROSSPEN, 2011.
- Krylov, B. *Amerikanskaia pechat' na sluzhbe monopolii: Stenogramma publichnoi leksii, pročitannoi v Tsentral'nom lektorii Obshchestva [po rasprostraneniui politicheskikh i nauchnykh znaniu] v Moskve*. Moscow: Pravda, 1949.
- Lapina, G. *Amerikantsy v Moskve: 1930–1940*. Moscow: Litfakt, 2022.
- Mitgang, H. *Newsmen in Khaki: Tales of a World War II Soldier Correspondent*. Lanham, MD: Taylor Trade Publishing, 2004.
- Moskovskii Khudozhestvennyi teatr v sovetskuiu epokhu: Materialy i dokumenty*. Moscow: Iskusstvo, 1974.

Shishkova, T. *Vnezhdanovshchina: Sovetskaia poslevoennaia politika v oblasti kul'tury kak dialog s voobrazhaemym Zapadom*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023.

Vlast' i khudozhestvennaia intelligentsiia: Dokumenty TsK RKP(b)–VKP(b), VChK–OGPU–NKVD o kul'turnoi politike: 1917–1953. Edited by A. Artizov and O. Naumov. Moscow: Mezhdunarodnyi fond “Demokratiia,” 1999.

Zaslavskii, D. *Den' za dnem: Izbrannye proizvedeniia*. 2 vols. Vol. 1, *Sredi svoikh*. Moscow: Pravda, 1960.

Zubkova, E. Iu. *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: Politika i povsednevnost'. 1945–1953*. Moscow: ROSSPEN, 2000.

СПРАВКА (К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ И НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ ВОПРОСАХ)

Б. А. Равдин

(Рига)

9 декабря 2021 г. на заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека (далее – СПЧ) президент России (далее – РФ) В. В. Путин, одновременно выступая в роли историка и юриста, коснулся деятельности Международного историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал» (Москва) и в составленной «Мемориалом» Базе данных жертв политических репрессий в СССР за 1917–1991 гг. (более трех миллионов лиц) выделил несколько имен:

<...> в списке тех, кто причисляется «Мемориалом» к жертвам политических репрессий, советских политических репрессий, <находим> таких граждан, как Петр Петровскис, Лисовский, Ковалевский. Первый, Петр Петровскис, служил при немцах в полиции, арестовывал и конвоировал еврейских узников к месту казни, а позднее хвастался перед соседями, и есть конкретные свидетельские показания, и дальше прямая речь: «Этот наган сегодня...», – не буду употреблять терминологию этого преступника, дальше он называет, сколько евреев он уничтожил, 100 человек. Другой, Иван Лисовский, с 1941 года начинал как бригадир созданной им же группы могильщиков, расстреливавших евреев, затем служил в латышской полиции, непосредственно был участником убийства 11 тысяч евреев.

Еще один деятель тоже отмечен как раз в этих зверствах нацистов над еврейским населением в Лудзе – 800 человек уничтожил¹.

¹ Здесь и далее выступление президента РФ В. В. Путина цитируется по: https://polpred.com/?ns=1&ns_id=3913597

Речь идет преимущественно о событиях 1941 г. в оккупированных нацистской Германией городах Латвии: Даугавпилс (Двинск), Резекне (Режица), Лудза (Люцин).

Соотнесем сведения, оглашенные на заседании СПЧ, с материалами судебно-следственных дел указанных выше лиц – дела хранятся в Государственном архиве Латвии (LNA LVA):

Kovalevskis Pāvels <и др.>. Ф. 1986. Оп. 1. Ед. хр. 12508. Арестован 20.08.1944.

Lišovskis Ivans <и др.>. Там же. Ед. хр. 28397. Арестован 10.08.1944.

Petrovskis Pēteris. Там же. Ед. хр. 8353. Арестован 11.07.1947.

Ниже курсивом выделены фрагменты выступления президента РФ.

I

Лисовский Иван Антонович

1. *«Другой, Иван Лисовский, <...> бригадир созданной им же группы могильщиков, расстреливавших евреев <...>».*

Тем самым утверждается, что бригада могильщиков была создана по собственной инициативе Лисовского. Ср. приговор Лисовскому (см. ниже).

2. *Лисовский – «<...> бригадир созданной им же группы могильщиков, расстреливавших евреев <...>».*

Тем самым утверждается, что могильщики, помимо рытья могил, еще были привлечены к расстрелам обреченных. Ср. приговор Лисовскому (см. ниже).

3. *Лисовский – «<...> служил в латышской полиции <...>».*

Ср. приговор Лисовскому (см. ниже).

4. *Лисовский – «<...> непосредственно был участником убийства 11 тысяч евреев».*

Ср. приговор Лисовскому (см. ниже).

27 и 28 октября 1944 г. в г. Даугавпилс состоялось заседание Военного трибунала войск НКВД Латвийской ССР по обвинению ряда лиц, в т. ч. И. Лисовского по ст. 58 УК РСФСР (см.: LNA LVA. Ф. 1986. Оп. 1. Ед. хр. 28397. Л. 304–332 об.).

Приводим оглашенный в отношении Лисовского приговор от 28 октября 1944 г. (судебно-следственные материалы цитируются с сохранением грамматических особенностей оригинала):

Подсудимый ЛИСОВСКИЙ в начале июля месяца 1941 года старшим полицейским Савицким и префектурой гор. Двинска был назначен руководителем могильных дел и распределителем награбленного имущества расстрелянных. Выполняя свою функцию, ЛИСОВСКИЙ участвовал в раздевании обреченных на смерть, грабил ценности и имущество расстрелянных, вынимал серьги с расстрелянных женщин, стаскивал сапоги, – свою работу выполнял с особенной дерзостью, цинизмом и зверством. Совместно с полицейскими и немцами устраивал и пьяные оргии, высказывая в них злорадство по отношению к расстрелянным².

Т. е.: в приговоре Лисовскому, вопреки заявленному на заседании СПЧ от 9 дек. 2021 г.:

- а) нет никаких упоминаний о том, что он, Лисовский, по собственной инициативе создал бригаду могильщиков;
- б) нет никаких упоминаний о том, что он, Лисовский, участвовал в расстреле обреченных;
- в) нет никаких упоминаний о том, что он, Лисовский, служил в латвийской полиции;
- г) нет никаких упоминаний и о том, что он, Лисовский, был непосредственным участником убийства 11 тыс. человек.

И во всем деле (более 500 листов на десятиртых могильщиков и извозчиков) отсутствуют какие-либо соответствующие доказательства.

Таким образом, все пункты обвинения в адрес Лисовского, предъявленные на заседании СПЧ 9 дек. 2021 г., не подтверж-

² LNA LVA. Ф. 1986. Оп. 1. Ед. хр. 28397. Л. 339–340.

даются приговором, который был вынесен Лисовскому Военным трибуналом 28 окт. 1944 г.

И. Лисовский на основании статьи 58-1 «а» УК РСФСР был приговорен к расстрелу³, позднее замененному 20 годами каторжных работ.

Р. S. Можно ли вообще считать могильщиков соучастниками убийств? Известно, что для рытья ям под захоронение убиенных оккупационные инстанции нередко привлекали тех же обитателей гетто или военнопленных. Но можно ли могильщиков данных категорий (населники гетто и военнопленные) считать пособниками преступлений германского национал-социализма?

Судя по материалам следствия, могильщики и извозчики в Даугавпилсе (Двинске) были осуждены не за соучастие в расстрелах обреченных, а за неспособность отказаться от одежды расстрелянных, которая им предлагалась в качестве дополнительного вознаграждения за рытье могил, захоронение убиенных и «транспортные услуги».

II

Петровскис Петр Петрович

Продолжаем цитировать фрагменты выступления президента:

5. «Первый, Петр Петровскис, служил при немцах в полиции, арестовывал и конвоировал еврейских узников к месту казни, а позднее хвастался перед соседями, и есть конкретные свидетельские показания, и дальше прямая речь: «Этот наган сегодня...», – не буду употреблять терминологию этого преступника, дальше он называет, сколько евреев он уничтожил, 100 человек».

Приведем некоторые материалы судебно-следственного дела П. Петровскиса (он, как и И. Лисовский, судился в группе лиц).

³ См.: Там же. Л. 340.

ПЕТРОВСКИС Петр Петрович, 1920 года рождения, уроженец гор. Резекне Латвийской ССР, поляк, б/п, образование 3 класса, женат, без определенного места жительства и занятий, что будучи враждебно настроенным к существующему в Советском Союзе государственному строю, в первые дни немецкой оккупации Латвийской ССР изменил родине, добровольно поступил на службу в немецкую полицию, где служил до момента капитуляции Германии.

Являясь полицейским, участвовал в обысках, грабежах, конвоировании и расстреле советских граждан, а также принимал участие в облавах против советских партизан, задерживал и доставлял в полицию советских граждан, нес охранную и патрульную службу. После капитуляции Германии, скрыв свою службу в полиции, проживал нелегально, имел оружие и поддерживал связь с участниками вооруженных банд латышских националистов, т. е. в пр<еступлениях> пр<едусмотренных> ст. ст. 58-1 «а», 182 ч. 1 и 58-11 УК РСФСР⁴.

Приведем материалы протокола очной ставки между свидетелем Матусевичем Иваном Антоновичем и обвиняемым Петровским Петром Петровичем от 17 апреля 1947 года⁵.

Вопрос свид<етелю> Матусевич: Что вам известно о фактах преступной деятельности Петровскис как полицейского?⁶

Ответ: Чем Петровскис занимался будучи на службе в Резекненской полиции, за исключением того что я его видел не раз на посту у моста через реку Резекне, мне не известно. Однако сам Петровскис мне рассказывал о своих деяниях следующее: Примерно в конце июля или начале августа 1941 года Петровскис вместе с карателями Крауль и Павловым пришли в канцелярию Ушодор <УШОСДОР? – Управление шоссейных дорог. – Б. Р.>, по улице свобода <правильно: ул. Свободы, по-латышски: Brīvības. –

⁴ LNA LVA. Ф. 1986. Оп. 1. Ед. хр. 8353. Т. 2. Л. 255. Обвинительное заключение. 28 апр. 1947 г.

⁵ См.: Там же. Т. 2. Л. 191–195.

⁶ Там же. Т. 2. Л. 192.

Б. Р.>, где я в то время работал кузнецом. Будучи вне трезвом <sic!> состоянии Петровскис вынул тогда пистолет из кармана брюк и подбрасывая его на ладони правой руки говорил: «...этот пистолет поработал сегодня, 110 человек угробил...». Здесь же Петровскис хвастался, что он угробил много евреев, которые закопаны в саду у мельницы Яшковского. Подобные разговоры я от Петровскис слышал не раз, но где именно и когда припомнить не могу⁷.

Вопрос обв<иняемому> Петровскис: Вы подтверждаете показания свидетеля Матусевича?

Ответ: Показания Матусевич не подтверждаю. Ни Павлова ни Крауля я не знал и не знаю и в Ушодор с ними не приходил, пистолета Матусевич Ивану не показывал, а также не рассказывал об участии в расстрелах евреев ибо этого не было в действительности. <...>

Вопрос св<идетелю> Матусевич: Настаиваете на своих показаниях?

Ответ: Да настаиваю. Следствию я показал то что знал о Петровскис из своих личных наблюдений и его рассказов⁸.

Показания подсудимого Петровскиса:

До войны я работал на телеграфе в г. Резекне. С приходом немцев я, боясь быть репрессированным за брата члена ВЛКСМ проживавшегося в СССР, добровольно поступил в организацию «самоохрана» и нес службу по охране гетто и конвоированию евреев на работы. В обысках, арестах и расстрелах евреев я участия не принимал.

Может быть в пьяном виде, из хвастовства, я и рассказывал о моем участии в арестах и расстрелах. Точно этого не помню⁹.

Приговор Военного трибунала Прибалтийского военного округа.
Рига, 15 мая 1947 г.:

⁷ Там же. Т. 2. Л. 193.

⁸ Там же. Т. 2. Л. 194.

⁹ Там же. Т. 2. Л. 283. Протокол судебного заседания. 15 мая 1947 г.

Подсудимый Петровскис, проживая на временно оккупированной территории Латвийской ССР, добровольно вступил в контрреволюционную группу под названием «самозащиты», а позднее в сентябре 1943 года добровольно вступил в немецкую полицию, где служил по день капитуляции немецкой армии. Находясь в отряде «самозащиты» Петровскис нес охранную службу, конвоировал арестованных немцами советских граждан на работы и лично расстрелял советского гражданина Израилитс. Кроме того Петровскис нес патрульную службу, ходил по квартирам с обысками, а находясь в полиции выезжал на облаву против советских партизан¹⁰.

П. Петровскис по ст. ст. 58-1 «а», 182 ч. 1 и 58-11 УК РСФСР был осужден на 15 лет каторжных работ, с поражением в правах сроком на 5 лет и с конфискацией имущества¹¹.

И вновь: вопреки заявленному на заседании СПЧ 9 дек. 2021 г., в приговоре нет никаких упоминаний о расстреле П. Петровскисом ни 100, ни 110 евреев в г. Резекне в 1941 г.

P. S. Можно предположить, почему по ходу заседания и в приговоре трибунала не было и слова о том, что П. Петровскис расстрелял из пистолета 110 евреев. Надо полагать, трибунал счел слова Петровскиса о расстреле им из пистолета 110 евреев своеобразным хвастовством, поскольку трибуналу должно было быть известно, что расстрел обреченных производился не пистолетными выстрелами, а винтовочным огнем.

III

Ковалевский Павел Александрович

Очередная выдержка из выступления президента:

6. «Еще один деятель тоже отмечен как раз в этих зверствах нацистов над еврейским населением в Лудзе – 800 человек уничтожил».

¹⁰ Там же. Т. 2. Л. 296.

¹¹ См.: Там же. Т. 2. Л. 297 об.

Здесь речь идет о П. А. Ковалевском.

Приведем фрагменты судебно-следственного дела Ковалевского (см.: LNA LVA. Ф. 1986. Оп. 1. Ед. хр. 12508).

В постановлении на арест Ковалевского от 18 авг. 1944 г. читаем:

Я, Ст. Оперуполномоченный Рижского Уездного Отдела НКГБ Мл. Лейтенант Госбезопасности БУХАНЬКО, рассмотрев поступившие в НКГБ Латвийской ССР материалы о преступной деятельности КОВАЛЕВСКОГО ПАВЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА, 1923 года рождения, уроженец и житель г. Лудза Латвийской ССР, сын рядового полицейского бывшего Латвийского государства, беспартийный, грамотный, женат, по национальности поляк НАШЕЛ:

проживая на временно-оккупированной немцами территории Латвийской ССР в гор. Лудзе, КОВАЛЕВСКИЙ П. А. добровольно поступил на службу в немецкую комендатуру, где работал продолжительное время писарем, а затем, помощником коменданта еврейского гетто, организованного немцами в гор. Люцине.

В августе 1941 года, выслуживаясь перед оккупантами, принимал активное участие в аресте и расстреле 40 советских граждан, в числе которых была расстреляна член ВКП /б/ КРАВЦОВА, ранее им арестованная.

На основании изложенного ПОСТАНОВИЛ: КОВАЛЕВСКОГО ПАВЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА, проживающего в г. Лудза по ул. Талавийской – подвергнуть аресту и обыску.

/Соответствующие подписи/¹²

Опускаем протоколы допросов Ковалевского за 1944 г. (см.: Там же. Л. 10–37 и др.), прочих лиц, протокол судебного заседания Военного трибунала войск НКВД ЛССР в г. Лудза (см.: Там же. Л. 116–123), элиминируем приговор от 9 апр. 1945 г. (см.: Там же. Л. 124) и обращаемся к некоторым деталям служебной записки заместителя председателя Комитета госбезопасности при Совете министров СССР генерал-лейтенанта С. Бельченко на имя председателя Комитета госбезопасности при Совете министров Латвийской ССР

¹² LNA LVA. Ф. 1986. Оп. 1. Ед. хр. 12508. Л. 2.

генерал-майора Я. Я. Веверса от 16 марта 1967 г. (спустя двадцать с лишним лет после процесса над Ковалевским) за № 1328/Б:

КОВАЛЕВСКИЙ П. А. был осужден в 1945 году по ст. 58-I «а» УК РСФСР к 20 годам каторжных работ, освобожден в апреле 1956 года по амнистии.

Из материалов архивно-следственного дела видно, что в период немецкой оккупации Латвийской ССР КОВАЛЕВСКИЙ добровольно поступил на службу в полицию гор. Лудзы, а затем служил в карательных органах, принимал участие в массовых арестах советских граждан, иногда присутствовал при их расстрелах. *Однако его личное участие в террористических актах в ходе следствия доказано не было* <курсив наш. – Б. Р.>, за другую анти-советскую деятельность он отбыл наказание 11 лет и 8 месяцев, в настоящее время проживает в Коми АССР, занимается общественно-полезным трудом, с антисоветской стороны себя не проявляет¹³.

Письмо генерал-лейтенанта С. Бельченко очевидно свидетельствует о том, что, вопреки зачитанным на заседании СПЧ обвинениям в отношении Ковалевского, какие-либо данные о причастности Ковалевского к расстрелу 800 жителей г. Лудзы в годы немецкой оккупации – отсутствуют.

*

Таким образом, за исключением части обвинений в адрес П. П. Петровскиса («служил при немцах в полиции, арестовывал и конвоировал еврейских узников к месту казни»), все остальные пункты обвинений, оглашенные 9 дек. 2021 г. в заседании СПЧ в отношении П. П. Петровскиса, И. А. Лисовского и П. А. Ковалевского, не находят подтверждения в материалах судебно-

¹³ Там же. Л. 179.

следственных дел и таким образом – абсолютно бездоказательны, беспочвенны, безосновательны и т. д.¹⁴

На наш взгляд, приведенный выше источниковедческий казус может быть успешно использован на семинарских занятиях по источниковедению, историографии и сопутствующим дисциплинам для студентов-историков, студентов-юристов и проч.

¹⁴ Верховный суд Латвии в 1990-х гг., пересматривая политические процессы советской эпохи, отказал П. А. Ковалевскому, И. А. Лисовскому, П. П. Петровскому в реабилитации (см.: LNA LVA. Ф. 1986. Оп. 1. Ед. хр. 12508. Л. 180–180 об.; Ед. хр. 28397. Л. 507–507 об.; Ед. хр. 8353. Л. 497–497 об.). Т. е. счел этих лиц виновными по ряду их деяний, но без обвинений в массовых расстрелах еврейского населения Даугавпилса, Резекне, Лудзы, некоторых других преступлениях, которые облыжно вменялись указанным выше лицам в вину на заседании СПЧ от 9 дек. 2021 г.

КРИТИКА

ДЕЛО СТРАСТЕЙ

Рец. на кн.: ВЕЛИЖЕВ М. ЧААДАЕВСКОЕ ДЕЛО: ИДЕОЛОГИЯ, РИТОРИКА И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ В НИКОЛАЕВСКОЙ РОССИИ. М.: Новое литературное обозрение, 2022. Серия «Интеллектуальная история». 392 с. Тираж: 1000 экз.

Е. Э. Лямина

(Москва)

Монография Михаила Велижева – третий этап (или этаж?) его почти двадцатилетних штудий, посвященных Чаадаеву, публикации первого «Философического письма», вызванной этим событием буре и прочим последствиям. Постройка в целом вышла впечатляющей, и стоит вкратце напомнить о тех ярусах ее, что появились раньше.

Первым стало капитальное издание текстов Чаадаева (см.: Чаадаев 2010). За «*Lettres philosophiques*», статьями и избранными письмами (все – во французских оригиналах, сопровождаемых переводами) в этом почти тысячестраничном томе помещен раздел «Приложения». Здесь исследователь – впервые столь репрезентативно – собрал переписку разных лиц, частных и официальных, вокруг «Телескопического дела», некоторые материалы следствия, а также ответы современников на первое «Философическое письмо». Эти важнейшие источники были по большей части либо извлечены из архивных дел, либо заново сверены, причем при сверке, как правило, выяснялось, что предшествующие публикации или неполны, или неточны, или и то, и другое разом. Комментарий примечателен не только объемом и дотошностью, в том числе археографической, но и тем, что в нем была поставлена и в первом приближении решена новаторская задача – системным образом выявить и описать претексты чаадаевских формул и

параллели к ним в западноевропейской, прежде всего французской, политической, религиозно-философской и исторической мысли.

Это издание, за что Михаилу Велижеву особая и живейшая благодарность, заполнило и отчасти нейтрализовало даже не лакуну, а черную дыру, проделанную в историографии чудовищным, скажем прямо, двухтомником (см.: Чаадаев 1991). Редакторский произвол, игнорирование франкофонности автора и его текстов, взятые с потолка датировки и т. д. – за разбор двух ляпсусов из множества отсылаем к заметке ученых (см.: Мильчина, Осповат 1995–1996: 284–287), чьи эрудиция, стиль и исследовательское обаяние стали для Велижева одним из источников вдохновения, о чем он и пишет в предисловии.

Второй этаж обозреваемого нами здания – обширная группа статей и статей-публикаций. Частью они предшествовали тому 2010 г. и были затем в нем использованы, оставаясь при этом самодостаточными исследованиями, частью вышли после него (см., например: Велижев 2007: 300–317; Велижев 2008: 226–234; Велижев 2010: 340–349; Велижев 2014: 298–308; Велижев 2015: 253–262 и Велижев 2017: 58–73). По тематике и методике они разнообразны. Это и введение в научный оборот новых источников, снабженных комментарием, и реконструкция ряда контекстов, и очерки, посвященные разным фрагментам «Философических писем», фигурам и социальным практикам, актуальным для «чаадаевского дела», и замечания о рецепции Чаадаева и его текстов в разных кругах. Тому, кто читал эти работы по мере их появления, с самого начала было ясно, что они, задавая конкретным документам и обстоятельствам конкретные вопросы и на них отвечая, нацелены на нечто большее – может быть, на то, чтобы составить, как выражался Гоголь, «одну величественную полную поэму».

И монография Михаила Велижева, пожалуй, оказывается подобной поэмой, за вычетом, натурально, гоголевского пафоса. Перед читателем не сборник статей, как часто бывает у авторов, долго работавших над неким кругом научных сюжетов и в ходе этих трудов немало напечатавших. Излишне было бы распространяться о том, что и такая конструкция легитимна и зачастую удачно и

с долгим эхом «выстреливает» в научном поле. Это само собой разумеется. Но перед нами нечто иное и куда более раритетное – на редкость цельная книга.

О чем она? Вопрос, на первый взгляд, странный. Разумеется, о чаадаевском деле. Исходно представляя собой, казалось бы, локальный, московский эпизод из истории русского историософствования и журналистики, оно оказалось в центре общественного внимания и осмысления, очень долго этим центром-сердцевиной оставалось, а может быть, и остается, и уж точно приобрело статус классического кейса. За 187 лет, истекшие с 1836 г., образовалась большая и разветвленная историография, сложились направления интерпретаций, часто взаимоисключающих, сочинения и судьба Чаадаева обросли мифологиями, тоже полярными. О нем и о деле «Телескопа» в самых разных аспектах писали многие, в том числе бесспорно выдающиеся историки и филологи, русские, французские, английские, американские.

Однако никто еще не делал того, что задумал и сделал автор книги. Очень существенно расширив и откомментировав корпус чаадаевских и «телескопических» источников, собрав, в статьях и примечаниях к ним, нечто вроде биографического словаря «Персонажи дела “Телескопа” и их ближайшее окружение» (не менее полусотни лиц), Михаил Велижев приготовил почву для следующих, уже давно необходимых шагов. Речь идет, во-первых, о тщательной контекстуализации текстов и событий, во-вторых, о препарировании языков, на которых объяснялись друг с другом акторы – власть, образованные дворяне, интеллектуалы, сочинители, читатели.

Методологических полей, в которых определяет себя книга Велижева, таким образом, два – микроистория в ее итальянском изводе (работы Карло Гинзбурга, Симоны Черутти, Эдоардо Гренди) и Кембриджская школа интеллектуальной истории. Зрелище того, как работают, усиливая друг друга, эти объяснительные системы, завораживает и является одним из поразительных и вызывающих на дальнейшие размышления эффектов этой монографии.

Хотя автор разбил свое исследование на две части («Политические идеи и языки» и «Идеология и институты власти»), среди

его сюжетов нет, пожалуй, ни одного, который не рассматривался бы в двух перспективах – порождающей эти сюжеты «идеологической повседневности», с одной стороны, и соответствующего ей языка (или языков), с другой. Оставляя читателю удовольствие самому пройтись по дорожкам этого сада, извилистым и нередко пересекающим друг друга, отметим те точки, с которых чаадаевская история предстает в наиболее неожиданных ракурсах.

Это прежде всего сама «телескопическая» публикация как пункт пересечения стратегий двух интеллектуалов – аристократа Чаадаева и self-made'a, священнического сына Н. И. Надеждина, издателя журнала (см. главу 6, она же *Интермеццо*, и отчасти главу 11, она же *Post scriptum*). Это приключения риторических моделей и аргументации, использованных Чаадаевым в первом «Философическом письме» в 1829 г., а печатно обнародованных через семь лет, в иных политических декорациях. Вторичные по отношению к трудам французских католических философов (Ж. де Местру, Л. де Бональд, П.-С. Балланш и Ф. Р. де Ламенне) и тесно смыкающиеся с мистико-профетической риторикой Священного Союза, тезисы Чаадаева при переводе на русский язык и в России, где полным ходом шла разработка официальной идеологии, обрели звучание отчетливо еретическое (см. главу 1). Замечательно, что в те же годы небольшая переакцентировка примерно того же историософского комплекса давала тексты, на взгляд власти безупречные (см. в главе 3 разбор сочинения И. И. Ястребцова, знакомого Чаадаева, «О системе наук, приличных в наше время детям, назначаемым к образованнейшему классу общества» и «Мыслей о России» А. А. Краевского – завуалированной рефутации чаадаевского текста, на открытую полемику с которым, как известно, был наложен запрет). Это реконструкция обстоятельств, в которых Николай I утром 22 октября 1836 г. принял решение квалифицировать поступок Чаадаева как выходку умалишенного (см. главу 7) – и последствий, которые такое решение имело в контексте неопатримониальных практик обращения с душевнобольными дворянами (см. главу 8). Наконец, это воссозданная по письмам и дневникам действующих лиц плачевная

история любви Надеждина и Елизаветы Сухово-Кобылиной, ставшая, как остроумно предполагает автор книги, одним из импульсов к публикации первого «Философического письма» (см. главу 11).

Отдельное удовольствие ценителям языковых разборов доставят пассажи глав 9 и 10, посвященные переписке влиятельных бюрократов обеих столиц друг с другом и с монархом по поводу дела «Телескопа» и сопутствующих обстоятельств. Фигуры умолчания, «переводы стрелок», затаенное раздражение и открытое торжество, игра подтекстами и ссылками на (якобы) эксклюзивные источники информации, попытки уловить ход мыслей царя и предложить ему собственные формулировки – автор проанализировал обширный комплекс стратегий и тактик, востребованных в перманентном соперничестве сановников и их ведомств, которое задавалось самой системой государственного администрирования при Николае I.

Герои этой книги – не только лица, тем или иным образом попавшие в орбиту чаадаевского скандала, не только высшие чиновники Российской империи и сам император, не только философы, историки и писатели. В принципе, на любое историческое исследование, особенно на такое, где выявлено и описано множество разнообразных и напряженных сюжетов, допустимо взглянуть как на драму или трагедию. Это, так сказать, дополнительный бонус, который дается красивым решением верно поставленных задач. В персонажах «Чаадаевского дела» легко увидеть, буквально вослед Феофрасту или Мольеру, воплощения человеческих страстей и свойств. Self-adoration, или самовлюбленность (Чаадаев, по характеристике А. И. Тургенева; см.: Мильчина, Осповат 1995–1996: 286), талант и амбициозность в сочетании с наивным проектерством и непрактичностью (Надеждин), ауспиции «идеологического кардинала» (министр народного просвещения Уваров), уверенность опытного политического игрока (глава III отделения Бенкендорф), брезгливость аристократа (попечитель Московского учебного округа С. Г. Строганов), наглость плебея (московский обер-полицмейстер Л. М. Цынский), насмешливость демиурга, передвигающего фигуры на этой доске (Николай I), и мн. др. Все они обрисованы живо, иногда с едва заметным, но несомненным

юмором или сочувствием, никак не упраздняющим необходимую исследователю дистанцию.

Фокус, собственно, в том, что эта дистанция в книге не является неизменной величиной. Она то сокращается, когда реконструируются микроконтексты: биографический, повседневных практик, светский, журнальный, цензурный, то плавно увеличивается при описании макроконтекстов: политической системы, механизмов управления, идеологических структур, правоприменения и проч. Сведя их в динамическую картину, демонстрирующую процессы, а не отдельные их моменты, можно выйти на иной уровень понимания уникальности первого «Философического письма» и достопамятности всего чаадаевского дела. Превратившись из французской рукописи отставного офицера, проживающего в Москве, в подцензурную русскую публикацию, оно попало сразу в несколько нервных центров кристаллизующейся государственной идеологии, ибо попыталось присвоить частному лицу право обсуждать ключевые сюжеты этой идеологии на не согласованном ни с кем языке, компоненты которого взяты в том числе из официальных дискурсов. Тем самым оно едва ли не в мгновение ока выросло из микрофакта в макрофеномен, на существование которого вынуждены были реагировать, и не бесстрастно, все инстанции власти. Такое не забывается.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Велижев М. 2007. « L'affaire du Telescope »: Письма С. Г. Строганова С. С. Уварову (октябрь 1836 г.). – Пушкинские чтения в Тарту. [Вып.] 4. Пушкинская эпоха: Проблемы рефлексии и комментария / Под ред. Л. Киселевой. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus. С. 300–317.
- Велижев М. Б. 2008. « L'affaire du Telescope »: К цензурной истории 15-го номера «Телескопа» за 1836 год. – И время и место: Историко-филологический сборник к шестидесятилетию Александра Львовича Осповата / Сост. Р. Вроон, Л. Н. Киселева, Р. Г. Лейбов, А. С. Немзер, К. Ю. Рогов, Т. Н. Степанищева. М.: Новое издательство. С. 226–234.
- Велижев М. Б. 2010. « L'affaire du Telescope »: С. С. Уваров и С. Г. Строганов в ноябре 1836 года. – Пермьяковский сборник / Ред.-составитель Н. Мазур. Ч. 2. М.: Новое издательство. С. 340–349.

- Велижев М. Б. 2014. «Безумие» и «закон» в николаевское царствование: Петр Чаадаев и Альфонс Жобар. – Лотмановский сборник. [Вып.] 4 / Ред. Л. Н. Киселева, Т. Н. Степанищева. М.: О.Г.И. С. 298–308.
- Велижев М. Б. 2015. Английские революции в первом «Философическом письме» Чаадаева: Об одной ошибке неизвестного переводчика. – Русско-французский разговорник, или / ou Les causeries du 7 Septembre: Сборник статей в честь В. А. Мильчиной / Сост. Е. Э. Лямина и О. А. Лекманов. М.: Новое литературное обозрение. С. 253–262.
- Велижев М. 2017. Чаадаев и Чацкий: Безумие и комедийная интрига в «Горе от ума». – Замечательное шестидесятилетие: Ко дню рождения Андрея Немзера. Т. 1. Б. м.: Издательские решения. С. 58–73.
- Мильчина В., Осповат А. 1995–1996. К изданию писем Чаадаева (критические заметки). – Седьмые Тыняновские чтения. Материалы для обсуждения. Рига; М.: б. и. С. 284–287.
- Чаадаев П. Я. 1991. Полн. собр. соч. и избранные письма / Сост. и комментарии С. Г. Блинова и др. М.: Наука.
- Чаадаев П. Я. 2010. Избранные труды / Сост., автор вступительной ст. и комментариев М. Б. Велижев. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).

REFERENCES

- Chaadaev, P. Ia. *Polnoe sobranie sochinenii i izbrannye pis'ma*. Edited and annotated by S. G. Blinov et al. Moscow: Nauka, 1991.
- . *Izbrannye trudy*. Edited, prefaced and annotated by M. B. Velizhev. Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN), 2010.
- Mil'china, V. and A. Ospovat. "K izdaniuu pisem Chaadaeva (kriticheskie zametki)." In *Sed'mye Tynianovskie chteniia. Materialy dlia obsuzhdeniia*, 284–87. Riga; Moscow: n. p., 1995–1996.
- Velizhev, M. "'L'affaire du Telescope': Pis'ma S. G. Stroganova S. S. Uvarovu (oktiabr' 1836 g.)." In *Pushkinskie chteniia v Tartu*. Vol. 4, *Pushkinskaia epokha: Problemy refleksii i kommentariia*. Edited by L. Kiseleva, 300–17. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2007.
- . "'L'affaire du Telescope': K tsenzurnoi istorii 15-go nomera 'Teleskopa' za 1836 god." In *I vremia i mesto: Istoriko-filologicheskii sbornik k shestidesiatiletiiu Aleksandra L'vovicha Ospovata*. Edited by Ronald Vroon, L. N. Kiseleva, R. G. Leibov, A. S. Nemzer, K. Iu. Rogov and T. N. Stepanishcheva, 226–34. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2008.

- . “‘L’affaire du Telescope’: S. S. Uvarov i S. G. Stroganov v noiabre 1836 goda.” In *Permiakovskii sbornik*. Vol. 2. Edited by N. Mazur, 340–49. Moscow: Novoe izdatel’stvo, 2010.
- . “‘Bezumie’ i ‘zakon’ v nikolaevskoe tsarstvovanie: Petr Chaadaev i Alphonse Jobard.” In *Lotmanovskii sbornik*. Vol. 4. Edited by L. N. Kiseleva and T. N. Stepanishcheva, 298–308. Moscow: O.G.I., 2014.
- . “Angliiskie revoliutsii v pervom ‘Filosoficheskom pis’mе’ Chaadaeva: Ob odnoi oshibke neizvestnogo perevodchika.” In *Russko-frantsuzskii razgovornik, ili / ou Les causeries du 7 Septembre: Sbornik statei v chest’ V. A. Mil’chinoi*. Edited by E. E. Liamina and O. A. Lekmanov, 253–62. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015.
- . “Chaadaev i Chatskii: Bezumie i komediinaia intriga v ‘Gore ot uma’.” In *Zamechatel’noe shestidesiatiletie: Ko dniu rozhdeniia Andreia Nemzera*. Vol. 1, 58–73. n. p.: Izdatel’skie resheniia, 2017.

GRADUATE STUDENT CONFERENCE IN RUSSIAN LANGUAGE AND LITERATURES (HELSINKI–TALLINN–TARTU)

12–14 мая 2023 года в Таллинне состоялась первая молодежная конференция по русскому языку и литературе, организованная совместно отделениями славистики Таллиннского, Тартуского и Хельсинкского университетов – Graduate Student Conference in Russian Language and Literatures (Helsinki–Tallinn–Tartu). Здесь встретились молодые исследователи из Эстонии, Финляндии, Германии, Италии, Латвии, Польши, Украины, Хорватии, Чехии, Швейцарии, Израиля, Узбекистана и США. Работа конференции была организована в форме секций, параллельно лингвистических (13 мая) и литературоведческих (12–14 мая).

Конференция началась с приветствий от представителей университетов-организаторов: профессора Хельсинкского университета Томи Хуттунена, эмерит-профессоров Таллиннского университета Ирины Захаровны Белобровцевой и Тартуского университета Любови Николаевны Киселевой. Затем последовала вступительная лекция дискуссанта конференции – профессора Еврейского университета в Иерусалиме Романа Давидовича Тименчика, посвященная составу и границам научного комментария к поэзии модернизма (см. с. 275–346 настоящего издания).

Первую секцию конференции открыла **Иида Фальк** (Хельсинки) с докладом «Финско-русские культурные связи в начале XIX века: Деятельность А. Шегрена в русских литературных кругах и первые русскоязычные переводы финской народной поэзии». Докладчик рассказала о формировании образа Финляндии в России первой половины XIX века. Важную роль в этом процессе сыграли публикации в российских журналах исследований Шегрена, финского лингвиста и этнографа. Особое внимание докладчик уделила взаимоотношениям Шегрена и Ф. Н. Глинки, автора первых

переводов на русский язык финских рун, впоследствии вошедших в финский эпос «Калевала», в том числе опубликованной Шегреном «Вяйнямейнен и Йоуккавайнен».

Доклад **Алены Куц** (Тарту) «“Прошу вас, господа, поляков не ненавидеть: они наши братья”»: Российская пропаганда о польско-русской войне 1830–1831 годов на страницах “Северной пчелы”» был посвящен выстраиванию нарративов о Ноябрьском восстании в единственной российской частной проправительственной газете тех лет, которая имела право печатать политические известия. В докладе было рассмотрено, как менялась риторика газеты от начала восстания до окончания военных действий в Царстве Польском и как выстраивались нарративы, которые должны были подтвердить необходимую властям концепцию происходящего.

Вторая секция началась с доклада **Барбары Ла Грека** (Неаполь) «Итальянские персонажи в творчестве Владимира Одоевского: От национальных стереотипов к амбивалентным характерам». Докладчик осветила эволюцию итальянской темы в творчестве В. Ф. Одоевского. Она проанализировала изображение итальянских персонажей в произведениях Одоевского разных лет и пришла к выводу, что если в ранних произведениях в их изображении сильна зависимость от национальных стереотипов, то в более поздних текстах прослеживается тонкая проработка персонажей и полемика с привычной топикой и характерологией.

Марина Булахова (Тарту) в докладе «Быличка для протокола: Следственная и этнографическая работа в рассказе К. А. Попова “Проказы Лешего”» рассказала об одном из ранних примеров русской уголовной прозы. Автор рассказа – судебный следователь и этнограф-любитель Попов. Главный герой, тоже судебный следователь, выясняет обстоятельства убийства новорожденного ребенка в деревне. Местные жители во время допроса рассказывают ему быличку – историю о столкновении местной жительницы с лешим, который, по версии крестьян, является виновником происшествия. Поскольку показания, в силу своей фольклорности, не имеют прямого значения для следствия, следователь, по сути, занимается собирательской работой этнографа.

Завершил первый день работы конференции доклад **Анастасии Бобылевой** (Тарту) «Мемуары А. П. Зонтаг о детстве В. А. Жуковского: Две редакции». «Воспоминание о первых годах детства Василия Андреевича Жуковского. Письма Анны Петровны Зонтаг, урожд. Юшковой, к князю Петру Андреевичу Вяземскому 1854 г.» и факты из этого текста, использованные К. К. Зейдлищем при составлении первой части биографии Жуковского, было принято считать самым авторитетным источником сведений о детстве Жуковского. В то же время «Письмам...» предшествовало появление «Нескольких слов о детстве В. А. Жуковского» – публикации анонимной, но принадлежащей, вероятно, также Зонтаг. Докладчик обратилась к истории мемуаров Зонтаг и сделала попытку проследить движение текста и процесс конструирования биографии Жуковского.

Второй день конференции и третья секция начались с доклада **Сергея Халтурина** (Тарту) «“Не в сухой форме учебника”: Дидактика в “Сценах из народного быта”», посвященного сценам из народного быта – коротким юмористическим текстам о жизни крестьян, популярным в России 1860-х годов. Докладчик рассказал о сценах, публиковавшихся в изданиях для народа, которые ставили своей целью просвещение крестьян. Некоторые тексты на темы ведения хозяйства и религиозного благочестия создавались в форме популярного развлекательного жанра, совмещая дидактику и развлечение.

В докладе **Надежды Зупник** (Турку) «Сотрудничество вопреки цензуре: Политические обозрения французских корреспондентов в журналах “Дело” и “Отечественные записки” (1870-е гг.)» сравнивались стратегии борьбы с цензурой двух названных в заглавии журналов. Для обсуждения острых политических и социальных вопросов в них использовался французский материал, поскольку проблемы внутренней политической жизни России по цензурным причинам обсуждаться не могли. Однако и для публикации французского материала возникали препятствия, поэтому издателям приходилось использовать различные стратегии выбора тем и работы с французскими корреспондентами.

Наталия Односум (Хельсинки / Киев) с докладом “*Self-Knowledge by Nikolay Berdyaev and Non-Evening Light by Sergiy Bulgakov as ‘Renaissance’ of Spiritual Autobiography in Russian Literature at the Turn of the 19th and 20th Centuries*” завершила третью секцию и подвела конференцию от обсуждения литературы XIX века к литературе XX века. Исследовательница сосредоточила внимание на «Самопознании» Н. А. Бердяева и «Свете не вечернем» С. Н. Булгакова как примера духовных автобиографий Серебряного века. В докладе эти тексты были рассмотрены не с идеологической точки зрения, а в сопоставлении с жанровой традицией автобиографического повествования и, в частности, духовной автобиографии.

Четвертая секция открылась докладом **Марии Сидорович** (Иерусалим) «“Баллада” и “Над синим мраком ночи длинной...”»: Трансформация жанра баллады в эпоху модернизма на примере двух стихотворений Ин. Анненского», где баллада была рассмотрена как гибридный жанр, сочетающий лирическое, эпическое и драматическое начала. Докладчик на материале двух стихотворений И. Ф. Анненского показала, как на рубеже XIX–XX веков происходила жанровая трансформация баллады, а именно изменялось соотношение лирического, эпического и драматического начал в сторону лиризации.

Доклад **Александра Свирина** (Фрайбург) «Культурный трансфер эстетической теории Бродера Христиансена: Рецепция в эстетических работах Николая Евреинова» был посвящен важному случаю рецепции неокантианского философа в сочинениях русского драматурга, режиссера и теоретика театра. Докладчик, обращаясь к понятиям теории культурного трансфера, культурного перевода и теории интертекстуальности, показал, как менялось отношение Н. Н. Евреинова к труду Б. Христиансена «Философия искусства», с какими теориями драматург соединял понятия немецкого эстетика, и как при этом видоизменялись тезисы первоисточника.

Паоло Бертини (Венеция) в докладе “‘Petlistye ushi’: Bunin and Criminal Anthropology” обратил внимание на современные И. А. Бунину термины криминальной антропологии, которые писатель использовал в своих текстах. Среди них – понятия,

введенные итальянским криминалистом Ч. Ломброзо («атавизм», «прирожденный преступник», «вырождение») и переработанные венгерским критиком М. Нордау («дегенеративное искусство»). Докладчик показал, как текст и черновики рассказа «Петлистые уши» соотносятся с отдельными аспектами теорий Ломброзо и Нордау и насколько это близко собственному взгляду Бунина на современность.

Лингвистике была посвящена пятая секция конференции. Открылась она докладом **Ивана Силобрчича** (Загреб) «Почему чакавский не мог стать хорватским стандартным языком: Об “илирийском” парастандартном языке Гая и отброшенном чакавском языке». Во время создания грамматики хорватского литературного языка перед деятелями илирийского движения Л. Гаем и В. Бабукичем встал вопрос о выборе в качестве основного одного из хорватских диалектов. Несмотря на то, что влиятельные южнославянские лингвисты предлагали в качестве основы чакавский диалект – язык средневековых и ренессансных хорватских текстов, – выбор был сделан в пользу близкого сербскому штокавского. Докладчик показал, что важным для такого решения было сотрудничество Гая с А. Х. Бенкендорфом и политические идеи соединения южных славян под эгидой Российской империи.

В докладе **Франка Шессе** (Лозанна) “The Finnish Language as Seen by *The Great Soviet Encyclopaedia* (1935, 1956, 1977)” речь шла о влиянии политики и идеологии на советские лингвистические сочинения на примере статьи о финском языке, помещенной в изданиях Большой советской энциклопедии 1935, 1956 и 1977 годов. Так, статья в издании 1935 года несла отпечаток теории Н. Я. Марра, доминировавшей в дискурсе о языке в СССР того времени. Напротив, в издании 1956 года, появившемся после осуждения Марра И. В. Сталиным в 1950 году и конфликтов между СССР и Финляндией в 1940-е годы, идеи Марра отсутствовали, а некоторые особенности финского языка получили негативную оценку. В статье из третьего издания (1977) использовался типологический подход к описанию языка, что отражало популярность этого подхода в советском языкознании того времени.

Йоанна Адамчук (Варшава) в докладе «Концептуализация войны в Украине в польском медиадискурсе» обратилась к теме освещения войны в Украине польскими газетами после 24 февраля 2022 года. Анализ этих газет на основе теории концептуальной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон) и с применением метода критического анализа метафор (Дж. Чартерис-Блэк) позволил исследовательнице объяснить причины, лежащие в основе выбора конкретных концептуальных метафор, и выявить специфику польского взгляда на войну.

Шестую секцию открыл **Валерий Отяковский** (Тарту). В его докладе «“Лирическая тема” Константина Шимкевича» была проанализирована неопубликованная теоретико-литературная монография близкого формальной школе филолога К. А. Шимкевича «Лирическая тема». Книга писалась на протяжении второй половины 1920-х годов и стала результатом работы автора в Институте истории искусств, однако вследствие разгрома формальной школы и реорганизации института монография не была издана и сохранилась только в рукописном и машинописном виде. В докладе основное внимание было уделено истории текста и контексту взаимоотношений филолога с формалистами, нашедшему отражение в «Лирической теме».

Анна Симагина (Таллинн) в докладе «О неточностях в очерке А. И. Куприна “Павлик Шувалов” (1930): Свидетельство очевидца» рассказала об опубликованном в нарвской газете отзыве на очерк Куприна, автор которого называл себя очевидцем описанных событий – гибели П. П. Шувалова, адъютанта генерала Пермикина, во время наступления Северо-Западной армии на Петроград осенью 1919 года – и указывал на неточности в изложении. Докладчик проанализировала аргументы автора отзыва и пришла к выводу, что, возможно, информант, рассказавший Куприну о гибели Шувалова, не был непосредственным свидетелем случившегося.

Ольга Проскурова-Тимофеева (Рига) в докладе «Русская литература в рубрике “Детская почта с тетей Маней” на страницах прогерманской русскоязычной газеты “За Родину” (Рига, 1942–1944)» обратилась к изданию, продвигавшему идеи Третьего Рейха на

оккупированных германской армией территориях. В центре внимания докладчика было содержание еженедельной детской рубрики, существовавшей в этой газете. Целью доклада стало выявление критериев отбора текстов русской литературы, допущенных к публикации в идеологически маркированном издании.

Седьмая секция была посвящена лингвистике. Она открылась докладом **Александра Суханека** (Прага) «Чешская мемориальная эпиграфика в Крыму и Чехограде». Упомянутые в заголовке надгробные надписи анализировались на предмет влияния на них русского и украинского языков. Была предпринята попытка определения временной границы, когда чешские надписи на надгробиях были замещены языком большинства. В частности, рассматривались отдельные орфографические решения в написании чешских имен, которые встречаются в надгробных надписях.

В докладе «Молоканские поселения как пример русских “языковых островов” в Азербайджане» **Камала Рахимова** (Рим / Прага) рассказала о лингвистических особенностях речи молокан, живущих в селе Ивановка, Азербайджан, где они до настоящего времени остаются преобладающим большинством. На основе полевых работ докладчик рассматривала принадлежность диалекта к южнорусской фонетической системе, наличие архаических элементов, диалектизмов, слов с диминутивными суффиксами (результаты многолетних контактов с азербайджанским языком).

Кшиштоф Елень (Варшава) в докладе «Языковые игры с точкой зрения в художественном тексте как одна из основных трудностей перевода поэзии Виславы Шимборской на русский язык» рассказал о стратегиях перевода текста польской лауреатки Нобелевской премии „Niektórzy lubią poezję” («Некоторые любят поэзию»). Автор, опираясь на работы М. Ю. Лотмана, Б. А. Успенского, К. И. Чуковского и Е. Г. Эткинда, предложил теоретическую основу для анализа сложностей поэтического перевода.

Восьмая секция, также посвященная лингвистике, открылась докладом **Салла-Майи Мякинен** (Хельсинки) «Русский как лингва франка между водителями автобусов в столичном регионе Финляндии». Обращаясь к речевому контексту водителей автобусов,

докладчик показала, что русский как лингва франка используется между водителями из разных стран, владеющими русским языком в качестве как первого/родного, так и второго/иностранного языка, и наметила планы на будущие полевые исследования.

Секция завершилась докладом **Илени Дель Пополо Маркитто** (Таллинн) «Выбор лингвистических средств и прагматических стратегий в русской повседневной коммуникации: Корпусный анализ речевого акта просьбы». Докладчик подошла к теме выбора языка с точки зрения культурно-специфических правил и норм речевого этикета. Эти правила и нормы направлены на избегание коммуникативных конфликтов и эмоционального дискомфорта при достижении коммуникативной цели. Целью исследования было описание специфики русского речевого поведения и, в частности, употребления не прямых форм, прагматических маркеров, лингвистического хеджинга и языковых средств смягчения на основе корпуса повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД).

Девятая секция (литературоведческая) началась с доклада **Карины Ефимовой** (Тарту) «О литературной репутации Георгия Иванова: Стихи из сборника “Розы” в эмигрантской критике». Докладчик стремилась усложнить типичное понимание рецепции стихов Г. В. Иванова как изящно, местами мастерски сделанных, но «пустых» по содержанию, «надуманных», лишенных истинного поэтического переживания и часто эпигонских. Особое внимание уделялось стратегиям публикации отдельных стихотворений, которыми пользовался Иванов, как бы стремясь подготовить аудиторию к появлению целого сборника.

Татьяна Слепова (Иерусалим) в докладе «Пастернак в концепции Поэта Цветаевой» рассматривала совокупность определенных духовных качеств и особого характера дарования, которыми должен быть наделен поэт в понимании М. И. Цветаевой. Докладчик рассматривала переписку поэта с Б. Л. Пастернаком, а также стихи и статьи, написанные о нем, чтобы осветить эту концепцию у самой Цветаевой и углубить изучение творческого диалога двух авторов.

Девятая секция и второй день конференции завершились докладом **Вениамина Гущина** (Нью-Йорк) “Editing as Metaphor and Practice in Boris Pasternak’s Late Poetry and Translation”, посвященным практике переписывания в позднем стиле Б. Л. Пастернака. Докладчик рассматривал известную «неслыханную простоту» позднего Пастернака в контекстах переписывания автором своих ранних текстов и работы над переводами венгерского поэта Ш. Петефи.

Последний день конференции начался с десятой (литературоведческой) секции, с доклада **Виктора Суханова** (Ташкент) «Ташкент в русской поэзии XX века: К проблеме выбора языка описания». Исследование было посвящено теоретической и терминологической проблеме описания столицы Узбекистана, возникающей из-за палимпсестного характера архитектуры и географии города, в которых встречаются разные эпохи и культуры. Докладчик сопоставлял «ташкентские мотивы» и «образы Ташкента» с концепцией «петербургского текста» В. Н. Топорова, сравнивая гетерогенность первого с целостностью второго.

В докладе **Мартины Дзаньи** (Грайфсвальд / Тарту) «“За кем же будущее?”: Молодое поколение оттепели и новое отношение к советской русской поэзии» речь шла о восприятии поэтов-шестидесятников (Е. А. Евтушенко, А. А. Вознесенский и Р. И. Рождественский) в литературной критике начала оттепели. Большая часть критиков принадлежала к старшему поколению; в докладе был рассмотрен поколенческий конфликт при развитии новой эстетики гражданской лирики.

В докладе **Елены Козловой** (Йоэнсуу) «Переводы финских классиков XX века с финского и шведского языков, опубликованные в СССР в 1950–1990-х годах в серии “Библиотека финской литературы”» речь шла о феномене манипуляции в переводе на примере переводов, обозначенных в заглавии доклада классиков в СССР. В контексте социалистического реализма переводчики игнорировали «нежелательные» черты оригинала. Рассматривались тексты романов И. Кианто, М. Лассила, В. Мери, П. Хаанпяя, А. Каллас и М. Йотуни. Текстовые сокращения объяснялись стремлением подогнать

текст перевода в рамки жанра «повести» по аналогии с другими выпусками этой серии.

Одиннадцатая секция началась с доклада **Мириам Занолетти** (Фрайбург) «Литературная форма памяти: “Воспоминания о не-прошедшем времени” Раисы Орловой (1983)», в котором были проанализированы документальный характер прозы, временная структура, виды рассказчика и, наконец, гендерные аспекты мемуара, напечатанного в США в 1983 году. Форма этого текста соответствовала задаче переосмысления советского опыта (Р. Д. Орлова родилась в 1918 году) – особенно его темных сторон.

В докладе «Метафизическое измерение движения в романе Сергея Жадана “Ворошиловград”» **Катерина Мычка** (Милан / Тарту), опираясь на теоретические работы Ю. М. Лотмана и М. М. Бахтина, рассматривала движение в романе знаменитого украинского писателя, не только в его физическом и реальном измерении, но и на более абстрактном, метафизическом и «космическом» уровнях. Это постоянное движение также выражается в троичной структуре романа, представляя собой напряжение, создаваемое пересечением прошлого, настоящего и будущего.

Анна Мурашова (Тарту) в докладе «Нарративные стратегии любовного романа» рассказала об основных закономерностях композиции текстов, размещаемых на самиздат-платформах litnet.com и litmarket.ru: соотношение сюжета и фабулы, временную организацию текста и приемы, которые используют авторы для вовлечения в текст читательниц. Докладчик опиралась на нарратологию, а также на собственный опыт пристального чтения этих романов по мере их публикации.

Двенадцатую и последнюю секцию открыл **Мстислав Пентковский** (Даугавпилс) докладом «Опера Ганса Красы и Адольфа Хоффмайстера “Брундибар” – история создания и современное значение». В докладе был рассмотрен исходный контекст детской оперы (сопротивление Холокосту во время Второй мировой войны), а также ряд новых контекстов, в которых «Брундибар» нашел отклик.

В докладе **Кшиштофа Малека** (Катовице / Тарту) «Биоцентризм или антропоцентризм? Концепция Татьяны Горичевой о человеческом существовании в русском православии» анализировались возможные парадигмы отношений человека с природой в работах Т. М. Горичевой. Автор рассмотрел многие интертексты этих работ, в том числе православную теологию и различные эзотерические традиции, популярные в позднесоветский период среди андеграундной культуры.

Последним докладом секции и конференции было выступление **Джима Браафхарта** (Тарту) “The Phenomenon of Neo-Paganism: A Comparative Case Analysis of *Rodnoverie* and Netherlands *Heidendom*” – докладчик сравнивал два неоязыческих сообщества в России (родноверие) и в Нидерландах (*Heidendom*), пытаясь классифицировать их либо как религиозные, либо как культурные движения. Обсуждались сложности в описании родноверия – постоянно меняющиеся практики и верования подобных сообществ.

Конференция завершилась круглым столом “Should we reshape and rethink our field?” – особенно актуальная тема в контексте полномасштабного вторжения России в Украину. Подобные дискуссии проходят в европейских и американских университетах с тем, чтобы обнаружить «слепые пятна» интеллектуальных парадигм, доставшихся от Российской и советской империй. Наша конференция предоставила уникальную возможность сопоставить опыты и подходы переосмысления сложного культурного и политического наследия нашей дисциплины.

В своем заключительном слове дискуссant конференции Роман Давидович Тименчик поместил доклады литературоведческой секции в исторический контекст. Наша научная деятельность давно уже меняется и переосмысляет себя, рассматривая прежде неизученных авторов и дополняя реалии уже изучаемых эпох. В славистике происходят важные изменения не только в плане расширения поля изучаемых текстов и культурных парадигм, но и в плане расширения теоретических дискурсов и подходов. Хотя, как подметил Роман Давидович, эти изменения – результат длинного процесса, в последние годы наша дисциплина действительно

пытается заново себя изобрести, адаптируясь к условиям XXI века. Конференция собрала представителей нашей профессии из разных стран и отражает нынешнее разнообразие по обоим параметрам – от нарратологического анализа современных любовных романов до социального анализа быличек девятнадцатого века, от традиционного филологического подхода до интеллектуальной истории – и сулит нашей научной деятельности дальнейшее расширение и еще больше разнообразия.

В. В. Гуцин (Нью-Йорк)

С. Д. Халтурин (Тарту)

IN MEMORIAM

«НИЧТО-НИЧТО НЕ ПРОПАДАЕТ...»:

МИХАИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ БЕЗРОДНЫЙ

(16 февраля 1957, Ленинград – 18 ноября 2023, Гейдельберг)

Скайп оставался основным средством общения, к которому Миша прибегал в последние месяцы, когда набирать слова на клавиатуре у него уже отказывали пальцы. Сейчас на компьютере я вижу автоматическое сообщение в верхней части экрана, расположенное прямо под позывными абонента (раньше его можно было найти в сети под ником *mbnrzb mbnrzb*): “Last seen 4d ago”. Это значит, что в последний раз Миша заходил в свой аккаунт накануне смерти, четыре дня назад, и цифра эта отныне будет только увеличиваться – до бесконечности. Хотя от Миши можно ожидать все что угодно: например, представить, как внезапно раздастся звонок, и на другой стороне некто весело усмехнется: «Не ждали?» – именно так, с отсылкой к хрестоматийной картине, ведь написал же он мне на своей книге «Пиши пропало» (2003): «Ю. Л. на память о встречах на большой дороге интертекста». Сняв с полки все Мишины книги, я убедился, что только на первой – «Конец Цитаты» – не оказалось инскрипта (в 1996, когда к Мише пришла громкая литературная слава, мы еще не были знакомы). Зато в дарственных надписях на «Радуге и осьминоге» (2016) и «Коробе третьем» (2019) Миша уже обыгрывает место, которое горячо любил и где чаще всего нам доводилось видаться («...на память о сказочном городке» и «...на память о городе-герое Гейдельберге»). Сам он над жанром дружеских посвящений иронично подтрунивал: «Пятый переезд за десять лет, это ли не безумье. Книг с автографами все больше, зато все меньше – без» («Пиши пропало»).

*

Под одним из многочисленных постов памяти Миши в Фейсбуке пользователь, не знавший филолога лично, посетовал, что, мол, никто из мемуаристов ни слова не говорит о самих его текстах («Все об остроумии покойного, его колкостях и вообще памятном

характере...»). На что друг и издатель последней книги покойного, Леонид Межибовский, резонно возразил: «Тексты остаются, а человек уходит, поэтому и пишут о человеке, которого теряют». В этом некрологе также будет больше о Мише-человеке, чем о Мише-филологе. Что в случае Безродного, вероятно, одно и то же, поскольку эти две ипостаси были для него неразделимы. Он жил литературой и жизнь свою превращал в роман, сотканный из миниатюрных коллизий. Истории о себе и своих друзьях Миша искусно нанизывал на нить застольной беседы (он обожал именно этот жанр). Пленяя своими филигранными текстами, он и собеседником был совершенно гениальным, в чем повезло убедиться многим из его читателей: Мишин общительный характер располагал к широкому кругу друзей и приятелей-коллег. У него были свои излюбленные темы: похождения молодости, курьезные случаи периода службы в советской армии, учеба в Тарту у любимых учителей – Зары Григорьевны Минц и «Юрмиха» – Юрия Михайловича Лотмана, – работа в Публичной библиотеке, примечательная борьбой с тамошними бюрократами-мракобесами, эпопея переезда на Запад и первые годы жизни в Германии... Обо всем он рассказывал подробно, выпукло и – несмотря на то, что некоторые из его историй граничили с гротеском – по-научному достоверно.

Отдельные устные виньетки я позже узнавал в мемуарных фрагментах его книг (запомнилась одна про встречу с подвыпившим Андреем Тарковским в тартуском киноклубе после показа «Зеркала» осенью 1974). Изящные ключи к филологическим загадкам, которыми Миша щедро делился во время наших совместных прогулок или сражений в пинг-понг (а играл он с огромным азартом), затем появлялись в его Живом Журнале, а позже и в научных сборниках. Так Миша обкатывал будущие публикации со своими визави, внимательно прислушиваясь к тому, как идеи резонируют в разговоре. И если получалось изредка добавить что-то к безупречным цепочкам его рассуждений, я почитал это за удачу (как в главке *Kernmotiv* из «Короба третьего», посвященной мотиву сливовой косточки в русской литературе).

Переехав из Бонна в Гейдельберг, Миша с полной отдачей погрузился в преподавание в одном из старейших университетов Европы. Он категорически отвергал предписания сверху и чувствовал себя скованно в навязанных любой системой рамках, будь то унылые советские или педантичные немецкие образовательные стандарты. Миша подготовил специальное пособие по развитию навыков чтения и анализа текста для студентов-филологов, изучающих русский как иностранный, однако этот компактный учебник с удивительным названием «Радуга и осьминог» не укладывался ни в какие существующие серии. Правильнее сказать, он придумал собственную новаторскую технологию обучения студентов посредством чтения адаптированных сочинений Шарля Перро, братьев Гримм, Андерсена и других с приложенными к текстам хитрыми задачами, кроссвордами, таблицами и игровыми заданиями («Представьте себе, что вы на уроке феи в желтом, и заполните таблицу “Животные” примерами из текста»). Часть из них, полагаю, составлялась нарочно с целью поставить молодых немецких славистов в тупик («Что представляет собой стилизацию антиколониального дискурса и что – антибуржуазного?» или «Какое важное слово отсутствует в тексте?»). Вряд ли обучать студентов по такому учебнику смог бы кто-либо, кроме самого Миши, но то, что ему удавалось добиться от своих учеников феноменальных результатов, – несомненно.

Миша обожал купленный в Гейдельберге уютный дом с садиком и винным погребом, похожий на средневековый замок, где они скромно и счастливо жили с Ренатой и тремя сыновьями. Чрезвычайно гордился черепичной башенкой, на которую после ремонта удалось водрузить привезенный из путешествия на родину предков Ренаты, эстляндских баронов, флюгер – точную копию фигурки Старого Томаса, украшающей шпиль таллиннской ратуши с 1530 года (частица «фон» в сочетании с фамилией мужа часто становилась предметом семейных шуток). Однажды мне довелось прожить целый месяц в гостевой комнате на третьем этаже, куда я взбирался почти по отвесной лестнице, пока хозяева отдыхали на море в Голландии, как делали каждое лето. В этом доме со стеллажами, простирающимися от пола до потолка, с заботливо

расставленными в алфавитном порядке книгами я чувствовал себя юным героем рассказа Юрия Сотника «На тебя вся надежда», которого поселили в квартиру профессора Грабова.

Если я находил осколки «гейдельбергского текста» в русской культуре, то старался порадовать Мишу, жителя этого удивительного университетского городка. Читая только что опубликованную переписку Набокова с Верой, наткнулся в письме писателя из пансион-отеля Шварцвальдхаус: «Я тебя люблю, комарик мой превосходный. Может быть, устроишься под Heidelberg'ом, – там, говорят, чудесно, а?» (17 июня 1926). Или, например, в архиве венской переводчицы Элизабет Маркштейн попало письмо Иосифа Бродского, в котором тот, по-видимому по впечатлениям от туристических открыток, сравнивал свой американский приют с городом на Некаре: «Анн Арбор – городишко не слишком американский, конечно – помесь Гейдельберга с родео, но типического тут тоже немало» (15 сент. 1972). (Впрочем, из этих отрывков ничуть не следует, что Набоков или Бродский здесь бывали, – в отличие от Мандельштама, Саши Черного, Пирогова и Менделеева.)

Миша много работал, иногда одновременно на нескольких параллельных экранах (еще умудряясь краем глаза смотреть какие-то боевики). Публиковал он при этом гораздо меньше, чем мог бы (и, осторожно хочется добавить, чем должен бы был, – при дарованном ему таланте). Но жизнь состояла не только из трудов праведных: ко всему прочему, Миша умел посибаритствовать. Он ценил хорошие коньяки, которыми потчевал гостей. Кульминация вечера наступала, когда среднего сына отправляли на велосипеде за мороженым (Миша больше всего любил фисташковое) или играли на фортепиано. Если мне доводилось проводить летние месяцы в Гейдельберге, он время от времени звал присоединиться к ужину в японском ресторанчике *SameSame*, расположенном на узкой улочке, которая ведет к воротам у Старинного моста – Альтер-Брюкке. Миша неизменно появлялся со своими домашними палочками для суши, завернутыми в специальный матерчатый чехол. С тех пор как я случайно открыл неподалеку вьетнамское заведение «Сайгон», мы зачастили в это местечко с названием, навевающим легкую ностальгию.

Мишина любовь к радостям комфортной жизни, видимо, отражала стремление компенсировать травмирующий опыт армейской службы в Забайкалье. В период пандемии я сообщил, что специально для дочери, которая должна была провести в изоляции десять дней, нам пришлось на время арендовать пластиковую туалетную кабинку, наподобие тех, что устанавливают на стройках: «...привезли защитного цвета конструкцию с импозантным названием на одной из стенок – *Royal Flush*, и если бы не средняя температура около ноля на улице, то все было бы даже смешно». У Миши «темы холода и пластикового туалета реанимировали воспоминания о забайкальском армейском сортире – деревянном, многоочитом и, разумеется, неотапливаемом, так что при минус сорока пяти (температура с поздней осени до ранней весны, а зимой 1978/79 дошло до минус пятидесяти трех) некоторые солдатики посещали его с ворохом бумаги (газет не было, и в ход шли неиссякаемые собрания сочинений Ленина из одноименных комнат при каждой казарме гарнизона), чтобы развести вокруг себя костерок – давал иллюзию обогрева. Из искры возгоралось пламя, так сказать».

*

Свою тяжелую болезнь он переносил с необычайным мужеством. В январе 2020, во время бессонницы, мне пришли в голову строки, которые я озаглавил «Из подражаний М. Б.»: «Рак за руку Греку цап – / не успел закрыть WhatsApp». Автор моностиха «рак за почку греку цап» отозвался одним словом: «Лихо!».

Научным проектом, который не только воодушевлял Мишу в последние годы, но и помогал ему бороться с недугом, стал развернутый комментарий к «Пиковой даме» Пушкина. Миша регулярно делился новостями, связанными с будущей книгой («Я, как полярик, размораживаю приготовленные Ренатой съестные припасы и неспешно отделяваю комментарий к ПД. Время от времени испытываю утомление от прикованности к одному тексту и на днях написал заметку на др. тему (короткая, так что прилагаю). <...> Четыре дня пришлось ждать замены роутера, и какое же это было счастье не читать поминутно новости» (имелась в виду война в Украине);

в другом письме, полном шутивых пушкинских реминисценций: «Рената обеспечивает жизнедеятельность нашего семейства и – как дистанционный зритель – обеих матушек. ВПС наслаждается последней неделей до начала семестра и вовсю – в хвост и в гриву – комментирует “Пиковую даму”»). Как-то я упомянул о том, что наш новый электромобиль мы назвали *Queen of Spades*, но не из-за того, что он черного цвета и с заостренным капотом, а поскольку при регистрации выдали соответствующий номер: 173. Миша немедленно отреагировал: «С говорящим номером машины здорово получилось. Прямо как в “Лолите”: WS 1564 и SH 1616». Жаловался на темпы прогресса: «Комментарий к “Пик. даме” продвигается, но медленнее, чем нужно было бы, чтобы он увидел свет в след. году, когда Лотману исполнится 100. (Странно смотреть на это число, ведь Лотмана я увидел в 1974, и он был значительно моложе, чем я теперь)». Ему важно было успеть дописать свой магнум опус, и безумно жаль, что он не дожил всего двух недель до выхода книги в свет.

В письмах мы делились друг с другом делами семейными даже чаще, чем литературоведческими находками. Вот финал одного из Мишиных посланий в его характерной манере: «Закругляюсь: Дёма неожиданно выразил готовность читать вслух “Винни-Пуха”. Нечаянная радость, как сказал бы поэт Блок. Ловите миг удачи, как спел бы инженер Германн»; мне, в свою очередь, доставляло удовольствие развлекать Мишу «байками из жизни»:

Сегодня за пинг-понгом решил по следам Вашего доклада пересказать Леве, чтоб не зря мячик гонять, содержание «Пиковой дамы». Все шло хорошо, и когда мы дошли до первой ночи, а интрига нарастала, по учительской привычке, походя, задал контрольный вопрос: «Так какую карту первой назвал Германн?». Лева: «Не знаю».

– Ну как же: тройка-семерка-туз! Значит, начал с тройки.

– А я думал, что они играют в treasure hunt.

– При чем тут treasure hunt?!

– Ну ты же сам сказал – «карты» (maps)!

Занавес.

Миша лингвистическое недоразумение оценил: «История упоительная – и знакомая. На экзамене у Лотмана мне, конечно, выпала “Пиковая дама”, и я спросил экзаменатора: а в какую игру они играют? – А вы сами как думаете? – В очко? (Меня как раз недавно В. Паперный, А. Рейфман и М. Лотман обучили играть в очко, а других карточных игр я не знал – и до сих пор не знаю.) – Что вы, голубчик! Отчего же очко? – Ну как: тройка – семерка – туз вместе дают двадцать одно. – Ну, это распространенная числовая символика. Нет, в ПД играют в фараона, разновидность штосса».

Он насыщал свои монологи пушкинскими аллюзиями подобно живительному кислороду. Взять, к примеру, инструкции, которыми я был снабжен накануне возвращения нашей семьи на другую сторону Атлантики, когда пришла пора оставить велосипед на хранение у Миши с Ренатой («Пусть Ваш “двухколесный друг”, томящийся без дела в застенке, будет залогом Вашего и вашего скорого возвращения в наш городок-герой!»): «...оставьте, пожалуйста, велосипед под замком на нашей (внутренней) стоянке, ключ же в первом случае (Керстин дома) отдайте Керстин, а во втором (калитка не заперта – как дверь в дом старухи графини перед приходом Германа) бросьте в ящик». Пару лет спустя, перед очередной поездкой в Германию, я осведомлялся: «Если мой двухколесный друг еще наслаждается тихим прибежищем в гостеприимной конюшне вашего замка, буду рад встрече с ним», на что Миша отвечал: «Двухколесный друг Ваш бьет копытом в подземелье, предвкушая выход на и в свет».

По служебной надобности мне пришлось ознакомиться с новым роскошным изданием «Евгения Онегина» (М.: Проспект, 2018). Специально для Миши я выписал оттуда следующее примечание: «Лимбургский сыр – вкусный вонючий сыр, на момент написания этих комментариев находящийся в санкционном списке запрещенной к ввозу в нашу страну еды». Я не отказал себе в предположении о том, какие возможности могли бы открыться Лотману, если бы филолог писал свои комментарии в стилистике эпохи застоя: «Страсбургский пирог – изделие пищевой промышленности, изготавливаемое в г. Страсбурге, на

момент написания этих комментариев находящемся вне пределов досягаемости советского гражданина на враждебной территории капиталистической Франции». Миша парировал: «Вот Вы смеетесь, а ведь настанут времена (и Вы до них доживете), когда такие комментарии будут считаться эталонными».

В апреле 2022, в разгар войны России против Украины, я не мог не поделиться с Мишей откровенной салтыковщиной, происходящей в стенах Российской национальной библиотеки вокруг фигуры его учителя: в День работника культуры отдел культурных программ РНБ подготовил поздравительный постер с изображением основоположника московско-тартуской семиотической школы. Однако руководитель Департамента безопасности РНБ, не опознавший на постере Лотмана, перепутав соотечественника с американцем Марком Твеном, сорвал портрет и подал начальству рапорт о разоблачении идеологической диверсии. Воспроизведу Мишин рассказ, тем более что его вариацию он не раз смаковал за домашними посиделками:

Да, этот курьезный случай мне уже был известен: я слежу за выступлениями Миши Золотоносова, который тридцать лет назад, после моей эмиграции, подхватил знамя борьбы с дирекцией Публички. <...бывший директор> В. Н. Зайцев прославился еще в пору работы секретарем по идеологии Куйбышевского райкома своим ответом на вопрос, не возражает ли он против включения «Дней Турбиных» в репертуар Пушкинского театра: «Не возражаю. Производственная тема нам нужна». Он же, узнав, что в Публичке имеется библиотека Вольтера, решил, что Вольтер некогда работал в Публичке и после него сохранилась комната, в которой он держал книги. На одном из заседаний дирекции Зайцев заявил, что намерен потратить миллион инвалютных рублей на восстановление «и кабинета Вольтера». На немое изумление присутствующих ответил: «Ну, у нас ведь сохранился кабинет Фауста». (Кабинетом Фауста называлось стилизованное под готический монастырский скрипторий помещение отдела редкой книги, т. е. трофеев WW2.) Зайцев был в курсе, что кандидат наук освобождается от налогов за кабинет, а доктор – за кабинет и за библиотеку, и подумал, что Вольтер наверняка был доктором, а стало быть, в Публич-

ке у него некогда был и свой кабинет. В общем никто не удивился, когда к юбилейной стенгазете «История Публички», открытой разделом «А. Н. Оленин» и увенчанной разделом «В. Н. Зайцев», я приклеил свою эпиграмму:

Когда-то здесь оленей мы встречали...
Впоследствии же стало нам казаться,
Что благородные олени измельчали,
А то и вовсе выродились в зайцев.

Веселое было время, что и говорить.

★

Второй Мишиной страстью после литературы была живопись, а в живописи он больше всего ценил Вермеера. Рассказывал, что Метрополитен благодаря Брейгелю и Вермееру – его любимый музей в Штатах: бывал в нем семь раз за шесть приездов в Нью-Йорк – и ничего не успел там толком рассмотреть, потому что все время стоял перед картинами Вермеера. У иных путешествия складываются из театральных и кулинарных походов, Мишины же поездки по Европе, судя по его телеграфным отчетам, выглядели словно ходы конем на шахматной доске с клетками из полотен великого голландца: «Пол-апреля прошли в разъездах: Ганновер (родня), Брауншвейг (малоизвестный, но недурной – с Вермеером! – музей), Берлин (с одним Вермеером, второй в Париже, а заодно юбилей небезызвестного Вам Смолянского – см. фото, где на заднем плане – да, да, Улицкая), Прага (уже совершенно русскоязычная), Дрезден (с одним Вермеером, второй – канальство! – на реставрации, оставшийся же – “Сводница” – по-моему, вообще не Вермеер: он в это время жил в доме и на счет тещи, так что вряд ли стал бы обнаруживать близкое знакомство с атмосферой борделя; да и освещение не его, и кружева не “проработаны”), Лейпциг (в центре весьма недурен – есть, оказывается, особый и, как ни странно, сохранившийся саксонский шик) и еще парочка мест в Саксонии и Тюрингии».

Вероятно, последней научной публикацией, лично подготовленной Мишей незадолго до смерти, станет отрывок из оставшихся

теперь недописанными комментариями к еще одной любимой им книге – тыняновскому «Подпоручику Кижю». Оставаясь в ясном сознании до самых последних дней, однако уже не в состоянии самостоятельно печатать, он диктовал Ренате свой новый текст. В моей «Марке с цеппелином» Миша немедленно опознал скрытую цитату из «Смерти Вазир-Мухтара», что было приятно; правда последовавший комплимент опечалил, учитывая Мишины обстоятельства: «Вашу короткую прозу очень удобно читать на диализе».

Замысел заметок на полях тыняновской прозы родился у Миши еще в 2011 году, когда в *Toronto Slavic Quarterly* появилась его первая заметка по теме под названием «Сны в руку». Получив по электронной почте в августе 2023 рукопись для фестшрифта в честь искусствоведа Джона Боулта с фрагментом новых комментариев Миши к «Подпоручику Кижю», я написал, что немедленно и с огромным интересом проглотил эти «комментарии, как всегда сочетающие виртуозные филологические наблюдения с непонятно как найденными иголками в стогах архивного сена». Накануне мне привиделся странный сон, который я аккуратно пересказал на следующее утро Мише:

И, кстати, говоря о «Снах в руку» – сегодня мне приснилось (разумеется, еще до того, как я проверил почту), будто держу в руках Фестшрифт, но... изданный в Вашу честь. И то была совершенно чудесная штукавина – пухлый том, сработанный в средневековом монастыре. Обложка – терракотового цвета, с текстурой как марля, мягкая на ощупь, хотя внутри явно подложен картон. Самое замечательное, что в нижней трети передней обложки сильно выступал рельефный герб. Что на нем было изображено, я не разглядел из-за размытости онейрического фокуса, однако внимательно изучил во сне технологию изготовления этой выпуклой вставки: в типографии в обложке проделали вырез-окошко, изнутри подклеили герб-розу и вручную замазали с обеих сторон клеем и глиной места сшивки. Бумага самого сборника была неровной по краям, даже разных оттенков, как и подобает *rustic handmade albums*, сшитым из разнокалиберных листов. Шрифт основного текста внутри был синий, а примечания набраны обычными черными чернилами. Притом мне стало немного обидно, что меня нет

среди участников, но потом я полистал и увидел, что книга вышла в 2013, значит ее собирали до моего первого годового отпуска в Гейдельберге. Составитель какой-то немец, имя мне неизвестное; Женя Сошкин в «Содержании» тома числился. Еще я отчетливо подумал во сне, что нужно сделать несколько снимков для Л. М., как образец выдающегося книгопечатного искусства.

Миша поблагодарил «за теплые слова и за запись сна – лестного и на зависть яркого (с тактильными ощущениями – моей сновидческой практике они настолько не знакомы, что я и не подозревал об их существовании)», скромно прибавив: «Но высокая оценка рукописи мне, увы, что называется на вырост. Полночи промучился, вспоминая, что же в последней заметке не откомментировал, к утру понял, что словосочетание “царское вино”, так что немедленно дополнил комментарий. Посылаю новую редакцию. Знаю, что так не делается, но... Торжественно обещаю, что она окончательная и бесповоротная!»

Так и получилось, что редакция фрагментов из незавершенной новой книги Михаила Безродного теперь действительно «окончательная и бесповоротная». При всей бравурности характера и умении придавать реальности в пересказе черты комического, Миша, вероятно, был гораздо ближе к «читателю душ» Бальмонта, чем могло показаться стороннему наблюдателю: «Все думал в их строках нежданность подстеречь я, / Искал я тайны тайн за каждою чертой». Недаром финальное предложение в его первой книге – «Конец прекрасной цитаты», во второй – «Смерть автору. Закат Европе. Конец цитате. Просьба освободить вагоны», третья начинается рассказом „Memento mori!”, а четвертая кончается двустушием:

переворачиваться бу-
ду то и дело в коробу

Одним из любимых произведений Миши у Набокова был «Круг»; подражая устройству этого рассказа, закончу возвращением к началу. Первая встреча с Мишей произошла весной 2002, когда он приехал в Лос-Анджелес с ярким докладом, посвященным мотиву кулака и кулачных боев в русской культуре. В тот же вечер мы вчетвером

с А. К. Жолковским, А. Л. Осповатом и нашим гостем отправились отмечать знакомство в армянский шалман на Ла-Бреа-авеню – Варуджан подносил дымящиеся шашлыки, рекой лилось спиртное, мои старшие собеседники были в ударе – филологические остроты, как молнии, резали воздух. Миша и двадцать лет спустя с удовольствием вспоминал тот вечер. К фразе из «Круга» – «ничто-ничто не пропадает, в памяти накаплиются сокровища» вместо комментария он процитировал отрывок из «Машеньки»:

Где теперь это счастье и солнце, эти рюхи, которые так славно звякали и скакали, мой велосипед с низким рулем и большой передачей?.. По какому-то там закону ничто не теряется, материю истребить нельзя, значит, где-то существуют и по сей час щепки от моих рюх и спицы от велосипеда.

Юрий Левинг (Принстон)

ABSTRACTS

Irina Belobrovtsseva

FINDING TRACES OF BULGAKOV IN THE BALTIC STATES OF THE 1920s AND 1930s

This article addresses the question of Mikhail Bulgakov's reception in the Baltic states of the 1920s and 1930s. I focus my initial attention on the political aspect, and then proceed to aesthetic questions. My research is based on newspapers and magazines published in Estonia and Latvia in Russian, Estonian and German. Finding traces of Bulgakov in this way allows me to make certain conclusions about what Russian readers living in the Baltic states of the period thought about the events in the Soviet Union, and in particular events in the cultural sphere.

KEYWORDS: Gabriel Superfin at 80, 20th-Century Russian Literature, Mikhail Bulgakov (1891–1940), *The Days of the Turbins*, *The White Guard*, *Zoyka's Apartment*, Russian Émigré Periodicals, History of Literature.

Arkady Bliumbaum

OUTLINES OF A FORGOTTEN PREJUDICE: "ARYANS," "SEMITES," AND NATURE (THE POLEMICS OF ALEXANDER BLOK AND AKIM VOLYNSKY CONCERNING HEINE'S JUDAISM)

At the end of 1919, literary critic Akim Volynsky and poet Alexander Blok exchanged polemical remarks about Heinrich Heine's attitude towards Judaism. In the course of this debate, one strange thesis arose, expressed by Volynsky and fully supported by Blok: the Jews, compared to the Aryans (they were talking about both religious and racial differences), turn out to be in their worldview indifferent to nature. An attempt to find the genesis of, and to comment on, this idea, strange for today, expressed by a prominent Russian literary critic and outstanding poet, leads the researcher to Hegel's philosophy of history, its articulations by some of his readers and listeners (including Heine himself), the history of French thought of the 19th century, in particular to the philosophy of religion of Edgar Quinet and the history of Semitic languages written by Ernest Renan, as well as numerous echoes of the deliberations of Renan (who canonized

for European culture the idea of the indifference of Jews to nature) in the history of Russian modernism (Dmitry Merezhkovsky, Vyacheslav Ivanov, Vasily Rozanov). The outlines of this now almost forgotten intellectual tradition, without which it is impossible to understand some texts in Russian modernism, are the subject of this article.

KEYWORDS: 20th-Century Russian Literature, Alexander Blok (1880–1921), Akim Volynsky (1861–1926), Georg Wilhelm Friedrich Hegel (1770–1831), Heinrich Heine (1797–1856), Edgar Quinet (1803–1875), Ernest Renan (1823–1892), Judaism, History of Ideas.

Alexander Dolinin

“THE STEPMOTHER OF RUSSIAN CITIES” REVISITED:

BERLIN OF THE 1920s THROUGH THE EYES OF RUSSIAN WRITERS

The article examines images of Weimar Berlin in Russian literature of the 1920s. In contrast to the glamorization of Berlin as the center of modernity in art, technology, mass entertainment and sexual practices in the writings of German and West European authors of the period, most Russian writers echoed Spengler’s critique of Western civilization and portrayed the city in a negative light underlining its boredom, ugliness, and the lack of vitality. For them, Berlin was like a huge transfer station that they were eager to leave as soon as possible. A smaller group of Russian émigrés that stayed in Berlin for a long time tried to ignore the hostile outside world and absorb themselves in their Russian memories and cultural milieu. The only exception to these trends was the Berlin of Vladimir Nabokov, who managed to turn the foreign city into the main source and object of his Russian-language short stories and novels.

KEYWORDS: Gabriel Superfin at 80, 20th-Century Russian Literature, Vladimir Nabokov (1899–1977), Russian Berlin, History of Literature.

Veniamin Gushchin, Sergei Khalturin

GRADUATE STUDENT CONFERENCE IN RUSSIAN LANGUAGE AND LITERATURES (HELSINKI–TALLINN–TARTU)

This is an overview of a newly established series of Estonian-Finnish conferences on Russian language and literatures (*russkaia filologii*). In 2023, this conference united graduate students from Croatia, Czechia, Estonia, Finland, Germany, Israel, Italy, Latvia, Poland, Switzerland, the US and Uzbekistan. The first conference of the series took place at Tallinn University from May 12 to 14, 2023, while the upcoming two conferences will be held in Tartu (2024) and Helsinki (2025).

KEYWORDS: Tallinn University, Tartu University, University of Helsinki, Conference Overview.

Galina Lapina

ZASLAVSKY VS ATKINSON: FROM THE HISTORY OF THE COLD WAR

The article discusses the confrontation of two reporters—Brooks Atkinson, a Moscow correspondent of *The New York Times*, and David Zaslavsky of *Pravda* in 1946. Having spent 10 months in Moscow, Brooks Atkinson perceived the signs of rising xenophobia and anti-Western sentiment in the USSR and wrote a series of articles truthfully portraying the situation behind the Iron Curtain. In response to his assertion that the Soviet people were denied freedom of speech and freedom of the press, Zaslavsky lashed out at the American reporter, blaming not only him, but Western journalism as such of being politically motivated. The vicious attack against the American journalist marked the beginning of the anti-Western campaign initiated by Soviet propaganda in the early period of the Cold War.

KEYWORDS: Gabriel Superfin at 80, 20th-Century History, Brooks Atkinson (1894–1984), David Zaslavsky (1880–1965), Periodicals, History of Cold War Ideology.

Oleg Larionov

ALEKSEI KUTUZOV IN 1790: READING, AUTHORSHIP, PUBLICITY

By focusing on a close reading of some passages from the letters of Rosicrucian and translator Aleksei Kutuzov, this paper reconstructs his reading strategies and ways of thinking about contemporary literature and public culture. The paper demonstrates that in his reading and writing habits Kutuzov depended heavily on the widespread early modern practice of commonplacing. In the early 1790s, Kutuzov constructed his arguments, construed the world, navigated current events and criticized Nikolai Karamzin's project of a literary journal, as well as the whole modern public sphere and print culture, by quoting moral *sententiae* taken from the journal *Guardian* (1713) and other works perceived as edificatory reading.

KEYWORDS: 18th-Century Russian Literature, Aleksei Kutuzov (1746 or 1747–1797), Nikolai Karamzin (1766–1826), History of Reading, Public Sphere, Intellectual History.

Alexander Lavrov

“AN INTELLIGENT” AS PART OF VOLOSHIN'S IMAGES

This article is devoted to the study of Maximilian Voloshin's creative process. In particular, it notes that the imagery of the *Lichiny* (*Images*) section of the book *Neopalimaia kupina* (*The Burning Bush*, 1924) received further development in the multi-figured composition of the long poem *Rossiia* (*Russia*, 1924). The proof comes from the corresponding sections of a previously unpublished Voloshin's workbook preserved in his archival collection.

KEYWORDS: Gabriel Superfin at 80, 20th-Century Russian Literature, Maximilian Voloshin (1877–1932), poetic cycle *Lichiny* (*Images*), Textual Criticism.

Yuri Leving

“NOTHING IS LOST, NOTHING WHATEVER”: IN MEMORIAM

MICHAÏL BEZRODNYJ (February 16, 1957 – November 18, 2023)

This is an obituary for Dr. Michail Bezrodnyj of Heidelberg University, a scholar and a man of letters, whose debut book *End of the Quote* (1996) is regarded as one of the major achievements of contemporary Russian literature.

KEYWORDS: Michail Bezrodnyj (1957–2023), obituary.

Georgii Levinton

MARGINALIA TO MARSHAK

The article is an attempt to find, in Soviet poetry exemplified by poetry for children, reminiscences and allusions to classical or modernist poetry. Thus, Marshak's typically Soviet propagandist poem “Nash gerb” (“Our Coat of Arms”) is traced back to Cherubina de Gabriac's poem of the same title. Children's verse by Marshak, as well as some lyrical and satirical poetry, comprise the main material of the paper. Some examples of Marshak's influence on posterior Russian poetry are analyzed.

KEYWORDS: Gabriel Superfin at 80, 20th-Century Russian Literature, Samuil Marshak (1887–1964), Sergei Mikhalkov (1913–2009), Subtext, History of Literature.

Ekaterina Liamina

L'AFFAIRE DES PASSIONS

Review of *Chaadaevskoe delo: Ideologija, ritorika i gosudarstvennaia vlast' v nikolaevskoi Rossii*, by Mikhail Velizhev

This is a review of the recently published book on the Chaadaev affair – the culmination of Mikhail Velizhev's research, which took him over twenty years to complete.

KEYWORDS: 19th-Century Russian Literature, Mikhail Velizhev (b. 1980), Book Review.

Gleb Morev

ON A GOETHEAN SUBTEXT IN NIKOLEV AND KUZMIN: A NOTE TO
VSEVOLOD ZELTCHENKO'S ARTICLE

This paper aims to complement Vsevolod Zeltchenko's addenda to a recently published annotated edition of *Beyond Tula* by Andrei Nikolev (Andrei Egunov).

KEYWORDS: 20th-Century Russian Literature, Andrei Nikolev (Andrei Egunov, 1895–1968), Mikhail Kuzmin (1872–1936), Johann Wolfgang von Goethe (1749–1832), Subtext, History of Literature.

Gennadi Obatnin

SPIN-OFF FROM AN ANNOTATION: A SPEECH BY NIKOLAI NEDOBROVO

This article examines a series of celebrations dedicated to the 25th anniversary of Konstantin Bal'mont's literary career. Its major focus is the event that took place on March 11, 1912 in the hall of the Saint Petersburg Governorate *zemstvo*. The article gives an overview of the details of the event's organization, its participants, and reflections on the event in the press, emphasizing the fact that Bal'mont's anniversary became one of the very few reasons that Saint Petersburg artists would unite. It culminates with a previously unpublished draft of the speech by Nikolai Nedobrovo delivered on the occasion.

KEYWORDS: 20th-Century Russian Literature, Nikolai Nedobrovo (1882–1919), Konstantin Bal'mont (1867–1942), 25th anniversary, Textual Criticism.

Alexander Ospovat

NOTES AND QUERIES ON *THE CAPTAIN'S DAUGHTER* (26–42)

The following notes highlight some of the structural patterns and textual fragments of Alexander Pushkin's *Captain's Daughter* overlooked by previous scholarship. Thus, I address the narrative strategy of shifting a character's attributes so that the character's initial connotations are seamlessly transformed into their opposites. This corresponds to the novel's overall narrative principle of relativizing the seemingly obvious and stable. Additionally, I explore some of the narrative formulas specific to the historical novel, and comment on some of the historical information on the everyday life and social realities of 18th-century Russia

contained in *The Captain's Daughter* (the various forms of currency used by the different classes; Pugachev's military equipment, etc.).

KEYWORDS: Gabriel Superfin at 80, 19th-Century Russian Literature, Alexander Pushkin (1799–1837), *The Captain's Daughter*, *The Minor (Nedorosl')* and his education, Yemelyan Pugachev's rebellion (1772–1774), Monetary System in 18th-Century Russia, Narrative Formulas, History of Literature.

Tat'iana Pakhareva

**ANNA AKHMATOVA'S UNFINISHED POEM "IZ ZAVESHCHANIIA VASIL'KI":
PRETEXT AND CONTEXT**

This paper aims to establish the source of Anna Akhmatova's five-line poem "Iz zaveshchaniia Vasil'ki" composed in Kiev in 1909 and describing the life of a widowed *kniaginia* (princess). The paper shows that Akhmatova's text is very close to the excerpt from East Slavic chronicles included in the list of suggested reading, which Akhmatova could not have missed during her studies in Kiev.

KEYWORDS: 20th-Century Russian Literature, Anna Akhmatova (1889–1966), "Iz zaveshchaniia Vasil'ki," East Slavic Chronicles, History of Literature.

Fedor Poljakov

**A FRAGMENT OF THE CHIVALRIC NOVEL *PARZIVAL* BY WOLFRAM VON
ESCHENBACH IN ELLIS' (LEV KOBYLINSKY'S) TRANSLATION**

This is the first publication of a previously unknown translation of over 200 lines from *Parzival* by Wolfram von Eschenbach, which survived in Ellis' (Lev Kobylinsky) anthology *Pevtsy Germanii (Singers of Germany)*. Ellis started to compile this anthology with the purpose of demonstrating the incompatibility of genuine German cultural and religious traditions with the ideology of the Third Reich. His selection of texts for the translation was largely prompted by his previous studies, which included Richard Wagner and Wagner's sources, esoteric interpretations of the image of the Holy Grail, and the reception of monuments of the Western European Middle Ages.

KEYWORDS: Gabriel Superfin at 80, 20th-Century Russian Literature, Ellis (Lev Kobylinsky, 1874–1947), Wolfram von Eschenbach (1170–1220), *Parzival*, Translation, Textual Criticism.

Boris Ravdin

A BACKGROUND CHECK (ON THE QUESTION OF ARCHIVAL SOURCES
AND SOME OTHER QUESTIONS)

This is a rejoinder to the speech from December 9, 2021, which served the purpose of providing Russia's Supreme Court with a pretext for the closure of Memorial – a human rights organization founded in 1992 in Moscow, whose mission was to record crimes against humanity in the USSR and Russia and foster the rehabilitation of political prisoners.

KEYWORDS: Gabriel Superfin at 80, Memorial (human rights organization), Vladimir Putin as a Historian, Political Repression.

Marina Salman

CONCERNING THE PUBLICATION DATE OF BORIS PASTERNAK'S *SAFE
CONDUCT* FIRST EDITION

This paper aims to show that Boris Pasternak's *Safe Conduct* was published two months before what was previously thought to be the book's official publication date. A reference to Pasternak's book in a letter by Lydia Chukovskaia to Kornei Chukovsky from September 14, 1931 allows us to conclude that *Safe Conduct* reached its readers not in November 1931, but in the first weeks of September 1931.

KEYWORDS: 20th-Century Russian Literature, Boris Pasternak (1890–1960), *Safe Conduct* (1931), Lydia Chukovskaia (1907–1996), Valentin Stenich (Valentin Smetanich, 1900–1938), John Dos Passos (1896–1970), History of Literature.

Alexander Sobolev

THE RUSSIAN LITERARY DOG: MATERIALS FOR A BIOGRAPHICAL
DICTIONARY

This unconventional dictionary, having over 100 entries, is the first attempt ever to list dogs that belonged to Russian turn-of-the-century and 20th-century writers (for example, Alexander Blok, Anton Chekhov, Vladimir Mayakovsky, Maximilian Voloshin, etc.).

KEYWORDS: Gabriel Superfin at 80, 19th and 20th-Century Russian Literature, Writers and Their Dogs, History of Everyday Life.

Roman Timenchik

AN ACADEMIC COMMENTARY ON MODERNIST POETRY:
THE CASE OF AKHMATOVA

This article is the extended version of the keynote lecture Roman Timenchik delivered on May 12, 2023 at Tallinn University at the opening ceremony of a newly established Graduate Student Conference in Russian Language and Literatures (Helsinki–Tallinn–Tartu). Roman Timenchik singles out five principles of annotating a text and the eleven sections required for the ideal annotated edition of Anna Akhmatova's poetry.

KEYWORDS: Gabriel Superfin at 80, 20th-Century Russian Literature, Anna Akhmatova (1889–1966), Annotations, Theory of Literature.

Andrei Ustinov

A POEM WITH A MYSTERIOUS DEDICATION, OR DANIIL KHARMS
WATCHING CHAPLIN

This essay offers a reading of a mysterious poem by Daniil Kharms "O tom kak Ivan Ivanovich poprosil i chto iz etogo vyshlo" ("How Ivan Ivanovich Asked and What Came of It"). The poem is analyzed in the context of time, from the noise of which emerge the events and details required to decipher "How Ivan Ivanovich Asked and What Came of It," starting with the poem's dedication. More broadly, reading in context allows us to explain some features of Kharms' poetry in general starting from his "Vzir' Záumi" (1925–1926) and ending with "Exercises in Classic Meters" (1933–1934).

KEYWORDS: 20th-Century Russian Literature, Daniil Kharms (1905–1942), Charlie Chaplin (Sir Charles Spencer Chaplin, 1889–1977), Close Reading, History of Literature.

Vsevolod Zeltchenko

DU CÔTÉ DE TOULA: NOTES AND SUPPLEMENTS

TO THE NEW EDITION OF *BEYOND TULA* BY ANDREI NIKOLEV

This paper aims to offer a supplement to the rich and suggestive commentary by A. Agapov, D. Bresler and Chr. Konstantinova in the recent (2022) edition of the novel *Beyond Tula* (1931) by Andrei Nikolev (a pseudonym of A. N. Egunov, a classical scholar, translator, and poet). The article, in its collection of remarks, identifies a number of quotations and allusions present in Nikolev's *chef-d'œuvre* as well as some sources of his inspiration and features of his narrative techniques.

KEYWORDS: 20th-Century Russian Literature, Andrei Nikolev (Andrei Egunov, 1895–1968), *Beyond Tula* (1931), Annotations, History of Literature.

KOKKUVÕTTED

Irina Belobrovtseva

BULGAKOVI JÄLG BALTI RIIKIDES 1920.–1930. AASTATEL

Artikkel käsitleb Mihhail Bulgakovi loomingu retseptsiooni 1920.–1930. aastatel Balti riikides. Esmajärjekorras vaadatakse retseptsiooni poliitilist aspekti, seades see esteetilisest ettepoole. Uurimismaterjalina on *de visu* läbi vaadatud sel perioodil Eestis ja Lätis vene, eesti ja saksa keeles ilmunud ajalehed ja ajakirjad. Bulgakovi „jälje“ uurimine võimaldab teha mõningaid järeldusi Eesti ja Läti vene elanikkonna suhtumisest Nõukogude Liidus toimuvasse kultuurivaldkonnas.

VÕTMESÕNAD: Gabriel Superfin – 80, 20. saj vene kirjandus, Mihhail Bulgakov (1891–1940), „Turbinide päevad“, „Valge kaardivägi“, „Zoika korter“, vene pagulasajakirjandus, kirjanduslugu.

Arkadi Bljumbaum

ÜHE TRADITSIOONI PIIRJOONED: „AARJALANE“, „SEMIIT“ JA LOODUS (ALEKSANDR BLOKI JA AKIM VOLÖNSKI POLEMIKA HEINE JUDAISMI ÜLE)

1919. aasta lõpus vahetasid kirjanduskriitik Akim Volõnski ja luuletaja Aleksandr Blok poleemilisi märkusi Heinrich Heine suhtumise kohta judaismi. Debati käigus kerkis esile üks kummaline tees, mida väljendas Volõnski ja mida täielikult toetas Blok: võrreldes aarjalastega (kõne all olid nii religioossed kui ka rassilised erinevused) on juutide maailmavaade looduse suhtes ükskõiksem. Püüe välja selgitada prominentse vene kirjanduskriitiku ja silmapaistva luuletaja tänapäeval kummalisena tunduva idee tekkepõhjuseid ja seda kommenteerida viib uurija Hegeli ajaloofilosoofiani, selle sõnastamiseni mõne lugeja ja kuulaja (sealhulgas Heine enda) poolt, 19. sajandi prantsuse mõttelooni, eelkõige Edgar Quinet' religioonifilosoofia ja Ernest Renani koostatud semiidi keelte ajalooni, aga ka arvukate vastukajadeni Renani (kes kanoniseeris Euroopa kultuuris idee juutide ükskõiksusest looduse suhtes) mõtisklustest vene modernismi ajaloos (Dmitri Merežkovski, Vjatšeslav Ivanov, Vassili Rozanov). Artikli teemaks ongi selle nüüdseks peaaegu unustatud intellektuaalse traditsiooni piirjooned, ilma milleta on võimatu mõista mõningaid vene modernismi tekste.

VÕTMESÕNAD: 20. saj vene kirjandus, Aleksandr Blok (1880–1921), Akim Volõnski (1861–1926), Georg Wilhelm Friedrich Hegel (1770–1831), Heinrich Heine (1797–1856), Edgar Quinet (1803–1875), Ernest Renan (1823–1892), judaism, ideedeajalugu.

Alexander Dolinin

„VENE LINNADE KASUEMA“: 1920. AASTATE BERLIIN
VENE KIRJANIKE PILGU LÄBI

Artiklis vaadeldakse Weimari vabariigi aegse Berliini kujutamist 1920. aastate vene kirjanduses. Vastupidiselt Berliini kui modernse kunsti, tehnoloogia, massimeelelahutuse ja seksuaalpraktikate keskuse glamuuri kujutamisele selle perioodi Saksa ja Lääne-Euroopa autorite kirjutistes, lõi enamik vene kirjanikke oma teoseid Spengleri lääne tsivilisatsiooni kriitika vaimus ja kujutas linna negatiivses valguses, rõhutades selle igavust, inetust ja elujõu puudumist. Nende jaoks oli Berliin omamoodi ümberistumisjaam, millest sooviti võimalikult kiiresti lahkuda. Väiksem rühm Berliinis pikemat aega viibivaid vene emigrante püüdis vaenulikkude välismaailma eirata ning elas oma mälestustes Venemaast ja vene kultuurikeskkonnas. Ainus erand neist suundumustest oli Vladimir Nabokov, kes suutis võõrast linnast teha oma venekeelsete novellide ja romaanide peamise allika ja objekti.

VÕTMESÕNAD: Gabriel Superfin – 80, 20. saj vene kirjandus, Vladimir Nabokov (1899–1977), vene Berliin, kirjanduslugu.

Venjamin Guštšin, Sergei Halturin

NOORTE VENE KEELE JA KIRJANDUSE UURIJATE KONVERENTS
(HELSINGI–TALLINN–TARTU): KONVERENTSI ÜLEVAADE

Tutvustatakse uut rahvusvahelist konverentsisarja, mille korraldajad on vene filoloogid Helsingi, Tallinna ja Tartu ülikoolist. 2023. aastal võtsid konverentsist osa magistrandid ja doktorandid Ameerika Ühendriikidest, Eestist, Horvaatiast, Iisraelist, Itaaliast, Lätist, Poolast, Saksamaalt, Šveitsist, Tšehhist ja Usbekistanist. Esimene konverents leidis aset Tallinna Ülikoolis 12.–14. maini 2023, järgmised toimuvad Tartus (2024) ja Helsingis (2025).

VÕTMESÕNAD: Helsingi Ülikool, Tallinna Ülikool, Tartu Ülikool, konverentsi ülevaade.

Galina Lapina

ZASLAVSKI VS. ATKINSON: KÜLMA SÕJA AJALOOST

Artiklis käsitletakse kahe reporteri – The New York Timesi Moskva korrespondendi Brooks Atkinsoni ja ajalehe Pravda töötaja David Zaslavski vastasseisu 1946. aastal. Kümme kuud Moskvast veetnud Brooks Atkinson pani tähele ksenofoobia ja läänevastaste meeleolude kasvu märke NSV Liidus ning kirjutas rea artikleid, milles kirjeldas tõepäraselt olukorda „raudse eesriide“ taga. Vastusena väitele, et nõukogude inimestelt on sõna- ja ajakirjandusvabadus ära võetud, ründas Zaslavski Ameerika reporterit, süüdistades mitte ainult teda, vaid kogu lääne ajakirjandust poliitilises angažeerituses. See õel kallaletung Ameerika ajakirjaniku vastu külma sõja algperioodil tähistab nõukogude propaganda algatatud läänevastase kampaania algust.

VÕTMESÕNAD: Gabriel Superfin – 80, 20. saj ajalugu, Brooks Atkinson (1894–1984), David Zaslavski (1880–1965), ajakirjandus, külma sõja ideoloogia ajalugu.

Oleg Larionov

ALEKSEI KUTUZOV 1790. AASTAL: LUGEMINE, AUTORSUS, AVALIKKUS

Keskendudes mõne katkendi lähilugemisele roosiristlase ja tõlkija Aleksei Kutuzovi kirjades, rekonstrueeritakse artiklis tema lugemisstrateegiaid ja mõtlemisviise kaasaegse kirjanduse ja avaliku kultuuri kohta. Näidatakse, et oma lugemis- ja kirjutamisharjumustes toetus Kutuzov laialt levinud varauusaegsele tavale otsida loetavatest tekstidest ilmekaid aforisme, kirjutada need välja ning kasutada seejärel oma kirjutistes. Just ajakirjast Guardian (1713) ja teistest õpetlikuks lugemiseks peetavatest teostest laenatud moraalseid sententse tsiteerides koostas ta 1790. aastate alguses oma argumendid, tõlgendas maailma, orienteerus päevakajalistes sündmustes ja kritiseeris nii Nikolai Karamzini kirjandusajakirja projekti kui ka kogu kaasaegset avalikku sfääri ja trükikultuuri.

VÕTMESÕNAD: 18. saj vene kirjandus, Aleksei Kutuzov (1746/1747–1797), Nikolai Karamzin (1766–1826), lugemise ajalugu, avalik sfäär, intellektuaalne ajalugu.

Aleksandr Lavrov

„HARITLANE“ KUI ÜKS VOLOŠINI „INIMKUJUDEST“

Artikkel on pühendatud Maksimilian Vološini loomingulisele protsessile. Tuuakse esile fakt, et raamatu «Неопалимая купина» („Põlev põõsas“, 1924) tsükli «Личины» („Inimkujud“) kujundisüsteemi arendas Vološin edasi poemi «Россия» („Venemaa“, 1924) kujundirikkas kompositsioonis. Tõestuse sellele leiab Vološini märkmiku seni avaldamata osadest.

VÕTMESÕNAD: Gabriel Superfin – 80, 20. saj vene kirjandus, Maksimilian Vološin (1877–1932), luuletsükkel «Личины» („Inimkujud“), tekstoloogia.

Yuri Leving

„MITTE MISKI EI KAO ÄRA“: IN MEMORIAM MIKHAIL BEZRODNÕI

(16. veebruar 1957 – 18. november 2023)

Järelehüüe Heidelbergi Ülikooli õppejõule Mihhail Bezrodnõile, teadlasele ja kirjanikule, kelle debüütraamatut „Tsitaadi lõpp“ (1996) peetakse nüüdisaegse vene kirjanduse üheks tippsaavutuseks.

VÕTMESÕNAD: Mihhail Bezrodnõi (1957–2023), nekroloog.

Georgi Levinton

MARGINAALE MARŠAKILE

Katse leida nõukogulikust luules (siinkohal lasteluules) reministsentse ja allusioone klassikalisele või modernistlikule luulele. Näiteks võib tüüpiliselt nõukogulikust-propagandistlikust Samuil Maršaki luuletusest «Нам ребё» („Meie vapp“) leida jälgi Cherubina de Gabriaki sama pealkirjaga luuletusest. Artikli põhimaterjali moodustavad Maršaki lasteluule ja ka mõned tema lüürilised ja satiirilised luuletused. Analüüsitakse mõningaid näiteid Maršaki mõjust vene poeesiale 20. saj teisel poolel.

VÕTMESÕNAD: Gabriel Superfin – 80, 20. saj vene kirjandus, Samuil Maršak (1887–1964), Sergei Mihhalkov (1913–2009), alltekst, kirjanduslugu.

Jekaterina Ljamina

L'AFFAIRE DES PASSIONS: МИХАИЛ ВЕЛИЖЕВИ РААМАТУ «ЧААДАЕВСКОЕ ДЕЛО: ИДЕОЛОГИЯ, РИТОРИКА И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ В НИКОЛАЕВСКОЙ РОССИИ» ARVUSTUS

Retsensioon hiljuti avaldatud Tšaadajevi loole pühendatud raamatule, mis on Mihhail Veliževi uurimistöö kulminatsioon ja mille kirjutamiseks kulus tal ligi kakskümmend aastat.

VÕTMESÕNAD: 19. saj vene kirjandus, Mihhail Veližev (snd 1980), raamatu-arvustus.

Gleb Morev

ÜHEST GOETHE ALLTEKSTIST NIKOLEVI JA KUZMINI TEOSTES (MÄRKUS VSEVOLOD ZELTŠENKO ARTIKLILE)

Artikli eesmärk on täiendada Vsevolod Zeltšenko täiendusi hiljuti ilmunud Andrei Jegunovi romaani «По ту сторону Тулы» („Sealpool Tulat“) kommenteeritud väljaandele.

VÕTMESÕNAD: 20. saj vene kirjandus, Andrei Nikolev (Andrei Jegunov, 1895–1968), Mihhail Kuzmin (1872–1936), Johann Wolfgang von Goethe (1749–1832), alltekst, kirjanduslugu.

Gennadi Obatnin

ÜHE KOMMENTAARI SPIN-OFF: NIKOLAI NEDOBROVO KÕNE

Artikkel käsitleb pidustuste jada Konstantin Balmonti kirjandusliku karjääri 25. loomingulise aastapäeva puhul. Põhifookuses on sündmus, mis leidis aset 11. märtsil 1912 Peterburi kubermangu zemstvo saalis. Antakse ülevaade ürituse korralduse üksikasjadest, osalejatest ja sündmuse kajastamisest ajakirjanduses, rõhutades asjaolu, et Balmonti aastapäev oli haruldane sündmus, mis Peterburi kuntsnikke ühendas. Artikli lõpus on publitseeritud Nikolai Nedobrovo seni avaldamata kõne mustand.

VÕTMESÕNAD: 20. saj vene kirjandus, Nikolai Nedobrovo (1882–1919), Konstantin Balmont (1867–1942), 25. tööjuubel, tekstoloogia.

Alexander Ospovat

KOMMENTAARID „KAPTENI TÜTRELE“ (26–42)

Nendes märkustes tuuakse esile mõned Aleksandr Puškini romaani „Kapteni tütar“ struktuurimustrid ja tekstifragmendid, mis varasemate uurijate poolt on tähelepanuta jäänud. Näiteks käsitletakse narratiivset strateegiat, mis seisneb tegelase atribuutide nihutamises nii, et tegelase algsed konnotatsioonid muutuvad sujuvalt iseenda vastanditeks. See vastab romaani üldisele narratiivsele põhimõttele näiliselt ilmselgete ja stabiilsete asjade muutumisest suhtelisteks. Lisaks uuritakse mõningaid romaanis „Kapteni tütar“ sisalduvaid ajaloolisele romaanile omaseid narratiivvormeleid ja kommenteeritakse mõnd ajaloolist fakti 18. sajandi Venemaa igapäevaelu ja sotsiaalsete reaaliat kohta (eri klasside kasutatavad valuutavormid, Pugatšovi sõjavarustus jm).

VÖTMESÕNAD: Gabriel Superfin – 80, 19. saj vene kirjandus, Aleksandr Puškin (1799–1837), „Kapteni tütar“, „Äbarik“ ja tema haridus, Jemeljan Pugatšovi ülestõus (1772–1774), 18. saj Vene mündisüsteem, narratiivsed vormelid, kirjanduslugu.

Tatjana Pahhareva

ANNA AHMATOVA LÕPETAMATA JÄÄNUD LUULETUS
„VASSILKA TESTAMENDIST“: PRETEKST JA KONTEKST

Artikli eesmärk on määratleda Anna Ahmatova 1909. aastal Kiievis loodud viierealise luuletuse „Vassilka testamendist“ ajalooline allikas. Näidatakse, et luuletuse tekst, mille keskne tegelane on lehestunud vürstinna, on lähedane väljavõttele idaslaavi kroonikast, mis Ahmatova õpingute ajal kuulus kohustusliku kirjanduse loetellu.

VÖTMESÕNAD: 20. saj vene kirjandus, Anna Ahmatova (1889–1966), «Из завещания Василики» („Vassilka testamendist“), idaslaavi kroonikad, kirjanduslugu.

Fedor Poljakov

WOLFRAM VON ESCHENBACHI RÜÜTLIROMAANI „PARZIVAL“ FRAGMENT ELLISE (LEV KOBŌLINSKI) TÖLKES

Tegemist on Wolfram von Eschenbachi rüütliromaani „Parzival“ senitundmatu 200-realise tõlkega, mis on meieni jõudnud Ellise (Lev Kobõlinski) antoloogia «Певцы Германии» („Saksamaa lauljad“) kaudu. Ellis asus antoloogiat koostama eesmärgiga näidata ehtsa saksa kultuuri ja usutraditsioonide kokkusobimatust Kolmanda Reichi ideoloogiaga. Tekstid, mida Ellis tõlkima asus, on suuresti seotud tema varasemate uurimustega, mis hõlmasid Richard Wagnerit ja Wagneri allikaid, Püha Graali kujundi esoteerilisi tõlgendusi ning Lääne-Euroopa keskaja monumentide retseptiooni.

VÕTMESÕNAD: Gabriel Superfin – 80, 20. saj vene kirjandus, Ellis (Lev Kobõlinski, 1874–1947), Wolfram von Eschenbach (1170–1220), „Parzival“, tõlge, tekstoloogia, kirjanduslugu.

Boriss Ravdin

TÕEND (ALLIKAÕPETUSE KÜSIMUSEST JA KA MÕNINGATEST TEISTEST KÜSIMUSTEST)

Artikli uurimisobjektiks on manipulatiivne kõne, mille Venemaa president Vladimir Putin pidas 9. detsembril 2021 eesmärgiga leida ettekääne inimõigusorganisatsiooni Memorial sulgemiseks.

VÕTMESÕNAD: Gabriel Superfin – 80, Memorial (inimõiguste ühing), Vladimir Putin kui ajaloolane, poliitilised repressioonid.

Marina Salman

BORISS PASTERNAKI „TURBEKIRJA“ ESMATRÜKI ILMUMISAJAST

Artikli eesmärk on näidata, et Boriss Pasternaki „Turbekiri“ ilmus kaks kuud enne raamatu ametlikku avaldamiskuupäeva. Viide Pasternaki raamatule Lidia Tšukovskaja 14. septembri 1931 kirjas Kornei Tšukovskile võimaldab järeldada, et „Turbekiri“ jõudis lugejateni mitte 1931. aasta novembris, vaid 1931. aasta septembri esimestel nädalatel.

VÕTMESÕNAD: 20. saj vene kirjandus, Boriss Pasternak (1890–1960), „Turbekiri“ (1931), Lidia Tšukovskaja (1907–1996), Valentin Stenitš (Valentin Smetanitš, 1900–1938), John Dos Passos (1896–1970), kirjanduslugu.

Aleksandr Sobolev

VE NE KIRJANDUSLIK KOER: MATERJALE BIOGRAAFILISELE LEKSIKONILE

Selles ebaharilikus leksikonis, mis sisaldab üle 100 kirje, on loetletud 19. sajandi lõpus ja 20. sajandil vene kirjanikele (nt Aleksandr Blok, Vladimir Majakovski, Anton Tšehhov, Maksimilian Vološin jt) kuulunud koerad.

VÕTMESÕNAD: Gabriel Superfin – 80, 19. ja 20. saj vene kirjandus, kirjanikud ja nende koerad, argielu ajalugu.

Vsevolod Zeltšenko

DU CÔTÉ DE TOULA: MÄRKMEID JA TÄIENDUSI ANDREI NIKOLEVI ROMAANI „SEALPOOL TULAT“ UUSVÄLJAANDELE

Artikli eesmärk on pakkuda täiendust A. Agapovi, D. Bresleri ja K. Konstantinova rikkalikele kommentaaridele Andrei Nikolevi (klassikalise filoloogi, tõlkija ja luuletaja A. N. Egunovi varjunimi) romaani «По ту сторону Тулы» („Sealpool Tulat“, 1931) hiljutisele (2022) väljaandele. Artiklis, mis kujutab endast märkuste kogumit, on välja toodud hulk Nikolevi *chef-d’œuvre*’is esinevaid tsitaate ja vihjeid ning mõned inspiratsiooniallikad ja jutustamistehnika tunnused.

VÕTMESÕNAD: 20. saj vene kirjandus, Andrei Nikolev (Andrei Jegunov, 1895–1968), „Sealpool Tulat“ (1931), kommentaarid, kirjanduslugu.

Roman Timentšik

AKADEEMILISEST KOMMENTAARIST MODERNISMI LUULELE: AHMATOVA JUHTUM

Artikkel on laiendatud versioon loengust, mille Roman Timentšik pidas 12. mail 2023 Tallinna Ülikoolis uue Eesti-Soome konverentsisarja avamistseremoonial. Esitatakse viis kommenteerimispõhimõtet ja üksteist osa, mida nõuab Anna Ahmatova ideaalne kommenteeritud väljaanne.

VÕTMESÕNAD: Gabriel Superfin – 80, 20. saj vene kirjandus, Anna Ahmatova (1889–1966), kommentaarid, kirjandusteooria.

Andrei Ustinov

SALAPÄRASE PÜHENDUSEGA LUULETUS EHK DANIIL HARMS CHARLIE
CHAPLINIT VAATLEMAS

Artiklis pakutakse välja Daniil Harmsi salapärase luuletuse «О том как Иван Иванович попросил и что из этого вышло» („Sellest, kuidas Ivan Ivanovitš küsis ja mis sellest sai“) tõlgendus. Luuletust analüüsitakse oma aja kontekstis, millest kerkivad esile teose dešifreerimiseks vajalikud sündmused ja detailid, alustades teose alguses seisva pühendusega. Rõhutakse, et kontekstis lugemine võimaldab selgitada mõningaid Harmsi luule üldiseid jooni – alustades «Взирь Зѣуми» perioodist (1925–1926) ja lõpetades „Harjutustega klassikalistes meetrites“ (1933–1934).

VÕTMESÕNAD: 20. saj vene kirjandus, Daniil Harms (1905–1942), Charlie Chaplin (Sir Charles Spencer Chaplin, 1889–1977), lähilugemine, kirjanduslugu.

АВТОРЫ ЭТОГО ВЫПУСКА

Ирина Захаровна Белобровцева – кандидат филологических наук (диссертация: «Художественные поиски В. Маяковского и группы “ЛЕФ”»), доктор философии (PhD; диссертация: «Роман М. А. Булгакова “Мастер и Маргарита”: Конструктивные принципы организации текста»), professor emerita Таллиннского университета. Автор книг «Над чистым листом в одиночку и с надеждой» (Таллинн, 1987), «Читаем поэзию вместе: Пособие для преподавателей» (М., 1994), «Новейшая русская литература: Учебник для гимназии» (Таллинн, 2004; в эстонском переводе: „Uuem vene kirjandus”. Tallinn, 2007), «Роман М. А. Булгакова “Мастер и Маргарита”: Комментарий» (совместно с С. К. Кульюс; Таллинн, 2004; 2-е изд.: Таллинн, 2006; 3-е изд.: М., 2007; в эстонском переводе: „Mihhail Bulgakovi romaani ‘Meister ja Margarita’ kommentaarid”; Tallinn, 2007), «Путеводитель по роману М. А. Булгакова “Мастер и Маргарита”» (совместно с С. К. Кульюс; М., 2012), «Образ “малого врага”: Прибалтика и Польша в зеркале советской карикатуры (1918–1940)» (совместно с Давидом Всевиовым и А. А. Данилевским; М., 2013; в эстонском переводе: „Vaenlase kuju: Eesti kuvand vene karikatuuris 1920. – 1940. aastatel”; Tallinn, 2013), «Леонид Зуров: В тени Бунина» (М., 2020). Автор более 200 научных статей; публикатор и комментатор переписки Н. Н. Берберовой и Г. Н. Кузнецовой («Нина Берберова – Галина Кузнецова: Переписка 1920-х – 1960-х годов»; совместно с О. Р. Демидовой; М., 2022). Составитель и редактор сборников «Балтийский архив» I–III, XII, XIII (Таллинн, 1996, 1997, 2011, 2013); редактор и составитель «Булгаковских сборников» I–V (совместно с С. К. Кульюс; Таллинн, 1993, 1994, 1998, 2001, 2008); сборников «Самойловские чтения» I–VI (Таллинн, 2001, 2006, 2009, 2012, 2022; М., 2017) и др.

E-mail: venefil@tlu.ee

Аркадий Борисович Блюмбаум – кандидат филологических наук, доцент факультета истории искусств Европейского университета в Санкт-Петербурге. Автор книг «Конструкция мнимости: К поэтике “Восковой персоны” Юрия Тынянова» (СПб., 2002) и «Musica mundana и

русская общественность: Цикл статей о творчестве Александра Блока» (М., 2017).

E-mail: arkadijblumbaum@gmail.com

Вениамин Вадимович Гущин – аспирант Колумбийского университета (диссертация: “Modernists After Stalin: The Late Styles of Pasternak, Akhmatova, and Zabolotsky”).

Email: vvg2110@columbia.edu

Александр Алексеевич Долинин – кандидат филологических наук, professor emeritus Висконсинского университета (University of Wisconsin-Madison), член Санкт-Петербургского ПЕН-клуба, автор семи книг («История, одетая в роман: Вальтер Скотт и его читатели». М., 1988; «Истинная жизнь писателя Сирина: Работы о Набокове». СПб., 2004; 2-е изд.: СПб., 2019; «Пушкин и Англия: Цикл статей». М., 2007; «Комментарий к роману Владимира Набокова “Дар”». М., 2019; «Гибель Запада и другие мемы: Из истории расхожих идей и словесных формул». М., 2020; «О Пушкине, о Пастернаке: Работы разных лет». М., 2022; «Путешествие по “Путешествию в Арзрум”». М., 2022), более 200 статей и заметок, ряда научных комментариев к изданиям Пушкина, Набокова, Киплинга, Фолкнера и других русских и англоязычных писателей.

E-mail: aadolinin@yahoo.com

Всеволод Владимирович Зельченко – кандидат филологических наук, научный сотрудник Матенадарана им. Месропа Маштоца (Ереван) и Санкт-Петербургского античного кабинета. Выпускник кафедры классической филологии СПбГУ, защитил диссертацию «Творчество Эринны в контексте античной литературы» (2003). Автор книги «Стихотворение Владислава Ходасевича “Обезьяна”: Комментарий» (М., 2019). Редактор альманаха «Древний мир и мы». Сфера научных интересов: эллинистическая и римская литература, история рецепции и изучения античности, русская поэзия первой половины XX века.

E-mail: vzelchenko@rambler.ru

Александр Васильевич Лавров – академик РАН, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института русской литературы

(Пушкинский Дом) РАН. Автор книг «Андрей Белый в 1900-е годы: Жизнь и литературная деятельность» (М., 1995), «Этюды о Блоке» (СПб., 2000), «Символисты вблизи: Статьи и публикации» (СПб., 2004; в соавторстве с С. С. Гречишкиным), «Русские символисты: Этюды и разыскания» (М., 2007), «Андрей Белый: Разыскания и этюды» (М., 2007), «Символисты и другие: Статьи. Разыскания. Публикации» (М., 2015), «Тексты и комментарии: Из материалов к истории русской литературы первой трети XX века» (СПб., 2018) и более 550 публикаций и статей по истории русской литературы и общественной мысли начала XX века.

E-mail: pavlova.lavrov@gmail.com

Галина Васильевна Лапина – кандидат филологических наук, переводчик, историк русско-американских культурных связей, автор книги «Американцы в Москве: 1930-1940 г. (М., 2022). Ее статьи об американцах в России и СССР публиковались в журналах «Звезда», «Иностранная литература», «Новый мир» (лауреат премии 2019 г.), «Отечественные записки», «Антропологический форум», „Rossica”. Среди ее переводов книга Брайана Бойда «Владимир Набоков: Русские годы» (СПб., 2001) и мемуары Р. Робинсона «Черный о красных» (СПб., 2012).

E-mail: gvlapina@wisc.edu

Олег Алексеевич Ларионов – выпускник кафедры истории русской литературы СПбГУ и департамента филологии НИУ ВШЭ СПб. Аспирант Оксфордского университета. Сфера научных интересов: история русской литературы XVIII века, сентиментализм, творчество Н. М. Карамзина.

E-mail: oleg.larionov@jesus.ox.ac.uk

Юрий Левинг – доктор философии (PhD), профессор Принстонского университета. Автор книг «Вокзал – гараж – ангар: Владимир Набоков и поэтика русского урбанизма» (СПб., 2004; шорт-лист премии Андрея Белого), «Воспитание оптикой: Книжная графика, анимация, текст» (М., 2010), “Keys to *The Gift*: A Guide to Vladimir Nabokov’s Novel” (Boston, 2011), «Революция зримого: Образы на сетчатке» (М., 2018), «Иосиф Бродский в Риме: Труды и дни», «Иосиф Бродский в Риме: Поэзия, проза, графика», «Иосиф Бродский в Риме: Путеводитель» (СПб., 2020), «Поэзия в мертвой петле: Мандельштам и авиация» (М., 2021), “Nabokov in Motion: Modernity

and Movement” (New York, 2022), «Марка с цеппелином: Роман-сториборд» (СПб., 2022). Составитель и редактор сборников «Империя N: Набоков и наследники» (совместно с Евгением Сошкиным; М., 2006), “The Goalkeeper: The Nabokov Almanac” (Boston, 2010), “Anatomy of a Short Story: Nabokov’s Puzzles, Codes, ‘Signs and Symbols’” (Boston, 2012), «Поэзия последнего времени» (СПб., 2022) и мн. др. Автор документальных фильмов «Римская элегия Иосифа Бродского» (2020, 60 мин.) и “Nabokov’s Magic Lantern” (2021, 60 мин.). Отмечен наградой Американской ассоциации преподавателей славянских и восточноевропейских языков (AATSEEL) за особый вклад в развитие науки в 2018 году.

E-mail: yleving@princeton.edu

Георгий Ахиллович Левинтон – кандидат филологических наук, professor emeritus Европейского университета в Санкт-Петербурге. Автор книги «Статьи о поэзии русского авангарда» (Helsinki, 2017) и около 300 статей, заметок, публикаций и тезисов докладов, не считая энциклопедических статей (около 100). Переводчик книги А. Б. Лорда «Сказитель» (с Ю. А. Клейном; М., 1994; 2-е изд.: СПб., 2018). Соредактор и составитель сборников «Отдай меня, Воронеж...» Третьи международные мандельштамовские чтения» (с О. Г. Ласунским, О. Е. Макаровой, П. М. Нерлером, В. Г. Перельмутером, М. В. Соколовой и Ю. Л. Фрейдиным; Воронеж, 1995), «Эткиндовские чтения I: Сборник статей по материалам Чтений памяти Е. Г. Эткинда (27–29 июня 2000)» (с П. Л. Вахтиной, Б. А. Кацем и А. А. Долининым; СПб., 2003), «Вторая проза: Сборник статей» (с И. З. Белобровцевой, С. Н. Доценко и Т. В. Цивьян; Таллинн, 2004), «Фольклор, постфольклор, быт, литература: Сборник статей к 60-летию Александра Федоровича Белоусова» (с А. К. Байбуриным, В. В. Головиным и Е. В. Душечкиной; СПб., 2006), «АБ-60: Сборник статей к 60-летию Альберта Кашфулловича Байбурина» (с Н. Б. Вахтиным при участии В. Б. Колосовой и А. М. Пиир; СПб., 2007), «Габриэлиада: К 65-летию Г. Г. Суперфина» (с Н. Г. Охотиным; 2008; <https://www.ruthenia.ru/document/545574.html>), «Laurea Loraе: Сборник памяти Ларисы Георгиевны Степановой» (с Н. Н. Казанским и Ст. Гардзонио; СПб., 2011), «Авангард и остальное: Сборник статей к 75-летию Александра Ефимовича Парниса» (М., 2013). Научный редактор монографий Е. В. Романовой «Массовые самосожжения старообрядцев в России в XVII – XIX веках» (СПб., 2012)

и С. В. Подрезовой «Кричать Христа: Пасхальный тропарь в русской фольклорной традиции» (с И. С. Поповой; СПб., 2021).

E-mail: levinton@eu.spb.ru

Екатерина Эдуардовна Лямина – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы РАН, автор монографии «Бедный Жозеф: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского. Опыт биографии человека 1830-х гг.» (совместно с Н. В. Самовер; М., 1999). Публикатор, переводчик, комментатор мемуаров М. А. Дмитриева «Главы из воспоминаний моей жизни» (совместно с К. Г. Боленко и Т. Ф. Нешумовой; М., 1998), сборника «Аракчеев: Свидетельства современников» (совместно с Е. Е. Давыдовой-Пастернак и А. М. Песковым; М., 2000), тома «Записные книжки великого князя Николая Павловича: 1822–1825» (совместно с О. В. Эдельман; М., 2013) и ряда других источников по истории русской литературы и культуры первой половины XIX в., автор 70 статей, посвященных различным сюжетам этой же научной области.

E-mail: catherine.lyamina@gmail.com

Глеб Алексеевич Морев – независимый исследователь. Выпускник филологического факультета Тартуского университета (1992). Автор книг «Диссиденты: Двадцать разговоров» (М., 2016), «Поэт и Царь: К истории русской культурной мифологии (Мандельштам, Пастернак, Бродский)» (М., 2019; 2-е изд., испр. и доп.: СПб., 2023), «Осип Мандельштам: Фрагменты литературной биографии (1920–1930-е годы)» (М., 2022). Редактор и комментатор «Собрания произведений» Андрея Николева (А. Н. Егунова) (Wien, 1993) и «Дневника 1934 года» М. Кузмина (СПб., 1998; 2-е изд., испр. и доп.: СПб., 2007; 3-е изд., испр. и доп.: СПб., 2011). Сфера научных интересов: русская литература XX века.

E-mail: glebmorev@gmail.com

Геннадий Владимирович Обатнин – доктор философии (PhD), университетский лектор и доцент кафедры современных языков (русский язык и литература) Хельсинкского университета, автор ряда работ по истории русского символизма, а также культуре и политике рубежа XIX–XX вв., частично собранных в книгу «Исправленное и дополненное»: Статьи о русской литературе» (Helsinki, 2022).

E-mail: gennadi.obatnin@helsinki.fi

Александр Львович Осповат – профессор-исследователь Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе (UCLA). Автор книг «Как слово наше отзовется...»: О первом сборнике Ф. И. Тютчева» (М., 1980), «Печальну повесть сохранить...»: Об авторе и читателях “Медного всадника”» (совместно с Р. Д. Тименчиком; М., 1985; 2-е изд.: М., 1987), «Комментарий к книге Астольфа де Кюстина “Россия в 1839 году”» (совместно с В. А. Мильчиной; СПб., 2008), «Стихотворение Тютчева “Огнем свободы пламенея...”»: Комментарий» (совместно с Р. Г. Лейбовым; М., 2022) и многих статей и публикаций по истории русской литературы XIX века.

E-mail: alex.ospovat@gmail.com

Никита Глебович Охотин – историк литературы, независимый исследователь. Автор публикаций по истории русской литературы XIX в. (Жуковский, Батюшков, Вяземский, Пушкин, Баратынский, Загоскин, Лермонтов, Фет и др.), а также по истории политических репрессий в СССР (массовые операции 1937–1938 гг., ГУЛАГ).

E-mail: niglox49@gmail.com

Татьяна Анатольевна Пахарева – доктор филологических наук, профессор кафедры мировой литературы и теории литературы Украинского государственного университета имени Михаила Драгоманова (Киев); автор монографии «Опыт акмеизма (акмеистическая составляющая современной русской поэзии)» (Киев, 2004), учебных пособий для студентов по русской литературе рубежа XIX – XX вв., более 100 статей о творчестве Анны Ахматовой, О. Мандельштама, Н. Гумилева, Ин. Анненского, А. Блока, М. Цветаевой, Л. Киселева, В. Маккавейского, М. Булгакова, Л. Лунца, И. Бродского, Л. Лосева и др. Сфера научных интересов: история и поэтика русской литературы рубежа XIX – XX вв., интертекстуальность, взаимосвязи литературы и кинематографа.

E-mail: paharevata@ukr.net

Фёдор Борисович Поляков – доктор филологических наук (Univ.-Prof. Dr.; диссертации: „Die griechischen Inschriften von Tralleis“, „Simeon Polockij und seine poetische Sammlung Rhythmologion. Ein Beitrag zur Geschichte und Rezeption der slavischen Barockdichtung in der Moskauer höfischen Kultur der zweiten Hälfte des 17. Jahrhunderts (anhand unedierter Überlieferung)“),

профессор Венского университета. Автор более 160 печатных работ. Редактор журнала „Wiener Slavistisches Jahrbuch / Vienna Slavic Yearbook.“ Основатель и главный редактор серии «Русская культура в Европе / Russian Culture in Europe».

E-mail: fedor.poljakov@univie.ac.at

Борис Анатольевич Равдин – независимый исследователь, выпускник Латвийского университета; редактор отдела, соредактор журнала «Даугава» (Рига), директор издания «Рижский альманах». Автор и составитель книг: „Lenins letzte Tage“ (в соавторстве с А. Ю. Ханютиным; Berlin, 1994), «Русская печать в Риге: Из истории газеты “Сегодня” 1930-х годов» (тт. 1–5; в соавторстве с Ю. И. Абызовым и Л. С. Флейшманом; Stanford, 1997), «Балтийско-русский сборник» (кн. I–II; в соавторстве с Л. С. Флейшманом; Stanford, 2004, 2007), «На подмостках войны: Русская культурная жизнь Латвии времен нацистской оккупации (1941–1944)» (Stanford, 2005); “Rīgas gaišreģis Eižens Finks” (в соавторстве с Сильвией Апине; Rīga, 1994–1995, 2002), “Rīgas izredzētais Eižens Finks” (в соавторстве с Сильвией Апине; Rīga, 2016), «Архиепископ Рижский и всея Латвии Иоанн (Поммер) (1876–1934) в фотографиях, рисунках и кинокадрах 1921–1934 гг.: Каталог выставки» (в соавторстве с Д. И. Трубецким; Рига, 2021), автор более 150 статей.

E-mail: ravdin@mailbox.online.lv

Марина Григорьевна Сальман – независимый исследователь. Область научных интересов – О. Э. Мандельштам, русские формалисты. Публиковалась в журналах «Вопросы литературы», «Русская литература», «Филологические записки», “Russian Literature”, „Slavica Revalensia“, „Wiener Slavistisches Jahrbuch“, а также в научных сборниках.

E-mail: fontonro@yandex.ru

Александр Львович Соболев – библиограф, историк литературы. Независимый исследователь. Автор аннотированных росписей журналов «Перевал» (М., 1997), «Весы» (М., 2003), «Весна» (М., 2012); монографий «Автограф Пушкина» (М., 1998), «Летейская библиотека» (Т. 1–2; М., 2013), «Тургенев и тигры» (М., 2017); антологии «Венеция в русской поэзии: 1888–1972» (совместно с Р. Д. Тименчиком; М., 2019). Подготовил издание: «Михаил Гершензон, Мария Гершензон: Переписка. 1895–1924» (М., 2018).

Автор романов «Грифоны охраняют лиру» (СПб., 2020) и «Тень за правым плечом» (СПб., 2022). Научные интересы: русская литература XIX – начала XX вв.

E-mail: trirodov@gmail.com

Роман Давидович Тименчик – кандидат филологических наук, professor emeritus Еврейского университета в Иерусалиме. Выпускник Латвийского университета; защищал диссертацию «Художественные принципы предреволюционной поэзии А. А. Ахматовой» (Тарту, 1982). Автор книг «“Печальную повесть сохранить...”: Об авторе и читателях “Медного всадника”» (совместно с А. Л. Осповатом; М., 1985; 2-е изд.: М., 1987), «Анна Ахматова и музыка: Исследовательские очерки» (совместно с Б. А. Кацем; Л., 1989), «Анна Ахматова в 1960-е годы» (М.; Toronto, 2008; 2-е изд.: «Последний поэт: Анна Ахматова в 1960-е годы». Т. 1–2. М.; Иерусалим, 2014), «Что вдруг: Статьи о русской литературе прошлого века» (М.; Иерусалим, 2008), «Ангелы. Люди. Вещи: В ореоле стихов и друзей» (М.; Иерусалим, 2015), «Подземные классики: Иннокентий Анненский. Николай Гумилев» (М.; Иерусалим, 2017), «История культа Гумилева» (М., 2018), «Венеция в русской поэзии: 1888–1972. Опыт антологии» (совместно с А. Л. Соболевым; М., 2019) и более 400 статей по истории русской культуры начала XX века.

E-mail: suzirom@gmail.com

Андрей Борисович Устинов – доктор философии (PhD), историк литературы. Главный редактор издательства «Аквилон» (“Aquilon Books”).

E-mail: abooks@gmail.com

Сергей Дмитриевич Халтурин – докторант Тартуского университета (диссертация: «Сцены из народного быта» в России эпохи Великих реформ: Институты, авторы, контекст»).

E-mail: sergei.khalturin@ut.ee

АВТОРАМ БУДУЩИХ ВЫПУСКОВ

„Slavica Revalensia” печатает ранее не публиковавшиеся исследования и материалы, затрагивающие весь спектр славистической проблематики; решение о публикации поступивших в редакцию рукописей принимается по результатам двойного анонимного рецензирования (double-blind peer review); поиски рецензентов и утверждение рукописей к печати осуществляются редакционной коллегией.

Рукописи статей не должны превышать 2 п. л. (80000 печатных знаков); печатаются работы по-русски и по-английски; к рассмотрению принимаются рукописи, оформленные в соответствии с рекомендациями б. Института славянских языков и культур к правилам оформления, действующим в издательстве Таллиннского университета.

Рукописи статей принимаются ежегодно к 1 марта по адресу –

utgof@tlu.ee

– или:

Dr. Grigori Utgof
Tallinna Ülikool
Narva mnt 29, S-331
10120 Tallinn
Eesti / Estonia

Общие рекомендации к оформлению рукописей

Статьи и заметки, печатаемые в „Slavica Revalensia”, структурируются двухчастно: собственно авторский текст (с подстрочными примечаниями) и «Библиография» (после текста). Знаки сноски в тексте статьи представляются в надстрочном индексе (вручную или в режиме “Footnote”).

В библиографическом описании сокращения сводятся к минимуму (за исключением 2-х, 3-х, 4-х и т. д., *вып.* (*выпуск, выпуски*), *избр.* (*избранное, избранные*), *кн.* (*книга, книги*), *№* (*номер, номера*), *отв.* (*ответственный, ответственные*), *пер.* (*перевел, перевела, перевод, переводы*), *полн.* (*полная, полное, полный*), *ред.* (*редактор, редакцией*), *С.* (*страница, страницы*), *собр.* (*собрание*), *сост.* (*составители, составитель, составление*), *соч.* (*сочинений*,

сочинения), *ст.* (статья), *Т.* (том) и *тт.* (томах), а также *Л.* (Ленинград), *М.* (Москва), *Пг.* (Петроград) и *СПб.* (С.-Петербург) в русском тексте и *Ed.* (*edited, editor*), *No* (*number*), *Nos* (*numbers*), *P.* (*page, pages*), *Vol.* (*volume*), а также *Cambridge, Mass.* в тексте английском; на других языках сокращения делаются по аналогии).

Пример 1

Пушкин А. С. 1948. Медный всадник: Петербургская повесть. – Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16-ти тт. Т. 5: Поэмы: 1825–1833. [М.; Л.]: Издательство Академии наук СССР. С. 131–150.

Пример 2

Emerson, C. 1994. Переводимость. – *Slavic and East European Journal*. Vol. 38. No. 1. P. 84–89.

В авторском тексте ссылки на источники даются в скобках; ср. пример оформления ссылки на «Медный всадник» –

(Пушкин 1948, 5: 131–150)

– и на статью Кэрил Эмерсон:

(Emerson 1994: 84–89)

Перечень источников в разделе «Библиография» структурируется а) по алфавиту и б) по хронологии:

Эйхенбаум Б. 1922. Мелодика русского лирического стиха. Петербург: ОПОЯЗ.

Эйхенбаум Б. М. 1924а. Как сделана «Шинель» Гоголя. – Эйхенбаум Б. М. Сквозь литературу: Сборник статей. Л.: „Academia“. С. 171–195.

Эйхенбаум Б. М. 1924б. Проблемы поэтики Пушкина. – Эйхенбаум Б. М. Сквозь литературу: Сборник статей. Л.: „Academia“. С. 157–170.

Эйхенбаум Б. М. 1927. Проблемы кино-стилистики. – Поэтика кино / Под ред. Б. М. Эйхенбаума, с предисловием К. Шутко. М.; Л.: Кинопечать. С. 13–52.

Уточнения к порядку референции, цитации и оформления библиографического описания

а) Ссылки на источник даются в статье в круглых скобках, а в примечаниях ссылка в скобки не заключается.

Ср. в тексте статьи:

Так, например, в работе К. Ф. Тарановского «Стихосложение Осипа Мандельштама» (Тарановский 1962: 97–123) отмечалось, что...

Ср. в примечаниях к тексту статьи:

^п Об особенностях ритмики мандельштамовского Х5 см.: Тарановский 1962: 110–111.

Ср. в библиографии:

Тарановский К. 1962. Стихосложение Осипа Мандельштама (С 1908 по 1925 год). – International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. Vol. 5. 's-Gravenhage: Mouton & Co. P. 97–123.

Если в тексте примечаний есть цитата, то в этом случае ссылка на источник дается по тем же правилам, что и в основном тексте статьи – в круглых скобках.

б) Ссылка на иноязычный источник оформляется по тем же правилам, что и ссылка на русский источник (за единственным расхождением: в библиографическом описании иноязычного текста после фамилии автора ставится запятая).

Ср. в тексте статьи:

...и восходят к положениям знаменитой статьи Р. О. Якобсона 1960 г. (Jakobson 1960: 350–377; см. также: Jakobson 1981: 18–51; ср.: Якобсон 1975: 193–230), в которой...

Ср. в библиографии:

Jakobson, R. 1960. Closing Statement: Linguistics and Poetics. – Style in Language / Ed. by Thomas A. Sebeok. Cambridge, Mass.; New York; London: The Technology Press of Massachusetts Institute of Technology; John Wiley & Sons, Inc. P. 350–377.

Jakobson, R. 1981. *Linguistics and Poetics*. – Jakobson, R. *Selected Writings*. Vol. III: *Poetry of Grammar and Grammar of Poetry* / Ed., with a preface, by Stephen Rudy. The Hague; Paris; New York: Mouton. P. 18–51.

Якобсон Р. 1975. Лингвистика и поэтика. – Структурализм: „За“ и „против“: Сборник статей: Пер. с английского, французского, немецкого, чешского, польского и болгарского языков / Под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова. М.: Издательство «Прогресс». С. 192–230.

с) Если в исходном тексте есть фрагменты, которые выделены курсивом и/или разбивкой, эта черта источника сохраняется при цитации.

Ср. в тексте статьи:

...а также в следующем фрагменте:

And that obscurely corrupted soldier dit of singular genius

Nadezhda, I shall then be back

When the true batch outboys the riot . . .

and Turgenev's only memorable lyrical poem beginning

Morning so nebulous, morning gray-drawing,

Reaped fields so sorrowful under snow-coverings

and naturally the celebrated pseudo-gipsy guitar piece by Apollon Grigoriev (another friend of Uncle Ivan's)

O you, at least, do talk to me,

My seven-string companion,

Such yearning ache invades my soul,

Such moonlight fills the canyon!

"I declare we are satiated with moonlight and strawberry soufflé—the latter, I fear, has not quite 'risen' to the occasion," remarked Ada in her archest, Austen-maidenish manner (Nabokov 1969: 437).

Ср. в библиографии:

Nabokov, V. 1969. *Ada or Ardor: A Family Chronicle*. New York; Toronto: McGraw-Hill Book Company.